

Jack Vance

THE DYING EARTH

ULTRA PRESS

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

Зал славы зарубежной фантастики

Д. Вансе

Д.ВЕНС

ДЖЕК ВЕНС

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

ДЖЕК ВЕНС

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

J. VANS

THE DYING EARTH

Зал славы зарубежной фантастики

Джек Вэнс

УМИРАЮЩАЯ

THE DYING

Перевод с английского

ЗЕМЛЯ
EARTH

Д. Уатс

Київ
"Альтерпрес"
1995

ББК 84.7 США
В35

Редакційна колегія серії:
П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

Яркая, красочная фантастика популярного американского писателя Джека Венса представлена в этом сборнике романами "Умирающая Земля", "Машина смерти", "Глаза Верхнего мира" и "Большая планета".

Венс Джек
В35 Помираюча Земля: Романи.Пер. з англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1995. — 638с.: іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-4761-7

Яскраву, різнобарвну фантастику популярного американського письменника Джека Венса представлено в цій збірці романами "Помираюча Земля", "Машина смерті", "Очі Верхнього світу" та "Велика планета".

Ж $\frac{4703040100\text{-}03}{95}$ без оголош. ББК 84.7США

ISBN 5-7707-4761-7

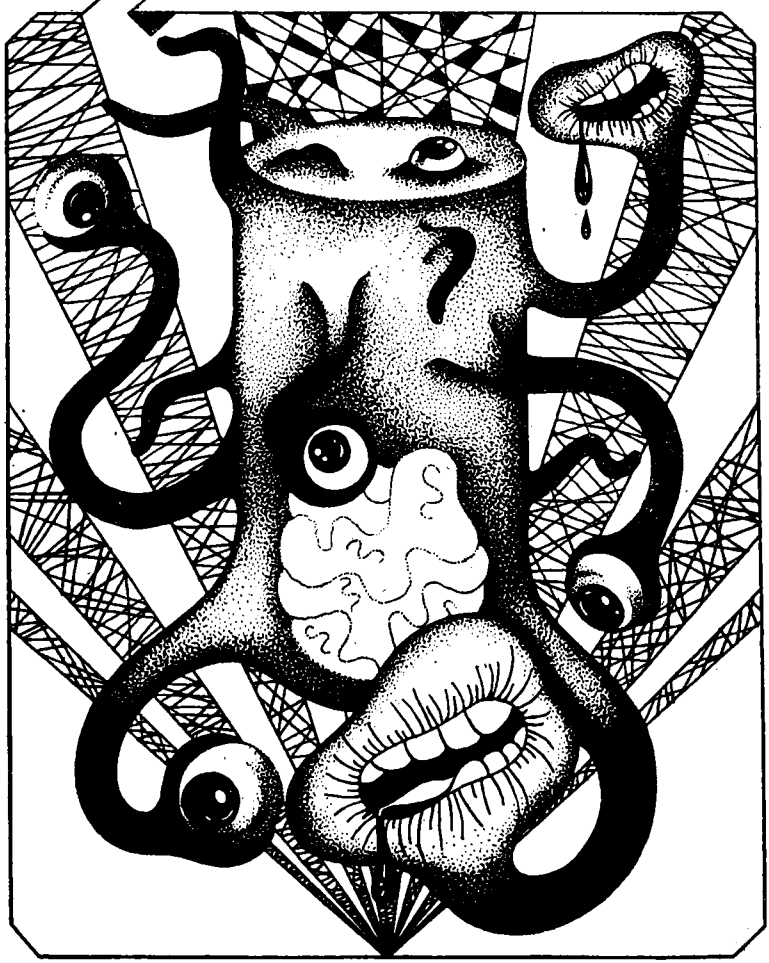
© Упорядкування, художнє оформлення, емблема і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1995
© Супер-обкладинка. Н. Ширяєва, 1995

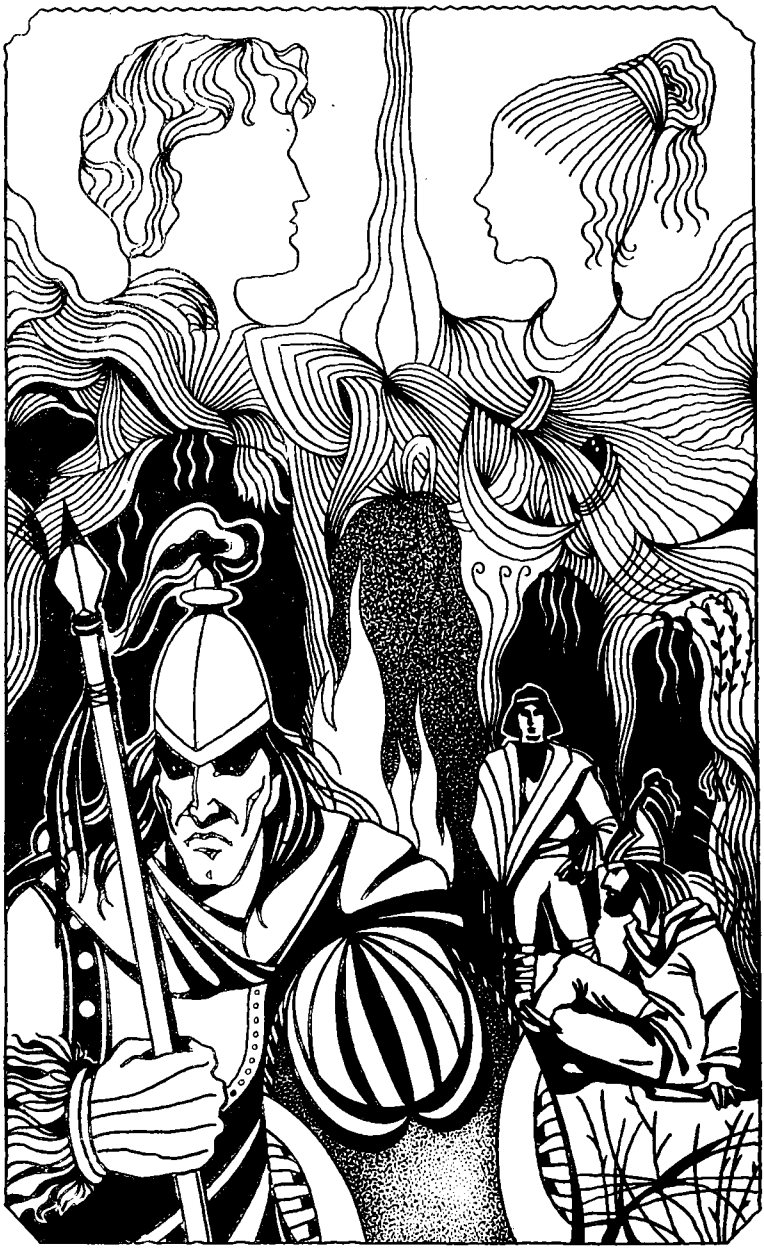
УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

The Dying Earth

New York

1950

ТУРЖАН МИИРСКИЙ

Туржан сидел в своей мастерской, вытянув ноги, прижавшись спиной и опираясь локтями на скамью. Перед ним стояла клетка; Туржан с раздражением смотрел на нее. Существо в клетке отвечало ему взглядом, значение которого понять было невозможно.

Жалкое существо — с большой головой на маленьком тщедушном тельце, со слабыми слезящимися глазами и отвислым дряблым носом. Слюнявый рот расслабленно кривился, кожа блестела розоватым воском. Несмотря на свое явное несовершенство, это был наиболее успешный продукт чанов Туржана.

Туржан встал, отыскал чашку с кашицей. Длинной ложкой поднес кашицу ко рту существа. Но тварь не приняла пищу, и кашица потекла по ее рахитичной груди.

Туржан поставил чашку, медленно отошел от клетки и вернулся на прежнее место. Целую неделю тварь отказывается есть. Неужели под ее идиотской внешностью скрывается ясное понимание ситуации и воля к самоуничтожению? И тут Туржан увидел: бело-голубые глаза закрылись, большая голова существа повисла и ударилась о пол клетки. Наступила смерть.

Туржан вздохнул и вышел из комнаты, поднялся по извилистой каменной лестнице на крышу своего замка Миир, высоко над рекой Дерной. Солнце висело низко над землей; рубиновые лучи его, тяжелые и густые, как вино,

искоса освещали узловатые стволы деревьев древнего леса и ложились на покрытую дерном лесную почву. На лес быстро опускалась мягкая теплая тьма, а Туржан все стоял, размышляя о смерти своего последнего создания.

Он вспомнил многих его предшественников: существо, целиком состоящее из глаз; бескостную тварь с пульсирующей поверхностью обнаженного мозга; прекрасное женское тело, внутренности которого тянулись в питательный раствор, как ищущие корни; существо, вывернутое наизнанку... Туржан мрачно вздохнул. Его методы приводят к неудачам; его синтезу не хватает фундаментальности — главной матрицы, собирающей компоненты в единое целое.

И вот, сидя так и глядя на темнеющую землю, он вспомнил ту давнюю ночь, когда рядом с ним был Сейдж.

— В прошедших веках, — говорил Сейдж, глядя на низкую звезду, — колдунам были известны тысячи заклинаний, и волшебники осуществляли при их помощи свою волю. Сегодня, когда Земля умирает, людям осталась лишь какая-нибудь сотня заклинаний, да и те дошли до нас благодаря древним книгам... Но есть некто, по имени Панделум, который помнит все заклинания, все чары, все магические формулы, все руны, все то древнее волшебство и чародейство, которое когда-либо разрывало и формировало пространство... — И он замолчал, погрузившись в свои мысли.

— А где он,этот Панделум? — немного погодя спросил Туржан.

— Колдун живет в Эмбелионе, — ответил Сейдж, — но никто не знает, где находится эта местность.

— Как же тогда найти Панделума?

Сейдж еле заметно улыбнулся.

— В случае необходимости можно воспользоваться специальным заклинанием.

Оба помолчали, затем Сейдж снова заговорил, глядя на лес:

— Панделума можно расспросить обо всем, и Панделум ответит — если спрашивающий отслужит ему определенную службу. Только легких заданий у этого колдуна не бывает.

И Сейдж показал Туржану заклинание, которое нашел в древней папке с документами и хранил до сих пор в тайне от всего мира.

Вспомнив этот разговор, Туржан спустился в свой кабинет, длинный сводчатый зал с каменным полом, покрытым толстым красновато-коричневым ковром. Фолианты, заключавшие колдовство Туржана, лежали на длинном, черной стали, столе или в беспорядке были рассованы по полкам. Здесь были тома, собранные многими колдунами прошлого, неряшливые фолианты, оставленные Сейджем, переплетенные в кожу книги, содержащие сотни мощных заклинаний, большей частью настолько сложных, что Туржан мог держать одновременно в памяти не более четырех.

Туржан отыскал пыльную папку и, перелистывая страницы, отыскал указанное Сейджем заклинание — Призыв Неистового Облака. Он смотрел на буквы: в них горела могучая сила, рвавшаяся со страниц, будто стремясь покинуть темное одиночество книги.

Туржан закрыл папку, отправляя заклинание обратно в забвение. Он надел короткий синий плащ, подвесил к поясу меч и прикрепил к запястью амулет с рунами Лаккоделя. Потом выбрал заклинания, которые хотел захватить с собой. Он не знал, какие опасности могут его поджидать, поэтому остановил свое внимание на трех заговорах наиболее общего применения: Великолепном Призматическом Разбрызгивателе, Воровской Мантии Фандаала и на Заговоре Медленного Часа.

Он взобрался на стену своего замка и постоял под высокими звездами, вдыхая воздух древней Земли... Сколько поколений людей вдыхали этот воздух до него? Какие стоны боли пронизывали этот воздух, какие признания, смех, воинственные выкрики, вздохи...

Ночь подходила к концу. В лесу блуждал голубой огонек. Туржан смотрел на него несколько мгновений, потом распрямился и произнес Призыв Неистового Облака.

Тишина; затем шепот какого-то движения, переходящий в рев сильного ветра. Из ниоткуда выплыло белое облако и прилипло к столбу кипящего черного дыма. И из этого завихрения раздался глубокий низкий голос:

— Инструмент в твоей беспокойной власти; куда ты хочешь отправиться?

— Четыре направления, затем одно, — сказал Туржан. — Я должен быть живым доставлен в Эмбелион.

Облако завертелось, подхватило его и понесло, вращая, вверх и вдаль. Он летел в четырех направлениях, затем в одном, наконец сильный удар выбросил Туржана из облака в далеком Эмбелионе.

Туржан встал, покачиваясь, слегка оглушенный. Постепенно пришел в себя и огляделся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Под ногами росли синие цветы, а вдали виднелась роща сине-зеленых деревьев. Высоко в тумане шелестела их листва. На Земле ли находился Эмбелион? Деревья были похожи на земные, цветы знакомой формы, воздух такой же, как на Земле... Но чего-то важного не хватало. Возможно, дело в нечеткой линии горизонта, или в воздухе, непостоянном и блестящем, как вода? Самым странным, однако, было покрытое рябью небо, в котором отражались тысячи разноцветных световых столбов, которые свивались в небе в необыкновенные кружева, в драгоценную сеть. Пока Туржан смотрел, над ним пронеслись лучи золотистого, топазового, фиолетового и ярко-зеленого цвета. Теперь он видел, что цветы и деревья лишь отражали краски неба, изменив свой цвет на оранжево-розовый и пурпурный. Потом цветы приобрели оттенок красной меди и через малиновый и темно-бордовый цвета перешли к алому, а деревья стали цвета спокойного моря.

— Неизвестная Земля, — сказал самому себе Туржан. — Нахожусь ли я в прошлом или в будущем? — Он взглянул на горизонт, и ему показалось, что это черный занавес, уходящий высоко во тьму со всех четырех сторон.

Послышался топот копыт; Туржан обернулся и увидел большую черную лошадь, летящую по берегу пруда. На лошади сидела молодая женщина с распущенными черными волосами. На ней были свободные белые брюки до колен и развевающийся желтый плащ. Одной рукой она сжимала узду, другой размахивала мечом.

Туржан осторожно отступил, увидев, что рот женщины гневно сжат, а в глазах ее горит необыкновенная ярость.

Женщина натянула поводья, подняв лошадь на дыбы, и набросилась на Туржана, пытаясь ударить его мечом.

Туржан отпрыгнул и извлек собственное оружие. Когда всадница снова напала, он отразил удар и коснулся лезвием ее руки. Показалась кровь. Она удивленно отпрянула, сняла с седла лук и наложила на тетиву стрелу. Туржан прыгнул вперед, увернулся от ее меча, схватил ее за талию и стащил на землю.

Женщина яростно сопротивлялась, и Туржан боролся с ней не самым благородным образом. Наконец он заломил ей руки за спину и прошипел, переводя дыхание:

— Тише, ведьма, или я потеряю терпение и ударю тебя.

— Поступай как хочешь, — выдохнула женщина. — Жизнь и смерть — родные сестры.

— Почему ты напала на меня? — спросил Туржан. — Я ничем не оскорбил тебя.

— Ты зло, как и все в этом мире! — Гнев сжал ее горло. — Будь моя власть, я уничтожила бы эту вселенную, погрузила бы ее в полную тьму.

От удивления Туржан ослабил хватку, и пленница чуть не вырвалась. Но он схватил ее снова.

— Скажи, где я могу найти Панделума?

Девушка перестала вырываться, повернула голову и взглянула на Туржана.

— Обыщи весь Эмбелион. Я не стану тебе помогать! — с вызовом сказала она.

Будь она более дружелюбной, подумал Туржан, ее можно было бы счесть очень красивой.

— Где мне найти Панделума? — повторил Туржан, — или я использую тебя по-другому.

Женщина молчала, в глазах ее горело безумие. Потом дрожащим голосом она ответила:

— Панделум живет у ручья в нескольких шагах отсюда.

Туржан освободил ее, предусмотрительно забрав ее меч и лук.

— Если я верну тебе оружие, ты пойдешь своей дорогой с миром?

Она некоторое время смотрела на него; потом, ни слова не говоря, села на лошадь и скрылась среди деревьев.

Туржан с минуту смотрел, как она исчезает в разноцветных столбах света, потом пошел в указанном направлении. Вскоре он оказался перед длинным каменным домом, стоящим посреди парка. Когда он подошел, дверь открылась. Туржан застыл.

— Входи! — послышался голос. — Входи, Туржан Мирский!

Переступив порог, удивленный Туржан оказался в увешанной коврами комнате. Мебели в ней не было никакой, кроме небольшого дивана. Никто не вышел навстречу. В противоположной стене виднелась закрытая дверь, и Туржан направился было к ней.

— Стой, Туржан, — вновь послышался голос. — Никто не должен смотреть на Панделума. Таков закон.

Туржан, стоя посреди комнаты, обратился к невидимому хозяину.

— Вот мое дело, Панделум, — сказал он. — Уже давно я пытаюсь создать в своих чанах человека. Но каждый раз — неудача за неудачей. Мне не известно средство, которое может создать из всех компонентов единое целое. Тебе должна быть известна эта главная матрица, и я пришел к тебе за указаниями.

— Охотно помогу тебе, — сказал Панделум. — Но у этого дела есть и другая сторона. Вселенная организована благодаря симметрии и равновесию; каждый аспект существования имеет свою противоположность. Следовательно, даже в самых обычных наших делах должно соблюдаться равновесие. Я согласен помочь тебе, но и ты, в свою очередь, должен оказать мне равноценную услугу. Когда выполнишь мое небольшое задание, я научу тебя, как изготовить человека.

— В чем же будет заключаться моя услуга? — спросил Туржан.

— В земле Асколайс, недалеко от твоего замка Мир, живет человек. На шее он носит амулет из резного голубого камня. Ты должен принести этот амулет мне.

Туржан ненадолго задумался.

— Хорошо. Сделаю, что смогу. А кто этот человек?

Панделум негромко ответил:

— Принц Кандайв Золотой.

— Э... — уныло протянул Туржан, — ты выбрал для меня не самую приятную задачу... Но я все же постараюсь выполнить твою просьбу.

— Хорошо, — ответил Панделум. — Теперь я должен проинструктировать тебя. Кандайв носит амулет под рубашкой. Когда появляется враг, принц достает его и держит на виду — это могучее оружие. Ни в коем случае не смотри на него, ни прежде, ни после того, как возьмешь, иначе последствия будут для тебя самыми печальными.

— Понял, — сказал Туржан. — А теперь я хотел бы задать вопрос — конечно, если в качестве платы за ответ мне не придется возвращать на небо Луну или выпаривать из океана случайно пролитый туда эликсир.

Панделум громко рассмеялся.

— Спрашивай, — сказал он, — и я отвечу.

Туржан задал вопрос.

— Когда я приближался к твоему жилищу, какая-то женщина в безумной ярости пыталась меня убить. Я не допустил этого, и она ушла в гневе. Кто эта женщина и почему она такая?

Голос Панделума стал довольным.

— У меня тоже есть чаны, — сказал он, — в которых я создаю различные формы жизни. Эту девушку — Т'саис — создал я, но отвлекся и допустил в процессе синтеза ошибку. Она вышла из чана со странным извращением в мозгу: все, что мы считаем прекрасным, кажется ей отвратительным и уродливым, а то, что нам кажется уродливым, для нее настолько невыносимо, что ни ты, ни я не способны этого понять. Для нее мир ужасен, а люди злобны и гнусны.

— Так вот каков ответ, — пробормотал Туржан. — Бедняга!

— А теперь, — сказал Панделум, — ты должен отправляться в Кайн; предзнаменования благоприятны... Открой эту дверь, войди и встань на руны, начертанные на полу.

Туржан выполнил указания. Следующая комната оказалась круглой, с высоким куполообразным потолком, через расположенные наверху окна просачивалось многоцветие эмбелионского неба. Когда он встал на рисунок рун, Панделум снова заговорил:

— Теперь закрой глаза, потому что я должен войти и коснуться тебя. Закрой плотно, не пытайся подглядывать!

Туржан закрыл глаза. Вскоре он услышал за собой шаги.

— Вытяни руку, — послышался голос. Туржан послушался и почувствовал в своей руке какой-то твердый предмет. — Когда выполнишь поручение, нажми на этот кристалл, и сразу вернешься ко мне. — Холодная рука легла на его плечо.

— Через мгновение ты уснешь, — сказал Панделум. — И проснешься в городе Кайн.

Руку убрали. Вокруг Туржана все потускнело. Он ждал. Воздух вокруг него наполнился звуками: лязгом, звоном множества маленьких колокольчиков, музыкой, голосами. Туржан нахмурился, сжал губы: странная суматоха для дома Панделума.

Рядом послышался женский голос:

— Взгляни, Сантанил, это человек-сова: мы веселимся, а он жмурит глаза!

Мужчина рассмеялся, потом неожиданно умолк.

— Идем. Этот парень лишился близких, он, может быть, вне себя. Идем.

Туржан осторожно открыл глаза. Ночь в белостенном Кайне, праздничная ночь. Оранжевые фонари плыли в воздухе по воле ветра. С балконов свисали цветочные гирлянды и клетки со светлячками. Улицы были полны подвыпившими людьми в пестрых костюмах самых разнообразных фасонов. Тут были и мелантинский моряк, и воин Валдаранского Зеленого легиона, и какой-то чудак, напяливший старинный шлем. На маленькой площадке украшенная цветами куртизанка с Каучикского побережья танцевала под музыку флейты танец Четырнадцати Шелковых Лап. В тени балкона юная варварка обнимала черного, как лесной дух, человка в кожаной куртке с перевязью. Они были веселы, эти люди умирающей Земли, лихорадочно веселы, потому что близилась бесконечная ночь, которая наступит, как только прощально мигнет и почернеет дряхлое красное солнце этой планеты.

Туржан смешался с толпой. В таверне он подкрепился печеньем с вином, потом направился во дворец Кандайва Золотого.

Дворец возвышался перед ним, все его окна и балконы были освещены — лорды города тоже пировали и веселились. "Если принц Кандайв полон вином и неосторожен, — подумал Туржан, — это сделает мою задачу не слишком трудной. Но меня могут узнать: в Кайне многие меня знают." Поэтому он соткал из заклинания Воровскую Мантию Фандаала и исчез с глаз людей.

Через аркаду он проскользнул в большой салон, где лорды Кайна веселились так же безудержно, как и толпы на улицах. Туржан шел по радуге из шелка, велюра, сатина и с интересом смотрел по сторонам. На террасе толпа зрителей глазела, как в бассейне плещется пара ручных деодандов с кожей, как намасленный агат. Другие бросали дротики в распятое на стене тело молодой ведьмы с Кобальтовых гор. В альковах украшенные цветами девушки дарили любовь сопящим старикам, и повсюду лежали вялые тела одурманенных сонным порошком. Но принца Кандайва нигде не было. Туржан осмотрел дворец, комнату за комнатой, пока наконец в последней не увидел высокого золотобородого принца, лежавшего на кушетке с зеленоглазой девушкой-ребенком в маске, с окрашенными светло-зеленой краской волосами.

Интуиция или колдовство предупредили Кандайва, и когда Туржан скользнул в комнату сквозь пурпурный занавес, Кандайв вскочил на ноги.

— Иди! — приказал он девушке. — Быстро из комнаты! Где-то поблизости беда, и я должен уничтожить ее магией!

Девушка торопливо выбежала. Кандайв поднес руку к шее и извлек амулет. Но Туржан заслонил рукой глаза.

Кандайв произнес мощное заклинание, прекращавшее в ограниченном пространстве действие любого волшебства. Мантия Туржана перестала действовать, и он стал видимым.

— Туржан Миирский воровски пробрался в мой дворец! — с недоброй усмешкой сказал Кандайв.

— Я принес тебе на своих губах смерть, — заговорил Туржан. — Повернись спиной, Кандайв, или я произнесу заклятие и проткну тебя своим мечом!

Кандайв сделал вид, что повинуется, но неожиданно произнес заклятие, окружившее его Всемогущей Сферой.

— Сейчас я вызову охрану, Туржан, — презрительно захохотал он, — и тебя бросят в бассейн к деодандам.

Кандайв не знал, что лента на запястье Туржана исписана могучими рунами, уничтожающими всякое колдовство. Все еще защищаясь от амулета рукой, Туржан прошел сквозь Сферу. Кандайв от неожиданности прикусил язык.

— Зови охрану, — спокойно сказал ему Туржан. — Она найдет здесь продырявленное тело.

— Твое тело, Туржан! — воскликнул Кандайв и произнес новое заклинание. И тут же со всех сторон в Туржана ударили огненные струи Великолепного Призматического Разбрызгивателя. Кандайв с волчьей усмешкой следил за этим яростным ливнем, но она быстро сменилась гримасой ужаса. На расстоянии дюйма от кожи Туржана стрелы огня превращались тысячи дымных облачков.

— Повернись спиной, Кандайв, — приказал Туржан. — Твое волшебство бессильно против рун Лаккоделя.

Но Кандайв сделал шаг к скрытой в стене пружине.

— Стой! — воскликнул Туржан. — Еще один шаг, и мой Разбрызгиватель разорвет тебя на тысячи кусков!

Кандайв сразу остановился. В бессильном гневе он повернулся спиной к Туржану, и тот протянул руку и сорвал с шеи принца амулет. Амулет, казалось, пополз по его руке, сквозь пальцы просвечивалось что-то голубое. Мозг Туржана затуманился, на мгновение он услышал множество жадных голосов... Потом зрение его прояснилось. Он попятился от принца, засовывая амулет в сумку. Кандайв спросил:

— Могу я теперь обернуться?

— Когда хочешь, — ответил Туржан, закрывая сумку. Кандайв, видя, что Туржан отвлекся, незаметно подошел к стене и положил руку на пружину.

— Туржан, — сказал он, — ты проиграл. Прежде чем ты произнесешь хотя бы звук, я открою люк в полу и ты упадешь в глубокий колодец. Спасут ли тебя тогда твои заклинания?

Туржан застыл, не отрывая взгляд от красно-золотого лица Кандайва. Потом глуповато опустил глаза.

— Ах, Кандайв, — в беспокойстве сказал он, — ты перехитрил меня. Если я верну амулет, ты меня отпустишь?

— Брось амулет к моим ногам, — издевательски сказал Кандайв. — И сними с запястья руны Лаккоделя. Тогда я подумаю, проявить ли к тебе милосердие.

— Снять руны? — Туржан заставил себя говорить жалобно.

— Руны или жизнь!

Туржан сунул руку в сумку и схватил кристалл, который дал ему Панделум. Он вытащил кристалл и поднес его к рукояти своего меча.

— Нет, Кандайв, — сказал он. — Я раскрыл твою хитрость. Ты хочешь испугать меня и заставить сдаться. Я отказываю тебе!

Кандайв пожал плечами.

— Тогда умри, — и нажал пружину. Пол разошелся, и Туржан исчез в пропасти. Но когда Кандайв сбежал вниз, чтобы посмотреть на тело Туржана, он ничего не нашел и остаток ночи провел в дурном расположении духа, мрачно размышляя над стаканом вина.

... Туржан вновь оказался в круглой комнате дома Панделума. На его плечи сквозь высокие окна падали многоцветные лучи с неба Эмбелиона — сапфирово-синий, желтый, кроваво-красный. В доме было тихо. Туржан сошел с изображения руны на полу, беспокойно посматривая на дверь: как бы Панделум, не знающий о его появлении, не вошел в комнату.

— Панделум! — позвал он. — Я вернулся!

Ответа не было. В доме сохранялась глубокая тишина. Туржан хотел бы оказаться на открытом воздухе, где не так сильно пахнет колдовством. Он посмотрел на двери: одна вела к выходу, другая — он не знал куда. Дверь справа должна вести к выходу. Он положил руку на затвор, чтобы открыть ее. Но остановился. А если он ошибется и увидит Панделума? Не лучше ли подождать здесь?

Тут он нашел решение. Стоя спиной к двери, он распахнул ее.

— Панделум! — позвал он.

Сзади послышался негромкий прерывистый звук, как будто затрудненное дыхание. Неожиданно испугав-

шись, Туржан вернулся в круглую комнату и закрыл дверь.

Он решил набраться терпения и сел на пол.

Из соседней комнаты послышался крик.

— Туржан, ты здесь?

Туржан вскочил на ноги.

— Да, я вернулся с амулетом.

— Быстро, — задыхаясь произнес голос, — зажмурься, повесь амулет себе на шею и войди.

Туржан, подгоняемый нетерпением, звучавшим в голосе, закрыл глаза и повесил амулет себе на грудь. Нащупав дверь, он распахнул ее.

На мгновение воцарилась полная тишина, затем — ужасный вопль, дикий и злобный. Могучие крылья ударили по воздуху, послышался свист и скрежет металла. Среди дикого рева волна холодного воздуха ударила в лицо Туржану. Еще свист — и все затихло.

— Благодарю тебя, — послышался спокойный голос Панделума. — Редко мне приходилось испытывать такое напряжение, а без твоей помощи мне не удалось бы прогнать это адское создание.

Рука сняла амулет с шеи Туржана. Через несколько мгновений молчания снова прозвучал отдаленный голос Панделума:

— Можешь открыть глаза.

Туржан послушался. Он находился в магической лаборатории Панделума. Среди прочего оборудования там стояли и чаны, такие же, как и у него.

— Не стану благодарить тебя, — сказал Панделум. — Но чтобы сохранить симметрию, я тоже сослужу тебе службу. Я не только научу тебя правильно работать с чанами, но и покажу многое другое.

Так Туржан стал учеником Панделума. Весь день и большую часть многоцветной эмбелионской ночи работал он под невидимым руководством Панделума. Он познал тайну возвращения молодости, множество древних заговоров и странное абстрактное учение, которое Панделум называл математикой.

— В этом инструменте, — говорил Панделум, — заключена вся Вселенная. Сам по себе он пассивен и не принадлежит к колдовству, но способен разъяснить лю-

бую проблему, любую фазу бытия, все тайны времени и пространства. Твои заговоры и руны основаны и закодированы в соответствии с великой мозаикой магии. Мы не можем осознать рисунок этой мозаики; наши знания дидактические, эмпирические и случайные. Великий маг Фандаал глубже других проник в этот рисунок и потому смог сформулировать множество заклинаний, которые носят теперь его имя. Я много веков прилагал усилия, чтобы расшифровать эту мозаику, но пока мне это не удалось. Тот, кто расшифрует ее, постигнет и всю магию. Он станет магом, могущество которого непредставимо.

Туржан продолжал свои занятия и постиг много простейших уравнений.

— Я нахожу в них удивительную красоту, — сказал он Панделуму. — Математика не наука, это искусство! Уравнения распадаются на элементы, расположенные в точной симметрии, многосложной, но всегда кристально ясной.

Но большую часть времени Туржан проводил у чанов и под руководством Панделума добился мастерства, которого искал. Чтобы разнообразить свой досуг, он создал девушку экзотической внешности, которую назвал Флориелла. В его память запали волосы девочки, которую он видел ночью у Кандайва, и он дал своему созданию светло-зеленые волосы. Кожа у нее была кремового цвета, а глаза большие и зеленые. Туржан испытал большую радость, когда она, влажная и совершенная, вышла из чана. Она быстро обучалась и скоро уже умела разговаривать с Туржаном. Характер у нее был задумчивый и мечтательный, она ни о чем не заботилась, а бродила по лугам или молча сидела у реки. Но Флориелла была приятной девушкой, и ее мягкие манеры забавляли Туржана.

Но однажды из леса выехала на лошади Т'саис со стальными глазами, срубывая мечом головки цветов. Ей на глаза попалось невинное создание Туржана, и Т'саис, восклицая: "Зеленоглазая женщина, твоя внешность ужасает меня, смерть тебе!" разрубила Флориеллу, словно это был цветок на обочине.

Туржан, услышав топот копыт, вовремя вышел из мастерской и был свидетелем этого убийства. Он побледнел

от ярости, и заклинание мучительной пытки готово было сорваться с его губ. Но тут Т'саис увидела и прокляла его, и он понял, как она несчастна, какой сильный дух заставляет ее отрицать свою судьбу и держаться за жизнь. Чувства боролись в его груди, и наконец он позволил Т'саис уехать. Он похоронил Флориеллу на речном берегу и постарался в напряженной работе забыть о ней.

— Через несколько дней он поднял голову от стола.

— Панделум, где ты?

— Что тебе нужно, Туржан?

— Ты упоминал, что когда создавал Т'саис, ошибка извратила ее мозг. Я хочу создать подобную ей, но со здоровым разумом и духом.

— Как хочешь, — равнодушно ответил Панделум и сообщил Туржану параметры, необходимые для эксперимента.

И Туржан создал сестру Т'саис. Он день за днем следил, как возникает в чане то же стройное тело, те же гордые черты.

Когда настало время и в чане села девушка с глазами, горящими радостью жизни, у Туржана перехватило дыхание и он поспешил помочь ей выйти.

Она стояла перед ним, влажная и нагая, двойник Т'саис. Но если лицо Т'саис было искажено ненавистью, на этом лице царили мир и покой; если глаза Т'саис горели злобой, эти сияли как звезды воображения.

Туржан стоял, дивясь совершенству своего создания.

— Твое имя будет Т'саин, — сказал он, — и я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни.

Он отказался от всего, чтобы учить Т'саин, и она училась с поразительной быстротой.

— Скоро мы вернемся на Землю, — говорил он ей, — в мой дом у большой реки в зеленой стране Асколайс.

— А небо Земли тоже полно цветами? — спрашивала она.

— Нет, — отвечал он. — Небо Земли бездонно голубое, и по нему движется древнее красное солнце. Когда наступает ночь, загораются звезды; их рисунку я тебя научу. Эмбелион прекрасен, но Земля более обширна, и горизонты ее далеко уходят в загадочное. Как только захочет Панделум, мы вернемся на Землю.

Т'саин любила плавать в реке, и Туржан иногда приходил с ней поплескаться или мечательно побросать камни в воду. Он предупредил ее о Т'саис, и девушка пообещала быть осторожной.

Но однажды, когда Туржан готовился к возвращению, она далеко ушла по лугу, замечая только игру лучей в небе, величавость высоких деревьев, цветы под ногами; она смотрела на мир с тем удивлением, которое свойственно только недавно появившимся из чанов. Она прошла несколько невысоких холмов и через темный лес, в котором нашла холодный ручей. Она попила, погуляла по берегу и вскоре увидела какое-то жилище.

Дверь была открыта, и Т'саин заглянула, чтобы узнать, кто здесь живет. Но дом был пуст, а единственной мебелью оказался травяной матрац, стол и полка с корзиной орехов и несколькими предметами из дерева и олова.

Т'саин уже хотела уйти, но тут услышала зловещий топот копыт, приближавшийся, как судьба. Перед ней остановилась черная лошадь. Вспомнив предупреждение Туржана, Т'саин попятилась. Но Т'саис уже спешилась и шла к ней с мечом наготове. Она подняла его для удара, и тут их взгляды встретились. Т'саис в удивлении остановилась.

Такое зрелище способно возбудить любой мозг: прекрасные девушки, совершенно одинаковые, одетые в одинаковые белые брюки, с одинаковыми глазами и распущенными волосами, с одинаковыми стройными телами. Но на лице одной ненависть к каждому атому во Вселенной, а у другой на лице написана любовь к этому миру.

Т'саис обрела дар речи.

— Кто ты, ведьма? У тебя моя внешность, но ты — не я. Или на меня снизошло благословение безумия и затуманило зрелище этого мира?

Т'саин покачала головой.

— Я Т'саин. Ты моя сестра, Т'саис. Поэтому я должна любить тебя, а ты должна любить меня.

— Любить? Я ничего не люблю. Я убью тебя и тем самым сделаю мир лучше, в нем на одно зло станет меньше. — И она опять подняла свой меч.

— Нет! — с болью воскликнула Т'саин. — Почему ты хочешь погубить меня? Что я тебе сделала плохого?

— Ты делаешь плохое самим своим существованием и ты оскорбила меня, насмехаясь над моей отвратительной внешностью.

Т'саин рассмеялась.

— Отвратительной? Нет. Я прекрасна, потому что Туржан говорит так. А значит, прекрасна и ты.

Лицо Т'саис застыло, как мраморное.

— Ты смеешься надо мной.

— Нет. Ты на самом деле прекрасна.

И Т'саис опустила свой меч. Лицо ее стало задумчиво.

— Красота? Что такое красота? Может, я слепа, может, враг исказил мое зрение? Скажи, как понять красоту?

— Не знаю, — ответила Т'саин. — Мне это кажется ясным. Разве игра цветов на небе не прекрасна?

Т'саис в изумлении подняла взгляд.

— Вот это резкое свечение? Все эти цвета вызывают во мне лишь отвращение.

— Посмотри, как прекрасны цветы, какие они хрупкие и очаровательные.

— Это паразиты, у них отвратительный запах.

Т'саин изумилась.

— Не знаю, как объяснить красоту. Ты, похоже, ни в чем не видишь радости. Разве тебе ничего не приносит удовлетворения?

— Только убийство и уничтожение. Только они прекрасны.

Т'саин нахмурилась. "Я бы назвала это злым взглядом на мир", — подумала она.

— И ты в это веришь?

— Я убеждена в этом.

Т'саис задумалась.

— Откуда мне знать, как действовать? Я была уверена в своей правоте, а ты говоришь, что я приношу только зло.

Т'саин пожала плечами.

— Я мало жила, и у меня нет мудрости. Но я знаю, что все имеет право на жизнь. Туржан лучше объяснит это тебе.

— А кто такой Туржан? — спросила Т'саис.

— Он очень хороший человек, — ответила Т'саин, — и я люблю его. Скоро мы отправимся на Землю, где небо глубокого синего цвета.

— Земля... А если я отправлюсь с вами на Землю, найду ли я там крастоу и любовь?

— Может быть. У тебя есть разум, чтобы понять красоту, и красота, чтобы привлечь любовь.

— Тогда я больше не буду убивать, как бы отвратительно мне ни было. Я попрошу Панделума отправить меня на Землю.

Т'саин сделала шаг вперед, обняла сестру и поцеловала ее.

— Я всегда буду любить тебя, — просто сказала она.

Лицо Т'саис застыло. "Рви, режь, руби," — говорил ее мозг, но в ее теле, в каждой его частице нарастал поток удовольствия. Она неумело улыбнулась.

— Ну... я тоже люблю тебя, сестра. Больше я не убиваю, и я найду и познаю на Земле красоту... или умру...

Т'саис села на лошадь и отправилась на Землю в поисках любви и красоты.

Т'саин стояла в дверях, глядя, как уезжает в многоцветье ее сестра. Сзади послышался крик, и появился Туржан.

— Т'саин! Эта бешеная ведьма обидела тебя? — Он не дождался ответа. — Довольно! Я убью ее заклинанием, чтобы она не могла больше причинить никому боль!

И он собрался уже произнести Заклинание Огня, но Т'саин рукой зажала ему рот.

— Нет, Туржан, не нужно! Она обещала больше не убивать. Она уходит на Землю в поисках всего того, что не может найти в Эмбелионе.

Туржан и Т'саин вместе смотрели, как Т'саис растворяется в многоцветьи луга.

— Туржан, — сказала Т'саин.

— Что?

— Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черную лошадь, как у Т'саис?

— Найду, — со смехом ответил Туржан, и они пошли к дому Панделума.

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

В глубокой задумчивости волшебник Мазириан брел по своему саду. Ветви деревьев, увешанные красивыми, но ядовитыми плодами, склонялись над ним, цветы раболепно

опускали головки при его приближении. Тусклые, как агаты, глаза мандрагор в дюйме над землей следили за его обутыми в черное ногами. Таков был сад Мазириана — три террассы, полные странной и удивительной жизни. Некоторые растения непрерывно меняли расцветку; на других цветы пульсировали, как морские анемоны, пурпурные, зеленые, лиловые, розовые, желтые. Здесь росли деревья с кроной как парашюты из перьев, деревья с прозрачными стволами, увитыми красными и желтыми лианами, деревья с листвой как металлическая фольга: каждый лист из другого металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Цветы, подобно воздушным шарам, вздымались вверх над блестящими зелеными листьями; куст, покрытый тысячами цветов-флейт, и каждая флейта негромко играла музыку древней Земли — музыку, напоминавшую о рубиново-красном солнечном свете, о воде, сочащейся сквозь чернозем, о ленивых ветерках. А за рокваловой изгородью деревья дикого леса образовывали загадочную стену. В этот умирающий час земной жизни ни один человек не мог похвастать, что знает все ее лесные долины, прогалины, просеки, поляны, все лощины и впадины, все уединенные ущелья, руины павильонов, все сады и парки в солнечных пятнах, овраги и холмы, многочисленные ручьи и ручейки, пруды, луга, чащи, заросли и скалистые выступы.

Мазириан шел по саду, и лицо его хмурилось в задумчивости. Шел он медленно, руки сцепил за спиной. Существовало нечто, внушившее ему удивление, сомнение и великое желание, — прекрасная женщина, живущая в лесу. Она, смеясь, приходила к изгороди, всегда настороженная, верхом на черной лошади с глазами как золотые кристаллы. Много раз пытался Мазириан захватить ее; всегда лошадь уносила ее от его разнообразных приманок, засад и заклинаний.

Болезненный крик заполнил сад. Мазириан, ускорив шаг, обнаружил крота, который жевал ствол гибрида растения с животным. Мазириан убил нарушителя, и крик сменился порывистым дыханием. Мазириан погладил пушистые листья, и красный рот растения засвистел, выражая этим свою радость.

Потом растение произнесло: "К-к-к-к-к-к-к". Мазириан наклонился, поднес трупик зверька к красному рту. Послышался сосущий звук и маленькое тело скользнуло в подземный желудочный пузырь. Растение булькнуло, отрыгнув. Мазириан с удовольствием смотрел на него.

Солнце низко висело в небе, такое тусклое и большое, что видны были звезды. Мазириан почувствовал, что на него смотрят. Это, должно быть, та женщина из леса: именно так она тревожила его и раньше. Он остановился, пытаясь определить, откуда исходит взгляд.

Колдун быстро выкрикнул заклятие обездвиживания. У его ног неподвижно застыло растение-животное, большой зеленый мотылек, прервав полет, заскользил на землю. Волшебник обернулся. Вот она, на краю леса, ближе, чем когда-либо раньше. Она не шевельнулась при его приближении. Глаза Мазириана засверкали. Он приведет ее в свой дом и посадит в тюрьму из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем, холодом, болью и радостью. Она будет подносить ему вино и делать восемнадцать соблазнительных движений при свете желтых ламп. Может быть, она шпионит за ним; если это так, Мазириан немедленно об этом узнает. Ни одного человека он еще не называл своим другом. Другом ему был только сад.

Вот колдун уже в двадцати шагах от женщины. И тут раздался топот копыт, она развернула свою вороную лошадь и ускакала в лес.

Волшебник в гневе сорвал плащ. У нее была защита — противозаклятие, охранная руна! К тому же она всегда появлялась, когда он не был готов к преследованию. Он всматривался в смутную лесную глубину, видел, как белое тело скользнуло сквозь столб солнечного света, увидел черную тень лошади — и все исчезло... Может, она ведьма? Приходила ли она по собственному желанию или, что более вероятно — ее посылал неведомый враг? Если это так, то кто же руководит ею? Принц Кандайв Золотой из Кайна, у которого Мазириан выманил тайну возвращения молодости? Или астролог Азван? А может, Туржан? Хотя Туржан вряд ли... Лицо Мазириана просветлело от приятных воспоминаний и он отбросил эту мысль. Азвана он, по крайней мере, может испытать. Волшебник направился в свою

мастерскую, подошел к столу, на котором стоял хрустальный куб, окруженный красно-голубым ореолом. Из ящика он извлек бронзовый гонг и серебряный молоток. Ударил по гонгу, и густой сочный звук поплыл по комнате. Он ударял снова и снова. В голубизне хрусталя проступило лицо Азвана, покрытое каплями пота от боли и ужаса.

— Не бей в гонг, Мазириан! — воскликнул Азван. — Пожалей мою жизнь, не бей!

Мазириан остановился, высоко держа руку с молотком.

— Ты шпионишь за мной, Азван? Ты послал женщину, чтобы украсть гонг?

— Не я, хозяин, не я! Я слишком боюсь тебя.

— Ты должен предоставить мне эту женщину, Азван, я настаиваю.

— Невозможно, хозяин: я не знаю, кто она.

Мазириан сделал движение, как будто хотел ударить. Азван испустил такой поток униженных просьб, что Мазириан с отвращением отбросил молоток и убрал гонг на место. Лицо Азвана медленно растаяло, и хрустальный куб снова опустел.

Мазириан погладил подбородок. Очевидно, он должен сам захватить девушку. Позже, когда на лес опустится темная ночь, он поищет в книгах заклинания, которые защитят его на полных опасностей лесных полянах. Это будут заклинания, полные яда и разрушительной силы такой мощности, что любое из них устрашит обычного человека или даже сведет его с ума. Мазириан, благодаря своему долгому опыту, мог хранить в памяти одновременно четыре самых сильных или шесть менее страшных заклинаний.

Он мысленно отложил свой план и направился к длинному чану, купавшемуся в свете зеленых ламп. В прозрачном растворе лежало тело человека, мертвенное в зеленом свете, но физически исключительно сильное и совершенное. Ясное, с холодными жесткими чертами лицо, золотистые волосы.

Мазириан смотрел на это существо, которое сам вырастил из единственной клетки. Его творению не хватало только разума, но колдун не знал, как снабдить разумом этого человека. Туржан Миирский владел этим

знанием, но отказывался разделить с Мазирианом эту свою тайну.

Мазириан рассматривал существо в чане. Совершенное тело — разве в нем не должен жить организованный и гибкий ум? Он узнает это. Он привел в действие приспособление, выпускающее из чана жидкость, и вскоре тело уже лежало на воздухе. Мазириан сделал инъекцию в шейную артерию. Тело дернулось, глаза открылись, мигнули. Мазириан отвел прожектор.

Существо в чане слабо пошевелило руками и ногами, как будто не догадываясь об их назначении. Мазириан внимательно смотрел; возможно, он все же случайно правильно синтезировал мозг.

— Сядь! — приказал Мазириан.

Существо сосредоточило на нем взгляд, мышцы его рефлекторно напряглись, оно хрипло заревело, выпрыгнуло из чана и вцепилось Мазириану в горло. Несмотря на всю силу Мазириана, существо легко удерживало его и трясло, как куклу.

Невзирая на все свое колдовство, Мазириан был беспомощен. Гипнотическое заклинание он истратил, и теперь в его мозгу не было ничего другого. И в любом случае он не мог произнести ни звука: безумец крепко сжимал его горло.

Рука Мазириана упала на свинцовую бутыль, и он ударил существо по голове. Безмозглое создание упало на пол.

Мазириан, еще не совсем разочаровавшись, изучал тело у своих ног. Координация движений прекрасная. Он растворил в реторте белый порошок и, приподняв золотую голову, влил жидкость в расслабленный рот. Человек зашевелился, открыл глаза, приподнялся на локте. Безумное выражение покинуло его лицо, но Мазириан напрасно искал в нем след разума. Глаза были пусты, как у ящерицы.

Волшебник раздраженно покачал головой. Он подошел к окну, и его профиль четко отразился в овальном стекле... Опять Туржан? Даже при самых страшных пытках Туржан не выдал своей тайны. Мазириан сухо скривил рот. Может, если добавить к коридору в лабиринте еще один угол...

Солнце опустилось, и сад Мазириана потускнел. Распустились бледные ночные цветы, и серые мотыльки начали перелетать от цветка к цветку. Мазириан раскрыл люк в полу и спустился по каменным ступеням. Вниз, вниз, вниз... Наконец показался идущий под прямым углом коридор, освещенный вечными желтыми лампами. Слева располагались его гробницы, справа — крепкая дверь из дуба и железа, запертая на три замка. А впереди каменные ступени продолжали спускаться, теряясь во тьме.

Мазириан открыл все три замка, широко распахнул дверь. Комната за нею была пуста, если не считать каменного пьедестала, на котором стоял ящик с стеклянной крышкой. В ящике, по существу, квадратном лабиринте, беговой дорожке с четырьмя углами, двигались два маленьких существа, одно преследующее, другое спасающееся. Хищник — маленький дракон с яростными красными глазами и клыкастой пастью. Он, покачиваясь, двигался по коридору на шести расплющенных лапах, размахивая при этом хвостом. Другое существо было вполовину меньше дракона — крошечный человек с сильным телом, совершенно обнаженный, с медной лентой на голове поверх длинных черных волос. Он двигался чуть быстрее преследователя, который продолжал безжалостную погоню, используя при этом всю свою хитрость, повороты назад, засады за углом, на случай если человек неосторожно покажется. Но сохранивший постоянную настороженность человек был способен оставаться вне досягаемости клыков. Этим человеком был Туржан, которого Мазириан предательски захватил несколько недель назад, уменьшил в размерах и заключил в эту тюрьму.

Мазириан с удовольствием смотрел, как рептилия метнулась к расслабившемуся на мгновение человеку; тот отпрыгнул, и когти скользнули на расстоянии миллиметра от его кожи. Мазириан подумал, что пора дать обоим пленникам отдохнуть и подкормить их. Он опустил перегородку, разделившую коридор надвое и изолировавшую человека от зверя. Обоим дал мяса и мисочку воды.

Туржан без сил опустился на пол.

— Ага, — сказал Мазириан, — ты устал. Хочешь отдохнуть?

Туржан молчал, закрыв глаза. Все утратило для него смысл. Единственной реальностью оставался серый коридор и бесконечное бегство. Через непостижимые интервалы приходила пища и несколько часов отдыха.

— Вспомни голубое небо, — сказал Мазириан, — ночные звезды, вспомни свой замок Миир на берегу Дерны; подумай о том, как приятно свободно побродить по лугу!

Лицо Туржана дернулось.

— Подумай, ведь ты мог бы растоптать этого дракона!

Туржан поднял голову.

— Я предпочел бы растоптать тебя, Мазириан!

Мазириан безмятежно продолжил:

— Объясни, как ты наделяешь создания своих чанов разумом. Говори, и будешь свободен.

Туржан рассмеялся. В смехе его звучало безумие.

— Сказать тебе? А что потом? Ты тут же сваришь меня в кипящем масле.

Тонкий рот Мазириана раздраженно скривился.

— Жалкий человек, я знаю, как заставить тебя заговорить. Даже если бы твой рот был набит, залеплен воском и запечатан, ты все равно стал бы говорить. Завтра я возьму из твоей руки нерв и вдоль всей его длины протяну жесткую ткань.

Маленький Туржан, вытянув ноги вдоль коридора, отпил воды и ничего не сказал.

— А сегодня вечером, — с рассчитанной злобностью сказал Мазириан, — я добавлю в лабиринт еще один угол и превращу коридор в пятиугольник.

Туржан помолчал, глядя через стеклянную перегородку на своего врага. Потом медленно отпил еще глоток воды. При пяти углах у него будет меньше возможности увернуться от чудовища.

— Завтра, — сказал Мазириан, — тебе понадобится все твое проворство. — Тут ему в голову пришла еще одна мысль. — Но я избавлю тебя от этого, если ты поможешь мне решить одну проблему.

— В чем твое затруднение, Мазириан?

— Мое воображение преследует образ женщины, и я поймаю ее. — Глаза Мазириана затуманились. — Во второй половине дня она подъезжает к ограде моего сада на большой черной лошади — ты знаешь ее, Туржан?

— Нет, Мазириан, — Туржан отпил еще воды.

Мазириан продолжал:

— У нее достаточно колдовства, чтобы отвратить Второй Гипнотический Заговор Фелоджуна. А может, у нее есть какая-то защитная руна. Когда я приближаюсь, она убегает в лес.

— И что же? — спросил Туржан, отщипывая мясо, данное Мазирианом.

— Кто эта женщина? — спросил Мазириан, глядя поверх своего длинного носа на крошечного пленника.

— Откуда мне знать?

— Я должен захватить ее, — задумчиво сказал Мазириан. — Какие заклинания, какие чары могут мне помочь?

— Освободи меня, Мазириан, и, даю тебе слово Избранного Иерарха Марам-Ора, я доставлю тебе эту девушку.

— Как ты это сделаешь? — подозрительно спросил Мазириан.

— Буду преследовать ее по лесу со своими лучшими Живыми Башмаками и пригоршней заклятий.

— Тебе повезет не больше, чем мне, — возразил Мазириан. — Я освобожу тебя, когда узнаю все о твоем синтезе существ в чанах. Я сам буду преследовать женщину.

Туржан опустил голову, чтобы Мазириан не мог прочесть выражения его глаз.

— А как же я, Мазириан? — спросил пленник спустя какое-то время.

— Тобой я займусь, когда вернусь.

— А если ты не вернешься?

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Дракон уже давно пожрал бы тебя, если бы не твой проклятый секрет.

Волшебник поднялся по лестнице. Полночь застала его в кабинете, он рылся в переплетенных в кожу фолиантах и в пыльных папках... Некогда магам было известно больше тысячи ун, заговоров, заклинаний и проклятий. Просторы Великого Мотолама: Асколайс, Айд Каучикский, Южный Олмери, земля Падающей Стены на востоке — кишели колдунами всех разновидностей. Их главой был

Архинекромант Фандаал. Сотню заклятий Фандаал сформулировал лично, хотя ходили слухи, что когда он над ними работал, в уши ему нашептывали демоны. Понтецилла Благочестивый, правитель Великого Мотолама, подверг Фандаала пытке и после ужасной ночи мучений убил его, объявив колдовство вне закона. Колдуны Великого Мотолама разбежались, как жуки при свете; их наука рассеялась и была забыта, и теперь, в эти смутные времена, когда солнце состарилось, варварство охватило Асколайс и белый город Кайн наполовину уже лежал в развалинах, теперь лишь немногим более ста заговоров сохранились в памяти людей. Из них Мазириан имел доступ к семидесяти трем и постепенно, при помощи различных уловок и торговли, пытался овладеть и остальными.

Мазириан сделал выбор и с большими усилиями поместил в свой мозг сразу пять заклятий: Вращатель Фандаала, Второй Гипнотический Заговор Фелоджуна, Великолепный Призматический Разбрызгиватель, Чары Неистощимого Питания и Заклятие Всемогущей Сферы. Завершив работу, Мазириан выпил вина и отправился спать.

На следующий день, когда солнце висело низко, Мазириан вышел на прогулку в сад. Ему пришлось ждать недолго. Не успел он освободить от земли корни лунной герани, как негромкий шум и топот подсказали ему, что объект его вожделений рядом.

Она прямо сидела в седле, молодая женщина с великолепной фигурой. Мазириан медленно наклонился, чтобы не спугнуть ее, сунул ноги в Живые Башмаки и закрепил их под коленями.

Он распрямился.

— Эй, девушка, — крикнул он, — ты снова пришла. Почему ты приходишь сюда по вечерам? Тебе нравятся розы? Они ярко-красные, потому что в их лепестках живая кровь. Если ты сегодня не убежишь от меня, я подарю тебе одну.

Мазириан сорвал розу с задрожавшего куста и направился к девушке, борясь со своими Живыми Башмаками. Не успел он сделать и четырех шагов, как женщина сжала коленями бока лошади и поскакала в лес.

Мазириан полностью оживил свои башмаки. Они сделали большой прыжок, затем другой, и охота началась.

Так Мазириан вошел в легендарный лес. Повсюду изгибались, поддерживая тяжелое лиственное одеяние, мшистые стволы. В просветах между ветвями лучи солнца бросали алые пятна на дерн. В тени росли цветы с длинными стеблями и хрупкие грибы; в эту эпоху увядания Земли природа стала мягкой и расслабленной.

Мазириан в своих Живых Башмаках с большой скоростью прыгал по лесу, но черная лошадь, бегущая без напряжения, держалась от него на порядочном расстоянии.

Несколько лиг проскакала женщина. Черные волосы летели за ней, как знамя. Она часто оглядывалась через плечо, и Мазириан видел, как во сне, ее лицо. Но вот она склонилась к спине лошади, та поскакала быстрее и скоро скрылась из виду. Мазириан продолжал погоню, ориентируясь по следу на влажной почве.

Жизнь начала уходить из Живых Башмаков: они слишком долго двигались на большой скорости. Огромные прыжки становились короче и тяжелее, но шаг лошади, видный по ее следу, тоже замедлился. Вскоре Мазириан оказался на лугу и увидел одинокую лошадь, щиплющую траву. Мазириан застыл. Перед ним открывался весь луг. Туда вел ясный след лошади, но человеческого следа, ведущего с луга, не было. Значит женщина спешилась где-то позади колдуна, и он не знал, где именно. Волшебник направился к лошади, но та с ржанием ускакала в лес. Мазириан не пытался ее преследовать, он обнаружил, что его Башмаки вяло и расслабленно висят на ногах. Они умерли.

Он отпихнул их в сторону, проклял этот день и свою неудачу. Потрясая плащом, со злобным выражением лица, он двинулся назад по следу.

В этом районе леса часто встречались выступы черных и зеленых базальтовых скал, предвестники утесов над рекой Дерной. На одной из таких скал Мазириан увидел маленького зеленокожего человечка верхом на стрекозе. Он был одет во что-то вроде полупрозрачного кафтана и вооружен копьем, вдвое длиннее его самого.

Мазириан остановился. Твк-человек флегматично смотрел на него.

— Не видел ли ты женщину моей расы, проходившей здесь, твк-человек?

— Я видел такую женщину, — ответил твк-человек после некоторого размышления.

— А где ее можно найти?

— А что я получу за информацию?

— Соль — столько, сколько сможешь унести.

Твк-человек взмахнул своим копьем.

— Соль? Нет. Лайан-Странник дает вождям данданфлоров достаточно соли для всего племени.

Мазириан представлял себе службу, за которую разбойник-трубадур платит солью. Твк-люди, бысто летящие на своих стрекозах, видели все, что происходит в лесу.

— Флакон масла из моих теланксисовых цветов.

— Хорошо, — ответил твк-человек. — Покажи мне флакон.

Мазириан показал.

— Она свернула со следа возле разбитого молнией дуба и направилась прямо в речную долину, кратчайшим путем к озеру.

Мазириан положил флакон возле скалы и направился к дубу. Твк-человек посмотрел ему вслед, затем спешился и прикрепил флакон под своей стрекозой, рядом с мотком шерсти, который дала ему женщина, чтобы он обманул волшебника.

Мазириан свернул у дуба и вскоре обнаружил на опавшей листве след. Длинная открытая прогалина лежала перед ним, полого спускаясь к реке. По обе стороны возвышались деревья, и длинные солнечные лучи окрашивали одну сторону в кровь, оставляя другую в глубокой тени. Тень была так глубока, что Мазириан не заметил существо, сидевшее на упавшем дереве. Колдун почувствовал его присутствие, только когда тварь готова была прыгнуть ему на спину.

Мазириан резко повернулся лицом к существу. Это был деоданд, отдаленно похожий на человека с сильной мускулистой фигурой, мертвенно-черной тусклой кожей и узкими раскосыми глазами.

— Ах, Мазириан, ты бродишь по лесу далеко от дома, — послышался негромкий голос черного существа.

Мазириан знал, что деоданд стремится пожрать его. Он всегда хочет мяса. Как же удалось девушке спастись? Ее след проходит прямо здесь.

— Я ищу, деоданд. Ответь на мой вопрос, и я дам тебе много мяса.

Глаза деоданда сверкнули, он осмотрел тело Мазириана.

— Ты можешь это сделать прямо сейчас, Мазириан. Или с тобой сегодня могучие заклинания?

— Да. Скажи, давно ли проходила здесь девушка? Шла она быстро или медленно, одна или со спутниками? Отвечай, и я дам тебе столько мяса, сколько ты захочешь.

Губы деоданда насмешливо скривились.

— Слепой волшебник! Она не покинула прогалину. — Он показал, и Мазириан повернулся в ту сторону. Но успел отпрыгнуть, когда деоданд бросился на него. Изо рта Мазириана полились звуки Заклятия Вращателя Фандаала. Деоданда сбило с ног и подбросило высоко в воздух, где тот повис, вертясь, то выше, то ниже, то быстрее, то медленнее, то над вершинами деревьев, то над самой землей. Мазириан с легкой улыбкой следил за ним. Через какое-то время он опустил деоданда и приказал вращению замедлиться.

— Хочешь ли ты умереть сразу или медленно? — спросил Мазириан. — Помоги мне, и я сразу убью тебя. А иначе ты поднимешься высоко, туда, где летают пелгрейны.

Деоданд задыхался от ярости и страха.

— Пусть темный Тиал выколет тебе глаза! Пусть Краан держит твой живой мозг в кислоте! — И он добавил такие проклятия, что Мазириан почувствовал необходимость в противочарах.

— Тогда вверх, — сказал наконец Мазириан и взмахнул рукой. Черное тело взлетело высоко над вершинами деревьев и медленно завертелось на фоне красного солнца. Через мгновение пятнистое существо, похожее на летучую мышь, с клювастым рылом, пронеслось рядом и рвануло черную ногу, прежде чем кричащий деоданд смог отпихнуть его. Все новые и новые фигуры замелькали на фоне солнца.

— Опусти меня, Мазириан! — послышался слабый зов. — Я расскажу все, что знаю.

Мазириан опустил пленника к земле.

— Она прошла одна перед самым твоим появлением. Я напал на нее, но она отогнала меня пригоршней тайл-пы-

ли. Она прошла по прогалине в сторону реки. Этот след ведет мимо логова Транга. Я думаю, она погибла: Транг будет высасывать ее, пока она не умрет.

Мазириан потер подбородок.

— Какие заклятия были с ней?

— Не знаю. Ей понадобятся сильные заклятия, чтобы спастись от демона Транга.

— У тебя есть еще что сказать?

— Ничего.

— Тогда можешь умереть. — И Мазириан проклял существо, заставив его вращаться все быстрее, пока оно не слилось в сплошное вертящееся пятно. Послышался приглушенный вопль, и тело деоданда разорвалось на части. Голова, как пуля, полетела вниз; руки, ноги, внутренности — во все направления.

Мазириан пошел дальше. В конце прогалины след круто спускался по уступам темно-зеленого серпентина к реке Дерне. Солнце садилось, и тень заполняла долину. Мазириан дошел до реки и направился вниз по течению к далекому сверкающему Санру, Озеру Сновидений.

Тяжелый запах гнили висел в воздухе. Мазириан пошел вперед осторожнее: поблизости находилось логово вампира-медведя Транга, и в воздухе пахло колдовством — сильным грубым колдовством, которое его собственные более тонкие заклинания могли и не победить.

До Мазириана донесся звук голосов — хриплый рев Транга и женские вопли. Он выглянул из-за скалы, чтобы понять, что там происходит.

Логово Транга располагалось в расщелине скалы. Грязная груда травы и шкур служила ему постелью. Он построил грубый загон, в котором находились три женщины, на телах которых виднелось множество кровоподтеков, а на лицах — ужас. Транг похитил их из племени, живущего на завешенных шелком плотах на мелководьи озера. Теперь они смотрели, как вампир пытается справиться еще с одной, только что захваченной женщиной. Грубое круглое человекоподобное лицо Транга было искажено, крепкими пальцами он сорвал с женщины куртку. Но она с удивительным проворством увертывалась от его огромных рук. Глаза Мазириана сузились. Магия, магия!..

Он смотрел, раздумывая, как бы уничтожить Транга, не причинив вреда женщине. Но та увидела колдуна за плечом Транга.

— Смотри! — выдохнула она. — Мазириан пришел, чтобы убить тебя!

Транг обернулся. Он увидел Мазириана и бросился к нему на всех четырех лапах, испуская дикий рев. Мазириан подумал, не бросил ли на него вурдалак какое-то заклятие, потому что мозг волшебника охватил странный паралич. А может, на него так подействовал вид огромной морды Транга, его мощных лап?

Мазириан стряхнул с себя заклятие, если оно было, и произнес собственное. Вся прогалина озарилась огненными стрелами, летящими в Транга со всех направлений. Это был Великолепный Призматический Разбрызгиватель — многоцветные рубящие лучи. Транг умер почти мгновенно, пурпурная кровь хлынула из бесчисленных ран, открывшихся там, где огненный дождь пронзил его тело.

Мазириан не обратил на это внимания. Девушки не было. Потом он увидел, как она бежит вдоль реки к озеру, и пошел за ней, не слушая жалобных криков женщин в клетке.

Вскоре перед ним открылось озеро, дальний край которого едва виднелся на горизонте. Мазириан спустился на песчаный берег и долго стоял, глядя на темные воды Озера Сновидений. Была уже темная ночь, на небе горели звезды. Вода была холодной и неподвижной, лишенная приливов, как все воды на Земле после ухода с неба Луны.

Где же женщина? Вот она — светлая фигура в тени речного берега. Мазириан встал у воды, высокий и могучий. Легкий ветерок развевал его плащ.

— Эй, девушка, — позвал он. — Это я, Мазириан, я спас тебя от Транга. Подойди ближе, чтобы я мог поговорить с тобой.

— Я слышу тебя и на таком расстоянии, волшебник, — ответила она. — Чем ближе я подойду, тем дальше потом придется убегать.

— А зачем тебе бежать? Иди ко мне, и ты станешь хозяйкой многих тайн, обладательницей большой власти.

Она засмеялась.

— Если бы я хотела этого, Мазириан, разве стала бы я бежать так долго?

— Кто же ты, не желающая постигнуть тайны магии?

— Для тебя, Мазириан, я безымянна, чтобы ты не смог проклясть меня. А теперь я пойду туда, куда ты не сможешь последовать. — Она подбежала к воде, медленно вошла в нее по пояс, нырнула и исчезла.

Мазириан в нерешительности подождал. Неразумно тратить столько заклинаний и тем самым лишать себя сил. Что может находиться под поверхностью озера? Тут чувствовалась спокойная магия, и хотя колдун не враждовал с повелителем озера, другие существа могли бы воспротивится его проникновению. Однако, когда голова девушки так и не появилась на поверхности, он произнес Заклинание Неистощимого Питания и вошел в холодную воду.

Он глубоко нырнул и, встав на дне озера, не чувствуя под защитой чар никакого неудобства для легких, смотрел на местность вокруг себя. Его окружало зеленоватое свечение. Вода была почти такая же прозрачная, как и воздух. Придонные растения тянулись по течению, вместе с ними двигались озерные цветы, красные, синие и желтые. Вокруг вяло плавали большеглазые рыбы разнообразных форм.

Скальные ступени вели к подводной равнине, на которой росли высокие водоросли, их стройные стволы поддерживали узорную листву и пурпурные плоды. Водоросли терялись в туманной дымке. Потом колдун увидел женщину, белую водяную нимфу. Черные волосы струились за ее спиной, как темное облако. Она полуплыла, полубежала по песчаному дну, изредка оглядываясь через плечо. Мазириан устремился за ней, вспенивая воду плащем.

Возбужденный колдун догонял ее. Он должен наказать непокорную за то, что она завела его так далеко... Стертые каменные ступени в его жилище вели из мастерской вниз, в комнаты, которые по мере спуска становились все обширнее. Мазириан нашел однажды в одной из комнат проржавевшую клетку.

Неделя или две в темноте обуздают упрямство гордячки... А когда-то он уменьшил женщину, сделал ее размером в палец и посадил в стеклянную бутылку вместе с двумя большими мухами...

Сквозь зелень проступил разрушенный белый храм. В нем было множество колонн. Некоторые уже упали, другие продолжали поддерживать фронтон. Женщина вошла в большой портик. Может, она пытается сбить его со следа? Белое тело мелькнуло в дальнем конце нефа, сверкнуло над кафедрой и пропало в полукруглом алькове за ней.

Мазириан, как мог быстро, последовал за нею, полуидя, полуплывя в мрачных сумерках. Он всматривался в темноту, где малые колонны поддерживали купол, из которого выпал ключевой камень. Неожиданный страх охватил его, он вдруг все понял, увидев быстрое движение вверху. Со всех сторон на него рушились колонны, и лавина мраморных блоков падала ему на голову. Колдун в панике отпрыгнул...

Волнение прекратилось, белая пыль древней штукатурки расплылась. На фронтоне главного храма женщина стояла на коленях, всматриваясь вниз, чтобы убедиться, что она убила Мазириана.

Но она его не убила. Две колонны по чистой случайности упали по обе стороны от его тела, а легшая сверху плита защитила его от камнепада. Он болезненно повернул голову. Через щель в дрожащем мраморе он видел рассматривавшую его женщину. Значит она хотела убить его? Его, Мазириана, прожившего больше лет, чем он сам может припомнить? Тем сильнее будет она ненавидеть и бояться его впоследствии. Он произнес заклинание Всемогущей Сферы. Силовое поле окружило его тело, расталкивая все окружающее. Когда мраморные руины раздвинулись, колдун убрал сферу, встал на ноги и осмотрелся в поисках женщины. Та была уже почти не видна. В чаще длинных пурпурных водорослей, она взбиралась по откосу на берег. Мазириан бросился в преследование.

Т'саин выползла на берег. Волшебник Мазириан по-прежнему шел за ней, его магия разрушила все ее планы. Девушка вспомнила его лицо и вздрогнула.

Усталость и отчаяние замедлили ее шаг. У нее было лишь два заклинания — Чары Неистощимого Питания и заклятие, придающее силу рукам, благодаря ему она удержала Транга и обрушила храм на Мазириана. Оба заклинания теперь истрачены; она беззащитна; но, с другой стороны, и у Мазириана могло больше ничего не остаться.

Может быть, он не знает о траве-вампире? Она побежала по склону и перескочила через полоску бледной, избитой ветром травы. Теперь из озера выбрался и Мазириан, тощая фигура, хорошо заметная на фоне воды.

Девушка отступала, оставляя между собой и преследователем невинную полоску травы. А если и трава не поможет? — Сердце ее дрогнуло при мысли о том, что ей придется тогда сделать.

Мазириан вошел в траву. Чахлые травинки превратились в мускулистые пальцы. Одни обвились вокруг ног колдуна, удерживая его мертвой хваткой, а другие в это время пробирались под одежду, к коже.

И тогда Мазириан истратил свой последний заговор — заклятие обездвиживания. Трава-вампир расслабилась и вяло легла на землю. Т'саин в отчаянии следила за ним. Теперь волшебник был совсем рядом, плащ развевался за его спиной. Неужели у него нет слабостей? Разве его плоть не болит, разве его дыхание не становится прерывистым? Она повернулась и побежала по лугу к роще черных деревьев. Ей стало холодно в глубокой мрачной тени. Прежде чем вся роща проснется, она должна убежать как можно дальше.

Щелчок! Ее хлестнула плеть. Она продолжала бежать. Еще один удар и еще — она упала. Ее ударил еще один тяжелый ремень, и еще один. Шатаясь, девушка поднялась, закрывая руками лицо. Плети свистели в воздухе, последний удар развернул ее. Она увидела Мазириана.

Он боролся. Когда на него обрушились удары, он схватил хлысты и попытался разорвать их. Но они были слишком гибкими и пружинистыми, они вырывались из рук и обрушивали на человека все новые удары. Раздраженные его сопротивлением, деревья сосредоточились на несчастном Мазириане, который боролся с необыкновенной яростью. Т'саин смогла уползти на край рощи и спастись.

Она посмотрела назад, поражаясь жизненной силе Мазириана. Тот шатался под градом ударов, его яростная упрямая фигура смутно виднелась в зарослях. Он ослаб, попытался бежать, упал. Удары сыпались на его голову, плечи, на длинные ноги. Он попытался встать, но снова рухнул на землю.

Т'саин устало закрыла глаза. Она чувствовала, как кровь сочится из ее исхлестанного тела. Но оставалось еще самое главное. Она встала и, покачиваясь, пошла прочь, еще долго слыша за спиной тупые звуки ударов.

Сад Мазириана прекрасен ночью. Широко раскрылись цветы-звезды, каждая совершенной формы, и мотыльки летали над ними взад и вперед. Фосфоресцирующие водяные лилии, как прекрасные лица, плыли по повехности пруда, а куст, который Мазириан привез из далекого Олмери на юге, наполнял воздух сладким фруктовым ароматом.

Т'саин, усталая, тяжело дыша, ощупью пробиралась по саду. Некоторые цветы проснулись и с любопытством разглядывали ее. Гибрид животного и растения сонно защебетал, приняв ее за Мазириана. Слышалась слабая музыка белых цветов-флейт, они пели о древних ночах, когда в небе еще плыла белая луна, а временами года правили бури, тучи и громы.

Т'саин ни на что не обращала внимания. Она вошла в дом Мазириана, отыскала его мастерскую, где горел вечный желтый свет. Неожиданно в чане село золотоволосое создание Мазириана и посмотрело на нее прекрасными пустыми глазами.

Она отыскала в ящике ключи и открыла люк. Здесь ей пришлось подождать, пока не рассеется красный туман перед глазами. У нее начались галлюцинации — Мазириан, высокий и надменный, склоняется, убивая Транга; странно раскрашенные цветы озера; Мазириан, потерявший свое волшебство, борется с плетями деревьев... Из забытья ее вывело существо из чана, оно робко трогало ее волосы.

Девушка пришла в себя и полуспустилась, полуупала вниз по лестнице. Она открыла все три замка на двери и, последним усилием распахнув ее, взобралась на пьедестал, где стоял ящик с лабиринтом, в котором продолжали свою отчаянную гонку Туржан и дракон. Девушка разбила стекло, мягко взяла Туржана и поставила на пол.

От прикосновения руны на ее запястье чары развеялись, и Туржан снова стал человеком. Ошеломленный, он смотрел на почти неузнаваемую Т'саин.

Она попыталась улыбнуться ему.

— Туржан... ты свободен...

— А где Мазириан?

— Он мертв, — девушка устало опустилась на каменный пол и затихла. Туржан со странным выражением в глазах осмотрел ее.

— Т'саин, мое дорогое создание, — прошептал он, — более благородная, чем я. Ты отдала свою единственную жизнь за мою свободу.

Он поднял ее тело.

— Я восстановлю тебя в чане. Ты станешь такой же прекрасной и здоровой, как прежде!

И он понес ее по каменным ступеням.

Т'САИС

Т'саис выехала из рощи и в нерешительности остановила лошадь. Она сидела, глядя на зеленый луг, уходивший к реке... Затем сжала колени, и лошадь двинулась дальше.

Она ехала в глубокой задумчивости, А над ней небо, покрытое облачной рябью, отбрасывало на землю от горизонта до горизонта глубокие тени. Лившийся сверху, отраженный и преобразованный свет заливал местность тысячами оттенков. На Т'саис вначале упал зеленый луч, затем ультрамариновый, топазовый, рубиново-красный. Окружающий ландшафт окрашивался соответственно.

Т'саис закрыла глаза, чтобы не видеть эти меняющиеся цвета. Они раздражали ее нервы, не давали ей ясно видеть окружающее. Красный ослеплял, зеленый душил, синий и пурпурный намекали на недоступные ее разумению загадки. Как будто вся вселенная была создана специально, чтобы ошеломлять ее своим видом, вызывать в ней ярость... Бабочка с крыльями, расцвеченными, как драгоценный ковер, пролетела мимо, и Т'саис захотелось ударить ее своим мечом. С огромный усилием девушка сдержалась: Т'саис была страстной натурой и не привыкла к самоограничению. Она взглянула на цветы под ногами лошади — бледные маргаритки, колокольчики, вьюнки и оранжевые "золотые шары". Больше она не будет давить

их, вырывать с корнем. Ей было высказано предположение, что порок заключен не во вселенной, а в ней самой. Подавив непримиримую враждебность к бабочке, цветам и меняющимся оттенкам света на небе, она поехала дальше по лугу.

Перед ней поднималась роща высоких деревьев, дальше виднелись заросли тростника и блестел ручей, тоже изменявший цвет своих струй в соответствии с цветом неба. Т'саис свернула и вдоль речного берега направилась к длинному низкому дому.

Она спешилась и медленно подошла к двери черного дымчатого дерева, на которой было изображено сардоническое лицо. Она потянула за язык, и внутри зазвучал колокол.

Ответа не было.

— Панделум! — позвала она.

Вскоре послышался приглушенный ответ:

— Входи.

Девушка распахнула дверь и вошла в комнату с высоким потолком, увешанную коврами и лишенную мебели, если не считать небольшого дивана.

— Чего ты хочешь? — донесся из-за стены голос, густой, сочный и бесконечно печальный.

— Панделум, сегодня я узнала, что убийство — это зло, что мои глаза обманывают меня и там, где я вижу только резкие краски и отвратительные очертания, на самом деле живет красота.

Некоторое время Панделум молчал; затем снова послышался его приглушенный голос, отвечавший на невысказанную мольбу о знании.

— По большей части это правда. Живые существа имеют право на жизнь. Это их единственное подлинно драгоценное достояние, и отнятие жизни есть злейшее преступление... Что касается остального, то вина не твоя. Красота есть повсюду, все могут видеть ее, все — кроме тебя. Это внушает мне печаль, потому что тебя создал я. Я вырастил тебя из первичной клетки; я дал звучание струнам жизни в твоем теле и мозге. И несмотря на все мои старания, я допустил ошибку; когда ты вышла из чана, я обнаружил, что в твоем мозгу есть порок: вместо красоты ты видишь безобразие и вместо добра — зло. Подлинное безобразие,

подлинное зло ты никогда не видела, потому что на Эмбелионе нет ничего злого и мерзкого... Если бы тебе не повезло и ты встретилась бы с таким, я опасался бы за твой разум.

— Не можешь ли ты изменить меня? — воскликнула Т'саис. — Ты волшебник. Неужели я и впредь должна жить слепой к радости?

Тень вздоха донеслась из-за стены.

— Я действительно волшебник, я знаю все до сих пор созданные заговоры, знаю хитрость рун, заклинаний, волшебных изображений, экзорцизма, талисманов. Я Владыка Математики, лучший после Фандаала, но я ничего не могу сделать с твоим мозгом, не уничтожив твой разум, твою личность, твою душу — потому что я не бог. Бог может вызвать предметы к существованию, а я опираюсь только на магию, и ее заговоры способны лишь изменять и переделывать пространство.

Надежда растаяла во взгляде Т'саис.

— Я хочу на Землю, — сказала она немного погодя. — Небо на Земле постоянного голубого цвета, и в нем царит красное солнце. Я устала от Эмбелиона, где нет никаких голосов, кроме твоего.

— Земля, — задумчиво сказал Панделум. — Тусклое место, древность которого превосходит всякое знание. Когда-то это был высокий мир облачных гор, ярких рек, а солнце его было белым сверкающим шаром. Века дождя и ветра избили и сгладили гранит, а солнце теперь слабое и красное. Тонули и вставали вновь континенты. Миллионы городов вздымали свои башни, потом распадались в пыль. Теперь на месте прежних людей живут несколько тысяч странных созданий. На Земле гнездится зло, зло, отцеженное временем... Земля умирает, она в сумерках... — колдун замолчал.

Т'саис с сомнением ответила:

— Но я слышала, что Земля прекрасна, а я хочу постигнуть красоту, даже если ради этого придется умереть.

— Но как ты узнаешь красоту, увидев ее?

— Все люди знают красоту... Разве я не человек?

— Конечно, ты — человек.

— Тогда я найду красоту, а может быть, даже и... — Т'саис запнулась перед следующим словом, настолько

чуждо оно было ее разуму, но в то же время полно беспокойных возможностей.

Панделум молчал. Наконец промолвил:

— Ты отправишься, куда хочешь. Я помогу тебе, чем смогу. Я дам тебе руны, которые спасут тебя от злой магии. Я дам жизнь твоему мечу; и я дам тебе следующий совет: берегись мужчин, которые грабят красоту, чтобы насытить свою похоть. Не допускай близости ни к кому... Я дам тебе мешочек драгоценностей, это большое богатство на Земле. С ними ты можешь многого достичь. Но — опять-таки — никому их не показывай, потому что для некоторых людей убийство дешевле медной монеты.

Наступило тяжелое молчание, и в воздухе перестало ощущаться присутствие Панделума.

— Панделум, — негромко позвала Т'саис. Ответа не было.

Спустя какое-то время Панделум вернулся, она ощутила вновь его присутствие.

— Через мгновение, — сказал он, — ты можешь войти в соседнюю комнату.

Т'саис ждала, затем, по его разрешению, вошла в следующую комнату.

— На скамье слева, — послышался голос Панделума, — ты найдешь амулет и маленький мешочек с драгоценностями. Надень амулет на правое запястье: он обращает любое направленное на тебя заклинание против того, кто его произнес. Это очень мощная руна, береги ее.

Т'саис повиновалась и спрятала мешочек в сумку.

— Положи на скамью свой меч, встань на руну, что начертана на полу, и крепко зажмурь глаза. Я должен войти в комнату. Предупреждаю: не смотри на меня — последствия будут ужасны.

Т'саис сняла меч, встала на металлическую руну, закрыла глаза. Она услышала легкие шаги, звон металла, потом — высокий резкий крик.

— Теперь твой меч жив, — странно громко прозвучал голос Панделума, который теперь находился рядом. — Он будет убивать твоих врагов сознательно. Протяни руку и возьми его.

Т'саис вложила в ножны свой стройный клинок, теплый и дрожащий.

— Где на Земле хочешь ты оказаться? — спросил Панделум. — В местности, населенной людьми, или в великой разрушенной пустыне?

— В Асколайсе, — ответила Т'саис, — потому что тот, кто говорил мне о красоте, произнес только это название.

— Как хочешь, — сказал Панделум. — А теперь слушай!

Если захочешь вернуться в Эмбелион...

— Нет! — быстро ответила Т'саис. — Лучше умереть.

— Подумай хорошенько.

Т'саис промолчала.

— Сейчас я коснусь тебя. У тебя на мгновение закружится голова — а затем ты откроешь глаза уже на Земле. Сейчас там почти ночь, а во тьме скрываются ужасные существа. Поэтому побыстрее отыщи убежище.

Охваченная возбуждением, Т'саис почувствовала прикосновение Панделума, ощутила дрожь, легкое затмение сознания, быстрый полет... Незнакомая почва под ногами, незнакомый воздух со странным запахом. Она открыла глаза.

Местность незнакомая и новая для нее. Темно-голубое небо, распухшее древнее солнце. Она стояла на лугу, окруженном высокими мрачными деревьями. Эти деревья не были похожи на спокойных гигантов Эмбелиона: нахмуренные, с густой листвой. Под ними лежали загадочные тени. Все окружающее: почва, деревья, скала, торчащая на лугу, — все было выработано временем, сглажено, выровнено, смягчено. Свет солнца придавал каждому предмету на Земле, скалам, деревьям, неподвижной траве и цветам одинаковый оттенок древности, старинных воспоминаний.

В ста шагах поднимались покрытые мхом руины давно обрушившегося замка. Его камни почернели от лишайников, дыма и возраста; сквозь обломки пробивалась трава — все это представляло собой странную и дикую картину в косых лучах солнца.

Т'саис медленно приблизилась. Некоторые стены еще стояли, сложенные из выветрившегося камня, с давно исчезнувшей известью. Она удивленно обошла большую разрушенную статую, почти погрузившуюся в землю; на мгновение задумалась над письменами, высеченными на

камне. Широко открытыми глазами смотрела она на то, что осталось от лица, — жестокие глаза, насмешливый рот, отбитый нос. Т'саис содрогнулась. Здесь ей искать нечего; она повернулась, собираясь уходить.

Смех, высокий, радостный, послышался на поляне. Т'саис, помня предупреждение Панделума, ждала в укрытии. Какое-то движение среди деревьев; в солнечном свете показались мужчина и женщина; потом — весело посвистывающий молодой человек. В руке он держал меч, которым время от времени подталкивал первых двоих. Т'саис разглядела, что эти двое были связаны.

Трое остановились перед руинами, невдалеке от Т'саис, и та могла рассмотреть их. Связанный мужчина с худым лицом, неровной рыжей бородой и мечущимся взглядом; в глазах его виднелось отчаяние. Женщина была полная, невысокого роста. Пленившим их был Лайан-Странник. Его каштановые волосы были разбросаны, черты лица подвижны и приятны. Красивые карие глаза изучали местность. На нем были красные кожаные башмаки с загнутыми вверх острыми носками, красно-зеленый костюм, такой же плащ и остроконечная шляпа с багровым пером.

Т'саис смотрела, не понимая, что происходит. Все трое были ей одинаково отвратительны, казались грязными снаружи и изнутри. Лайан, может быть, чуть менее подл и низок — он все-таки проворнее и элегантнее.

Пленник негромко застонал, женщина заскулила.

Лайан весело взмахнул шляпой и исчез среди руин. Не далее чем в двадцати футах от Т'саис он скользнул за древнюю каменную плиту, вернулся с огнивом и трутом, разжег костер. Из сумки он извлек кусок мяса, поджарил на костре и с аппетитом съел, облизывая пальцы.

Не было сказано ни слова. Наконец Лайан встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уходило за темную стену деревьев, поляну уже заполнили синеватые тени.

— К делу! — воскликнул Лайан. Голос его звучал резко и ясно, как призыв флейты.

Он снова нырнул в свое укрытие под плитой и принес оттуда четыре крепких прута. Один из них он положил на бедра мужчины, второй поперек, через промежность, так,

что при небольшом усилии мог сжимать бедра и поясницу. Он испытал свое приспособление и рассмеялся, когда мужчина закричал от боли. Такое же устройство он приспособил и на женщине.

Т'саис смотрела в растерянности. Очевидно, молодой человек собирался причинить своим пленникам боль. Неужели таковы обычаи Земли? Но как она может их судить, она, не отличающая добра от зла?

— Лайан! Лайан! — воскликнул мужчина. — Пощади мою жену! Она ничего не знает! Пощади ее и забери все, чем я владею! Я буду тебе служить всю жизнь!

— Хо! — рассмеялся Лайан, и перо на его шляпе задрожало. — Спасибо, спасибо за предложение, но Лайану не нужны ни ваш хворост, ни ваша репа. Лайан любит шелк и золото, любит блеск кинжалов и стоны любви, издаваемые девушками. Поэтому благодарю тебя — но я ищу брата твоей жены, и когда твоя жена закричит и завизжит, ты расскажешь мне, где он скрывается.

Для Т'саис сцена начинала приобретать смысл. Двое пленников скрывали сведения, нужные молодому человеку; поэтому тот будет причинять им боль, пока они не расскажут все, что ему нужно. Хитро придумано, вряд ли она до этого додумалась бы сама.

— А теперь, — продолжал Лайан, — я должен вас заверить, что ложь плохо совмещается с правдой. Видите ли, когда человека подвергают пытке, он слишком занят, чтобы что-то выдумывать, поэтому и говорит правду. — Он выхватил из огня головешку, закрепил ее между связанными лодыжками мужчины и прыгнул к женщине, чтобы начать пытку.

— Я ничего не знаю, Лайан! — завопил мужчина. — Я ничего не знаю, ничего...

Лайан разочарованно отошел. Женщина потеряла сознание. Лайан снял с мужчины головешку и раздраженно швырнул ее обратно в костер.

— Что за напасть! — сказал он, но вскоре хорошее настроение вернулось к нему. — А, ладно, у нас много времени. — И погладил свой заостренный подбородок. — Может быть, ты и говоришь правду, — рассуждал он вслух. — Может быть, сведения даст твоя добрая жена? — Он привел женщину в себя несколькими пощечинами. Пленница

тупо смотрела на него, лицо ее было искажено и почернело от сажи.

— Будьте внимательны! — сказал Лайан. — Я начинаю вторую серию вопросов. Я рассуждаю, думаю, теоретизирую. Я думаю: если муж не знает, куда бежал тот, кого я ищу, может, знает жена?

Женщина приоткрыла рот.

— Он мой брат... пожалуйста...

— Ага! Итак, ты знаешь! — торжествующе воскликнул Лайан и прошелся взад-вперед возле костра. — Ты знаешь! Мы возобновляем испытание. Теперь будь внимательна. При помощи этого приспособления я превращаю ноги твоего мужа в желе, а его позвоночник будет торчать сквозь живот — если ты не заговоришь, конечно!

И он начал.

— Ничего не говори... — выдохнул мужчина и потерял сознание от боли.

Женщина проклинала, вопила, умоляла. И, наконец, не выдержала:

— Я скажу, я все скажу! — закричала она. — Диллар уехал в Эфред!

Лайан ослабил свои усилия.

— Эфред. Так. Значит, он в стране Падающей Стены. — Он поджал губы. — Возможно, это правда. Но я не верю. Ты должна сказать это еще раз, под действием извлекателя правды. — Он взял из костра пылающее полено, прижал к лодыжкам женщины — и снова занялся мужчиной. Женщина молчала.

— Говори, женщина! — тяжело дыша, рявкнул Лайан. — Я весь вспотел от работы. — Она молчала. Глаза ее, широко раскрытые, стеклянно смотрели в небо.

— Она умерла! — закричал муж. — Умерла! Моя жена умерла! Лайан, ты дьявол, ты сама подлость! Проклинаю тебя! Тиалом! Крааном! — голос его дрожал в истерике.

Т'саис была обеспокоена. Женщина умерла. Разве убийство не злое дело? Так сказал Панделум. Если женщина хорошая, как говорит этот бородатый человек, значит Лайан — зло. Конечно, все существа из плоти изначально грязны. Но все же отнимать жизнь у живого — большое зло.

Не зная страха, она вышла из укрытия и подошла к костру. Лайан поднял голову и вскочил. Но увидел всего лишь незнакомую девушку поразительной красоты. Он принялся весело напевать и приплясывать.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — Он с отвращением взглянул на лежащие на земле тела. — Как неприятно. Не будем обращать на них внимания. — Он одернул плащ, нежно поглядывая на Т'саис блестящими карими глазами, и с напыщенным видом, как петух, направился к ней.

— Ты прекрасна, моя дорогая... а я... я настоящий мужчина — ты увидишь.

Т'саис положила руку на рукоять меча, и тот сам по себе выскочил из ножен. Лайан отшатнулся, встревоженный видом лезвия и блеском глаз девушки.

— Что это значит? Ну, ну, — раздраженно сказал он. — Убери свою сталь. Она слишком остра. Я добрый человек, но не выношу угроз.

Т'саис стояла над распростертыми телами. Мужчина лихорадочно ощупывал ее взглядом. Женщина продолжала смотреть в темное небо.

Лайан прыгнул вперед, пытаясь схватить девушку, пока та отвлеклась. Меч сам собой метнулся вперед, пронзив в полете проворное тело.

Лайан-Странник опустился на колени, кашляя кровью. Т'саис вытащила меч, вытерла о его зеленый плащ и с трудом убрала в ножны. Мечу хотелось бить, пронзать, убивать.

Лайан лежал без сознания. Т'саис, испытывая тошноту, отвернулась. Послышался слабый голос:

— Развяжи меня...

Т'саис подумала, потом разрезала путы. Мужчина захромал к своей жене, погладил ее, развязал веревки, позвал ее. Ответа не было. Он в безумии выпрямился и завыл в ночь. Подняв обвисшее тело на руки, он побежал в темноту, хромая, падая, выкрикивая проклятия.

Т'саис вздрогнула, перевела взгляд с лежавшего Лайана на темный лес. Медленно, много раз оглядываясь, она покинула руины. Истекающее кровью тело Лайана осталось возле угасающего костра.

Блеск костра погас, затерялся в темноте. Т'саис ощупью пробиралась между деревьями. В Эмбелионе ни-

когда не бывает ночи, только светящиеся сумерки. Т'саис продолжала идти по лесу, подавленная, угнетенная и не подозревающая о существах, которых может встретить, — о деодандах, пелгрейнах, рыщущих эрбах и демонах, о гидах, которые выпрыгивают из почвы и впиваются в жертву.

Т'саис, невредимая, продолжала идти и вскоре вышла на опушку леса. Местность поднималась, деревья становились тоньше, и Т'саис наконец оказалась на безграничном темном пространстве. Это была пустошь Модавна Мур — древний тракт, на котором отпечатались следы множества ног и пролитой крови. Во время знаменитой бойни Голикан-Завоеватель согнал сюда население двух больших городов: Г'Васана и Баутику, сжал людей в круг в три мили шириной и постепенно со всех сторон теснил все больше, все больше, своей дьявольской кавалерией испугал людей, заставил их со всех сторон стремиться к центру, пока не получилось огромное колеблющееся возвышение в полтысячи футов вышиной, пирамида кричащей плоти. Говорят, Голикан десять минут наслаждался зрелищем этого памятника, потом повернулся и направился в Лайденур, землю, из которой явился.

Призраки древнего населения давно растворились и побледнели, и Модавна Мур казался менее зловещим, чем лес. Как уродливые кляксы, повсюду были разбросаны кусты. Линия скалистых утесов резко вырисовывалась на горизонте на фоне вечерней зари. Т'саис шла вперед, радуясь открытому небу над головой. Через несколько минут она набрела на древнюю дорогу из каменных плит, растрескавшихся и разбитых, ограниченную канавой, в которой росли светящиеся цветы в форме звезд. С болот подул ветер и освежил ее разгоряченное лицо. Она осторожно двигалась по дороге. Никакого убежища не было видно, а ветер становился все холоднее.

Топот бегущих ног, несколько неясных фигур — и Т'саис забилась в чьих-то крепких руках. Она пыталась выхватить меч, но руки ее были зажаты.

Кто-то высек огонь, зажег факел, чтобы осмотреть добычу. Т'саис увидела трех бородатых, покрытых шрамами, разбойников с болот. На них были серые одежды, все в болотной грязи.

— Да ведь это девушка! — насмешливо воскликнул один из них.

— Сейчас поищу у нее серебро, — сказал другой, и его руки бесстыдно зашарили по телу Т'саис. Он нащупал мешочек с драгоценностями и поднес их на ладони к огню. — Смотрите! Королевское богатство!

— Или колдовское! — возразил третий. В неожиданном страхе разбойники ослабили хватку. Но девушка по-прежнему не могла дотянуться до меча.

— Кто ты, женщина в ночи? — спросил один из них с некоторым уважением. — Ты ведьма? Не зря ведь у тебя такие драгоценности и ты одна ночью едешь по Модавна Муру.

У Т'саис не было ни хитрости, ни опыта, чтобы красиво солгать.

— Я не ведьма! Отпустите меня, вонючие животные!

— Не ведьма? Тогда что же ты за женщина? Откуда ты?

— Я — Т'саис из Эмбелиона! — гневно воскликнула она. — Меня создал Панделум, и я ищу на Земле любви и красоты. Уберите руки, мне нужно идти дальше!

Первый бродяга захохотал:

— Хо! Хо! Ищешь любви и красоты? Ну, кое-что ты уже нашла, девушка, — конечно, мы не красавцы: Тагман покрыт коростой, у Лазарда не хватает зубов и ушей, но у нас скопилось много неистраченной любви, верно, парни? Мы дадим тебе столько любви, сколько захочешь! Эй, парни!

И они потащили кричащую Т'саис по болоту к каменной хижине.

Когда вошли, один из бродяг разжег огонь, остальные двое тем временем отобрали у Т'саис меч и швырнули его в угол. Большим железным ключом заперли дверь и освободили Т'саис. Она прыгнула к своему оружию, но грубый толчок отправил ее на грязный пол.

— Успокойся, кошка! — выдохнул Тагман. — Ты будешь довольна, — и они возобновили свои насмешки. — Конечно, мы не красавцы, но дадим тебе столько любви, сколько захочешь.

Т'саис скорчилась в углу.

— Я не знаю, что такое любовь, — сказала она. — Но я не хочу вашей!

— Как можно? — насмехались они. — Неужели ты девственница?.. — Т'саис с горящими глазами слушала, как они расписывают свое грязное представление о любви.

Т'саис выскочила из своего угла в ярости, пинаясь, кусаясь, колотя кулаками болотных людей, и когда ее, полумертвую, избитую, в синяках и царапинах, снова швырнули в угол, мужчины вытащили большую фляжку с медом, чтобы подкрепиться перед удовольствием.

Потом они бросили жребий, кому первому доставить удовольствие девушке. Жребий был брошен, и началась ссора: проигравшие утверждали, что выигравший мошенничал. Раздались гневные выкрики, и под взглядами Т'саис, находившейся в таком ужасе, какого не выдержать обыкновенному мозгу, бродяги начали драться, как лоси в период гона. Т'саис подползла к своему мечу и, как только дотронулась до него, тот прыгнул в воздух, как птица и бросился в бой, таща за собой Т'саис. Трое хрипло закричали, сверкнула сталь — вперед, назад, быстрее глаза. Крики, стоны — и на земляном полу уже лежат три трупа с разинутыми ртами. Т'саис отыскала ключ, открыла дверь и без памяти побежала в ночь.

Она бежала по темному болоту, не замечая дороги, упала в канаву, выползла на холодную грязную обочину и опустилась на колени... И это Земля! Она вспомнила Эмбелион, где самыми злыми созданиями были цветы и бабочки. Какую они вызывали в ней ненависть!

Эмбелион утрачен, отвергнут. И Т'саис заплакала.

Ее насторожило шуршание в вереске. Испуганная, она подняла голову, прислушалась. Что за новая напасть? Снова зловещие звуки, осторожные шаги. Она в ужасе всматривалась в тьму.

Из темноты появилась фигура, осторожно крадущаяся вдоль канавы. При свете светляков Т'саис увидела, что это деоданд, вышедший из леса, безволосое человекоподобное существо, с угольно-черной кожей и прекрасным лицом, которое портили два клыка, длинных и острых, которые торчали над нижней губой. Деоданд был одет в кожаные доспехи, и его раскосые глаза голодно устремились к Т'саис. С возбужденным криком он прыгнул на девушку.

Т'саис вырвалась, упала, вскочила на ноги. С криком побежала она по болоту, не обращая внимания на царапины и ушибы. Деоданд с дикими воплями бежал следом.

Они бежали по болоту, по лугу, по лесистым холмам, по кустарникам и через ручьи. Девушка бежала, широко раскрыв глаза и почти ничего не видя вокруг, преследователь продолжал испускать жалобные стоны.

Впереди показался свет в чьем-то окне. Т'саис с рыданиями взбежала на крыльцо. Дверь милосердно подалась. Т'саис упала внутрь, захлопнув дверь и задвинув засов. Деоданд всем своим весом ударился в дверь.

Дверь оказалась крепкой, окна — маленькими и забранными решетками. Она в безопасности. Т'саис опустилась на колени — дыхание разрывало ей горло — и немедленно потеряла сознание...

Хозяин дома встал из своего глубокого кресла у огня, высокий, широкоплечий мужчина, движущийся с необычной медлительностью. Возможно, он был молод, но судить об этом было затруднительно, так как его лицо и голову закрывал черный капюшон. В разрезах капюшона виднелись спокойные голубые глаза.

Человек постоял над Т'саис, которая, как кукла, лежала на красном кирпичном полу. Наклонился, поднял ее и перенес на широкую удобную скамью у огня. Снял с нее сандалии, возбужденно дрожащий меч, грязный плащ. Принес мазь и смазал царапины и кровоподтеки на ее теле. Потом завернул ее в мягкое фланелевое одеяло, подсунул под голову подушку и, убедившись, что ей удобно лежать, снова сел у огня.

Все это сквозь забранные решетками окна видел деоданд. Он постучал в дверь.

— Кто там? — спросил человек в черном капюшоне, поворачиваясь.

— Мне нужна та, что вошла. Я жажду ее плоти, — произнес деоданд мягким голосом.

Человек в капюшоне резко ответил:

— Уходи, или я сожгу тебя заклинанием. Уходи и никогда не возвращайся!

— Ухожу, — ответил деоданд, который очень боялся магии, и растворился в ночи.

А человек отвернулся от окна и стал смотреть в огонь.

Т'саис почувствовала во рту теплую ароматную жидкость и открыла глаза. Рядом с ней на коленях стоял высокий человек в черном капюшоне. Одной рукой он поддерживал ее за плечи и голову, другой — подносил серебряную ложку ко рту.

Т'саис отпрянула.

— Тише, — сказал человек. — Тебе нечего бояться.

Медленно, недоверчиво она расслабилась и лежала неподвижно.

В окна струились солнечные лучи, в доме было тепло. Стены покрыты панелями из золотистого дерева, вдоль потолка деревянная резьба, раскрашенная красным, синим и коричневым. Человек принес еще похлебки, достал из ящика хлеб и поставил перед ней. После недолгого колебания Т'саис поела.

Неожиданно на нее нахлынули воспоминания; она задрожала и испуганно оглянулась. Человек заметил ее напряженное лицо. Он наклонился и положил руку ей на голову. Т'саис лежала спокойно, как загипнотизированная.

— Ты здесь в безопасности, — сказал человек. — Ничего не бойся.

Сонливость навалилась на Т'саис. Веки ее отяжелели. Она уснула.

Когда она проснулась, дом был пуст. Темно-бордовые солнечные лучи лились из окна. Девушка потянулась и, заложив руки за голову, лежала, размышляя. Человек в черном капюшоне, кто он? Злой ли он? Все остальное на Земле недоступно ее разуму. Но незнакомец не сделал ей ничего плохого... Она увидела на полу свою одежду. Встала со скамьи и оделась. Подошла к двери и отворила ее. Перед ней к далекому горизонту тянулась болотистая равнина. Слева выдавался скалистый утес красного камня, покрытый темными тенями. Справа чернел край леса.

Прекрасно ли это? Т'саис задумалась. Ее пораженный мозг видел только унылость в линии болот, в резких изломах утеса и монотонности леса — ужас.

И это красота? В недоумении она повернула голову, сощурилась. Услышала шаги, вздоргнула, напряглась с ши-

роко открытыми глазами, ожидая чего угодно. Но это был человек в черном капюшоне, и Т'саис прислонилась к дверной раме.

Он остановился около нее.

— Есть хочешь?

Она на мгновение задумалась.

— Да.

— Сейчас поедим.

Он вошел в дом, разжег огонь и поджарил мясо. Т'саис неуверенно стояла поблизости. До сих пор она всегда сама готовила себе пищу.

Вскоре вкусно запахло пищей, и они сели за стол есть.

— Расскажи мне о себе, — немного погодя сказал незнакомец. И Т'саис, которая так и не научилась не быть простодушной, поведала ему свою историю в следующих словах:

— Я Т'саис. Я пришла на Землю из Эмбелиона, где меня создал волшебник Панделум.

— Эмбелион? А где это? И кто такой Панделум?

— Где Эмбелион? — удивленно повторила она. — Не знаю. Это место, которое не на Земле. Не очень большое, и свет с неба многоцветный. В Эмбелионе живет Панделум. Он величайший из живущих волшебников — так он сам мне говорил.

— Ага, — сказал человек. — Возможно, я понимаю...

— Панделум создал меня, — продолжала Т'саис, — но при сотворении была допущена ошибка. — Т'саис посмотрела в огонь. — Я вижу мир только как место отчаяния и ужаса, все звуки кажутся мне резкими, все живые существа — в разной степени отвратительными и внутренне грязными. В начале своей жизни я думала только о том, чтобы уничтожать, разрушать, топтать. Я не знала ничего, кроме ненависти. Потом я встретила сестру-близнеца, которая во всем подобна мне, но лишена моего порока. Она рассказала мне о любви, о красоте и о счастье. В поисках всего этого я явилась на Землю.

Серьезные голубые глаза изучали ее.

— И ты нашла то, что искала?

— Пока, — рассеянно ответила Т'саис, — я встретила только такое зло, которое не встречала даже в кошмарах. — Неторопливо она рассказала ему о своих приключениях.

— Бедняжка, — сказал он, продолжая рассматривать ее.

— Я думаю, мне нужно убить себя, — продолжала Т'саис все тем же рассеянным тоном, — то, что я ищу, навсегда потеряно.

— И человек, наблюдая, увидел, как солнечные лучи превратили ее кожу в медь, заметил ее распущенные черные волосы, большие задумчивые глаза.

— Нет! — резко сказал он. Т'саис удивленно посмотрела на него. Ведь жизнь принадлежит только живущему, и он может сам распоряжаться ею.

— Неужели ты ничего не нашла на Земле, — спросил он, — что тебе жаль было бы оставить?

Т'саис сморщила лоб.

— Не могу ничего припомнить — кроме этого мирного дома.

Человек рассмеялся.

— Пусть он будет твоим, пока ты этого хочешь, а я постараюсь показать тебе, что в мире есть и хорошее, хотя по правде говоря, — голос его изменился, — сам я в этом не уверен.

— Скажи мне, как тебя зовут? И почему ты носишь этот капюшон?

— Как меня зовут? Этарр, — слегка охрипшим голосом ответил он. — Достаточно этого имени. А маску я ношу из-за самой злобной женщины Асколайса — да что Асколайса — Олмери, Каучика — всего мира. Она сделала мое лицо таким, что я сам не переношу его вида.

Он успокоился и сухо усмехнулся.

— Сердиться нет смысла.

— Она жива, эта женщина?

— Да, жива и, несомненно, все еще приносит зло каждому встречному. — Он сидел, глядя в огонь. — Когда-то я об этом ничего не знал. Она была молода, прекрасна, украшена тысячью ароматов и шаловливой игривостью. Я жил на берегу океана — в белой вилле среди тополей. Над заливом Тенеброза выступает в океан мыс Печальных Воспоминаний, и когда солнце окрашивает небо в красный цвет, а горы в черный, мыс, кажется, спит на воде, как древний земной бог... Всю свою жизнь я провел там и был доволен, как только можно быть довольным в эти дни, ког-

да Земля описывает последние витки вокруг умирающего Солнца.

Однажды утром я оторвался от своих звездных карт и увидел идущую через портал Джаванну. Она была прекрасна и стройна, как ты. Волосы — удивительного рыжего цвета, и пряди их падали ей на плечи. Она была прекрасна и — в своем белом платье — чиста и невинна.

Я полюбил ее, и она говорила, что любит меня. И дала мне полоску черного металла, чтобы я носил ее. В своей слепоте я надел полоску на запястье, не зная, что на ней злая руна. Прошли недели величайшей радости. Но вскоре я узнал темные побуждения Джаванны, которые не могла подавить никакая любовь. Однажды ночью я застал ее в объятиях обнаженного черного демона, и это зрелище чуть не свело меня с ума.

Я стоял в дверях ошеломленный. Она меня не заметила, и я медленно ушел. Утром она прибежала на террасу, смеющаяся и счастливая, как ребенок. "Уходи, — сказал я ей. — Ты безгранично зла". Она произнесла заклинание, и руна на моей руке поработила меня. Мозг оставался моим, но тело с той минуты принадлежало только ей и должно было ей повиноваться.

Она заставляла меня рассказывать все, что я видел, насмехалась и наслаждалась. Она подвергла меня грязным унижениям, созвала сотни мерских существ из Калу, из Фаувуна, из Джелдреда, чтобы издеваться надо мной и осквернять мое тело. Заставила меня смотреть, как сама она играет с этими существами, а когда я указал на самое отвратительное существо, она при помощи магии дала мне его лицо, и это лицо стало моим.

— Может ли такая женщина существовать? — удивилась Т'саис.

— Сам удивляюсь. — Серьезные голубые глаза внимательно изучали ее. — ... Наконец, однажды ночью, когда демоны таскали меня по утесам за холмами, острый край камня случайно разрезал полоску с руной на моей руке. Я освободился, произнес заклинание, которое отправило этих существ далеко в небо, вернулся на виллу, и встретил рыжеволосую Джаванну в большом зале, и глаза у нее были холодными и невинными. Я извлек нож, чтобы ударить ее в горло, но она сказала: "Подо-

жди! Если ты убьешь меня, ты вечно будешь носить демонское обличье, потому что только я знаю, как его с тебя снять". И она беспечно убежала из виллы, а я, неспособный переносить вид этого места, ушел жить на болота. Теперь я всюду ищу ее, чтобы вернуть себе свое лицо.

— А где она сейчас? — спросила Т'саис, чьи беды казались ничтожными рядом с несчастьем Этарра.

— Я знаю, где она будет завтра ночью — ночью Черного Шабаша. С детства Земли ночь посвящена злым силам.

— И ты отправишься на шабаш?

— Не как участник — хотя по правде говоря, — печально сказал Этарр, — без капюшона я сошел бы за одного из страшилищ и на меня там никто не обратил бы внимания.

Т'саис задрожала и прижалась к стене. Этарр увидел этот жест и вздохнул.

Т'саис пришла в голову другая мысль.

— После всего, что ты испытал, ты все еще можешь находить в этом мире прекрасное?

— Конечно, — ответил Этарр. — Посмотри, как широко и привольно расстилаются эти болота, как прекрасен их цвет. Посмотри, как великолепно возвышаются утесы — хребет нашего мира. А ты, — он посмотрел ей в лицо, — ты прекраснее всего в этом мире.

— Прекраснее Джаванны? — спросила Т'саис и удивленно посмотрела на засмеявшегося Этарра.

— Прекраснее Джаванны, — заверил он ее.

А Т'саис продолжала размышлять.

— Ты хочешь отомстить Джаванне?

— Нет, — ответил Этарр, глядя на болота. — Что такое месть? Меня она не интересует. Скоро, когда солнце погаснет, люди увидят вечную ночь и умрут, а Земля понесет свои руины, свои горы, стершиеся до корней, в бесконечную тьму. К чему месть?

Потом они вышли из дома и пошли по болотам, Этарр старался показать ей красоту — медленную реку Скаум, текущую среди зеленых тростников, облака, греющиеся на тусклом солнце над утесами, птицу, парящую на широких крыльях, широкие туманные просторы Модавна Мура.

Т'саис напрягалась, стараясь увидеть в этом красоту, и ей, как всегда, это не удавалось. Но она научилась сдерживать дикий гнев, который вызывал в ней окружающий мир, ее желание убивать уменьшилось, а лицо стало менее напряженным.

Так бродили они, погруженные каждый в свои мысли, наблюдали печальное великолепие заката, и видели, как на небе расцветают безмолвные белые звезды.

— Разве звезды не прекрасны? — шептал Этарр из-под своего черного капюшона.

А Т'саис, находившая в солнечном закате только тоску и видевшая в звездах лишь бессмысленный узор маленьких искорок, ничего не могла ему ответить.

— Двух более несчастных людей нет на свете, — вздыхала она.

Этарр ничего не отвечал. Они шли молча. Неожиданно он схватил ее за руку и потянул в заросли утесника. Три большие тени, хлопая крыльями, пронеслись по небу.

— Пелгрейны!

Твари пролетели над самой головой — химеры с крыльями, скрипящими, как ржавые оконные петли. Т'саис мельком увидела жесткое кожистое тело, большой клюв в форме топора, жестокие глаза на сморщенной морде. Она прижалась к Этарру. Пелгрейны скрылись в лесу.

Этарр хрипло рассмеялся.

— Тебя испугал вид пелгрейнов. Но моя внешность заставила бы самих пелгрейнов бежать.

На следующее утро он опять повел ее в лес, и она нашла деревья, напоминавшие ей Эмбелион. Они рано вернулись домой, и Этарр занялся своими книгами.

— Я не волшебник, — с сожалением сказал он ей. — Я знаю лишь несколько простейших заклинаний. Но иногда я использую магию, и она поможет мне спастись от опасности сегодня ночью.

— Сегодня ночью? — рассеянно переспросила Т'саис.

— Сегодня ночь Черного Шабаша, и я должен отыскать Джаванну.

— Я пойду с тобой, — сказала Т'саис. — Хочу увидеть Черный Шабаш и Джаванну.

Этарр уверял, что вид и звуки Шабаша ужаснут ее и приведут в смятение ее мозг. Но Т'саис настаивала, и в

конце концов Этарр согласился взять ее с собой, когда через два часа после захода солнца он направился в сторону утесов.

Через заросли вереска, через скальные выступы отыскивал Этарр путь во тьме, и стройная тень Т'саис следовала за ним. Крутой откос лежал у них на пути. Через черную щель они вышли на длинную каменную лестницу, вырубленную в скалах в незапамятные времена; по этой лестнице они поднялись на верх утеса, и Модавна Мур остался лежать внизу черным океаном.

Этарр жестом призвал Т'саис к тишине. Они бесшумно прокрались между двумя скалами, рассматривая собравшихся внизу.

Они стояли над амфитеатром, освещенным двумя большими кострами. В центре возвышался каменный помост. У костров вокруг помоста раскачивались два десятка фигур, одетых в серые монашеские рясы. Лица их скрывали капюшоны.

Т'саис стало холодно. Она взглянула на Этарра.

— Даже в этом есть красота, — прошептал он. — Дикая и причудливая, но способная околдовать мозг. — Т'саис со смутным пониманием снова посмотрела вниз.

Все больше и больше одетых в рясы фигур раскачивалось у костров; Т'саис не видела, откуда они появляются. Очевидно, праздник только что начался, и участники его располагались, готовясь к таинству. Они скакали, перемешивались, сплетались и расплетались. Вскоре послышалось приглушенное пение.

Раскачивание и жестикуляция становились все более яростными, фигуры в рясах все теснее толпились у помоста. И вдруг одна из них выпрыгнула на помост и скинула рясу — ведьма средних лет с приземистым нагим телом и широким лицом. Глаза ее сверкали в экстазе, крупные черты лица непрерывно двигались в идиотском возбуждении. Рот открыт, язык свешивается, жесткие черные волосы, подобные кусту утесника, ниспадают по обе строны головы, когда она трясет ею. В свете костров ведьма танцует сладострастный похотливый танец, лукаво поглядывая на собравшихся. Пение прыгающих взметнулось диким хором, над головами появились темные фигуры и заскользили вниз со злобной уверенностью.

Все в толпе начали сбрасывать рясы, и обнажилось множество мужчин и женщин, старых и молодых: огненно-рыжие ведьмы с Кобальтовых гор, лесные колдуны Асколайса, седобородые волшебники из Заброшенных земель, сопровождаемые маленькими дьяволицами-суккубами. Одетый в великолепные шелка принц Датул Омает из Кансапара — Города Павших Колонн с берега Мелантинского залива. Чешуйчатое существо с глазами на стебельках — человекоящер из пустынь Южного Олмери. А эти никогда не расстающиеся девушки — сапониды, почти исчезнувшая раса из тундр Севера. Стройные темноглазые некрофаги из земли Падающей Стены. Ведьма с мечтательным взором и голубыми волосами — она живет на мысе Печальных Воспоминаний и ночами ждет на берегу тех, кто выходит из моря.

Обнаженная ведьма с отвисшей грудью танцевала, а собравшиеся, все более возбуждаясь, вздымали руки, изгибались, жестами изображая все зло и все извращения, какие только могли себе вообразить.

Бесновались все, кроме одной спокойной фигуры, попрежнему одетой в рясу и с удивительной грацией медленно двигавшейся через вакханалию. Вот она вышла на помост, ряса соскользнула с нее, и Т'саис увидела Джаванну в полупрозрачном облегающем платье, собранном у талии, свежую и целомудренную, как соленые морские брызги. Сверкающие рыжие волосы водопадом спускались на плечи, их завитки парили над грудью. Большие серые глаза ведьмы были скромны, земляничный рот полураскрыт. Она молча смотрела на толпу. Все кричали, теснились друг к другу, и Джаванна с обдуманной дразнящей неторопливостью начала двигаться.

Джаванна танцевала. Она поднимала и опускала руки, извивалась всем телом... Джаванна танцевала, и лицо ее светилось безрассудной страстью. Сверху опустилась туманная тень, прекрасное и зловещее создание соединилось с Джаванной в фантастическом объятии. Толпа внизу кричала, прыгала, каталась, сплеталась и расплеталась.

Со скалы смотрела Т'саис, мозг ее напряженно работал. Но — странный парадокс — зрелище и звуки очаровали ее, проникли в глубину души, сквозь порок ее мозга, разбудив темные струны, спящие в каждом человеке.

Этарр смотрел на нее, его глаза горели голубым огнем, а она смотрела на него, раздираемая противоречивыми чувствами. Он мигнул и отвернулся; Т'саис снова засмотрелась на оргию внизу — наркотический сон, дикое торжество плоти при свете костров. Шабаш окружала пространственная дымка, аура, свитая из многочисленных пороков. Демоны слетали вниз, как птицы, и присоединялись к общему безумию. Т'саис видела их отвратительные лица, и ее мозг пылал, пока она не почувствовала, что вот-вот закричит и умрет, — злобные глаза, разбухшие щеки, дергающиеся тела, черные лица с крючковатыми носами, дерганье, прыганье, ползание — порождение демонских земель. У одного нос был как трижды сложенный белый червь, рот — разлагающаяся язва, муравьиные челюсти и черный уродливый лоб; в целом существо вызывало тошноту и ужас. Этарр указал на него Т'саис.

— Вот это, — сказал он приглушенным голосом, — двойник того лица, что под моим капюшоном.

И Т'саис, глядя на черный покров Этарра, отшатнулась.

Он горько рассмеялся... Через мгновение Т'саис коснулась его руки.

— Этарр...

Он повернулся к ней.

— Да.

— Мой мозг болен. Я ненавижу все вокруг, не могу контролировать свои страхи. Но все, кроме мозга, — кровь, тело, душа — это все во мне любит тебя, даже такого, каков ты под маской.

Этарр смотрел на нее с неистовым напряжением.

— Как можешь ты любить то, что ненавидишь?

— Я ненавижу тебя той же ненавистью, что и весь мир. Я люблю тебя, и эти чувства не вызывают во мне противоречия.

Этарр отвернулся.

— Мы странная пара.

Суматоха, стонущее соитие плоти и псевдоплоти затихли. На помосте появился рослый человек в высокой конической черной шапке. Он, запрокинув голову, начал выкрикивать в небо заклятия, чертя руками в воздухе руны. И высоко над ним начала формироваться гигантская при-

зрачная фигура, громадная, выше самых больших деревьев, выше неба. Постепенно она становилась все отчетливее, зеленые волны тумана сходились и расходились, и вскоре ее очертания стали ясно видны — колеблющаяся фигура женщины, прекрасной, строгой и величественной. Фигура стала устойчивее, засветилась неземным зеленоватым свечением. У нее были золотистые волосы, убранные в старинную прическу, одежда тоже была из глубокой древности.

Волшебник, вызвавший ее, возбужденно завопил, стал выкрикивать ядовитые насмешки, разносившиеся над утесами.

— Она живая! — прошептала Т'саис. — Она движется. Кто это?

— Этодея, богиня милосердия, из того времени, когда Солнце было еще желтым.

Волшебник вскинул руки, и огненная пурпурная стрела пронеслась по небу и ударила в туманную зеленоватую фигуру. Спокойное лицо исказилось от боли. Наблюдающие за представлением демоны, ведьмы и некрофаги радостно завопили. Колдун на помосте снова поднял руки, и пурпурные огненные стрелы обрушились на плененную богиню. Ужасно было слышать вопли и крики у костров.

И тут послышался прозрачный ясный звук охотничьего рога, прорезавший бешеную сумятицу. Веселье мгновенно стихло.

Звук, музыкальный, четкий, прозвучал вновь. Он был совершенно чужд происходящему. И вот на утесы, как прибой, налетела группа людей, одетых в зеленое и движущихся с фанатической решимостью.

— Валдаран! — закричал волшебник на помосте, а зеленая фигура Этодеи заколебалась и исчезла.

Паника охватила амфитеатр. Послышались хриплые крики, тела смешивались, демоны облаком неясных теней вздымались вверх. Несколько колдунов, сохранивших самообладание, бросали в наступавших горсти пламени, заклятия уничтожения и неподвижности, но тех окружала мощная противомагия, и нападавшие невредимыми ворвались в амфитеатр. Их мечи вздымались и падали, рубили, кололи, резали без удержу и милосердия.

— Зеленый легион Валдарана Справедливого, — прошептал Этарр. — Посмотри, вот и он сам. — И он указал на черную фигуру на вершине одного из утесов, с жестоким удовлетворением следящую за происходящим.

Демоны не спаслись. Когда они начали подниматься в ночное небо, на них из темноты набросились большие птицы, выпущенные людьми в зеленом. Птицы несли трубы, из которых извергалось ослепительное пламя, и демоны, которых оно касалось, издавая ужасные крики, падали на землю и взрывались облаками черной пыли.

Несколько колдунов спаслись среди утесов, они спрятались в тени. Т'саис и Этарр слышали под собой их тяжелое дыхание. Наверх отчаянно карабкалась та, кого искал Этарр, — Джаванна. Ее рыжие волосы вились по ветру. Этарр прыгнул, схватил ее и сжал сильными руками.

— Пошли, — бросил он Т'саис и, таща извивающуюся Джаванну, заторопился сквозь мрак.

Наконец они оказались внизу на болотах. Шум битвы стих в отдалении. Этарр поставил женщину на ноги и отнял ладонь от ее рта. Ведьма впервые увидела того, кто ее поймал. Лицо ее стало спокойнее, на нем появилась легкая улыбка. Джаванна пригладила свои длинные рыжие волосы, разбросав локоны по плечам, все время разглядывая Этарра. Подошла Т'саис. Джаванна бросила на нее оценивающий взгляд и рассмеялась.

— Итак, Этарр, ты не сохранил мне верность: у тебя новая любовница.

— Тебе нет дела до нее, — ответил Этарр.

— Отошли девку, — сказала Джаванна, — и я снова полюблю тебя. Помнишь, как мы впервые поцеловались под тополями, на террасе твоей виллы?

Этарр коротко резко рассмеялся.

— Мне нужно от тебя только одно — мое лицо.

А Джаванна насмехалась:

— Твое лицо? А чем тебе не нравится то, которое на тебе?

Оно тебе больше подходит; и в любом случае твое прежнее лицо погибло.

— Погибло? Как это?

— Тот, у которого оно было, сгорел сегодня в огне Зеленого легиона.

Этарр оглянулся на утесы.

— Так что теперь твоя внешность превратилась в пыль, в черный пепел, — продолжала Джаванна.

Этарр в слепом гневе ударил ее по прекрасному бесстыдному лицу. Джаванна быстро шагнула назад.

— Осторожнее, Этарр, или я использую против тебя магию, и твое тело станет тогда соответствовать лицу.

Этарр взял себя в руки и отступил, глаза его горели.

— У меня тоже есть магия, но даже без ее помощи, одним кулаком я заставлю тебя замолчать при первых же звуках твоего заклятия.

— Посмотрим, — воскликнула Джаванна, отбегая. — Мое заклятие удивительно короткое.

Этарр прыгнул, а она произнесла заклятие. И Этарр на середине прыжка остановился, руки его безжизненно повисли, он стал безвольным существом, всю его волю отобрала магия.

Но Джаванна стояла точно в такой же позе, ее серые глаза тупо смотрели вперед. Только Т'саис оставалась свободной — потому что на ней была руна Панделума, которая обращала магию против того, кто применил ее.

Удивленная девушка стояла в темной ночи, а рядом с ней стояли, как во сне, две фигуры. Т'саис подбежала к Этарру, потянула за руку. Тот тупо смотрел на нее.

— Этарр! Что с тобой? — И Этарр, воля которого была парализована и который должен был отвечать на вопросы и исполнять приказания, ответил ей.

— Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня воли. Без приказа я не могу ни двигаться, ни говорить.

— Что же мне делать? Как спасти тебя? — спросила встревоженная девушка. И, хотя Этарр лишился воли, мыслить он не разучился. Но он мог дать ей только информацию, ничего больше.

— Ты должна приказать мне действовать так, чтобы победить ведьму.

— Но как я узнаю, что делать?

— Спрашивай меня, и я отвечу.

— Но разве не лучше приказать тебе действовать так, будто ты свободен?

— Да.

— Тогда так и поступай: действуй, как стал бы действовать в таких обстоятельствах Этарр.

Так во тьме ночи было уничтожено заклятие Джаванны. Этарр пришел в себя и действовал как нормальный человек. Он приблизился к неподвижной Джаванне.

— Ты боишься меня, ведьма?

— Да, — ответила Джаванна, — теперь я боюсь тебя.

— Правда ли, что лицо, которое ты украла у меня, превратилось в пепел?

— Твое лицо стало пеплом вместе со взорвавшимся демоном.

Голубые глаза спокойно смотрели на нее сквозь прорези в капюшоне.

— Как мне вернуть его?

— Нужна сильная магия, нужно проникнуть далеко в прошлое; твое лицо теперь в далеком прошлом. Нужна магия сильнее моей, сильнее той, которой обладают волшебники и демоны нынешней Земли. Я знаю только двоих, которые на это способны. Первого зовут Панделум, он живет в многоцветном мире...

— Эмбелион, — прошептала Т'сагс.

— ... но заклинание, переносящее в этот мир, забыто. Однако есть и другой, не волшебник. Он не знает магии. Чтобы вернуть себе лицо, ты должен отыскать одного из них, — Джаванна замолкла, ответив на вопрос Этарра.

— А кто этот второй? — спросил Этарр.

— Я не знаю, как его зовут. Далеко в прошлом, за пределами нашей памяти, так гласит легенда, раса справедливых людей жила к востоку от Маурeронских гор, за Землей Падающей Стены, у берегов большого моря. Они построили город со шпилями и низкими стеклянными куполами и жили там в спокойствии. У них не было бога, и вскоре они ощутили необходимость хоть в ком-нибудь, кому можно было бы поклоняться. Они построили роскошный храм из золота, стекла и гранита, обширный, как река Скаум, там, где она течет по долине Резных Надгробий, и такой же длинный, и выше деревьев Севера. И весь народ этих честных людей собрался в храме и стал молиться, и воля этих людей, как гласит легенда, создала бога. У него были их качества — это был бог совершенной справедливости.

Прошли века. Город исчез, его шпили и башни превратились в груды обломков, народ рассеялся. Но бог остал-

ся, навсегда привязанный к месту, где ему поклонялись. Сила этого бога превосходит любую магию. Каждому, кто обращается к нему, бог дарует справедливость. И — пусть боится зло — бог не проявляет ни капли милосердия. Поэтому мало кто решается предстать перед этим богом.

— Мы отправимся к этому богу, — с мрачным удовлетворением сказал Этарр. — Отправимся втроем, и втроем будем просить у него справедливости.

Они вернулись по болотам в дом Этарра, и тот поискал в книгах заклинания, чтобы перенестись в древний город. Тщетно: в его распоряжении такой магии не оказалось. Он обратился к Джаванне.

— Ты знаешь магию, которая перенесет нас к этому древнему богу?

— Да.

— Что это за магия?

— Я призову крылатых существ с Железных гор, и они отнесут нас.

Этарр пристально взглянул в лицо Джаванне.

— А какую награду они требуют?

— Они убивают тех, кого переносят.

— Ага, ведьма, — воскликнул Этарр, — даже лишенная воли, вынужденная правдиво отвечать на вопросы, ты пытаешься повредить нам.

Он возвышался над прекрасным рыжеволосым злом.

— Как нам невредимыми добраться до этого бога?

— Нужно заклясть этих крылатых существ.

— Вызывай их, — приказал Этарр, — и наложи на них заклятье, свяжи их всей властью, которую дает тебе магия.

Джаванна призвала тварей; те опустились, хлопая большими кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них заклятье безопасности, и они завыли и затопали в разочаровании.

Все трое сели верхом, и чудища быстро понесли их по небу, в котором уже чувствовалось дыхание утра.

На восток, все время на восток. Наступил рассвет, медленно взошло тусклое красное солнце. Внизу проплыл темный Маурeронский хребет; позади осталась туманная Земля Падающей Стены. К югу раскинулись пустыни Олмери

и дно древнего моря, заросшее джунглями; к северу — дикие леса.

Они летели весь день — над пустынными пространствами, над сухими утесами, миновали еще один большой горный хребет и к заходу солнца медленно опустились в местности, похожей на парк.

Перед ними сверкало море. Крылатые существа опустились на широком песчаном пляже, и Джаванна связала их заклятием неподвижности до их возвращения.

Ни на берегу, ни в парке не видно было ни следа древнего города. Лишь в полумиле от берега из воды выступало несколько разбитых колонн.

— Море наступает, — пробормотал Этарр. — Город затоплен.

Он вошел в воду. Море оказалось мелким и спокойным. Т'саис и Джаванна последовали за ним. Войдя в воду по пояс, окруженные подступающими сумерками, они дошли до разбитых колонн древнего храма.

Чье-то присутствие ощущалось в этом месте, бесстрастное, сверхъестественное, обладающее безграничной волей и властью.

Этарр встал в центре старого храма.

— Бог прошлого! — воскликнул он. — Я не знаю, как к тебе обратиться, иначе я назвал бы тебя по имени. Мы трое пришли к тебе из далекой земли в поисках справедливости. Если ты слышишь нас и воздашь нам по справедливости, то дай знак!

Низкий звучный голос раскатился в воздухе:

— Слышу и каждому воздам по справедливости.

И все увидели золотую шестирукую фигуру с круглым спокойным лицом, неподвижно восседающую в нефе огромного храма.

— Меня обманом лишили лица, — сказал Этарр. — Если ты считаешь меня достойным, верни мне мое лицо.

Бог протянул свои шесть рук.

— Я осмотрел твой мозг. Справедливость восстановлена. Можешь снять капюшон. — Этарр медленно снял маску. Провел рукой по лицу. Лицо было его собственным.

Т'саис ошеломленно смотрела на него.

— Этарр! — воскликнула она. — Мой мозг изменился! Я вижу — я вижу мир таким, какой он есть. Прекрасным!

— Каждому заслуженное, справедливость восстановлена, — произнес звучный голос.

Они услышали стон. Повернулись и взглянули на Джаванну.

Куда делось ее прекрасное лицо, земляничный рот, чистая кожа?

Нос ее превратился в сложенного втрое извивающегося червя, рот — в разлагающуюся язву. Муравьиные челюсти отвисли, лоб почернел и сморщился. Единственное, что осталось от прежней Джаванны, — ее лежащие на плечах длинные рыжие волосы.

— Каждый приходящий получает по справедливости, — сказал голос, и видение храма поблекло. Трое стояли по пояс в холодной воде, и море играло, а сломанные колонны высоко вздымались в небо.

Они медленно вернулись к крылатым существам.

Этарр обернулся к Джаванне.

— Уходи, — приказал он. — Лети в свое логово. Когда завтра солнце сядет, ты освободишься от заклятия. Но больше никогда не беспокой нас: магия предупредит меня, и я уничтожу тебя.

Джаванна молча оседлала существо и взмыла в ночное небо.

Этарр повернулся к Т'саис и взял ее за руку. Он смотрел на ее лицо, смотрел в глаза, в которых светилась такая радость, что они казались горящими. Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом вместе, рука об руку, они направились к своим крылатым существам и полетели назад, в Асколайс.

ЛАЙАН-СТРАННИК

Лайан-Странник шел густым лесом, легкой скользящей походкой проходил по тенистым полянам. Он насвистывал, напевал — он явно находился в отличном настроении. Вокруг пальца он вертел браслет из обработанной бронзы, украшенный какими-то угловатыми древними буквами.

По счастливой случайности нашел он эту вещь, зацепившуюся за корень древнего тиса. Подобрав браслет, он

увидел надпись на его внутренней стороне — грубые мощные символы, несомненно, какая-то могучая древняя руна... Лучше отнести браслет к волшебнику и испытать на колдовство.

Лайан сухо сморщился — дала о себе знать не совсем зажившая рана в боку. К этому есть препятствия. Иногда кажется, что все живые существа сговорились раздражать его. Только сегодня утром тот торговец пряностями — какой шум он поднял, умирая! Как неосторожно забрызгал кровью красные, с загнутыми носками, туфли Лайана! "И все-таки, — подумал Лайан, — каждая неприятность приносит и компенсацию." Копая могилу, он нашел этот браслет.

Настроение Лайана снова улучшилось, он весело запел и пошел вприпрыжку. Красное перо на его зеленой шляпе раскачивалось и, казалось, подмигивало... И все же — Лайан на мгновение остановился — он ничуть не приблизился к разгадке тайны магии, если кольцо обладало такой магией.

Эксперимент — вот нужное слово!

Он остановился там, где рубиновые солнечные лучи падали на землю без преграды со стороны тяжелой листвы, осмотрел кольцо, провел по буквам надписи ногтем. Внимательно всмотрелся. Какая-то пленка, мерцание? Он держал находку на расстоянии вытянутой руки, "Пожалуй, для браслета — великовато. По-видимому, диадема." Он снял шляпу, надел на голову кольцо, закатил глаза... Странно. Обруч соскользнул ему на уши. Сполз на глаза. Тьма. Лайан лихорадочно стащил его с головы. Бронзовый обруч, толщиной в руку. Странно.

Он попробовал снова. Обруч скользнул по голове, по плечам. Голова оказалась в темном необычном пространстве. Глядя вниз, он увидел, что обычный свет прекращался там, куда сполз обруч.

Медленно вниз... Теперь оно окружало его лодыжки — в неожиданном страхе Лайан сорвал кольцо со своего тела и появился, мигая в бордово-красном свете леса.

Он заметил в листве сине-голубое и зелено-белое сверкание. Твк-человек верхом на стрекозе, свет отражается в крыльях насекомого.

Лайан резко позвал:

— Эй ты!

Твк-человек опустил свою верховую стрекозу на ветку.

— Что тебе нужно, Лайан?

— Смотри и запоминай, что увидишь. — Лайан надел на голову обруч, опустил до ног, снова поднял. Посмотрел на твк-человека, который жевал травинку. — Что ты видел?

— Я видел, как Лайан исчез из виду, остались только его красные туфли. Все остальное растаяло в воздухе.

— Ха! — воскликнул Лайан. — Подумать только! Ты видел что-нибудь подобное?

Твк-человек беззаботно спросил:

— У тебя есть соль? Мне нужна соль.

— А какие новости ты мне принес?

— Три эрба убили Флореджина-Снотворца и взорвали все его шары. Воздух над его домом долго был многоцветным от летящих обрывков.

— Грамм.

— Принц Кандайв Золотой построил баржу из резного дерева и теперь плывет по реке Скаум на Регату.

— Два грамма.

— Золотая ведьма, по имени Лит, поселилась на лугу Тамбер. Она тихая и очень красивая.

— Три грамма.

— Хватит, — сказал твк-человек и наклонился, глядя, как Лайан взвешивает соль на крохотных весах. Он уложил соль в маленькие корзины и подвесил их по обе стороны ребристой груди насекомого, затем поднял стрекозу в воздух и исчез в листве.

Лайан опять надел бронзовый обруч и на этот раз переступил через него и вышел в окружающую его тьму. Что за удивительное укрытие! Отверстие, вход в которое можно спрятать в самом укрытии! Опустил кольцо вниз, поднял его над плечами, снял и оказался опять в лесу с маленьким бронзовым браслетом в руке.

"Хо! А теперь на луг Тамбер взглянуть на золотую ведьму!"

Дом ее — простой шалаш из тростника, купол с двумя круглыми окнами и низкой дверью. Он увидел Лит в пруду, когда она стояла по колено в воде и ловила лягушек себе на ужин. Белая юбка высоко подвернута; девушка бы-

ла неподвижна, и темная вода кругами расходилась от ее стройных колен.

Она была прекраснее, чем Лайан мог себе представить, как будто один из лопнувших шаров Флореджина взорвался здесь над водой. Светло-кремовая кожа, тронутая золотом; волосы — еще более чистое, влажное золото. Глаза похожи на глаза самого Лайана — большие, золотые, широко расставленные и слегка раскосые.

Лайан остановился на берегу. Ведьма испуганно вздрогнула, ее спелый рот полураскрылся.

— Смотри, золотая ведьма, здесь Лайан. Он пришел на Тамбер, чтобы приветствовать тебя; он предлагает тебе свою дружбу, свою любовь...

Лит наклонилась, зачерпнула пригоршню грязи и бросила ему в лицо.

Выкрикивая яростные проклятия, Лайан вытер глаза, но дверь ее дома уже была закрыта.

Лайан пошел к двери и постучал кулаком.

— Открой и покажи свое ведьмино лицо, иначе я сожгу твой дом.

Дверь открылась, девушка выглянула с улыбкой.

— Что еще?

Лайан вошел в дом и бросился к ней, но двадцать острых лезвий взметнулись в воздухе, двадцать стрел уперлись в его грудь. Он остановился, с поднятыми бровями, с дергающимся ртом.

— Назад, сталь, — сказала Лит, и лезвия исчезли. — Я легко могла бы отобрать у тебя жизнь. Если бы захотела.

Лайан нахмурился и как бы в раздумье потер подбородок.

— Понимаешь, — сказал он серьезно, — как ты безрассудна. Лайана боятся те, кого боится сам страх, и любят те, кого любит любовь. А ты, — он осмотрел ее золотое тело, — ты спела, как сладкий фрукт. Ты нетерпелива, ты сверкаешь и дрожишь от любви. Ты нравишься Лайану, и он даст тебе много тепла.

— Нет, нет, — с легкой улыбкой ответила Лит. — Ты слишком торопишься.

Лайан удивленно взглянул на нее.

— Неужели?

— Я Лит, — сказала она. — Ты видишь, какова я. Я волную, я бурлю, я тревожу. Но я смогу полюбить только того, кто окажет мне услугу. Он должен быть храбрым, быстрым и хитроумным.

— Так это обо мне, — сказал Лайан и пожевал губу. — Послушай, давай...

Она попятилась.

— Нет, нет! Ты забыл. Ты не послужил мне, не заслужил мою любовь!

— Вздор! — бушевал Лайан. — Посмотри на меня. Заметь мою совершенную грацию, красоту моей фигуры и лица, мои большие глаза, золотые, как и у тебя, мою замечательную красоту и силу... Это ты должна мне служить. Так оно и будет. — Он опустился на низкий диван. — Женщина, дай мне вина.

Она покачала головой.

— В моем маленьком шалаше меня нельзя заставить. Может быть, снаружи, на лугу Тамбер — но не здесь, среди двадцати моих стальных лезвий, отвечающих на мой призыв. Здесь ты должен повиноваться мне... Поэтому выбирай. Либо вставай и уходи, чтобы никогда не возвращаться, либо согласись выполнить одно мое маленькое поручение. Тогда получишь меня и весь мой пыл.

Лайан сидел прямо и неподвижно. Странное существо, эта золотая ведьма. Но заслуживает некоторых усилий, и он заставит ее заплатить за дерзость.

— Хорошо, — сказал он вежливо. — Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я удушу тебя жемчугами, ослеплю бриллиантами. У меня есть два изумруда размером в твой кулак, это зеленые океаны, взгляд тонет в них и остается внутри навсегда, блуждая меж вертикальных зеленых призм...

— Нет, не драгоценности...

— Значит, враг. Так просто. Лайан убьет ради тебя хоть десять человек. Два шага вперед, удар, и все. — Он сделал выпад. — И душа, стеная, летит вверх, как пузырек в кувшине меда.

— Нет. Мне не нужны убийства.

Он, нахмурившись, снова сел.

— Что же тогда?

Ведьма отошла к задней стене и потянула уголок занавески. Та отодвинулась, открыв золотой ковер, на котором была изображена ограниченная двумя крутыми горами широкая долина, по которой мимо тихой деревни в рощу протекала спокойная река. Река золотая, золотые горы, золотые деревья — золото разнообразных оттенков, богатое, вычурное. Все это создает впечатление многоцветного ландшафта. Но ковер был грубо разрезан пополам.

Лайан был очарован.

— Великолепно, великолепно...

Лит сказала:

— Здесь изображена волшебная долина Аривенты. Вторая половина ковра у меня украдена, и ее возвращение — та услуга, о которой я у тебя прошу.

— Где же вторая половина? — спросил Лайан. — И кто этот презренный трус?

Теперь она внимательно смотрела на него.

— Ты когда-нибудь слышал о Чане? О Чане Неминуемом?

Лайан задумался.

— Нет.

— Он и украл половину моего ковра. Повесил в мраморном зале, который находится среди руин севернее Кайна.

— Ха! — пробормотал Лайан.

— Зал расположен возле Дворца Шепотов и обозначен наклонной колонной с черным медальоном с изображением феникса и двуглавой ящерицы.

— Иду, — сказал Лайан. Он встал. — Один день до Кайна, один на то, чтобы украсть, еще один на возвращение. Три дня.

Лит проводила его до двери.

— Берегись Чана Неминуемого, — прошептала она.

И Лайан, насвистывая, отправился в путь. Красное перо развевалось на его шляпе. Лит смотрела вслед, потом повернулась и приблизилась к ковру.

— Золотая Аривента, — прошептала она, — мое сердце плачет и болит от стремления к тебе.

Река Дерна стремительнее и уже, чем Скаум, ее родной брат на юге. И там, где Скаум течет по широкой долине, пурпурной от цветов, усеянной белыми и серыми

пятнами разрушенных замков, Дерна прорубывает узкий каньон, над которым нависают лесистые утесы.

Древняя каменная дорога когда-то проходила по берегу Дерны, но теперь ее поверхность была усеяна большими трещинами, так что Лайан, направлявшийся в Кайн, вынужден был часто покидать дорогу и идти в обход через заросли колючих кустарников и трубчатой травы, шелестевшей на ветру.

Красное солнце, двигающееся по небу неторопливо, как старик ковыляет к смертному одру, висело низко над горизонтом, когда Лайан, взобравшись на Рубец Порфириона, взглянул сверху на белостенный Кайн и голубой залив Санреаль за ним.

Прямо под ним находилась торговая площадь, путаница лавок, где продавались фрукты, куски бледного мяса, моллюски с илистых берегов, тусклые флаконы вина. Спокойные жители Кайна двигались среди лавок, покупая продукты и унося их в свои каменные жилища.

За торговой площадью, как сломанные зубы, возвышались ряды обрушившихся колонн — подпорки арены, которую двести лет назад построил над землей безумный король Шин, еще дальше — в роще лавровых деревьев — виднелся блестящий купол дворца, откуда Кандайв Золотой правил Кайном и всей той частью Асколайса, которая видна с Рубца Порфириона.

Дерна, теперь уже не поток чистой воды, растекалась в паутину каналов и подземных труб и в конце концов сквозь гниющие гавани просачивалась в залив Санреаль.

"Постель на ночь, — подумал Лайан, — а утром — за дело."

Он прыжками спустился по зигзагообразным ступеням и оказался на торговой площади. Сейчас он был серьезным и сосредоточенным. Лайан-Странник хорошо известен в Кайне, и многие здесь хотели бы причинить ему вред.

Он осторожно прошел в тени Паннонской стены по узкой мощеной улице, между старыми деревянными домами, густо-коричневыми в свете заходящего солнца, и ступил на маленькую площадь, на которую выходил высокий каменный фасад "Гостиницы Волшебников".

Хозяин гостиницы, маленький толстый человечек, с печальными глазами, с маленьким толстым носом, похожим

по форме на его тело, выгребал угли из очага. Он выпрямился и заторопился за прилавок своей маленькой прихожей.

Лайан сказал:

— Хорошо проветренная комната и ужин: грибы, вино, устрицы.

Хозяин поклонился.

— Слушаюсь, сэр... а чем вы будете платить?

Лайан швырнул ему кожаный мешочек, отобранный только сегодня утром у покойника. Почувствовав аромат, хозяин от удовольствия зажмурился.

— Почки с кустов списа, привезенные из далекой земли, — сказал Лайан.

— Великолепно, великолепно... Ваша комната, сэр, и ваш ужин — немедленно.

Пока Лайан ел, появились остальные постояльцы гостиницы. Они сели с вином у огня, и начался общий разговор, который в основном касался магии прошлого и когда-то живших великих волшебников.

— ... Великий Фандаал знал забытую теперь науку, — сказал старик с выкрашенными оранжевой краской волосами. — Он привязывал к ногам ласточек белые и черные струны и посылал их в разные стороны. И там, где они свивали свою магическую ткань, вырастали большие деревья, усеянные цветами, фруктами, орехами или пузырями с редкими напитками. Говорят, так он создал Великий Лес на берегах озера Санры.

— Ха, — сказал угрюмый человек в коричневой с черным одежде, — такое и я могу. — Он извлек несколько струн, согнул их, связал, произнес негромкое слово, и струны превратились в языки красного и желтого пламени, которое плясало, сворачивалось, металось взад и вперед по столу, пока мрачный человек не погасил его жестом.

— А я могу вот что, — сказал человек в черном капюшоне с серебряными кругами. Он достал маленький поднос, положил его на стол и бросил на него горсть пепла из очага. Потом достал свисток и извлек из него ясный звук. Над подносом взлетели сверкающие мотыльки, блестя красным, синим, голубым, желтым. Они взлетели на фут и взорвались яркими цветами — каждый образовал

звезду. Взрывы сопровождались звуками — самыми ясными, чистыми звуками в мире. Мотыльков стало меньше, волшебник выдул другую ноту, и взвились в сверкании мотыльки. Еще раз — и еще один рой мотыльков. Наконец он убрал свисток, вытер поднос, убрал его под плащ и снова замолк.

В состязание вступили другие колдуны, и воздух над столом заполнился видениями, задрожал от заклинаний. Один показал девять цветков невыразимой красоты, другой образовал на лбу хозяина рот, который, к большому неудовольствию маленького толстяка, начал поносить толпу, да еще его же голосом. Еще один показал зеленую бутылку, в которой гримасничал чертенок; еще один — шар из чистого хрусталя, который по команде волшебника катался взад и вперед; владелец утверждал, что это — серьга знаменитого мастера Санкаферрина.

Лайан внимательно следил за всем этим, сожалея, что мир полон жестокосердых людей, но волшебник с хрустальным шаром остался равнодушным, и даже когда Лайан вытащил двенадцать пакетов с редкими пряностями, отказался расстаться со своей игрушкой.

Лайан упрашивал:

— Я хочу только доставить удовольствие ведьме Лит.

— Доставь ей удовольствие пряностями.

Лайан негодующе сказал:

— Действительно, у нее только одно желание — кусок ковра, который я должен украсть у Чана Неминуемого.

И переводил взгляд от одного к другому внезапно замолкнувшему гостю.

— Что за неожиданная трезвость? Эй, хозяин, еще вина!

Владелец серьги сказал:

— Даже если бы пол по колено был покрыт вином, лучшим красным вином Танвилката, свинцовая печать этого имени все равно висела бы в воздухе.

— Ха! — рассмеялся Лайан, — пусть только вкус этого вина коснется твоих губ, и пары его все сотрут из памяти

— Взгляните на его глаза, — послышался шепот. — Они большие и золотые.

— И хорошо видят к тому же, — говорил Лайан. — А эти ноги — быстро бегают... летят, как звездный свет

по волнам. А эти руки — быстро ударяют сталью. А моя магия даст мне убежище вне пределов всякого знания. — Он глотнул вина из кувшина. — Смотрите. Вот магия древности. — Он надел на голову бронзовый обруч, прошел сквозь него. Когда ему показалось, что прошло достаточно времени, он вышел из кольца.

Огонь горел, хозяин суетился за стойкой. Вино Лайана стояло на столе. Но не было ни следа волшебников.

Лайан удивленно осмотрелся.

— А где же мои друзья волшебники?

Хозяин повернул голову:

— Разошлись по своим комнатам. Имя, которое ты произнес, тяжелым грузом легло на их души.

Лайан допил свое вино в хмуром молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и по окольной дороге направился в Старый Город — дикую серую мешанину обрушившихся столбов, выветренных блоков песчаника, упавших фронтонов с высеченными надписями, террас, заросших ржавым мхом. Ящерицы, змеи, насекомые ползали по руинам; больше ничего живого не было видно.

Пробираясь среди развалин, он чуть не споткнулся о труп — тело юноши, который смотрел в небо пустыми глазницами.

Лайан ощутил чье-то присутствие. Он отпрыгнул, наполовину обнажив рапиру. На него смотрел согбенный старик. Он заговорил слабым дрожащим голосом:

— Что тебе нужно в Старом Городе?

Лайан убрал рапиру.

— Я ищу Дворец Шепотов. Может, покажешь?

Старик испустил хриплый звук из глубины горла.

— Еще один? Еще? Когда это кончится?.. — Он указал на труп. — Этот пришел вчера. Он тоже искал Дворец Шепотов. Хотел обокрасть Чана Неминуемого. Видишь, каков он теперь? — Старик повернулся. — Идем со мной. — И он исчез за грудой обломков.

Лайан последовал за ним. Старик стоял возле другого трупа с пустыми окровавленными глазницами.

— Этот пришел четыре дня назад. Он встретился с Чаном Неминуемым... А вот здесь, за аркой — великий воин

в доспехах из перегородчатой эмали. И здесь... и здесь... — Он показывал, показывал. — И здесь, и здесь, как раздавленные мухи.

Он устремил на Лайана взгляд своих водянистых голубых глаз.

— Вернись, молодой человек, вернись, иначе твое тело в зеленом плаще сгниет здесь на камнях.

Лайан вытащил рапиру и взмахнул ею.

— Я Лайан-Странник. Пусть лучше боятся те, кто меня оскорбит. Где Дворец Шепотов?

Старик стоял, как обветрившаяся статуя, и Лайан ушел.

"А что если старик — подручный Чана, — спросил себя Лайан, — и как раз сейчас идет к нему с предупреждением?.. Лучше принять меры предосторожности." Он прыгнул на высокий обломок колонны и, пригнувшись, побежал назад, туда, где оставил старика.

Вот и старик, что-то бормочет, опираясь на палку. Лайан бросил кусок гранита размером со свою голову. Удар, вскрик — и Лайан отправился своей дорогой.

Он прошел мимо разбитого обелиска и оказался во Дворце Шепотов. Прямо против него был длинный широкий зал, обозначенный наклонной колонной, на которой выделялся черный медальон — знак Феникса и двуглавой ящерицы.

Лайан укрылся в тени стены и стоял, высматривая, как волк, малейшее движение.

Все вокруг было неподвижно. Солнечный свет придавал руинам пугающее великолепие. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись разбитые камни. Пустыня, усеянная тысячами развалин, откуда ушел дух человека и камни стали принадлежностью природы.

Солнце двигалось по темно-синему небу. Лайан покинул свой наблюдательный пункт и обошел зал, он никого не встретил.

Он подошел к зданию с тыла и прижал ухо к камню. Все мертво, ни малейшей дрожи. Щель в стене. Лайан заглянул внутрь. В конце зала висит золотой ковер. Зал совершенно пуст.

Лайан огляделся по сторонам. Ничего не видно. Он продолжал обходить зал.

Подошел еще к одному разбитому месту. Заглянул внутрь. Висит золотой ковер. И больше ничего, ни звука, ни движения.

Лайан продолжал обходить зал, заглядывая в проделы. Мертво, как пыль.

Теперь ему стала видна вся комната. Пустая, обнаженная, если не считать ковра.

Он вошел, ступая широкими мягкими шагами. Остановился посередине. Со всех сторон, кроме задней стены, лился свет. Не менее дюжины отверстий, через которые можно убежать, и — ни звука, кроме тупого биения его собственного сердца.

Он сделал два шага вперед. Теперь ковер находился почти рядом.

Он ступил вперед и быстро сорвал ковер со стены.

За ним стоял Чан Неминуемый.

Лайан закричал. Он неуклюже повернулся на парализованных ногах, словно они были из свинца. Но ноги, как во сне, отказывались повиноваться ему.

Чан соскочил со стены и приблизился. На его плечах висела черная накидка, к шелку которой были пришиты многочисленные глазные яблоки.

Лайан побежал со всех ног. Он прыгал, он парил. Его башмаки едва касались земли. Из зала, через площадь, в неразбериху разбитых статуй и упавших колонн. А за ним, как собака, бежал Чан.

Лайан пробежал вдоль большой стены и прыгнул в разбитый фонтан. За ним — Чан.

Лайан устремился в узкий проход, взобрался на груду мусора, на крышу, оттуда во двор. За ним — Чан.

Лайан пронесся по широкой улице, на которой росло несколько чахлых старых кипарисов, слыша за собой Чана. Он вбежал под арку, вытащил свой бронзовый обруч, надел на голову, опустил к ногам, переступил через него. Убежище. Он один в темном волшебном пространстве, исчезнув ото всех земных взглядов, от всего земного знания. Молчание, мертвое пространство...

Он почувствовал близкое движение, выдох. Рядом послышалось:

— Я Чан Неминуемый.

Лит сидела под лампой на своей кровати и плела коврик из лягушечьих шкур. Дверь закрыта, окна забраны ставнями. Снаружи в темноте лежал луг Тамбер.

Царапанье в дверь, скрип испытываемого на прочность замка. Лит застыла, глядя на дверь.

Из-за двери раздался голос:

— Сегодня, Лит, для тебя две длинных ярких нити. Две, потому что глаза были такие большие, такие золотые...

Лит сидела неподвижно. Она ждала час; потом, прижавшись к двери, прислушалась. Никого. Поблизости заквакала лягушка.

Она раскрыла дверь, нашла нити и снова заперлась. Подбежала к золотому ковру и приладила на место спутанный моток.

Она смотрела на золотую долину, больная от стремления в Аривенту, слезы скрывали от нее мирную реку, тихий золотой лес.

— Ковер все шире... Однажды он будет закончен, и я вернусь домой...

ЮЛАН ДОР

Принц Кандайв Золотой серьезно сказал своему племяннику, Юлану Дору:

— Договоримся, что новые знания станут нашим общим достоянием.

Юлан Дор, стройный молодой человек, с бледной кожей, черными волосами, глазами и бровями, печально улыбнулся.

— Но ведь это я поплыву в забытые воды, я буду отбиваться веслом от морских демонов...

Кандайв откинулся в кресле и коснулся носа набалдашником трости из резного нефрита.

— А я сделал это путешествие возможным. Более того, я сам искусный колдун; новые знания лишь увеличат мое искусство. А ты, даже не начинающий, узнаешь такое, что поместит тебя среди волшебников Асколайса. Это намного выше твоего нынешнего незначительного положения. Если

посмотреть с этой точки зрения, я приобретаю мелочь, ты — очень многое.

Юлан Дор скорчил гримасу.

— Верно, хотя я не согласен с твоей оценкой. Я знаю Заклятие Холода Фандаала, я признанный фехтовальщик, мое положение среди восьми делафазиан...

— Тьфу! — насмешливо поизнес Кандайв. — Безвкусные манеры мелких людишек, впустую тратящих свои жизни. Жеманные убийства, извращенный разврат, а в это время истекают последние часы Земли, и никто из вас ни на милю не удалялся от Кайна.

Юлан Дор сдержал язык, вспомнив, что принц Кандайв Золотой также не чуждается удовольствий вина, постели и стола; и что самое дальнее его путешествие из крытого куполом дворца — к резной барже на реке Скаум.

Кандайв, умиротворенный молчанием Юлана Дора, достал ящичек слоновой кости.

— Ну, так вот. Если мы договорились, я сообщу тебе необходимые сведения.

Юлан Дор кивнул.

— Договорились.

Кандайв сказал:

— Направишься к забытому городу Ампридатвиру. — Он искоса наблюдал за Юланом Дором. Тот сохранял спокойное равнодушное выражение.

— Я никогда не видел его, — продолжал Кандайв. — Поррина Девятый называет его последним из олекнитских городов, расположенных на острове в Северном Меланти-не. — Он раскрыл шкатулку. — Этот рассказ я нашел в груде древних свитков — свидетельство поэта, бежавшего из Ампридатвира после смерти Рогола Домедонфорса, их последнего великого правителя, волшебника, обладавшего огромной властью, который сорок три раза упоминается в Энциклопедии...

Кандайв вытащил растрескавшийся пергаментный свиток и, раскрыв его, прочитал:

"Ампридатвир гибнет. Мой народ забыл учение силы и дисциплины и погрузился в суеверия и схоластику. Идут бесконечные споры: бог Паншу представляет верховный разум, а Газдал — предел разврата, или наоборот: Газдал — добродетельное божество, а Паншу — само зло.

Этот вопрос решается при помощи огня и стали. Я оставляю Ампридатвир упадку и отправляюсь в спокойную долину Мел-Палусас, где и проведу последние дни своей жизни.

Я еще застал старый Ампридатвир; я помню его башни, сверкающие по ночам удивительным блеском, испускающие лучи, которые затмевали само солнце. Тогда Ампридатвир был прекрасен — и сердце мое болит, когда я думаю об этом древнем городе. Семирский виноград спускался тысячами свисающих гирлянд, голубая вода текла в трех выложенных камнем каналах. Металлические машины мчались по улицам, металлические экипажи заполняли воздух густо, как пчелы возле улья, — чудо из чудес, мы заставили плененный огонь преодолевать могучее тяготение Земли... Но избыток меда пресыщает язык; избыток вина разрушает мозг; избыток легкости лишает человека сил. Свет, тепло, вода, пища были доступны всем и добывались с минимумом усилий. И вот жители Ампридатвира, освобожденные от утомительного труда, предались фантазиям, извращениям и оккультизму.

Сколько я себя помню, городом правил Рогол Домедонфорс. Он знал все древние предания, все тайны огня и света, тяготения и антитяготения, он постиг суперфизику, метатазм, колопсис. Несмотря на глубину своих знаний, как правитель он был непрактичен и не замечал упадка духа в Ампридатвире. Слабость и вялость, которую замечал, он приписывал отсутствию образования. В последние годы своей жизни он работал над созданием огромной машины, которая должна была вообще освободить человека от работы и тем самым дать ему возможность заниматься только размышлениями и науками.

И вот, в то время, как Рогол Домедонфорс занимался этой работой, город охватила религиозная истерия.

Соперничающие секты Паншу и Газдала существовали давно, но в их споре участвовали только жрецы. И вдруг эти культы стали повсеместно распространенными; население разделилось на поклонников этих двух божеств. Жрецы, давние ревнивые соперники, восхитились своей новой властью и призвали своих последователей к фанатичному рвению. Начались трения, разгорелись споры, поднялись мятежи, насилие. И в один из этих злых дней камень, пу-

щенный чьей-то рукой, ударил Рогола Домедонфорса в висок, и тот упал с балкона.

Раненый, искалеченный, но сопротивляющийся смерти, Рогол Домедонфорс успел завершить свое детище и упокоился на смертном одре. Он отдал один-единственный приказ своей машине, и когда на следующее утро Ампридатвир проснулся, жители его обнаружили, что нет ни энергии, ни света; пищевые фабрики не работают, каналы опустели.

В ужасе они бросились к Роголу Домедонфорсу, который сказал перед смертью:

— Я долго не замечал ваш упадок; теперь я вас презираю — вы принесли мне смерть.

— Но город умирает! Народ гибнет! — воскликнули они.

— Вы должны спасаться сами, — сказал им Рогол Домедонфорс. — Вы отвергли древнюю мудрость, вы были слишком ленивы, чтобы учиться, вы искали удовлетворения в религии, вместо того чтобы мужественно противостоять реальности. Я решил подвергнуть вас жестокому испытанию, которое, как я надеюсь, будет для вас целительным.

Он призвал соперничающих жрецов Паншу и Газдала и протянул каждому по дощечке из прозрачного металла.

— По одной эти дощечки бесполезны; если их сложить вместе, можно прочесть заключенное в них послание. Тот, кто его прочтет, получит доступ к древним знаниям и будет владеть силами, которые я собирался использовать сам. Теперь идите.

Жрецы, глядя друг на друга, ушли, созвали своих приверженцев, и началась большая война.

Тело Рогола Домедонфорса так и не было найдено; некоторые утверждают, что его скелет все еще лежит в подземных коридорах под городом. Дощечки поместили в соперничающих храмах. По ночам начались убийства, а днем голодные умирали на улицах. Многие бежали на континент, а теперь и я следую за ними, оставляя Ампридатвир, последний дом моего народа. Я построю деревянную хижину на склоне горы Лью и проживу оставшиеся мне дни в долине Мел-Палусас".

Кандайв свернул свиток и положил его обратно в шкатулку.

— Твоя задача, — сказал он Юлану Дору, — отправиться в Ампридатвир и отыскать магию Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор задумчиво ответил:

— Это было давно... Тысячи лет назад.

— Верно, — согласился Кандайв. — Но с тех пор историки не упоминали имени Рогола Домедонфорса, и я считаю, что его мудрость все еще хранится под древним Ампридатвиром.

Три недели Юлан Дор плыл по спокойному океану.

Солнце вставало на горизонте, багровое, как кровь, и плыло по небу; вода была неподвижной, если не считать небольшой ряби от ветерка и пенного следа за кормой.

Солнце садилось, бросало последний печальный взгляд на мир; наступали сумерки и ночь. Древние звезды усеивали небо, и след за кормой корабля Юлана Дора сверкал мертвенно бледно. Юлан Дор смотрел на поверхность океана и чувствовал себя очень одиноко.

Три недели плыл на северо-запад по Мелантиновому заливу Юлан Дор, пока однажды утром не увидел справа темные очертания берега, а слева остров, терявшийся в дымке.

Недалеко от его корабля медленно плыла неуклюжая баржа под квадратным парусом из плетеного тростника.

Юлан Дор пригляделся и различил на ее палубе двух мужчин в грубых зеленых комбинезонах; они ловили рыбу. У них были овсяно-желтые волосы и голубые глаза, а на лицах ошеломленное выражение.

Юлан Дор опустил свой парус и перекинул трап на баржу. Ни один из рыбаков не заговорил с ним.

Юлан Дор сказал:

— Похоже, вид человека вам незнаком.

Старший начал заунывный распев — Юлан Дор понял, что это заклинание против демонов и злых духов и рассмеялся:

— Почему ты меня поносишь? Я такой же человек, как и ты.

Младший сказал на береговом диалекте:

— Мы считаем, что ты демон. Во-первых, в нашем народе нет черноволосых и черноглазых. Во-вторых, учение Паншу отрицает существование в нашем мире других людей. Поэтому ты не можешь быть человеком, ты демон.

Старший, прикрывшись рукой, сказал младшему:

— Попридержи язык; не говори ни слова. Он проклянет твой голос...

— Вы ошибаетесь, уверяю вас, — вежливо ответил Юлан Дор. — Вы сами когда-нибудь видели демонов?

— Нет, кроме гаунов.

— Я похож на гауна?

— Совсем не похож, — признал старший.

Его младший товарищ указал на темно-красный плащ и зеленые брюки Юлана Дора.

— Он, очевидно, разбойник; смотри, какого цвета его одежда.

— Нет, я не разбойник и не демон. Я всего лишь человек...

— Кроме зеленых, людей нет — так говорит Паншу.

Юлан Дор откинул голову назад и рассмеялся.

— Земля на самом деле велика и полна развалин, но на ней еще много людей... Скажите, найду ли я на этом острове город Ампридатвир?

Младший кивнул.

— И вы там живете?

Снова младший подтвердил.

Несколько растерянно Юлан Дор сказал:

— Я считал, что Ампридатвир — покинутые руины, забытые, пустынные.

Младший подозрительно спросил:

— А что ты ищешь в Ампридатвире?

Юлан Дор подумал: "Надо упомянуть дощечки и посмотреть на их реакцию. Можно узнать, известно ли им о существовании дощечек, как к ним относятся." — и сказал:

— Я плыву уже три недели, чтобы найти Ампридатвир и изучить две легендарные дощечки.

— Ага! — сказал старший. — Дощечки! Он все-таки разбойник! Я теперь это понимаю. Посмотри на его зеленые брюки. Разбойник за зеленых...

Юлан Дор, ожидавший в результате этого открытия враждебного отношения, был удивлен тем, что выражение лиц двоих стало более приятным, как будто они наконец решили беспокоивший их парадокс. Хорошо, подумал он, если они так считают, пусть так и будет.

Младший хотел полной ясности.

— Мы правы, темный человек? Ты носишь красное как разбойник за зеленых?

Юлан Дор осторожно ответил:

— Мои планы еще окончательно не сложились.

— Но ты носишь красное! Это цвет разбойников!

Странный образ мыслей, подумал Юлан Дор. Как будто скала преградила путь их мысли, и ее течение разбивалось в брызги. Он сказал:

— Там, откуда я пришел, люди носят любые цвета, какие захотят.

Старший серьезно сказал:

— Но ты выбрал зеленый, значит ты разбойник за зеленых.

Юлан Дор пожал плечами, чувствуя, что их умственный блок непреодолим.

— Как хочешь... А кто еще здесь есть?

— Никого, других нет, — ответил старший. — Мы зеленые из Ампридатвира.

— Но тогда... кого же грабят ваши разбойнки?

Младший беспокойно задвигался и потянул леску.

— Они грабят разрушенный храм демона Газдала в поисках утраченной дощечки Рогола Домедонфорса.

— В таком случае, — сказал Юлан Дор, — я сойду за разбойника.

— Рабойника за зеленых? — старик искоса взглянул на него.

— Довольно, довольно, — сказал другой. — Солнце миновало зенит. Нам пора домой.

— Да, да, — поддержал с неожиданной энергией старший. — Солнце садится.

Младший взглянул на Юлана Дора.

— Если ты собираешься на разбой, тебе лучше идти с нами.

Корабль Юлана Дора прикрепили к барже, он спустил свой парус, и оба судна направились к берегу.

Прекрасно пересекать солнечные послеполуденные воды, а когда они обогнули восточный мыс, показался Ампридатвир.

Линия низких зданий выходила на гавань, а за ними возвышались башни; Юлан Дор даже не думал, что такие могут существовать: металлические шпили носились в небо в центральной части острова, блестя в захо́дящем солнце. Такие города были легендой прошлого, сновидениями из того времени, когда Земля была молода.

Юлан Дор задумчиво посмотрел на баржу, на грубые зеленые одежды рыбаков. Они крестьяне? Не станет ли он предметом насмешек, прибыв таким образом в великолепный город? Он беспокойно повернулся к острову, закусив губу. Если верить Кандайву, Ампридатвир должен быть полон обрушившихся колонн и мусора, как Старый Город за Кайном...

Солнце уже уходило за горизонт, и Юлан Дор увидел обрушившиеся башни, разбитые дома: все-таки Кандайв прав, город заборошен. Странно, но развалины добавляли Ампридатвиру благородства, величия забытого памятника.

Ветер стих, лодки продвигались совсем медленно. Рыбаки беспокоились, пытаясь уловить парусом слабые порывы, закрепляя опоры. Но еще до того, как они оказались за волноломом, на город опустились пурпурные сумерки, и башни превратились в огромные черные монолиты.

Почти в полной темноте они привязали лодки к столбам среди других барж; одни из них были зеленые, другие серые.

Юлан Дор спрыгнул на берег.

— Подожди, — сказал младший рыбак, глядя на его красный плащ. — Неразумно одеваться так, даже ночью. — Он порылся в рундуке и вытащил зеленый плащ, рваный, грязный и пахнущий рыбой. — Надень и спрячь под капюшоном свои черные волосы...

Юлан Дор повиновался, скрыв гримасу отвращения. Он спросил:

— Где я могу поужинать и переночевать? В Ампридатвире есть гостиницы?

Младший рыбак без энтузиазма ответил:

— Можешь провести ночь в моем жилище.

Рыбаки, подняв на плечи дневной улов, сошли на берег и беспокойно оглядели груды обломков.

— Вы чего-то боитесь, — заметил Юлан Дор.

— Да, — согласился младший, — по ночам по улицам бродят гаумы.

— А кто это такие?

— Демоны.

— Существует много разновидностей демонов, — легко сказал Юлан Дор. — А эти какие?

— Они похожи на страшных людей. У них большие длинные руки, которые хватают и рвут...

— Хо! — сказал Юлан Дор, положив руку на рукоять меча. — А почему вы позволяете им здесь бродить?

— Мы не можем повредить им. Они сильны и свирепы, но, к счастью, не очень проворны. Если повезет и если будешь осторожен...

Юлан Дор теперь осматривал развалины так же настороженно, как и рыбаки. Эти люди знакомы с местными опасностями; он будет слушаться их совета, пока сам не разберется в обстановке.

Они миновали первые груды развалин, вошли в каньон, с обеих сторон ограниченный высокими стенами домов.

"Город лежит под покровом смерти," — думал Юлан Дор. Где миллионы жителей древнего Ампридатвира? Мертвая пыль, их плоть и кровь смешались с водой океана, с прахом всех остальных мужчин и женщин, когда-то живших на Земле.

Юлан Дор и двое рыбаков двинулись по узкой улице — крошечные фигурки, идущие по городу из сновидений. Принц Кандайв Золотой говорил правду: Ампридатвир — сама древность. Окна пусты и черны, бетон раскрошился, балконы причудливо перекосились, террасы покрыты пылью. Улицы заполнял мусор — куски разбитых колонн, ржавый и погнутый металл.

Но Ампридатвир по-прежнему жил странной жизнью, жил там, где строители использовали не знающие износа материалы и вечную энергию. По обе стороны улицы, как потоки воды, двигались темные блестящие полоски — медленнее по краям, быстрее в центре.

Рыбаки привычно ступили на первую полоску, и Юлан Дор неохотно проследовал за ними до самой быстрой центральной полосы.

— Я вижу, дороги в Ампридатвире текут, как реки, — сказал он.

— Это не магия, — коротко сказал младший рыбак. — Так всегда было в Ампридатвире.

Через регулярные интервалы на улице стояли каменные павильоны примерно десяти футов в высоту, которые, казалось, скрывали лестницы, уходящие под землю.

— Что там внизу? — спросил Юлан Дор.

Рыбаки пожали плечами.

— Двери плотно закрыты. Ни один человек не проходил через них. Легенды говорят, что там последнее творение Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор перестал расспрашивать, заметив растущее беспокойство рыбаков. Заразившись их опасениями, он держал руку на рукояти меча.

— Никто не живет в этой части Ампридатвира, — хриплым шепотом сказал старший рыбак. — Она древнее всякого воображения и населена духами.

Башни расступились, и улица выплеснулась на центральную площадь. Скользящая полоска остановилась, как ручей, впадающий в пруд. Здесь Юлан Дор впервые увидел искусственный свет — яркий шар свисал с изогнутой опоры. В его свете Юлан Дор увидел молодого человека в сером, торопливо идущего по площади... Вдруг рыбаки испуганно охнули, присели. К ним прыгнуло бледное, как труп, существо. Руки его, узловатые и длинные, свисали до колен; грязная шерсть покрывала ноги. С заостренного белого черепа смотрели большие глаза; два клыка нависали над вялогубым ртом. Существо прыгнуло на несчастного в серой одежде и схватило его; затем, повернувшись, бросило на Юлана Дора и рыбаков торжествующий злобный взгляд. И тут Юлан Дор увидел, что жертвой была женщина...

Он выхватил меч.

— Нет, нет! — прошептал старший рыбак. — Гаун уйдет!

— Но он схватил женщину! Мы можем спасти ее!

— Гаун никого не схватил! — старик сжал его плечо.

— Ты что, ослеп? — воскликнул Юлан Дор.

— В Ампридатвире нет никого, кроме зеленых, — сказал младший. — Оставайся с нами.

Юлан Дор колебался. Значит, женщина в сером — призрак? Но почему же рыбаки так и не скажут?

Гаун с пренебрежительной легкостью двинулся в сторону темной арки, ведущей в боковой переулок.

Юлан Дор побежал через белую площадь древнего Ампридатвира.

Чудовище повернуло к нему голову и протянуло узловатую руку длиной в рост человека, кончавшуюся пальцами, покрытыми белой шерстью. Юлан Дор нанес страшный удар мечом — рука гауна повисла на полоске кожи.

Прыгнув в сторону, чтобы избежать брызг крови, Юлан Дор увернулся от второй руки. Еще один сильный удар — и вторая рука повисла. Он подскочил ближе и погрузил свое лезвие в глаз чудовища, ударил по черепу.

Существо умерло, корчась на площади в предсмертных муках.

Юлан Дор, борясь с тошнотой, посмотрел вниз, на женщину с широко раскрытыми глазами. Та неуверенно вставала на ноги. Он протянул руку, чтобы помочь, и заметил, что она стройна и молода, со светлыми волосами, свисающими до плеч. "У нее приятное, хорошенькое личико, — подумал Юлан Дор, — Простодушное, ясноглазое, невинное."

Она, казалось, не видит его, стоит полуотвернувшись, кутаясь в свой серый плащ. Юлан Дор начал опасаться, что шок повредил ее рассудок. Он придвинулся ближе и всмотрелся в ее лицо.

— Что с тобой? Зверь тебя ранил?

На лице ее появилось удивленное выражение, почти такое, будто Юлан Дор — еще один гаун. Взгляд скользнул по его зеленому плащу, быстро перешел на лицо, на черные волосы.

— Кто... кто ты? — прошептала она.

— Чужестранец, — ответил Юлан Дор, очень удивленный обычаями Ампридатвира. Он поискал взглядом: рыбаков не было видно.

— Чужестранец? — переспросила девушка. — Но Трактат Газдала учит нас, что гауны уничтожили всех людей на земле, кроме серых в Ампридатвире.

— Газдал так же ошибается, как и Паншу, — заметил Юлан Дор. — На Земле живет множество людей.

— Приходится верить, — сказала девушка. — Ты говоришь, ты существуешь — это ясно.

Юлан Дор заметил, что она старается не смотреть на его зеленый плащ. Плащ вонял рыбой; без дальнейших колебаний Юлан Дор снял его и отбросил в сторону.

Она увидела его красную одежду.

— Разбойник...

— Нет, нет, нет! — воскликнул Юлан Дор. — По правде говоря, меня уже утомили эти разговоры о цветах. Я Юлан Дор из Кайна, племянник принца Кандайва Золотого, и мне нужно отыскать дощечки Рогола Домедонфорса.

Девушка улыбнулась.

— Этим и занимаются разбойники, поэтому они одеваются в красное, и руки всех людей обращаются против них, потому что когда они в красном, никто не знает, за серых они или...

— Или что?

Девушка смутилась, как будто этот аспект вопроса не приходил ей в голову.

— Или за этих призраков... демонов... В Ампридатвире случаются странные вещи.

— Несомненно, — согласился Юлан Дор. Он осматривал площадь. — Если хочешь, я провожу тебя до твоего дома; может, там найдется угол, где я смог бы переночевать.

Она ответила:

— Я обязана тебе жизнью и поэтому помогу. Но я не смею вести тебя в свой дом. — Взгляд ее скользнул сверху вних по телу Юлана Дора, дошел да зеленых брюк и тут же взлетел к его лицу. — Там будет смятение и бесконечные объяснения...

Юлан Дор косо спросил:

— Значит, у тебя есть сожитель?

Она быстро взглянула на него — странное кокетство, странный флирт в тени древнего Ампридатвира: девушка

в грубом сером плаще, голова слегка наклонена в сторону, желтые волосы падают на плечи; — и Юлан Дор, элегантный, с орлиным профилем, полностью контролирующий свое лицо и сознание.

— Нет, — ответила она. — До сих пор не было. — Легкий шум встревожил ее; она повернулась, испуганно взглянув на площадь.

— Тут могут быть еще гауны. Я отведу тебя в безопасное место, а завтра мы поговорим...

Через арочный вход она привела его в одну из башен, на верхний этаж.

— Здесь ты в безопасности до утра. Утром, если подождешь, я принесу тебе еды...

— Подожду.

Ее взгляд со странным выражением вновь устремился к его красному плащу, едва коснулся зеленых брюк.

— И я принесу тебе плащ... — И ушла.

Юлан Дор видел, как она спустилась по лестнице, вышла из башни, исчезла.

Он сел на пол, покрытый мягким эластичным материалом, теплым на ощупь... "Странный город, — подумал Юлан Дор. — Странные люди, действующие по непонятным побуждениям. Может, они на самом деле призраки?"

Он много раз просыпался этой ночью и окончательно очнулся, когда под арку начал проникать слабый розовый рассвет.

Встал, потер глаза и после недолгого колебания спустился на первый этаж башни и вышел на улицу. Ребенок в сером комбинезоне увидел его красный плащ, перевел взгляд на зеленые брюки, в ужасе закричал и побежал через площадь.

Юлан Дор с проклятием вернулся в тень. С враждебным отношением местных жителей он бы справился. Но этот беспричинный страх делал его беспомощным.

У входа появилась вчерашняя девушка. Она всматривалась в тень; лицо — напряженное, обеспокоенное. Юлан Дор вышел, и она улыбнулась ему.

— Я принесла тебе завтрак, — сказала она, — И приличную одежду.

Она положила перед ним хлеб и копченую рыбу, из глиняного кувшина налила в чашку травяной чай.

За едой они напряженно наблюдали друг за другом. В ее поведении чувствовалось напряжение. Похоже, что она не считала себя вполне в безопасности.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Я Юлан Дор. А тебя?

— Элаи.

— Элаи... И все?

— А зачем мне больше? Разве этого недостаточно?

— Достаточно.

Она сидела перед ним, скрестив ноги.

— Расскажи мне о земле, из которой ты пришел.

Юлан Дор ответил:

— Асколайс теперь большей частью зарос лесом, куда мало кто отваживается ходить. Я живу в Кайне, очень старом городе, таком же старом, как Ампридатвир. Но у нас нет таких башен и движущихся дорог. Мы живем в древних мраморных дворцах, даже самые бедные ремесленники. Некоторые прекрасные дворцы разрушаются, потому что в них уже некому жить.

— А каков ваш цвет? — спросила она напряженным голосом.

Юлан Дор нетерпеливо ответил:

— Вздор. Мы носим любые цвета. Никто об этом не думает... Почему тебя вообще беспокоят цвета? Например, почему ты носишь серое, а не зеленое?

Она отвернулась от него, беспокойно сжав кулаки.

— Зеленое? Это цвет демона Паншу. Никто в Ампридатвире не носит зеленое.

— Некоторые, несомненно, носят зеленое, — возразил Юлан Дор. — Вчера я встретил двух рыбаков. Они были одеты в зеленую одежду.

Она покачала головой, печально улыбнулась.

— Ты ошибаешься.

Юлан Дор замолчал. Спустя какое-то время он сказал:

— Утром меня увидел ребенок и с криком убежал. — Из-за твоего красного плаща, — ответила Элаи. — Когда мужчина хочет добиться почестей, он надевает красный плащ и отправляется по городу в древний заброшенный храм Паншу в поисках утраченной половины дощечек Ро-

гола Домедонфорса. Легенды говорят, что когда серые найдут эту утраченную дощечку, они снова станут могучим народом.

— Если храм покинут, — сухо спросил Юлан Дор, — почему до сих пор никто не принес дощечку?

Она пожала плечами.

— Мы верим, что его охраняют призраки... Во всяком случае иногда приходят люди в красном, которые пытаются ограбить храм Газдала. Таких убивают. Человек в красном — всеобщий враг, и все руки оборачиваются против него.

Юлан Дор встал и завернулся в серый плащ, который принесла ему девушка.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, быстро вставая.

— Хочу взглянуть на таблички Рогола Домедонфорса и в храме Газдала, и в храме Паншу.

Она покачала головой.

— Это невозможно. Вход в храм Газдала запрещен всем, кроме почтенных жрецов, а храм Паншу охраняется призраками.

Юлан Дор улыбнулся.

— Если покажешь мне, где размещаются эти храмы...

Она сказала:

— Я пойду с тобой. Но не снимай плащ, иначе для нас обоих это кончится плохо.

Они вышли на солнечный свет. Площадь была усеяна медленно передвигавшимися группами мужчин и женщин. Одни из них были одеты в зеленое, другие — в серое. Юлан Дор заметил, что эти группы никогда не пересекались. Зеленые останавливались у маленьких, окрашенных в зеленую краску лавочек, продающих рыбу, кожу, фрукты, мясо, посуду, корзины. Серые покупали то же самое в лавочках серого цвета. Он увидел две группы детей, одни в зеленом, другие в сером; они играли в десяти футах друг от друга, но не обменивались даже взглядом. Тряпичный мяч откатился от группы серых детей к группе зеленых. Мальчик в сером подбежал, поднял мяч из-под ног мальчика в зеленом, и ни тот, ни другой не заметили друг друга.

— Странно, — пробормотал Юлан Дор. — Странно.

— Что странно? — спросила Элаи. — Не вижу ничего странного...

— Посмотри на этот столб. Видишь рядом с ним мужчину в зеленом плаще?

Она удивленно посмотрела на него.

— Там нет никакого мужчины.

— Там стоит мужчина.

Она засмеялась.

— Ты шутишь... или ты можешь видеть призраки?

Признавая поражение, Юлан Дор покачал головой.

— Вы все жертвы какой-то мощной магии.

Она повела его к одной из движущихся дорог. Когда их несло по городу, он заметил корпус из блестящего металла в форме лодки, на четырех колесах, накрытый полупрозрачным верхом.

— Что это?

— Волшебная машина. Когда нажмешь нужный рычаг, древнее колдовство несет ее с большой скоростью. Смелые молодые люди ездят в них по улицам... Посмотри туда. — Она указала на другой корпус, лежащий в бассейне сухого фонтана. — Еще одно древнее чудо — экипаж, способный летать по воздуху. Их много разбросано по всему городу — на башнях, на высоких террасах, а некоторые, как этот, упали на улицы.

— И никто в них не летает? — с любопытством спросил Юлан Дор.

— Все боятся.

Юлан Дор подумал, как хорошо было бы завладеть таким чудом, и сошел с движущейся дороги.

— Куда ты? — беспокойно спросила Элаи, следуя за ним.

— Хочу осмотреть одну из воздушных машин.

— Осторожнее! Говорят, они опасны...

Юлан Дор всмотрелся в прозрачный верх, увидел мягкое сидение, множество рычажков с надписями, сделанными незнакомыми буквами, и большой шар с насечкой на металлическом стержне.

Он сказал девушке:

— Очевидно, это приборы, руководящие механизмом... Как в такую машину входят?

Она неуверенно ответила:

— Кажется, эта кнопка открывает крышку.

Она нажала кнопку, колпак скользнул назад, выпустив застоявшийся воздух.

— Сейчас я буду экспериментировать, — сказал Юлан Дор. Он просунул руку внутрь и повернул один рычажок. Ничего не произошло.

— Осторожнее, Юлан Дор, — выдохнула девушка. — Берегись магии!

Юлан Дор нажал кнопку. Машина задрожала. Он повернул другой рычажок. Лодка издала воющий звук, дернулась. Ее верх поднялся. Юлан Дор выдернул руку. Верх опустился на место, зажав полу его плаща. Лодка снова дернулась и неожиданно сдвинулась с места, потащив за собой и Юлана Дора. Элаи закричала, ухватив его за лодыжки. С проклятиями Юлан Дор, выскользнув из плаща, смотрел, как воздушная лодка резко повернулась, ударилась о стену башни и со звоном упала на камень мостовой.

— В следующий раз... — начал Юлан Дор.

Он почувствовал странное напряжение в воздухе. Обернулся. Элаи смотрела на него, зажав рукой рот, будто сдерживала крик. Он осмотрелся. Люди, и серые, и зеленые, исчезли с улицы. Их окружала пустота.

— Элаи, — спросил Юлан Дор, — почему ты так на меня смотришь?

— Красное при свете дня... и цвет Паншу на твоих ногах... это наша смерть, наша смерть!

— Ни в коем случае, — бодро ответил Юлан Дор. — Пока со мной мой меч...

Камень, прилетевший будто ниоткуда, ударился в землю у его ног. Он посмотрел направо, налево в поисках нападавших, ноздри его раздулись от гнева. Но напрасно. Двери, аркады, окна домов были пусты.

Другой камень, размером с кулак, ударил его в спину. Он повернулся и увидел только обветшавшие фасады древнего Ампридатвира, пустые улицы, блестящие движущиеся полоски.

Камень, просвистев в шести дюймах от головы Элаи, ударил его в бедро.

Юлан Дор признал свое поражение. Нельзя отражать камни мечом.

— Нам лучше уйти... — и увернулся от большого камня, который разбил бы его череп.

— Назад, на полоски, — сказала девушка тусклым, безжизненным голосом. — Попробуем укрыться на другой стороне площади. — Камень ударил ее в щеку. Элаи, вскрикнув от боли, опустилась на колени.

Юлан Дор зарычал, как зверь, в поисках жертвы для убийства. Но вокруг не видно было никого живого, хотя камни продолжали падать.

Он наклонился, поднял Элаи и побежал на быструю центральную полоску.

Каменный дождь вскоре прекратился. Девушка открыла глаза, моргнула и снова закрыла их.

— Все кружится, — прошептала она. — Я сошла с ума. Я почти решилась...

Юлану Дору показалось, что он узнает башню, в которой провел ночь. Он сошел с полоски и приблизился ко входу. Он ошибся: прозрачная дверь преградила ему путь. Пока он стоял в нерешительности, дверь прямо перед ним растаяла, образовав проход. Юлан Дор удивленно хмыкнул: "Еще одно древнее волшебство..."

Волшебство оказалось безвредным. Проход за ним сжался, соединился и снова стал прозрачной перегородкой. Внутри был зал, пустой и холодный, хотя стены и были украшены разноцветными металлами и великолепной эмалью. Одну стену занимало панно — мужчины и женщины в воздушных одеждах ухаживают за цветами в ярком солнечном саду.

"Прекрасно, — подумал Юлан Дор. — Но это не место для отражения нападения." По обе стороны зала открывались гулкие пустые коридоры, впереди — небольшая комнатка с блестящим полом, который, казалось, излучает свет. Он вошел туда — и поднялся в воздух, поплыл легче пушинки. Элаи у него на руках ничего не весила. Он невольно испустил хриплый крик и безуспешно попытался опуститься на пол.

Он плыл в воздухе, как лист, гонимый ветром. Юлан Дор приготовился к болезненному падению, когда волшебство кончится. Но этажи пролетали мимо. "Удивительное колдовство, — мрачно подумал Юлан Дор, — лишить че-

ловека опоры. Оно прекратится, и мы упадем. С такой высоты не спастись."

— Протяни руку, — слабым голосом произнесла Элаи, — возьмись за поручни.

Он ухватился за перила, полет замедлился, и, не веря своей безопасности, Юлан Дор вышел на этаж. Перед ним открылось несколько помещений. Груды обломков и пыли — все, что осталось от мебели.

Он опустил Элаи на мягкий пол; девушка поднесла руку к лицу и слабо улыбнулась.

— Больно.

Юлан Дор смотрел на нее со странным ощущением бессилия.

Элаи сказала:

— Не знаю, куда теперь идти. У меня больше нет дома. Мы умрем с голоду, потому что никто не даст нам пищи.

Юлан Дор горько рассмеялся.

— Пока в зеленых лавках не видят человека в сером, у нас никогда не будет недостатка в пище... Но есть более важные вещи — дощечки Рогола Домедонфорса. Похоже, они недоступны.

Она серьезно ответила:

— Тебя убьют. Человек в красном должен сражаться со всеми — ты видел это сегодня. Даже если ты и доберешься до храма Паншу, там множество ловушек, отравленные стрелы и призраки на страже.

— Призраки? Ерунда. Это люди, точно такие же, как вы, серые. Только они одеты в зеленую одежду... Я слышал о таких вещах, о мозговых блоках...

Она оскорбленно сказала:

— Ни один серый их не видит. Может, у тебя галлюцинации.

— Может быть, — с сухой улыбкой согласился Юлан Дор. Некоторое время они сидели в пыльной тишине старой башни. Потом Юлан Дор, хлопнув себя по коленям, нахмурился. Бездеятельность — предвестник поражения. — Подумаем, как пробраться в храм Паншу.

— Тебя убьют, — просто повторила она.

Юлан Дор, настроение которого улучшилась, ответил:

— Нужно смотреть на мир оптимистичнее... Где найти другую воздушную лодку?

— Ты сошел с ума.

Юлан Дор встал.

— Где ее искать?

Она покачала головой.

— Ты решил умереть, так или иначе. — И тоже встала. — Мы поднимемся в колодце без веса на самый верхний этаж башни.

Без всяких колебаний ступила она в пустоту, и Юлан Дор неохотно последовал за ней. Они поплыли на головокружительную высоту. На самом верхнем этаже они остановились, вышли на террасу, открытую ветрам. Они стояли выше, чем на вершине горы, и улицы Ампридатвира превратились в тонкие серые ниточки внизу. Гавань казалась бассейном, а море в серой дымке уходило за горизонт.

Три воздушные лодки стояли на террасе; они ярко блестели, стекло их было прозрачно, а эмалевые покрытия сияли, будто лодки только что опустились.

Подойдя к ближайшей, Юлан Дор нажал кнопку, убиравшую верх, и прозрачный купол с негромким лязгом скользнул назад.

Внутренность оказалась такой же, как и у первой лодки, — длинное мягкое сидение, шар, укрепленный на стержне, множество переключателей. Ткань сидения затрещала, когда Юлан Дор потрогал ее, а воздух внутри кабины был затхлым. Он вошел в лодку, и Элаи последовала за ним.

— Я пойду с тобой: гибель в падении быстрее голодной смерти и менее болезненна...

— Надеюсь, мы не упадем и не умрем с голоду, — ответил Юлан Дор. Он осторожно касался переключателей, готовый при малейшей опасности вернуть их в прежнее положение.

Купол над их головами закрылся, реле, ожидавшие тысячи лет, ожили, эксцентрики зашевелились, рукояти заняли нужное положение. Воздушная лодка дернулась и поднялась в темно-синее небо. Юлан Дор схватил шар, разобрался, как поворачивать лодку, как поднимать и опускать ее нос. Его охватила чистейшая радость полета в

воздухе. Все оказалось легче, чем можно было себе представить. Легче, чем идти пешком. Он по очереди проверил все ручки и переключатели, узнал, как повисать в воздухе, как опускаться, тормозить. Нашел ручку управления скоростью, передвинул ее, и за стенами лодки засвистел ветер. Они улетели далеко в море, и остров превратился в синюю туманную полоску на горизонте. Ниже, выше, над самыми верхушками волн и сквозь багровые клочья облаков.

Элаи сидела, неподвижная, расслабленная, возбужденная и пела. Теперь она казалась ближе к Юлану Дору, чем к Ампридатвиру; прервалась какая-то тонкая нить.

— Давай полетим дальше, — сказала она. — Все дальше и дальше, по всему миру, над лесами...

Юлан Дор искоса взглянул на нее. Она прекрасна — чище, красивее, сильнее женщин, которых он знал в Кайне. Он с сожалением ответил:

— Тогда-то мы уж точно умрем с голоду — никто из нас не выживет в дикой местности. И мне нужно отыскать дощечки...

Она вздохнула.

— Хорошо. Нас убьют, но какая разница? Вся Земля умирает...

Наступил вечер, и они повернули к Ампридатвиру.

— Вон там, — махнула рукой Элаи, — храм Газдала, а здесь — храм Паншу.

Юлан Дор завис в лодке над храмом Паншу.

— А где вход?

— За аркой. Там множество опасностей.

— Но мы ведь полетим, — напомнил ей Юлан Дор.

Он опустил лодку до десяти футов над поверхностью и скользнул под арку.

Держа курс на слабый свет впереди, Юлан Дор провел лодку по темному проходу, потом еще через одну арку, и они оказались в нефе храма.

Возвышение, на котором хранилась дощечка, напоминало крепость, огражденную стенами. Первое препятствие — широкий ров, заполненный стеклянистой водой. Затем канава с жидкостью цвета серы, а за ней, на открытой площадке, — пятеро стражников. Юлан Дор, укрываясь в те-

ни под потолком, незаметно провел лодку и повис над самым возвышением.

— Приготовься, — сказал он и опустил лодку. Блестящая дощечка оказалась в пределах досягаемости. Он убрал прозрачный колпак, Элаи протянула руку и схватила дощечку. Пятеро стражников, испустив гневный рев, бросились вперед.

— Назад! — закричал Юлан Дор, мечом отразив брошенное копье. Элаи села с дощечкой в руках. Юлан Дор захлопнул верх. Стражники прыгнули на лодку, хватая ее за гладкий металл, колотя по нему кулаками. Корабль поднялся в воздух, один за другим стражники отцеплялись и с криками падали на пол.

Лодка пролетела под аркой, по длинному проходу, через выход и в темное небо. Позади слышались крики, трубил тревожно рог.

Юлан Дор осмотрел добычу — овальную полоску прозрачного материала с какими-то бессмысленными черточками.

— Мы выиграли! — восторженно воскликнула Элаи. — Ты повелитель Ампридатвира!

— Ровно наполовину! — усмехнулся Юлан Дор. — Вторая дощечка в храме Газдала.

— Но... Это безумие. Ты ведь уже...

— Добывать только одну дощечку — бессмысленно. Две — или ни одной.

Возражения девушки стихли только когда они повисли перед входом в храм Газдала.

Когда лодка входила под арку, она задела за нить, которая уронила с покатого настила груду камней. Некоторые из камней ударились о корпус лодки и отскочили. Юлан Дор выругался. Теперь охранники будут настороже.

Он двигался под самым потолком, прячась во тьме. Вскоре появились два стражника с факелами — пришли проверить, чем вызван шум. Они прошли прямо под лодкой, и Юлан Дор заторопился вперед, через арку и в неф. Как и в храме Паншу, дощечка блестела посреди крепости.

Стражники были настороже, они нервно посматривали в сторону входа.

— Теперь смелее! — сказал Юлан Дор и провел лодку вдоль стен, над ямами, рвом с кипящей жидкостью, посадил рядом с возвышением, откинул верх и, выскочив, схватил дощечку под крики бегущих с копьями стражников. Передний метнул копье; Юлан Дор отразил его и бросил дощечку в лодку.

Но враги уже были рядом; его проткнут, если он попытается забраться в лодку. Он, прыгнув вперед, отбил копье. В обратном движении разрубил плечо одному из стражников, схватил за древко копье третьего и подтащил его в пределы досягаемости своего меча. Стражник упал с криками о помощи. Юлан Дор прыгнул в лодку, стражник — за ним. Юлан Дор встретил его острием меча. Хлынула кровь, и стражник упал. Юлан Дор щелкнул переключателем; лодка высоко поднялась и направилась к выходу.

Вскоре тревожный рог храма Газдала добавил свой звук к панике, охватившей весь город.

Лодка медленно двигалась по небу.

— Смотри! — сказала Элаи, схватив его за руку. На улицах при свете факелов толпились мужчины и женщины — серые и зеленые, поднятые тревожным ревом рогов.

Элаи закричала:

— Юлан Дор! Я вижу! Вижу! Там люди в зеленом! Оказывается, они существуют... Неужели они были всегда...

— Мозговой блок разрушен, — сказал Юлан Дор, — и не только у тебя. Те, внизу, тоже увидели друг друга...

Впервые в жизни серые и зеленые смотрели друг на друга. Лица их дергались в испуге. В свете факелов Юлан Дор видел, как они с отвращением отшатываются друг от друга, слышал беспорядочные крики:

— Демон!.. Демон!.. Серый призрак!.. Злой зеленый демон! Тысячи одержимых глядели друг на друга, кричали в ненависти и страхе. "Они все сошли с ума, — подумал Юлан Дор, — у всех поврежден мозг..."

Как по какому-то сигналу, началась схватка. От криков ненависти кровь Юлана Дора заледенела. Элаи с плачем отвернулась. Ужасное происходило внизу — с мужчинами, с женщинами, с детьми: неважно, кто был жертвой, если он был в одежде другого цвета.

На краю толпы послышался более громкий, ревущий звук — появилось несколько волочащих ноги гаунов. Они, возвышаясь над сёрыми и зелеными, хватали, рвали, и безумная ненависть уступила место страху. Зеленые и серые разделились и побежали по домам, а улицы остались во власти гаунов.

Юлан Дор оторвал взгляд и схватился за голову.

— И это все я наделал?.. Это все из-за меня?..

— Рано или поздно это должно было случиться, — тупо сказала Элаи. — Если только Земля не умерла бы раньше...

Юлан Дор поднял дощечки.

— Вот то, что я искал, — дощечки Рогола Домедонфорса. Они привели меня за тысячи лиг через Мелантин. Теперь они у меня в руках, эти бесполезные куски стекла...

Лодка поднялась высоко в небо, и Ампридатвир превратился в груду бледных кристаллов в звездном свете. При свете инструментальной панели Юлан Дор сложил дощечки. Черточки на них слились, стали буквами, и Юлан Дор прочел то, что было написано древним волшебником:

"Неверные дети, Рогол Домедонфорс умирает и остается навечно в Ампридатвире, который любил и которому служил. Когда разум и добрая воля восстановят порядок в городе или когда кровь и сталь научат сдерживать жестокость и страсти, погубив всех, кроме самых сильных, — тогда будут прочитаны эти таблички. И тому, кто их читает, я говорю: отправляйся в башню Судьбы с желтым куполом, поднимись на верхний этаж, покажи красное левому глазу Рогола Домедонфорса, желтое — правому глазу, затем синее обоим глазам; сделай это, говорю я, и раздели власть с Роголом Домедонфорсом."

Юлан Дор спросил:

— Где башня Судьбы?

Элаи покачала головой.

— Есть башня Родейла, Красная башня, башня Кричащих Призраков, башня Птиц, башня Гаунов — но я не знаю башни Судьбы.

— Но у какой башни желтый купол?

— Не знаю.

— Утром поищем.

— Утром, — повторила она, сонно прислонившись к нему.

Когда встало старое красное солнце, они полетели над городм и увидели, что жители Ампридатвира все еще заняты убийствами.

Схватки и убийства были не такими яростными, как накануне. Это были сознательные убийства. Группы мужчин прятались в засадах или врывались в дома, истребляя женщин и детей.

Юлан Дор пробормотал:

— Скоро в Ампридатвире не останется никого, к кому смог бы Рогол Домедонфорс применить свою власть. — Он повернулся к Элаи. — У тебя нет отца или матери, за судьбу которых ты боишься?

Она покачала головой.

— Всю жизнь я жила с тупым тираном-дядей.

Юлан Дор повернулся. Он увидел желтый купол. Вот она, башня Судьбы.

— Туда, — сказал он, поворачивая нос лодки.

Приземлившись на одном из верхних этажей, они прошли по пыльным коридорам, прыгнули в антигравитационный лифт и поднялись на самый верх. Здесь была маленькая комната, украшенная яркими фресками с изображением двора древнего Ампридатвира. Мужчины и женщины в разноцветных шелковых одеяниях беседовали и пировали, а на центральной фреске — преклонялись перед правителем с тяжелым взглядом блестящих глаз и белой бородой. Он был одет в пурпурно-черную одежду и сидел на резном стуле.

— Рогол Домедонфорс! — прошептала Элаи, и оба они затаили дыхание. Они чувствовали, как их дыхание шевелит давно неподвижный воздух, а нарисованные глаза заглядывают им глубоко в мозг...

Юлан Дор задумчиво сказал:

— Красное к левому глазу, желтое к правому, затем синее к обоим. Ну, что ж... вот синие черепицы, а на мне красный плащ.

Они нашли синие и желтые плитки, и Юлан Дор отрезал от своего плаща полоску.

Красное к левому глазу, желтое к правому. Затем синее к обоим. Щелчок, скрежет, гудение, как от сотни пчел.

Стена открылась, обнажив лестничный пролет. Юлан Дор вошел и, чувствуя за собой дыхание Элаи, поднялся по ступеням.

Они оказались непосредственно под куполом, в потоках дневного света. В центре на возвышении стоял сверкающий черный цилиндр, похожий на стеклянный.

Гудение перешло в резкий вой. Цилиндр задрожал, осел, стал полупрозрачным. В центре его стала видна бесформенная белая масса — мозг?

Цилиндр ожил.

Он отрастил псевдоподии, которые повисли в воздухе. Юлан Дор и Элаи смотрели, застыв, прижавшись друг к другу. Одно черное щупальце вырастило на конце глаз, другое образовало рот. Глаз внимательно осмотрел их.

Рот весело произнес:

— Приветствую, приветствую вас через время. Наконец-то вы пришли разбудить старого Рогола Домедонфорса от его снов. Я спал долго и крепко... кажется мне, что слишком долго. Сколько же я спал? Двадцать лет? Пятьдесят? Сейчас посмотрим.

Глаз повернулся к трубке на стене, на четверть заполненной серым порошком.

Голос удивленно воскликнул:

— Энергия почти вся рассеялась! Сколько же я спал? Период полураспада 1200 лет — значит, больше пяти тысяч лет! — глаз снова повернулся к Юлану Дору и Элаи. — Кто же вы? Где мои враждующие подданные, приверженцы Паншу и Газдала? Перебили друг друга давным давно?

— Нет, — со слабой улыбкой ответил Юлан Дор. — Они все еще сражаются на улицах.

Щупальце с глазом вытянулось к окну и посмотрело сверху на город. Желеобразный мозг задрожал, засветился оранжевым светом. Снова послышался голос, теперь в нем звучала резкая хрипота. По коже Юлана Дора поползли мурашки, он почувствовал, как Элаи лихорадочно сжала его руку.

— Пять тысяч лет! — воскликнул голос. — Пять тысяч лет, а эти несчастные все еще враждуют! Время не нау-

чило их мудрости? Тогда следует использовать более сильные средства.

Рогол Домедонфорс научит их мудрости. Смотрите! Снизу послышался громовой звук, сотни мощных ударов. Юлан Дор и Элаи заторопились к окну и посмотрели вниз. Потрясающее зрелище увидели они на улицах.

Десятифутовые павильоны, ведущие в подземелья города, распахнулись. Из каждого выползло по большому щупальцу из черного прозрачного желе, похожего на вещество движущихся дорог.

Щупальца поднялись в воздух и выпустили сотни отростков, которые начали преследоваль бегущих в панике жителей Ампридатвира. Щупальца хватали людей, срывали с них одежду, серую и зеленую, проносили по воздуху и швыряли на центральную площадь. В холодном утреннем воздухе население Ампридатвира предстало совершенно обнаженным, и ни один человек не мог отличить серых от зеленых.

— У Рогола Домедонфорса теперь большие сильные руки, — воскликнул громовой голос, — крепкие, как сталь, вездесущие, как воздух.

Голос доносился отовсюду и ниоткуда.

— Я Рогол Домедонфорс, последний правитель Ампридатвира. До какого же состояния вы пали! Жители лачуг, пожиратели грязи! Смотрите — я мгновенно восстановлю все разрушенное за пять тысяч лет!

Щупальца отрастили тысячи дополнительных приспособлений — жесткие роговые резаки, жерла, изрыгавшие голубое пламя, огромные черпаки, и на каждом из них вырос на стебельке глаз. Они метались по городу, и везде, где что-то обрушилось или виднелись другие следы времени, щупальца копали, резали, жгли, плавили, доставляли новые материалы. После них оставались новые сверкающие поверхности.

Многорукие щупальца собирали обломки веков; нагруженные, они проносились высоко в воздухе чудовищной катапультой, выбрасывавшей мусор далеко в море. И везде, где была серая или зеленая краска, щупальца меняли их на новые яркие цвета.

По всем улицам катилась многоликая волна, устремлялась в каждую башню, в каждый дом, на каждую площадь

и в каждый парк — уничтожая, разбирая, строя, чиня, восстанавливая. Рогол Домедонфорс схватил Ампридатвир и овладел им, как дерево хватает корнями землю.

И через несколько мгновений прежние развалины заменил новый Ампридатвир, сверкающий, блестящий город, гордый, неустрашимый, бросающий вызов красному солнцу.

Юлан Дор и Элаи, ошеломленные, чуть не теряющие сознание, следили за обновлением. Неужели все это возможно? Неужели можно уничтожить город и в мгновение ока построить на его месте новый?

Руки из черного желе метнулись по холмам острова, нырнули в пещеры, в которых лежали сонные переваривающие пищу гауны, схватили их, вытащили на воздух и подвесили над съежившимся Ампридатвиром — сотню гаунов на ста щупальцах, словно ужасные плоды страшного дерева.

— Смотрите! — прогремел голос, хвастливо и дико. — Вот кого вы боялись! Смотрите, как обойдется с ними Рогол Домедонфорс!

Щупальца мелькнули, и дергающиеся, извивающиеся гауны пролетели над городом и упали в море.

— Он сумасшедший, — прошептал Юлан Дор Элаи, — долгий сон повредил его мозг.

— Смотрите на новый Ампридатвир! — гремел могучий голос. — Вы видите его в первый и последний раз. Теперь вы умрете! Вы оказались недостойны прошлого — недостойны поклоняться новому богу Роголу Домедонфорсу. Эти двое, рядом со мной, будут основателями новой расы...

Юлан Дор смотрел встревоженно. Что? Им предстоит остаться одним в пустом Ампридатвире под контролем безумного сверхсущества?

— Нет!

Одним движением он выхватил меч и, погрузив его в цилиндр с желе, пронзил мозг, рассек его стальным лезвием.

Ужаснейший звук, никогда прежде не слышанный на Земле, потряс воздух. Мужчины и женщины сходили с ума на площадях.

Щупальца Рогола Домедонфорса по всему городу забились в лихорадочной агонии, как дергает лапками раненое

насекомое. Великолепные башни рушились, крики жителей прорезали грохот катастрофы.

Юлан Дор и Элаи побежали на террасу, где оставили воздушную лодку. За ними слышался хриплый шепот:

— Я... еще... не мертв. Если... все мои мечты... разбиты, то я... убью... и вас двоих...

Они прыгнули в лодку. Юлан Дор поднял ее в воздух. Невероятным усилием одно из щупалец, прекратив хаотические движения, метнулось, чтобы перехватить их. Юлан Дор увернулся, бросил лодку в небо. Щупальце устремилось за ними.

Юлан Дор до предела отвел рычаг скорости, ветер запел и засвистел вокруг машины. А вслед за ней летела дрожащая рука умирающего бога, стараясь раздавить мошку, причинившую ему такую боль.

— Быстрее! Быстрее! — молил Юлан Дор машину.

— Выше, — прошептала девушка, — выше — быстрее...

Юлан Дор поднял нос лодки круто вверх, но черное щупальце следовало за ней — черная радуга, подножие которой — в далеком уже Ампридатвире.

Но тут Рогол Домедонфорс умер. Щупальце превратилось в облако дыма и медленно рассеялось над морем.

Юлан Дор продолжал лететь на полной скорости, пока остров не превратился в дымку и не исчез в море. Только тут он замедлил скорость, перевел дыхание и позволил себе расслабиться.

Элаи неожиданно упала ему на плечо и истерически разрыдалась.

— Тише, девочка, тише, — успокаивал ее Юлан Дор. — Мы спасены; мы навсегда покидаем этот проклятый город.

Она успокоилась и скоро спросила:

— Куда же мы теперь полетим?

Юлан Дур расчетливо и с некоторым сомнением осмотрел летающую машину.

— Кандайв не получит никакой магии. Но у меня будет что рассказать ему. Может быть, он останется доволен... И, конечно, он захочет летающую лодку. Но мы еще посмотрим, еще посмотрим...

Девушка прошептала:

— А нельзя ли нам просто лететь на восток? Все лететь, лететь и лететь, пока не найдем место, где встает солнце, и хороший луг, и фруктовые деревья возле него?..

Юлан Дор посмотрел на юг и подумал о Кайне с его тихими ночами и окрашенными в цвет вина днями, о просторном дворце, в котором он живет, о лежанке, с которой он будет смотреть на воды залива Санреаль, на старые оливковые деревья, на суматоху праздничных дней...

И сказал:

— Элаи, тебе понравится Кайн.

ГВИЛ ИЗ СФЕРЫ

Рождение маленького Гвила, очень непохожего на своих родителей и других жителей селения, было причиной постоянной досады для его отца. Внешне совершенно нормального ребенка все время мучила странная жажда необычного. Говорили, что его кто-то заколдовал еще во чреве матери. Часто при самом незначительном волнении мальчик как-то странно хохотал, и это очень развлекало окружающих. Когда Гвилу исполнилось четыре года, он начал задавать странные вопросы:

— Почему у квадрата больше сторон, чем у треугольника?

— Почему мы ходим в темноте и не спотыкаемся постоянно?

— Растут ли в океане цветы?

— Почему, когда ночью идет дождь, звезды не шипят?

На все это отец сердито отвечал:

— Таковы законы философии, и квадраты с треугольниками им подчиняются! — Или: — Мы находим путь на ощупь. — Или: — Я над этим не задумывался. Что там на дне, известно только Хранителю! — Или: — Не знаю, ведь звезды выше даже самых высоких облаков!

Когда Гвил подрос, он стал очень вспыльчив, быстро раздражался, но, многого не понимая, продолжал задавать свои вопросы:

— Почему человек умирает, когда его убивают?

— Куда исчезает красота?

— Сколько будут жить на земле люди?

— Что находится выше неба?

Отец сердился, но пытался ответить и на это:

— Смерть — следствие жизни, — говорил он. — Жизнь человека походит на воздушный шар. Шар летит, а жизнь течет, похожая на цветной причудливый сон.

— Красота часто коварна, она обманывает зрение. Но когда нет любви, глаза смотрят и не видят красоты.

— Некоторые люди считают, что они приходят на этот свет, чтобы есть, а потом умереть; другие живут в своих делах.

— Только Хранитель может ответить на все вопросы.

Гвил размышлял, пытаясь постичь многое, пока не понял тайный смысл явлений. Шла молва, что при родах ему повредили голову и сейчас он пытается восстановить свой рассудок.

Гвил часто бродил по травянистым холмам Сферы. Ему хотелось ближе узнать то, что его окружает.

Наконец отцу окончательно надоели его расспросы, он больше не хотел их слушать, отговариваясь тем, что рассказал все, что знал.

Гвил к этому времени повзрослел и всматривался в жизнь широко распахнутыми глазами. Но в уголках его рта, казалось, притаился какой-то страх.

Видя, что отец сердится, юноша попросил:

— Разреши задать еще один вопрос — последний!

— Задавай, — ответил отец, — но только один, не больше.

— Ты часто ссылаешься на Хранителя. Кто он? Где я смогу его найти, чтобы удовлетворить свое любопытство?

Отец посмотрел на сына, как на сумасшедшего, и спокойно сказал:

— Хранитель стережет Музей Человека, который находится в древней Земле Падающей Стены. Правда, я не совсем уверен, что Хранитель и Музей Человека все еще существуют. Многие считают, что Хранитель знает все на свете, он, несомненно, колдун, и может дать ответы на вопросы о жизни и смерти.

— Я найду Хранителя и Музей, чтобы тоже научиться понимать суть всех явлений, — сказал Гвил.

Отец тихо проговорил:

— Я подарю тебе моего любимого белого коня; мой волшебный плащ, чтобы укрываться от злых сил; мой светящийся кинжал, чтобы освещать путь, и главное — мое благословение, которое будет хранить тебя в нелегком пути.

На языке Гвила вертелось много новых вопросов, главный из которых: откуда у отца волшебные вещи, но... Он только поблагодарил его за чудесные вещи и благословение.

Гвил оседлал коня, наточил кинжал, последний раз посмотрел на свой старый дом в Сфере и отправился на север, горя страстным желанием познать мир.

На старой барже он поплыл по реке Скаум, мечтая о богатстве знаний Хранителя, как вдруг из реки за бортом баржи вынырнул зловещий черный человек с сучковатой дубиной. Юноша начал отбиваться и не без труда столкнул его обратно в воду.

Впереди возник гористый северный берег. Показались темные пирамидальные тополя и какие-то белые колонны. Баржа причалила к берегу. Гвил увидел селение с кривыми улочками. На одной из улочек он встретил одноглазого весельчака, который повел его к прорицателю. Одинокое жилище колдуна было исписано кабалистическими знаками. Сам прорицатель оказался худым стариком с бронзовой кожей, красноватыми глазами и длинной седой бородой.

— Могу ли я тебя кое о чем спросить? — отважно начал Гвил.

— Я отвечаю на некоторые вопросы, — ответил тот, — двадцатикратно я буду отвечать трехстишиями на твоем языке; десять раз я отвечу наклоном головы; расскажу пять притч, которые как хочешь, так и понимай; а один раз я заговорю с тобой на незнакомом языке.

— Во-первых, я хочу знать, много ли ты знаешь?

— Я знаю все, — гордо заявил прорицатель, — секреты красного и черного, тайны добра и зла, чары великого Мотылька, язык рыб и птиц.

— Где ж ты всему этому научился?

Старик усмехнулся:

— Когда из дальних странствий я вернулся в свое жилище, то решил углубиться в себя, хотя понимал, что таким образом постичь мир невозможно.

— Зачем тебе держать все, что ты знаешь, про себя? — рискнул спросить Гвил. — Почему ты скрываешься в четырех стенах и ведешь такое существование?

Прорицатель рассвирепел, но сказал:

— Продолжай! Я уже потратил впустую пятьдесят гран мудрости — у тебя никогда не было в кошельке столько меди. Если тебе нужны какие-то особенные знания, — весело хихикнул он, — то ищи Хранителя. — С этими словами он скрылся в хижине.

Гвил нашел пристанище на ночь, а утром отправился дальше на север. По ночам он защищал себя и коня волшебным плащом. Плащ верно укрывал их от злых сил, острых когтей, согревал в холодные ночи. Под ним они спокойно отдыхали, не боясь ни злых духов, ни зловещей темноты.

Гвил упорно ехал вперед.

Багровое солнце грело все слабее, дни и ночи становились все холоднее.

Но вот на горизонте показались скалы. Лес стал ниже и реже. Среди деревьев преобладали даобады с массивными стволами и тяжелыми сучьями. Их стволы, блестящие, будто отполированные, были красновато-коричневого цвета. Темные листья, окутывающие дерево, делали крону похожей на огромный шар.

На одной из лесных полян Гвил увидел деревушку из торфяных лачуг. Из жилищ вышли странные кричащие люди и окружили Гвила, с любопытством разглядывая его.

Гвила они заинтересовали не меньше, но он молчал, пока к нему не подошел предводитель — здоровенный косматый мужик в меховой шапке и плаще. От мужика так противно пахло, что Гвил отодвинулся.

— Куда направляешься? — спросил атаман.

— Мне нужно попасть в Музей Человека, — ответил Гвил, — не укажешь ли дорогу?

Атаман кивнул на север, где виднелись горы.

— Осконское ущелье — наиболее короткий и удобный путь, хотя там нет никаких дорог. Когда выедешь из ущелья, то попадешь в неизвестную страну. Впрочем... туда все равно невозможно добраться.

Эта новость не смутила Гвила.

— Откуда ты знаешь, что дорога через Осконское ущелье ведет к Музею?

Атаман пожал плечами.

— Так говаривали наши предки.

Гвил резко повернулся к коню, который стал беспокойно всхрапывать. Ему бросилась в глаза изгородь, за которой копошились несколько человек, очень неуклюжих, восьми-девяти футов ростом. Их тела были обнажены, грязные желтые волосы спутаны, водянистые голубые глаза странно блестели, а восковые лица были грубы и тупы. Гвил увидел, как один из них начал жадно и шумно лакать какое-то мутное пойло.

Юноша поинтересовался:

— Что это за люди?

Атамана удивила наивность Гвила:

— Это же наши оусты, — и он жестом указал на коня Гвила, — никогда не видел такого странного оуста, как у тебя. Наши более покорны и менее злы. И при том у них очень вкусное мясо. — Подойдя ближе к коню Гвила, атаман стал внимательно разглядывать седло и попону, расшитую красными и желтыми цветами: — Какое великолепное покрывало. Мне бы хотелось подарить такое моим оустам.

Гвил вежливо объяснил, почему он вынужден отказать, на что атаман обидчиво пожал плечами.

Загудел рожок.

— Хочешь есть? Еда готова, — оглянувшись, предложил атаман Гвилу.

Бросив взгляд на загон для оустов, Гвил ответил:

— Я не голоден. Мне надо спешить. Благодарю, но вынужден отказаться.

Он вскочил на коня и отправился в путь. Проезжая под огромным даобадом, Гвил бросил последний взгляд на селение. Возле лачуг царило необычайное оживление. Вспомнив, как жадно атаман рассматривал седло и попону, Гвил решил, что дальше медлить опасно. Он за-

торопился и, подгоняя коня, скоро добрался до опушки леса.

Начиналась саванна. Под копытами коня хрустела сухая трава. Гвил оглядел равнину. Солнце, старое и багровое, как перезревший гранат, садилось на юго-западе, тусклый свет его слабо освещал долину. Видневшиеся в дымке горы выглядели как-то неестественно.

Гвил снова посмотрел на солнце. Еще час, и наступит темная ночь. Он оглянулся назад, почувствовав смутную тревогу, и увидел четырех оустов, тащивших на плечах людей. Человекокони быстро приближались к нему. Неожиданно хлынул дождь, и конь во всю прыть понесся к Осконскому ущелью. Оусты с седоками остались далеко позади.

Когда солнце село, впереди показался еще один лес, более мрачный.

Вот они уже в лесу, над ними склонились его темные деревья. Гвила то и дело задевали угловатые сучья.

Надо было во что бы то ни стало избежать встречи с оустами и их седоками. Гвил три раза менял направление. Наконец, остановившись, он прислушался. Слез с коня, поставил его в лощинку под деревьями и замаскировал ветками. Вскоре четверо на оустах проехали мимо. Они были раздражены. Звуки их шагов медленно таяли, пока совсем не затихли.

Конь зашевелился и зашуршал листьями. Воздух был насыщен влагой. Гвила начало знобить.

Темнота густела. Юноша решил, что лучше поскорей убраться подальше от проклятой деревни. Скорее прочь...

Он вывел коня и стал прислушиваться. Издалека доносились хриплые крики. Гвил повернул в противоположную сторону и предоставил коню полную свободу в выборе дороги.

Сучковатые ветки, сплетаясь над Гвилом, еле пропускали гаснущий багряный свет. В воздухе неприятно пахло плесенью. Конь ступал очень осторожно, а седок, напрягаясь всем телом, чутко вслушивался в тишину. Глаза Гвила уже плохо различали предметы, но он ощущал всей кожей, что где-то совсем рядом притаилась смерть.

Обливаясь холодным потом, боясь лишний раз пошевелиться, Гвил все же соскользнул со скакуна, достал вол-

шебный плащ, укрылся сам и закрыл коня. Юноше было страшно. Кругом таилась опасность.

Тусклый красный свет утра сочился сквозь ветви. Гвил вылез из-под плаща. Позавтракал сухими фруктами, накормил коня овсом из торбы. И они продолжили свой путь к горам.

Лес кончился, и перед ними открылась горная страна. Гвил рассматривал скальный кряж. Алел восток. Темно-зеленая гряда тянулась с запада от Мелантина к востоку, к Земле Падающей Стены.

Где же Осконское ущелье? — юноша тщетно всматривался вдаль.

По-прежнему моросил дождь. Склоны были покаты, утесы щерились, как гнилые зубы. Гвил повернул коня и поехал вверх по склону.

Ночь он провел в седле. Древний путь через Осконское ущелье привел его в северную тундру. Они с конем мерзли под холодным свинцовым небом, мокли под дождем.

Приподнявшись в седле, Гвил начал рассматривать место, где они сейчас находились. Вдалеке высились утесы. Кругом была бесплодная земля. Монотонность пейзажа лишь изредка разнообразили сухие кусты.

Гвил погнал коня. В ушах свистел ветер. Горы вдали походили на неведомых исполинских животных. Конь остановился у края широкой долины. Стало тихо. Гвил огляделся. Внизу лежал темный заброшенный город. Туман стлался над его улицами. В отблесках вечерней зари слабо вырисовывались крыши домов.

Конь зафыркал и начал спускаться по каменистому откосу.

— Странный город, — произнес Гвил, который за время своего путешествия привык разговаривать с конем, — ничего не видно, никого не слышно, не пахнет дымом... Кажется, это покинутые жителями древние развалины...

Он подумал, стоит ли рассматривать улицы. Иногда казалось, что руины населены духами. Но улицы могут вывести его в тундру.

Гвил спустился вниз, въехал в город. Копыта коня звонко цокали по булыжникам. Здания были каменные и известняковые. Неразрушенные дома встречались очень редко. Немногие оставшиеся целыми двери стучали, бол-

таясь на петлях. В стенах темнели большие дыры, но сам камень мало пострадал от времени. Перед негостеприимными домами росли цветы. Гвил отметил, что за ними никто не ухаживает.

Внезапно юноша почувствовал запах дыма.

— Э-эй! — крикнул он.

Но никто не выглянул из дверей, окна не зажглись. Гвил медленно поехал дальше. Улица повернула к большому дому, в окнах которого блестел свет.

Это было высокое здание с четырьмя окнами без стекол, над которыми сохранилась бронзовая филигрань. Каждое окно украшал маленький балкончик. Сияла мраморная балюстрада перед террасой, портал равнодушно взирал на окружающих. Слышалась тихая музыка.

Но Гвила заинтересовало нечто иное. Он соскочил с коня и поклонился девушке, которая задумчиво сидела в конце балюстрады. Несмотря на холод, на ней было только бледно-желтое платьице, а на плечах легкая косынка. Личико печально и задумчиво.

Когда Гвил поздоровался, девушка кивнула ему и, улыбнувшись, поправила упавшие на глаза волосы.

— Скверная ночка для путешествий!

— Да, но не очень приятная и для мечтаний при луне, — откликнулся Гвил.

Она снова улыбнулась:

— Мне не холодно. Я сижу и думаю... И слушаю музыку.

— Что это за место? — поинтересовался Гвил, оглядывая улицу, но еще больше любуясь девушкой. — Кроме тебя здесь еще кто-нибудь есть?

— Это Карчезл. Он покинут людьми десять веков назад. Только мы со старым дядюшкой нашли здесь пристанище, скрываясь от сапонидов из тундры.

Гвил подумал, что девушка очаровательна.

— Тебе холодно? — спросила она. — У нас тебе будет хорошо. О, я так рада тебе! — и она встала.

— Спасибо, но сначала надо позаботиться о коне.

— Его можно поставить вон в том сарае.

Гвил посмотрел, куда она указала, и увидел маленький домик с открытой дверью. Он расседлал коня и поставил его отдыхать.

После Гвил стал прислушиваться к музыке, на которую до этого почти не обращал внимания. Плавные, таинственные звуки висели в воздухе.

— Очень странно, — пробормотал он, поглаживая коня. — Дядя играет, девушка одна ночью... Впрочем, что-то я стал чересчур подозрительным. Девушка чудная, и нет никакой опасности. Если они просто беженцы и любят музыку... К тому же они гостеприимны. — И, достав из седельной сумки свою флейту, Гвил вернулся к девушке.

— Как тебя зовут? — спросила она, — а то я не знаю, как тебя представить дяде.

— Я Гвил из Сферы, которая находится за рекой Скаум в Асколайсе. А твое имя?

Она засмеялась, открывая входную дверь. Мягкий желтый свет упал на булыжную мостовую.

— У меня нет имени. Зачем оно, ведь кроме нас с дядей здесь никого нет.

Гвил удивился, все было очень загадочно, но он постарался скрыть свое удивление. Может, она считает его колдуном и боится порчи?

Когда они вошли в дом, звуки флейты стали громче.

— Я буду называть тебя Амис, если можно, — попросил Гвил. — Так называется южный цветок, золотистый и прелестный, похожий на тебя.

Она кивнула:

— Пожалуйста, если хочешь.

Они вошли в комнату, украшенную гобеленами, большую и теплую. У одной из стен ярко горел камин, невдалеке от него стоял накрытый стол. В кресле сидел старик, взлохмаченный и неопрятный. Его спутанные седые волосы падали в беспорядке на спину, всклокоченная, грязно-желтая борода выглядела не лучше. На ногах старика были потрескавшие сандалии. Как ни странно, он продолжал играть на флейте, не замечая вошедших. Гвилу показалось, что девушка движется в такт музыке.

— Дядюшка Людовик! — весело крикнула она, — я привела гостя, сэра Гвила из Сферы.

Гвил остановил взгляд на старике и поразился. Его глаза, невзирая на возраст, лихорадочно и молодо блестели и очень умно смотрели. Гвилу даже показалось, что они как-

то странно смеются, и это немного обескуражило его. Но морщины на лице старика говорили о перенесенных страданиях.

— Дядя — великий музыкант, в этот час он всегда занимается музыкой. Он придерживается такого режима уже много лет...

Гвил вежливо поклонился.

Амис направилась к столу.

— Угощайся, Гвил, я налью тебе вина. А потом, может, тоже поиграешь нам на флейте.

— С радостью. Я неплохо музицирую, — откликнулся юноша и увидел, что лицо старика просветлело, а уголки рта задрожали.

Гвил ел, Амис подливала ему вина. Наконец комната поплыла у него перед глазами.

Дядя Людовик продолжал играть свою мелодию, нежную и журчащую, которая убаюкивала юношу. Сквозь дрему тот еще видел, как Амис танцует.

"Странно, — подумал Гвил, — эти люди живут в одиночестве, но они добры и прекрасно образованы".

Гвил очнулся, закончил есть и встал из-за стола. Людовик все еще что-то наигрывал, мелодия походила на пение птиц на восходе солнца. Амис танцевала, подвигаясь все ближе к Гвилу. Он чувствовал тонкий аромат духов и совсем близко видел ее золотые волосы. Ее лицо дышало счастьем.

Людовик почему-то смотрел на нее сердито, не говоря ни слова.

— Ну, а сейчас, может, поиграешь ты? Ты такой молодой и сильный, — сказала Амис, увидев, что Гвил раскрыл глаза. — Я знаю, что ты не откажешься сыграть для дяди, он будет очень доволен и скоро уйдет спать, а мы посидим и поговорим.

— С удовольствием! Я поиграю, — проговорил Гвил, с трудом шевеля онемевшими губами. — Это все из-за вашего вина... Пусть моя музыка расскажет вам о Сфере.

Случайно взглянув на старика, Гвил был удивлен странным выражением его лица. Замечательно, что человек так любит музыку.

— Ну же, играй! — попросила Амис, подталкивая его к Людовику и флейте.

— Я лучше подожду, пока дядя закончит. Боюсь оказаться невежливым, — завозражал Гвил.

— Нет, чем быстрее ты покажешь, что хочешь играть, тем скорее он закончит. Просто возьми флейту. Он плохо слышит, — сказала девушка.

— Ну что же, — согласился Гвил, — но я лучше возьму свою флейту. — И он достал ее.

В чем дело? Гвил увидел, что с девушкой и стариком произошло что-то странное.

Глаза Анис сверкнули, а дядя обрадовался, но на его лице застыло выражение какой-то безнадежной покорности.

Гвил отвернулся, смутившись.

— Тебе не хочется играть? — На мгновение наступила тишина. Амис в этот момент была особенно привлекательна: — Но я уверена, что своей игрой ты обрадуешь дядю. Ему кажется, что игра другого на его инструменте будет необычайно красива.

Людовик кивнул, и его старые глаза опять как-то странно сверкнули.

У него был действительно чудесный инструмент, сделанный из светлого металла и инкрустированный золотом.

Дядя жадно держался за него.

— Возьми флейту, — сказала Амис, — он плохо соображает.

Людовик отрицательно затряс головой, и Гвил с участием посмотрел на него, на его запачканную бороду, трясущуюся голову.

— Я сыграю на своей флейте, мне не хочется огорчать дядю. Слушайте! — И Гвил поднял флейту к губам. — Это мелодия Кайна, называется "Песня у моря".

Он заиграл. Музыка была прекрасна.

Людовик следил за ним, зевая. Амис слушала, полузакрыв глаза и покачивая в такт рукой.

— Тебе понравилось? — спросил Гвил, закончив играть.

— Очень! Можешь ты эту мелодию сыграть на дядиной флейте? У его флейты звуки более легкие и мягкие.

— Нет, — заупрямился Гвил. — Я играю только на своем инструменте. — И он снова стал играть. Это был танец радости — быстрый, вихревой.

Людовик играл то же, но классически точно. Амис самозабвенно танцевала свой собственный танец.

Гвил заиграл бешеную тарантеллу.

Амис кружилась все быстрее и быстрее, ее руки плавно взлетали, волосы красиво рассыпались по плечам.

Звуки флейты Людовика то взмывали вверх, то падали вниз, инструмент серебристо звучал, сплетаясь звуками с мелодией Гвила. Мелодии украшали друг друга.

Людовик зажмурил глаза и больше не видел танцующей девушки.

Неожиданно он изменил темп на чересчур быстрый. Гвил поддержал его своей флейтой. Они выводили невообразимые рулады, высокие быстрые и ясные.

Глаза старика закатились, пот струился по лицу. Его флейта восторженно вторила, заставляя содрогаться воздух.

Амис танцевала. Она была очень красива в своей неистовой пляске.

Эта музыка могла поднять даже мертвеца. Играя, Гвил вдруг заметил, что у Амис начался припадок, на губах выступила пена. Дядя, прихрамывая, подошел к ней, и случилось что-то ужасное и непонятное. Старик начал играть песню смерти. Гвил из Сферы резко повернулся и выбежал из комнаты с широко открытыми от ужаса глазами.

Людовик, ничего не замечая, продолжал свою жуткую игру. Каждая нота его песни будто острым ножом резала девушку.

Гвил выбежал, и холодный воздух отрезвил его. Шел дождь со снегом. Юноша вбежал в сарай, белый конь повернул к нему голову.

Набросив седло, он взнуздал коня и поскакал прочь из этого старого города. Булыжник звенел под копытами. Прочь от песни смерти! Гвил мчался галопом. Немного погодя он оглянулся. И был изумлен и обескуражен. Позади расстилалась ровная каменистая равнина. Но где же город? На его месте видны были только осыпающиеся руины... Кругом царила мертвая тишина, прерываемая шорохом осыпающихся камней. Гвил отвел взгяд и поехал своей дорогой. На север.

Утесы, к которым вела тропа, были сложены из серого гранита, сплошь покрытого алым и черным лишайником и голубой плесенью.

Копыта коня звонко цокали по камням. Этот звук убаюкивал Гвила — он очень устал после бессонной, сумасшедшей ночи. Дрема уносила его в неведомую страну, и Гвил старался стряхнуть с себя оцепенение. Но усталость восторжествовала, и он свалился с седла. Встрепенувшись, Гвил решил отдохнуть.

Утес поднимался высоко в небо. Солнце было в зените. Тропа петляла. Вверху голубело небо. Гвил размышлял. Кругом не было ни души. Чтобы добраться до подножия горы, ему надо пересечь сотни миль прерии. Надо быть начеку.

Он ехал по земле, заросшей травой и цветами. Впереди появилась пустынная возвышенность с группой темных деревьев. У ее подножия блестело озеро, на другой стороне которого виднелись серо-белые руины, плохо различимые в тумане.

Не Музей ли это Человека?

Дул холодный ветер. Все больше смеркалось. Прерия окутывалась темнотой.

Гвил остановил коня, решив переночевать. Потерять тропу во мраке грозило массой неприятностей.

Вдруг раздался какой-то очень печальный звук. Гвил замер, всматриваясь в небо.

Вздох? Стон? Плач?

Звук приблизился, теперь он очень походил на шелест одежд. Гвил съежился в седле. Из темноты выступил кто-то в белых одеждах, глаза его темнели, подобно пустым глазницам черепа.

Существо издало печальный вопль и исчезло... Гвил услышал только шум ветра. От испуга он упал на землю, а вскочив, укутал себя и коня волшебным плащом. Очутившись в темноте и тепле, Гвил согрелся и заснул.

Как прошла ночь, Гвил и не заметил. Проснувшись, он сразу отправился в путь. Тропа вела его узкой лентой по белому песку, между кустами серого дрока.

Она остановилась у поросшей деревьями возвышенности. Гвилу так хотелось увидеть сквозь листву крыши и дымок над ними. Он огляделся: справа и слева были поля, заливные луга и яблоневые сады. Должны же быть люди! Тут он увидел ограду из камней и черных бревен. На камнях были высечены четыре перчатки, указываю-

щие на центральную колонну. На бревенчатых перилах были вырезаны спирали. За оградой зияла воронка, выкопанная или, может быть, выжженная каким-то ужасным орудием.

Гвил присмотрелся и вдруг увидел трех человек, спешащих к нему.

Конь занервничал. Незнакомцы приблизились, оглядели оценивающе Гвила и взяли под уздцы его коня. Это были высокие, прекрасно сложенные люди, одетые в плотно облегающие костюмы из черной кожи, их шапки походили на мятые каштаны, поля закрывали уши. У всех — продолговатые лица, кожа цвета слоновой кости, золотистые глаза и блестящие черные волосы.

Главный из них выступил вперед. Его лицо было непроницаемо.

— Привет тебе, чужеземец!

— Здравствуйте, — осторожно сказал Гвил, — вы из Сапониса?

— Да, наш народ живет в Сапонисе. — Предводитель с любопытством оглядел Гвила: — Судя по твоему виду, ты с юга?

— Я Гвил из Сферы, что на реке Скаум в Асколайсе.

— Долог же был твой путь! — заметил сапонид. — Опасное путешествие. У тебя, должно быть, накопилась уйма впечатлений.

— Путь кажется короче, когда ясно видишь цель, — ответил Гвил.

Сапонид вежливо предположил:

— Ты пересек Фер Аквилу?

— Конечно, проходил через какие-то камни. — Гвил посмотрел на молчавших людей: — Только вчера я был в ущелье, где встретил привидение, но думаю, оно мной не заинтересовалось.

Его слова вызвали неожиданно бурную реакцию у сапонидов. Лица у всех троих вытянулись, губы сжались. Предводитель попытался разрядить обстановку, но тоже посмотрел на небо с плохо скрываемым страхом.

— Привидение? В белых одеждах? Растаяло в воздухе?

— Ну да. Вы о нем слышали?

Снова наступила тишина.

— Пожалуй, да, — проговорил сапонид. — А ты продолжай, продолжай!

— Немного уже осталось. Я укрылся и уснул. А утром спустился в прерию.

— Больше тебя никто не беспокоил? Не видел ли ты Кильбао — Ходячего Змея, который спускается с неба, предвещая беду?

— Никого я больше не видел: ни змей, ни других гадов; меня защищало благословение отца.

— Очень интересно...

— Но, — прервал Гвил, — раз я здесь, не скажете ли вы мне, что это у вас за привидение и что ему надо?

— Этого я не знаю, — осторожно ответил сапонид. — О привидении лучше помалкивать, чтобы не навлечь на себя беду.

— Хорошо, — сказал Гвил, — вы больше ничего не скажете... — и умолк.

Он решил, что до того, как попасть в Музей Человека, неплохо бы понаблюдать за сапонидами и, если надо, помочь им.

— Ну так что? — поинтересовался сапонид.

Гвил посмотрел на пустырь за оградой из бревен и камней.

— Кто все это выжег?

Сапонид кинул взгляд туда же и пожал плечами.

— Это очень древнее место. Смерть поселилась там, злой дух, который все уничтожает. Впрочем, хватит об этом. Ты, наверное, хотел бы отдохнуть. Мы тебя проводим.

Они двинулись по тропинке в город. Гвил, ни слова не говоря, поехал за ними. Приблизившись к холму, заросшему деревьями и кустами, тропа перешла в широкую дорогу. Справа раскинулось озеро, на берегах которого рос багряный камыш. За его зарослями был виден причал из черных брусьев, рядом на воде покачивались лодки. Причал был построен в виде серпа и высоко поднимался над водой.

Поднялись в город. Богато украшенные резьбой трехэтажные бревенчатые дома золотисто-коричневого цвета казались построенными на века. Гвил с любопытством разглядывал резные узоры: спирали, цветы, листья, ящериц и

всякую всячину. Наличники окон также были украшены орнаментом: листьями, животными, звездами.

Было ясно, что эти дома принадлежат богатым людям. Узкая улочка поднималась все выше и выше. Дома утопали в пышной листве деревьев. Сапониды шли впереди, тихо переговариваясь. Они выглядели элегантно, чего Гвил никак уж не ожидал увидеть на севере.

Внезапно все остановились. Главный обернулся и сказал:

— Подожди меня здесь, я должен предупредить Воеводу, чтобы тот приготовился к встрече.

Гвилу и в голову не пришло, что это подвох. Он кивнул головой. Сапонид ушел, а Гвил задумался. Он думал о гостеприимном городе, высоко поднявшемся над холодной равниной.

Подошла стайка девушек и стала рассматривать юношу, пересмеиваясь. На них были красивые полосатые шерстяные платья. Они нравились Гвилу, гибкие, стройные и очень кокетливые.

Вернулся сапонид:

— Ну что же, сэр Гвил, пойдем дальше?

Но у Гвила возникло какое-то странное предчувствие, и он сказал:

— Благодаря отцовскому благословению я проделал этот путь, и я готов отправиться по любой дороге, которая приведет меня к цели.

Сапонид сделал вид, что не понял.

— Конечно, ты отправишься куда хочешь. Но разреши проводить тебя к Воеводе, которому очень хочется увидеть путешественника с юга.

Гвил поклонился, и они пошли дальше, а через сотню шагов очутились на плантации, где росли кусты с маленькими листиками в виде сердечек. Листья были красные, зеленые, черные.

Сапонид повернулся к Гвилу:

— Я должен предупредить тебя, чужеземец. Это одно из наших священных мест, и обычай требует строго наказать любого, кто наступит на эти листья.

— Я учту. Постараюсь не нарушать ваших законов.

Они очутились в густых зарослях. Откуда-то с ужасными криками выпрыгнули страшилища с горящими глазами.

Конь Гвила шарахнулся в сторону и наступил на священные листья.

Откуда ни возьмись налетели сапониды, схватили коня под уздцы и стащили с седла Гвила.

— Стойте! — закричал он. — Что все это значит? Объясните мне!

Но его проводник укоризненно покачал головой:

— Ведь я только что объяснил тебе все!

— Но чудища напугали коня! — пытался возражать Гвил. — Я не вижу в этом особого греха. Оставьте нас в покое, и мы отправимся дальше.

— Боюсь, что за осквернение священного места тебя ждет наказание. Протесты не помогут. Впереди суровое испытание.

Существа, которых вы напугали, — безвредные домашние животные. Ты сам ехал верхом на животном, которое дернулось, хотя ты его и удерживал. Даже, если ты извинишься, то все равно будешь виноват в преступной неосторожности.

Твои действия непредсказуемы, и нам придется заново освятить осквернённую землю. Ты говоришь о случайности и сейчас, когда не сидишь на своем скакуне, а ведешь его под уздцы.

Итак, сэр Гвил, я вынужден признать твою вину и охарактеризовать ее как дерзость и неуважение.

Я как сенешаль и сержант-распорядитель Литэна вынужден арестовать тебя как правонарушителя. Пока не исправишься, мы подержим тебя в тюрьме.

— Вы что, издеваетесь? — взорвался Гвил. — Так жестоко обращаться с путником!..

— Ничего не могу поделать, — ответил сенешаль. — Мы гуманны: наши обычаи завещаны предками. Мы чтим прошлое больше, чем настоящее. Таковы наши законы!

Гвил внезапно успокоился.

— И какое же наказание ждет меня?

Сенешаль заявил:

— Выучить наизусть три заповеди арестанта. Мне кажется, что это немного. Но за тобой будут следить!

Гвила поместили в темный, но хорошо проветриваемый подвал. Каменный пол был сухим, на потолке и стенах не

было видно насекомых. Гвил остался в одиночестве и чувствовал себя очень неуютно. Светящийся кинжал у него отобрали.

Мысль юноши лихорадочно работала. Он лежал на камышовой подстилке, обдумывая ситуацию, и незаметно уснул.

Прошел еще один день. Пленнику исправно приносили еду и питье. Наконец его посетил сенешаль.

— Ты родился под счастливой звездой, — сказал сапонид. — Мы не нашли в твоем поступке злого умысла, а только невнимательность. Наказание могло быть очень суровым. Приказ предписывает три вида кары: первая — отрезать на ногах пальцы и вшить перец в кожу на шее; вторая — три часа бить преступника, а потом предать анафеме за осквернение святыни; третья — спустить виновного на дно озера в свинцовых башмаках и заставить найти утерянную Книгу Келлса. — Сенешаль благодушно смотрел на Гвила.

— Что же будет со мной? — сухо осведомился тот.

Сапонид пошевелил кончиками пальцев.

— Есть указ Воеводы. Ты должен поклясться, что никогда больше не будешь осквернять наши святыни и нарушать обычаи.

— Клянусь, — сказал Гвил и замолчал.

— И еще, — продолжал сенешаль с легкой усмешкой, — ты должен узнать, почему наши девушки никак не могут определить первую красавицу.

— Ужасно трудно, — пробормотал Гвил, — не слишком ли велико наказание?

Сапонид принял глубокомысленный вид:

— Многие пытались решить этот вопрос... Каждый горожанин предлагает выбрать девушку из своей семьи: дочь, сестру, племянницу. Но вопрос должен решить незаинтересованный человек. Тебя же никто не сможет обвинить в предвзятости, и ты вполне можешь нам помочь в выборе первой красавицы.

Гвил поверил в искренность сапонида, но его удивило, почему именно он должен выбирать красавицу.

— Что же будет, когда я все исполню? — поинтересовался Гвил.

Но сенешаль уже вышел, оставив дверь открытой.

Гвил, проведший в темнице несколько дней, был огорчен, что его костюм оставляет желать лучшего после стольких приключений. Он умылся, причесался. Когда он вышел, то с грустью подумал, что выглядит достаточно неприглядно. Они с сенешалем поднялись на вершину холма. Обернувшись к спутнику, Гвил сказал:

— Вы обещали показать дорогу.

Сапонид пожал плечами:

— Верно, но пока тебя освободили лишь временно, и ты должен нам помочь в выборе девушки. Всему свое время.

С холма Гвил увидел, что по озеру плывут три полукруглых лодки, нос и корма которых опущены в воду. Юношу это заинтересовало.

— Почему у вас лодки такой странной формы?

Сенешаль удивленно посмотрел на него:

— Разве у вас на юге не растут такие стручки?

— Ничего подобного я раньше не видел.

— Такие плоды растут на лозах-великанах, как видишь, они имеют форму ятагана. Когда стручки созревают, мы их срезаем, очищаем, делая внутренний разрез, соединяем концы и сдавливаем, пока стручок не раскроется. Потом вставляем внутрь распорки, сушим, полируем, украшаем стручок резьбой, покрываем лаком — и корпус лодки готов.

Площадка, на которую они поднялись, была окружена высокими домами из черного дерева. Это было место, где проводятся собрания и праздники горожан.

Сами жители города, столпившиеся здесь, казались подавленными каким-то горем и безразлично взирали на происходящее.

Сотня девушек печально стояла в центре. Гвилу все это зрелище казалось забавным.

Девушки были пестро одеты, их волосы, казалось, были умышленно растрепанны, а лица выглядели грязными и мрачными.

Гвил повернулся к своему проводнику:

— Этим девушкам, похоже, совсем не нравится стоять здесь?

Сенешаль криво усмехнулся:

— Скромность не позволяет им выделяться. Она всегда была характерной чертой сапонидок.

Но в душу Гвила прокралось сомнение.

— Что это за процедура? Я многого у вас не понимаю, и мне не хочется никого обидеть.

Сенешаль невозмутимо заявил:

— Здесь не может быть никаких обид. Мы обычно проводим этот конкурс как можно быстрее и проще. Ты пройдешь перед строем и укажешь на ту, которая тебе больше понравится.

Гвил наконец понял, что от него требуется, и почувствовал себя дураком: идиотское наказание за нарушение нелепой традиции. Он решил побыстрее справиться с этим делом и направился к девушкам. Те смотрели на него с ненавистью и беспокойством. Его задача была не из простых, многие из девушек были миловидны, несмотря на выпачканные лица и гримасы.

— Встаньте в ряд, — попросил он, — так мне будет легче выбирать.

Насупившись, девушки подчинились.

Гвил начал осмотр. Сначала он решил отсеять сгорбленных, чахлых, толстых, с оспинами на лицах. Группа сократилась на четверть. Затем он сказал как можно мягче:

— Никогда не видел столько очаровательных девушек сразу. Любая из вас может победить. Мне выпала трудная задача. Я должен быть объективен и, не сомневайтесь, я постараюсь выбрать самую прелестную из вас.

Пройдя еще раз вдоль шеренги, он попросил уйти нескольких девушек, которые ему чем-то не понравились.

Потом оглядел оставшихся и остался доволен — все были красивы. Из них он попросил еще кое-кого выйти. Перед ним были самые привлекательные.

Они зло смотрели на Гвила, когда тот, шагая вдоль поредевшей шеренги, заставлял ту или иную поворачиваться.

Но вот выбор сделан. Девушки заметили это; напряжение и беспокойство их возросли.

Гвил в последний раз прошел перед ними. Нет, он не ошибся в выборе. Все девушки были очень миловидны, с лучистыми глазами, лицами, похожими на цветы, гибкие,

как тростник, с шелковистыми волосами. Несмотря на все ухищрения, они не смогли обезобразить себя.

Та, которую выбрал Гвил, была более спокойна, чем другие, и очаровательна. У нее было маленькое личико, огромные задумчивые глаза и прекрасные черные волосы с трогательной челкой. Ее нежная кожа цвета слоновой кости была прозрачна. Стан гибок и грациозен. "Настоящая королева красоты,"— подумал Гвил и взял ее за руку.

Глаза девушки расширились от ужаса.

Гвил потянул ее, упирающуюся, вперед, к Воеводе, сидевшему в кресле.

— Я выбрал эту, так как нахожу ее самой красивой.

Над площадкой повисла мертвая тишина.

Из груди сенецаля вырвался хриплый печальный стон.

Он, покачиваясь, вышел вперед с поникшей головой и дрожа всем телом.

— Гвил из Сферы, ты отомстил за мою хитрость. Это — моя любимая дочь Шири. Теперь она должна умереть...

Гвил с недоумением смотрел то на сенешаля, то на Шири. Девушка была безучастна и глядела куда-то вдаль.

Гвил, заикаясь, проговорил:

— Ничего не понимаю! Я выбрал твою дочь как самую очаровательную девушку.

— Ты выбирал справедливо, Гвил из Сферы, — с горечью сказал сенешаль.

— Ну тогда скажи, что я еще должен сделать, чтобы вы меня отпустили? — спросил Гвил

Ему ответили:

— В трех милях на север лежат развалины, которые мы называем Музеем Человека... — голос сенешаля прервался.

— Ну, ну, я слушаю! — торопил Гвил.

— Ты должен проводить мою дочь в Музей. На воротах увидишь медный гонг, стукнешь и скажешь: "Мы из Сапониса".

Гвил нахмурился:

— Кто это "мы"?

— Это будет искуплением твоей вины, — прогремел сенешаль.

Гвил огляделся. Он стоял в центре площади, окруженный мрачными сапонидами.

— Когда я должен отправиться? — сухо спросил юноша.

Сенешаль жестко ответил:

— Сейчас Шири переоденется в желтое платье. Через час вернется, и вы отправитесь в Музей Человека.

— А дальше?

— Что будет потом, добро или зло, я не ведаю. До вас туда ходили 13000 человек, и никто не вернулся.

Спускаясь с вершины холма по тропе, усыпанной листьями, рассерженный Гвил чувствовал дрожь во всем теле.

Нарушение этих дурацких обычаев повлекло за собой жертвоприношение.

Сенешаль подтолкнул его.

— Вперед!

Жертвоприношение... Гвил содрогался от ужаса. Его колотило, ему хотелось то смеяться, то плакать. Страх сжимал его сердце, ведь ему придется идти в Музей Человека не одному.

Позади оставались высокие деревья и украшенные резьбой дома.

Наконец все спустились в тундру.

Внизу стояли восемь женщин в белых хламидах с церемониальными коронами из соломы на головах. Они окружали желтую шелковую палатку.

Сенешаль подозвал Гвила к ритуальной матроне. Та откинула полог палатки. Оттуда медленно вышла Шири. В ее темных глазах стыл ужас. Казалось, что материя, как обручами, стягивает ее тело. У платья был высокий воротник, подпирающий подбородок. Руки красавицы были обнажены, на спину спускался капюшон. Девушка походила на маленького пойманного зверька. Она смотрела на отца и Гвила, как на чужих.

Ритуальная матрона мягко обняла ее за талию и подтолкнула вперед.

Шири робко сделала несколько шагов. Сенешаль подвел Гвила. Мальчик и девочка подошли к ним с чашами, протянув их Гвилу и Шири. Девушка равнодушно взяла свою; Гвил тоже, подозрительно рассматривая ее.

— Что это за зелье?

— Напиток, — ответил саапонид. — Выпей, дорога покажется короче, страх покинет тебя, и ты смелее перейдешь болото у Музея.

— Нет уж, — заявил Гвил, — я не стану пить, моя голова должна быть ясной при встрече с Хранителем. Не хочу выглядеть глупо, не хочу качаться и спотыкаться! — И он вернул чашу мальчику.

Шири все еще смотрела на свое зелье. Гвил посоветовал:

— Не пей тоже, и мы доберемся до Музея, не утратив достоинства.

Нерешительно она протянула девочке свою чашу.

Сенешаль помрачнел, но промолчал.

Старик, одетый в черное, вынес атласную подушку, на которой лежал кнут с резной ручкой.

Взяв кнут, сенешаль легонько ударил Гвила и Шири по спине.

— А сейчас уходите из Сапониса! У вас больше нет дома. Ищите помощь в Музее Человека. Я приказываю не оборачиваться. Забудьте прошлое, не думайте о будущем в Северных Садах. Сейчас вы освободились от всего плохого, что связывало вас с Сапонисом и сапонидами. Я прошу вас! Уходите! Уходите!

Шири закусила губу, слезы текли по ее щекам, но она не издала не звука. С высоко поднятой головой она пошла в тундру. Гвил быстро следовал за ней.

Они не оглядывались, лишь прислушивались к звукам за спиной. И вот вышли на пустынную равнину. Безграничная, мрачная тундра заполняла все пространство и тянулась к горизонту, серовато-коричневая, но живая. На горизонте белели руины Музея Человека. Двое шли туда молча, по едва заметной тропе.

Гвил попытался заговорить:

— Почему мы молчим?

— Говори, — ответила ему Шири.

— Почему мы должны выполнить эту непонятную церемонию?

— Так было всегда. Разве этого не достаточно?

— Для тебя — может быть, — проворчал Гвил, — но мне она ни к чему. Меня сжигает страстное желание все

узнать, все прочувствовать. Всем овладеть в совершенстве — моя мечта.

Шири взглянула на него с изумлением:

— Все у вас на юге так любознательны?

— Нет, не все, — ответил Гвил, — не многие тянутся к знаниям. Большинство просто ищут еду, чтобы жить. Но я не такой.

— Зачем нужно что-то искать и исследовать? Земля охлаждается, человечество доживает свои последние годы. Так стоит ли отказываться от музыки, пиров, от любви?

— Конечно, — промолвил Гвил. — Полное согласие и любовь царят у вас в Сапонисе! Молва окрестила меня ненормальным, якобы злой дух поселился во мне. Может быть, но я одержим знаниями.

Шири сочувственно посмотрела на него:

— Скажи, может, я смогу облегчить твою тоску.

Гвил окинул взглядом ее милое личико, ее чудные волосы и огромные глаза, похожие на сапфиры.

— Я счастлив, что встретил тебя и буду рад твоей помощи.

— Говори, говори, — повторила Шири, — Музей Человека уже близок.

— Почему нас прогнали с молчаливого согласия всех горожан?

— Прямой причиной было то привидение, которое ты встретил на дороге. Когда оно появляется, то мы в Сапонисе знаем, что к Музею Человека надо отправить самых красивых юношу и девушку. Откуда взялся этот обычай, я не знаю. Так будет продолжаться пока светит солнце, а потом Землю окутает мгла; дождь, снег и ветер обрушатся на Сапонис.

— Но какова наша роль? Кто нас встретит? Что нас ожидает?

— Больше мне ничего не известно.

Гвил задумчиво предположил:

— Вероятность приятной встречи мала. Ты сомневаешься в доброте сапонидов, в доброте вообще всех существ, живущих на земле; но я случайный путник и мне по душе красивая молодежь твоего города.

Шири улыбнулась:

— Ты не исключение.

Гвил мрачно заметил:

— Мне трудно судить, ведь я для вас посторонний человек.

— Это так, — согласилась девушка.

Гвил посмотрел вперед:

— Давай не пойдем к Музею Человека, чтобы не испытывать судьбу! Уйдем в горы, а потом на юг, в Асколайс! Мне, вероятно, никогда не утолить своей жажды к познанию мира.

Девушка покачала головой:

— Ты считаешь, что можно перехитрить судьбу? Глаза сотен воинов следят за нами и будут следить, пока мы не войдем в Музей. Если мы этого не сделаем, с нас сдерут кожу или запрут в ящик со скорпионами. Таково традиционное наказание.

Гвил содрогнулся.

— Ну что ж... Мне всегда хотелось попасть в Музей Человека. Для этого я и отправился в путь из Сферы. Я найду Хранителя и удовлетворю свою страсть к познанию.

— С тобой отцовское благословение, — сказала Шири. — И твое заветное желание может исполниться.

Гвил не нашелся, что сказать, и дальше они шли молча.

Вдруг он остановился:

— Шири! Как ты думаешь, они не разлучат нас?

— Не знаю...

— Шири!

— Да?

— Мы встретились под счастливой звездой...

Девушка молчала. Они шли. Гвил смотрел вперед, на приближающийся Музей Человека. Внезапно Шири схватила его за руку.

— Гвил, я боюсь.

Он опустил голову, рассматривая землю.

— Посмотри, что это в лишайниках? Кажется, тропинка...

Шири засомневалась.

— Здесь прошло много ног, — Гвил едва сдерживал радость, — Было бы замечательно, если бы нам повезло! Мы

должны быть очень осторожны. Ни на шаг не отходи от меня. Твоя красота будет хорошей защитой, и, может быть, мы останемся живы.

Шири печально ответила:

— Давай не будем обманываться, Гвил.

Они пошли дальше. Тропа стала четче, и его радость возросла. И чем ближе они подходили к Музею, тем шире становилась тропа.

И вот развалины Музея предстали перед ними. Если сокровищница знаний здесь, то должен же быть какой-нибудь знак. Под ногами скрипел белый известняк, крошащийся, поросший сорняками.

По краям строения высились полуразрушенные монолиты разной высоты. Когда-то они поддерживали огромную крышу, которой больше не было, и стены тосковали о далеком прошлом.

Площадка, на которой они остановились, была ограничена разрушенными колоннами, она продувалась всеми ветрами, освещенная холодным красным солнцем. С мраморных развалин выдувалась пыль веков.

Те, кто строил Музей, тоже давно превратились в пыль и были забыты.

— Подумать только, — проговорил Гвил. — Сколько мудрости хранят эти развалины. Но неужели Хранитель не сберег ее, и мудрость всех времен смешалась с землей?

Шири понимающе кивнула.

— Я все думаю, — продолжал Гвил, — что же будет дальше. Что нас ждет?

— Гвил, — прошептала девушка, — я очень боюсь. Наверное, они нас разлучат, будут пытать и убьют. Меня всю трясет, когда я об этом думаю...

Во рту Гвила было горячо и сухо. Оглянувшись, он сказал:

— Пока я жив и мои руки сильны, нам ничего не угрожает.

Шири тяжело вздохнула:

— Гвил, Гвил, зачем ты выбрал меня?

— А потому, что ты похожа на бабочку, — ответил он, — и опьяняешь, как сладкий нектар. Ты мне очень нравишься, а я никак не думал, что все закончится так печально.

Дрожащим голосом Шири еле слышно проговорила:

— Я должна быть смелой, ведь если бы выбор пал на другую девушку, ей бы грозила беда... А вот и дверь.

Вход вел в ближайший монолит, дверь была из черного металла.

Они подошли к ней, и Гвил легонько постучал в маленький гонг.

Петли заскрипели, дверь раскрылась, и на них пахнуло холодом подземелья. В черном проеме невозможно было ничего различить.

— Кто здесь? — крикнул Гвил.

Тихий, дрожащий, как бы плачущий голос отозвался:

— Идите вперед. Вас ждут.

Гвил напряженно вглядывался в темноту, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

— Дайте свет, нам ничего не видно.

Еле слышно прошелестело в ответ:

— Свет не нужен. Ваш путь согласован с мастером.

— Ну уж, нет, — заявил Гвил, — мы хотим видеть лицо нашего хозяина. Ведь мы пришли по его приглашению, значит, мы его гости и нам нужен свет, чтобы войти в подземелье. Мы пришли за знаниями — значит, мы почетные гости.

— Ах, знания, знания... — прошелестело в воздухе, — что станется с вами, если вы слишком много будете знать о разных странных вещах? О, вы утонете в потоке знаний.

Гвил прервал этот стонущий глас:

— Ты не Хранитель? Сотни миль я прошел, чтобы поговорить с ним и расспросить его кое о чем.

— Нет, я даже не хочу слышать это имя, он очень коварен.

— Кто же ты?

— Я никто и ничто. Я нечто абстрактное, тайна страха, испарения ужасов, голос умерших.

— Ты говоришь как человек.

— А почему бы и нет? Мой голос может раздаваться и в самых светлых и в самых темных закоулках человеческой души.

— Ты не сделаешь нам ничего плохого? — тихо спросил Гвил.

— Нет, нет, вы должны войти в темноту и отдохнуть.

— Мы войдем, если будет свет.

— В Музее Человека света не бывает.

— В таком случае, — заявил Гвил, вынув свой светящийся кинжал, — я изменю процедуру встречи. Здесь будет свет!

Разлился яркий свет, дух издал зловещий вопль и, став мерцающей лентой, растворился. В воздухе витало лишь несколько светящихся пылинок. Дух исчез.

Шири, боясь шевельнуться, стояла, как загипнотизированная.

— Зачем ты так? — спросила она, тяжело дыша.

— Право, я сам не знаю, — ответил Гвил. — Я не хочу унижаться ни перед кем. Я верю в свою судьбу и не боюсь.

Он стал поворачивать кинжал в стороны, и они рассмотрели дверь, вырезанную в скале. Впереди была темнота.

Ступив за порог, Гвил встал на колени и прислушался.

Кругом было тихо. Шири стояла позади Гвила, широко раскрыв испуганные глаза. Гвил, взглянув на нее, почувствовал, как у него сжалось сердце от жалости: маленькое, нежное, беззащитное существо стояло за ним.

Опустив кинжал, он увидел лестницу, ведущую вниз, в темноту.

Свет играл их тенями.

— Ты боишься? — прошептала Шири.

Гвил повернулся к ней:

— Мы пришли в Музей Человека, и нельзя допустить, чтобы мешала всякая нечисть. Ты представляешь свой народ, я — свой... Надо быть готовыми к встрече с врагом. Если мы решили назло всему пойти вперед, мы будем двигаться обдуманно. Я предлагаю идти смело вниз по лестнице, может, там мы найдем Хранителя.

— Но зачем его искать?

— Привидение уж чересчур настроено против него.

— Ну что ж, пойдем, — решилась Шири. — Я готова.

— Мы идем навстречу приключениям! — торжественно сказал Гвил. — Не нужно бояться, и привидения будут

исчезать с нашего пути, а с ними — и ужас подземелья. Вперед!

Они стали спускаться. Лестница извивалась, то расширяясь, то сужаясь. Молодые люди, осторожно ступая, медленно следовали за ней. Их черные тени причудливо изгибались на стенах.

Спуск закончился. Гвил и Шири очутились в помещении, похожем на верхнее. Перед ними была еще одна дверь, на стенах висели латунные тарелки с непонятными письменами.

Гвил толкнул дверь, в лицо ударил поток холодного воздуха. Вскоре сквозняк ослабел и наконец иссяк. Тогда Гвил распахнул дверь шире.

— Эй, послушайте!

Откуда-то издалека доносился прерывистый треск. Звук был такой, что у Гвила встали дыбом волосы. Он сжал потной рукой ладошку Шири. Тускло мерцал кинжал. Гвил и Шири вошли в проем. Все тот же неприятный звук эхом отдавался в большом зале, в котором они теперь стояли.

Гвил посветил на дверь. Та была из какого-то упругого черного материала. Стены — из полированного камня.

Осветив дальнюю стену, молодые люди увидели громоздкий ящик с медными выступами, а рядом — поднос с битым стеклом, на подносе была выгравирована замысловатая эмблема.

Потом они разглядели и другие такие же ящики, тяжелые и мрачные, стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга.

Пробираясь дальше, путники заметили, что неприятный звук начал отдаляться. Они шли гуськом, в темноте, на ощупь.

Стена закруглялась, за поворотом была дверь.

Гвил заколебался. Пойти в этом направлении — значило приблизиться к месту, откуда шел треск. В затруднении он обратился к Шири, но та только пожала плечами:

— Не все ли равно, куда идти? Раньше или позже, но привидения нападут на нас.

— Нет, пока у меня есть светящийся кинжал, они не посмеют расправиться с нами, — возразил Гвил. — Мы

найдем Хранителя, может быть, он находится именно за этой дверью.

Он нажал плечом на дверь, та легко отворилась. Заглянув за нее, Гвил вскрикнул от удивления: в глаза ему хлынул золотистый свет. Юноша шире раскрыл дверь, Шири крепко вцепилась в его руку.

— Это Музей! — восхищенно воскликнул Гвил. — Кажется, здесь нам ничто не угрожает... Тот, кто живет среди такой красоты, должен быть добрым...

Свет лился из невидимого источника и, казалось, был соткан из мельчайших частиц, которые добавляли юноше и девушке силы.

На полу лежал огромный ковер, переливающийся всеми цветами радуги. Стены, отделанные драгоценными сортами дерева, были украшены резьбой и покрыты эмалью. На них висели гобелены, на которых были вытканы сценки из быта давно ушедших цивилизаций.

Все это радовало и вселяло надежду.

Еще молодые люди обратили внимание на зеленые мерцающие диски, по которым пробегали красные и черные точки — и оживали прекрасные цветы, рождались сверкающие созвездия.

Здесь были собраны самые поразительные сокровища, когда-либо созданные человечеством.

Дверь бесшумно закрылась за ними. Каждой клеточкой своего существа Гвил и Шири чувствовали, как пред ними проходит вся история Земли.

— Хранитель где-то близко, — прошептал Гвил. — Надо попытаться осторожно пройти в галерею.

Напротив них было две двери, в одной из них торчал ключ. Гвил тихо постучал, но ответа не дождался.

— Слишком таинственно. Может, не стоит рисковать? — Шири крепко держалась за его руку.

Но они все же вышли в галерею.

— Какое величие в этих сокровищах, оставленных предками, — прошептал Гвил. — Какие мастера исчезли во тьме веков! Какую чудесную память о себе оставили они... Сейчас ничего подобного уже не делают.

Шири смотрела на него, как на чудо. Ее глаза были прекрасны, и в душе Гвила рождалась любовь. Девушка почувствовала, что он дрожит, и шепнула:

— Гвил, я твоя и всегда буду с тобой...

Галерея завернула за угол. И опять в темноте возник тот противный звук. Казалось, он идет из дугообразного дверного проема.

Гвил решительно зашагал к этой двери, Шири последовала за ним. Они заглянули в комнату.

Огромная, нечеловеческих размеров голова смотрела на них от стены. Подбородок ее лежал на полу, волосы были небрежно закинуты назад.

Гвил отшатнулся. После увиденной красоты его поразило это гротескное уродство. Лицо было грубым и безобразным. Кожа отливала каким-то металлическим блеском, глаза зло сверкали из-под зеленоватых складчатых век.

Гвил обернулся к Шири:

— Не кажется ли тебе, что здесь, в Музее, слишком много необычного?

Глаза Шири были полны ужаса. Холодный пот струился по лицу. Дрожащими руками она схватила Гвила за плечо и потащила к выходу.

— Гвил! — кричала она. — Пойдем скорее отсюда! — Ее голос дрожал. — Скорее пойдем!

Юноша удивился:

— Что ты кричишь?

— Здесь так страшно!

— Но это же только картина, написанная человеком с больным воображением.

— Она живая!

— Да нет же.

— Живая. — пролепетала Шири чуть слышно. — Сначала она посмотрела на меня, потом на тебя и зашевелилась. Тогда я потащила тебя.

Гвил нежно взял девушку за руку и недоверчиво заглянул за дверь.

— Ой... — выдохнул он.

Лицо изменилось, его оцепенение исчезло. Глаза смотрели на Гвила осмысленно. Губы кривились, изо рта вырывалось шипение. Вдруг рот раскрылся, явив огромный серый язык, на котором копошились щупальца, покрытые слизью. Один из таких мерзких отростков выстрелил и жадно схватил Гвила за ногу.

Гвил отпрыгнул, щупальце отпустило его. У Гвила от страха заболел живот, он выбежал в галерею. Щупальце потянулось к Шири, застывшей в углу.

Глаза чудовищной головы блестели, вялый язык раздувался, выпуская все новые и новые побеги.

Шири попыталась убежать, но споткнулась, глаза ее закатились, на губах выступила пена.

Ужасно закричав, Гвил выбежал вперед и рубанул кинжалом по щупальцу, но, звякнув, кинжал отскочил, как от металла. Гвил зубами вцепился в слизкую плоть и притянул щупальце к своему колену.

По лицу монстра пробежала дрожь, щупальца свернулись. Гвил схватил Шири, и они выбежали вон, оглядываясь через плечо, полные ужаса и отвращения. Рот головы закрылся, на морде появилась гримаса разочарования.

Потом Гвил увидел, что из ноздри вырвался столб белого дыма, завихряясь, он превратился в длинную фигуру в белой мантии.

У существа было вытянутое лицо с пустыми глазницами. Морщась от света и хныча, привидение, извиваясь, потекло в галерею, медленно и нерешительно.

Гвил остолбенел. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь понять, чего еще можно ожидать. Может, стукнуть привидение кинжалом, и оно рассеется?

— Держи! Держи! Держи! — раздался обиженный голос. — Держи! Держи! Держи! Мои чары и заклинания... недобрый день для Торсингала... Но твой дух вылетит из тела... Так говорю я! Иди, пока разрешаю... не злоупотребляй моим терпением. Таков приказ Ликурга из Торсингала. Убирайся!

Привидение заколебалось и... остановилось в нерешительности, устремив пустые глазницы на старика, который хромая вышел в галерею.

Еще мгновение, и привидение шмыгнуло обратно в ноздрю храпящего чудища. Голова зашлепала губами и зевнула, выпустив изо рта что-то похожее и непохожее на бледное пламя, которое накрыло старика. Из жезла, закрепленного над дверью, метнулся искрящийся диск и разрезал языки пламени — оно исчезло в пасти монстра, но ему на смену вытекло что-то черное, превратилось в вихрь и поглотило искры.

Наступила мертвая тишина.

Первым нарушил ее старик:

— О, исчадие ада, ты хотело навредить мне, но мой верный жезл разрушил твое колдовство. Скоро ты превратишься в ничто. Почему бы тебе не убраться в Джелдред?

Огромный рот чудовища открылся, похожий на серую пещеру, глаза гневно засверкали. Голова истошно закричала. Такого жуткого вопля Гвил никогда не слышал. Из жезла вылетела серебряная стрела, она с огромной скоростью ударила монстра. Раздался взрыв, лицо исказилось от боли, нос растекся бесформенной серой массой. Голова извивалась, как морская звезда, все больше увеличиваясь.

Старик произнес:

— Вы видели, как был повержен мой враг. И не помешали старому Керлину исполнить свой долг. Вы чистосердечны, но равнодушны к добру и злу. Впрочем, хватит, жезл!

Голова вздохнула, ее веки поползли вверх. Керлин — Хранитель пронзительно расхохотался и повернулся к молодым людям, которые стояли в дверном проеме, прижавшись друг к другу.

— Что это значит? Почему вы стоите? Ведь часы учебы закончились. — Старик погрозил пальцем. — Музей не место для бездельников. Идите домой в Торсингал, в следующий раз будете проворнее и не станете нарушать установленный порядок... — Он замолчал, бросив гневный взгляд через плечо: — День закончился скверно; Ночной Хранитель Ключа опаздывает... Конечно, я подожду этого лентяя, но сообщу Ликургату... Пожалуй, пойду к себе, отдохну, здесь не место старику. Не задерживайте меня, уходите! — и, жестом показав Гвилу и Шири на дверь, он пошел сам.

Гвил обратился к уходившему:

— Мой господин, мне очень нужно поговорить с вами!

Старик остановился и посмотрел на юношу.

— Ну что еще? Разве день не кончен? Вы нарушаете порядок, а этого никак нельзя допустить. Приходите ко мне завтра, и я выслушаю вас. А сейчас уходите.

Гвил опешил.

— Господин Хранитель, — легонько прикоснулась к нему Шири. — мы рады бы вас не беспокоить, но нам некуда идти.

Керлин равнодушно посмотрел на нее:

— Некуда идти? Что за чушь? Идите домой или в пубесцентарий, или в темпль, или в гостиницу. Ведь Музей не таверна.

— Мой господин! — отчаянно крикнул Гвил. — Выслушайте меня. Мы здесь по воле случая.

— В чем дело?

— Чье-то зло околдовало вас. Вам не кажется?

— Все может быть, — задумчиво проронил Хранитель.

— Нет Торсингала! Здесь вокруг нет жилья, просто пустое место. Ваш город давно исчез!

Хранитель ласково улыбнулся:

— Очень жаль... Печальный случай. Беда с этой молодежью. Все куда-то торопяться, — и укоризненно покачал головой. — Ах, да. Мне ясно, что нужно сделать. Вы должны хорошенько отдохнуть. Простая гуманность вынуждает помочь людям. В любом случае Ночной Хранитель Ключа не развеет моей скуки. — Старик кивнул. — Пойдемте!

Гвил и Шири нерешительно пошли за ним.

Керлин открыл одну из дверей и вошел, ворча под нос что-то неразборчивое. Молодые люди — следом.

Комната была кубической формы. На стенах были какие-то золоченые шишки. В центре помещения стояло зачехленное кресло, а в стороне — высокий сундук с резными кольцами.

— Вот — кресло Знаний, — пояснил Керлин. — Оно регулирует Образец Ясности, настраивается само. Я смог бы исправить ваши чувства, но из гуманистических соображений не стану этого делать.

— Господин Хранитель, кресло Знаний может подействовать и на меня? — встревоженно спросил Гвил.

— В твоей голове все перепутано, и контакт будет чрезвычайно затруднен. Ученые, изучающие нервную систему человека, с помощью кресла могут судить о способностях наблюдаемого. Ведь для того, чтобы исправить, надо сначала хорошенько понять.

— Если я сяду в кресло, — спрсил Гвил, — что вы будете делать?

— Включу контакт. Это тебя ошеломит. Через тридцать секунд загорится лампочка, которая оповестит об окончании воздействия. Проделав обратные манипуляции, я восстановлю твои силы.

Гвил переглянулся с Шири:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Да, Гвил, — прошептала девушка.

— Хорошо, покажите, как мне сесть, — обратился Гвил к Хранителю.

— Сядь и расслабься. Я прикрою козырьком твои глаза, чтобы не отвлекалось внимание.

Наклонившись над креслом, Гвил стал рассматривать прибор:

— Ничего не понимаю...

Хранитель от нетерпения подпрыгнул:

— Для этого нужен особый дар. — И сел в кресло сам.

— Как ползоваться козырьком?

— В этом-то все и дело, — Керлин закрыл лицо пластиной, расслабился и вздохнул.

Шири огромными глазами смотрела на Гвила.

— Он умер?

— Кажется, нет.

Их глаза не отрывались от обмякшего тела. Шли секунды.

Издалека послышался звон и торжествующие крики. Гвил бросился к двери. В галерею втекали и вбегали привидения. За ними Гвил увидел и огромную голову. Ее глаза сверкали. На нелепом подобии ушей болтались красные сережки.

Стена треснула и развалилась. Огромное щупальце схватило Шири за руку. Девушка закричала от ужаса. Гвил побледнел и задрожал, хлопнув дверью по ближайшему привидению. То просочилось в дверь, медленно, клочками тумана.

"Только Керлин может управлять волшебным жезлом, — сердце готово было выпрыгнуть, — только он..."

Гвил бросился к спящему Хранителю: "Проснись, пожалуйста, проснись!" — умолял он мысленно старого волшебника.

Керлин открыл глаза. Он смотрел на Гвила. Сзади толпились привидения. Бесформенные белые фигуры колебались, пустые глазницы горели угрозой.

Керлин продолжал сидеть. Одно из привидений дрогнуло. Руки, похожие на крылья, держали какие-то грязные комья. Призрак швырнул свою кашу на пол, комья взорвались, превратившись в черный порошок. Облако пыли обволокло комнату, на глазах порождая мириады гудящих насекомых, которые, в свою очередь, формировали в воздухе тела мерзких существ с обезьяньими головами.

Хранитель зашевелился.

— Жезл... — прохрипел он и протянул руку.

Привидение ухватилось за жезл. Но из жезла брызнул красный свет. Привидение отшатнулось от роя частиц, превратившихся в алых скорпионов. Началась свирепая битва.

Отовсюду неслись крики и визг. Часть обезьяноголовых существ сразу же погибла, остальные убежали.

Другое привидение потянулось к жезлу. Но из того вновь вырвался яркий свет, и привидение исчезло.

— Керлин! — закричал Гвил. — Демон в галерее!

Хранитель не мешкая кинулся к двери.

— Жезл! — кричал он. — Выполняй приказ!

Демон за дверью пробурчал:

— Нет, старик еще силен, мне не удастся с ним справиться. Придется убраться. — И, заслонив на мгновение дверной проем своей мерзкой мордой, разозленный, он отправился восвояси.

— Жезл! — повторил Керлин, — будь внимателен!

Жезл выскользнул у него из рук.

Керлин обратился к молодой паре:

— О многом бы мне хотелось поведать вам, но мой час пришел, я умираю. Скоро Музей осиротеет. Пока не поздно, я должен еще кое-что сказать... — Хранитель с трудом подошел к двери и защелкнул замок.

Гвил и Шири, пытаясь понять, о чем он говорит, тихо стояли у стены.

— Подойдите, — нетерпеливо позвал их Керлин. — Силы покидают меня.

Гвил и Шири подошли. Все, что интересовало Гвила раньше, отошло, стало казаться неинтересным.

Керлин оглядел их с легкой усмешкой.

— Перестаньте бояться и торопитесь. Мне осталось совсем мало времени, сердце бьется все слабее, не дышится.

Старик с трудом поднял руку и поманил молодых людей за собой в глубь комнаты. Там Керлин упал в кресло. Поглядывая на дверь, Гвил и Шири сели на пол у его ног.

Керлин усмехнулся:

— Не бойтесь белых фантомов! Они заперты в галерее под охраной жезла. Только когда меня не станет, жезл перестанет мне повиноваться. Вы должны знать, что энергию моего мозга поддерживает могущество Музея, который вечен. Я лишь сижу и управляю.

— Но кто же такой Демон? Как он проникает сквозь стены?

От вопроса Гвила Керлин помрачнел.

— Это — Блидак, Правитель злых сил Джелдреда. Он проделал дыру в наш мир и сидит и ждет моей смерти. Когда я не смогу сдерживать его с помощью моего жезла, он вырвется на волю и принесет много вреда людям.

— Почему же нельзя прогнать его и заделать проделанную им дыру?

Хранитель только покачал головой:

— Я не могу контролировать могущество дикой стихии в мире злых духов, суть этого мира мне неизвестна. Демон окружен оболочкой его мира, и в ней он в безопасности. Но погодите, хватит о Бидаке, расскажите мне о себе. Зачем вы здесь? И что нового в Торсингале?

Гвил, запинаясь, проговорил:

— Торсингал исчез. Вокруг Музея лишь тундра, да чуть поодаль — старый город Сапонис. Я пришел с юга, чтобы поговорить с вами и поучиться у вас. Шири из Сапониса, она жертва древнего обычая, который требует посылать самых красивых девушек в Музей Человека на растерзание Блидаку.

— Нет, — вздохнул Керлин. — Это я вызывал из города молодежь, чтобы Блидак не скучал...

Шири недоуменно пожала плечами:

— Но зачем? Зачем ему люди?

Керлин мрачно буркнул:

— Молодость — игрушка для него. Он забавлялся, удовлетворяя свои чудовищные инстинкты, отвлекался от стычек со мной, отодвигая этим мою смерть. Он посылает привидений, чтобы требовать молодых и красивых людей.

— Вот, значит, что ожидало меня... — прошептала Шири.

— Я не понимаю, — сказал Гвил. — У меня не укладывается в голове. Все это так несуразно. Блидак — ничто, но походит на человека. Он и его привидения, крылатые с горящими глазницами, выплеснутся на Землю, и наступят ее последние дни?

— Зло и мерзость окутают человечество, жестокость и содом, скотские прихоти, немыслимые извращения будут разрастаться подобно злокачественной опухоли. Блидак покажет, на что он способен. Вы увидите, как он превратит все, что еще осталось на планете, в прах, испытывая от этого громадное удовлетворение. Но хватит о Блидаке. Мне тяжело, я умираю! — и Керлин откинулся на спинку кресла. — Все плывет перед глазами. Трудно дышать. Моим костям нужен отдых. Я жил наукой, своей фанатичной преданностью ей и не замечал, как бежит время. Пролетели годы, столетия и эпохи — они летели, как искры. Но, похоже, даже вечность не бывает достаточно долгой...

Шири, побледнев, оттолкнулась от старика:

— Что же случится, когда вас не будет? Что тогда? Блидак...

— Разве в Музее Человека нет сведений, как расправиться с Демоном? — прервал ее на полуслове Гвил.

— Блидака нужно уничтожить, — сказал Керлин, — тогда мне станет легче умирать, я буду спокоен за судьбу Музея. — Он облизнул губы. — В древних рукописях написано, что надо разрушить вещество демона, его природу, — и он поглядел на Гвила.

— Но как? — спросил юноша. — Блидак никогда не допустит этого.

— Нужно уловить подходящий момент. Вам пригодятся кое-какие инструменты...

— Привидения — часть субстанции Блидака?

— Конечно.

— Можно ли их использовать в своих целях?

— Я думаю, что это можно сделать с помощью света. Надо попытаться. — Керлин приподнял голову: — Жезл! Впусти одно из привидений!

Спустя секунду послышалось тихое царапанье в дверь и тихое повизгивание.

— Открой, — попросил всхлипывающий и дрожащий голос. — Открой и выпусти юных существ к Блидаку. Они помогут развеять его тоску.

Керлин с трудом поднялся.

Голос из-за двери продолжал:

— Я пленник сверкающих бриллиантов.

— Сейчас откроем, — сказал Гвил, — уничтожив привидение, сможем расправиться и с Блидаком.

— Попробуйте, — согласился Керлин.

— Почему нет света? — спросила Шири, — лучи могут развеять привидение.

— Но этого мало, Блидак не столь уязвим и может спастись в своей дьявольской дыре.

Керлин задумался и, немного погодя, показал на дверь:

— Мы выйдем и попытаемся расчленить привидение на части, чтобы узнать, что оно из себя представляет. Гвил из Сферы, ты должен помочь мне, я очень ослаб.

Старик оперся на руку Гвила. Шири шла за ними. Они вышли в галерею. Там рыдало привидение, заключенное в световую пентаграмму.

Не обращая внимания на прозрачные слезы, Керлин приблизился к призраку. Он и его спутники были окружены светом, отпугивающим привидений.

— Откройте ворота! — хрипло приказал Хранитель, — ворота в Хранилище Знаний.

Шири, шагнув вперед, толкнула дверь и проскользнула за нее. Она вглядывалась в темноту огромного зала, пятно света из галереи уменьшилось и наконец исчезло.

— Кричите, зовите Люмена, — попросил Керлин.

— Люмен! — закричал Гвил. — Люмен, сюда!

В огромном зале словно рассвело, стало видно, как колышутся пилястры, это изумило молодых людей.

На равных расстояниях друг от друга здесь стояли знакомые черные сундуки с медными шишечками. И над каж-

дым из сундуков в свою очередь висело по пять рядов таких же сундуков. Они покачивались в воздухе, ни к чему не прикрепленные.

— Что это? — удивленно спросил Гвил.

— Мой бедный мозг хранит только сотую часть тех знаний, что заключены здесь, — отозвался Керлин. — Вот величайшее хранилище знаний ушедшего человечества. Здесь собраны все факты истории, легенды и сказания миллионов городов с начала их существования до гибели, здесь записаны этапы развития человечества. Годами я работал в этом зале, но смог лишь поверхностно охватить панораму различных отраслей знаний.

— Нет ли здесь указаний, как уничтожить Блидака? — спросила Шири.

— Конечно, есть, мы должны их только разыскать, вычленить из общей массы. Будем искать по разделам: "Страны Демонов", "Умерщвление зла", "Толкование и уничтожение зла", "История Гранвилумдов" (в ней могут быть разъяснения, как прогнать Демона), "История Гипероднетса", "Лечение галлюцинаций" и "Сотворение привидений". Просмотрим Творческий дневник новостей с разделом о нашествии демонов, припомним процедурные советы времен Риска. Все это и еще кое-что.

— Этого нам не постичь за целую жизнь! — воскликнула девушка.

— Но у нас нет каталога Знаний, значит — предельно сложно отыскать что-то конкретное. — Керлин задумался, а потом воскликнул. — Вперед! Вперед к познанию сути!

Трое прошли в глубину хранилища, словно тараканы в лабиринте, оставив за собой световую пентаграмму с воющим привидением внутри.

Наконец вошли в комнату, где воздух был напоен странным запахом. И снова Керлин велел Гвилу позвать Люмена. Не дождавшись ответа, они свернули в запутанную паутину коридоров. Гвил не задавал вопросов, хотя от любопытства у него даже заболела голова.

— Посмотрите, — кивнул он в темноту.

К ним плыло с измученным видом привидение в белых одеждах. Лицо привидения становилось все яснее, участки "кожи" под пустыми глазницами приобретали шерохова-

тость и неровность. Лицо покрывалось нарывами и распухало от света.

— Смотрите! — кричала Шири, — оно колышется и словно бы распадается на нити.

Гвил резко повернулся к Керлину. Тот поднял палец, велев молчать, и подвел всех к странного вида машине.

— Постойте-ка. Мне пришла хорошая мысль использовать ротор крайней скорости для наматывания познавательных нитей. Посмотрите: вот я подхожу к привидению, выдергиваю нитку и прикрепляю. Нить наматывается на катушку ротора, и мы начинаем вращать ручку...

Шири засомневалась:

— А привидение не обратит внимание на ваши манипуляции?

— Ничего не заметит, — успокоил Хранитель. — Оно сейчас слишком занято собой. Я сейчас выпущу его из пентаграммы.

Привидение выбралось наружу, дрожа от смертоносного света.

— Иди! — крикнул Керлин. — Уходи отсюда!

Привидение попятилось.

Керлин сказал Гвилу:

— Ступай следом и посмотри, что будет, когда Блидак вдохнет привидение в себя.

Гвил тихонько пошел за привидением, он видел, как оно исчезло в темной ноздре Демона. Потом вернулся в хранилище. Керлин ждал его у ротора.

— Привидение соединилось с Блидаком.

— Сейчас, — отозвался старик, — мы заставим ротор крутиться. Бобина закружится, а мы поглядим.

Ротор быстро вращался, бобина длиной с руку Гвила стала сматывать нити призрачной плоти привидения. Первая нитка была синяя, потом пошли нити светлее, а в конце нить стала цвета молока и слоновой кости.

Ротор вертелся с огромной скоростью. Нити, невидимые Блидаку, накручивались на бобину.

Ротор крутился. Бобины толстели, напоминая теперь толстые шелковистые цилиндры. Хранитель остановил ротор, Гвил вставил новую бобину, и сматывание Блидака продолжалось.

Три бобины, четыре, пять... Гвил издали наблюдал за чудищем. Гигантская голова была неподвижна, ее рот открыт, в волнении она издавала резкий треск.

Восьмая бобина: Блидак открыл глаза и в замешательстве начал вращать ими, обшаривая взглядом комнату.

Двенадцатая бобина: на его щеке появилось бесцветное пятно, Блидак задрожал.

Двадцатая бобина: бесцветное пятно разрослось на все лицо, губы обвисли. Монстр раздраженно шипел.

Тридцатая бобина: голова Блидака стала разлагаться, запахла, приобретя цвет вороненой стали.

Пятидесятая бобина: голова упала, лоб съежился, покрылся морщинами, глаза потухли.

Шестидесятая бобина: Блидака больше не было.

Исчез Блидак, исчезла дыра в Джелдред — страну демонов.

Шестьдесят первая бобина лежала на полу тонкая и чистая. Она так и не понадобилась.

Керлин прислонился к стене.

— Все кончено. Можно умереть. Я хорошо охранял Музей. Мы победили Блидака. Теперь пришло ваше время. Музей Человека остается на вас.

— Зачем его охранять? Все равно скоро наступит конец. — сказала Шири. — Земля угасает, как и вы... Для чего теперь нужна наука?

— Сейчас она нужна нам даже больше, чем прежде, — задыхаясь проговорил Керлин. — Посмотрите: в небе светят звезды. Они прекрасны. Реки текут в благословенные края. Но лишь наука придает смысл всей этой красоте. А я ухожу, умираю...

— Подожди, — закричал Гвил. — Умоляю тебя.

— Чего ждать? — прошептал Хранитель стынущими губами. — Я ухожу с миром, не зови меня обратно.

— Что нужно достать из развалин?

— Ключ индекса моей жизни... — и Керлин умер.

Гвил и Шири поднялись наверх и стояли у входа на древних каменных плитах.

Была ночь.

Под ногами слабо поблескивал мрамор. Разрушенные колонны тянулись к звездам.

Из прерии сквозь ветви деревьев пробивался желтый свет из Сапониса. Высоко в небе сверкали звезды.

Гвил обратился к Шири:

— Там Сапонис — твой дом. Ты хочешь вернуться к отцу?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Мы вместе прошли сложный путь, а в Сапонисе меня никто не ждет.

Гвил оглянулся на развалины, потом поднял голову.

— Мир наш. Он зовет нас. Что ждет впереди?

Они вместе смотрели на звезды.

Что их ждет?..

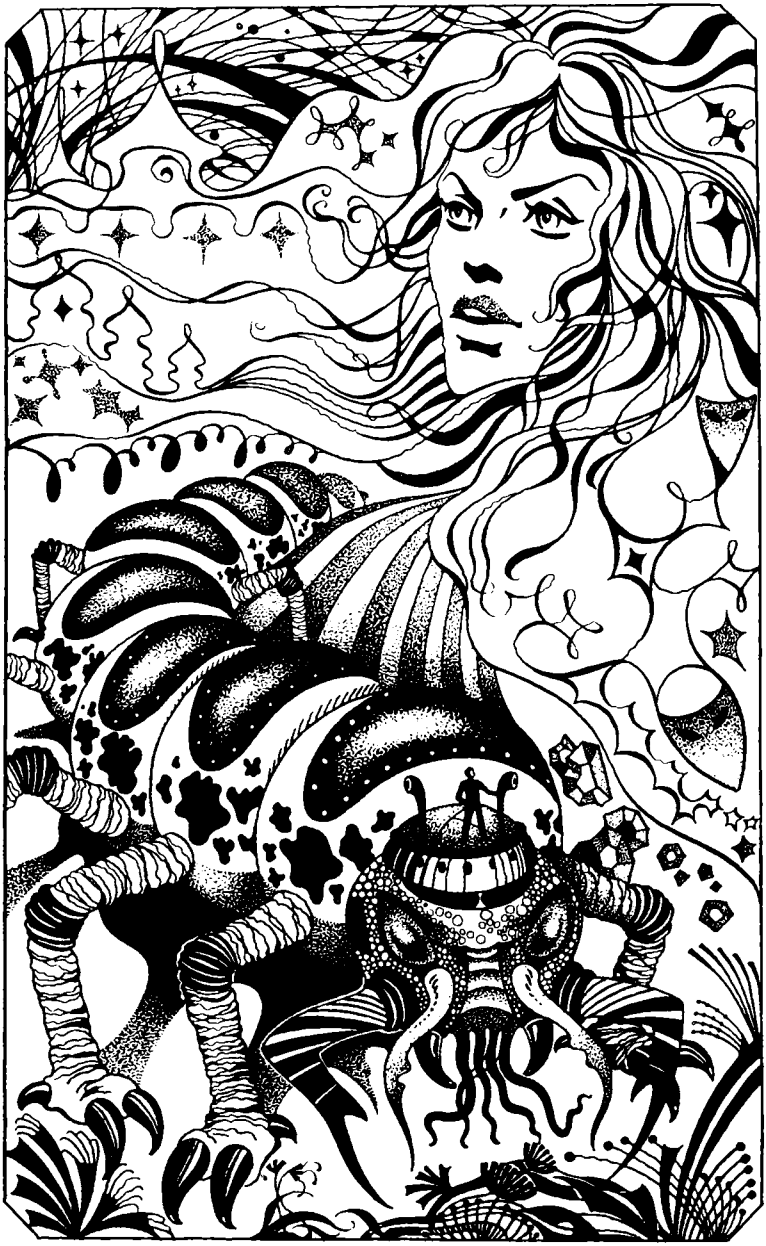
МАШИНА СМЕРТИ

The Killing Machine

New York

1964

ГЛАВА I

"В любом коммерческом обществе вопросом первостепенной важности является наличие или отсутствие фальшивых денег, поддельных банкнот, подложных чеков, короче, любого из дюжины возможных способов придать видимость ценности листку бумаги. Прецизионные копировальные и печатные машины легко доступны во всей Ойкумене, и только тщательные меры безопасности предотвращают хроническое обесценивание нашей валюты. Они состоят в следующем: во-первых, единственным расчетным средством являются стандартные Единицы Валюты (севы), а соответствующие банкноты печатаются только Банком Солнца, Банком Ригеля и Банком Веги. Во-вторых, каждая подлинная банкнота характеризуется "свойством аутентичности". В-третьих, вышеперечисленные банки ввели в широкое обращение так называемый фальшметр. Это — карманный прибор, который издает предупреждающее жужжание, если в его щель вложить фальшивую банкноту. Даже маленьким детям известно, что попытки разобрать фальшметр бесполезны — как только корпус поврежден, прибор саморазрушается.

Что же касается "качества аутентичности", то на этот счет высказывалось множество предположений. Очевидно, в некоторых ключевых областях банкноты внедрены определенные комбинации молекул, вызывающие нужную реакцию прибора, но что они изменяют? Электрическую

емкость? Сопротивление? Магнитную восприимчивость? Поглощение или отражение света? Радиоизотопный состав? Комбинацию нескольких или всех перечисленных изменений? Лишь горстка людей знает ответ, но они молчат".

(Из книги Игнаса Бозлецки "Как торгуют планеты", Космополис, сентябрь 1509 г.)

Герсен впервые столкнулся с Кокором Хеккусом в девятилетнем возрасте. Скрючившись за старой баржей, он с ужасом наблюдал, как его родных и близких грабят, убивают, уводят в рабство. Это была историческая Бойня в Маунт-Плезант, беспрецедентный случай сотрудничества так называемых Лордов Тьмы. Кирт Герсен пережил эту бойню, и пять имен стали для Герсена знакомыми, как свое собственное: Аттель Малагате, Виоль Фалюш, Ленс Ларк, Говард Алан Трисанг, Кокор Хеккус. Каждый из них имел свои отличительные качества. Аттель Малагате был безрассуден и мрачен, Виоль Фалюш был утонченным сибаритом, Ленс Ларк — мегаломаньяком, Говард Алан Трисанг — поклонником хаоса. Кокор Хеккус был самым подвижным и изобретательным. Мало кто мог похвастаться знакомством с ним, но все они единогласно считали его вежливым, приветливым, неутомимым, непредсказуемым и, казалось бы, полностью сумасшедшим, если бы не его сила и демонстративное самообладание. Что же касается его внешности, то все они описывали его по-разному. По слухам, он был бессмертным.

Герсен вновь столкнулся с Кокором Хеккусом во время выполнения рутинной миссии в Глуши. Встреча была безрезультатной — или так ему тогда показалось. В начале апреля 1525 года Бен Заум, сотрудник МПКК[1], тайно встретился с Герсеном и предложил ему поработать "лаской" — тайным агентом МПКК в Глуши. Собственные

1 МПКК — Межпланетная полицейская координационная корпорация. Теоретически — частная организация, предоставляющая полицейским организациям Ойкумены специализированные консультации, криминологические лаборатории, централизованную информационную систему. Практически — надправительственная организация, в ряде случаев действующая, как карающая рука закона.

дела Герсена зашли в тупик, он был усталым и беспокойным и поэтому согласился, по крайней мере, выслушать предложение Заума.

Работа, если верить Зауму, была чрезвычайно простой. МПКК подрядилась найти какого-то беглеца.

— Назовем его мистер Коскинс, — предложил Заум.

При этом мистер Коскинс так срочно кому-то понадобился, что по меньшей мере тридцать оперативников были отправлены на его поиски в различные районы Глуши. Работа Герсена должна была состоять в проверке населенных пунктов на некоей планете.

— Назовем ее Паршивой Планетой, — добавил Заум с улыбкой. Герсен должен был найти беглеца, или точно установить, что его нет на Паршивой Планете.

Герсен на минуту задумался. Заум, который вообще обожал секретность, в данном случае превзошел самого себя. Герсен начал терпеливо откалывать кусочки от выступающей над водой части айсберга, надеясь, что всплывут и покажутся новые части.

— Почему только тридцать ласок? Чтобы выполнить эту работу, нужна минимум тысяча.

На лице Заума появилось задумчивое выражение, придавшее ему сходство с большой белой совой.

— Нам удалось ограничить область поисков. Я даже могу сказать вам, что Паршивая Планета — одно из наиболее вероятных мест. Именно поэтому я предлагаю эту работу вам. Эта работа исключительно важна. Поверьте, я не преувеличиваю.

Герсен решил, что не хочет браться за это дело. Заум решил — или был вынужден — скрывать от него все, что возможно. Герсен терпеть не мог работать в потемках — это раздражало и отвлекало его, снижало его эффективность — и соответственно повышало риск не вернуться из Глуши. Герсен задумался над тем, как бы отклонить эту работу, не обидев Бена Заума и не испортив отношения с МПКК.

— А что мне делать, когда я найду мистера Коскинса? — спросил он.

— У вас будут четыре варианта, которые я сейчас перечислю в порядке убывающей желательности. Доставить его живым на Альфанор. Доставить его на Альфанор мер-

твым. Заразить его одним из ваших жутких саркойских нервнопаралитических ядов. Пристрелить на месте.

— Я не наемный убийца!

— Но это вовсе не просто убийство. Это — поверьте, я не имею права вдаваться в детали. Но это действительно необходимо, уверяю вас!

— Не то, чтобы я вам не верил, — возразил Герсен. — Но я не стану — фактически, просто не смогу — убивать человека неизвестно за что. Вы лучше предложите это кому-нибудь другому.

При обычных обстоятельствах Заум немедленно прервал бы беседу, но сейчас он продолжал настаивать, давая понять Герсену, как высоко он ценит его услуги.

— Если дело в деньгах, — продолжал Заум, — я думаю, я смог бы уладить это.

— Я думаю, что это не стоит обсуждать.

Заум полушутя ударил себя кулаками по лбу.

— Герсен, вы один из немногих людей, в чьей компетентности я безусловно уверен. Это — убийственно деликатная операция — если, конечно, Коскинс посетит Паршивую Планету, что весьма вероятно. Я даже смогу сказать вам — в это замешан Кокор Хеккус. Если он встретится с Коскинсом... — Заум воздел руки к небу.

Герсен сохранил незаинтересованный вид, хотя дело теперь выглядело совершенно иначе.

— Так мистер Хоскинс — преступник?

Заум поморщился. — Я не могу вдаваться в детали.

— В этом случае, как по-вашему я его найду?

— У вас будут фотографии и подробное описание. Этого должно хватить. Работа совершенно простая. Найдите человека. Убейте его, одурманьте или привезите на Альфанор.

Герсен пожал плечами. — Очень хорошо. Но поскольку я незаменим, я хочу повышенную оплату.

Заум отпустил несколько брезгливых замечаний.

— Теперь к делу: когда вы можете отправиться в путь?

— Завтра.

— У вас все тот же корабль?

— Если вы называете Локатор 9Б кораблем.

— Он доставит вас туда и обратно, и он достаточно неприметен. Где он припаркован?

— В космопорту Авенты, сектор В, секция 10.

Заум сделал несколько заметок. — Завтра садитесь на корабль и отправляйтесь. Корабль будет заправлен топливом и снабжен продуктами. В мониторе будет код Паршивой Планеты. Пакет с информацией о мистере Хоскинсе вы найдете в Звездном Атласе. Вам нужно взять только личные вещи — оружие и тому подобное.

— Как долго мне обыскивать Паршивую Планету?

Заум глубоко вздохнул. — Я и сам бы хотел это знать. Если вы не найдете его в течение месяца, вероятно будет уже слишком поздно. Если бы мы только знали наверняка, куда он направился, каковы его мотивы...

— Насколько я понимаю, он не является известным преступником.

— Нет, он прожил долгую и плодотворную жизнь. Потом с ним встретился человек по имени Зауман Отуал, которого мы считали агентом Кокора Хеккуса. С тех пор, по свидетельству жены, мистер Хоскинс стал сам не свой.

— Вымогательство? Шантаж?

— В данных обстоятельствах это исключено.

Больше информации Герсену выжать не удалось.

Прибыв в космопорт Авенты на следующий день около полудня, Герсен обнаружил, что все, что обещал Заум, выполнено. Поднявшись на борт своего спартански скромного корабля, он сразу взял Звездный Атлас, в котором обнаружил плотный конверт с фотографиями и детальным описанием мистера Хоскинса. Мистер Хоскинс был снят в разных костюмах, шляпах и тонировках кожи. Он выглядел как человек, приближающийся к старости, с крупным телом, большими приветливыми глазами, широким ртом с крупными зубами, маленьким хищным носом. Мистер Хоскинс был с Земли — это было заметно по его костюму и тонировке кожи, которые были в общем похожи, но в деталях отличались от принятых на Альфаноре. Герсен отложил конверт в сторону, задумался и решил, что не стоит сейчас лететь на Землю, где он смог бы установить личность "мистера Хоскинса". Подобное отклонение потребовало бы слишком много времени — и МПКК наверняка занесло бы его в черный список. Он проверил приборы и запросил у диспетчера разрешение на взлет.

Через полчаса, когда Альфанор превратился в сверкающий кружок, на обзорном экране, Герсен включил монитор и стал наблюдать, как корабль разворачивается и ложится на курс, составляющий угол приблизительно шестьдесят градусов с линией Ригель — Солнце.

Включился привод Джарнелла, создающий условия для того, чтобы несколько килограммов тяги приводили к почти мгновенному перемещению.

Время шло. Случайные фотоны, просачивающиеся сквозь оболочку поля Джарнелла к кораблю, позволяли наблюдать окружающую вселенную — сотни и тысячи звезд, проносящихся мимо, как искры, гонимые ветром. Герсен вел тщательные астрогационные записи, следя за положением Солнца, Канопуса и Ригеля.

Наконец корабль пересек незримую границу между Ойкуменой и Глушью, и закон, порядок и цивилизация остались позади. Экстраполируя траекторию полета, Герсен смог наконец идентифицировать Паршивую Планету — Карина ЛО-461 IV по Звездному Атласу или Гроб Биссома на жаргоне Глуши. Генри Биссом уже был семьсот лет мертв; планета, или по крайней мере область, окружающая главный город Скузе, принадлежала теперь семейству Уиндлов. Паршивая Планета была неплохим названием, подумал Герсен. Фактически, приземлись он сейчас в Скузе без убедительной причины — а он не мог на скорую руку придумать ни одной — и его немедленно прихватит местное отделение Неласкового Корпуса[1]. Он будет подвергнут суровому допросу, и, если повезет, получит десять минут сроку на то, чтобы покинуть планету. Если же его заподозрят в сотрудничестве с МПКК, то убьют немедля. Герсен помянул недобрым словом Бена Заума и его манию секретности. Если бы он знал, куда летит, он бы придумал подходящее прикрытие.

Неяркая зеленовато-желтая звезда, висящая в перекрестье экрана, росла на глазах. Отключился расщепитель Джарнелла, эфирный вихрь сжался и, казалось, встряхнул все атомы корабля и самого Герсена — ощуще-

1 Неласковый Корпус — единственная межпланетная организация в Глуши, существующая только для того, чтобы разоблачать и убивать ласок — оперативных работников МПКК.

ние, от которого заныли зубы, хотя оно и было почти нереальным.

Старенький Локатор 9Б двигался в нормальном пространстве. Неподалеку виднелся Гроб Биссома — Паршивая Планета. Это была небольшая планета, с ледяными шапками на полюсах и цепью горных хребтов вдоль экватора, напоминающей сварной шов, которым соединили полушария. К северу и югу от экватора тянулись пояса морей, переходящих на широте около 50° в болотистые озера, джунгли, за которыми до полярных шапок тянулись пустоши и трясины.

На продуваемом всеми ветрами каменистом плато находился город Скузе — беспорядочное скопище грязных каменных домов. Герсен был озадачен. За каким чертом прилетел бы сюда Хоскинс? Существовала уйма более приятных убежищ. Бринктаун был почти веселым и блестящим городом. Но он слишком многое принимал, как данное. Мистер Хоскинс мог вообще не собираться прилететь сюда, вся миссия могла быть пустым номером, как и предупреждал его Заум.

Герсен осмотрел планету в макроскоп и не обнаружил ничего интересного. Экваториальные горы были пыльными и пустынными, океаны — серыми и неприветливыми. Он стал рассматривать Скузе, городок с тремя или четырьмя тысячами жителей. Поблизости виднелось выжженное поле, окруженное ангарами и складами — по-видимому, космопорт. Нигде не было видно ни одного роскошного здания или замка, и Герсен вспомнил, что Уиндлы обитали в пещерах в горах рядом с городом. В ста милях к востоку и западу от Скузе обитаемая местность по всем признакам заканчивалась. На планете был еще один городок — порт на берегу Северного океана. Рядом был расположен металлургический завод, судя по огромным зданиям и горам шлака. В остальной части планета выглядела необитаемой.

Если он не может посетить Скузе открыто, он должен сделать это тайком. Он выбрал изолированное ущелье, дождался вечера и приземлился как мог мягче. В течение часа он привыкал к атмосфере, затем вышел из корабля. Воздух был холодным и, как и на большинстве планет, пропитанный своим особым ароматом, который быстро становился привычным и незаметным. В данном случае это

были горьковатые химические испарения смешанные с чем-то вроде жженых пряностей: первое, вероятно, от почвы, второе от местной растительности. Герсен вынес необходимое ему оружие и разведывательное снаряжение, погрузил его на летающую платформу и отправился на запад.

* * *

В первую ночь Герсен обследовал Скузе. Улицы были кривыми и немощенными. Он обнаружил административное здание, несколько складов, гараж, три церкви, два храма, и трамвайную линию, зигзагами спускавшуюся к океану. Он нашел и гостиницу — трехэтажное здание из камня, пластика и дерева. Скузе был унылым городком, казалось, пропитанным скукой, убожеством и невежеством. Герсен решил, что положение жителей немногим лучше рабства.

Он сконцентрировал свое внимание на гостинице, где мистер Хоскинс почти наверняка остановился бы, будь он на планете. Он не смог найти окошка, чтобы заглянуть внутрь, а каменные стены не позволяли использовать микрофон для подслушивания. И он не осмеливался заговорить ни с одним из посетителей, время от времени выходивших пошатываясь из гостиницы и исчезавших в кривых и темных улочках Скузе.

Вторая ночь также не принесла успеха. Правда, напротив гостиницы он обнаружил пустое здание — когда-то мастерскую или магазин, но теперь заброшенное и полное пыли и маленьких белых насекомых, омерзительно похожих на миниатюрных обезьянок. Здесь Герсен укрылся и в течение всего зеленовато-желтого дня наблюдал за гостиницей.

Перед ним разворачивалась жизнь городка, — мимо проходили суровые мужчины и флегматичные женщины, одетые в темные пиджаки, свободные коричневые или каштановые штаны и черные шляпы с поднятыми полями. Говорили они с таким своеобразным тягучим акцентом, который Герсену было не сымитировать, так что пришлось отбросить план раздобыть местную одежду и зайти в гостиницу.

Под вечер в городе появились, судя по костюмам, космонавты с корабля, который только что приземлился. Герсен принял стимулирующую таблетку, чтобы отогнать усталость. Как только солнце опустилось и наступили грязно-зеленоватые сумерки, он покинул свое убежище и направился в космопорт. Там действительно оказался большой грузовой корабль, из которого как раз сейчас выгружали тюки и ящики. Пока Герсен разглядывал корабль, по трапу спустились три космонавта, перешли освещенную часть поля, предъявили пропуска охраннику у ворот и свернули на дорогу в город. Герсен присоединился к ним. Он поздоровался и они вежливо ответили. Потом Герсен спросил название их корабля.

— "Айвен Гарфанг", с Халкедона — ответили ему.

— Халкедон — Земля?

— Именно.

Самый молодой из космонавтов спросил — А что из себя представляет этот городок? Есть какие-нибудь развлечения?

— Никаких! — ответил Герсен. — Тут есть гостиница, и все. Это унылый городишко, и я бы очень хотел убраться отсюда. Ваш корабль берет пассажиров?

— Да, у нас сейчас на борту есть один пассажир и еще четыре свободных места. Пять, если мистер Хози сойдет здесь, как он по-моему собирался. Хотя чего ради он приехал сюда... — парень недоуменно покачал головой. Вот, подумал Герсен, как все просто. Ясно, что Хози и Хоскинс — одно и то же лицо. Но где же и когда появится Кокор Хеккус?

Он проводил трех космонавтов до гостиницы и вошел с ними внутрь, так как теперь он вполне мог сойти за члена команды и не вызвать подозрений в шпионаже.

Герсен укрепил знакомство, заказав всем выпивку. Правда, в гостинице не подавали ничего, кроме жидкого и горького пива, и белого мутного арака.

Внутри гостиница выглядела достаточно уютно, с традиционным баром и горящим камином. Официантка в мятом красном платье и соломенных шлепанцах принесла выпивку. Самый молодой из космонавтов, которого звали Карло, попытался заигрывать с ней, но это лишь привело ее в полное замешательство.

— Оставь ее в покое — посоветовал самый старший из космонавтов, который представился, как Буде. — У нее не все дома. — Он многозначительно постучал себя по лбу.

— Проделать такой путь, забраться в саму Глушь, — пожаловался Карло, — и первая женщина, которую мы встретили, оказывается полоумной.

— Оставь ее мистеру Хози, — предложил Хелви, третий космонавт. — Если он сойдет здесь, ему предстоят долгие нудные времена.

— Он что, ученый? — поинтересовался Герсен. — Или журналист? Они иногда забираются в странные места.

— Черт его знает, что он такое? — проворчал Карло. — Он не сказал и двух слов с тех пор, как поднялся на борт.

Разговор перешел на другие темы. Герсен с удовольствием поговорил бы еще о мистере Хози, но не решался задавать вопросы — в Глуши это почти всегда приводило к скверным последствиям.

Несколько местных жителей стояли у камина, потягивая мелкими глотками пиво и неторопливо беседуя. Герсен отозвал бармена в сторону и спросил о комнате. Бармен покачал головой. — Мы уже так давно не сдавали никому комнат, что у нас и белья то свежего нет. Вам лучше вернуться на корабль.

Герсен бросил взгляд на Карло, Буде и Хелви. Они явно пока не собирались уходить.

— Найдется тут кто-нибудь, чтобы сбегать с поручением на корабль?

— На кухне есть мальчишка, который может помочь.

Мальчика позвали. Герсен дал ему щедрые чаевые и заставил трижды повторить послание: — Я должен попросить мистера Хози и сказать ему, что его просят немедленно прийти в гостиницу.

— Правильно. Теперь поторопись и заработаешь еще. Помни, не передавай это никому, кроме мистера Хози.

Мальчик убежал. Герсен обождал пару минут, затем выскользнул из гостиницы и последовал за ним к космопорту, держась на почтительном расстоянии.

Охранник в воротах явно знал мальчика, и после того, как они обменялись парой слов, пропустил его на поле.

Герсен подобрался настолько близко, насколько осмелился, затаился в тени высоких кустов и стал ждать и наблюдать.

Прошло несколько минут. Мальчик вышел из корабля — но один. Герсен выругался от разочарования. Когда мальчик вышел на дорогу, Герсен окликнул его. Парнишка от неожиданности вскрикнул и отскочил в сторону.

— Поди сюда, — велел Герсен. — Ты видел Хози?

— Да, сэр, видел.

Герсен вытащил фотографию "мистера Хоскинса" и осветил ее фонариком.

— Вот этого джентльмена?

— Да-да, сэр, именно этого.

— И что он сказал?

Мальчик отвел глаза в сторону, блеснул белками. — Он спросил, знаю ли я Билли Уиндла.

— Билли Уиндла?

— Да, сэр. И конечно я его не знаю. Билли Уиндл же хормагаунт. Он велел сказать вам, что ежели вы Билли Уиндл, то идите к кораблю. Я сказал, что нет, что вы космонавт. А он сказал, что будет говорить только с Билли Уиндлом самолично.

— Понятно. А что такое — хормагаунт?

— А это мы тут их так зовем. Может на вашей планете их зовут иначе. Это те, кто высасывает чужие жизни, а потом отправляется жить на Фамбер.

— Билли Уиндл живет на Фамбере?

Мальчик кивнул с серьезным видом. — Это настоящая планета, не сомневайтесь. Я знаю, потому что хормагаунты там и живут.

Герсен улыбнулся. — Вместе с драконами, феями, великанами и гномами.

— Мальчик грустно заметил. — Вы мне не верите.

Герсен протянул ему деньги. — Вернись к мистеру Хози. Скажи ему, что Билли Уиндл ожидает его на дороге и приведи его сюда.

Глаза мальчика расширились от изумления. — Так вы — Билли Уиндл?

— Не твое дело. Иди и передай послание мистеру Хози.

Мальчик вернулся к кораблю и через пять минут спустился по трапу вместе с мистером Хози, который несом-

ненно был мистером Хоскинсом. Они пошли через взлетное поле.

Внезапно в небе появился вращающийся диск из красных и синих огней, который спикировал и мягко приземлился. Это оказался роскошный аэрокар, отделанный по последнему крику моды, с разноцветными огнями, золотыми надписями и дрожащими золотыми и зелеными листьями. Его пилотировал стройный длинноногий и широкоплечий человек, одетый ярко и вызывающе, под стать своей машине. Лицо его было подкрашено в черно-коричневый цвет, черты были подвижными, правильными и моложавыми. На голове у него был белый тюрбан с парой залихватских кисточек, свисающих над правым ухом. Он был переполнен жизненной энергией; спрыгивая на землю он, казалось, подскочил как мячик.

Мальчик и мистер Хоскинс остановились. Новоприбывший человек быстро направился к ним через поле. Он сказал что-то Хоскинсу, который явно удивился и показал рукой в сторону дороги. Это должен быть Билли Уиндл, подумал Герсен, скрипнув зубами от досады. Билли Уиндл глянул в сторону дороги, затем спросил о чем-то мистера Хоскинса, который вроде бы согласился и хлопнул себя по карману. Однако при этом он выхватил оружие и, явно нервничая, направил его на Уиндла, как бы желая подчеркнуть, что никому не доверяет. Билли Уиндл в ответ просто рассмеялся.

Когда же в игру войдет Кокор Хеккус? — Может быть, Уиндл — один из его агентов? Существовал простой и прямой способ проверить это. Все внимание охранника было поглощено людьми на летном поле. Он не услышал, как Герсен подкрался к нему сзади и ничего не почувствовал, когда Герсен одним мастерским ударом вырубил его. Герсен надел фуражку и накидку охранника и спокойно направился к Уиндлу и Хоскинсу. Они были поглощены обменом: каждый держал в руке конверт. Билли Уиндл глянул на Герсена и повелительно махнул рукой в сторону ворот, но Герсен продолжал идти, стараясь выглядеть как можно подобострастнее.

— Вернись на пост, охранник, — резко скомандовал Билли Уиндл. — Не лезь в наши дела. — Было что-то невыразимо жуткое в его позе, в посадке головы.

— Простите, сэр, — пробормотал Герсен, прыгнул вперед и шарахнул по роскошному тюрбану Билли Уиндла рукояткой лучемета. Уиндл пошатнулся и рухнул, а Герсен, быстро обернувшись к Хоскинсу, выстрелом из лучемета парализовал его руку, выбив оружие. Хоскинс заорал от боли и изумления.

Герсен подхватил конверт Уиндла и потянулся к тому, который держал Хоскинс. Хоскинс отшатнулся было, но замер, увидев направленный на него лучемет.

Герсен подтолкнул его в сторону аэрокара Билли Уиндла. — Быстро. Забирайтесь внутрь, или я вас еще разок поджарю. Шаткой рысцой, спотыкаясь и прихрамывая, как будто его ноги были набиты ватой, мистер Хоскинс двинулся к аэрокару. Когда он взбирался на борт, то попытался запихнуть конверт себе под рубашку. Герсен протянул руку и схватил конверт, тот разорвался и, после короткой борьбы, Герсен оказался с половинкой конверта в руке. Вторая половина валялась где-то на земле. Билли Уиндл, шатаясь, подымался на ноги. Герсен больше не мог тратить время. Приборы управления были стандартными. Он двинул рычаг подъема до максимума. Билли Уиндл заорал что-то неразборчивое, потом, когда аэрокар взмыл в воздух, выхватил свой лучемет и выстрелил. Разряд пропел над ухом Герсена и пробил голову Хоскинса. Герсен выстрелил в ответ, но дистанция была уже слишком велика и он просто выбил из поля облачко пыли. Высоко над Скузе он развернул машину, полетел на запад и приземлился возле своего корабля. Он вытащил тело Хоскинса в корабль и, бросив разукрашенный аэрокар, поднял корабль в космос. Он включил расщепитель и, наконец, оказался в безопасности — способов перехватить его не существовало. Задание было выполнено вполне успешно и не слишком затянулось. Мистер Хоскинс мертв и будет доставлен на Альфанор согласно инструкциям. Короче говоря, чистая рутина. Герсен должен бы быть доволен, но не был. Он ничего не узнал, ничего не добился; ничего, кроме выполнения странного задания, с которым он был послан на Гроб Биссома. Кокор Хеккус был замешан в это дело, но теперь, когда Хоскинс был мертв, Герсену уже не узнать, как и почему.

Герсен подумал, что делать с трупом, потом оттащил его в задний грузовой отсек и запер дверь. Он достал конверт, который отобрал у Билли Уиндла и открыл его. Внутри был лист розовой бумаги, на которой кто-то писал кричаще пурпурными чернилами. Текст был озаглавлен: "Как стать хормагаунтом". Герсен поднял брови: шутка? Однако почему-то он так не думал. Герсен стал читать инструкцию, чувствуя, как от ужаса у него мурашки бегают по коже.

"Старение — это состояние, когда жизненные соки молодости истощаются. Хормагаунт желает пополнить эти жизненные эликсиры из наиболее очевидного источника — людей, которые еще молоды. Это очень дорогостоящий процесс, если не иметь в своем распоряжении множества молодых людей. В этом случае хормагаунт поступает так..."

Дальше в инструкции было написано:

"Из тел живых детей хормагаунт должен добыть определенные органы и железы, приготовить из них экстракты, из которых в конце концов получит небольшой восковидный комочек. Если его имплантировать в гипофис, хормагаунт перестает стареть".

Герсен отложил письмо в сторону и стал рассматривать обрывок, вырванный из рук Хоскинса. Там было написано:

"Завитки, или точнее полоски, разной плотности. Они, на первый взгляд, расположены хаотически, хотя на практике это сделано для того, чтобы они были неощутимы. Критическим является расстояние между ними, которое должно меняться как корень из первых одиннадцати простых чисел. Наличие шести или более таких полосок в любой определенной области будет подтверждать..."

Герсен решил, что это непонятно, но крайне интригующе: что же такое важное знал мистер Хоскинс, что это можно было обменять на секрет вечной молодости? Он перечитал жуткие инструкции желающим стать хормагаунтом, раздумывая, правда ли это. Затем сжег оба письма.

Приземлившись в Авенте, он позвонил Зауму по видеофону. — Я вернулся.

Заум поднял брови. — Так быстро?

— Незачем было задерживаться.

Через тридцать минут Герсен и Заум встретились в вестибюле космопорта.

— Где мистер Хоскинс? — поинтересовался Заум, подозрительно разглядывая Герсена.

— Вам понадобится гроб. Он мертв уже некоторое время. С тех пор, как мы покинули Паршивую Планету, как вы ее называете.

— Он успел — как все это произошло?

— Он заключил какую-то сделку с человеком по имени Билли Уиндл, но они в чем-то не сошлись. Уиндл был очень разочарован и убил мистера Хоскинса. Мне удалось забрать труп.

Заум окинул Герсена подозрительным взглядом.

— Они обменивались какими-либо бумагами? Другими словами, получил Уиндл от Хоскинса какую-нибудь информацию?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

Заум все еще был обеспокоен. — Вам больше нечего рассказать?

— А разве этого мало? Вы хотели Хоскинса — вы его получили.

Заум облизал губы и искоса поглядел на Герсена.

— Вы не нашли при нем никаких бумаг?

— Нет. И я хочу задать вам один вопрос.

Заум глубоко и недовольно вздохнул. — Ладно, если смогу, отвечу.

— Вы упомянули Кокора Хеккуса. Как он замешан в этом деле?

Заум помедлил с ответом, почесывая подбородок: — У Кокора Хеккуса много имен. Нам сообщили, что одно из них — Билли Уиндл.

Герсен грустно кивнул: — Этого я и боялся... Я упустил свой шанс, а второго может и не быть... Вы знаете, что такое хормагаунт?

— Что-что?

— Хормагаунт. Похоже, что это бессмертное существо, живущее на Фамбере.

Заум ответил размеренным голосом: — Я не знаю, что такое хормагаунт, и все мои познания о Фамбере ограничиваются детской считалкой — "Если Сириус в путь тебя провожал, тогда по склону края лети, и Фамбер засияет тебе впереди".

— Вы забыли вторую строчку — "И к северу ты Ахернар держал".

— Не имеет значения, — отрезал Заум. — Как найти страну Оз я тоже не знаю. — Он тяжело вздохнул. — Я подозреваю, что вы не сказали мне всю правду. Но...

— Но что?

— Будьте откровенны...

— В самом деле?

— И будьте уверены, что если вы нарушили планы Кокора Хеккуса, вы встретитесь с ним снова. Он никогда не благодарит за добро и никогда не прощает зло.

ГЛАВА II

"Можно спросить, каким образом из такого множества воров, похитителей, пиратов, работорговцев и убийц по обе стороны границы можно выделить пять индивидуумов и назвать их "Лордами Тьмы". Автор, хотя и признает в определенной степени произвольность выбора, тем не менее может с чистой совестью назвать критерии, согласно которым именно эту пятерку следует считать злейшими врагами человечества и верховными повелителями сил зла.

Во-первых: все Лорды Тьмы отмечены определенным величием. Вспомните, каким образом Кокор Хеккус заслужил свое прозвище "Машина Смерти", или плантацию Аттеля Малагате на планете Грабхор (цивилизацию — по его определению), или грандиозный монумент самому себе, воздвигнутый Ленсом Ларком, или Дворец Любви Виоля Фалюша. Ясно, что это не деяния заурядных людей и не результат заурядных пороков (хотя и говорят, что Фалюш тщеславен, а в некоторых поступках Кокора Хеккуса существует легкое жуткое сходство с экспериментами ребенка, обрывающего лапки у мухи).

Во-вторых: эти люди обладают творческим гением; ими движут не злоба, жадность, извращенность или мизантропия, а некие глубокие внутренние потребности, по большей части туманные и неясные. Почему Алан Говард

Трисонг прославляет хаос? Каковы цели безжалостного Малагате или поразительного яркого Кокора Хеккуса?

В-третьих: каждый из Лордов Тьмы окружен тайной; каждый настаивает на анонимности и безликости. Эти люди неизвестны даже их ближайшим помощникам, ни один из них не имеет ни друзей, ни возлюбленных.

В-четвертых: все они обладают качеством, казалось бы, противоположным вышеназванному — абсолютной гордыней. Каждый из них считает отношения между собой и остальным человечеством схваткой равных.

В-пятых: в конце концов достаточно вспомнить историческую встречу в 1500 году в таверне Смейда, где эти пятеро, хотя и неохотно, признали себя равными и разграничили области своих интересов".

(Из введения к книге Корила Корфена "Лорды Тьмы", Элузиадариан Пресс, Нью-Векофорд, Алоизиде, Вега)

Такой была вторая встреча Герсена с Кокором Хеккусом. Последствием ее был долгий период депрессии, когда Герсен проводил время на эспланаде Авенты, глазел на Волшебный Океан. Он подумывал о возвращении на Гроб Биссома, но это казалось почти наверняка бесполезным — Кокор Хеккус не стал бы там оставаться. Герсену было необходимо искать другой путь.

Это было легче решить, чем выполнить. О Кокоре Хеккусе рассказывали множество историй, от которых волосы вставали дыбом, но конкретной информации практически не было. Упоминание о Фамбере было новостью, но Герсен не придавал ему большого значения — вряд ли это было чем-то большим, чем детской фантазией.

Время шло — неделя, две недели. Кокер Хеккус упоминался в газетах как возможный похититель бизнесмена с Конуса, Пи Кассиопеи VIII. Герсен был слегка удивлен — Лорды Тьмы редко занимались похищениями ради выкупа.

Двумя днями позже появилось сообщение о новом похищении, на этот раз в горах Хаклюз на Орло, Пи Кассиопеи VII; жертва — богатый торговец пряностями. И опять по слухам был замешан Кокор Хеккус; фактически

только его предполагаемое участие и делало зауряднее преступление достойным упоминания в прессе.

Третья встреча Герсена с Кокором Хеккусом явилась непосредственным, хотя и окольным результатом этих похищений: а сами похищения явились сложным результатом успеха Герсена в Скузе.

Цепь событий началась со случайности. Однажды утром Герсен сидел на эспланаде; пожилой человек с бледно-голубым тоном кожи, одетый в черный пиджак и бежевые брюки, характерные для представителей среднего класса, присел на скамейку рядом с ним. Через несколько минут он пробормотал ругательство, обронил газету и, повернувшись к Герсену, стал бурно негодовать по поводу воцарившегося беззакония.

— Еще одно похищение! Еще один невинный человек увезен на Обменный Пункт! Почему они не могут это прекратить? Куда смотрит полиция? Они предлагают людям соблюдать меры предосторожности! Какое позорное положение!

Герсен выразил чистосердечное согласие, но заметил, что он не знает другого эффективного решения этой проблемы кроме запрета на частные космические корабли.

— А почему бы и нет? — требовательно заявил старик. — У меня нет космического корабля и мне он не нужен. В лучшем случае корабли служат безделью и разврату, в худшем — становятся орудиями преступления, обычно похищения. Посмотрите-ка, — он хлопнул рукой по газете, — десять похищений, и все — с помощью космических кораблей.

— Десять? — удивился Герсен. — Так много?

— Десять за последние две недели, и все солидные состоятельные люди. Деньги уплывают в Глушь для обогащения мерзавцев, это потеря для всех нас.

Он продолжал возмущаться, что моральные ценности деградируют, что почтение к закону и порядку упало до самой низкой точки, что только самые бестолковые или невезучие преступники попадают в руки закона. Для примера он указал на человека, которого он видел только вчера и которого знал как помощника пресловутого Кокура Хеккуса, ответственного по меньшей мере за одно похищение.

Герсен выразил изумление. Уверен ли его собеседник в этом факте?

— Разумеется, уверен! Тут не может быть и тени сомнения! Я никогда не забываю лиц, даже если прошло восемнадцать лет.

Интерес Герсена начал ослабевать; старик, однако, продолжал говорить. Герсен решил, что он наверняка — или почти наверняка — не является агентом Кокора Хеккуса.

— В Понтефракте, на Алоизиусе, где я служил Старшим Регистратором в Инквизиции он предстал перед судом Гульдонерии и вел себя исключительно нагло, учитывая тяжесть предъявленных ему обвинений.

— А в чем его обвиняли? — спросил Герсен.

— Подкуп с целью организации ограбления, незаконное владение антикварными ценностями и оскорбительное поведение. Его наглость была оправдана, так как он не понес никакого наказания, кроме устного порицания. Очевидно, Кокор Хеккус оказал давление на судей.

— И вы вчера видели этого человека?

— Совершенно точно. Он прошел мимо меня, направляясь на север, к Парусному Пляжу. Если чисто случайно я наткнулся на одного непокаранного преступника, то представьте, сколько их бродит вокруг.

— Положение серьезное, — заявил Герсен. Этого человека следует взять под наблюдение. Вы не помните его имени?

— Нет. А если бы и помнил — что толку. Это наверняка не то имя, что он носит сейчас.

— У него есть какие-нибудь особые приметы?

Старик нахмурился. — Пожалуй, нет. У него довольно большие уши и нос. Глаза круглые и близко посаженные. Он моложе меня. Хотя я слышал, что люди на Фамальгауте взрослеют поздно из-за своей особой пищи, от которой желчь свертывается.

— Ага. Так он сандускер?

— Он на этом настаивал, причем в довольно экстравагантной манере, которую я могу описать как тщеславие.

Герсен вежливо рассмеялся. — У вас замечательная память. Вы думаете, что этот сандускер-преступник живет в районе Парусного Пляжа?

— А почему бы и нет? Там как раз собираются такие непутевые люди.

— Это верно. — Отпустив еще пару реплик, Герсен поднялся и откланялся.

Слайдвей был параллелен эспланаде, тянулся далеко к северу, сворачивал в туннель Лосассо и заканчивался на площади Мериш в центре Парусного Пляжа. Герсен довольно прилично знал этот район; стоя на площади и глядя на мелнойские высоты, он мог видеть дом, где некогда обитал Хильдемал Даске. И мысли Герсена на мгновение стали меланхоличными... Он заставил себя вернуться к сегодняшним делам. Отыскать безымянного сандускера будет потруднее, чем было найти Хильдемара Даске, которого было достаточно увидеть однажды, чтобы запомнить на всю жизнь.

Вокруг площади были невысокие строения с толстыми стенами, сложенными из кораллобетона, окрашенного в белый, лавандовый, бледно-голубой или розовый цвет. В ярком свете Ригеля они сияли и переливались разными цветами и оттенками, так что окна и двери по контрасту казались совершенно черными провалами. Вдоль одной из сторон площади тянулся ряд магазинов и лавок, явно рассчитанных на туристов. Парусный Пляж, с его анклавами инопланетных жителей, каждый со своими типичными ресторанами и лавками, был уникален. Другого такого места было не сыскать во всей Ойкумене, разве что в одном-двух районах Земли.

В киоске Герсен купил "Путеводитель по Парусному Пляжу", но там не упоминался квартал сандускеров. Он вернулся к киоску. Продавщица была маленькой, толстой, почти шарообразной женщиной с кожей, окрашенной в бледно-зеленый цвет: возможно, она была из крокинольских Импов.

Герсен поинтересовался. — Где тут живут сандускеры?

Женщина задумалась. — Да их тут не так много. Спуститесь по Ард-стрит, и там найдете парочку. Их попросили там поселиться, чтобы ветер относил вонь от их стряпни в сторону моря.

— А где их продуктовый магазин?

— Если это можно назвать продуктами. Я называю это дрянью. Вы сами не сандускер? Я вижу, что нет. Он там

же, на Ард-стрит. Свернете вниз вон там — видите парочку в черных плащах? Это и будет Ард-стрит. И берегите нос.

Герсен вернул "Путеводитель", который тут же занял прежнее место в витрине. Он пересек площадь, прошел мимо двух бледных людей в черных плащах и свернул на Ард-стрит. Это была скорее аллея, полого сбегающая к воде. В первом квартале были расположены, в основном, частные и игорные дома, источающие довольно приятный аромат ладана. Потом тянулся длинный убогий квартал, переполненный ребятишками с длинными золотыми цепочками в ушах, одетыми лишь в красные или зеленые рубашонки до пупа. Затем, уже у самой воды, Ард-стрит расширялась и заканчивалась небольшой площадью. Герсен внезапно оценил мудрость совета, данного продавщицей. Воздух был действительно перенасыщен запахами, горько-сладкая органическая вонь просто разъедала ноздри. Герсен поморщился и направился в лавку, откуда исходили эти ароматы. Набрав полную грудь воздуха, он нагнулся и вошел внутрь. Справа и слева стояли деревянные бочонки, содержащие пасты и жидкости с погруженными в них предметами. Над головой висели связки каких-то сморщенных сине-зеленых штуковин размером с кулак. Позади, за прилавком, заваленным липкими розовыми сосисками, стоял парень лет двадцати с клоунским лицом, одетый в расписную красно-коричневую рубашку и с головой, повязанной черным бархатным платком. Он лениво опирался на прилавок и без особого интереса наблюдал за тем, как Герсен пробирается мимо бочек.

— Вы сандускер? — спросил Герсен.

— А то кто же? — Это было сказано с непонятной для Герсена интонацией, включавшей множество оттенков: грустную гордость, причудливую угрозу, показное смирение. Парень спросил. — Хотите поесть?

Герсен покачал головой. — Я не принадлежу к вашей церкви.

— Хо-хо! — воскликнул парень. — Так вы знаете Сандуск?

— Только понаслышке.

Продавец ухмыльнулся. — Вы не должны верить в эту дурацкую байку, будто мы, сандускеры — религиозные

фанатики, которые едят всякую мерзость вместо того, чтобы бичевать себя. Это совершенное вранье. Послушайте, вы честный человек?

Герсен задумался.

— Обычно да.

Парень подошел к одной из бочек, нагнулся и достал комок блестящей коричневой пасты.

— Попробуйте! Судите сами! Используйте вкус, а не обоняние!

Герсен обреченно пожал плечами и попробовал. Во рту сначала защипало, затем словно что-то взорвалось. Язык прилип к гортани.

— Ну как? — спросил юнец.

— Если это возможно, — с трудом выдавил Герсен, — на вкус это еще омерзительнее, чем на запах.

Парень вздохнул.

— Таково общее мнение.

Герсен вытер губы тыльной стороной ладони.

— Вы знаете всех сандускеров в округе?

— Ага.

— Я ищу высокого человека со слегка косящими глазами, без указательного пальца на левой руке и с волосами, напоминающими хвост кометы.

Продавец ухмыльнулся.

— А как его зовут?

— Я не знаю.

— Смахивает на Пауэлла Дарлинга. Он вернулся на Сандуск.

— Ясно. Впрочем, неважно. Деньги пойдут в провинциальную казну.

— Жаль. А что за деньги?

— Я ищу двух сандускеров, которые оказали услугу эксцентрично богатой старухе. Второго, как мне сказали, тут тоже нет.

— А кто второй?

— Мне сказали, что он улетел с Альфанора месяц назад.

— В самом деле? Кто бы это мог быть?

— Его имени я тоже не знаю. Человек средних лет, с большим носом, оттопыренными ушами и близко посаженными глазами.

— Это может быть Долвер Каунд, но он пока здесь.

— Что? Вы уверены.

— Угу. Спуститесь к набережной и постучите во вторую дверь слева.

— Спасибо.

— У нас принято платить за деликатесы, которые вы пробуете.

Герсен расстался с монетой и вышел из лавки. Воздух на Ард-стрит показался ему чистым и свежим.

Набережная была перпендикулярна Ард-стрит; в шести метрах ниже на берег набегали волны океана, прозрачные и сияющие, как сапфир, в лучах Ригеля. Герсен свернул налево и остановился у второй двери — входа в небольшой коттедж, все из того же кораллобетона.

Герсен постучал в дверь. Внутри послышались неуверенные шаги. Дверь отворилась, и Долвер Каунд выглянул наружу. Он был старше и тяжелее, чем думал Герсен, у него было красное круглое лицо и синюшние губы.

— Да?

— Я войду внутрь, если позволите. — Герсен шагнул вперед.

Каунд неразборчиво запротестовал, но посторонился. Герсен оглядел комнату. Они были одни. Мебель была убогой, на полу лежал потертый пурпурно-красный ковер, на плитке разогревался обед. Ноздри Герсена непроизвольно дернулись.

Каунд, опомнившись, сделал глубокий вдох и выпятил грудь.

— Что означает это вторжение? Кого или что вы ищите?

Герсен окинул его мрачным взглядом.

— Долвер Каунд, в течение восемнадцати лет вы скрываетесь от заслуженного возмездия.

— Что-что?

Герсен вытащил идентификационную пластину, похожую на удостоверение МПКК, с фотографией под прозрачной семилучевой звездой. Он приложил ее ко лбу и звезда вспыхнула. Долвер Каунд следил за ним, разинув рот.

— Я сотрудник Карающей Руки Нового Правосудия в Понтерфакте, на Алоизиусе, Вега Три. Восемнадцать лет назад вам удалось обмануть правосудие. Сейчас я объяв-

ляю вас арестованным. Вы должны вернуться для нового слушания дела.

Каунд закричал высоким голосом, заикаясь от возбуждения:

— У вас нет никакого права! Здесь не ваша территория! И я вообще не тот человек, которого вы ищите!

— Нет? А кого я должен арестовывать? Кокора Хеккуса?

Каунд облизал губы и глянул на дверь.

— Уходите. И не возвращайтесь. Я не желаю иметь с вами дело.

— Как насчет Кокора Хеккуса?

— Не называйте при мне таких людей!

— Либо вы, либо он должны предстать перед судом. В данный момент он недоступен. Вам придется пойти со мной. Даю вам десять минут на сборы.

— Чушь! Анекдот! Чистый бред!

Герсен вытащил оружие и смерил Каунда тяжелым взглядом. Каунд внезапно подобрел и замямлил:

— Подождите! Давайте поговорим, разберемся, где вы ошиблись. Присядьте! Таков наш обычай. Выпьете?

— Варева сандускеров? Спасибо, нет!

— Я могу предложить что-нибудь попроще — аурак из Морской провинции!

— Отлично, — кивнул Герсен.

Каунд подошел к полке, достал бутылку, поднос, пару рюмок и налил выпивку. Герсен потянулся, зевнул, притворяясь невнимательным. Каунд медленно поставил поднос на стол и взял одну из рюмок. Герсен взял другую и стал разглядывать прозрачную жидкость, ища легкие завихрения, показывающие присутствие другой жидкости или зерен нерастворившегося порошка. Каунд спокойно следил за его действиями. Он ожидал подозрений, подумал Герсен, и ждет, что я потребую поменяться рюмками.

— Выпьем! — произнес Каунд и поднял рюмку. Герсен с интересом следил за ним. Каунд поставил рюмку на стол, не выпив ни капли.

— Вам не хочется выпить? — Герсен взял его рюмку и дал ему свою. — Пейте первым.

— Я не могу выпить раньше гостя. Мне будет стыдно.

— А я не могу выпить раньше хозяина. Но это не имеет значения — мы выпьем по дороге на Алоизиус. Поскольку вы не хотите собирать вещи, давайте пойдем.

Лицо Каунда сморщилось от страха. — Я никуда с вами не пойду. Вы не можете меня заставить. Я старый больной человек. Неужели у вас нет жалости?

— Вы или Кокор Хеккус — таковы мои инструкции.

Каунд посмотрел на дверь. — Не произносите этого имени! — прохрипел он сдавленным голосом.

— Расскажите, что вы знаете о нем!

— Никогда!

— Тогда пошли. Попрощайтесь с Ригелем — отныне вашим солнцем станет Вега.

— Я ничего не сделал! Почему вы мне не верите?

— Расскажите все, что вы знаете о Кокоре Хеккусе. Мы предпочитаем схватить его, а не вас.

Каунд глубоко вздохнул и закрыл глаза. — Так тому и быть, — прошептал он наконец. — Если я расскажу все, что знаю, вы оставите меня в покое.

— Я ничего не обещаю.

Каунд вздохнул. — Я знаю очень мало... — и в течение двух часов доказывал, что лишь случайно был связан с Кокором Хеккусом. — Меня ложно обвинили; даже суд гульдонерии меня оправдал.

— Все живые члены этого суда арестованы; мы предпринимаем массированное возмездие. Теперь говорите правду. Я далеко не удовлетворен.

Каунд рухнул в кресло и заявил, что готов говорить. Однако он пожелал сначала взять записки и бумаги. Он полез за ними в ящик стола, но вытащил оружие. Герсен, который ожидал этого с лучеметом наготове, парализовал ему руку и выбил оружие. Каунд медленно повернулся, глаза его округлились и были полны слез. Осторожно поддерживая левой рукой онемевшую правую, он, пошатываясь, добрался до кресла и начал рассказывать без дальнейших уверток. Информация буквально потоком извергалась из него, как будто полностью рухнули все запреты. Да, восемнадцать лет назад он помогал Кокору Хеккусу в некоторых операциях на Алоизиусе и в других местах. Кокор Хеккус желал заполучить ряд произведений искусства. Они ограбили замок Крири,

аббатство Боделеи и музей Хоула. Во время последней операции Каунда захватили Дети Правосудия. Но Кокор Хеккуса принял меры, и его отпустили, ограничившись порицанием. С тех пор его сотрудничество с Хеккусом стало менее активным и десять лет назад сошло на нет.

Герсен потребовал подробностей. Клаунд беспомощно развел руками. — Как он выглядит? Человек как человек. Ничего особо примечательного. Он среднего роста, в хорошей форме, неопределенного возраста Говорит он мягким голосом, хотя, когда он злится, кажется, что его голос доносится сквозь трубу из иного мира. Он странный человек, вежливый, когда ему этого хочется, но обычно безразличный. Он обожает произведения искусства, особенно старинные, и сложные машины. Вы знаете, как он получил свое имя?

— Никогда не слышал эту историю.

— Оно означает "Машина Смерти" на языке далекого мира, затерянного в Глуши. Этот мир был заселен давным-давно, потом потерян и позабыт, покуда Кокор Хеккус не открыл его вновь. Чтобы наказать жителей вражеского города он построил гигантского механического палача, который топором разрубал людей надвое. Но еще ужаснее топора был вопль, который стальной великан испускал при каждом ударе. С тех пор Кокора Хеккуса так и зовут... Вот все, что мне известно.

— Жаль, что вы не можете сказать мне, как его найти, — заметил Герсен. — Один из вас обязан предстать перед судом в Понтерфракте.

Каунд откинулся назад, как сломанная кукла. — Я сказал вам все, — пробормотал он. — Чего вы добьетесь, мстя мне? Ценности ведь не вернутся.

— Справедливость должна восторжествовать. Если вы не в силах отдать Кокора Хеккуса мне в руки, вы должны отвечать за ваши совместные преступления.

— Как я могу добыть вам Хеккуса? — проблеял Каунд. — Я и имя-то его произносить боюсь.

— Кто его сообщники?

— Я не знаю. Я не видел его десять лет. Тогда... — Каунд замолк.

— Ну!

Каунд облизал свои синие губы. — Это может быть неинтересно властям Понтерфракта.

— Об этом я буду судить.

Каунд глубоко вздохнул. — Я не могу сказать вам этого.

— Почему?

Каунд безнадежно махнул рукой. — Я не желаю, чтобы меня убили каким-нибудь жутким способом.

— А что, по-вашему, ожидает вас в Понтерфракте?

— Нет! Больше я ничего не скажу.

— Вы за последний час наговорили уже достаточно.

— Все, что я вам рассказал, общеизвестно, — возразил Каунд.

Герсен поднялся на ноги и улыбнулся.

— Пошли.

Каунд не пошевелился. Наконец, он тихо произнес:

— Я знал трех человек, работавших с Кокором Хеккусом. Это Эрвин Штранк, Роб Кастиллиган и человек по имени Хомбаро. Штранк родился в скоплении Ригеля, не знаю, правда, на какой планете. Кастиллиган — уроженец Бонифаса, планеты Веги. Я ничего не знаю о Хомбаро.

— Вы видели их в последнее время?

— Безусловно, нет.

— У вас есть их фотографии?

Каунд заявил, что нету, и с унылым пренебрежением следил за тем, как Герсен обшаривает его комнату в поисках скрытых тайников. Через пару минут он сказал с отвращением. — Если бы вы знали что-нибудь о сандускерах, то вы не тратили бы время зря. Мы интересуемся будущим, а не прошлым.

Герсен бросил поиски. Каунд, прищурившись, глядел на него; пока Герсен искал, у него было время подумать.

— Могу я поинтересоваться, каков ваш ранг?

— Специальный агент.

— Вы не уроженец Алоизиуса. Где ваша горловая дырка?

— Не ваше дело.

— Если вы будете шнырять вокруг и расспрашивать про Кокора Хеккуса, рано или поздно он об этом узнает.

— Если хотите, сообщите ему сами.

Каунд хрипло хохотнул: — Нет, нет, друг мой. Даже если бы я знал, куда жаловаться, я бы не стал этого делать. Я не желаю ближе знакомиться с ужасом.

Герсен задумчиво вымолвил: — Мне следовало бы теперь забрать все ваши деньги и вышвырнуть в море вашу мерзкую еду.

— Что? — лицо Каунда опять приобрело плаксивое выражение.

Герсен подошел к двери. — Ты — жалкая куча отбросов, ты не стоишь абсолютно ничего, даже усилий, нужных, чтобы наказать тебя. Считай, что тебе повезло.

Герсен вышел из дома Каунда, поднялся по Ард-стрит до площади и поехал в Авенту. Он никоим образом не был доволен результатами своей работы. У Долвера Каунда явно была еще информация, только Герсену не хватило умения или жесткости добыть ее. Что же он узнал?

Кокор Хеккус получил свое имя от населения неизвестной планеты.

Десять лет назад Кокору Хеккусу служили трое людей: Эрмин Штранк, Хобаро и Роб Кастиллиган.

Кокор Хеккус обожает сложные машины, ценит красоту, любит антикварные произведения искусства.

Герсен снимал комнату на одном из верхних этажей отеля Креденца. На следующий день после разговора с Каундом он поднялся до рассвета, подкрасил кожу в модный сероватый цвет, одел скромный темно-зеленый костюм и вышел из отеля через боковой выход. В подземке он пересаживался с поезда на поезд, пока не исключил возможность слежки, потом сошел на станции Корт Тауэр, поднялся на эскалаторе в фойе и пересел в маленькую одноместную капсулу. Как только дверца скользнула на место, раздался голос, спрашивающий его имя и цель поездки. Герсен представился и добавил код своего допуска в МПКК. Больше вопросов не последовало, и капсула подняла его на тридцать этажей, сместилась горизонтально и высадила его в приемной Бена Заума. Заум занимал две комнаты у прозрачной западной стены здания и мог любоваться панорамой города и берега до самого Ремо. На полках вдоль другой стены стояли разнообразные трофеи, безделушки, оружие и глобусы. Судя по офису, Бен Заум занимал важный пост в МПКК; насколько видный, Герсен

судить не мог: титул Мондатора Дивизиона Умбрии мог значить очень много или очень мало.

Заум приветствовал Герсена с осторожной сердечностью. — Я надеюсь, что вы ищите работу? Как вы потратили полученные деньги? На женщин? Всего месяц назад вы получили пятнадцать тысяч севов...

— Мне не нужны деньги. Честно говоря, мне нужна информация.

— Даром? Или вы хотите нас нанять?

— Сколько стоит информация о Кокоре Хеккусе?

Заум слегка сощурил свои большие голубые глаза.

— Для нас или от нас?

— И так, и этак.

Заум задумался. — Он все еще в красном списке. Официально мы даже не знаем, жив он или нет, пока кто-нибудь не поручит нам это выполнить.

Герсен вежливо улыбнулся в ответ на стандартную шутку. — Вчера я узнал происхождение его имени.

Заум рассеянно кивнул. — Я слышал эту историю. Довольно жуткая. Вполне может быть правдой. Кстати, вот еще одна история, которая вас заинтересует. Парни из Неласкового корпуса захватили в Пало одного из наших оперативников и передали его Кокору Хеккусу. Хеккус вернул его нам в состоянии, которое я описывать не берусь. Он также приложил послание — Заум стал читать с листа бумаги. — Агент МПКК совершил непростительный поступок в Скузе. Создание, которое вы видите — счастливчик по сравнению с тем, что ожидает агента из Скузе. Если он смелый человек, пусть отправится в Глушь и назовет себя. Я клянусь, что тогда следующие двадцать пойманных "ласок" будут отпущены подобру-поздорову.

Герсен болезненно улыбнулся. — Он зол.

— Очень зол, очень мстителен. — Заум заколебался. Интересно, сдержит ли он слово?

Герсен поднял брови. — Вы предлагаете мне сдаться Кокору Хеккусу?

— Не совсем так, но конечно, если подумать, то речь идет об одной жизни за двадцать, а "ласок" набирать очень трудно...

— Только бездари позволяют себя разоблачить, — отрезал Герсен. — Ваша организация без них только выиг-

рывает. — Он ненадолго задумался. — Но в вашем предложении есть рациональное зерно. Почему бы вам не заявить, что это вы планировали операцию в Скузе и не потребовать отпустить пятьдесят человек за нас двоих?

Заум моргнул. — Вы не можете говорить серьезно. Почему вы интересуетесь Кокором Хеккусом?

— Как добропорядочный гражданин.

Заум переставил несколько старинных бронзовых безделушек на столе.

— Я тоже добропорядочный гражданин. Какова ваша информация?

Уклончивость не имела смысла, и Заум явно это понимал. — Вчера я услышал три имени — людей, которые работали на Кокора Хеккуса десять лет назад. Они могут быть в ваших архивах, а могут и не быть.

— Назовите их.

— Эрмин Штранк, Роб Кастиллиган, Хомбаро.

— Раса? Планета? Национальность?

— Не знаю.

Заум зевнул, потянулся, поглядел на открывающуюся панораму Авенты. День был солнечный, но ветреный, а далеко над Волшебным Океаном собирались кучевые облака. Через пару минут он повернулся к Герсену.

— Сейчас мне все равно больше нечего делать.

Он нажал клавиши на консоли рядом со столом. Противоположная стена вспыхнула мириадой искр, затем на ней возникла надпись:

Эрмин Штранк
Досье от №1 до №5

Под ней был набор кодированных физических характеристик. Слева возникла фотография, справа — краткое жизнеописание Эрмина Штранка №1. Уроженец Квантика, шестой планеты Одинокой звезды Альфорда, специалист по контрабанде наркотиков на острова Ваквана, он никогда не покидал родной планеты.

— Не тот Штранк, — заметил Герсен.

Появился Эрмин Штранк №2. Поперек экрана засветилась розовая надпись:

Умер 10 марта 1515 года.

Эрмин Штранк №3 обитал на другом краю Ойкумены, на Вадилове, единственной планете звезды Сабик, Эты Змееносца. Он и сейчас активно занимался скупкой краденного. Как и №1, он никогда далеко не уезжал из дома, за исключением двух лет, проведенных на Земле, в Дурбане, в роли складского рабочего.

Эрмин Штранк №4 был тонконогим коротышкой с рыжими волосами, шишковатой головой, средних лет, заключенным Килларни, тюремного саттелита в системе Веги, где он провел последние шесть лет.

— Это он, — сказал Герсен.

Заум кивнул. — Сообщник Кокора Хеккуса, вы говорите?

— Так мне сказали.

Заум тронул клавиши. Жизнеописание Эрмина Штранка №4 дополнилось надписью: *"По слухам, сообщник Кокора Хеккуса"*.

Заум вопросительно посмотрел на Герсена. — Еще что-нибудь о Штранке?

— Пожалуй, нет.

Затем на экране появились различные Хомбаро, наиболее подозрительный из которых исчез из виду восемь лет назад и считался мертвым.

В архивах значилось восемь Робов Кастиллиганов. К счастью, Роб Кастиллиган, который ограбил замок Крири, аббатство Боделси и музей Хоула, оказался номером вторым. Внимание Герсена привлекла свежая пометка: пять дней назад Кастиллиган был арестован в Скифии, в другом полушарии Альфанора, за соучастие в похищении.

— Разносторонний парень, этот Кастиллиган, — заметил Заум. — Вы интересуетесь похищением?

Герсен признал это, и Заум вызвал на экран подробную информацию. Похищены были двое детей Душана Аудмара, члена Института, достигшего девяносто четвертой ступени, по слухам — очень состоятельного человека. Дети катались по озеру на парусной лодке со своим учителем. Внезапно катер на воздушной подушке скользнул над водой и остановился у лодки. Дети были схвачены, учитель спасся, нырнув под лодку и уплыв под водой. Он немедленно вызвал полицию, которая действовала очень эффек-

тивно. Роб Кастиллиган был арестован почти немедленно, однако двум его сообщникам удалось скрыться с детьми. Отец, Душан Аудмар, не проявил интереса к происшествию. Дети, вероятно, были увезены на Обменный Пункт, где их можно было освободить, "скомпенсировав их гонорар" (если использовать специальный жаргон Обменного Пункта).

Заум теперь был сильно заинтригован. Он откинулся в кресле, с неприкрытым любопытством разглядывая Герсена. — Как я понимаю, вы работаете на Аудмара?

Герсен покачал головой.

— На члена Института?

— Вам следовало бы лучше разбираться в людях.

Заум пожал плечами. — У него только девяносто четвертая степень. Ему нужно еще дожидаться нескольких степеней, пока он станет божественным.

— Если бы он имел шестидесятую или семидесятую, пожалуй. Но девяносто четвертая — очень высокая степень.

Зауму показалось, что Герсен уклоняется от разговора.

— Так вас не интересует это похищение?

— Интересует. Но узнал я о нем от вас.

Заум выпятил и втянул губы. — Конечно, возникает вопрос...

Герсен понял, что он размышляет о возможном участии Кокора Хеккуса в этом деле. Заум повернулся к консоли. — Давайте посмотрим, что скажет Кастиллиган.

Пришлось подождать пять минут, пока Заум разговаривал с различными чинами из Управления Полиции Скифии, затем еще две — пока Кастиллигана привели и усадили перед экраном. Это был щегольски одетый, красивый человек с гладким добродушным лицом и прилизанными черными волосами. Краска с кожи была смыта и лицо сияло мраморной белизной. Манеры его были вежливы, даже сердечны, словно он был почетным гостем, а не заключенным в следственной тюрьме провинции Гарро.

Заум представился, Герсен остался в стороне, за пределами поля зрения объектива. Кастиллиган выглядел польщенным оказанным ему вниманием. — Заум из МПКК интересуется мной? Что я могу сделать для вас, кроме того, что обнажить перед вами тайны моей жизни?

— Этого хватит, — сухо бросил Заум. — Как вас поймали?

— По глупости. Мне следовало покинуть Альфанор с остальными. Но я предпочел остаться. Мне надоела Глушь. У меня есть вкус к хорошей жизни.

— Ну что ж, о вас тут хорошо позаботятся.

Кастиллиган покачал головой с отстраненно-печальным видом. — Да, это позор. Я мог бы просить о модификации, но я нравлюсь себе таким, как есть, с пороками и прочим. После модификации я стану очень нудным.

— Право выбора за вами, — заметил Заум. — Однако это не так плохо, особенно если вы любите свежий воздух.

— Нет, — серьезно ответил Кастиллиган. — Я все обдумал и это слишком напоминает смерть. Добрый старый Роб Кастиллиган исчезает и уносит с собой всю радость жизни: весь свет мира; а вместо него возникнет нудный честный Роберт Мичем Кастиллиган, унылый, как дистиллированная вода, неспособный украсть даже кусок мяса для своей голодающей бабушки. При минимальном везении я вернусь с сателлита через пять лет, а то и раньше.

— Очевидно, вы собираетесь сотрудничать с властями?

Кастиллиган подмигнул. — Так мало, как смогу, но чтобы все-таки заработать золотую звезду.

— Кто были ваши сообщники в деле Аудмара?

— Бросьте, сэр. Вы не можете ожидать, что человек заложит своих корешей. Вы что, никогда не слыхали, что у воров есть честь?

— Бросьте болтать о чести, — отрезал Заум. — Вы ничем не лучше нас.

Кастиллиган охотно признал это. — Фактически, я уже раскрыл свою душу полиции.

— Имена ваших сообщников?

— Август Вей, Пайгф Симзи.

— Кокор Хеккус сам не участвовал в деле?

Кастиллиган неожиданно оскалился. И еще раз попробовал отшутиться. — Бросьте вы, зачем вообще поминать такие имена. Мы говорим о реальной жизни.

Мне казалось, вы упоминали о золотых звездах для досрочного освобождения?

— Я говорил о золотой звезде для моего досье, а не для надгробной плиты! — отрезал Кастиллиган.

— Предположим, — небрежно заметил Заум, — что с вашей помощью мы наложим руки на Кокора Хеккуса. Можете представить, какую чудную звезду вы заработаете? Да мы выберем вас почетным директором МПКК.

Кастиллиган моргнул, задумчиво пожевал губу. — Вас наняли отыскать Кокора Хеккуса?

— Даже если сейчас нас никто не нанимал, мы сможем выставить его на аукцион и заработать целое состояние. Не менее пятидесяти планет мечтают узнать, какого цвета у него потроха!

Кастиллиган обнажил ровные белые зубы во внезапной дразнящей ухмылке. — Ну, честно говоря, мне нечего скрывать, потому что я не знаю ничего, что могло бы повредить Кокору Хеккусу. Он таков, как есть, знаете ли, и я не могу изменить эту картину.

— Где он сейчас?

— В Глуши, я полагаю.

— Он работал с вами в деле Аудмара?

— Нет, разве что под чужим именем. Честно говоря, я никогда не видел его самого. Всегда сообщают: "Роб, сделай это!" или "Роб, сделай то!", тем или другим хитрым способом. Он очень скрытное создание, этот ваш Хеккус.

— В прежние времена вы грабили музеи и замки. Зачем?

— Затем, что мне за это платили. Он желал редкостей и желал, чтобы храбрый Роб грабил музеи. Давненько это было. Зеленая юность, образно говоря.

— Как насчет этих похищений? Во скольких вы участвовали?

Кастиллиган скорчил постную мину. — Я бы не хотел говорить об этом. Это может испортить мое досье.

— Ладно. О скольких вы знаете?

— В последнее время — о четырнадцати. Я имею в виду последний месяц.

— О четырнадцати?

Кастиллиган жизнерадостно улыбнулся. — Да, это дело идет с размахом. Я спрашивал себя — зачем и для чего, но я не такой, чтобы читать мысли Кокора Хеккуса. Без сомнения ему, как и всем нам, нужны деньги.

Заум искоса глянул на Герсена и выключил микрофон. Герсен спросил: — Что он еще знает о Кокоре Хеккусе?

Заум передал вопрос. Заключенный раздраженно скривился: — Вы слишком вольно играете с моим здоровьем. Предположим, я сообщу вам что-ни будь такое, что повредит Кокору Хеккусу — будьте уверены, я ничего такого не знаю, но предположим — неужели вы думаете, что Кокор Хеккус будет мягок со мной?

Он изучит темную сторону моей души, он покарает меня теми страхами, болезнями, кошмарами, которых я боюсь больше всего. Человек должен заботиться о своей шкуре, если он этого не сделает сам, на кого ему рассчитывать?

— Нет нужды говорить вам, что все, что вы скажете, останется между нами и никогда не станет известно Кокору Хеккусу, — ровным голосом заявил Заум.

— Ба! Это вы так считаете. В эту самую минуту рядом с вами сидит человек; я видел как вы глядели на него. Насколько вы или я знаем, это вполне может быть сам Кокор Хеккус.

— Вы не верите в это.

Настроение Кастиллигана вновь изменилось. — Нет, не верю. Кокор Хеккус сейчас в Глуши тратит бешеные деньги, которые он получил за последний месяц.

— Как тратит? На что?

— Об этом я ничего не знаю. Кокор Хеккус стар — одни говорят, что ему триста лет, — другие — четыреста, но энергия у него, как у молодого человека. Энтузиазма у него хватает.

После короткой паузы Заум спросил:

— Если вы никогда не встречались с Кокором Хеккусом, откуда вы знаете?

— Я слышал, как он говорит. Я слышал, как он планирует операции. Я слышал, как он ругается. Он изменчив, непредсказуем, причудлив, как огненная девушка с Бернала. Он абсолютно великодушен, абсолютно жесток — в обоих случаях потому, что не знает никого, кроме себя. Он ужасный враг и неплохой хозяин. Я рассказываю все это, потому что не могу повредить ему и могу помочь себе. Но я никогда бы не рискнул обидеть его. Он изобретет новые ужасы специально для меня. Однако, если я буду верно служить ему, он построит мне замок и сделает меня Робертом, бароном Кастиллиганским.

— И где же он исполнит эту романтическую фантазию?

— В Глуши.

— В Глуши, — проворчал Заум. — Вечно эта Глушь. Когда-нибудь мы перейдем Границу и положим ей конец.

— Вы никогда не преуспеете. Глушь будет существовать всегда.

— Ну и ладно. Что вы еще знаете о Кокоре Хеккусе?

— Я знаю, что он будет продолжать похищения сыновей и дочерей богатых людей. Он сам сказал, что ему нужна огромная сумма денег, и нужна немедленно.

ГЛАВА III

"Только благодаря Ригелю, его гигантской светимости и обширной зоне обитаемости, стало возможным существование Скопления. Невозможно не восхищаться хотя бы только размерами этой системы! Подумайте об этом! Двадцать шесть плодородных планет, обращающихся по устойчивым тысячелетним орбитам вокруг ослепительно белого солнца на среднем расстоянии тринадцать миллионов миль. И это не считая шести бесплодных планет Внутреннего пояса и Голубого Компаньона в четверти светового года отсюда!

Но именно те обстоятельства, которые привели к расцвету Скопления, сделали его одной из наиболее волнующих загадок Галактики. Большинство авторитетов считает Ригель молодой звездой, чей возраст не превосходит миллиарда лет. Как же объяснить существование Скопления, на двадцати шести планетах которого к моменту прибытия экспедиции сэра Джулиана Хови уже существовала высокоразвитая сложная жизнь? По временной шкале земной эволюции возраст такой жизни — не менее трех миллиардов лет — считая, что она возникла в Скоплении.

Однако верно ли это предположение? Хотя флора и фауна на каждой планете обладает заметными отличиями, существует и множество удивительных совпадений — как если бы много-много лет назад вся жизнь в Скоплении имела общее происхождение.

На этот счет существует столько же теорий, сколько теоретиков. Глава современной космологии А. Н. дер Паульсон предположил, что Ригель, Голубой компаньон и планеты сконденсировались из первичного облака, уже обогащенного углеводородами, так что местная жизнь образно говоря, имела флору. Другие, более склонные к свободному полету фантазии, считают что планеты Скопления были доставлены сюда и установлены на орбитах ныне вымершей высокоразвитой цивилизацией. Регулярность и расположение орбит, почти одинаковые размеры планет Скопления, резко контрастирующие с разнообразием Внутреннего пояса, придают этим измышлениям некую вероятность. Почему? Когда? Как? Кто? Гексадельты? Кто высек Скальный Монумент на Кси Малого Пса, Х? Кто оставил непонятный механизм в Таинственном Гроте на Луне? Волнующие загадки, но увы, пока без ответов".

(Из I главы "Астрофизические условия" книги Щтрека и Черница "Народы Скопления")

Завьер Сколкемпе, член Института, достигший сотой степени, так пояснил журналисту деятельность Института:

Человечество старо; цивилизация молода — и зубчики в их взаимодействии еще не притерлись. Да так оно и должно быть. Человек никогда не сможет войти в здание из металла и пластика, в звездолет или подводную лодку, не испытывая небольшого шока от изумления; никогда не сможет он избежать действия по пристрастию без небольшого усилия... Мы, члены Института, получаем детальное историческое образование. Мы знаем, каковы были люди в прошлом; и мы рассчитали десятки возможных вариаций в будущем, которые все, без исключения, отвратительны. Человек, существующий сейчас, со всеми его недостатками и пороками, с тысячью великолепных иррациональных компромиссов между двумя тысячами стерильных абсолютов, является оптимальным. Или так нам кажется, потому что мы люди.

Фермер, арестованный за нападение на Бозе Коггинделла, члена Института, достигшего 54-й степени, заявил в свое оправдание:

— Эти парни ловко устроились. Они себе развалились в креслах и приговаривают: "Страдай, тебе это понравится. Не ищи легких путей. Попотей!" Они бы не прочь запрячь в плуг мою жену, как это делалось в старину. Так что я показал ему, что я думаю о том, что он зовет "Отстранением".

Судья (оштрафовав фермера на 75 севов):

— Отстраненное отношение к чужим проблемам не является незаконным.

Из семи континентов Альфанора Скифии была самым большим, самым редко населенным и, с точки зрения жителей Умбрии, Лузитонии и Ликии, самым буколическим. Провинция Гарро, расположенная между Мистическим океаном и горами Моргана, была самым изолированным районом Скифии.

Герсен прибыл в Таубе, пыльное, выжженное солнцем селение на берегу залива Джермин, на самолете, летавшем сюда раз в две недели из Марквари, центра провинции. Во всем Таубе он нашел только одну машину, которую можно было взять напрокат — древний глайдер на воздушной подушке, с разболтанным приводом и манерой сворачивать на спусках влево. Герсен расспросил о дороге, забрался в машину и отправился в путь. Дорога медленно поднималась в гору и окружающий пейзаж сиял и переливался в лучах Ригеля.

Некоторое время дорога вилась между виноградниками, садами с карликовыми деревьями, грядками с голубовато-зелеными артишоками. Тут и там виднелись фермы, каждая — с поднятой зонтичной крышей, поглощающей энергию Ригеля. Дорога переваливала через небольшой холм. Герсен затормозил, чтобы оглядеться. К югу простирался океан, на пологом берегу виднелось скопление белых, розовых и зеленых пятен — так отсюда выглядело селение. В ослепительном свете все краски ландшафта выглядели пастельными, нереальными и переливающимися. Впереди дорога сворачивала к ровной области, где стояла вилла Душана Аудмара, члена Института, достигшего 94-й степени. Это было обширное здание из камня и выбеленного солнцем дерева, стоящее в тени двух гигантских дубов и местных гинкго.

Герсен прошел по дорожке, поднял и опустил массивный бронзовый дверной молоток в форме львиной лапы. Через долгое время дверь открыла симпатичная молодая женщина в крестьянской одежде.

— Я приехал, чтобы поговорить с Душаном Аудмаром, — сказал ей Герсен.

Женщина задумчиво осмотрела его. — Могу я спросить, какое у вас к нему дело?

— Я могу обсуждать это только с самим лордом Аудмаром.

Она медленно покачала головой. — Я не думаю, что он вас примет. В доме неприятности, и Душан Аудмар никого не принимает.

— Мой визит связан с этими неприятностями.

Лицо женщины внезапно изменилось от вспыхнувшей внезапной надежды. — Дети нашлись? Скажите мне!

— К сожалению, нет — насколько мне известно. Герсен вытащил из кармана записную книжку, вырвал листок и написал: "*Кирт Герсен, достигший 11-й степени, для обсуждения Кокора Хеккуса*".

— Передайте ему записку.

Женщина прочитала записку и молча ушла в дом. Через несколько минут она вернулась.

— Входите.

Герсен последовал за ней через неосвещенный холл в комнату с голыми пластиковыми стенами и высоким сводчатым потолком. За столом сидел Аудмар, перед ним лежали стопка белой бумаги, гусиное перо, резная стеклянная чернильница с темно-красными чернилами. Бумага была чиста, если не считать одной строчки, написанной закругленным, с сильным нажимом курсивом: обычным почерком высокопоставленных лиц Института. Аудмар был довольно небольшого роста, с широкими плечами и крепким телом. У него были резкие черты лица — небольшой прямой нос, узкие черные глаза. Он поздоровался с Герсеном и отодвинул в сторону перо и бумагу.

— Где вы получили одиннадцатую степень?

— В Амстердаме, на Земле.

— Значит, это было под руководством Карманда?

— Нет это было до Карманда. Тогда руководил фон Блик.

— Хм-м. Вы очень молоды. Почему вы не продолжили курс? После одиннадцатой нет больших трудностей — вплоть до двадцать седьмой.

— Я не мог подчинить свои профессиональные устремления целям Института.

— И каковы ваши устремления?

Герсен пожал плечами. — Они достаточно примитивны и не могут представлять для вас интереса.

Аудмар скептически поднял брови, но сменил тему.

— Почему вы хотите обсуждать Кокора Хеккуса?

— Это тема, в которой мы оба заинтересованы.

Аудмар коротко кивнул. — Действительно, интересный человек.

— На прошлой неделе он похитил ваших детей.

Аудмар сидел молча в течение тридцати секунд. Было очевидно, что он не знал личность похитителя.

— Какие у вас основания для этого утверждения?

— Я слышал признание Роба Кастиллигана, арестованного за соучастие в этом деле.

— Вы имеете официальный статус?

— Нет. Я лицо неофициальное.

— Продолжайте.

— Предположительно, вы хотите безопасного возвращения детей.

— Предположим, — слегка улыбнулся Аудмар.

Герсен игнорировал двусмысленность. — Вас известили, как обеспечить их возвращение?

— Внести выкуп. Письмо пришло два дня назад.

— Вы заплатите?

— Нет. — Голос Аудмара был мягок и спокоен.

Герсен и не ожидал другого ответа. Члены Института, достигшие сотой и близких степеней были вынуждены сохранять невосприимчивость к любым формам внешнего давления. Стоило бы Аудмару внести выкуп и он сознался бы в своей уязвимости, тем самым подвергая опасности и себя и Институт. Эта политика была общеизвестна; и в десятый раз Герсен удивился, почему похитили детей Аудмара. Проявил ли он ранее податливость? Или похитители просто ошиблись?

— Вы знали, что Хеккус замешан в этом деле? — спросил Герсен

— Нет.

— Теперь, когда вы знаете, предпримете ли вы шаги против него?

Аудмар слегка пожал плечами, как бы давая понять, что месть — такое же признание уязвимости, как и уплата выкупа.

— Если быть полностью откровенным, — продолжал Герсен, — я имею причину считать Кокора Хеккуса своим личным врагом. Я не так ограничен, как вы; я могу воплотить свои чувства в действия.

В глазах Аудмара блеснуло нечто похожее на зависть, но он только вежливо наклонил голову.

— Я пришел к вам за информацией и за той помощью, которую вы сочтете уместным оказать мне.

— Очень мало или никакой, — ответил Аудмар.

— Тем не менее, вы человек, и любите своих детей. И вы, конечно, не хотите, чтобы их продали в рабство?

Аудмар улыбнулся горькой, дрожащей улыбкой.

— Я человек, Кирт Герсен, и быть может, в глубине души более жестокий и примитивный, чем вы. Но я — посвященный девяносто четвертой степени, у меня слишком много силы и я должен применять ее с исключительной осторожностью. Поэтому... — он сделал неопределенный жест, подразумевающий целый комплекс идей.

— Паралич? — предположил Герсен.

Аудмар предпочел не отвечать на поддразнивание. Он сказал ровным тоном:

— Я не знаю о Кокоре Хеккусе ничего такого, что не было бы общеизвестно.

— В настоящее время он самый активный из Лордов Тьмы. Он творит много бед.

— Он — мерзкое создание.

— Вы знаете, почему Кокор Хеккус похитил ваших детей?

— Я думаю, ради выкупа.

— Сколько он потребовал?

— Сто миллионов севов.

Герсен, пораженный суммой, не нашелся, что сказать. Аудмар мрачно улыбнулся. — Я, правда, считаю что мои Даро и Викс стоят этих денег. И много больше.

— Вы можете столько заплатить?

— Если я решу платить. Проблема не в деньгах. — Аудмар повернулся к бумаге и перу.

Герсен почувствовал, что его терпение истощается. — За последний месяц, — сказал Герсен, — Кокор Хеккус похитил двадцать человек, может и больше. Это — последний подсчет, который был сделан МПКК перед тем, как я уехал из Авенты. Все жертвы — влиятельные и богатые люди.

— Кокор Хеккус очень спешит, — заметил Аудмар безразличным тоном.

— Именно. Каковы его цели? Почему именно сейчас ему срочно нужна куча денег?

Аудмар был заинтригован. Потом, ощутив направление разговора, он бросил на Герсена внезапный резкий взгляд.

Герсен добавил. — Похоже, что у него на уме какой-то гигантский проект. Я не думаю, что он собрался на покой.

— Не после двухсот восьмидесяти двух лет.

Герсену стало ясно, что Аудмар знает о Хеккусе много больше, чем кажется на первый взгляд.

— Похоже, что ему нужно два миллиарда севов — если все выкупы одинаковы. Зачем ему эти деньги? Он строит флот боевых звездолетов? Реконструирует планету? Основывает университет?

Аудмар глубоко и задумчиво вздохнул. — Вы полагаете, что у него есть важная и, вероятно, вредоносная цель?

— Почему бы иначе ему понадобилось столько денег?

Аудмар нахмурился и раздраженно покачал головой.

— Жалко было бы нарушить великие планы Кокора Хеккуса. Но с моей точки зрения и в соответствии с политикой Института... — Его голос постепенно замер.

— Дети на Обменном Пункте?

— Да.

— Вы, вероятно, не знакомы с их обычной процедурой. Сначала вычисляется время на дорогу туда и обратно, затем добавляется пятнадцать дней. В течение этого времени только, так называемая, первично заинтересованная сторона вправе внести выкуп. Но по истечении срока, это может сделать каждый, кто пожелает. Если бы у меня было сто миллионов севов, я бы мог сделать это.

Аудмар пристально изучал его несколько мгновений. — А почему бы вы захотели сделать это?

— Я хочу узнать, зачем Кокору Хеккусу столько денег. Я хочу знать как можно больше о Кокоре Хеккусе.

— Ваши мотивы, я полагаю, далеки от чисто академической любознательности?

— Мои мотивы к делу не относятся. Я могу сделать следующее. Если я получу сто миллионов севов плюс оплату моих издержек, я отправлюсь на Обменный Пункт и выкуплю ваших детей. Кстати, сколько им лет.

— Даро — девять лет, Викс — семь.

— В то же время я постараюсь установить мотивы действий Кокора Хеккуса, его цели и нынешнее местопребывание.

— А потом?

— Узнав все, что смогу, я доставлю сюда ваших детей и, если вас это заинтересует, расскажу о том, что узнал.

На лице Аудмара ничего нельзя было прочесть. — Каков ваш нынешний адрес?

— Я живу в Авенте, в отеле "Креденца".

Аудмар встал из-за стола. — Очень хорошо. У вас одиннадцатая степень. Вы знаете, что должно быть сделано. Узнайте, зачем Кокору Хеккусу нужна огромная сумма денег. Он изобретательный человек с богатым воображением, и часто удивлял нас. Институт считает его замечательным экземпляром и считает некоторые побочные результаты его зловредной деятельности достойными изучения. Больше я сказать не могу.

Герсен, без дальнейших церемоний, вышел из комнаты. В тихом холле он встретил женщину, которая впустила его в дом. Она окинула его испытующим взглядом. Герсен спросил. — Вы мать этих детей?

Она не дала прямого ответа. — С ними... с ними все в порядке?

— Я думаю, да. Вы дадите мне их фотографии?

Она подошла к шкафу и достала снимки. Мальчик улыбался, девочка была серьезной. Женщина не решилась говорить громко и спросила полушепотом: — Что с ними будет?

Герсен внезапно понял, что она приняла его за представителя похитителей. Ну как можно опровергнуть это невысказанное подозрение? Герсен неловко ответил ей. — Я знаю об этом деле очень мало; собственно говоря, лично

я в нем не замешан. Но я надеюсь, что как-нибудь... — Слова, которые приходили ему на ум, были как на подбор либо бессмысленными, либо чересчур откровенными.

Она продолжала. — Я знаю, что мы должны быть отстраненными... Но это же несправедливо по отношению к маленьким... Если я могу что-нибудь сделать...

— Я не хочу вселять напрасные надежды, — пробормотал Герсен, — но, вероятно, ваши дети вернутся домой.

— Я буду признательна, — просто ответила женщина.

Герсен вышел из холодного темного дома в ослепительно освещенный солнцем сад. Был тихий день, и когда он завел старый глайдер, тарахтение двигателя показалось неприлично громким. Герсен был счастлив покинуть дом Душана Аудмара. При всей своей величавости и очаровательной архитектуре это был дом молчания и тщательно подавляемых эмоций, дом, где гнев и горе нужно было держать в секрете. — Вот почему я не стал добиваться двенадцатой степени, — сказал себе Герсен.

Через три дня в отель Герсену был доставлен пакет. Открыв его, он обнаружил восемнадцать пачек новеньких ригелианских банкнот, на сумму сто один миллион севов. Герсен проверил их своим фальшметром — все были подлинными.

Герсен немедленно оплатил счет в отеле и отправился подземкой в космопорт, где его ждал старенький потрепанный Локатор 9Б. Часом позже, он покинул Альфанор и был уже в космосе.

ГЛАВА IV

"В определенном смысле стремительное распространение человечества по галактике нужно считать регрессом цивилизации. На Земле, после тысячелетних усилий, люди пришли к общему мнению, что считать добром и что злом. Когда люди покинули Землю, они утратили и общность мнений".

(Из книги Калвина В. Калверта "Моральная сущность цивилизации")

"Обменный Пункт является одним из странных учреждений, необходимых для функционирования того, что мы определяем, как "общий механизм". Общеизвестно, что похищение ради выкупа является широко распространенным преступлением благодаря легкости бегства на звездолете. В прошлом система выплаты выкупа часто давала сбои из-за взаимной ненависти и подозрительности, и множество мальчиков и девочек так и не вернулись домой. Отсюда и необходимость в Обменном Пункте, который находится на Сасани, планете в Глуши, но недалеко от Границы. Обменный Пункт функционирует как брокерская контора между похитителями и теми, кто платит выкуп, гарантирует безопасность и добросовестность процедуры. Похититель получает выкуп минус комиссионные Обменного Пункта; жертва спокойно возвращается домой. Обменный Пункт официально считают преступным учреждением, но практически смотрят на его деятельность сквозь пальцы, поскольку считается, что без него дело бы обстояло еще хуже. Время от времени разные группы обсуждают возможность нанять МПКК для рейда на Обменный Пункт; однако дальше разговоров дело почему-то ни разу не зашло".

(Из учебника Прейда для достигших десятой и одиннадцатой степени "Человеческие учреждения")

Обменный Пункт представлял из себя скопление зданий у подножия скалистого холма в пустыне Даар-Ризм на Сасани, IV планете звезды СВ 1201 Орла (если использовать геоцентрическую номенклатуру Звездного Атласа). Когда-то, в далеком прошлом разумная раса населяла, по крайней мере, два северных континента Сасани, поскольку там были найдены руины монументальных замков и зданий.

Частным звездолетам было запрещено приземляться в Даар-Ризм, и кольцо сверхсветовых пушек вокруг Обменного Пункта подкрепляло запрет. Лица, желающие воспользоваться услугами Обменного Пункта, должны были приземлиться в Нике, на берегу мелкого Калопсидского моря, добраться самолетами до Сул Арсама — просто пе-

ресадочной станции в пустыне — а потом трястись наземным транспортом через двадцать миль пустыни.

Когда Герсен прибыл в Сул Арсам, шел холодный дождик, немного увлажнивший почву пустыни и на ней на глазах стали разрастаться лишайники. На полдороге от взлетного поля к автобусной стоянке небольшой жужжащий объект ударился в щеку Герсена и начал немедленно вгрызаться в кожу. Герсен выругался и смахнул его рукой. Он заметил, что другие пассажиры тоже отмахиваются от насекомых и обратил внимание на слабую ехидную улыбку на лице местного служащего, у которого явно был ультразвуковой отпугиватель насекомых.

Вместе с пятью другими пассажирами Герсен долго дожидался в депо (фактически, в длинном сарае без передней и задней стенки). Дождик превратился в отдельные изредка падающие капли, потом вовсе перестал, и внезапно солнце ярко осветило пустыню. Лужицы стали испаряться на глазах. Лишайник начал выбрасывать маленькие облачка розовых опор.

Прибыл автобус — раздолбанная конструкция на четырех огромных колесах. Он явно намеренно остановился как можно неудобнее для пассажиров — метрах в пятидесяти от депо; Герсен и остальные пассажиры кинулись к нему, на бегу хлопая себя руками и увертываясь от назойливых насекомых.

В течение получаса автобус, дергаясь и подпрыгивая на ухабах, тащился по пустыне; наконец вдали показался Обменный Пункт — группа низких бетонных зданий, окруживших холм из крошащегося красного песчаника. Верхушку холма украшала роща желтых, коричневых и красных деревьев, посреди которой виднелось несколько коттеджей.

Автобус, грохоча, въехал на огороженную стоянку и остановился. Пассажиры вышли и, следуя желтым стрелам указателей, прошли в приемную. За барьером, делая отметки в журнале, сидел маленький грустный клерк с седыми волосами, аккуратно прилизанными вокруг серой шапочки с эмблемой Обменного Пункта — рукопожатием. Жестом пригласив вошедших присесть, он продолжал работать. Наконец, захлопнув журнал, он поднял взгляд и указал пальцем.

— Вы, сэр. Подойдите, и я займусь вами.

Избранный им индивидуум был черноволосым мужчиной, одетым в обычные для жителей Бернала белые брюки и облегающий черный пиджак. Клерк достал бланк и начал заполнять его.

— Ваше имя?

— Ренк Олгвин 92, Файл Меттьер 6.

— Кого вы хотите выкупить?

— Ренк Сетт 44, Файл Меттьер 7.

— Отменяемый взнос?

— Двенадцать тысяч пятьсот севов.

— Вы агент, первично заинтересованное лицо или посторонний?

— Я агент.

— Очень хорошо. Пожалуйста, внесите деньги.

Деньги были переданы; клерк тщательно пересчитал их, пропустил через щель своего фальшметра и убедился в их подлинности. Он написал расписку в получении денег и потребовал у бернальца встречную расписку, которую тот отказался выдать, пока сюда не приведут выкупаемого. Клерк при виде такого своенравия откинулся в кресле и неприязненно поглядел на бернальца.

— Вы не понимаете, сэр. Ключевое слово на Обменном Пункте — честность. Сам факт того, что я позволил вам уплатить деньги, является достаточной гарантией присутствия здесь выкупаемой особы, причем в добром здравии. Своими колебаниями и подозрительностью вы не только оскорбляете нашу репутацию, но и позорите себя.

Берналец пожал плечами, явно не убежденный этой риторикой. Тем не менее он написал требуемую расписку. Клерк сухо кивнул головой, нажал кнопку, и появился служащий в красном пиджаке, чтобы отвести бернальца в комнату ожидания.

Клерк осуждающе покачал головой и вновь указал пальцем на одного из посетителей. Это оказался полный ворчливый человек с темно-желтой тонировкой лица, одетый в более-менее стандартный костюм космонавта, такой же, как у самого Герсена, что не позволяло догадаться, откуда он прибыл. Его свирепый вид не произвел на клерка никакого впечатления.

— Ваше имя?

— Не ваше дело.

Клерк вновь откинулся в кресле.

— Бросьте! Что это значит? Я требую назвать ваше имя, сэр!

— Зовите меня мистер Неизвестный.

Клерк вспыхнул. — Эта организация действует без обмана и околичностей и ценит подобное отношение и у наших деловых партнеров. Очень хорошо, запишем "мистер Неизвестный". Кто тот гость, чей взнос вы аннулируете?

— Я выкупаю узника! — взревел толстяк. — Вот ваша проклятая добыча; верните моего племянника!

Клерк неодобрительно поджал губы. — Я упрощу это дело — в соответствии с нашими правилами. Кто ваш племянник?

— Кадер, лорд Саттербас. Доставьте его сюда, и быстро!

Клерк полуприкрыл глаза и вызвал служителя.

— Лорд Саттербас, квартира 14, для этого джентльмена.

Он помахал перед собой рукой, будто разгоняя дурной запах, и указал пальцем. — Вы следующий, сэр.

Третий человек был стройным и спокойным. Лицо его было тонировано в шелковисто-зеленый цвет; он был одет в вышитый пиджак и кружевные гетры — наряд, модный в Диких Горах на Имидже, одной из планет Скопления. Он явно хотел сохранить свое дело в тайне, поскольку перегнулся через барьер и попытался говорить полушепотом. Клерку это явно не понравилось. Он отодвинулся и выкрикнул:

— Вы не могли бы говорить громче, сэр! Я ничего не разберу.

Спокойствие третьего клиента оказалось нестойким. Он вышел из себя и заорал: — Незачем совершать эти позорные сделки на виду у всех! Вы должны обеспечить тех, кто еще не утратил стыд, отдельными кабинками!

— Простите, сэр, но вы нас с кем-то путаете! — оскорбленно заявил клерк. — Вы не должны проскальзывать сюда тайком — вы не в бордель пришли! Наша компания абсолютно респектабельна. Мы действуем как посредническая организация, совершенно беспристрастная, представляющая все интересы. Так что теперь, сэр, изложите толком ваше дело.

Лицо человека вспыхнуло от возмущения, так что тонировка стала грязно-серой. — Раз уж вы так открыто откровенны, может, вы мне скажете, кому принадлежит эта лавочка? Кто загребает прибыли?

— Этот вопрос совершенно не относится к делу, — возразил клерк.

— Так же, как мое имя и адрес. Ну, выкладывайте, раз уж вы так кичитесь своей открытостью и респектабельностью.

— Достаточно указать, что это — корпорация, принадлежащая нескольким группам лиц.

— Ба!

Наконец человек уплатил деньги и ушел со служителем. Следующим вызвали Герсена. Он назвал свое имя и объявил себя посторонним — другими словами, независимым предпринимателем, который может "аннулировать взнос" — специфический эвфемизм Обменного Пункта — любого "гостя", за которого не внесли выкуп в течение пятнадцати дней. Обычно это делалось в надежде запросить больший выкуп и на этом заработать. Клерк коротко кивнул.

— Вот список "доступных гостей". — Он вручил Герсену список из нескольких десятков имен с соответствующими суммами "взноса".

Почти в самом начале списка значились:

Аудмар, Даро, 9, муж.
Викс, 7, жен.
Взнос: 100 000 000 севов.

Несколькими строчками ниже он прочел:

Кроматри, Белла; 15, жен.
Взнос: 100 000 000 севов.
Дарбассин, Олег; 4, муж.
Взнос: 100 000 000 севов.

И наконец:

Эперже-Токай, Алюз Ифигения; 20, жен.
Взнос: 10 000 000 000 севов.

Герсен прочитал сумму взноса и протер глаза. Типографская ошибка? Десять миллиардов севов. Неслыханный выкуп, немыслимая сумма! Даже сто миллионов были беспрецедентной суммой, хотя в списке и было семь или восемь "гостей" с таким "взносом". Огромная сумма денег — но всего лишь сотая часть десяти миллиардов. В этом было что-то очень странное. Кто мог бы заплатить десять миллиардов? Эта цифра превосходила бюджеты большинства планет, не говоря уже об отдельных людях. Герсен стал просматривать список дальше. После восьми "гостей", оцененных по сто тысяч — это был:

Пэтч, Майрон; 56, муж.
Взнос: 427 685 севов.

Клерк, который обслуживал следующего клиента, пока Герсен изучал список, повернулся и спросил. — Подходит ли вам кто-нибудь из "доступных гостей"?

— Разумеется, я желаю лично ознакомиться с ними, — ответил Герсен, — но из чистого любопытства — десять миллиардов — это опечатка или правильная сумма?

— Разумеется, правильная, сэр. Мы не позволяем себе таких ошибок.

— Могу ли я спросить, кто является спонсором этой юной леди? От чьего имени вы действуете?

Клерк неодобрительно заметил — вы должны бы знать, что подобная информация безусловно является закрытой, если только мы не получили прямого разрешения от спонсора.

— Я понимаю. Ну, а как насчет Аудмаров, Кроматри, Дарбассина и прочих по сто миллионов? Кто их спонсор?

— У нас нет разрешения разглашать это.

Герсен кивнул: — Очень хорошо. Я пойду и погляжу.

— Еще одно замечание, сэр. В случае с Эперже-Токай мы не можем разрешить простого удовлетворения любопытства. Прежде чем вы сможете встретиться с ней, вы должны депонировать десять тысяч севов.

— Я не настолько любопытен, — отрезал Герсен.

— Как хотите, сэр. — Клерк вызвал служителя, который вывел Герсена из приемной и прошел с ним по коридору во двор. Там он остановился и поинтересовался:

— Каких именно "гостей" вы хотели бы увидеть?

Герсен оценивающе оглядел служителя. Судя по манере говорить врастяжку, он был родом с Земли или с одной из планет в Глуши. Он был ровесником Герсена или чуть моложе, с приятным лицом, подкрашенным в бледно-желтый цвет. Крупные черты лица гармонировали с широкими, чуть сутулыми плечами. Шапочка с эмблемой Обменного Пункта еле держалась на верхушке гривы желтых вьющихся волос, спускающихся за уши и переходящих в роскошный хвост.

Герсен задумчиво произнес: — Как вы знаете, я посторонний.

— Да, сэр.

— У меня есть парочка севов, которые я хотел бы с толком вложить. Вы должны знать, что я имею в виду.

Служитель не был вполне уверен, но все же кивнул головой.

— Вы можете оказать мне большую помощь, — продолжал Герсен. — Я уверен, что вы знаете много больше того, что сообщено в списке. Если вы подскажете мне, как лучше всего заработать, будет только справедливо, если я поделюсь с вами.

Служителю явно понравился ход мыслей Герсена.

— Все это вполне приемлемо — разумеется, если правила не будут нарушены. Правила очень жестки, а наказания — очень суровы.

— И речи быть не может о каких-нибудь подпольных сделках.

Герсен вытащил пару стосевовых банкнот. — Будет еще несколько, смотря по тому, сколько у вас найдется полезных сведений.

— Я могу рассказывать часами; тут происходит много странных вещей. Но пойдемте. Если я правильно понял, вы хотите осмотреть всех гостей, которые сейчас доступны?

— Именно.

— Очень хорошо. В этой стороне расположены комнаты класса Е, предназначенные для тех гостей, чьи друзья и родные не смогли аннулировать взнос и которые, честно говоря, просто дожидаются, пока их купят работорговцы. Уровень комфортабельности повышается

вплоть до так называемых Имперских Садов на вершине холма. Гости должны находиться в своих комнатах до обеда, когда их могут осматривать клиенты, но после обеда они могут проводить время по своему усмотрению, а вечером все обычно собираются вместе. Некоторые из гостей находят наши условия благотворно влияющими на нервную систему и даже в определенной степени благодарны за это своим спонсорам.

Сопровождаемый ныне словоохотливым служителем, Герсен посетил жалкие клетушки класса Е, а затем перешел к классам Д и Г. Перед каждой комнатой висела табличка с именем, статусом и суммой взноса. Служитель, чье имя было Арманд Кошиль, указывал различные варианты выгодных сделок и рискованных спекуляций.

— Совершенно невероятно. Посмотрите, ведь это старший сын Тивальда Фатцбиттки, самого богатого золотоискателя на Бонифасе. Что для него сорок тысяч севов? Он выложит сто тысяч, не моргнув глазом. Если б у меня были деньги, я б его сам выкупил. Это верняк!

— Почему же Тивальд его не выкупил до сих пор?

Кошиль недоуменно покачал головой. — Он очень занятой человек; возможно, он просто не в силах выкроить время. Но раньше или позже, помяните мое слово, он будет здесь и денежки польются рекой.

— Вполне возможно.

Кошиль указал еще несколько гостей и выразил удивление тем, что Герсен остался глух к его предложениям.

— Я вам точно говорю, слишком долгие раздумья приносят разочарование. Вот, например, в этой самой комнате жила красивая молодая девушка, чей отец долго тянул с выкупом. Спонсор снизил цену до девяти тысяч севов и вчера ее выкупил посторонний клиент — работорговец с Варданапала. И — вы не поверите — как только бумаги были подписаны, появился отец с деньгами. Но его постигло жестокое разочарование, поскольку покупатель заявил, что он полностью удовлетворен и не откажется от сделки. Вышла очень неприятная сцена.

Герсен согласился, что откладывание со дня на день часто приводит к неприятностям.

— По моему мнению, — заявил Арманд Кошиль, — Совет Ойкумены должен был бы взять на себя оплату всех

взносов. Почему бы и нет? Большинство гостей — граждане Ойкумены. Это позволило бы упростить процедуру и значительно ослабить ее неприятные и унизительные стороны.

Герсен предположил, что такой порядок поощрял бы похитителей, и Кошиль признал эту возможность: — С другой стороны, у нынешней ситуации есть аспекты, которые меня озадачивают.

— В самом деле?

— Вы знаете Транс-Галактическую Страховую Компанию? У них есть филиалы почти во всех крупных городах.

— Я слышал это название.

— Они специализируются на страховке от похищений и контролируют шестьдесят-семьдесят процентов рынка, потому что их цены много ниже, чем у конкурентов. Почему у них низкие цены? Потому что их клиентов похищают очень редко, в то время как клиенты конкурирующих фирм неизбежно оказываются у нас. Я часто думал, что либо Транс-Галактическая владеет Обменным Пунктом, либо Обменный Пункт владеет Транс-Галактической. Мысль, конечно недостойная, но, вероятно, правильная.

— Недостойная, возможно, но интересная... А почему бы и нет? Эти два предприятия прекрасно подходят друг другу.

— Именно так я и думаю... Да, много странных вещей случается на Обменном Пункте.

Они дошли до квартирки класса Б, в которой обитали Даро и Викс Аудмар.

— А вот веселая парочка малышей, — указал Арманд Кошиль.

— Сумма, конечно, слишком велика. Эта парочка стоит тысяч двадцать-тридцать, в зависимости от ваших вкусов. Время выкупа первично заинтересованной стороной истекло, так что они "доступны", но ни один здравомыслящий человек такого выкупа не заплатит.

Герсен поглядел на детей через поляризованное стекло двери. Они сидели тихо; Даро читал, Викс развязывала узелок на ленточке. Они были очень похожи друг на друга: оба стройные, темноволосые, с такими же яркими серыми глазами, как у их отца. Герсен отвернулся.

— Странно. Почему за них назначен такой высокий выкуп? И я заметил еще несколько гостей с таким же выкупом. Что за этим кроется?

Кошиль нервно облизнул губы, моргнул, опасливо огляделся вокруг. — Я бы не должен разглашать эти сведения, поскольку они касаются личности спонсора. Но я уверен, что этому спонсору наплевать на тайну. Это — знаменитый Кокор Хеккус.

Герсен изобразил удивление. — Что? Кокор Хеккус? Машина Смерти?

— Он самый. Он всегда давал нам неплохо подработать, но в настоящий момент он просто наш основной клиент. За последние два месяца он доставил сюда двадцать шесть человек и всех — за одним исключением — оценил по сто миллионов севов. И в большинстве случаев получил их. Этих детей тоже привез Кокор Хеккус.

— Но почему? — удивился Герсен. — У него на уме какой-нибудь грандиозный проект?

Кошиль таинственно улыбнулся. — Вот именно. Да, да, именно так. Но это целая история. — Он вновь огляделся по сторонам. — Вы, наверное, знаете кое-что о Кокоре Хеккусе?

— А кто же не знает?

— Среди его характерных черт — приверженность к идеалу. Похоже, что он безумно влюбился в девушку — в самую красивую девушку во вселенной! Она просто несравненна!

— Откуда вы знаете?

— Потерпите. Эта девушка вовсе не разделяла чувств Кокора Хеккуса, от одной мысли о нем ее кидало в дрожь или тошнило. Куда ей было бежать? Где она могла укрыться? Галактика слишком мала. Ведь Кокор Хеккус неутомимо стал бы искать ее, куда бы она ни скрылась. Для этого прелестного существа не было убежища — кроме Обменного Пункта. Даже Кокор Хеккус не осмеливается нарушать наших правил. Во-первых, ему никогда бы не позволили пользоваться нашими услугами; во-вторых, администрация не пожалела бы никаких расходов, чтобы примерно покарать его. Возможно, Кокор Хеккус и презирает опасность, но он не сумасшедший. Так что эта девушка выступила в роли своего собственного спонсора. И сама

установила взнос — десять миллиардов севов. Вообще-то она хотела назначить тысячу миллиардов, но ей не разрешили. Так что теперь у нас довольно забавная ситуация — девушка наслаждается покоем и одиночеством в безопасных Имперских Садах Обменного Пункта, а Кокор Хеккус рвет и мечет, сгорая от страсти. Но не стоит его недооценивать. Ему не хватает денег — надо где-то добыть десять миллиардов севов.

— Я начинаю понимать, — пробормотал Герсен.

— Кокор Хеккус нисколько не смутился, — увлеченно продолжал Кошиль. — Он решил вышибать клин клином. Девушка использовала Обменный Пункт, чтобы укрыться от него? Отлично! Он использует Обменный Пункт, чтобы добиться своего. Десять миллиардов — огромная сумма, но это всего лишь сто раз по сто миллионов. Так что теперь Кокор Хеккус прочесывает Ойкумену, похищая родственников ста богатейших людей в мире. И когда сотый из них заплатит сто миллионов, Кокор Хеккус предъявит свои права на Алюз Ифигению Эперже-Токай.

— Похоже, что Кокор Хеккус — крайне романтичный индивидуум, в полном смысле слова, — произнес Герсен.

Кошиль не заметил иронии в реплике Герсена.

— Конечно! Только подумайте! Она должна ждать здесь, день за днем, глядя, как уменьшается недостающая Хеккусу сумма. Он уже получил взносы за двадцать гостей, а каждый день прибывают новые и новые. А девушка не в состоянии сделать ничего — она попалась в собственную ловушку.

— Хм. Прискорбная ситуация — особенно с точки зрения юной леди? Откуда она родом?

Кошиль покачал головой. — Что до этого, то по слухам — а слухи являются вообще существенным моим источником информации — она заявила нечто совершенно невероятное. Она сказала, что родом из Сказочной страны — с планеты Фамбер!

— С Фамбера? — Герсен действительно удивился. — Фамбер, мифическая планета ведьм и морских змеев, доблестных рыцарей и заколдованных замков, была излюбленным местом действия в сказках для детей. Правда, вспомнил он вдруг, и местом обитания хормагаунтов!

— Именно с Фамбера! — рассмеялся Кошиль. — Мне пришло в голову, что будь у вас десять миллиардов и достаточно отваги, это была бы отличная спекуляция! Кокор Хеккус безусловно уплатил бы любую назначенную цену, даже если б ему пришлось похитить еще тысячу человек!

— С моим везением, стоит мне выкупить эту несравненную красавицу, как она заболеет и умрет у меня на руках. И мы с Кокором Хеккусом понесем тяжелую утрату.

Разговаривая, они продолжал двигаться вдоль ряда апартаментов класса Б и А. Кошиль приостановился и показал рукой на мужчину средних лет, чертившего диаграмму в блокноте.

— А вот это — Майрон Пэтч, еще один гость, доставленный сюда Кокором Хеккусом. С взносом в 427 685 севов. По-моему он этого не стоит. Не то, что девушка с Фамбера! — Он игриво подмигнул Герсену и ткнул его в бок локтем.

Герсен, нахмурясь, разглядывал Майрона Пэтча — неприметельного мужчину среднего роста, полного, с добродушным лицом. Его заинтересовала сумма взноса. Почему именно 427 685 севов? За этим явно что-то крылось.

Он спросил у Кошиля: — Могу я поговорить с этим человеком?

— Разумеется. Он в "доступном" списке. Так что если вы думаете, что можете помочь Кокору Хеккусу собрать десять миллиардов, выплатив эту забавную сумму — 427 685 севов, то пожалуйста, действуйте.

— Эти помещения, естественно, оснащены микрофонами и телекамерами?

— Естественно нет, и по очень веской причине — нам абсолютно незачем подслушивать.

— Тем не менее, — заметил Герсен, — мы примем меры предосторожности. Давайте я с ним поговорю.

Кошиль нажал кнопку, зазвенел звонок, указывающий гостю, что он нужен Майрон Пэтч поднялся и медленно подошел к двери. Кошиль вставил ключ в гнездо; дверная панель отъехала в сторону и Пэтч взглянул на Герсена — сперва с надеждой, потом с недоумением. Герсен взял Ко-

шиля за плечи и подвел к дверному проему. — А теперь пойте. И пойте громко.

Кошиль глуповато улыбнулся.

— Я помню только колыбельные, которые мне пели в детстве.

— Тогда пойте колыбельные, но громко и с чувством.

Кошиль начал громко и фальшиво петь. Герсен повернулся к совершенно озадаченному Пэтчу.

— Подойдите поближе и расскажите, почему вы тут оказались.

Пэтч печально улыбнулся.

— Это длинная история.

— Расскажите ее настолько кратко, насколько возможно.

Пэтч грустно вздохнул. — Я инженер и владелец фабрики. Я взялся сделать сложную работу для одного человека, который оказался преступником. Мы поспорили; он похитил меня и доставил сюда. Выкуп — это те деньги, о которых мы спорили.

Кошиль затянул новую песню. Герсен спросил: — Этот преступник — Кокор Хеккус?

Майрон Пэтч скорбно опустил голову.

— Вы встречались с ним лично?

Пэтч пробормотал несколько слов, которых Герсен не смог разобрать из-за завываний Кошиля. Пэтч повторил чуть громче: — Я сказал, что встречался с его агентом, который часто бывал на Крокиноле.

— Вы могли бы связаться с ним?

— На Крокиноле — да, здесь — нет.

— Очень хорошо. Я аннулирую ваш взнос. — Герсен хлопнул Кошиля по плечу. — Вы можете замолчать. Мы возвращаемся в приемную.

— Вы уже закончили? Но там же еще есть столько возможностей для сделок, выгоднейших сделок!

Герсен заколебался. — Могу я взглянуть на леди, которую преследует Кокор Хеккус?

Кошиль покачал головой. — Нет, пока вы не заплатите десять тысяч. Строго говоря, она вообще не хочет никого видеть — даже служащих вроде меня, которые с наслаждением помогли бы ей развеять скуку и вполне понятное напряжение.

— Ладно. — Герсен вытащил еще три сотни, которые Кошиль, несколько ошалевший от разговоров о миллионах и миллиардах, принял без большого энтузиазма. — Мы возвращаемся в приемную.

ГЛАВА V

"Крокиноль — третья по величине планета Скопления Ригеля, четырнадцатая по орбитальному номеру.

Планетарные постоянные:

Диаметр — 9450 миль

Масса — 1,23

Средние сутки — 22 ч, 16 мин, 48,9 с и т.д.

Общие сведения: Крокиноль иногда считают самой красивой планетой Скопления. Справедливо считают, что ей нет равных в смысле этнографического и географического разнообразия. На ней существуют два больших континента (Боркленд и Сенкленд) и шесть малых (Кумберленд, Лейленд, Гардена, Мергенталер, Прыгленд и Скокленд).

Каждый из них гордится десятками чудес природы. Для примера можно назвать Хрустальные Башни или водопад на Кард-ривер в Кумберленде; Дыру сквозь Мир в северном Секленде; Подводный лес вдоль южного побережья Скокленда; гору Айова в Гардене — самую высокую (14 133 м над уровнем моря) гору во всем Скоплении Ригеля.

Флора и фауна разнообразны и высокоразвиты. Ныне почти полностью истребленные Сверхзвери, некогда хозяева планеты, демонстрируют более чем начатки разумности. Достаточно взглянуть на их сложную систему общения жестами (мы не называем ее речью, чтобы избежать семантической путаницы), на их лодки, корзины, орнаментальные узлы, и организацию комитетов.

Человеческое население Крокиноля так же разнообразно, как и его топография. Скокленд был первоначально заселен представителями секты скакунов, переселившихся с Оллифана; в горах Гардены обитают удивительные карлики Импы.

В Кумберленде обитают талантливые и трудолюбивые Белые Локоны; в Тундре Северного Прыгленда кочуют Друиды. Кроме того, здесь обитают такие расы, как Аркадийцы, Баталезы, Сингалы, Янсенисты, Древние Аланы и многие другие".

(Из "Популярного Планетарного Справочника", 303-е изд., 1292 г.)

Возвращаясь с Сасани на борту корабля Герсена, Майрон Пэтч подробно рассказал историю своих отношений с Кокором Хеккусом и даже историю своей жизни. Выяснилось, что он был родом с Земли, но оказался жертвой Техсахомских Мятежей и считал, что ему повезло, раз он сумел унести ноги. Он прибыл на Крокиноль без копейки денег, устроился чернорабочим на верфях. Потом открыл маленькую механическую мастерскую в Патрисе, столице Белых Локонов. Постепенно расширяя дело, через восемнадцать лет он оказался владельцем инженерной Компании Пэтча — крупнейшим подобным предприятием в Кумберленде. У него была репутация гибкого дельца и изобретательного инженера, так что когда Зеуман Отуал принес ему заказ с совершенно необычными спецификациями, он был заинтригован, но не удивлен.

По описанию Пэтча, Зеуман Отуал был чуть моложе его, с поразительно уродливым лицом, длинным загнутым вниз носом, который почти смыкался с острым выступающим подбородком.

Зеуман Отуал был откровенен. Он сразу представился как агент Кокора Хеккуса и был очень доволен, когда Пэтч заявил, что готов выполнять заказы хоть самого дьявола, если его деньги спокойно пройдут через фальшметр.

Когда взаимопонимание было достигнуто, Зеуман Отуал изложил свой заказ. Он хотел, чтобы Пэтч сконструировал и изготовил самоходный форт в виде гигантской сороконожки двадцати пяти метров в длину и четырех — в высоту. Механизм должен был состоять из восемнадцати сегментов, каждый со своей парой ног. Форт должен был быть способен перемещаться по пересеченной местности со скоростью не менее шестидесяти километров в час. Он должен был извергать жидкий огонь, испускать ядовитый газ и излучать энергетические лучи. Пэтч заявил, что он

сможет его сконструировать и, естественно, поинтересовался, зачем это чудище нужно. Зеуман Отуал сначала выразил неудовольствие неуместным любопытством, но потом пояснил, что Кокор Хеккус увлекается сложными и жуткими машинами. Кроме того, добавил Отуал, Кокор Хеккус недавно был оскорблен кучкой нахальных дикарей, и форт "будет говорить на языке, который они поймут". Явно увлекшись этой темой, Отуал прочитал Пэтчу целую лекцию о природе ужаса. По его мнению, ужас бывает двух типов — инстинктивный и внушенный.

Для того, чтобы добиться максимального эффекта, нужно использовать оба типа одновременно, поскольку каждый из них в отдельности человек способен контролировать и подавить. Метод Кокора Хеккуса состоял в тщательном анализе всех факторов и выборе наиболее действенных из них.

— Рыбу не испугаешь, угрожая утопить ее! — заявил Отуал.

Лекция продолжалась более получаса, причем Пэтч чувствовал себя все неуютнее и неуютнее. После ухода Отуала он долго боролся со своей совестью, спрашивая себя, нравственно ли создавать механический ужас для Кокора Хеккуса.

В этот момент Герсен прервал его: — Скажите, вы не подозревали, что Зеуман Отуал и есть Кокор Хеккус?

— Подозревал, конечно, но только пока Кокор Хеккус не прибыл на завод лично. Он совершенно не похож на Отуала.

— Опишите его, пожалуйста.

Пэтч нахмурился. — Это очень трудно. У него нет особых отличительных черт. Он примерно вашего сложения, подвижный и нервный, голова ни мала, ни велика, черты лица правильные. Тонировка лица и костюм — достаточно скромные, обычные для взрослых Белых Локонов. У него мягкие, даже куртуазные манеры, но это не убеждает, да и не должно убеждать. Все время, когда он тихо говорит или внимательно слушает тебя, его глаза странно блестят, и становится ясно, что он вспоминает удивительные зрелища и ужасающие вещи, виденные и сделанные им.

В этот момент их прервали дети, просившие, чтобы им показали Ригель. Герсен показал им сияющую белую звез-

ду прямо по курсу корабля, затем повернулся к Пэтчу, который продолжал описывать свои моральные страдания. По его словам, он был полон раскаяния, угрызений совести и дурных предчувствий, но, в конце концов, решил руководствоваться двумя положениями: во-первых, он уже скомпрометировал себя и получил аванс — 427 685 севов; во-вторых, если он не построит это чудище, найдутся десятки других заводов, готовых это сделать. Так что работа шла полным ходом, хотя Пэтч и сознавал, что создает орудие зла.

Герсен слушал его молча и действительно не очень осуждал. Пэтч казался безобидным человеком, имеющим несчастье быть лишенным морального чувства.

Работа продолжалась. Форт был близок к завершению. В этот момент Кокор Хеккус прибыл, чтобы лично проинспектировать его. К жестокому разочарованию Пэтча он заявил, что полностью не удовлетворен. Он высмеял действие ног, охарактеризовав его как неуклюжее и очевидно механическое. По его мнению, форт не обманет и ребенка. Пэтч, сперва потрясенный, постепенно пришел в себя. Он вытащил техническое задание и продемонстрировал, что он выполнил его тютелька в тютельку. Нигде и никогда ему не давали никакой информации о характере движения ног. На Кокора Хеккуса это не произвело впечатления. Он заявил, что форт совершенно непригоден и что Пэтч обязан внести необходимые изменения. Пэтч сердито заявил, что он за это не отвечает, изменения внести можно, но за дополнительную оплату. Кокор Хеккус пришел в ярость. Он сделал резкий рубящий жест, показывая, что Пэтч зашел слишком далеко. Он заявил, что контракт не выполнен и поэтому Пэтч обязан вернуть аванс — 427 685 севов. Пэтч наотрез отказался, после чего Кокор Хеккус откланялся и удалился.

Пэтч запасся оружием, но без толку; через четыре дня три человека схватили его, тщательно, хотя и без особого интереса избили, сунули в звездолет, привезли на Обменный Пункт и установили взнос в сумме 427 685 севов. У Пэтча не было ни близких друзей, ни родственников, ни деловых партнеров; из-за нескольких долгов, сделанных ради расширения предприятия, экстренная продажа компании не могла принести больше двухсот тысяч севов. Он

потерял всякую надежду на освобождение и ждал, что его продадут в рабство. Затем появился Герсен. Пэтч нерешительно поинтересовался его мотивами. Разумеется, он чувствует бесконечную благодарность, он восхищен великодушием Герсена, но убежден, что здесь кроется что-то еще.

Герсен не испытывал ни малейшего желания откровенничать с Пэтчем. — Вы можете считать, что я знаком с Инженерной Компанией Пэтча, и считаю 51 процент ее акций достаточной компенсацией за мои расходы.

Пэтч довольно печальным тоном заявил, что удовлетворен такими условиями. — Вы желаете формального установления партнерства?

— Будет лучше, если вы подготовите соответствующие бумаги. Собственно говоря, меня интересует полный контроль над деятельностью компании в течении неопределенного срока, не превышающего пяти лет. Что же касается прибылей, то я сейчас не нуждаюсь в деньгах и вы можете их использовать для выплаты предоставленной суммы.

Пэтч был явно не в восторге от этой схемы, но не имел оснований для возражений. Внезапно ему в голову пришла новая мысль, и он нервно потер лицо рукой. — Скажите, вы случайно не собираетесь продолжать дела с Кокором Хеккусом?

— Раз уж вы спросили — да, собираюсь.

Пэтч нервно облизал губы: — Позвольте мне сразу использовать мои 49 процентов голосов — решительно против. И если у вас в душе есть хоть два процента сомнений, голоса против должны перевесить безрассудные амбиции.

Герсен улыбнулся: — 51 процент акций требуют попытаться вернуть деньги, незаконно исторгнутые Кокором Хеккусом из фондов компании.

Пэтч опустил голову: — Так тому и быть.

На темном небе ярко сиял Ригель. Герсен нашел Альфанор и показал его детям, просто кипевшим от возбуждения. Герсен с грустью наблюдал за ними. Он понимал, что как только они вернуться в прохладный старый дом на выжженных солнцем холмах Таубе, они сразу кинутся к матери и отцу; похищение, заточение, путешествие станут смутными воспоминаниями, Герсен будет забыт.

Герсен задумался над причудами судьбы, превратившей его — горько признавать — в мономаньяка. Что, если по

какому-то фантастическому стечению обстоятельств ему удастся отомстить всем пятерым Лордам Тьмы за бойню в Маунт-Плезант? Что ему делать дальше? Сможет ли он уйти от дел, осесть на земле, жениться, растить детей? Или роль Немезиды настолько вошла в его плоть и кровь, что он никогда не сможет слушать о злодеях, не испытывая потребности немедленно покарать их? И самое печальное, что эта потребность будет проистекать не из негодования или морального осуждения, а из простого рефлекса, бесстрастной реакции организма; и единственное удовлетворение, полученное им, будет сродни чисто физиологическому удовольствию почесать, где чешется.

Как всегда, подобные рассуждения повергли Герсена в меланхолию, и в течение всего оставшегося путешествия он был еще резче и неприветливее, чем обычно. Дети смотрели на него с удивлением, но без страха, так как научились по крайней мере доверять ему.

Они опустились на Альфаноре, в древнем космопорту Марквари, центра провинции Гарро. Отсюда Герсен позвонил Душану Аудмару. Его лицо на экране видеофона выглядело немного изможденным; Герсен подумал, что Аудмар был гораздо более обеспокоен похищением детей, чем признавал открыто. Он поинтересовался здоровьем детей и ответил на заверения Герсена коротким кивком головы.

Поскольку между Марквари и Таубе не было воздушного сообщения, а звездолетам разрешалось приземляться только в космопортах, Герсен с детьми сел на грузо-пассажирский корабль, курсировавший вдоль побережья. Через сутки они доплыли до Таубе. Там Герсен вновь нанял древний аэрокар и направился вдоль длинного склона к дому Душана Аудмара. Дети выпрыгнули из аэрокара и кинулись сломя голову к матери, которая ожидала их на пороге дома. Лицо ее было искажено от усилий сдержать слезы. Герсен внезапно ощутил пустоту, так как он успел привязаться к детям. Он вошел в дом, и тут, чувствуя себя в безопасности, Даро и Викс подбежали, обняли и расцеловали его.

Аудмар встретил его и проводил в тот же кабинет, где они беседовали в первый раз. Герсен начал отчет.

— Кокору Хеккусу нужны десять миллиардов севов. Он надеется добыть эту сумму, вымогая по сто миллионов у

ста самых богатых людей Ойкумены. Он собрал уже примерно треть суммы, и деньги все прибывают. Ему нужны эти деньги, чтобы выкупить девушку, которая, спасаясь от него, укрылась на Обменном Пункте, назначив выкуп в десять миллиардов севов.

— Хм, — проворчал Аудмар. — Эта девушка должна быть исключительно привлекательна, если Кокор Хеккус оценивает ее в такую сумму.

— Мне тоже так кажется — хотя любой объект, оцененный в такую сумму, должен быть привлекательным. Я хотел познакомиться с девушкой, но она, действуя как свой собственный спонсор, назначила за это цену в десять тысяч севов, вероятно, чтобы отшить любопытствующих, вроде меня.

Душан Аудмар кивнул: — Эта инфорация может стоить, а может и не стоить ста миллионов, затраченных Институтом; мои дети вновь со мной; я, конечно, рад этому, но опасаюсь, что я позволил моим эмоциям взять верх над рассудком и скомпрометировал себя.

Герсен ничего не ответил. Он и сам так считал. Однако Институту было некого винить, кроме себя — при желании они, безусловно, могли бы уничтожить Кокора Хеккуса.

— Еще один интересный момент. Молодую леди зовут Алюз Ифигения Эперже-Токай, и она родом с Фамбера — по ее словам.

— С Фамбера? — Аудмар наконец заинтересовался. — Это серьезное заявление или маскировка?

— Я думаю, что она утверждает это вполне серьезно.

— Интересно. Даже если это неправда. — Он искоса взглянул на Герсена. — Вы хотите сообщить мне еще что-нибудь?

— Вы дали мне определенную сумму на расходы. Я использовал часть ее для целей, которые я счел подходящими — приобрел контрольный пакет акций Инженерной Компании Пэтча.

Аудмар грациозно кивнул: — Конечно, это нужно было сделать.

— Возможность представилась на Обменном Пункте. Майрон Пэтч был доставлен туда Кокором Хеккусом и оценен в 427 685 севов. Цифра заинтересовала меня, я

провел расследование, и когда Пэтч заявил, что может вступить в контакт с Кокором Хеккусом, я выкупил его, используя партнерство, как обеспечение долга.

Аудмар поднялся на ноги, подошел к двери и вернулся с подносом, уставленным стимулирующими напитками.

— Я узнал, — продолжал Герсен, — что Майрон Пэтч строил механическое чудовище для Кокора Хеккуса — самоходный форт в форме сороконожки двадцати пяти метров длиной.

Аудмар пригубил напиток, затем поднял бокал, любуясь розовыми и фиолетовыми отблесками. — Вам не следует отчитываться за эти деньги, — сказал он. — Они были уплачены за несколько единиц интересной информации, и в качестве случайного побочного эффекта вернули двух ребятишек домой.

Аудмар допил свой напиток и со стуком поставил бокал на место. Герсен, поняв больше из того, что осталось невысказанным, чем из того, что он услышал, встал и ушел.

Патрис, столица Объединенных Приходов Кумберленда, беспорядочно раскинулся по берегам дельты Кард-Ривер. Пригороды его тянулись на мили — до берегов озера Ок. В Старом Городе было множество строений, чей возраст перевалил за тысячу лет. Это были трех- или четырехэтажные дома из грубого черного кирпича, с узкими фасадами, узкими высокими окнами и высокими наклонными фронтонами. Выше по реке, в семисотлетнем Новом Городе, высились знаменитые Речные Арки — одиннадцать монументальных строений в форме усеченных треугольников, опирающихся на оба берега реки. В основании была вырезана стометровая арка, вершина возносилась на триста с лишним метров. Во всей Ойкумене не было ничего похожего на них. Все одиннадцать зданий были идентичны, отличаясь только цветом облицовки. Во всех зданиях в нижней, опорной части располагались магазины, студии, рестораны, в верхней части были квартиры городской элиты.

Между арками Нового Города и черными кирпичными домами Старого располагался грязноватый заводской район, где находился завод Майрона Пэтча. Демонстрируя сложную смесь нерешительности, услужливости, гордости, обеспокоенности и уязвленной гордости, он подвел Герсена

к главному входу в здание. Оно было побольше, чем ожидал Герсен — метров полтораста в длину и пятьдесят — в ширину. Пэтч был ужасно подавлен и разочарован тем, что в здании никого не оказалось.

— Казалось бы, в тяжелую минуту человек может надеяться, что его служащие будут стараться изо всех сил поддерживать дело на ходу, образно говоря, даже попытаются выкупить своего хозяина. Больше сотни мужчин и женщин зарабатывали у меня на жизнь — и хоть бы один поинтересовался моей судьбой!

— Вероятно, они были слишком заняты поисками новой работы. — предположил Герсен.

— Может и так, но на мою благодарность они могут не рассчитывать, — отрезал Пэтч, распахивая тяжелую дверь. Они вошли в огромное помещение, и Пэтч указал на отгороженную часть помещения: — Зеуман Отуал настаивал на абсолютной секретности. Я использовал только самых доверенных людей, и даже их я по настоянию Отуала подверг гипнотической обработке, приказав забыть все, что они видели в цехе Б, стоит им из него выйти. Кроме того, — добавил он с заметным удовольствием — я внушил им, чтобы они работали с большим энтузиазмом, и не чувствовали ни голода, ни жажды, ни усталости во время работы. И я должен сказать, что никогда у меня не было таких замечательных рабочих. Я уже подумывал подвергнуть гипнообработке и всех остальных рабочих, когда меня похитили. Честно говоря, я тогда подумал, что столкнулся с громилами, нанятыми Гильдией Промышленных Рабочих. — Он провел Герсена мимо ряда прессов, станков, печей к высоким дверям, помеченным универсальным знаком "Вход воспрещен" — красным отпечатком ладони, и набрал код на цифровом замке. — Поскольку вы — мой партнер, то от вас у меня нет секретов.

— Именно так, — согласился Герсен.

Дверь скользнула в сторону, и они вошли в цех Б. Там высился самоходный форт. Герсен был поражен — привычка Пэтча к обтекаемым выражениям совершенно не подготовила его к жуткому виду конструкции. Голова была снабжена шестью щупальцами и воротником из длинных острых шипов. Вместо глаз была одна фасетчатая полоса; для приема пищи служила коническая пасть на верхушке

головы, по бокам которой располагались две суставчатые руки. Туловище состояло из восемнадцати сегментов, каждый из которых был снабжен парой суставчатых ног, обтянутых желтоватой морщинистой кожей. Заканчивалось оно вздутием, похожим на вторую голову — с еще одним фасетчатым глазом и набором шипов. Туловище еще не было закончено и отливало металлическим блеском.

— Ну, что вы об этом думаете? — озабоченно спросил Пэтч.

— Весьма впечатляюще. Хотел бы я знать, зачем оно ему понадобилось.

— Поглядите. — Пэтч взобрался на голову чудища, используя шипы в качестве лестницы, и исчез в открытой пасти. Герсен остался в комнате один на один с двадцатипятиметровой махиной. Она могла выплевывать яд из шипов, метать огонь из глаз, взмахом щупальца перерубить ствол дерева. Герсен поглядел по сторонам, затем ретировался в прихожую. Пэтч выглядел неплохим парнем, искренне признательным за освобождение, но зачем вводить его в искушение?

Он встал так, чтобы с головы его не было видно, и стал ждать. Пэтч включил питание и чудовище начало оживать. Голова слегка вздрогнула, шипы приподнялись, щупальца щелкнули. Из отверстий по бокам головы раздался жуткий воющий вопль. Герсен вздрогнул. Вой затих и чудище двинулось вперед, поднимая и переставляя ноги чередующихся сегментов. Оно двигалось вперед и назад, легко, хотя и несколько неуклюже. Затем металлическая сороконожка остановилась и шагнула вбок — один шаг, два, три. Вдруг ноги на ближайшей стороне подломились и чудище рухнуло на бок, с грохотом ударившись о стену. Если бы Герсен остался стоять в цехе, его бы размазало по полу. Несчастный случай, разумеется — случайный сбой в работе машины, ошибка оператора... Из пасти выкарабкался бледный и вспотевший Пэтч. Герсен мог бы поклясться, что Пэтч искренне озабочен случившимся и ужасается при мысли о том, что он может увидеть. Пэтч спрыгнул на пол и стал заглядывать под корпус. — Герсен! Герсен!

— Я здесь, — тихо сказал Герсен. Пэтч подпрыгнул, круто обернулся. Герсен подумал, что если облегчение, на-

писанное на его лице, не было искренним, значит мир лишился великого актера.

Пэтч возблагодарил бога, что Герсен уцелел. Фазирующий механизм левых ног отказал, хотя раньше с ним такого и не случалось. Впрочем, это не имеет большого значения — все равно конструкцию придется пустить на лом.

Они вышли в основное помещение, и Пэтч запер дверь.

— Завтра возьмусь за работу — заявил Пэтч. — Не знаю, что сталось с моими прежними клиентами, но в прошлом они всегда были мной довольны, и я надеюсь, что мне удастся возобновить контакты.

Герсен остановился, глядя на запертую дверь цеха Б.

— Скажите, что именно в конструкции Кокор Хеккус счел абсолютно неприемлемым?

Пэтч сухо ответил: — Действие ног. Он сказал, что оно не производит желаемого впечатления. Движение слишком жесткое и механическое, а ему нужно плавное и мягкое. Я указал ему на сложность и дороговизну требуемой системы. Я вообще сомневаюсь в том, что такой механизм можно создать, учитывая массу форта и крайне неровную местность, на которой ему предстоит действовать.

— Я считаю, что Кокор Хеккус ограбил нас на полмиллиона севов. Я хочу получить эти деньги обратно.

На лице Пэтча появилась печальная неуверенная улыбка: — Будет умнее с ним не связываться. Кто старое помянет — тому глаз вон. Народная мудрость, знаете ли. Нам не нужны такие клиенты. Идемте в мой кабинет, нужно просмотреть счета.

— Нет, — отрезал Герсен. — Текущие дела я оставляю всецело на ваше усмотрение. Что же касается самоходного форта, то я твердо решил вернуть наши деньги. И мы можем это сделать безопасным и законным путем.

— Как? — недоверчиво спросил Пэтч.

— Мы должны модифицировать форт так, чтобы он удовлетворял требованиям Кокора Хеккуса. Потом мы продадим ему форт — за полную цену.

— Возможно. Но существуют трудности. Ему может быть больше не нужен форт. Или у него нет денег. Или,

скорее всего, мы не сможем модифицировать форт так, чтобы он был доволен.

Герсен задумался. — Где-то я видел способ преодолеть эти трудности... На другом краю Ойкумены есть планета Ванелло, нечто вроде курорта для всего созвездия Скорпиона. На одном из тамошних религиозных фестивалей я видел платформу на длинном гибком стебле, на которой стояла жрица в наряде из цветочных лепестков. На другой такой платформе был стол с набором ритуальных предметов. Насколько я помню, там были книга, кубок и человеческий череп. Жрица исполняла обряды, пока стебли медленно сплетались. Я выяснил, что стебли состояли из нескольких десятков тонких трубок, наполненных магнитной жидкостью — железными опилками в машинном масле. Под действием магнитных полей эти трубки изгибались и сокращались с большой силой. Мне кажется, что эта система обеспечит необходимую плавность действия ног нашего монстра.

Пэтч поскреб свой небольшой круглый подбородок.

— Если вы точно все описали, я склонен согласиться.

— Сперва мы должны найти Зеумана Отуала и узнать, нужен ли еще Кокору Хеккусу этот форт.

Пэтч глубоко вздохнул, воздел было руки, но потом опустил их. — Так тому и быть. Хотя лично я предпочел бы иметь дело с гремучей змеей.

Но когда Пэтч позвонил в отель, где имел обыкновение останавливаться Зеуман Отуал, ему сообщили, что мистера Отуала сейчас нет и дата его возвращения неизвестна. Пэтч воспринял эту новость с огромным облегчением. Только по настоянию Герсена он сообщил клерку свое имя и просьбу передать Зеуману Отуалу, чтобы он позвонил, как только появится.

Лицо клерка исчезло с экрана, и Пэтч опять повеселел.

— В конце концов, нам не нужны их грязные деньги, добытые самыми жуткими из мыслимых преступлений. Может, мы сможем продать этого монстра в качестве курьезной диковины, или даже смонтировать у него на спине сиденья и катать на нем любителей острых ощущений. Не бойтесь, Кирт Герсен! Ваши деньги в безопасности!

— Мне не нужны деньги, — проворчал Герсен, — мне нужен Кокор Хеккус.

Пэтч явно счел это признанием странных или извращенных наклонностей. — Для чего он вам нужен?

— Я хочу убить его, — ответил Герсен и тут же пожалел о неуместной откровенности.

ГЛАВА VI

"Если Малагате-Горе может быть охарактеризован одним словом — "мрачный", а Говард Алан Трисонг — "непостижимый", то Ленс Ларк, Виоль Фальс и Кокор Хеккус могут претендовать на эпитет "фантастический". Кто из них превосходит двух других в "фантазии"? Это интересный вопрос, на который нет и не может быть ответа. Вспомните Дворец Любви Виоля Фалюша, монумент Ленса Ларка, невероятные и чудовищные преступления Кокора Хеккуса против человечества. Ясно, что подобные вещи невозможно сравнивать. Однако, можно указать, что Кокор Хеккус потряс воображение общества своим гротескным черным юмором. Давайте вспомним, что он сам говорил в своем знаменитом телефонном обращении к студентам Университета Сервантеса "Теория и практика террора":

— ... чтобы добиться максимального эффекта, необходимо идентифицировать, усилить основные страхи, уже существующие в душе человека. Будет ошибкой полагать, что страх смерти — самый сильный из них. Я обнаружил дюжину других, сильнее разъедающих душу:

— боязнь оказаться не в состоянии защитить своих близких;

— боязнь утратить уважение окружающих;

— боязнь шумных контактов;

— боязнь быть напуганным.

Моей целью является создание "кошмарного" ужаса и поддержание его в течение необходимого времени. Как известно, кошмары являются результатом деятельности подсознания, исследующего свои наиболее чувствительные области. Поэтому они могут служить оператору в качестве указателей. Когда чувствительная область обнаружена, задача оператора — приложить всю свою изо-

бретательность к тому, чтобы найти средства подчеркнуть и драматизировать существующий страх, а затем усилить его в десятки раз. Если человек боится высоты, оператор доставит его к подножию крутого обрыва, привяжет тонкой и явно непрочной веревкой и начнет медленно поднимать вверх, не слишком далеко и не слишком близко к скале. Расстояние должно быть тщательно подобрано так, чтобы вызывать тщетные, но мучительные попытки дотянуться до поверхности. Подъемный механизм должен давать рывки и сбои.

Чтобы усилить клаустрофобию, оператор поместит человека в глубокую яму и впихнет его головой вперед в узкий, опускающийся вниз и делающий резкие повороты туннель. После чего начнет засыпать яму, чтобы человеку пришлось ползти по туннелю вниз".

("Кокор Хеккус — машина смерти", IV глава монографии Карела Карфена "Лорды тьмы", Элусидариан Пресс, Нью-Вексфор, Алоизиус, Вега)

Зеуман Отуан не появлялся в течение двух месяцев. За это время Пэтч вновь собрал своих служащих, возобновил контракты и деятельность инженерной Компании Пэтча с прежним размахом.

Герсен взялся за модификацию самоходного форта — он связался с местным отделением УТКС[1], упомянул ежегодный Обряд цветения на Ванелио, описал гибкие стебли, поддерживающие платформы и через пару минут получил целый портфель таблиц, графиков, чертежей и спецификаций. Он отнес все это к Пэтчу, который немедленно погрузился в них, механически качая головой и приговаривая "ага... ага... угу". После чего жалобно вздохнул: — Ну хорошо, мы потратим кучу денег, улучшим это нелепое чудо-юдо, и выясним, что оно не нужно ни Зеуману Отуалу, ни Кокору Хеккусу, вообще никому. Что тогда?

— Подадим на них в суд, — предложил Герсен.

Пэтч фыркнул и вновь погрузился в чертежи. Наконец он проворчал: — Ясно, что эту систему можно построить и она будет определенно более гибкой, чем прежняя.

1 Универсальная техническая консультационная служба.

Однако разработка фазирующих узлов, сопряжение модуляторов, да и конструирование самих модуляторов — далеко за пределами моих возможностей... Тут метрах в ста выше по улице есть группа очень компетентных инженеров-кибернетиков, и я предлагаю нанять их для решения всех этих проблем.

— Вам виднее.

Прошло еще два месяца, а Зеуман Отуал так и не появился. Герсен заставил яростно протестовавшего Пэтча еще раз позвонить в отель, но Отуал не появлялся и там. Герсен начал ощущать беспокойство и стал прикидывать другие возможные пути для контакта с Кокором Хеккусом. Подумав, он решил, что форт обязательно должен содержать полезную информацию. Он отправился в архив, вытащил полный комплект спецификаций и чертежей форта и разложил их перед собой.

Нигде не оказалось никаких прямых указаний на планету, для которой строился форт — механический монстр.

Герсен начал снова просматривать бумаги, на этот раз — в поисках косвенной информации о загадочной планете, неизбежно содержащейся в техническом задании. Так, в нем не упоминалось оборудование для кондиционирования воздуха. Следовательно, атмосфера была стандартной или почти стандартной. В спецификациях был пункт, гласивший:

"Машина должна с полным грузом преодолевать склоны крутизной до 40° со скоростью не меньше двадцати километров в час; легко и уверенно двигаться по пересеченной местности, например, по полю, покрытому камнями до двух метров в диаметре; преодолевать овраги и трещины до шести метров шириной".

В другом пункте было записано:

"Энергетические требования рассчитаны в предположении термодинамической эффективности не менее 75%, и стопроцентного запаса мощности".

Герсен принялся за расчеты. Он знал массу форта, и мощность, необходимую для движения такой машины по сорокаградусному уклону со скоростью двадцать километров в час. Исходя из этого, он рассчитал силу тяжести на планете Икс, равную 0,84 стандартной.

Это была полезная, но не очень определенная информация. Герсен снова погрузился в спецификации. Они были исключительно жесткими и содержали четырнадцать цветных рисунков, показывающих форт с разных сторон. Монстр должен был быть окрашен в черный, темно-коричневый, розовый и бело-голубой цвета, причем для красок были даны подробнейшие спецификации, содержащие спектральные зависимости коэффициента отражения. Не была оговорена только одна деталь — характеристики падающего света. Герсен вызвал инженера, ведавшего окраской форта, и потребовал принести образцы красочных покрытий.

Пока он их ждал, ему пришла в голову еще одна идея. Спецификации были настолько точны, что, вероятно, были составлены с целью добиться сходства с реально существующим животным — такая тварь была бы действительно ужасающей, но это прекрасно согласовывалось с философией Кокора Хеккуса. Он подготовил запрос с детальным описанием чудища и отправил его в УТКС. Через двенадцать минут он получил ответ, в котором указывалось, что в стандартных справочниках, энциклопедиях и монографиях нет животного, обладающего полным набором указанных признаков. На многих планетах обитали существа, обладающие отдельными сходными чертами — но это и так было общеизвестно. Например, на планете Идора обитал членистый водяной червь десятиметровой длины, на Земле жило множество мелких сороконожек, на Крокиноле обитал мерзкий крышеед. Как ни странно, отмечалось в ответе, удивительно подходящее описание содержалось в старой детской книжке "Легенды Фамбера". Герсен вздрогнул и впился глазами в бумагу. Текст легенды гласил:

"Сжимаясь и разжимаясь, изгибаясь и разгибаясь, подкрадываясь и подтягиваясь, оно спускалось с горы! Кровожадное и кошмарное чудище на тридцати шести гибких ногах, длиннее, чем дюжина тел его бездыханных жертв!

— Теперь мы пропали! — вскричала принцесса Созанелла. — Либо нас сожрет чудовище, либо схватят мерзкие таддо-тролли!

— Не теряй надежды! — прошептал Дантинет. — Ибо это — исконный враг троллей! Гляди, оно отворачивает свой черный лик от нас, дабы взглянуть на Таддо! Оно

поворачивается, показывая нам свое брюхо цвета голубой гнили! Тролли визжат и верещат, но слишком поздно! Чудище хватает их и запихивает себе в пасть. Теперь мы должны поспешить прочь через пещеры и пустыни, ибо ныне Ужас послужил во благо!"

Герсен медленно отложил бумагу. Фамбер! Новое упоминание о мифической планете. Ксавер Макинелло, инженер, руководивший окраской форта, принес образцы красочных покрытий. Герсен нетерпеливо разложил их перед собой, рядом с набросками форта. Между ними была очевидная разница. Макинелло с озабоченным видом склонился над столом. — Тут не может быть никакой ошибки! Я строго следовал спецификациям!

Герсен внимательно рассмотрел образцы. — Если это действительно так, то при каком освещении образцы красок будут выглядеть так же, как на рисунке?

Макинелло задумался. — Цвета образцов выглядят явно холоднее, чем на рисунке. Давайте пройдем в лабораторию.

В лаборатории Макинелло установил образцы в колорметр. — Вас интересует стандартная освещенность?

— Меня интересует тип звезды. Я полагаю, что это то же самое?

— Немного другое — из-за различий в звездных атмосферах. Но я могу легко пересчитать результат к стандартной звездной последовательности. Давайте начнем с 4000°. — Макинелло покрутил верньер, щелкнул переключателем и поглядел в компаратор. — Неплохо. — Он подкрутил верньер. — Вот оно: 4350°. Можете сами убедиться.

Герсен взглянул в окошко компаратора. Образцы красок теперь выглядели в точности так же, как цвета на рисунке. — Цветовая температура 4350°. Соответствует звезде класса К?

— Сейчас уточню. — Макинелло заглянул в справочник. — Класс G8.

Собрав наброски и образцы, Герсен вернулся к себе в комнату. Факты понемногу накапливались. Неизвестная планета вращалась вокруг звезды класса G8 и сила тяготения на ней составляла 0,84. И подозрительно часто появлялись ссылки на легендарную планету Фамбер... Герсен позвонил в УГКС и заказал сводку упоминаний — исторических, гипотетических, фантастических, маразматиче-

ских, всяческих — о местоположении потерянной планеты Фамбер. Через полчаса он получил папку с несколькими десятками выдержек. Интересных среди них почти не было, наиболее подробные сведения содержались в общеизвестной детской считалке:

Если Сириус в путь тебя провожал,
И к норду ты Ахрнар держал,
Прямо по звездному краю лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

Информация, содержащаяся в первых двух строчках, могла быть использована, но от третьей и четвертой не было никакого прока. Изучение форта тоже не могло принести ничего больше. Герсен решил, что зашел в тупик. Где-то в пространстве был мир, на котором Кокор Хеккус хотел использовать металлического монстра. Этот мир мог быть родиной Алюз Ифигении Эперже-Токай, оценившей себя в десять миллиардов севов. Этот мир мог быть мифическим Фамбером. Но способа установить это не было.

В дверях появился Майрон Пэтч. На его круглом лице застыло напряженное и обвиняющее выражение. Пэтч минуту глядел на Герсена, потом похоронным голосом объявил: — Прибыл Зеуман Отуал.

ГЛАВА VII

"Эволюция человечества никогда не протекала гладко и равномерно, но всегда была циклическим процессом, который при детальном историческом рассмотрении кажется почти конвульсивным. Племена смешивались и сливались, образуя нации и расы, а затем приходили времена миграции, изоляции и образования новых племен.

В течение тысячелетия расселения человека в космосе доминировал именно этот последний процесс. Изоляция, специфические условия, инбридинг создали десятки новых расовых типов. Но теперь Ойкумена достигла стационарного состояния, оживились связи и обмен между планетами и, похоже, маятник качнулся в обратную сторону.

Не только в Ойкумене! Всегда есть люди, которые рвутся вперед, в неизведанную глушь. Никогда изоляция не была так легка, никогда личная свобода не доставалась так дешево!

Хорошо ли это? Все полагают, что да. Ойкумена, возможно, будет вынуждена расширяться. Могут возникнуть другие Ойкумены. Человечество может столкнуться с владениями другой расы, поскольку в избытке существуют данные о том, что иные существа странствовали по звездам задолго до нас, и никто не знает, куда и почему они исчезли".

(Из введения к книге "Краткая история Ойкумены" Альбета Б. Холла)

— Куда прибыл Зеуман Отуал? — спросил Герсен. — В мастерские?

— Нет, в Патрис. Он интересовался, почему я оставил ему записку. — Выражение лица Пэтча стало еще более обвиняющим. — Я не знал, что сказать ему... — Унизительно разговаривать вежливо с человеком, который тебя ограбил...

— Что вы ему сказали?

Пэтч беспомощно развел руками.

— А что я мог сказать, кроме правды? Что мы разработали способ усовершенствовать форт.

— Мы?

— Разумеется, я имел в виду инженерную компанию Пэтча.

— Он заинтересовался?

Пэтч мрачно кивнул.

— Он заявил, что у него новые указания от его хозяев. Скоро он будет здесь.

Герсен задумался. Зеуман Отуал мог быть, а мог и не быть одной из многочисленных личин Кокора Хеккуса; Кокор Хеккус мог знать, а мог и не знать, что именно Герсен побывал в Скузе. Он поднялся на ноги.

— Когда появится Зеуман Отуал, примете его в своем офисе. Меня представите как Говарда Уолла, начальника цеха или главного инженера — на ваше усмотрение. Не удивляйтесь ничему, что я скажу, и никаким изменениям в моей внешности.

Пэтч напряженно кивнул, повернулся и ушел. Герсен отправился в главную душевую комнату, где был богатый выбор тонировок для кожи. Он выбрал экзотическую двойную комбинацию — пурпурно-каштановый цвет с зеленоватым оттенком, расчесал волосы на прямой пробор и опустил их на щеки, как было принято у Белых Локонов. У него не было смены одежды, чтобы завершить маскировку, поэтому он одел белый лабораторный халат. Подумав, он решил, что этого мало и добавил еще пару филигранных золотых сережек и золотой наносник, которые забыл в ванной один из самых крутых заводских модников. Теперь он был так разряжен, что не узнал себя, взглянув в зеркало.

Он прошел по коридору к офису Пэтча; секретарша изумленно взглянула на него, но Герсен молча прошел мимо нее в кабинет. Увидев его, Пэтч быстро спрятал оружие, которое рассматривал, встал и важно спросил. — Слушаю вас, сэр. Что вам угодно?

— Меня зовут Говард Уолл, — ответил Герсен.

— Говард Уолл? — Пэтч задумчиво нахмурился. — Я вас знаю? Ваше имя кажется мне знакомым.

— Естественно, — раздраженно заметил Герсен. — Я называл его вам десять минут назад.

— Ох, Герсен, это вы? Ну и ну! — Пэтч откашлялся и уселся на место. — Здорово вы меня провели, но к чему все эти регалии?

— Для Зеумана Отуала. Он меня не знает, и я хочу, чтоб и не узнал.

Лицо Пэтча помрачнело.

— Мне неприятно иметь дела с преступниками, это бросит тень на доброе имя моей фирмы — а это самое дорогое, что у меня есть.

Герсен воздержался от напрашивавшегося ответа. — Не забудьте, — меня зовут Говард Уолл, главный инженер.

— Как вам будет угодно, — с достоинством ответил Пэтч.

Через пять минут секретарша объявила, что пришел Зеуман Отуал. Герсен подошел к двери, открыл ее и Зеуман Отуал быстро вошел в кабинет. У него была поразительная двухцветная, черная и темно-коричневая тонировка лица; длинный крючковатый нос, вытянутая нижняя

челюсть и острый подбородок; он носил высокие заостренные ушные раковины из гагата и перламутра, придававшие чертам лица вид выпирающих костей. Герсен попытался сравнить его с человеком, которого он видел в Скузе. Было ли между ними сходство? Определенно. Отуал был сложен так же, но типы лица резко отличались. Герсен слышал рассказы о пластичной плоти, но здесь было нечто большее, чем набитые щеки или удлиненный нос.

Зеуман Отуал испытующе поглядел на Герсена, а затем на Пэтча, который неуверенно поднялся на ноги и пробормотал. — Знакомьтесь. Говард Уолл, мой главный инженер.

Отуал вежливо кивнул. — Похоже, ваше предприятие расширяется.

— Я был вынужден нанять его, — проворчал Пэтч. — Кто-то же должен был руководить делом, пока меня не было — из-за вас!

Отуал небрежно махнул рукой. — Вам следует забыть об этом инциденте. У моего нанимателя есть свои причуды: его никаким образом нельзя назвать скупым — он лишь хочет получить товар, соответствующий щедрому вознаграждению. Мистер Уолл знает, кого я представляю?

— Безусловно. И он понимает необходимость секретности.

Герсен кивнул, подтверждая слова Пэтча.

Зеуман Отуал слегка пожал плечами. — Очень хорошо, мистер Пэтч. Я согласен с вами. Что теперь?

Пэтч ткнул пальцем в сторону Герсена и заявил с тяжеловесной иронией. — Мистер Уолл понимает природу наших прежних трудностей и имеет несколько новых идей.

Казалось, Отуал не заметил мрачного тона Пэтча.

— Я с удовольствием их выслушаю.

— Сначала я хотел бы выяснить, заинтересовано ли по-прежнему лицо, которое вы представляете, в устройстве, описанном в первоначальном контракте? — поинтересовался Герсен.

Отуал пожал плечами. — Вероятно, да, если наши требования выполнены. Мой хозяин был недоволен неуклюжими движениями первой модели. Ноги двигались скованно и угловато, как ножницы.

— Это была единственная трудность? — уточнил Герсен.

— Безусловно, это была главная трудность. Мы предполагаем, что объект был построен в соответствии с высокими стандартными качествами, свойственными инженерной компании Пэтча.

— Разумеется! — заявил Пэтч.

— Тогда трудностей больше нет, — сказал Герсен. — Мы с мистером Пэтчем сконструировали систему, с помощью которой может быть запрограммировано и исполнено любое мыслимое движение ног.

— Если это действительно так, и если эта система отвечает нашим требованиям и надежности, то это хорошая новость.

— Давайте лучше обсудим вопрос о сумме компенсации, — предложил Герсен. — Я, разумеется, говорю от имени мистера Пэтча. Он хотел бы получить полную сумму по первоначальному контракту плюс стоимость модификации с учетом нормальной прибыли.

Отуал на минуту задумался. — Минус уже выплаченные суммы, конечно. 427 685 севов, если я не ошибаюсь.

Пэтч что-то возмущенно забормотал, брызгая слюной. Отуал брезгливо усмехнулся.

— Ожидаются дополнительные расходы, — сухо добавил Герсен. — На сумму 427 685 севов. Они должны быть включены в общую сумму контракта. Отуал начал протестовать, но Герсен предостерегающе поднял руку. — Мы не собираемся это обсуждать. Мы готовы достроить механизм, но мы настаиваем на оплате согласно нашим условиям. Разумеется, если ваш хозяин пожелает лично провести переговоры, мы будем рады его выслушать.

Отуал холодно рассмеялся: — В этом нет необходимости. Я согласен. Мой хозяин заинтересован в скорейшем исполнении заказа.

— Тем не менее, не в обиду вам будь сказано, мы предпочли бы иметь дело с вашим хозяином во избежание возможных недоразумений.

— Это исключено. Он чрезвычайно занят в другом месте. Но к чему беспокоиться? Я обладаю всеми полномочиями для подписания контракта.

Пэтч беспокойно задвигался; его прерогативы были беззастенчиво узурпированы так называемым партнером, единственный вклад которого в инженерную компанию

Пэтча заключался в выкупе, внесенном на Обменном Пункте.

Герсен пытался одновременно следить за Пэтчем и Отуалом, поскольку от обоих можно было ждать неприятностей. — Хорошо, мы согласны, — сказал он Отуалу. — Сейчас мы ожидаем очередного платежа — примерно на полмиллиона севов.

— Исключено, — отрезал Отуал. — Мой хозяин сейчас вовлечен в предприятие, требующее полной концентрации всех его ресурсов.

Пэтч начал закипать: — Вы мне заплатите, вы...

Герсен торопливо заговорил: — Допустим, что механизм закончен и готов к отправке. Как мы можем быть уверены в том, что получим свои деньги?

— Я даю вам свое слово, — заявил Отуал.

— Ба! — проворчал Пэтч. — Этого мало. Вы уже раз обманули меня, обманете и в другой раз, если представится случай.

Отуал с видом оскорбленной невинности повернулся к Герсену. — Если мы, смешно сказать, не выполним своих обязательств, то вам следует лишь задержать отправку. Это очень просто.

— И что мы по-вашему будем делать с самоходным фортом на тридцати шести ногах? — язвительно осведомился Герсен. — Нет. Мы настаиваем на выплате одной трети немедленно, одной трети — после испытаний и последней трети — после доставки.

— Они должны заплатить простори и убытки, — пробормотал Пэтч. — Десяти тысяч мало. — Я требую, сто... нет, двести тысяч. Мои неудобства, мое похищение...

Пререкания продолжались. Отуал потребовал детально описать новый привод для ног форта; Герсен уклончиво отвечал, тщательно подбирая слова: — Мы использовали гибкие сочленения, строго соответствующие спецификациям. Они приводятся в действие гидравлическим приводом специальной конструкции с электронным управлением, обеспечивающим абсолютную гибкость.

Отуал наконец сдался: — Мы могли бы передать заказ другой фирме — но жаль потерянного времени. Когда вы можете гарантировать доставку? В контракте следует обязательно предусмотреть штраф за срыв сроков.

Вновь разгорелся спор, Пэтч вскочил и перегнулся через стол, потрясая кулаком под носом у Отуала, который брезгливо откинулся в кресле.

Наконец сделка была заключена. Отуал пожелал осмотреть наполовину законченный форт, и Пэтч, ворча, повел его в цех. Герсен шел сзади, изучая фигуру Отуала. Широкие плечи, узкие бедра, легкая уверенная поступь пантеры, — все это очень напоминало Билли Уиндла, но в равной степени это напоминало и великое множество других мускулистых и энергичных людей.

Отуал был удивлен, увидев, что техники уже приступили к работе. Мрачно улыбаясь, он обернулся к Герсену:

— Вы ожидали, что я соглашусь?

— Конечно, — только после того, как выторгуете все, что можно.

Отуал рассмеялся:

— Точная оценка ситуации. Вы умный человек, мистер Уолл. Вы когда-нибудь бывали в Глуши?

— Никогда. Я ортодоксален и не люблю приключений.

— Странно, — задумчиво заметил Зеуман Отуал. — Тех, кто работал в Глуши, окружает некая почти неуловимая атмосфера. Мне казалось, что я ощущаю ее вокруг вас. По-видимому, я ошибся. — Он обернулся к форту. — Ну что же, все выглядит неплохо, осталось только установить наружное покрытие.

— Не могли бы вы удовлетворить наше любопытство и объяснить, какова его конечная цель?

— С удовольствием. Мой хозяин проводит много времени на отдаленной планете, населенной дикарями. Путешествуя по планете, он подвергся грубым оскорблениям. Он хочет безопасности, которую и должен обеспечить форт.

— Так форт, — чисто оборонительное сооружение?

— Разумеется. О моем хозяине распространяют много несправедливых слухов. Лично я нахожу его вполне благоразумным. Он предприимчив, любит риск, порой бывает излишне беззаботен, наделен самым живым воображением из всех ныне живущих людей — но он, безусловно, благоразумен.

Герсен задумчиво кивнул: — Насколько я понимаю, он использует воображение для измышления новых ужасов.

— Страх перед поступком, — нравоучительно заметил Зеуман Отуал, — немного лучше и эффективнее жестокого поступка. Вы так не думаете?

— Возможно, вы правы. Но мне кажется, что человек, настолько одержимый абстрактной идеей ужаса, должен сам страдать от множества необычных страхов.

Отуал выглядел пораженным. — Я не задумывался над этим, — пробормотал он. — Пожалуй, я согласен с вами. Человек, наделенный даром эмпатии, проживает сотни жизней — он чувствует радости, горести, восторги и разочарования и, разумеется, страхи, далеко превосходящие горизонт ощущений обычного человека. Он сильно радуется, сильно горюет, сильно боится, — но ни за что не откажется от этого.

— И чего же он боится больше всего?

— Это не секрет — смерти. Он не боится ничего другого — и уже предпринял ряд экстравагантных шагов, чтобы избежать ее.

— Вы говорите очень уверенно, — заметил Герсен. — Вы хорошо знаете Кокора Хеккуса?

— Не хуже любого. И учтите, я ведь человек с развитым воображением.

— Я тоже! — заявил Пэтч. — Но я не веду свои финансовые дела через Обменный Пункт.

Зеуман Отуал спокойно рассмеялся: — Печальный эпизод, который я предложил бы считать законченным и забыть навсегда.

— Вам легко говорить, — пожаловался Пэтч. — Вас не отрывали на два месяца от вашего дела.

Они вернулись в офис, и Отуал с довольно мрачным видом выписал чек на полмиллиона севов, затем очень грациозно отбыл. Герсен немедленно отвез чек в местное отделение Банка Ригеля, где его проверили и перевели деньги на счет компании Пэтча.

Вернувшись на завод, он обнаружил Пэтча в воинственном настроении. Пэтч предложил Герсену забрать полученный от Отуала аванс и расторгнуть партнерство, но получил решительный отказ. Тогда он начал туманно бормотать о сделках, совершенных под угрозой насилия и угрожать закрыть завод, пока суд не разберется, что к чему. Герсен высмеял его: — Вы не можете закрыть завод. Контрольный пакет акций у меня.

— Я не понимал, что имею дело с мошенниками и бандитами! — взвыл Пэтч. — Я не понимал, что доброе имя компании Пэтча будет замарано навсегда! Монстры! Бандиты! Убийцы! Террористы! Боже мой, во что я впутался?

— В конце концов вы получите свой завод обратно, — утешил его Герсен. — И с немалой прибылью, не забывайте.

— Если меня снова не упекут на Обменный Пункт, — вяло вздохнул Пэтч. — Ничего лучшего я не жду.

Внезапно Герсен пробормотал тихое сдержанное проклятие. Пэтч был изумлен этим первым открытым проявлением эмоций со стороны Герсена. — Что стряслось?

— Я упустил одну вещь, просто позабыл о ней.

— А именно?

— Я мог бы приставить к Зеуману Отуалу шпик-птицу. Или просто проследить за ним.

— К чему беспокоиться? Он остановился в Халькшир-отеле. Позвоните ему, если он вам нужен.

— Ну, конечно. — Герсен подошел к видеофону и позвонил портье Халькшир-отеля. Ему сообщили, что в настоящее время Зеуман Отуал в отеле не проживает, но любое послание для него будет рано или поздно доставлено адресату. Герсен вернулся к Пэтчу. — Подозрительный мошенник. Он бы наверняка провел и шпик-птицу.

Пэтч разглядывал Герсена с новым и напряженным интересом. — Я так и думал с самого начала.

— Что-что?

— Вы — ласка!

Герсен рассмеялся и покачал головой: — Я просто самый обычный Кирт Герсен.

— Как же, — спросил Пэтч с хитрой улыбкой, — вы добудете шпик-птицу, если вы не из полиции или МПКК?

— Это довольно просто, если знаешь нужных людей. Давайте-ка лучше займемся нашим монстром.

На следующий день Зеуман Отуал позвонил по видеофону и сообщил, что покидает планету, но вернется через два месяца и рассчитывает, что к тому времени форт будет готов.

А на следующий день в газетах появились сенсационные новости. В течение одной ночи пять самых богатых семейств Куберленда лишились одного или нескольких

членов. — Вот зачем Зеуман Отуал прилетал на Крокиноль, — сказал Герсен Пэтчу.

Работа над фортом близилась к завершению, что очень радовало Пэтча, но беспокоило Герсена. Зеуман Отуал либо был Кокором Хеккусом, либо нет. И если нет, то как вынудить его раскрыть место пребывание Кокора Хеккуса?

Герсен от души надеялся, что Кокор Хеккус явится собственной персоной, чтобы принять работу. Если же нет... Герсен некоторое время забавлялся идеей устроить в форте секретную капсулу и спрятаться в ней, но потом отбросил ее — форт был слишком мал для этого. Быть может, он сможет сопровождать форт в качестве инструктора или эксперта? Но если форт действительно доставят на Фамбер, то Герсен рискует остаток жизни провести в ссылке или в рабстве.

Затем ему пришла в голову совершенно другая идея, и он потратил несколько дней, претворяя ее в жизнь. Управляющие импульсы от контрольного механизма форта проходили по электронному "спинному мозгу", ответвляясь в каждом сегменте. В месте соединения этого "спинного мозга" с головой Герсен установил выключатель, связанный с ячейками, установленными по обе стороны головы. Если газ в этих ячейках ионизировать — например, выстрелом из маломощного лучемета, то через ячейки потечет ток, выключатель сработает и форт станет неподвижным минут на десять.

Тем временем продолжалась установка внешней обшивки. Двигатели и привод были проверены и отрегулированы; действие ног испытано при различных аллюрах и, наконец, форт был готов.

На рассвете он был закрыт брезентом, выведен на улицу, погружен в грузовой вертолет и доставлен в безлюдную местность на юге для полевых испытаний. Пэтч гордо восседал за пультом управления. Форт плавно двигался через канавы и кустарник, уверенно поднимался на холмы. Несколько мелких неполадок было замечено и устранено. За несколько минут до полудня форт перевалил низкий скалистый гребень и на полном ходу вломился в лагерь Ассоциации Любителей Естественной Жизни. Сотня любителей природы подняли глаза от своей полуденной трапезы, одновременно завопили от ужаса и с визгом бросились врассыпную.

— Еще один успех, — заметил Герсен. — Мы теперь можем с чистой совестью гарантировать способность форта наводить на людей ужас.

Пэтч остановил форт, развернул его и вновь перевалил через хребет. В сумерках его вновь закутали в брезент и доставили обратно на завод.

Зеуман Отуал позвонил на следующий день, словно обладал даром ясновидения. Пэтч заверил его, что все в полном порядке и что он может хоть завтра лично испытать форт. Отуал согласился, и форт вновь был закутан в брезент, выведен на улицу и доставлен в заброшенные земли за Хрустальными Иглами. Отуал прилетел следом на небольшом неброском аэрокаре.

Герсен, в коричневатой двухцветной раскраске и золотых побрякушках, сел за пульт управления и форт вновь плавно взбегал на холмы и спускался в лощины.

Оружие, согласно условиям контракта, не устанавливалось; однако "газовые мешки" и "пахучие железы" форта были заряжены дымовыми шашками и подкрашенной водой, и они продемонстрировали способность распылять, выпускать газ и опрыскивать точно и аккуратно. Отуал сошел на землю, постоял, наблюдая, как форт движется туда-сюда, затем снова забрался в кабину и сел за пульт управления. Говорил он очень мало, но весь его вид выражал удовлетворение. Пэтч, тоже молчаливый сегодня, явно поздравлял себя с тем, что это дурно пахнущее приключение, похоже, подходит к концу.

На закате, когда форт был доставлен обратно в Патрис, Герсен, Пэтч и Отуал собрались в офисе Пэтча. Отуал, глубоко задумавшись, прохаживался туда и обратно.

— Форт вроде бы функционирует неплохо, — заявил он наконец, — но, честно говоря, я считаю цену несколько завышенной. Я порекомендую своему хозяину осмотреть механизм лишь в том случае, если цена будет снижена до разумной и приемлемой цифры.

Пэтч побагровел и откинулся в кресле. — Что? — взревел он. — И вы осмеливаетесь стоять здесь и такое говорить? После всех наших хлопот, после всего, что нам пришлось пережить, пока мы делали эту проклятую штуковину?

Зеуман Отуал холодно взглянул на Пэтча: — Криком делу не поможешь. Я уже объяснил...

— Мы отвечаем — нет! Вон отсюда! И не возвращайтесь, пока не отдадите все, что вы нам должны — все до последней монетки! — Пэтч двинулся вперед. — Убирайтесь вон или я вышвырну вас отсюда! Ничто не доставит мне большего удовольствия... — он схватил Отуала за плечо и стал подталкивать к двери. Отуал легко освободился от захвата и рассеянно улыбнулся Герсену, как будто забавляясь с яростно нападающим на него котенком. Пэтч вновь схватил его. Отуал сделал легкое движение и Пэтч перелетел через всю комнату, ударился головой о свой письменный стол и рухнул на пол.

Отуал повернулся к Герсену: — Может, вы тоже хотите попробовать?

Герсен покачал головой. — Я хочу только строго исполнить контракт. Пригласите своего хозяина для окончательной проверки, затем, если он будет доволен, примите товар. Ни при каких обстоятельствах цена не будет снижена; более того, мы начнем начислять проценты за просроченные платежи.

Отуал рассмеялся и взглянул на Пэтча, который с трудом приподнялся и сел.

— У вас довольно выгодное положение. При подобных обстоятельствах я поступал бы так же. Очень хорошо. Я вынужден согласиться. Когда вы можете обеспечить доставку?

— Согласно условиям контракта, мы должны запаковать форт в пенопласт, загрузить в контейнер и доставить в космопорт. Это займет три дня — после окончательной приемки и расчета.

Зеуман Отуал кивнул: — Очень хорошо. Я попробую связаться с хозяином, после чего я пришлю вам письменное подтверждение.

— Я полагаю, что теперь пришло время второго платежа, — заметил Герсен. Пэтч тер руками голову, с ненавистью глядя на Отуала.

— К чему беспокоиться? — беззаботно бросил Отуал. — Давайте отложим эти утомительные финансовые дела.

Герсен выразил решительное несогласие: — К чему подписывать контракт, если вы не собираетесь выполнять его?

Пэтч поднялся на ноги и с целенаправленным видом двинулся вокруг стола. Герсен быстро шагнул назад и вы-

тащил лучемет из полуоткрытого ящика стола. Отуал пренебрежительно рассмеялся. — Вы только что спасли ему жизнь.

— Я спас ваш второй платеж, — ответил Герсен, — поскольку мне тогда бы пришлось убить вас.

— Ладно, ладно. Давайте не будем говорить о смерти; несуществование — слишком ужасная тема. Вы хотите получить ваши деньги. Удивительно утомительные люди. Еще полмиллиона, я полагаю?

— Именно. И последний платеж на сумму 681 490 севов завершит ваши расчеты с Инженерной компанией Пэтча.

Отуал медленно прошелся по кабинету. — Мне придется сделать некоторые приготовления... Три дня на упаковку, вы говорили?

— Это разумный срок.

— Это слишком долго. Мы можем все упростить. Накройте форт брезентом и в полночь выведите его на улицу. Там его подцепит вертолет и доставит к нашему грузовому космолету.

— Тут есть одна трудность, — заметил Герсен. — В полночь банки будут закрыты, и некому будет подтвердить ваш чек.

— Я привезу деньги наличными, второй и третий платежи вместе.

Строго говоря, Герсену было наплевать на деньги; но вдруг ему показалось очень важным не допустить, чтобы Пэтча второй раз обвели вокруг пальца. Он заставил себя рассмотреть ситуацию в более широкой перспективе и осторожно спросил. — А что скажет ваш хозяин?

Зеуман Отуал нетерпеливо взмахнул рукой. — Я беру всю ответственность на себя. Он занят в другом месте и предоставил мне необходимые полномочия. Ну, что вы скажете?

Герсен горько улыбнулся. Был ли этот человек с ястребиным лицом Кокором Хеккусом или не был? Иногда Герсену казалось, что, безусловно, был, в следующую минуту он был так же твердо уверен в обратном. Герсен решил потянуть время.

— Сначала решим еще один вопрос — о техническом обслуживании. Вы ожидаете, что мы предоставим вам эксперта?

— Если нам понадобится эксперт, мы вам сообщим. Но у нас есть свой собственный технический персонал, кото-

рый, собственно, и разработал эту конструкцию. Я не думаю, что эксперт нам понадобится.

Пэтч с трудом приподнялся в кресле. — Убирайтесь вон! — прохрипел он. — Оба убирайтесь вон! Убийцы, бандиты! И вы, Уолл, или Герсен, или как вас там еще! Я не знаю, какую игру вы ведете, но убирайтесь отсюда!

Герсен мельком взглянул на него и равнодушно отвернулся. Зеуман Отуал выглядел довольным. Герсен предложил. — Если вы хотите забрать форт в полночь, внесите заранее в банк полную сумму. Мы не желаем возиться с наличными, проверять их фальшметром и таскать с собой до открытия банков. Вы и ваш хозяин, разумеется, исключительно порядочные и благородные люди, но ведь в мире существует много других мошенников. Как только банк подтвердит получение денег, можете забирать форт.

Зеуман Отуал мрачно взглянул на него и резко сказал. — Пусть будет так, как вы хотите. — Он бросил быстрый, как бросок змеи, взгляд на часы. — Время еще есть. В каком банке у вас счет?

— В банке Ригеля, главное отделение в Старом Городе.

— Через полчаса вы можете навести справки. В полночь я заберу форт.

Герсен повернулся к Пэтчу, с некоторым опозданием вспомнив о своей роли служащего. — Одобряете ли вы эту договоренность, мистер Пэтч?

Пэтч проворчал нечто нечленораздельное, но Герсен и Отуал предпочли счесть это согласием. Зеуман Отуал откланялся и отбыл. Герсен повернулся и взглянул на Пэтча, Пэтч с ненавистью уставился на Герсена. Герсен подавил желание поджарить его на медленном огне и уселся в кресло. — Мы должны обсудить наши планы на будущее.

— Какие еще планы? Как только деньги окажутся в банке, я намерен выкупить вашу долю в компании Пэтча. Я готов истратить все до последнего цента, чтобы избавиться от вас.

— Вы удивительно неблагодарны, — заметил Герсен. — Если бы не я, вы бы еще сидели на Обменном Пункте.

Пэтч горестно кивнул: — Вы внесли за меня выкуп ради своих собственных целей. Я не имею ни малейшего представления, в чем они состоят, но твердо знаю одно — со мной они не имеют ничего общего. Как только деньги будут в банке, я выкуплю вашу долю; я заплачу любую

дополнительную сумму — в пределах разумного — и распрощаюсь с вами с величайшим облегчением.

— Дело ваше, — сказал Герсен. — Я не намерен оставаться там, где меня не хотят видеть. Что касается дополнительного вознаграждения — округлите сумму до полумиллиона севов.

Пэтч важно надул щеки. — Это будет исключительно удовлетворительно. Через полчаса Пэтч позвонил в местное отделение банка Ригеля, вставил свою кредитную карточку в приемную щель видеофона и получил подтверждение перевода 1 181 490 севов на его текущий счет.

— В таком случае, — распорядился Пэтч, — пожалуйста, откройте счет на имя Кирта Герсена и переведите на него полмиллиона севов.

Перевод был оформлен и подтвержден подписями и отпечатками пальцев Пэтча и Герсена. Когда все было завершено, Пэтч повернулся к Герсену и предложил: — Дайте мне теперь расписку и уничтожьте договор о партнерстве.

Герсен так и сделал. — А теперь, — заявил Пэтч, — будьте так добры, уходите отсюда и больше не возвращайтесь.

— Как вам будет благоугодно, — вежливо ответил Герсен. — Сотрудничество с вами было исключительно полезным. Я желаю вам и вашей компании всяческого процветания и хочу дать вам последний совет: после доставки форта постарайтесь снова не попасться похитителям.

— На этот счет не беспокойтесь. — Пэтч оскалил зубы в волчьей усмешке. — Я не зря называюсь инженером и изобретателем. Я сконструировал защитную систему, которая вышибет дух из любого, кто дотронется до меня! Пусть похитители поберегутся!

ГЛАВА VIII

Любимая поговорка Раффлзов, взломщиков-любителей, звучит так:

Деньгу потерял — ничего не терял.
Честь потерял — кое-что потерял.
Кураж потерял — все потерял.

Ночь на планетах Скопления Ригеля редко была по-настоящему темной. Для миров, занимающих подходящее положение на орбите, Голубой Компаньон сиял как маленькая яркая луна; для всех миров ночное небо освещали несколько других планет Скопления.

На Крокиноле Голубой Компаньон был виден лишь как вечерняя звезда. Такое положение должно было продолжаться еще около сотни лет, благодаря гигантской протяженности орбит в Скоплении и соответственно огромным периодом обращения. Так, период обращения Крокиноля составлял 1642 года.

Полночь на Крокиноле была не темнее и не светлее, чем на любой другой планете Скопления. Патрис не многое мог предложить по части ночной жизни, да и эти скромные ночные развлечения были сосредоточены в прибрежных ресторанах Нового Города. Старый Город был погружен во мрак и речной туман, в котором выделялся единственный освещенный островок — завод Пэтча.

За полчаса до полуночи Герсен тихо прошел по пустынным улицам. Голубой Компаньон давно зашел; уличное освещение состояло из размещенных с большими интервалами тускло светящихся шаров, окруженных из-за тумана золотистыми гало. Воздух был насыщен запахами мокрого кирпича, прибрежных доков, грязевых равнин дельты реки. Эта своеобразная смесь была характерной и уникальной чертой Старого Города. Напротив завода Пэтча высился ряд зданий с высокими фронтонами и глубоко врезанными затененными арками. Перебегая из одного темного подъезда в другой, Герсен подобрался к освещенным воротам цеха Б настолько близко, насколько счел возможным и благоразумным, прислонился спиной к сырым кирпичам, ослабил застежки и ремни, поддерживающие его оружие, и приготовился ждать. Он был одет в черное, подкрасил лицо в черный цвет и надел темные очки, чтобы скрыть блеск глаз, и теперь полностью слился с ночным мраком.

Время шло. Через открытые ворота цеха был виден передний конец форта, укрытый брезентом, да время от времени пробегал один из техников. Однажды появилась массивная фигура Пэтча, который подошел к воротам и озабоченно взглянул на небо.

Герсен взглянул на часы: без пяти двенадцать. Он достал и одел инфракрасные очки, и улица немедленно показалась ему ярко освещенной, хотя и окрашенной в нереальные тона. Распределение светотени тоже было частично искаженным — яркий свет, падавший из открытых дверей цеха, был скомпенсирован управляемым фильтром и казался темным пятном. Герсен поглядел на небо, но ничего не увидел.

За минуту до полуночи Пэтч опять вышел на улицу. На поясе у него вызывающе висели два тяжелых лучемета, на шее — микрофон, явно хорошо подготовился. Подозрительно глянув на небо, Пэтч вернулся в здание. Минута прошла. Издалека, от Мерлисаны, колоссальной статуи женщины, стоящей по колено в море, донесся гнетущий протяжный гудок, отмечавший полночь. Высоко в небе послышался шум грузового вертолета. Он снизился и завис над улицей. Герсен прищурился и нерешительно поднял гранатомет. Вертолетом, разумеется, управляли сообщники Кокора Хеккуса. Если их прикончить, Галактика только выиграет... Но где сам Кокор Хеккус? Герсен вновь проклял неопределенность, не дававшую ему спустить курок. Появился маленький аэрокар. Он описал вираж и опустился прямо на улицу метрах в тридцати от Герсена. Герсен отступил дальше в тень и сдвинул на лоб инфракрасные очки — теперь они ему только мешали.

Из аэрокара вышли два человека. Герсен застонал от разочарования — ни один из них не был Зеуманом Отуалом, ни один не мог быть Кокором Хеккусом. Оба были невысокие, плотные, темнокожие. Оба были одеты в облегающие темные костюмы с капюшонами. Они быстро подошли к воротам, заглянули внутрь, и один из них сделал нетерпеливый жест рукой. Герсен опустил инфраочки и взглянул на грузовой вертолет. Тот по-прежнему висел над улицей. Герсен поднял инфраочки и вновь перенес внимание на людей, вышедших из аэрокара. Из ворот цеха, неубедительно напуская на себя воинственный вид, вышел Пэтч. Он остановился и заговорил. Двое вновь прибывших коротко кивнули, и один из них бросил несколько слов в микрофон.

Пэтч повернулся и махнул рукой, окутанный брезентом форт вышел на улицу. Вертолет опустился и завис над

ним. Герсен внимательно наблюдал за происходящим, и в нем росла уверенность в том, что цепь событий, начавшихся на эспланаде Авенты, готова вот-вот оборваться.

Пэтч шагнул назад в цех, держа обе руки на рукоятках лучеметов. Люди в черном не обращали на него никакого внимания. Они взобрались на форт и начали прикреплять к болтам вдоль спинного гребня форта десяток тросов, сброшенных с вертолета. Затем они спрыгнули на землю, и один из них махнул рукой. Тросы натянулись, форт поднялся и исчез в темноте. Люди в черном быстро направились к аэрокару, даже не оглянувшись на Пэтча, который, напыжившись, стоял в дверях и неприязненно глядел им вслед. Аэрокар взлетел и скрылся в темноте.

Двери цеха Б закрылись, и на улице вновь стало темно и пусто. Герсен немного расслабился. Он чувствовал себя проигравшим. Почему он хотя бы не сбил вертолет с фортом? Кокор Хеккус вполне мог быть на борту. А даже если и нет, то уничтожение форта разъярило бы его и вынудило к каким-нибудь ответным действиям.

Герсен очень хорошо знал, почему он не уничтожил форт. Его палец на спусковом крючке был скован нерешительностью. Он жаждал открытой схватки. Кокор Хеккус обязательно должен был узнать, кто его убил и почему. Просто подстрелить его из засады было бы хорошо, но мало.

Где и когда может представиться следующая возможность? Пожалуй, стоит заняться Зеуманом Отуалом. Герсен шагнул на улицу. Три темных фигуры изумленно шарахнулись от него. Кто-то хрипло вскрикнул приказ, и в глаза Герсену ударил яркий луч света, на мгновение совершенно ослепив его. Он на ощупь потянулся к оружию. Одна из фигур скользнула к нему, и резкий удар отбросил его руку. Другой человек взмахнул длинным гибким кабелем, который, как живой, обвил Герсена, приковав его руки к туловищу. Второй отрезок кабеля охватил его ноги. Герсен покачнулся и упал. Кто-то пинком отбросил в сторону его гранатомет и, нагнувшись, вытащил его лучемет и нож. Человек с фонарем подошел ближе и направил свет на лицо Герсена. Он хмыкнул... — Неплохо. Этот парень — тот партнер, у которого деньги. Это был холодный спокойный голос Зеумана Отуала. Герсен возразил: — Вы ошибаетесь. Пэтч выкупил мою долю акций.

— Чудесно... Значит у вас есть деньги. Обыщите его как можно тщательнее. Он может оказаться опасным.

Ловкие руки тщательно ощупали Герсена, обнаружили и вытащили его метательный нож, газовый баллончик с анодином, несколько других устройств, которые явно озадачили нападавших. Один из них сказал с почтительным удивлением: — Этот парень — просто ходячий арсенал. Я бы не хотел столкнуться с ним один на один.

— Да, — задумчиво заметил Отуал. — Странный набор инструментов для инженера. Странный тип... Впрочем, это не важно. Вселенная полна странных типов. Теперь он — наш гость, и незачем дожидаться Пэтча.

Рядом с ними приземлился аэрокар. Герсена запихнули в грузовой отсек и аэрокар взмыл вверх.

Через некоторое время Зеуман Отуал заглянул в грузовой отсек. — Вы странный человек, мистер Уолл. Вы были оснащены таким количеством оружия, что можно было подумать, что вы умеете с ним обращаться; вы укрылись так тихо и терпеливо, что мы, тоже тихие и терпеливые люди, даже не подозревали, о вашем присутствии, а потом, даже не оглядевшись, вы вдруг вышли на середину улицы.

— Это был глупый шаг, — согласился Герсен.

— Глупостью было ваше партнерство с Пэтчем. — Вам должно было быть ясно с самого начала, что этот надутый умник никогда не получит от нас ни гроша. Однажды мы обчистили его через Обменный Пункт. Теперь ваша очередь. Если вы согласны вернуть нам 1 681 490 севов немедленно, то мы тут же покончим с этим делом. Если же вы не заплатите — боюсь, вам придется совершить космическое путешествие.

— У меня нет такой суммы денег, — запротестовал Герсен. — Позвольте мне объяснить некоторые обстоятельства.

— У меня нет времени спорить с вами, — мне нужно далеко лететь и много сделать. Если у вас нет денег, все пойдет обычным путем.

— Обменный Пункт? — спросил Герсен, неприветливо улыбнувшись.

— Именно. Я желаю вам удачи, мистер Уолл, каково бы ни было ваше настоящее имя. Было очень приятно иметь с вами дело.

Зеуман Отуал вышел, и больше Герсен его не видел. Герсена перевели на космолет, где он оказался в компании трех детей, двух молодых девушек, трех женщин постарше и одного мужчины средних лет. Очевидно, это были люди из состоятельных семей Крокиноля, похищенные ради выкупа. Время шло. Герсен несколько раз ел и спал. Наконец корабль замер. Последовало привычное, но раздражающее ожидание выравнивания давления внутри корабля, затем пассажиров вывели на почву Сасани, затолкали в автобус и повезли через пустыню в Обменный Пункт.

Там их собрали в маленькой аудитории, и один из служащих провел брифинг.

— Леди и джентльмены, мы рады приветствовать вас и надеемся, что во время вашего пребывания у нас вы постараетесь расслабиться, отдохнуть и наслаждаться жизнью. Наши возможности не уступают первоклассному санаторию, и мы в определенной степени поощряем общение между гостями — в рамках общепринятых приличий. Мы всячески поощряем различные хобби — плавание, шахматы, теннис, музицирование и хроматил. У нас нет возможности для альпинизма, планерного спорта, марафонского бега или исследования пустынь Сасани. Мы предлагаем шесть классов обслуживания, от сверхроскошного класса АА до стандартного Е, не слишком шикарного, но, безусловно, комфортабельного. Существует восемь разновидностей меню, соответствующих основным гастрономическим вкусам народов Ойкумены. Для лиц, привыкших к более экзотическим блюдам, возможно специальное обслуживание за дополнительную оплату. Мы льстим себя надеждой, что все наши гости могут питаться если не с наслаждением, то с аппетитом.

Наши правила несколько строже, чем на обычном курорте, и я должен предупредить вас, что любые прогулки по пустыне могут принести только неприятности. Во-первых, там полно хищных насекомых; во-вторых, там нет ни еды, ни воды. В-третьих, туземцы, которые по ночам вылезают из своих берлог, являются людоедами. В-четвертых, мы считаем своим долгом охранять интересы клиентов, и чрезмерно предприимчивый индивидуум вскоре оказывается лишенным всех привилегий.

Сейчас я раздам вам бланки. Пожалуйста, укажите желательный класс обслуживания и меню. Внимательно прочтите список наших правил. Вы обнаружите, что обслуживающий персонал неизменно вежлив, но соблюдает определенную дистанцию. Им хорошо платят, так что не пытайтесь совать им чаевые. Мы с подозрением относимся к подобным поступкам и проводим тщательное расследование их мотивов.

Завтра вам будет предоставлена возможность связаться с лицами, которые могут аннулировать ваш взнос. Вот все, что я хотел сообщить. Благодарю за внимание.

Герсен внимательно ознакомился с бланком и выбрал класс Б, который одновременно с доступом ко всем развлечениям гарантировал ему определенное уединение. Ему случалось есть пищу почти всех народов Ойкумены — даже санддекеров, мрачно подумал он, вспомнив торговца с Ард-стрит, и он не был чрезмерно разборчив. Он выбрал "классическое меню" — меню Альфанора, Новой Земли и доброй трети населения Ойкумены.

Он прочитал "правила поведения" и не обнаружил ничего особенно интересного, кроме пункта 19: "Лица, проживающие в Обменном Пункте и по истечении первичного периода перешедшие в "доступную" категорию, в первой половине дня должны оставаться в своих номерах, чтобы незаинтересованные посетители могли ознакомиться с ними".

Спустя некоторое время Герсена отвели в его номер, который оказался достаточно комфортабельным. В гостиной стоял письменный стол, несколько кресел, журнальный столик, полка с журналами. Стены были цвета мальвы с оранжевыми пятнами, потолок красновато-коричневый. Ванная комната содержала набор стандартных удобств. Кровать была узкая и довольно жесткая, инфрарадиатор свисал с потолка, как в старомодной сельской гостинице.

Герсен принял ванну, переоделся в чистую одежду, которую нашел в шкафу, улегся на кровать и стал обдумывать планы на будущее. Во-первых, было необходимо избавиться от депрессии и самобичевания, которые были его постоянным состоянием с того момента, когда фонарик Зеумана Отуала вспыхнул ему в лицо. Он чересчур долго

считал себя неуязвимым, защищенным самой судьбой исключительно из-за возвышенности его устремлений. Вероятно, это было единственным его суеверным убеждением — считать, что пятеро негодяев, уничтоживших Маунт-Плезант, неизбежно один за другим падут от его руки. Одержимость этой идеей помешала ему совершить простейший поступок, диктуемый здравым смыслом — убить Зеумана Отуала, и теперь он расплачивался за это. Он должен пересмотреть свой взгляд на вещи. Он был самодовольным, негибким, дидактичным. Он вел себя так, будто успех его миссии был предопределен свыше, будто он наделен сверхъестественными силами. Все это, с горечью признал Герсен, было глубоким заблуждением. Зеуман Отуал захватил его до смешного легко. Это далось ему так дешево, что он даже не удосужился допросить Герсена, а просто сунул его в мешок с остальной добычей. Самолюбие Герсена было жестоко уязвлено. Раньше он даже не представлял себе, насколько он тщеславен. Ну что ж, сказал себе Герсен, если абсолютная изобретательность и абсолютная неукротимость действительно являются базисными элементами его натуры, настало время доказать это на деле.

Значительно успокоившись, Герсен принялся оценивать свое нынешнее положение. Завтра он может, если захочет, известить Пэтча о своем похищении. Но проку от этого не будет никакого. У самого Герсена были полмиллиона севов, выплаченные ему Пэтчем и, может быть, семьдесят-восемьдесят тысяч, оставшихся ему от деда. Назначенный за него выкуп был на миллион севов больше. Столько ему ни за что не собрать.

Если бы удалось убедить Кокора Хеккуса или Зеумана Отуала, что они с Пэтчем разделились, они могли бы попробовать снова похитить Пэтча и снизить выкуп Герсена до полумиллиона, который он получил за свой пай в компании. Но Пэтч достаточно умен, чтобы сейчас оказаться вне пределов досягаемости похитителей. Герсен может застрять на Обменном Пункте на месяцы, если не на годы. Постепенно расходы Обменного Пункта начнут съедать прибыль спонсора. Тогда выкуп будет уменьшен. Как только он достигнет полумиллиона, Герсен сможет выкупить себя. Разумеется, независимый покупатель может выкупить его раньше, но это было весьма маловероятно. Так

что фактически Герсен должен был оставаться заключенным Обменного Пункта в течение неопределенного срока.

Попытаться бежать? Герсен никогда не слыхал об удачных побегах с Обменного Пункта. Даже если человеку удастся обмануть бдительность стражей и хитроумную систему контрольных лучей и электронных устройств, куда ему бежать? Пустыня была смертельно опасна днем и особенно ночью. Батареи автоматических пушек делали весь район недоступным для космических кораблей. Было всего два пути на свободу — смерть или выкуп. Неожиданно Герсен вспомнил Алюз Ифигению Эперже-Токай, девушку с Фамбера. Ее выкуп составлял фантастическую сумму — десять миллиардов севов. Интересно, насколько близок Кокор Хеккус к тому, чтобы собрать ее? Как было бы здорово выкупить Ифигению прямо из-под носа у Кокора Хеккуса! Безнадежная мечта — ведь он не может внести даже свой сравнительно скромный выкуп.

Прозвучал гонг, возвещающий начало ужина. Герсен прошел в столовую по коридору с голыми стенами и потолком из переплетенных стеклянных лент. Такие потолки были характерной чертой коридоров и переходов Обменного Пункта. Столовая была просторной комнатой с высоким потолком и серыми стенами. Гости сидели за небольшими индивидуальными столиками, еду им подавали с тележек, разъезжавших туда-сюда. В столовой отчетливо ощущалась тюремная атмосфера, более или менее незаметная в других помещениях. Герсен не мог точно определить ее источник и, подумав, решил, что это ощущение вызывается изоляцией гостей, отсутствием общения между людьми, сидящими за соседними столиками. Еда была синтетической, не слишком приятной на вид, не очень хорошо приготовленной и довольно скудной. Даже Герсен, который не был очень разборчив в пище, счел ее неаппетитной. Если таким было обслуживание по классу Б, подумал он, то что же подают в классе Е? Вероятно, почти то же самое.

После обеда наступил так называемый "час общения", который проходил в огромном зале с прозрачным куполом, позволявшим любоваться пыльной ночью Сасани. Все гости Обменного Пункта вечером собирались здесь, побуждаемые скукой и любопытством: кто прибыл, кто отбыл? Герсен подписал чек, взял в центральном киоске бумажный

контейнер с пивом и уселся на скамью. В зале было около двухсот человек, старых и молодых, со всех концов Ойкумены. Некоторые из них играли в шахматы, некоторые прогуливались, остальные, подобно Герсену, сидели на скамьях и пили. Большого оживления не было, почти у всех на лицах было одинаковое выражение отвращения к Обменному Пункту и всему, с ним связанному, включая других гостей. Даже дети, казалось, были заражены этой общей тоской, хотя и проявляли большую склонность собираться группами. Среди присутствующих было около двадцати молодых женщин, которые выглядели еще более одинокими, недовольными и обиженными, чем остальные. Герсен с интересом рассматривал их, гадая, которая из них Ифигения. Если Кокор Хеккус так отчаянно жаждал обладать ею, она должна быть необычайно прекрасна. Но ни одна из присутствующих девушек, на взгляд Герсена, не отвечала этим требованиям. Невдалеке высокая девушка с ослепительно рыжими волосами задумчиво разглядывала свои длинные пальцы, каждый сустав которых был охвачен металлической лентой, что ясно указывало на ее принадлежность к Эгимандам с Копуса. Чуть подальше, лениво прихлебывая вино, сидела невысокая темнокожая девушка. Она казалась веселой и привлекательной, но была явно не из тех, кто оценит себя в десять миллиардов севов. Там были и другие девушки, но все они казались либо слишком молодыми, либо слишком старыми, или же не достаточно привлекательными — как молодая женщина, сидевшая на другом конце скамьи, на которой устроился Герсен. У нее была бледная кожа, цветом напоминавшая слоновую кость, чистые серые глаза, правильные черты лица и золотистые волосы. Короче говоря, она отнюдь не была непривлекательна, но вряд ли стоила десять миллиардов. Герсен не стал бы вновь рассматривать ее, если бы не надменный поворот ее головы и холодный решительный блеск глаз... В комнату, не глядя ни направо, ни налево, вошел служащий, с которым Герсен имел дело во время предыдущего визита. Как бишь его звали? Ах, да, Арманд Кошиль. И Герсену стало еще грустнее, чем раньше. Час общения заканчивался, и гости стали расходиться по своим комнатам, номерам и апартаментам.

Утренний завтрак — чай, сдобные булочки и компот — подали прямо в номер. Потом Герсена вызвали в центральное административное здание. Там он обнаружил еще несколько человек, вместе с которыми он прибыл на Обменный Пункт. Когда назвали его имя, он прошел в офис, где измученный клерк механически кивнул ему и отбарабанил стандартный текст:

— Мистер Уолл, садитесь, если хотите. С Вашей точки зрения, Ваше присутствие здесь — несчастье. С нашей точки зрения — Вы гость, к которому нужно относиться с заботой и уважением. Мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы улучшить мнение общества о нас и прилагаем к этому все усилия. Вашим спонсором является Кокор Хеккус. Он требует 1 681 489 севов, и я предлагаю Вам внести эту сумму.

— Я бы очень хотел, — ответил Герсен, — но это совершенно нереальное требование.

Клерк кивнул: — Многие из наших гостей находят назначенные суммы чрезмерными. Как Вы знаете, мы не контролируем размер взноса; мы можем лишь призывать спонсора к умеренности, а гостя — к сотрудничеству. Итак, можете ли Вы выплатить эту сумму?

— Нет.

— А Ваша семья?

— Не существует.

— Друзья?

— У меня нет друзей.

— Деловые партнеры?

— Нету.

Клерк вздохнул: — Тогда Вам придется оставаться тут, пока не произойдет одно из следующих событий. Спонсор может уменьшить свои требования до приемлемой суммы. Через пятнадцать дней после извещения Ваших друзей или знакомых Вы переходите в "доступный" статус, и Ваш взнос может быть аннулирован любым желающим, после чего Вы поступите в его распоряжение. Через некоторое время, если счета за стол и проживание не будут регулярно оплачиваться, мы будем вынуждены предложить Вас одному из незаинтересованных посетителей, чтобы покрыть наши расходы. Итак, что Вы решили?

— Я не могу уплатить эту сумму. Мне некого извещать.

— Мы сообщим это Вашему спонсору. Вы не могли бы назвать сумму, которую готовы заплатить?

— Около полумиллиона, — нерешительно ответил Герсен.

— Я сообщу это спонсору. Тем временем, мистер Уолл, я надеюсь, что Вы найдете пребывание здесь не слишком неприятным.

— Благодарю вас.

Герсен вернулся к себе в номер, а затем отправился на ленч в столовую.

В течение дня ему были доступны все разновидности отдыха, имеющиеся на Обменном Пункте. Тут были небольшие спортзалы, мастерские, комнаты для игр. Он мог заняться гимнастикой в спортзале или поплавать в бассейне. Мог оставаться у себя в номере. Посещать чужие номера категорически запрещалось.

Прошло несколько дней. Герсен чувствовал растущее напряжение и жажду активной деятельности. Однако единственным способом разрядки был гимнастический зал. Он вновь обдумал возможность побега. Но это казалось немыслимым, не было ни малейшей зацепки.

На третий день во время часа общения Герсен, возвращаясь от киоска с пивом, лицом к лицу столкнулся с Армандом Кошилем. Кошиль пробормотал извинения и шагнул в сторону, затем повернулся и удивленно воззрелся на Герсена. Герсен принужденно улыбнулся. — Условия несколько изменились после нашей последней встречи.

— Да, я вижу, — согласился Кошиль. — Я хорошо вас помню. Вы мистер Гассун? Или Гриссон?

— Уолл, Говард Уолл, — сказал Герсен.

— Да-да, конечно, мистер Уолл. — Кошиль изумленно покачал головой. — Судьба порой выделывает странные штуки. Но простите, мне пора идти. Нам не разрешают болтать с гостями.

— Скажите мне только еще одну вещь. Насколько близок Кокор Хеккус к тому, чтобы собрать десять миллиардов?

— Он делает большие успехи, насколько я знаю. Мы все здесь очень заинтересованы — это самая крупная сумма за всю историю Обменного Пункта.

Герсен ощутил прилив иррациональной злобы — или зависти?

— Эта женщина выходит в общий зал?

— Я видел ее здесь несколько раз. — Кошиль делал ощутимые попытки ускользнуть.

— Как она выглядит?

Кошиль нахмурил брови и оглянулся через плечо.

— Это совсем не то, чего вы ожидаете. Она не принадлежит к типу хорошеньких умниц, если вы понимаете, что я имею в виду. Пожалуйста, извините, мистер Уолл, но я должен идти — или меня накажут.

Герсен присел на свою обычную скамью, чувствуя новый прилив неудовлетворенности. Эта неизвестная женщина по всем законам логики не должна была ничего для него значить... Однако на деле все было иначе. Герсена удивляли собственные чувства и их причина. Как и почему это его затронуло? Потому что Алюз Ифигения оценила себя в десять миллиардов севов? Или потому, что Кокор Хеккус, с его чудовищным эгоизмом и надменностью, был близок к тому, чтобы овладеть ею? Эта мысль вызвала у него странную ярость. Из-за ее предполагаемого места рождения — мифической планеты Фамбер? Потому, что она возбуждала его, казалось, тщательно подавленный романтизм? Какова бы ни была причина, Герсен вновь тщательно оглядел зал в поисках прекрасной девушки, которая могла бы быть Ифигенией с Фамбера. Ни маленькая темнокожая девушка, ни огненно-рыжая девица с Копуса определенно не могли быть ею. Девушки с золотистыми волосами и надменными манерами не было видно, но и она вряд ли подходила. Хотя, подумал Герсен, ее глаза были серыми и лучистыми, а фигура безупречной — хрупкой, деликатной и в то же время идеально пропорциональной. Прозвучал гонг. Герсен вернулся в свою комнату, ощущая разочарованность и беспокойство.

Прошел следующий день. Герсен нетерпеливо дожидался часа общения. Он наконец наступил. В зале появилась еще одна женщина. У нее была пышная, но изящная фигура, длинные красивые ноги, удлиненное патрицианское лицо и ошеломляющий овал сложно зачесанных ярко-белых волос. Герсен внимательно оглядел ее. Нет, решил он с облегчением, она не может быть Ифигенией с Фамбера.

В ней слишком много утонченно-искусственного. Такая женщина вполне могла бы оценить себя в десять миллиардов севов, и Герсену почти хотелось, чтобы Кокор Хеккус заплатил их и завладел ею. Девушка со светло-золотистыми волосами не появлялась. Герсен вернулся в свою комнату с отвращением. Пока он сидит тут взаперти, Кокор Хеккус успешно приближается к своей цели. Чтобы отвлечься, Герсен до полуночи читал старые журналы.

Следующий день был в точности похож на предыдущий. Для Герсена они начали сливаться в сплошную неразличимую череду. За ленчем появились два новых гостя. Из услышанных краем уха комментариев Герсен узнал, что это были Тихус Хассельберг, президент корпорации Джарнелл, и Скерде Ворек, директор Форестленда, оба с Земли и оба почти миллиардеры. "Еще на два шага ближе к цели", — горько подумал Герсен.

Днем он упражнялся в гимнастическом зале. За обедом еда казалась еще более безвкусной, чем обычно. Герсен вышел в общий зал в мрачном настроении. Он взял стакан затхлого сасанийского вина и уселся на скамью, готовясь провести очередной унылый вечер. Через полчаса дверь открылась, и в зал вошла девушка с золотистыми волосами. Сегодня она казалась еще более задумчивой, чем обычно. Герсен внимательно оглядел ее и решил, что она далеко не так проста, как кажется с первого взгляда. Черты ее лица были так совершенны и так идеально расположены, что казались неприметельными — но она, безусловно, не была обычной девушкой. Она взяла в центральном киоске чашку чая и присела на скамью недалеко от Герсена. Он пристально глядел на нее, чувствуя, как учащенно бьется его сердце. Почему? — раздраженно спросил он себя. Почему эта молодая женщина, которую в лучшем случае можно назвать привлекательной, так сильно действует на него?

Он поднялся, подошел к ней и спросил:

— Могу ли я присоединиться к вам?

— Если хотите, — ответила она после минутного колебания, достаточного, чтобы дать понять, что она предпочла бы сидеть в одиночестве. В ее голосе слышался странный архаичный акцент, который Герсен тщетно пытался идентифицировать.

— Простите меня за неуместное любопытство, — спросил Герсен, — но не вы ли — Алюз Ифигения Эперже-Токай?

— Я Алюз Ифигения Эперже-Токай, — произнесла она, поправляя его произношение.

Герсен глубоко вздохнул. Его инстинкты не подвели! Глядя вблизи на ее спокойное приятное лицо, он решил, что оно не такое уж спокойное, как казалось издали. Пожалуй, ее можно было назвать хорошенькой. Он решил, что главную прелесть ее лицу придают глаза. Но назвать ее красавицей? Да еще такой, что могла вызвать у Кокора Хеккуса столь пламенную страсть? Это казалось неправдоподобным.

— Вы родом с планеты Фамбер?

Она вновь окинула его безразличным взглядом.

— Да.

— Знаете ли вы, что большинство людей считает Фамбер воображаемым миром из легенд и баллад?

— Да, я узнала об этом, к своему большому удивлению. Уверяю вас, Фамбер вполне реален.

Она отпила немного чаю и вновь скользнула взглядом по Герсену. Ее глаза, большие, чистые, искренние, были, безусловно, прекрасны. Но легкое изменение ее позы дало понять Герсену, что разговор ее больше не интересует.

— Я не стал бы беспокоить вас, — напряженно вымолвил Герсен, — если бы не тот факт, что именно ваш жених Кокор Хеккус доставил меня сюда, и что я считаю его своим смертельным врагом.

Ифигения на мгновение задумалась: — Вы поступаете неразумно, считая его своим врагом.

— Предположим, он внесет назначенную вами сумму, что тогда?

Она пожала плечами: — Этот вопрос я не желаю обсуждать.

Герсен решил, что она, без сомнения, хорошенькая, даже более, чем хорошенькая. Когда она говорила и даже когда она задумывалась, ее лицо наполнялось такой одухотворенностью и жизненной энергией, которые преображали даже обычные черты лица. Герсен не знал, как поддержать разговор. Наконец он спросил: — Вы хорошо знаете Кокора Хеккуса?

— Не слишком хорошо. Большую часть времени он проводит в Стране Миск за Горами. Мой дом — Драззан в Жантильи.

— Как вам удалось добраться сюда? На Фамбер часто прилетают корабли?

— Нет, — она вдруг повернулась и пристально взглянула на него. — Кто вы такой? Один из его шпионов?

Герсен покачал головой. Глядя ей в лицо, он изумленно подумал: неужели я когда-нибудь мог считать ее обычной девушкой? Она прекрасна, невыразимо прекрасна. Вслух он произнес: — Если бы я был свободен, я постарался бы помочь вам.

Она рассмеялась довольно жестоким смехом. — Как бы вы могли помочь мне, если вы даже себе не в силах помочь?

Герсен ощутил, что краснеет — впервые в жизни. Он неловко поднялся на ноги. — Доброй ночи.

Ифигения не ответила. Герсен побрел к себе в номер, принял душ и бросился ничком на кровать. Предположим, он свяжется с Душаном Аудмаром? Нет, бесполезно. Аудмар даже не побеспокоится сообщить ему об отказе. Майрон Пэтч? Более чем бесполезно. Бен Заум? Он может предложить тысяч десять, не больше. Герсен взял один из старых журналов и стал машинально пролистывать его. Ему попалась фотография человека, лицо которого казалось странно знакомым. Герсен взглянул на подпись к снимку, но имя — Даниэль Трембат — ничего ему не говорило. Странно. Герсен перевернул страницу. Лицо было в точности на кого-то похоже, — на кого? Герсен вновь взглянул на фотографию. Он знал этого человека, как "мистера Хоскинса", он привез его труп с Паршивой Планеты. Герсен прочитал заметку:

"Даниэль Трембат, Генеральный директор Банка Ригеля, ныне в отставке. Пятьдесят один год Его Превосходительство служил Банку и людям Скопления Ригеля. На прошлой неделе он заявил о своей отставке. Каковы его планы на будущее? "Я буду отдыхать. Я работал долго и слишком напряженно. Теперь я намерен найти время наслаждаться теми сторонами жизни, которые прежде были мне недоступны из-за лежавшей на мне ответственности".

Герсен закрыл журнал и взглянул на дату выпуска. Это был "Космополис" от 25 января 1525 г. Через три месяца Трембат исчез, а еще через неделю был убит Билли Уиндлом на неприметном мирке в Глуши. Герсен, полностью

проснувшись, стал обдумывать происшедшее. Что могло заставить бывшего Генерального Директора гигантского Банка Ригеля путешествовать в одиночестве, под покровом полной секретности, чтобы встретиться с человеком, именующим себя Билли Уиндл. Трембат жаждал вечной молодости. Что он мог предложить взамен? Судя по характеру его карьеры, это могли быть только деньги. Встреча в Скузе произошла сразу же после того, как Ифигения укрылась в Обменном Пункте. Такое совпадение событий и действующих лиц не могло быть случайным. Кокор Хеккус нуждался в деньгах — в десяти миллиардах севов. Даниэль Трембат, Генеральный Директор (в отставке) Банка Ригеля символизировал своей особой деньги — но также и консервативную респектабельность. Почему МПКК жаждало заполучить его живым или мертвым? Но мог же Трембат украсть десять миллиардов севов? Герсен попытался припомнить обрывок письма, который он отнял у мистера Хоскинса в Скузе. Он напряг память, стараясь поточнее воспроизвести слова, ныне чреватые столькими возможными последствиями.

"Завитки, или точнее полоски, разной плотности. Они, на первый взгляд, расположены хаотически, хотя на практике это сделано для того, чтобы они были неощутимы. Критическим является расстояние между ними, которое должно меняться как корень из первых одиннадцати простых чисел. Наличие шести или более таких полосок в любой определенной области будет подтверждать..."

Единственный вывод, который можно было сделать на основе всех этих фактов, был ошеломляющим. К тому же в ситуации был явно трагикомический аспект. Герсен вскочил и зашагал из угла в угол. Если его догадка верна, то как может он извлечь из нее пользу? Он размышлял больше часа, составляя и отвергая разные планы. Мастерские и комнаты для имеющих специфическое хобби казались ключом к решению. Официально поощрялись простые и легко контролируемые занятия: резьба по дереву, изготовление кукол, вышивание, ваяние, акварельная живопись. Возможно, и фотография.

Утро тянулось с раздражающей медлительностью. Герсен сидел, развалившись в самом удобном кресле. Ему

пришло в голову прелестное дополнение к его плану, и он громко рассмеялся. Сразу после ленча он отправился в комнату для занятий хобби. Это было более или менее то, что он ожидал увидеть — большая комната, где были краски, кисти, глина для ваяния и множество прочих причиндалов. Дежурным в комнате был плотный лысый мужчина с кукольным личиком. Звали его Фаниан Лабби. Он довольно терпеливо отвечал на расспросы Герсена. Нет, здесь нет условий для занятий фотографией. Несколько лет назад такая попытка была сделана, но потом проект был заброшен. Оборудование требовало постоянного присмотра и забирало у него слишком много времени. Герсен выдвинул деликатно сформулированное предложение. Он почти уверен, что пробудет здесь месяц, а то и два. Перед похищением он экспериментировал с новыми формами искусства, связанными с фотографией, и хотел бы продолжить свои занятия, причем готов даже оплатить необходимое оборудование.

Дежурный тщательно обдумал это предложение. Ясно было, что из этого выйдет много мороки для Герсена, для него самого и для всех, кто будет в этом участвовать. Теоретически, конечно, это приемлемо, но практически... Он уклончиво пожал плечами. Герсен негромко рассмеялся и заявил, что всякие дополнительные хлопоты будут справедливо, или даже щедро, вознаграждены. Лабби тяжело вздохнул. Политика Обменного Пункта требует максимального внимания к пожеланиям гостей. Если мистер Уолл настаивает, остается только согласиться. Что же касается вознаграждения, то это против правил, но мистер Уолл вправе сам решать, как поступить.

— Как скоро может быть доставлено оборудование? — спросил Герсен.

— Если мистер Уолл представит список и необходимые средства, заказ будет передан в Сагбад, ближайший торговый центр. Оборудование прибудет завтра или послезавтра.

— Превосходно! — заявил Герсен. Он уселся и принялся составлять список, который получился очень длинным, так как содержал массу предметов, нужных лишь для того, чтобы замаскировать истинную цель. Лабби неодобрительно поджал губы. Герсен торопливо добавил: — Я понимаю,

что создаю для вас огромные неудобства. Смогут ли сто севов компенсировать это?

— Как вы знаете, — решительно заявил Лабби, — правила категорически запрещают передачу денег персоналу. Однако в данном случае деньги служат лишь для снабжения мастерских необходимым оборудованием. Ведь, как я полагаю, уезжая, вы все это оставите здесь?

Герсен не хотел показаться слишком уж заинтересованным: — Вероятно, да. Во всяком случае часть — то, что дублирует оборудование у меня дома! — Он был очень воодушевлен тем, как свободно Лабби беседовал на эти скользкие темы. Это означало, что мастерские не находились под постоянным наблюдением. — Как вы думаете, сколько это будет стоить? — спросил он.

Лабби просмотрел список. — Мегафотокамера, увеличитель и принтер Чаго, дубликатор Танглемат, микроскоп... Дорогие игрушки. Для чего они вам?

— Я изготовляю калейдоскопические пермутации природных объектов, — пояснил Герсен. — Иногда требуется двадцать-тридцать копий одного и того же снимка, а это удобнее делать на дубликаторе.

— Это будет стоить целое состояние, — проворчал Лабби. — Но если вы готовы платить...

— Готов, раз приходится, — ответил Герсен. — Мне не нравится зря тратить деньги, но оставаться без моего хобби два месяца мне нравится еще меньше.

— Понятно, — Лабби проглядел список до конца. — У вас тут впечатляющий набор разной химии. Надеюсь, вы не намерены взорвать Обменный Пункт и оставить меня без работы?

Герсен рассмеялся. — Я уверен, что вы достаточно опытны, чтобы предотвратить любую подобную попытку. Нет, в этом списке нет взрывчатки или ядов — только красители, фотосенсибилизаторы, проявители и все такое прочее.

— Да, я вижу. Не думайте, что я не разбираюсь в подобных вещах. Я был полноправным членом академического Бумаравского Колледжа на Лоргане и занимался исследованиями плоских рыб Нойстерского океана, пока не кончилось финансирование — еще один подлый регрессивный трюк Института, уверяю вас.

— Да, печальная ситуация, — поддакнул Герсен. — Хотелось бы знать, когда это кончится? Они что, хотят вновь сделать нас пещерными людьми?

— Кто может сказать, чего хотят эти полоумные? Я слышал, что они потихоньку прибирают к рукам компанию Джарнелл. А когда они наберут 51 процент акций — раз и готово! Больше никаких космолетов. Что тогда с нами будет? И что будет со мной? Останусь без работы, если мне, конечно, не повезет, и я доживу до этого времени. Нет, я плюю на этих людишек!

Герсен внимательно оглядывал мастерскую. — Где бы я мог устроиться, чтобы никому не мешать? Лучше бы в углу, чтобы я мог повесить шторы от света. Разумеется, я готов оплатить любую вашу помощь. Если, например, есть неиспользуемая подсобка...

Фаниан Лабби поднялся на ноги. — Пойдемте посмотрите. Старая студия для скульпторов больше не используется. Нынешние гости не желают утруждать себя серьезной работой.

Студия была восьмиугольной, стены — из коричневого местного дерева, пол — из желтого кирпича, потолок — из стекла.

— Потолок придется чем-нибудь закрыть — заявил Герсен. — В остальном студия мне вполне подходит. — Затем он добавил, чтобы проверить, контролируется ли это помещение. — Я понимаю, что правила запрещают передачу денег от гостей персоналу, но ведь правила для того, чтобы их нарушать. Несправедливо, если вам придется совершать дополнительные усилия без дополнительного вознаграждения. Вы согласны?

— Я думаю, вы точно выразили мою точку зрения.

— Отлично. То, что происходит здесь, касается только вас и меня. Я не очень богат, но не скуп и готов платить за доставленное мне развлечение. — Он вытащил чековую книжку и выписал чек на 3 000 севов на Банк Ригеля. — Этого должно хватить на оплату всего списка, и останется достаточно, чтобы компенсировать затраченное вами время.

Лабби надул щеки: — Это вполне подойдет. Я сам прослежу за вашим заказом, и оборудование, возможно, будет здесь уже завтра.

Герсен, полностью удовлетворенный, попрощался и ушел. Его надежды, конечно, могли покоиться на ошибочных предпосылках, однако, постоянно проверяя и перепроверяя себя, он чувствовал, что пришел к единственно возможному выводу...Но ему нужна была еще одна вещь, за которой он не рискнул обратиться к Лабби. Он выписал еще один чек на двадцать тысяч севов и сунул его в карман.

Этим вечером Ифигения не появилась в общем зале. Герсен не обратил на это большого внимания. Он медленно прогуливался туда и обратно, наблюдая и выжидая, и почти уже потерял надежду, когда в зале появился Арманд Кошиль. Герсен направился к нему, стараясь держаться как можно непринужденнее. — Я собираюсь подойти к корзинке для бумаг, — негромко сказал он, — и бросить в нее скомканную бумажку. Идите за мной и подберите ее. Это чек на двадцать тысяч севов. Доставьте мне десятитысячную банкноту и оставьте себе остальные десять тысяч.

Не ожидая ответа он повернулся и направился к киоску. Краем глаза он заметил, что Кошиль слегка пожал плечами и продолжал идти, куда шел. В киоске Герсен купил пакет печенья, снял обертку, сунул в нее чек, бросил ее рядом с корзинкой для бумаг, пересек зал и уселся на скамью. Скомканный кусок бумаги возле корзинки казался большим, белым и подозрительным. В зале опять появился Кошиль. Он подошел к киоску, перебросился парой шуток с продавцом, выбрал себе пакет сладостей, содрал обертку и бросил ее в сторону корзины, но не попал. Он хмыкнул, нагнулся за ней, поднял заодно бумажку Герсена и, казалось, выбросил обе бумажки в корзинку. Затем ушел.

Герсен вернулся в номер. Нервы его были напряжены до предела. Чрезмерный оптимизм был бы глупостью, но пока все шло по плану, и шло хорошо. Конечно, скрытый телеглаз мог засечь, как Кошиль подбирал чек; Фаниан Лабби мог организовать слишком строгий надзор; список такого множества нового оборудования мог привлечь чье-то внимание. Но пока все шло хорошо.

На следующий день он заглянул в мастерскую. Лабби был занят с парой подростков, которые со скуки занялись изготовлением масок. Лабби сообщил, что до завтра оборудование не прибудет, и Герсен отправился в номер.

Вечерний час общения прошел скучно, ни Кошиль, ни Ифигения не появлялись. На следующий день, когда Герсен после завтрака вернулся в номер, он нашел на столе конверт, в котором лежала зеленая с розовым банкнота в 10 000 севов. Герсен проверил ее своим фальшметром, и она оказалась подлинной. Пока все шло хорошо. Но оборудование так и не пришло, Фаниан Лабби был в плохом настроении. Герсен вернулся к себе, изнывая от нетерпения. Никогда еще сутки не тянулись так медленно, хотя, к счастью, на Сасани в сутках был всего двадцать один час.

На следующий день Фаниан Лабби широким взмахом своей толстой руки указал на внушительную груду картонных ящиков. — Вот ваш заказ, мистер Уолл. Прекрасный набор оборудования, и вы можете теперь развлекаться со своими призмами и калейдоскопами, как вашей душе угодно.

— Спасибо, мистер Лабби. Я очень доволен, — ответил Герсен. Он перетащил ящики в студию и с помощью Лабби распаковал их.

— Я горю желанием увидеть вашу работу, — заявил Лабби. — Учиться никогда не поздно, а я никогда не слыхал о том виде творчества, которым вы занимаетесь.

— Это очень детализированный процесс, — ответил Герсен. — Некоторые даже находят его скучным, но я обожаю медленную тщательную работу. Первым делом, я полагаю, надо устроить затемнение комнаты.

С помощью Лабби, который держал лестницу, Герсен задрапировал черной тканью стеклянный потолок и дверь. Потом прибил на дверь табличку: "Фотокомната. Без стука не входить".

— Теперь я могу приступить к работе. Пожалуй, я начну с простых итераций в розовом и зеленом.

Под пристальным взглядом Лабби Герсен сфотографировал булавку, увеличил снимок в десять раз и отпечатал тридцать зеленых копий и тридцать розовых.

— А что теперь? — поинтересовался Лабби.

— Теперь мы переходим к довольно монотонной части работы. Каждую из этих булавок нужно аккуратно вырезать из фона. Затем, с помощью булавок и булавочных дыр я организую реитерацию. Если вы хотите, вы можете заняться вырезанием, пока я подберу нужный краситель.

Лабби с сомнением посмотрел на гору снимков. — И все это нужно вырезать?

— Да, и очень тщательно.

Лабби без всякого энтузиазма принялся за работу. Герсен внимательно наблюдал за ним, подавал советы и подчеркивал необходимость абсолютной аккуратности. Затем, взяв у Лабби калькулятор, он нашел квадратные корни из первых одиннадцати простых чисел. Результаты были в диапазоне от 1 до 4,79. Лабби тем временем вырезал три булавки, сделав одну небольшую ошибку. Герсен укоризненно вздохнул. Лабби отложил ножницы.

— Это очень интересно, но мне нужно заняться другими делами.

Как только он ушел, Герсен сравнил десятитысячную банкноту с розовыми и зелеными булавками, ввел соответствующую цветовую коррекцию и отпечатал еще кучу снимков. Он выглянул в большую мастерскую. Лабби был занят с детьми. Герсен положил банкноту под микроскоп и, как тысячи других людей до него, стал разглядывать ее в поисках секрета аутентичности. Как и те тысячи людей, он не увидел ничего. — Теперь — решающий эксперимент, от которого все зависит. Он выбрал бумагу подходящей толщины и плотности, вырезал из нее прямоугольник размером с банкноту и сунул в щель фальшметра. Немедленно зажегся тревожный сигнал. Тогда Герсен отметил на бумаге точки, соответствующие найденным значениям квадратных корней. Приложив к бумаге угольник, он ногтем провел крестики через каждую пару точек, надеясь таким образом создать нужное сжатие волокон. Дрожащими руками он поднял фальшметр...

Внезапно открылась дверь и вошел Лабби. Одним движением руки Герсен убрал банкноту и фальшметр в карман и схватил ножницы и снимки, имитируя интенсивную деятельность. Лабби был разочарован, увидев, что такое множество оборудования дало такие жалкие плоды. Это мнение он высказал вслух. Герсен стал объяснять, что он перевычисляет некоторые эстетические соотношения, и что это длинный и нудный процесс. Если Лабби хочет, он может его ускорить, вырезая булавки, но только на этот раз аккуратно. Лабби заявил, что больше не сможет помочь. Герсен вырезал еще несколько булавок и аккуратно разло-

жил их на столе. Лабби взглянул на набор розовых и зеленых фильтров, лежащий под лампой.

— Вы что, употребляете только эти два цвета?

— По крайней мере для этой композиции, — отрезал Герсен. — Зеленый и розовый, хотя и могут показаться профанам очевидными и даже наивными, абсолютно необходимы для моих целей.

Лабби хмыкнул. — Они довольно блеклые.

— Точно, — кивнул Герсен. — Я добавил кое-что в красители, и, похоже, они на свету выцветают.

Лабби вскоре вернулся в главную комнату. Герсен вытащил фальшметр и сунул бумагу в щель. Никакого тревожного красного сигнала! Только ласкающее слух тихое жужжание — признак аутентичности! Самый приятный звук за всю жизнь Герсена.

Он взглянул на часы — время для хобби почти вышло, пора было закругляться.

Во время часа общения он заметил Ифигению, одиноко стоящую в конце зала. Герсен не подходил к ней, а она, казалось, его не замечала... И он считал ее обычной девушкой! Он находил ее лицо неинтересным! Оно было совершенным. Десять миллиардов севов? Мелочь... Герсен с трудом боролся с желанием немедленно вернуться в мастерскую.

Но на следующий день занудство Лабби проявилось в полном объеме. В мастерской не было ни одного гостя, и Лабби два часа проторчал в студии, восхищенно глядя на Герсена, который вырезал булавки, раскладывая и перекладывая их с напряженной сосредоточенностью, моля про себя Бога, чтобы Лабби наконец убрался.

День пропал. Герсен покинул мастерскую, кипя от сдерживаемой ярости.

На следующий день он продвинулся больше. Лабби был занят. Герсен прикрыл серию и номер банкноты, сфотографировал ее и отпечатал двести копий с тщательно подобранными красителями. Через день он запер дверь, сославшись на необходимость длительных экспозиций. Затем он провел нужные линии и, использовав игрушечный печатный пресс, впечатал номера. Банкноты выглядели почти совсем как настоящие. Они слегка отличались на ощупь, но кому какое до этого дело, раз они проходят фальшметр?

За обедом он обдумывал последнюю проблему — как внести деньги, не вызвав подозрений. Если он просто отнесет их в офис, немедленно возникнет вопрос, где он их взял. Он никак не мог придумать практически реализуемый способ организовать доставку. Ясно, что доверить такую сумму Кошилю было невозможно. Он решил, что нуждается в дополнительной информации. Во время общего часа он зашел в офис к помощнику администратора, человеку с лицом ласки, носившим темно-синюю униформу Обменного Пункта с таким видом, будто это была особая привилегия. Герсен состроил озабоченную мину. — У меня возникла одна проблема, — сказал он администратору. — Мне сообщили, что мой старый друг прибывает завтра, чтобы погасить взнос одного из гостей. Можно ли устроить так, чтобы я был в бюро, когда прибудет автобус с посетителями?

Администратор нахмурился. — Это несколько необычная просьба.

— Я это понимаю, — скромно согласился Герсен, — однако политика Обменного Пункта — всемерно облегчить погашение взносов, а я именно этого и хочу.

— Ладно, — согласился администратор, — приходите в офис сразу после завтрака, и я это устрою.

Герсен вернулся в общий зал, погулял туда-сюда и порядочно выпил, чтобы успокоить нервы. Прошла ночь. Он, давясь, проглотил несколько кусков завтрака и поторопился в офис администратора, который сделал вид, что все позабыл.

Герсен терпеливо изложил свою просьбу повторно.

— Ладно, — сказал администратор. — Я полагаю, мы не можем требовать, чтобы каждый вопрос погашался по общей процедуре.

Он провел Герсена в приемную и попросил обождать. Прибыл архаичный автобус с восемью пассажирами. Они прошли в офис.

— Ну, — спросил клерк, — есть среди них ваш друг?

— Да, конечно, — ответил Герсен. — Вон тот невысокий человек с синей тонировкой кожи. Я только скажу ему пару слов и улажу дело с моим взносом.

Прежде чем администратор успел возразить, Герсен вошел в офис и подошел к человеку, на которого указал.

— Простите, пожалуйста. Вы случайно не Майрон Пэтч?

— Нет, сэр. Я не являюсь этим индивидуумом.

— Извините, я обознался. — Герсен вернулся к администратору, держа в руке конверт. — Все в порядке. Он привез мои деньги. Я опять свободный человек!

Администратор хмыкнул. Происшедшее выглядело довольно странно — но разве жизнь не состоит из странных событий? — Ваш друг прибыл выкупить вас и кого-то еще?

— Да. Он — член Института, и не слишком заботится о том, чтобы выказывать сердечность.

Администратор вновь хмыкнул. Все объяснилось — по крайней мере, все казалось объяснимым.

— Ладно, — заявил он, — если ваши деньги у вас, ступайте и погасите свой взнос. Я дам распоряжение клерку, поскольку ваш случай несколько необычен.

Когда автобус покидал Обменный Пункт, Герсен уже сидел в нем. В Нике он нанял аэрокар и отправился в город Сагбад.

Пятью днями позже, одев черную с коричневым рубашку, черные брюки и подкрасив кожу в черный цвет, Герсен вернулся на Обменный Пункт. Он прошел в уже хорошо знакомый ему офис и без возражений подчинился рутинной процедуре регистрации.

— Итак, чей взнос вы хотите аннулировать?

— Алюз Ифигении Эперже-Токай.

Клерк изумленно поднял брови.

— Простите, сэр, вы — Кокор Хеккус? — спросил он с почтением.

— Нет.

Клерк нервно дернулся. — Взнос большой. Десять миллиардов севов.

Герсен открыл плоский черный чемодан, который принес с собой. Он был набит пачками стотысячных купюр — самых крупных из имеющих хождение. — Вот деньги.

— Да, да... но я обязан сообщить вам, что Кокор Хеккус уже депонировал у нас более девяти миллиардов севов.

— А тут — десять миллиардов. Можете пересчитать.

Клерк издал приглушенный звук. — Вы в своем праве, сэр. Гость, безусловно, относится к "доступной" категории. Но мне понадобится помощь, чтобы сосчитать деньги.

Пересчитывание и проверка денег заняли шестерых человек на четыре часа. Клерк, нервно улыбаясь, выдал Герсену расписку.

— Очень хорошо, сэр. Я послал за гостьей, чей взнос вы аннулировали. Через пару минут она будет здесь. — И про себя пробормотал. — Кокору Хеккусу это совсем не понравится. Кто-нибудь за это поплатится.

Через десять минут Ифигения вошла в офис. На лице ее застыло напряженное и дикое выражение. Глаза ярко блестели от страха. Она взглянула на Герсена, не узнавая его, затем направилась к двери, словно желая бежать в пустыню. Герсен удержал ее.

— Успокойтесь, — мягко сказал он. — Я не Кокор Хеккус; у меня нет никаких замыслов на ваш счет, считайте, что вы в безопасности.

Она недоверчиво взглянула на Герсена, снова всмотрелась, и Герсен подумал, что она узнала его.

— Есть еще одно дело, — заявил клерк, обращаясь к Ифигении. — Поскольку вы выступали в странной роли собственного спонсора, то деньги, за вычетом наших двенадцати с половиной процентов, принадлежат вам.

Ифигения явно непонимающе уставилась на него.

— Я предлагаю вам выдать банковский чек, — сказал Герсен, чтобы не заставлять леди таскать такую кучу наличных. Поднялся небольшой переполох, пожимание плечами, дрожь в руках. Наконец, банковский чек на сумму 8 749 993 581 севов на Планетарный Банк в Сагбаде был выписан. Это как раз составляло сумму в десять миллиардов минус двенадцать с половиной процентов, минус 6 419 севов за спецобслуживание по классу АА.

Герсен подозрительно разглядывал документ. — Я полагаю, что этот чек действителен? У вас есть на счету необходимая сумма?

— Естественно, — заявил администратор. — Кокор Хеккус депонировал на наш счет около девяти миллиардов.

— Отлично, — бросил Герсен, — тогда я его принимаю. Он повернулся к Ифигении. — Пошли. Автобус ждет.

Она все еще колебалась, нерешительно поглядывая по сторонам, словно все еще обдумывая побег через пустыню Да'ар-Разм. Но тут одно из летающих насекомых налетело

на нее и вцепилось в руку. С криком ужаса она стряхнула мерзкую тварь.

— Пошли! — повторил Герсен. — Вы можете выбирать: Кокор Хеккус, насекомое или я. Я не собираюсь не обижать вас, ни съесть живьем.

Не говоря больше ни слова, она пошла за Герсеном к автобусу. Автобус рычал, раскачиваясь и дребезжа. Постепенно Обменный Пункт превратился в желтовато-белое пятно у самого горизонта, еле заметное сквозь шлейф пыли. Они сидели рядом в дергающемся автобусе. Ифигения искоса озадаченно глянула на Герсена. — Кто вы такой?

— Я не друг Кокору Хеккусу.

— Что вы... что вы собираетесь сделать со мной?

— Ничего предосудительного.

— Куда мы направляемся? Вы не понимаете натуры Кокора Хеккуса — он отыщет нас хоть на краю Галактики.

Герсен не ответил, и разговор закончился. Честно говоря, Герсен вовсе не чувствовал себя в безопасности. Они все еще были уязвимы. Но путешествие через пустыню прошло без приключений.

Автобус наконец дошкандыбал до Сул Арсама. Они пересели в ожидавший аэрокар и вскоре приземлились в космопорту Нике. Чуть поодаль стоял новенький обтекаемый Арминтор Старскип, который Герсен купил в Сагбаде. Ифигения на мгновение заколебалась у входа, затем фаталистически пожала плечами.

В Сагбаде произошла еще одна задержка — в Планетарном Банке. Обменный Пункт дал уклончивое и сдержанное подтверждение подлинности чека. Они явно чуяли, что тут что-то нечисто, но не понимали, что именно. Президент Планетарного Банка нерешительно заявил Герсену: — Благодаря стечению обстоятельств мы располагаем необходимой суммой. Но она в купюрах различного достоинства.

— Не имеет значения. Мы доверяем вашему подсчету, — отрезал Герсен.

Деньги, так кропотливо собираемые Кокором Хеккусом, были упакованы в четыре больших чемодана и погружены в ожидавший аэрокар.

Внезапно на площадь выбежал главный кассир. — Сообщение с Обменного Пункта для мистера Уолла! Герсен преодолел острое желание немедленно бежать и неторопливо вернулся в банк. На экране видеофона появилось лицо директора Обменного Пункта. Рядом с ним стоял незнакомый Герсену человек.

— Мистер Уолл, — нерешительно промямлил директор. — Тут возникли некоторые затруднения. — Это — мистер Ахилл Гоган, представитель Кокора Хеккуса. Он очень просит вас задержаться в Сагбаде, чтобы он смог встретиться с вами.

— Разумеется, — вежливо откликнулся Герсен. — Мы остановимся в отеле Аламут.

Герсен покинул банк, уселся в аэрокар и бросил пилоту: — В космопорт.

Спустя двадцать минут Сасани осталась далеко позади. Включив привод Джарнелла, Герсен наконец почувствовал себя в безопасности. Он уселся на диван и начал смеяться. Ифигения, сидевшая у противоположной стены, настороженно следила за ним.

— Чему вы смеетесь?

— Тому, как мы были выкуплены.

— Мы?

Значит, она не узнала его в автобусе. Герсен поднялся и медленно пересек кабину. Она недоверчиво отодвинулась к стенке. — Как-то вечером я беседовал с вами в общем зале, — пояснил Герсен.

Она внимательно изучала его лицо. — Теперь я припоминаю вас. Тихий человек, обычно сидевший в тени. Где вы взяли столько денег?

— Я их сам напечатал, вот это меня и веселит.

Ифигения изумленно уставилась на него. — Но ведь они их проверили? Они их приняли?

— Вот именно. Но здесь и скрыта самая лучшая шутка — в краситель подмешан отбеливатель. Через неделю у них ничего не останется. Деньги, которые я заплатил Кокору Хеккусу, станут чистой бумагой. Я провел Кокора Хеккуса! Я провел Обменный Пункт! Поглядите — вот денежки Кокора Хеккуса!

Несколько минут Ифигения бесстрастно разглядывала его. Затем повернулась, чтобы посмотреть на Сасани. Она

грустно улыбнулась. — Кокор Хеккус будет очень зол. Ни у кого из живущих нет таких экстравагантных эмоций, как у него.

Она окинула Герсена удивленным взглядом. — Он хотел истратить десять миллиардов, чтобы получить меня — потому что я решила назначить такую цену. И если бы он купил меня, — она содрогнулась, — он бы получил с меня все до последнего сева, тем или иным способом. Когда он схватит вас, он сделает нечто невообразимое.

— Если я не убью его раньше.

— Вы увидите, что это довольно трудно. Сион Трамбле — самый умный воин на Фамбере, но и он потерпел поражение.

Герсен прошел на камбуз и принес бутылку вина и два бокала.

Ифигения сперва отрицательно качнула головой, потом подумала и взяла бокал. Герсен спросил: — Вы знаете, почему я выкупил вас?

— Нет. — Она беспокойно изменила позу, и нежный розовый румянец медленно залил ее лицо.

Герсен подумал, что никогда еще она не выглядела такой прекрасной. — Потому что вы можете указать мне путь на Фамбер, где я найду и убью Кокора Хеккуса.

Румянец медленно покинул ее лицо. Она попробовала вино и задумчиво заглянула в бокал. — Я не хочу возвращаться на Фамбер. Я отчаянно боюсь Кокора Хеккуса. Сейчас он совсем обезумел от гнева.

— Тем не менее, мы должны отправиться туда.

Она виновато покачала головой. — Я не могу помочь вам. Я не знаю, где находится Фамбер.

ГЛАВА IX

Арестованный революционер Тедоро призывал своих товарищей по заключению:

— Не позволяйте ничего! Не уступайте ни на йоту! Ешьте то, что вам дают, но не просите добавки! Ведь они просто негодяи. Позорьте их! Игнорируйте их! Малейшее колебание — это трещина в стали; разве вы хотите, чтобы

они согнули вас так и этак, а затем разорвали надвое? Ничего не давайте, ни в чем не уступайте! Если комендант разрешает сесть, стойте! Если вам дают линованную бумагу, пишите поперек!

Герсен уставился на Ифигению, не веря своим ушам. Затем кинулся к пульту управления и отключил расщепитель. Корпус корабля испустил почти человеческий вздох боли, по коже людей пробежала дрожь.

Арминтор Старскип свободно дрейфовал в космосе с выключенным двигателем. Далеко впереди сияла СВ 1202 Орла, колеблясь на грани психологического восприятия между звездой и солнцем.

Герсен прошел в носовую каюту, смыл с кожи черную краску и переоделся в свою обычную дорожную одежду: шорты, сандалии, легкую безрукавку. Вернувшись в салон, он обнаружил, что Ифигения сидит, глядя в пол, там же, где он ее оставил.

Герсен ничего не сказал, уселся на диване напротив нее и задумчиво отхлебнул вина. Наконец она заговорила:

— Почему вы отключили двигатель?

— Бессмысленно лететь наугад. Поскольку мы не знаем, куда лететь, с тем же успехом можно оставаться на месте.

Она пожала плечами и тяжело вздохнула:

— Оставьте деньги себе, доставьте меня на Землю. У меня нет никакого желания бессмысленно болтаться тут в космосе.

Герсен покачал головой:

— Я выплатил ваш выкуп, сильно рискуя собой — во-первых, чтобы узнать положение Фамбера. Во-вторых, я считаю вас привлекательной женщиной. Я согласен с Кокором Хеккусом: вы стоите десяти миллиардов севов.

Ифигения сердито возразила:

— Вы не верите мне! Но это же факт — я не смогу вернуться на Фамбер, даже если это будет моим самым горячим желанием!

— А как вы улетели с Фамбера?

— Сион Трамбле захватил маленький космический корабль во время набега на остров Омад, космопорт Кокора Хеккуса. Я прочитала Инструкцию для Пилота, и она оказалась достаточно простой. Когда Кокор Хеккус пригрозил

напасть на Жантильи, если мой отец не выдаст меня, у меня было две альтернативы. Либо убить себя, либо бежать с Фамбера. Я бежала. В корабле был Планетарный Справочник. В нем упоминалась Сасани и описывался Обменный Пункт — единственное во Вселенной место, защищенное от преступников.

Она окинула Герсена уничтожающим взглядом:

— Это было неточное описание. Обменный Пункт оказался чудным местом для фальшивомонетчиков.

Герсен признал этот факт, улыбнувшись и вновь наполнив свой бокал. Но перед тем как пить, он заколебался — бутылка оставалась в салоне, пока он мылся. Не исключено, что вино уже отравлено. Он отставил бокал в сторону.

— А кто такой Сион Трамбле?

— Принц Вадруса, на западной границе Миска. Мы должны были обручиться... Он отважный воин и совершил много замечательных деяний.

— Понятно. — Герсен призадумался. — А вы не помните путь с Фамбера до Сасани?

— Я ввела в автопилот координаты Сасани и покинула Фамбер. Я знаю только это — ничего более. Кокор Хеккус — единственный человек на Фамбере, который владеет космолетом и умеет им управлять.

— Как называется ваше Солнце?

— Просто "Солнце".

— Оно немного оранжевого оттенка?

— Да. А откуда вы знаете?

— Дедукция. Как выглядит ночное небо? Нет ли на нем необычных объектов? Ярких двойных или тройных звезд?

— Нет. Ничего необычного.

— Не было ли в последнее время Новых поблизости?

— Что такое "Новая"?

— Звезда, внезапно взрывающаяся и становящаяся ярче в сотни раз.

— Нет, ничего похожего.

— Как насчет Млечного Пути? Вы видите его как полосу на небе, как облако, или как-то иначе?

— Зимой через все небо тянется светящаяся полоса. Вы это имели в виду?

— Да. Очевидно, ваша планета находится близко к краю Галактики.

— Возможно. — В голосе Ифигении не слышалось энтузиазма.

— Как насчет традиций? — поинтересовался Герсен. — Существуют ли легенды о Земле или других мирах?

— Ничего определенного. Несколько легенд, немного древних песен. — Ифигения рассматривала Герсена с явно насмешливым видом. — Что ж это ваши Звездный Атлас и Планетарный Справочник не могут сообщить вам того, что нужно?

— Фамбер — затерянный мир. Кто бы ни правил Фамбером в древности, он умел хранить тайны. Никакой информации о Фамбере сейчас нет — не считая детской песенки:

Если Сириус в путь тебя провожал,
И к норду ты Ахернар держал,
То направь корабль по краю, лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

Ифигения слегка улыбнулась:

— Я тоже знаю этот стишок — целиком.

— Целиком? Там есть еще строки?

— Конечно. Вы пропустили середину. Он звучит так:

Если Сириус в путь тебя провожал,
И к норду ты Ахернар держал,
То по правому борту увидишь в пути
Шесть красных солнц с голубым впереди.
Правь, дожидаясь, чтоб замерцал
Сквозь темноту тебе звездный кинжал.
Под рукоятку по краю лети,
И Фамбер засияет тебе впереди.

— Отлично! — воскликнул Герсен. Он вскочил на ноги, одним прыжком достиг пульта управления, установил курс и включил привод Джарнелла.

— Куда мы направляемся? — спросила Ифигения.

— К Сириусу — куда же еще?

— Вы приняли этот стишок всерьез?

— У меня нет других сведений. Я должен принимать его всерьез — или вообще ничего не делать.

— Хм, — Ифигения отпила немного вина из бокала. — В таком случае, поскольку я уже рассказала вам все, что знаю, вы высадите меня на Сириусе или на Земле?

— Нет.

— Но я не знаю больше ничего — действительно ничего!

— Вы знаете, как выглядят с Фамбера созвездия. Ваш стишок, даже если он когда-то указывал верное направление, устарел на тысячу лет, а то и больше. И Сириус и Ахернар изменили свое положение. Мы можем оказаться где-нибудь вблизи Фамбера — в десятке световых лет, если повезет. Тогда мы используем старый трюк заблудившихся космонавтов. Они сканировали небо, пока не обнаруживали участок с знакомыми созвездиями. Такой участок будет единственным и небольшим, поскольку он лежит точно в направлении на родную планету. Все другие созвездия будут искажены. И даже единственное неискаженное будет содержать лишние звезды — в первую очередь, солнце родной планеты. Тем не менее всегда есть одно знакомое созвездие, и когда вы его находите, вы летите прямо к нему, и когда оно вырастает до привычных размеров, до вашего дома рукой подать.

— А если вы не можете найти знакомое созвездие?

— Вы все равно можете отыскать путь домой. Вы должны лететь вверх или вниз перпендикулярно плоскости Галактики, затем обозревать всю картину целиком и искать соответствующие приметы. Это требует много времени, много энергии, много напряжения и ресурса привода Джарнелла. И если что-нибудь сломается — тогда вы действительно влипли, и вам не остается ничего другого, кроме как болтаться в пространстве, смотреть на родную Галактику, распростертую, как ковер, ждать, пока не кончится энергия, а потом умереть. — Герсен поежился. — Я никогда не сбивался с пути. — Он поднял свой бокал, подозрительно оглядел его, потом вышел из салона и вернулся с новой бутылкой. — Расскажите мне о Фамбере.

Ифигения рассказывала более двух часов. Герсен, откинувшись на спинку дивана, медленно отхлебывал вино. Было очень приятно лежать, смотреть и слушать; на это

время реалии его существования были далеко-далеко. Ифигения упомянула Аглабат, город, окруженный стеной из темно-бурого камня, и Герсен встряхнулся. Расслабляться было опасно. Его пребывание в Обменном Пункте не принесло ему пользы. Он стал уступчивым, легко отвлекающимся. Однако он снова расслабился, отхлебывая вино и слушая Ифигению...

Фамбер был удивительным миром. Никто не знал, когда на нем впервые появились люди. Там были разнообразные континенты, субконтиненты, полуострова и большой архипелаг в тропиках. Ифигения была родом из Драззана в Жантильи, государстве на западном побережье самого маленького континента. К востоку от Жантильи лежал Вадрус, где правил Сион Трамбле, а дальше — страна Миск. Остальное пространство континента, за исключением нескольких враждующих государств на восточном побережье, представляло из себя глухомань, населенную варварами.

На остальных континентах картина была примерно та же. Ифигения упоминала десятки народов и племен, резко отличных по характеру и обычаям. Некоторые из них создавали великолепную музыку, устраивали потрясающие своим великолепием зрелища; другие были фетишистами и убийцами. В горах жили вожди бандитских племен и надменные лорды в недоступных замках. Повсюду были чародеи и колдуны, творящие самые разнообразные и поразительные чудеса, а одна жуткая область на севере большого континента управлялась демонами и духами. Местные флора и фауна были сложными, богатыми и прекрасными, но иногда смертельно опасными; там водились морские чудовища, чешуйчатые волки тундры, ужасающие дназды в горах на севере Миска.

Современная технология и образ жизни были неизвестны на Фамбере. Даже Бурые Берсальеры, гвардия Кокора Хеккуса, были вооружены палицами и кинжалами, а рыцари Миска — мечами и арбалетами. Между Миском и Вадрусом шла перемежающаяся краткими передышками война, причем Жантильи обычно находилось в союзе с Вадрусом. Сион Трамбле был настоящим героем, но ему никогда не удавалось одолеть Берсальеров. В знаменитой битве ему удалось отбросить варваров Скар Сакау, кото-

рые после этого обрушили свою ярость на юг, на Миск, где они грабили деревни, разрушали крепости, сеяли смерть и опустошение.

Герсен слушал ее, как зачарованный. Романтические легенды о Фамбере ничего не преувеличивали, скорее даже наоборот, преуменьшали. Он сказал об этом Ифигении, которая в ответ лишь пожала плечами: — Фамбер, конечно, мир романтических деяний. В замках есть огромные залы, где поют барды, и павильоны, где девушки танцуют под звуки лютни. Но внизу расположены темницы и камеры пыток. Рыцари в полной броне и со стягами — величественное зрелище, но потом, в заснеженных скарских степях кочевники отрубают им ноги, и они лежат беспомощные, ожидая, пока волки разорвут их в клочья. Колдуньи варят волшебные зелья, и волшебники посылают с дымом сновидения, а заодно насылают погибель на врагов.

Двести лет назад жили великие герои. Тайлер Трамбле завоевал Вадрус и основал город Каррай, где ныне правит Сион Трамбле. Когда Джадаск Дуско пришел в Миск, это была страна скотоводов, а Аглабат — простой рыбацкой деревушкой. За десять лет он создал первые Бурые Отряды, и война с тех пор не прекращалась. — Она вздохнула.

— В Драззане жизнь еще сравнительно спокойная. У нас четыре старинных колледжа, сотни библиотек. Жантильи — древняя миролюбивая страна, но Миск и Вадрус — совсем другое дело. Сион Трамбле хотел, чтобы я вышла за него замуж и стала королевой — но принесло бы это мне покой и счастье? Или он вечно воевал бы со Скадолаками, Тадоуско Ой и Морскими Шлемами? И вечно — Кокор Хеккус, который теперь станет неумолимым...

Герсен промолчал. Ифигения вновь заговорила:

— На Обменном Пункте я читала книги — о Земле, со Скопления, с Алоизиуса. Я знаю, как вы живете. И вначале я удивлялась, почему Кокор Хеккус так долго оставался в Аглабате, почему он сражается мечами и стрелами, когда он легко мог бы оснастить своих Бурых Берсальеров энергетическим оружием. Но здесь нет никакой тайны. Он нуждается в эмоциях, как другие люди нуждаются в пище. Он жаждет возбуждения и ужаса, ненависти и похоти. И он нашел все это в стране Миск. Но когда-нибудь он зарвется, и Сион Трамбле убьет его. — Она грустно

улыбнулась. — Или когда-нибудь Сион Трамбле попытается совершить особенно нелепый подвиг и Кокор Хеккус убьет его — к большому моему сожалению.

— Хмм, — проворчал Герсен. — Вы неравнодушны к этому Сиону Трамбле?

— Да. Он добр, великодушен, отважен. Ему бы не пришло в голову ограбить даже Обменный Пункт.

Герсен горько улыбнулся. — Я, пожалуй, ближе к Кокору Хеккусу... А что вы можете сказать об остальной части планеты?

— Везде свои обычаи и особенности. В Бидзуле Годмас содержит гарем из десяти тысяч наложниц. Каждый день он забирает в гарем десять новых девушек и отпускает десять — или, если он в плохом настроении, велит их утопить. В Галастанге Божье Око возят по городу в окрашенном киноварью алтаре десяти метров длиной и десяти — высотой. В Латкаре дворяне содержат беговых рабов — специально выращенных и обученных для Латкарских Бегов. Тадоуско Ой строят свои деревни на самых неприступных вершинах и сбрасывают в пропасть больных и калек. Это самые яростные воины на Фамбере. Они заключили союз, чтобы сокрушить стены Аглабата. И преуспеют в этом, ибо Бурые Берсальеры не могут им противостоять.

— Вы когда-нибудь видели Кокора Хеккуса вблизи?

— Да.

— Как он выглядит?

— Дайте мне карандаш и бумагу, и я покажу вам.

Герсен принес ей принадлежности для рисования. Ифигения провела несколько пробных линий, затем принялась за работу. Линия следовала за линией, и постепенно на бумаге появилось лицо. Оно было интеллигентным и настороженным, с высоким лбом, большими пристальными глазами. Волосы были пышными, темными и блестящими, нос — коротким и прямым, рот — довольно маленьким. Ифигения несколькими штрихами набросала туловище и ноги, изобразив человека несколько выше среднего роста, с широкими плечами, узкой талией и длинными ногами. Тело вполне могло принадлежать Билли Уиндлу или Зеуману Отуалу; но лицо нисколько не напоминало резкие проницательные черты Зеумана Отуала, а Билли Уиндла Герсен никогда не видел вблизи.

Пока Герсен изучал рисунок, Ифигения наблюдала за ним. Вздрогнув, она прошептала.

— Я не могу понять жестокости — ненависти — убийства. Вы пугаете меня почти как Кокор Хеккус.

Герсен отложил рисунок в сторону: — Когда я был ребенком, мой дом был разрушен, а вся семья — кроме дедушки — перебита. Уже тогда я понял, что мой жизненный путь определен. Я знал, что я должен одного за другим убить тех пятерых негодяев, которые организовали налет. Это — моя жизнь, и другой у меня нет. Я не зло; я за пределами добра и зла — как механический убийца, созданный Кокором Хеккусом.

— И я имела несчастье оказаться нужной вам, — вздохнула Ифигения.

Герсен улыбнулся:

— Возможно, вы предпочтете быть нужной мне, а не Кокору Хеккусу, поскольку я всего лишь прошу указать мне путь к Фамберу.

— Вы очень галантны, — ответила Ифигения, и Герсен не понял, иронизирует она или нет.

Впереди ослепительно пылал белый Сириус, а рядом с ним мягко светилась желтая звезда, которая взрастила человеческую рабу. Ифигения грустно разглядывала ее, затем повернулась к Герсену, как будто собралась просить его о чем-то, но затем подумала хорошенько и придержала язык.

Герсен указал на Ахернар, источник Реки Эридан.

— Вот линия, соединяющая Сириус и Ахернар. Но стихотворению минимум тысяча лет — так что сначала нужно определить, где были Сириус и Ахернар тысячу лет назад. Это несложно. Потом нужно определить видимое тысячу лет назад положение Ахернара. Используем эти две новые точки, возьмем к северу от этой линии и будем надеяться на везение. А поскольку я уже закончил вычисления... — Он осторожно подкрутил верньеры, и Сириус на экране резко сместился в сторону. Расщепитель отключился. Герсен тщательно сориентировал корабль и вновь включил его. Старскип и его пассажиры, освобожденные от инерции и эйнштейновских ограничений, начали почти мгновенное скольжение вдоль создаваемого расщепителем разрыва в ткани Вселенной.

— Теперь мы должны ждать появления шести красных звезд. Они могут стремиться к голубой звезде или нет, они могут быть по правому борту или нет — мы не знаем, как должна быть сориентирована вертикальная ось корабля...

Время шло. Ближайшие звезды скользили на фоне более отдаленных, которые в свою очередь скользили на фоне совсем уж далеких искорок звездного света. Герсен нервничал. Он усомнился в том, что Ифигения правильно запомнила стишок. Она в ответ лишь пожала плечами, показывая, как мало это ее заботит, и предположила, что Герсен ошибся в вычислениях.

— Сколько длилось ваше путешествие на Обменный Пункт?

Герсен уже спрашивал об этом раньше, но она всегда отвечала неопределенно. Ничего нового она не добавила и на этот раз. — Я много спала. Время летело быстро.

Герсен начал подозревать, что руководствуясь стишком, они отправились искать прошлогодний снег, что Фамбер расположен совершенно в другой стороне и что Ифигении это прекрасно известно.

Ифигения чувствовала его недоверие, и поэтому был оттенок мстительности в жесте, которым она указала на шестерку красных гигантов, вытянувшихся в чуть изогнутую линию, заканчивающуюся яркой голубой звездой.

Герсен в ответ лишь проворчал. — Ну что ж, они вроде бы и впрямь по правому борту, так что и стишок и вычисления были недалеки от истины. — Он отключил привод Джарнелла и Старскип неподвижно повис в пустоте. — Теперь поищем скопление звезд, похожее на кинжал; возможно, его видно невооруженным глазом.

— Вот оно, — указала Ифигения. — Фамбер уже близко.

— Откуда вы знаете?

— Скопление, похожее на кинжал. В Жантильи мы называем его Божья Лодка. Хотя отсюда оно выглядит немного иначе.

Герсен развернул корабль к "рукоятке" и опять включил расщепитель; корабль скользнул вперед. Теперь они летели прямо сквозь скопление. Со всех сторон их плотно

окружали звезды, пока они не вылетели в более редко заполненную область.

— Это факт, — заметил Герсен, — что мы на краю Галактики: "под рукоятку по краю лети...". Где-нибудь впереди должен засиять Фамбер.

Прямо впереди лежала небольшая россыпь звезд.

— Звезда должна быть класса G8, оранжевая, — пробормотал Герсен. — Которая из них оранжевая? Ага, вот она.

Оранжевая звезда появилась на экране чуть левее и ниже перекрестия. Герсен отключил привод Джарнелла и настроил макроскоп, который показал единственную планету. Он прибавил увеличение и на экране появились моря и континенты.

— Фамбер, — произнесла Алюз Ифигения Эперже-Токай.

ГЛАВА X

"Среди присущих людям качеств имеется и такое, которому трудно даже дать точное название. Не исключено, что это наиболее благородное из всех человеческих качеств. Оно включает в себя нечто большее, чем просто доброту, душевную чуткость, щепетильность, глубину и постоянство чувств, полнейшую самоотверженность. Это сопричастность ко всей совокупности ощущений, испытываемых человечеством как единым целым, это память всей истории человеческого рода. Такое качество является неотъемлемой чертой любой гениальной творческой личности, оно никоим образом не может быть приобретено в процессе обучения, ибо обучение в данном случае сродни переходу от возвышенного к комическому — как, например, препарированию бабочки, спектроскопии заходящего солнца, психоанализу хохочущей девушки. Попытка воспитания подобного качества обречена изначально — когда приходит ученость, исчезает поэзия. Насколько зауряден интеллектуал, не способный чувствовать! Какими банальными кажутся его суждения в сравнении с мудростью простого крестьянина, черпающего свою силу, подобно Антею, из эмоциональной сокровищницы всего

человечества! По самой сути своей вкусы и предпочтения интеллектуальной элиты, выработанные в процессе обучения, насквозь лживы, искусственны, схоластичны, оторваны от жизни, неглубоки, безаппеляционны, путаны, бесплодны и лицемерны".

(Анспик, Барон Бодиссейский. "Жизнь", том IV)

Отзывы критиков на труд Барона Бодиссейского "Жизнь":

"Монументальное произведение, если вам по душе монументы. Перед глазами неотвязно возникает скульптурная группа "Лаокоон" с нашим добрым Бароном в центре, мучительно корчащимся в попытках разорвать путы здравого смысла, в компании стремящихся к тому же самому наиболее ревностных его почитателей".

("Всеобщее Обозрение", Сан-Стефано, Бонифас)

"Чудовищно громоздкий агрегат проглатывает знания целыми тюками, весь дрожит и стонет, перемалывая их, а затем выплевывает результат своей бурной деятельности — тощие клубы разноцветного едкого дыма".

("Эскалибур", Патрис, Крокиноль)

"Шесть томов бредней, настоенных на розовой водице мечтаний".

("Академия", Лондон, Земля)

"Отъявленный вздор, изложенный топорным и напыщенным слогом, совершено неудобоваримый..."

("Ригелианин", Авента, Альфанор)

"Когда он завистливо фыркает, отмечая деяния более достойных людей, невозможно не испытывать искренний гнев".

("Галактический ежеквартальник", Балтимор, Земля)

"Очень трудно противостоять соблазну изобразить Барона Бодиссейского на фоне аркадской идиллии в окружении баранов, восторженно внемлющих его поучениям".

("Эль-Орхид", Серль, Квантика)

На материке Деспаз было утро, когда Алюз Ифигения начала давать географические пояснения.

— Вытянутая полоса на юге, между береговой линией и горами Скар Сакау, — Земля Миска. Аглабат различить трудно — он такого же бурого цвета, что и окружающая местность, и сливается с нею. Расположен он на берегу вон того глубоко вклинивающегося в сушу залива.

— А где ваша родина?

— Западнее. Сначала, среди отрогов гор — Вадрус. Обратите внимание на светло-серое пятно — это город Каррай. Затем снова горы, и лишь за ними — Жантильи. — Она оторвалась от телескопа. — Но вы, естественно, никогда не побываете там. Как и в Каррае.

— Почему?

— Потому что ни мой отец, ни Сион Трамбле не потерпят, чтобы я оставалась вашей рабыней.

Ничего не ответив на это, Герсен прильнул к окулярам и почти целый час изучал все новые и новые участки поверхности по мере того, как вращение планеты подставляло их под солнечный свет.

— Многое мне ясно, — наконец произнес он. — Однако столько же остается и невыясненным. Например, каким образом выйти на Кокора Хеккуса, не подвергая себя угрозе гибели? Он, несомненно, располагает радаром и, возможно, организовал противовоздушную оборону своего города. Придется осуществить посадку где-то за пределами дальности средств обнаружения. Наиболее подходящее место для этого, скорее всего, по другую сторону горного массива.

— А после того, как вы сядете — что тогда?

— Чтобы убить Кокра Хеккуса, я должен сначала отыскать его. А чтобы найти его, придется отправиться на поиски.

— А я? — горестно пожаловалась Алюз Ифигения. — Я покинула Фамбер, спасаясь от Кокора Хеккуса. Вы же

вернули меня сюда. После того, как вас убьют, в чем не приходится сомневаться, что мне предпринять в этом случае? Вернуться в Обменный Пункт?

— Похоже, наши интересы совпадают, — сказал Герсен. — Мы оба хотим, чтобы не стало Кокора Хеккуса. Для нас обоих нежелательно, чтобы он знал о нашем присутствии на Фамбере. Вот и будем теперь держаться друг друга.

Он развернул Старскип к Фамберу, стараясь держаться намного севернее гор, называвшихся Скор Сакау. После тщательного обследования местности он нашел уединенную седловину под прикрытием могучей вершины и именно на нее и сел. Справа и слева вздымались другие столь же могучие пики, до коренных пород оголенные неистовыми ветрами и лишь покрытые кружевами ледников. Ниже и к югу простиралось хаотическое нагромождение горных кряжей, глубоких ущелий, отвесных обрывов. Еще никогда, пожалуй, Герсену не доводилось бывать в настолько дикой местности. Пока в переходном шлюзе выравнивалось давление, Герсен спустил на поверхность небольшой ялик, до зубов вооружился и накинул на себя плащ. В такой же плащ закуталась и Алюз Ифигения. Затем открыл люк и спрыгнул на поверхность Фамбера. Ярко светило солнце, но воздух был прохладным. Ветра, к счастью, почти не было. Алюз Ифигения присоединилась к нему и в приподнятом настроении осматривалась по сторонам, как будто, несмотря на все страхи, она была счастлива вернуться домой. Повинуясь какому-то не очень ясному для нее самой импульсу, она повернулась к Герсену и произнесла:

— Вы вовсе никакой не злодей, несмотря на все, что рассказывали о себе. Вы были добры ко мне — даже более добры, чем я могла ожидать. Почему бы вам не отказаться от осуществления своего фантастического замысла? Кокор Хеккус в полной безопасности за стенами Аглабата, даже Сион Трамбле не представляет для него угрозы. Разве вы в состоянии что-то ему сделать? Чтобы убить его, вам нужно каким-то образом выманить его, а для этого придется одолеть все его чертовски коварные уловки. И никогда не забывайте о том, что больше всего на свете он жаждет встретиться именно с вами.

— Я прекрасно все это понимаю, — сказал Герсен.

— И тем не менее, продолжаете упорствовать? Вы, должно быть, или сумасшедший, или волшебник.

— Нет.

— Тогда вам придется придумать что-то из ряда вон выходящее.

— Только вот как это сделать, если в моем распоряжении нет никаких фактов? И именно этим мы сейчас и займемся. Видите этот ящик? — Он ткнул носком металлический чемодан. — Я могу сидеть на удалении в десять миль и с помощью заброшенной в Аглабат потайной микрокамеры доведываться обо всем, что мне необходимо знать.

Алюз Ифигения ничем не возразила на это заявление. Герсен внимательно осмотрел Старскип, затем, обведя взором теснившиеся со всех сторон горные склоны, удостоверился в том, что в такую глушь, да еще на такой высоте, ни при каких обстоятельствах не забредут варвары-кочевники. Интуитивно догадываясь о его мыслях, Алюз Ифигения заметила:

— Они держатся к югу от массива, где имеются пастбища для их стад и где рукой подать до амбаров Миска. Если мы полетим на юг, то увидим их селения. Это самые свирепые воины из всех, что когда-либо существовали, хотя и сражаются практически голыми руками да еще кинжалами.

Герсен поднял черный чемодан на борт ялика, который в отличие от летающей платформы, имевшейся на его старенькой Модели 9-В, был оборудован прозрачным колпаком и удобными сиденьями. Первой расположилась в кабине Алюз Ифигения, к ней тут же присоединился Герсен, после чего захлопнул колпак. Ялик чуть приподнялся в воздух, соскользнул с седловины, затем повернул на юг, продираясь между вздымающимися высоко вверх утесами и отвесными склонами. Никогда еще перед взором Герсена не разворачивалась столь ужасающая картина местности. Крутые обрывы росли буквально один за другим над напоминающим глубокую бездну ущельем, на дне которого металлической узкой лентой вилась река, различимая только вследствие того, что оранжевое солнце находилось в самом зените. Одна пропасть открывалась в другую. Пронизывающие их ветры сталкивались друг с другом и

трепали ялик, швыряя его из стороны в сторону. То и дело на глаза попадались водопады, низвергавшиеся с высоких уступов и похожие издали на развевающиеся по ветру пряди из серебристого шелка.

Мимо проносились утес за утесом, гряда за грядой, и исчезали сзади, и вот уже с южной стороны показалась череда долин. Вдалеке виднелись леса и луга, и вскоре Алюз Ифигения показала на что-то вроде беспорядочной россыпи скал, прилепившихся к почти отвесному обрыву.

— Поселок тадоскоев. Мы им кажемся какой-то сказочной птицей.

— До тех пор, пока нас не подстрелят.

— Они пользуются только валунами, которые скатывают сверху на своих врагов, а на охоте — луками и пращами.

Герсен тем не менее обошел поселок стороной, резко свернув к противоположной, почти отвесной стене ущелья, поверхность которой показалась ему удивительно бугристой и выщербленной. Только менее, чем в ста метрах от этой стены, до него дошло, что он быстро приближается к другому селению, с невероятным риском цеплявшемуся к бесплодным скалам. В поле зрения промелькнуло несколько темных фигур. Какой-то мужчина на крыше целился из оружия. Герсен выругался, резко свернул в сторону. Однако короткая острая металлическая игла прошила переднюю часть корпуса ялика. Ялик сильно тряхнуло, он накренился, затем начал терять высоту.

Алюз Ифигения громко вскрикнула, Герсен что-то прошипел сквозь плотно стиснутые зубы. Не прошло и двух часов пребывания на Фамбере, как их уже постигла беда!

— Выведены из строя передние подъемные винты, — сказал он, пытаясь сохранить спокойствие. — Не бойтесь, нам ничто не угрожает. Мы вернемся на корабль.

Но это оказалось явно невозможным — ялик завис под угрожающим углом к горизонту, поддерживаемый в воздухе только центральным и задним винтами.

— Придется сесть, — сказал Герсен. — Может быть, мне удастся устранить повреждение... Как мне показалось, вы сказали, что у этих людей нет никакого оружия.

— Это, должно быть, арбалет, отобранный у Кокора Хеккуса. У меня нет никакого другого объяснения. Я так огорчена.

— Вы нисколько не виноваты в этом. — Герсен все свое внимание сосредоточил на управлении яликом, пытаясь удерживать его под таким углом, чтобы еще имелась хоть какая-то тяга, позволяющая дотянуть до любого приемлемого для посадки места. В самый последний момент он выключил задние турбины, врубил на полную мощность тянущий двигатель и на какое-то мгновение выравнял ялик, благодаря чему посадка на покрытый гравием уступ в пятнадцати метрах над рекой получилась достаточно мягкой.

Из ялика Герсен выбирался на негнущихся ногах. При виде причиненных ялику повреждений сердце его совсем упало.

— Что-нибудь серьезное? — встревоженно спросила Алюз Ифигения.

— Очень. На корабль можно будет вернуться только в том случае, если удастся сдвинуть центральный винт вперед или каким-нибудь иным образом устранить дифферент при полете... Что ж, за дело.

Он извлек стандартный набор инструментов, которым комплектовался каждый ялик, и принялся за работу. Быстро пробежал час. Солнце прошло зенит и стало клониться к западу. В долине потемнело, все больше сгущались синие тени. Одновременно с этим пахнуло промозглым воздухом, наполненным запахом снега и влажных камней. Вдруг Алюз Ифигения потянула Герсена за руку.

— Скорее! Прячьтесь! Тадоскои.

Ничего толком не поняв, Герсен все же позволил девушке затащить себя в расщелину между скалами. Мгновеньем позже взору его представилось самое странное за всю его жизнь зрелище. По долине спускались от двадцати до тридцати гигантских многоножек, на каждой из которых размещалось по пять человек. Многоножки, как сразу же заметил Герсен, внешне почти не отличались от сооруженного Пэтчем форта, только были гораздо меньших размеров. Наездники — все как на подбор, один страшнее другого, очень мускулистые мужчины с темно-бордовой лоснящейся кожей. У них были колючие, холодные глаза, плотно сомкнутые губы, большие крючковатые носы, грубая одежда из черной кожи, шлемы — из такой же кожи и грубо обработанного железа. Каждый вооружен копьем, боевым топором и кинжалом.

При виде поврежденного ялика весь отряд в изумлении остановился.

— По крайней мере, они не посланы специально для того, чтобы захватить нас, — прошептал Герсен.

Алюз Ифигения промолчала и только еще ближе пододвинулась к нему. Однако даже в столь крайних обстоятельствах сама мысль о возможности соприкосновения их тел вызвала у Герсена волнующий трепет.

Тадоскои окружили ялик. Часть их спешилась и стала переговариваться на грубом, почти нечленораздельном наречии. Затем они начали обшаривать всю долину сверху донизу. Еще несколько секунд, и кто-то из них додумается обследовать расщелину.

— Оставайтесь здесь, а я попробую отвлечь их, — прошептал Герсен Алюз Ифигении, после чего вышел вперед, заложив большие пальцы за увешанную оружием портупею. На какое-то мгновение воины опешили и просто глядели на Герсена, затем вперед вышел воин в несколько более замысловатом шлеме, чем у других. Он заговорил: произносимые им слова грубо грохотали, как мельничные жернова, и хотя, по всей вероятности, своим источником имели древний всеобщий праязык, Герсен так ничего и не понял из всего, что он сказал. Глаза вождя — таким, судя по всему, было его положение в отряде — скользнули мимо Герсена, и в них снова вспыхнул огонь изумления. Это вышла из расщелины Алюз Ифигения и сразу же обратилась к вождю на языке, в какой-то мере родственном языку тадоскоев. Вождь не замедлил ей ответить. Остальные воины продолжали сидеть неподвижно. Никогда еще не доводилось Герсену видеть картины более зловещей несмотря на всю ее театральность.

Алюз Ифигения повернулась к Герсену:

— Я сказала ему, что мы — враги Кокора Хеккуса, что мы прибыли сюда из очень далекого мира, чтобы убить его. Вождь говорит, что они готовят набег, что вскоре соединятся с другими отрядами и что все вместе намерены напасть на Аглабат.

Герсен еще раз окинул вождя оценивающим взглядом.

— Спросите у него, может ли он обеспечить нас средствами доставки к нашему кораблю. Я хорошо заплачу ему.

Алюз Ифигения заговорила. Вождь только промычал что-то, свирепо ухмыляясь, затем заговорил. Алюз Ифигения тут же перевела его слова.

— Он отказывается. Весь отряд даже не помышляет ни о чем другом, кроме этого грандиозного набега. Он говорит, что если мы хотим, то тоже можем присоединиться к участникам набега. Я ответила ему, что вы предпочитаете отремонтировать механическую птицу.

Вождь снова заговорил. Герсен уловил, что слово "дназд" он употребил несколько раз. Алюз Ифигения — почему-то не сразу, что показалось несколько странным — повернулась к Герсену.

— Он говорит, что нам не дожить до утра, что нас умертвит дназд.

— А что же это такое "дназд"?

— Это огромное дикое животное. Эта местность как раз и называется Ущельем Дназда.

Снова раздался монотонный грохот голоса вождя. Ухо Герсена, привыкшее извлекать смысл из тысячи и одного диалектов или вариантов универсального языка, начало постигать общую тональность хриплого, гортанного говора вождя. Он, несмотря на угрожающее звучание своих слов, похоже, не был настроен враждебно по отношению к незнакомцам. Герсен сообразил, что для такого отряда воинов разделаться с беспомощными путниками означало только уронить собственное достоинство. "Вы говорите, что вы — враги Кокора Хеккуса", таким, похоже, был смысл его слов. "В таком случае мужчина должен стремиться присоединиться к вооруженному отряду — если, так сказать, он настоящий воин, несмотря на его нездоровую бледность".

Алюз Ифигения перевела его слова так:

— Он говорит, что это боевой отряд. Бледный цвет вашей кожи создает у него впечатление, что вы больны. Он говорит, что если вы желаете присоединиться, то, пожалуйста, но только в качестве слуги. А работы предстоит очень много и еще больше опасностей.

— Гм. Он именно так сказал?

— По крайней мере, в таком смысле выразился.

Судя по всему, у Алюз Ифигении не было ни малейшего желания присоединяться к вооруженному отряду варваров.

— Спросите у вождя, — попросил ее Герсен, — имеется ли хоть какая-нибудь возможность нашего возвращения к кораблю?

Алюз Ифигения задала этот вопрос вождю. Он, похоже, вызвал у него только сардоническую усмешку. Он как бы говорил: "Только в том случае, если вам удастся спастись от дназда, если удастся преодолеть более двухсот миль пути через горы без пищи и крова".

Алюз Ифигения упавшим голосом перевела ответ вождя:

— Он говорит, что ничем не может помочь нам. Мы вольны поступать так, как нам захочется. — Она бросила взгляд в сторону ялика. — Мы сможем его починить?

— Вряд ли. У меня даже нет необходимых для этого инструментов. Нам, пожалуй, лучше присоединиться к этим людям — во всяком случае, не отставать от них, пока не подвернется что-нибудь получше.

Алюз Ифигения эти слова Герсена перевела крайне неохотно. Вождь ответил равнодушным согласием и подал знак, по которому приблизилось одно из верховых животных, на котором размещались только четыре воина. Герсен взгромоздился на служившую седлом подушку, подтянул к себе Ифигению и посадил ее к себе на колени. Так близко они еще никогда не были друг к другу, казалось даже поразительным, что он столько времени себя сдерживал. Она, похоже, думала о том же самом и с грустью глядела на Герсена. Какое-то время она еще сидела вся съежившись, затем стала держаться посвободнее.

Бег многоножек был ровным и плавным, как если бы они скользили по стеклу. Отряд, следуя вниз по долине, все время придерживался почти невидимой тропы, которая то опускалась, то поднималась, перебиралась через валуны, петляла среди расщелин, ныряла в узкие проходы между скалами. Время от времени, когда стены долины почти смыкались друг с другом, небо Фамбера становилось лишь темно-синей узкой полосой, а речка превращалась в стремительно несущийся бурлящий поток, кавалькада взбиралась на карнизы крутых утесов, сдавливавших долину. Воины хранили мертвую тишину, столь же беззвучно передвигались оседланные ими многоножки, единственными звуками, которыми нарушался покой долины, были

вздохи ветра и журчанье воды. В такой обстановке Герсен еще более остро ощущал тепло тела девушки, прижавшейся к нему, однако не переставал напоминать себе, что потворство такого рода слабостям для него категорически запрещено, что уделом его жизни может быть только печаль и роковой исход — но все его естество, естество на клеточном уровне, на уровне нервов и инстинктов противилось этому, и руки его еще плотнее обвивались вокруг Алюз Ифигении. Она оборачивалась — лицо ее, как казалось Герсену, выражало лишь отрешенную грусть, а в глазах блестели не что иное, как слезы. Почему она такая подавленная, не переставал изумляться Герсен, что могло ее так угнетать. Обстоятельства, конечно же, пока что складывались не очень-то благоприятные, и не могли не вызывать досады, однако положение было далеко не безнадежным. Как бы то ни было, но тадоскои обращались с ними учтиво... Внезапная остановка прервала его мысли. Вождь совещался со своими помощниками. Внимание их было приковано к вздымавшейся высоко вверх отвесной стене, к едва различимым прилепившимся к ней зернышкам, которые, как догадался Герсен, составляли селение горцев.

Алюз Ифигения пошевелилась в его руках.

— Это селение противников, — пояснила она. — Отдельные кланы тадоскоев испокон веков враждуют между собой.

Вождь подал знак — трое разведчиков спешились и побежали вперед, чтобы проверить безопасность тропы. В сотне метров от отряда они издали гортанные сигналы тревоги и чуть отпрянули назад, увернувшись от массивной каменной глыбы, обрушившейся на тропу сверху.

У воинов не шевельнулся ни один мускул. Разведчики двинулись дальше вдоль по тропе и исчезли из виду. Через полчаса они вернулись.

Вождь просигналил своим воинам, и многоножки одна за другой ринулись вперед. Высоко над головой появились какие-то предметы, похожие на серые горошины. Они падали вниз невообразимо медленно, почти что плыли по воздуху. Но размер и скорость оказались обманчивыми. Горошины превратились в каменные глыбы, высекавшие осколки из расположенных вдоль тропы скал. Воины, не

проявляя внешне ни малейшей озабоченности, уклонялись от каменной лавины, то ускоряя, то замедляя бег своих многоножек, временами даже пуская их вперед стрелой, а иногда и останавливая на полном ходу. Как только мимо опасного места пронеслась многоножка с Герсеном и Алюз Ифигенией, камнепад тотчас же прекратился.

Долина вскоре резко расширилась, превратившись в вытянутое полумесяцем пастбище с полоской леса по берегам реки. Вот здесь-то и приостановилось на какие-то полминуты переднее животное и впервые вдоль цепи наездников прогрохотало: "Дназд".

Но дназд так и не показался. Отряд робко двинулся через луговину дальше, воины на всякий случай припали к спинам животных.

Стало темнеть. Несколько пучков перистых облаков высоко над головой выкрасились в темно-бронзовый цвет в лучах заходящего солнца. Вскоре отряд вошел в узкое ущелье между скалами, скорее даже расщелину, сквозь которую животные могли протиснуться, лишь совсем поджав под себя ноги. Временами Герсен мог бы прикоснуться к стенкам расщелины с обеих сторон одновременно. Затем трещина расширилась и вывела отряд на круглую площадку с поверхностью, присыпанной песком. Все спешились. Животных отвели в сторону, соединили всех вместе веревками. Часть воинов набрала воды в кожаные ведра из расположенного поблизости пруда, дала животным напиться и стала кормить чем-то, напоминающим высохшую и измельченную в порошок кровь. Другая часть воинов развела несколько небольших костров, повесила котелки на треноги и начала готовить какое-то отвратительно пахнущее варево.

Вождь со своими помощниками расположился чуть в стороне от остальных и начал с ними вполголоса совещаться. Затем бросил взгляд в сторону Герсена и Алюз Ифигении и подал знак. Тотчас же двое воинов разбили нечто вроде палатки из черной кожи. Алюз Ифигения издала еле слышный вздох и потупила взор.

Как только закончилось приготовление еды, каждый воин достал железную миску из-под прикрывавшей затылок части шлема и погрузил ее прямо в котел, не обращая внимания на горячий пар и кипящую подливу. Не имея

никакой посуды, Герсен и Алюз Ифигения терпеливо наблюдали за тем, как воины расправлялись с едой непосредственно пальцами, помогая лишь широкими ломтями черствого хлеба. Первый закончивший есть воин вычистил миску песком и учтиво протянул ее Герсену, который с благодарностью принял ее, окунул в варево и отнес миску Алюз Ифигении, чем вызвал удивленный ропот среди воинов. Тут же появилась еще одна миска, и теперь за еду принялся Герсен. Похлебка оказалась не такой уж мерзкой, хотя и пересоленной и приправленной какой-то весьма необычной, очень острой специей. Хлеб был твердым и отдавал жженым бурьяном. Воины сидели на корточках вокруг костров, не смеясь и не затевая какой-либо возни.

Вождь поднялся во весь рост, прошел в палатку. Герсен стал озираться по сторонам в поисках места для себя и Алюз Ифигении. Ночью будет очень холодно, поскольку при них были только плащи. Тадоскои, у которых не было даже этого, очевидно намеревались лечь спать прямо возле костров... Воины то и дело как-то загадочно посматривали в сторону Алюз Ифигении. Герсен тоже повернулся к ней. Она сидела, не отрывая глаз от костра, обвив руками колени. Ничто, казалось, не должно было вызывать к ней повышенное внимание. Из палатки вышел вождь, хмурое лицо его выражало недовольство — как будто пришел конец его терпению. Кивком головы он поманил к себе Алюз Ифигению.

Герсен медленно выпрямился во весь рост. Алюз Ифигения, не отрывая глаз от костра, произнесла тихо:

— Для тадоскоев женщины — существа низшего порядка... Женщины у них находятся в общественной собственности, и воин, занимающий наивысшее положение, спит с полюбившейся ему женщиной — первым.

Герсен повернулся к вождю.

— Объясните ему, что это не в наших обычаях.

Алюз Ифигения медленно подняла голову, пристально глядя на Герсена.

— Мы ничего не можем сделать. Мы...

— Скажите ему.

Алюз Ифигения повернулась к вождю и передала ему слова Герсена. Сидевшие вокруг костра воины застыли,

как каменные изваяния. Вождь, казалось, был ошарашен и сделал два шага вперед.

— На своей родине вы обязаны строго соблюдать свои собственные обычаи, — сказал он. — Но здесь — Скар Сакау, и здесь надо придерживаться наших. Вот этот бледнолицый является наиболее выдающимся воином из всех, здесь присутствующих? Нет, конечно же, нет. Следовательно, ты, бледнолицая женщина, должна уйти в мою палатку. Так заведено в Скар Сакау.

Герсен не стал дожидаться перевода.

— Скажите ему, что я особо выдающийся воин у себя на родине. И если вы и будете спать с кем-нибудь, то только со мною.

На что вождь не без галантности отвечал:

— Повторяю, здесь Скар Сакау. Я здесь вождь, никто не смеет мне перечить. И не стоит тратить попусту слов, доказывая, что бледнолицый мне не пара. Так что, ступай сюда, женщина, и на этом закончим эти недостойные меня переговоры.

— Скажите ему, — упорствовал Герсен, — что мое положение воина куда выше, чем его — что адмирал космического флота, Верховный Правитель, сам Господь-Бог — кто-угодно, лишь бы это стало ему понятно.

Она покачала головой и поднялась.

— Мне лучше повиноваться.

— Скажите ему.

— Вас убьют.

— Скажите ему.

Алюз Ифигения перевела слова Герсена. Вождь сделал еще два шага вперед и показал на крепкого молодого воина.

— Ну-ка докажи этому бледнолицему, что он из себя представляет. Задай ему настолько крепкую взбучку, чтобы он надолго запомнил свое жалкое место.

Воин сбросил доспехи с верхней части туловища.

— Бледнолицый вооружен, как самый настоящий трус, — произнес вождь. — Передай ему, женщина, что он должен биться как подобает мужчине, в лучшем случае, только с кинжалом в руках. Пусть он снимет с себя все мечущее молнии оружие.

Дрожащей рукой Герсен потянулся было к лучемету. Но тут же понял, что рядом стоящие воины тотчас же обе-

зоружат его. Он неторопливо расстался с оружием, отдав его Алюз Ифигении, снял с себя куртку и рубаху. Его противник был вооружен тяжелым кинжалом с обоюдоострым лезвием. Герсен в связи с этим извлек свой собственный нож с узким и длинным лезвием.

Воины-тадоскои расчистили пространство между тремя кострами и, присев на корточки, образовали круг. Темно-коричневые лица их оставались сумрачными и бесстрастными, что делало их всех похожими на гигантских насекомых.

Герсен вышел вперед и прикинул в уме возможности своего противника. Он был повыше Герсена, могучими были его мышцы, быстрыми — движения. Пальцы его поигрывали тяжелым кинжалом будто перышком. Герсен чуть приподнял свой нож, продолжая держать его свободно. Молодой воин описал кинжалом круг в воздухе, как бы пытаясь подобным маневром загипнотизировать противника. Сталь клинка, отражая сполохи костров, образовала в воздухе зловещее огненное кольцо.

Резким движением Герсен швырнул свой нож в противника. Острое лезвие проткнуло его запястье и пригвоздило к плечу. Из мгновенно потерявших силу пальцев выпал кинжал. В немом изумлении парень взирал на беспомощную руку. Герсен подошел ближе, поднял оброненное воином оружие, низко пригнулся, увернувшись от удара ногой, и сам ударил воина в голову чуть повыше уха плоской стороной его же собственного кинжала. Воин пошатнулся, Герсен ударил его еще раз. Так и не оправившись после меткого попадания Герсена, парень рухнул наземь.

Герсен подобрал свой нож, учтиво вернул кинжал молодого воина на его прежнее место в кожаных ножнах, после чего вернулся к Ифигении и начал спокойно одевать на себя ту часть одежды, что сбросил перед схваткой.

Только сейчас, впервые за все это время среди зрителей прошелестел шум приглушенных голосов. Не было ни аплодисментов, ни неодобрительных возгласов — только тихий ропот, в котором перемешались некоторое удивление и неудовлетворенность результатом схватки.

Все теперь смотрели на вождя, который тут же вышел вперед с торжественным видом.

— Бледнолицый, — громким голосом, нараспев, начал вождь и этот тягучий ритм тщательно поддерживал в продолжение всей своей речи, — ты одержал верх над этим молодым воином. Я не вправе упрекать тебя за не совсем обычный способ, с помощью которого ты этого добился, хотя мы, тадоскои, считаем, что только тот, кто не очень-то надеется на свою силу и умение, захочет решать судьбу поединка одним-единственным броском. И вот это-то как раз не доказывает ничего иного, кроме того, что тебе удалось одолеть молодого и не очень-то опытного воина. Придется тебе сразиться еще раз.

Взгляд его начал скользить по лицам воинов, но тут заговорил Герсен.

— Скажите вождю, — сказал он Алюз Ифигении, — что только с ним я могу уладить разногласия в отношении того, где вы будете проводить эту ночь, и поэтому именно его я вызываю сразиться со мной.

Алюз Ифигения тихим голосом перевела слова Герсена. Услышанное совершенно ошеломило собравшихся. Даже сам вождь был удивлен подобным предложением.

— Он действительно так считает? Неужели он не понимает, что здесь мне нет равных, что я — повелитель всех тех людей, с кем мне доводилось до сих пор сталкиваться? Объясни ему, что я — вождь и что, поскольку он не принадлежит к моему клану, то схватка между нами должна закончиться только смертью одного из нас.

Алюз Ифигения все это передала Герсену, на что тот ответил:

— Поставьте вождя в известность о том, что я не имею желания доказывать свое высокое положение. Что я с большей охотой предпочел бы спать, а не сражаться, если он не станет настаивать на вашем обществе.

Алюз Ифигения объяснила вождю намерения Герсена, но вождь решительным жестом швырнул наземь свои доспехи, после чего произнес:

— Вопрос, кто из нас более достойный, мы уладим очень быстро, так как в боевом отряде не может быть двух предводителей. Чтобы судьбу схватки не решал один случайный бросок, борьба будет вестись голыми руками, без применения любого оружия.

Герсен окинул вождя придирчивым взглядом. Он был высок, несколько тяжеловесен, но очень подвижен. Темная

кожа его казалась задубевшей, как дерево. Взглянул на Алюз Ифигению, которая зачарованно следила за каждым его жестом, затем двинулся вперед. По сравнению с телом варвара, темный цвет кожи которого рельефно оттенял многочисленные бугры стальных мускулов, его собственное тело казалось мертвенно бледным и дряблым. Чтобы проверить реакцию вождя, Герсен нанес как бы невзначай удар кулаком в сторону головы. Мгновенно стальные пальцы перехватили его запястье, взметнулась одна из ног. Герсен выдернул руку и мог бы, поймав ступню, опрокинуть вождя наземь, но вместо этого позволил носку противника слегка коснуться его бедра, после чего нанес с размаху еще один удар левой рукой, который пришелся почти как бы случайно в шею вождя. Впечатление было такое, будто костяшки пальцев уткнулись в ствол дерева.

Вождь прыгнул вперед, оттолкнувшись сразу обеими ногами, а для вящего устрашения еще и раскинул пошире руки. Кулак Герсена как бы сам собой уткнулся в незащищенное лицо варвара, угодив прямо в левый глаз, но при этом и сам Герсен нарвался на такой захват руки, какой прежде ему еще никогда не встречался. Еще секунда — другая, и противник сломал бы ему локтевую кость. Герсен чуть присел, затем резко распрямился, как пружина, совершил что-то вроде безрассудного в данной ситуации кувырка назад, но при этом с размаху ударил противника ногой в лицо и рывком высвободил руку. Когда Герсен снова начал наступать на вождя, его самоуверенности куда поубавилось. Он медленно поднял обе руки, принимая защитную стойку, но Герсен опередил его и снова ударил в левый глаз. Еще раз взметнулась нога варвара, и еще раз Герсен воздержался от того, чтобы схватить его за лодыжку. Носок снова едва коснулся бедра Герсена. Левый глаз вождя опух и налился кровью. Отпрыгнув назад после выпада противника ногой, Герсен воспользовался секундной передышкой для того, чтобы образовать ногой углубление в песке. Вождь кружил около него, но напасть не решался. Тогда Герсен сам отскочил чуть в сторону и сделал ложный выпад рукой. Противник поймал его руку одной рукой, а другой нанес рубящий удар по затылку. Герсен моментально поднырнул вперед и уткнулся плечом в твердый, как гранит, живот варвара. Ответным ударом тот

смахнул в сторону плечо Герсена, но Герсен, низко пригнув голову, продолжал на него наседать. Вождь взметнул вверх колено и с силой ударил им в грудь Герсена. Герсен поймал колено, резко выпрямился, перехватил руки, вцепившись в лодыжку и крутанул ее. Вождю пришлось даже упасть, чтобы воспрепятствовать вывиху коленного сустава, но как раз в это мгновенье Герсен нанес сильнейший удар ногой точно в правый глаз и тотчас же отпрянул назад, едва увернувшись от мощного взмаха темно-красной руки. Какое-то мгновенье он стоял неподвижно, тяжело дыша и сопя, страшно болела грудь, но правый глаз вождя совершенно заплыл. Герсен пригнулся, тщательно расширил углубление в песке. Свирепо сверкая глазами, как разъяренный вепрь, вождь внимательно следил за каждым движением Герсена. Затем, отбросив, по-видимому, всякую осторожность, ринулся вперед. Герсен сделал шаг в сторону — порядок ответных действий на как раз вот такое притворное безрассудство был им тщательно отработан на выдававшихся от случая к случаю тренировках. Не задумываясь ни на мгновение, он нанес прямой колющий удар кулаком точно в левый глаз вождя, однако молниеносный удар левой руки варвара едва не раздробил его запястье, вызвав острую боль и полностью лишив возможности осознанно владеть левой рукой. Это была серьезная потеря, но правый глаз вождя уже совсем закрылся, а левый опух еще больше. Не обращая внимания на боль, Герсен с размаху шлепнул теперь уже бесполезной левой ладонью по лицу противника. Снова, как и в аналогичном случае раньше, взметнулась левая рука варвара, чтобы рубануть Герсена по затылку, но тот изловчился ухватиться за ее запястье своей правой рукой, ногой нанес удар чуть ниже левого колена, а головой — в шею, после чего вождь решил, что лучше несколько присесть, но сохранить свободу действий и координацию движений. Выдохнув с громким хрипом из легких весь воздух, Герсен изо всей силы рубанул по открывшемуся всего лишь на какое-то мгновенье затылку вождя. Лицо варвара побагровело, и он нанес хлесткий ответный удар слева тыльной стороной руки. Герсен, который теперь уже начал терять первоначальную подвижность, отразил удар правым предплечьем. С таким же успехом можно было подставить руку под кувалду, и теперь

от обеих рук, как левой, так и правой, пользы уже не было никакой. Противники разошлись в разные стороны, оба сильно вспотели и тяжело дышали. Оба глаза вождя теперь были почти полностью закрыты. Ничего так не желал сейчас сильнее Герсен, как каким-угодно способом утаить от противника непригодность своих рук для продолжения схватки. Проявление подобной слабости стало бы для него роковым. Собрав последние силы, он пригнулся и начал подкрадываться к вождю, держа руки так, будто готовился нанести удар кулаком. Варвар взревел и повторил свой коронный бросок, оттолкнувшись одновременно обеими ногами. Герсен пригнулся, чтобы устоять на ногах, правым локтем ударил наотмашь в почерневшее от ушиба место на шее вождя. Руки варвара обвились вокруг туловища Герсена, боковыми ударами головы он начал долбить его висок. Герсен присел еще ниже и ударил головой вождя под подбородок, а затем нанес еще несколько ударов ногами по коленям. Они оба опрокинулись наземь, варвар предпринял попытку подмять под себя Герсена, тот поначалу не стал ему в этом препятствовать, даже поддался ему, но в последнее мгновенье вывернулся и оказался на нем сверху, хотя и в цепких объятиях влажных темно-коричневых рук. Герсен с размаху ударил головой противника в подбородок, затем в нос. Варвар в ответ каждый раз пытался укусить Герсена в лицо и продолжал приподнимать и опускать туловище и извиваться всем телом, чтобы вывернувшись, самому оказаться наверху, однако Герсен пресекал эти попытки, упираясь в землю широко разведенными ногами. В очередной раз ударил противника головой — зубы варвара оставили шрамы у него на лбу. Тогда он ткнул головою в нос и почувствовал, как тот сломался. Затем снова, как молот, опустил голову на подбородок — и снова зубы противника вырвали кусок кожи у него на лбу. Однако на большее вождь уже не был способен. В последней отчаянной попытке противостоять настойчивым ударам головы Герсена, он, отпустив туловище, высвободил руки для того, чтобы упереться локтями в шею Герсена, но тот именно этого маневра и ждал. Рывком выпрямившись, он расположился на животе у вождя, а затем, собрав последние силы, нанес сокрушительный удар головой прямо в переносицу.

Вождь поперхнулся, тело его обмякло, он уже ничего не соображал, ошеломленный болью, усталостью и ударами в шею и голову. Герсен, шатаясь, поднялся на ноги, руки его висели безвольно, как плети. С ужасом он глядел на распростертое перед ним гигантское темно-коричневое тело. Никогда в жизни ему еще не приходилось иметь дело со столь необыкновенно сильным противником. Не умертвил ли он его? Даже не столь сильные удары убивали людей послабее.

Спотыкаясь на каждом шагу, Герсен подошел к тому месту, где сидела все еще продолжающая всхлипывать Алюз Ифигения, и произнес заплетающимся языком:

— Скажите воинам, чтобы они позаботились о своем предводителе. — Он — выдающийся боец, и враг моего врага.

Алюз Ифигения передала его слова воинам. Раздалось несколько унылых вздохов и негромкий, быстро притихший ропот. Несколько воинов подошли к лежавшему без сознанья вождю, затем повернули головы в сторону Герсена. Он стоял, пошатываясь из стороны в сторону. Перед глазами хаотически плясало пламя костров, лица все слились в одно кошмарное пятно. Он открыл пошире рот, чтобы заглотнуть побольше воздуха, и, подняв на мгновенье вверх взор, увидел, как мелькнуло скопление звезд, напоминавшее своей конфигурацией ятаган...

— Пойдемте, — сказала, поднявшись, Алюз Ифигения и повела его к палатке. Никто не посмел заступить им дорогу.

ГЛАВА XI

Перед рассветом жизнь лагеря снова забила ключом, воины раздули пригасшие головешки, поставили на медленный огонь котелки с остатками вчерашнего ужина. Вождь, чья голова вся была в ушибах и ссадинах, сидел, прислонясь спиной к скале, и угрюмо смотрел куда-то вдаль. Никто не заговаривал с ним, да и он сам хранил молчание. Из палатки вышел Герсен, сразу же за ним вышла Алюз Ифигения. Она перевязала левое запястье Гер-

сена и сделала массаж правого предплечья. Если не считать многочисленных синяков, ломоты по всему телу и растяжения связок левого запястья, состояние его было не таким уж плачевным. Пройдя к тому месту, где сидел вождь, он попробовал заговорить с ним на грубом наречии Скар Сакау.

— Ты сражался достойно.

— Ты сражался достойнее, — с трудом ворочая языком, произнес вождь. — С самого детства никто не мог одержать надо мной верх. Я обозвал тебя трусом. Я был неправ. Ты не убил меня. Это дает тебе право стать моим соплеменником и вождем. Каковы будут твои распоряжения?

— Предположим, я отдам приказ отряду провести нас к нашему кораблю?

— Тебя никто не послушает. Воины бросят тебя. Я был тем, кем ты являешься сейчас — предводителем боевой дружины. Во всех остальных случаях я имел только такую власть, какую был в состоянии поддерживать силой. Такую же власть имеешь и ты.

— В таком случае, — сказал Герсен, — будем считать события вчерашнего вечера не более, чем дружеским поединком. Ты — предводитель, мы — твои гости. Мы покинем отряд, когда представится удобный для нас случай.

Вождь, слегка пошатываясь, вскочил с места.

— Пусть будет так, как ты пожелаешь. Мы же двинемся дальше против нашего врага Кокора Хеккуса, Правителя Миска.

Вскоре отряд был готов выступить в путь. Посланный вперед разведчик почти тотчас же вернулся.

— Дназд!

— Дназд! — прошел приглушенный ропот по цепи воинов.

Прошел час, небо озарили яркие лучи солнца. Вперед снова отправился разведчик и вернулся с сообщением, что путь свободен. Отряд воинов покинул свое убежище среди скал и вскоре уже снова спускался извилистой цепью вниз по долине.

К полудню долина расширилась, и после очередного поворота со скалистых склонов открылась на много миль вперед залитая ярким солнцем местность, покрытая буйной растительностью.

Десятью минутами позже отряд вышел к такому месту, где стояли на привязи примерно шестьдесят — семьдесят других многоножек. Воины сидели на корточках неподалеку от животных. Вождь, не спешиваясь, провел летучее совещание с другими вождями, равными ему достоинством. Вскоре объединенные силы нескольких союзных кланов двинулись дальше вниз по долине. За час до захода солнца они окончательно покинули предгорье и теперь их со всех сторон окружала холмистая саванна. Здесь паслись стада небольших черных жвачных под наблюдением мужчин и мальчишек, скакавших верхом на животных примерно того же рода, только более высоких. При виде тадоскоев все они тотчас же обратились в бегство, однако обнаружив отсутствие погони, остановились и с удивлением смотрели вслед грозным силам горцев.

Постепенно местность стала более населенной. Сначала на глаза стали попадаться отдельные две-три хижины, затем круглые дома с низкими стенами и высокими коническими крышами, затем целые деревни. Население повсюду спасалось бегством. Никому не хотелось столкнуться лицом к лицу с тадоскоями.

На закате появился Аглабат, будто бы выросший прямо из зеленой равнины. Город со всех сторон окружали стены из коричневого камня с многочисленными парапетами и бойницами. Издали он производил впечатление плотно спрессованного нагромождения высоких круглых башен. В центре его над самой высокой из башен развевался черно-коричневый вымпел.

— Кокор Хеккус в настоящее время пребывает в своей резиденции, — сказала Алюз Ифигения. — Когда его здесь нет, вымпел не вывешивается.

Двигаясь теперь по идеально ровному травяному покрову, скорее напоминающему газон хорошо ухоженного парка, воины все ближе и ближе подступали к городу.

— Нам лучше бы расстаться с тадоскоями, — с тревогой в голосе заметила Алюз Ифигения, — до того, как они обложат со всех сторон город.

— Почему? — поинтересовался Герсен.

— Вы думáете, что Кокора Хеккуса можно застать врасплох? В любую минуту можно ждать вылазки Бурых Берсальеров. Начнется жуткое побоище, нас могут убить

или, что еще хуже, поймать в плен, и нам уже больше никогда не удастся хоть сколько-нибудь приблизиться к Кокору Хеккусу.

Возразить ей Герсену было нечем, но так уж сложились обстоятельства, что он связал свою судьбу с экспедицией варваров. Оставить их сейчас — тем более, что он разделял мнение Алюз Ифигении относительно возможности поражения тадоскоев — казалось равносильным предательству. И все же — на Фамбер он прибыл не для того, чтобы совершать великодушные жесты.

В двух милях от города отряд остановился. Герсен подошел к вождю.

— Каков твой план предстоящих боевых действий?

— Мы осадим город. Рано или поздно, но Кокору Хеккусу придется выслать нам навстречу свои войска. Когда такое случалось раньше, мы были слишком малочисленны и вынуждены были оставлять поле боя. Нас и сейчас немного — но не так уж и мало. Мы уничтожим Бурых Берсальеров, мы сотрем рыцарей в порошок. Мы привяжем Кокора Хеккуса и будем таскать его по степи, пока он не умрет. А потом завладеем богатствами Аглабата.

Достоинство этого плана — в простоте, подумалось Герсену.

— Предположим, войско не покинет город?

— Рано или поздно оно обязано будет это сделать, если только не предпочтет смерть от голода.

Солнце исчезло в пурпурной дымке, висевшей над горизонтом, на башнях Аглабата зажглись огни. В этот вечер, в отличие от предыдущего, никто не проявил непочтительного отношения к Алюз Ифигении. Как и тогда, Герсен уединился с ней в черной палатке.

Ощущение близости девушки привело к тому, что Герсен окончательно потерял всякий контроль над собой. Он взял ее за плечи, заглянул в едва различимое в темноте палатки лицо, поцеловал — она, как показалось сгоряча Герсену, отвечала ему взаимностью, но так ли это было на самом деле? В темноте не было видно выражение ее лица. Он снова поцеловал девушку и ощутил солоноватую влагу на ее щеках. Она плакала.

— Почему вы плачете? — сердито спросил Герсен, отпрянув от девушки.

— Наверное, из-за того что больше не в силах сдерживать волнение.

— Потому что я поцеловал вас?

— Разумеется.

Все сразу стало как-то не мило сердцу Герсена. Она всецело была в его власти, он мог с нею делать все, что вздумается. Но он не хотел ее бессловесной покорности. Он жаждал ответной пылкости.

— Предположим, обстоятельства были бы иными, — сказал он. — Предположим, мы были бы в Драззане, предположим, что вам не о чем было бы беспокоиться. Предположим, я подошел бы к вам — вот так, как сейчас — и поцеловал вас. Что бы вы стали делать в этом случае?

— Я больше уже никогда не увижу Драззана, — печально произнесла девушка. — Меня одолевает множество тревог. Я — ваша раба. Поступайте, как вам заблагорассудится.

Герсен бухнулся на пол палатки.

— Ладно. Спать так спать.

На следующий день тадоскои еще больше приблизились к городу и расположились лагерем в миле перед главными воротами. Было видно, как расхаживают по стенам солдаты. В полдень ворота открылись, из города вышло шесть колонн копейщиков в одинаковых коричневых одеждах, в черных доспехах и с черными шлемами на головах. Тадоскои встретили их появление хриплыми гортанными возгласами и повскакивали на своих животных. Герсен и Алюз Ифигения наблюдали за ходом сражения из лагеря. Оно было яростным и кровопролитным, противники были беспощадны друг к другу. Берсальеры сражались храбро, но без лютой ненависти, присущей горцам. Вскоре оставшиеся в живых отступили через ворота в город, устлав поле битвы многочисленными трупами.

На следующий день ничего существенного не произошло. На самом высоком шпиле крепости продолжал трепетать на ветру черно-коричневый вымпел.

— Где Кокор Хеккус держит свой космический корабль? — спросил Герсен у Алюз Ифигении.

— На одном из островов к югу. Для полетов туда и обратно он пользуется таким же яликом, как и ваш. До тех пор, пока Сион Трамбле не напал на остров и захва-

тил космический корабль, я считала Кокора Хеккуса великим волшебником.

Недовольство Герсена стало еще большим, чем когда-либо. Было ясно, что ему ни при каких обстоятельствах не подступиться к Кокору Хеккусу. Пусть даже тадоскоям и удастся взять штурмом город — Кокор Хеккус спасется бегством по воздуху... Из чего следовало, что нужно во что бы ни стало вернуться к Старскипу. С его борта можно было бы наблюдать за ходом событий, самому оставаясь невидимым, с его помощью можно было бы перехватить ялик, который со временем все равно покинет Аглабат независимо от исхода битвы.

Он поделился своими соображениями с Алюз Ифигенией. Она одобрила его планы.

— Нам нужно только добраться до Каррая. Сион Трамбле проведет вас через горы на север, и вы сможете поступать так, как сочтете нужным.

— А что будет с вами?

Она потупила взор.

— Сион Трамбле уже давно желает видеть меня своей невестой. Он во всеуслышание объявляет о своей любви. Я не возражаю против этого.

Герсен презрительно фыркнул. Благородный Сион Трамбле во всеуслышание объявил о своей любви! Как это галантно со стороны Сиона Трамбле! Герсен отправился поговорить с вождем.

— Часть воинов погибла во вчерашней схватке, и я заметил, что появилось несколько свободных верховых животных. Если вам не жалко одного из них, то я попытаюсь вернуться к своему космическому кораблю.

— Будет так, как ты пожелаешь. Выбирай любое по своему усмотрению.

— Меня устроило бы наиболее послушное и легче других управляемое.

К вечеру подходящую многоножку подвели к палатке. Герсен и Алюз Ифигения решили отправиться на ней в Каррай на заре.

За ночь рабочие из города соорудили тайком ограждение с длиной каждой стороны до тридцати метров, закрытое от посторонних глаз коричневой тканью на высоту до семи метров. При виде подобной наглости тадоскои при-

шли в неописуемую ярость. Они повскакивали на свои многоножки и устремились к ограждению, правда, довольно осмотрительно, так как ограждение было устроено явно с определенным умыслом.

И это действительно оказалось именно так! Как только передние ряды верховых многоножек приблизились к ограждению, ткань, прикрывавшая его, вздулась, и на свободу вырвалось чудовище на тридцати шести ногах, глаза которого изрыгали пламя.

Тадоскои отшатнулись, в панике повернули назад.

— Дназд! — прокатилось по рядам осаждавших. — Дназд!

— Это не дназд, — предупредил Алюз Ифигению Герсен. — Это машина, изготовленная машиностроительной фирмой Пэтча. Нам сейчас самая пора трогаться в путь.

Они взобрались на поджидавшую их многоножку и погнали ее во весь опор на северо-запад. Тем временем металлический монстр утюжил равнину перед городом, гоняясь за безумно мечущимися тадоскоями, пока не обратил их в позорное бегство и тут же пустился в погоню, передвигаясь с плавной легкостью, доставившей Герсену смешанное чувство удовлетворения и сожаления. Алюз Ифигению слова Герсена нисколько не убедили.

— Вы уверены в том, что это чудовище из металла?

— Совершенно.

Большинство оставшихся в живых тадоскоев искали спасение на той же дороге, по которой отправились в путь Герсен и Алюз Ифигения, и в том же направлении мчался форт, изрыгая длинные языки пурпурно-белого пламени. С каждой вспышкой такого пламени мгновенно сморщивалась от жара одна из многоножек и погибали пятеро воинов. Вскоре за спиной у Герсена и Алюз Ифигении, опережавших остальных на полмили, не осталось никого из тадоскоев, а сами они отчаянно торопились к предгорью. Форт чуть свернул в сторону, чтобы перерезать им путь. Впереди показался довольно высокий бугор, окруженный со всех сторон скалами. Герсен заставил животное из последних сил домчать беглецов до этих скал. Здесь он спрыгнул на землю, затем опустил Алюз Ифигению. Многоножка тут же умчалась прочь. Герсен вскарабкался к укрытию за глыбой покрытого мхом песчаника, цепля-

ясь за выступы руками, за ним последовала Алюз Ифигения. Взглянула на Герсена, чуть было что-то не сказала, но сдержалась. Лицо у нее было грязное, поцарапанное, волосы растрепанные, перепачкана одежда. В широко открытых глазах зрачки потемнели от страха. У Герсена не было времени на то, чтобы успокоить ее. Взяв на изготовку лучемет, он замер в ожидании.

Сначала послышался неразборчивый шум, затем все громче и громче стал раздаваться глухой стук тридцати шести быстро бегущих ног. И вот уже форт начал взбираться по склону, время от времени останавливаясь и обшаривая местность в поисках добычи.

На какое-то мгновенье Герсена даже охватило изумление — насколько верной была его интуиция, когда давным-давно, еще в цехе Б завода Пэтча, подсказала ему возможность именно такого столкновения. Установив и отрегулировав невысокий уровень излучения, он тщательно прицелился в известное ему одному место в спинном гребне форта и нажал на спуск. Тотчас же перемкнулись контакты потайного реле, потеряли упругость ноги чудовища, расчлененное на множество сегментов тело осело к земле. Еще через несколько секунд открылся люк, из него повыпрыгивали члены экипажа форта и в полнейшем изумлении стали расхаживать вдоль него. Герсен сосчитал их — девять человек из одиннадцати, составлявших полный экипаж. Двое остались внутри. На всех были коричневые комбинезоны, все держались очень непринужденно, что было совершенно не свойственно для коренных жителей Фамбера. Среди них были двое, которые могли быть и Зеуманом Отуалом, и Билли Уиндлом, и Кокором Хеккусом. С расстояния в пятьдесят метров Герсену было трудно различить их лица. Один из них повернулся — у него оказалась слишком уж вытянутая шея. Он определенно не мог быть тем, кого искал Герсен. Другой? Но он снова забрался внутрь форта. Действие ионизации начало ослабляться, ноги чудища наливались прежней силой...

— Прислушайтесь! — прошептала ему на ухо Алюз Ифигения.

Ничего особого Герсен не слышал.

— Прислушайтесь! — повторила девушка.

На этот раз Герсен услышал негромкую крадущуюся походку, сопровождавшуюся множеством щелкающих звуков — звуков смертельной опасности, нависшей над ними. Они, казалось, доносились откуда-то сзади. Вниз по горному склону спускалось существо, точной копией которого являлся форт — настоящий дназд. Одного взгляда на него оказалось для Герсена достаточно, чтобы прийти в изумление от того, насколько легко оказалось обмануть простодушных варваров грубой металлической копией. Настоящий же дназд, в отличие от тадоскоев, почти сразу же распознал подделку и стал приближаться быстрой трусцой к форту, затем остановился, как вкопанный, по-видимому, из любопытства. Экипаж форта в панике бросился внутрь и захлопнул люк. Конечности еще не обрели полной силы, глаз брызнул тощим пучком тусклых искр, рассыпавшихся по хвостовым сегментам дназда. В ответ на это дназд привстал на дыбы, издал дикий пронзительный вопль и обрушился на форт. Оба чудовища опрокинулись наземь и покатились вниз по склону, отчаянно цепляясь конечностями друг за друга и за выступы скал. Челюсти дназда тщетно кусали металлический корпус, брызжущие ядом кончики зубов скреблись об обшивку в попытках проткнуть ее. Внутри корпуса экипаж переворачивало, катало и швыряло до тех пор, пока кому-то не удалось активировать систему стабилизации и автоматического восстановления двигательных функций. Подача энергии возобновилась, форт поднялся на ноги. Снова высоко на дыбы встал дназд, чтобы обрушиться всем своим весом на металлические сегменты. Один из глаз форта выплюнул язык пламени — одна из конечностей дназда беспомощно задергалась в воздухе. Глаз снова прицелился, на этот раз еще более тщательно. С громким треском лопнула центральная секция, тело дназда рухнуло вниз, ноги конвульсивно вспарывали землю. Форт отступил чуть назад, языки пламени выплеснулись из обоих глаз — дназд превратился в груду дымящейся плоти.

Герсен подался чуть-чуть вперед и снова направил лучемет на ячейку с реле, срабатывающим под действием ионизации. Как и в первый раз, форт, раскачиваясь из стороны в сторону, грузно осел наземь. Вскоре открылся люк, по выдвинувшемуся изнутри трапу экипаж снова

спустился вниз. Герсен сразу же начал считать. Девять, десять, одиннадцать. Наружу вышли все до единого. Посовещавшись, члены экипажа направились к останкам дназда. Когда они решили возвращаться к форту и развернулись, то у трапа их уже поджидал Герсен, направив на них дуло лучемета.

— Повернитесь ко мне спиной, — скомандовал Герсен. — Станьте в цепочку по одному, подняв обе руки вверх. Убью любого, кто не подчинится.

Какие-то несколько мгновений члены экипажа в нерешительности переминались с ноги на ногу, каждый лихорадочно прикидывал в уме свой шанс стать героем. И каждый пришел к выводу, что такой шанс слишком ничтожен. Герсен же в свою очередь подвел черту под подобными соображениями залпом из лучемета, превратившим в золу землю у их ног. Недовольно ворча, с искаженными ненавистью лицами, все они повернулись спинами к Герсену.

— Загляните внутрь форта, — велел Герсен подошедшей к нему Алюз Ифигении. — Проверьте, не остался ли там кто-нибудь.

Вернувшаяся через несколько секунд девушка сообщила Герсену, что форт внутри пуст.

— А теперь, — скомандовал Герсен одиннадцати членам экипажа форта, — следуйте неукоснительно всем моим указаниям, если цените свою жизнь. Первый справа пусть отступит на шесть шагов назад. — Стоявший на самом правом фланге неохотно подчинился. Герсен поднял его оружие, компактный, но очень внушительно выглядевший лучемет неизвестной Герсену конструкции. — Ложитесь лицом вниз, обхватив ладонями затылок.

Один за другим все одиннадцать отступили на шесть шагов, и легли на землю, после чего были обезоружены и надежно связаны ремнями собственной одежды.

Одного за другим Герсен переворачивал каждого из них на спину и внимательно всматривался в лицо каждого. Никто из этих одиннадцати не был Зеуманом Отуалом.

— Кто из вас Кокор Хеккус? — спросил Герсен.

Какое-то время все продолжали хранить молчание. Затем тот, у которого Герсен отобрал лучемет, произнес:

— Он в Аглабате.

Герсен повернулся к Алюз Ифигении.

— Вы знакомы с Кокором Хеккусом. Кто-нибудь из этих людей похож на него?

Алюз Ифигения внимательно посмотрела на отозвавшегося на вопрос Герсена.

— Лицо у этого человека другое — но фигура, манера держаться такие же.

Герсен присмотрелся к чертам лица этого человека повнимательнее. Ничто не свидетельствовало о том, что оно подвергалось пластической операции либо представляло из себя искусно выполненную маску. Но глаза — были ли они глазами Зеумана Отуала? Какое-то не поддающееся четкому осмыслению сходство все-таки существовало, налет некоего циничного всезнания. Только это выделяло его среди всех остальных членов экипажа.

— Как вас зовут? — спросил Герсен.

— Франц Падербуш, — голос его звучал очень тихо, почти раболепно.

— Откуда вы родом?

— Я — младший Рыцарь замка Падер, к востоку от Миска... Вы мне не верите?

— У меня нет возможности убедиться в вашей искренности.

— Для этого вам нужно только побывать в Замке Падер — произнес пленник с некоторой не очень-то уместной в его положении дерзостью, — Старший Рыцарь, мой отец, подтвердит это десятком самых различных способов.

— Вполне возможно, — сказал Герсен. — И все же вы чем-то мне напоминаете Билли Уиндла из Скузе, а также некоего Зеумана Отуала, с которым встречался в последний раз в окрестностях Крокиноля. А вы, — обратился он к остальным членам экипажа форта, — поднимайтесь и побыстрее сматывайтесь отсюда.

— Куда? — спросил один.

— А куда хотите.

— Со связанными руками. Нас поубивают дикари.

— Найдите какую-нибудь щель и прячьтесь в ней до темноты.

После того, как все десятеро с тоскливым видом тронулись в путь, Герсен еще раз обыскал Падербуша, но никакого другого оружия при нем не нашел.

— А теперь, Младший Рыцарь, поднимайтесь и ступайте внутрь форта.

Падербуш с готовностью повиновался, быстрота, с которой он это сделал, только еще сильнее встревожила Герсена, и он понадежнее привязал его к одной из скамеек, затем захлопнул люк и прошел к знакомым ему органам управления форта.

— Вы умеете управлять этим ужасом? — спросила Алюз Ифигения.

— Я участвовал в его создании.

Она задумчиво и даже смущенно поглядела на Герсена, затем повернулась к Францу Падербушу, который удостоил ее бессмысленной самодовольной ухмылкой.

Герсен задействовал один за другим все приводы форта. Ноги его послушно повиновались, и форт сразу же понесся на север.

— Куда мы направляемся? — спросила через некоторое время Алюз Ифигения.

— К космическому кораблю, куда же еще!

— Через Скар Сакау?

— Через. Или вокруг.

— Вы, должно быть, с ума сошли.

Эти слова обескуражили Герсена.

— С помощью форта нам удастся это сделать.

— Но ведь вам совершенно не знакомы тропы, которые туда ведут. Они труднопреодолимы и зачастую ведут в ловушки. Тадоскои будут бросать с высоких обрывов огромные камни. Ущелья кишат дназдами. Если вам удастся избежать всего этого, то не забывайте еще о глубоких провалах, скользких карнизах, снежных лавинах. У нас нет еды.

— Все, о чем вы говорите — правда. Но...

— Сверните на запад, к Карраю. Сион Трамбле окажет вам почетный прием и проведет на север в обход гор.

Герсену нечего было противопоставить столь веским доводам, и он, сделав вид, будто делает девушке немалое одолжение, развернул форт и спустился в долину.

Холмистая местность, по которой они продвигались, радовала глаз своими пейзажами. Горы Скар Сакау остались далеко позади и исчезли в сизой дымке. Весь теплый летний день форт несся на запад, мимо небольших

ферм с каменными амбарами и каменными домиками с высокими крышами, мимо изредка попадавшихся селений. При виде форта глаза их жителей стекленели, ноги отнимались от ужаса. Все они ничем особо не выделялись, были светлокожими и темноволосыми, на женщинах были пышные юбки и тугие узорчатые корсажи, на мужчинах — непомерно раздутые шаровары до колен, яркие рубашки и украшенные вышивками жилеты. Время от времени на глаза попадались барские усадьбы в глубине парков или одиноко возвышающийся на крутом утесе феодальный замок. Некоторые из этих поместий и замков, казалось, постепенно превращались в руины.

— Тени прошлого, — пояснила Алюз Ифигения. — Наша страна — очень древняя. Она заполнена призраками.

Герсен, глянув мельком на Франца Падербуша, с удивлением обнаружил безмятежную улыбку на его лице. Вот точно такую же улыбку он несколько раз замечал на лице Зеумана Отуала — но ни общим характером лица, ни отдельными чертами он нисколько не был похож на Зеумана Отуала.

Зашло солнце, все вокруг погрузилось в сумерки. Герсен остановил форт на краю отдельно расположенного заливного луга. На ужин вполне сгодился рацион, предназначенный для экипажа форта. После ужина Падербуша заперли в кормовом отсеке.

Герсен и Алюз Ифигения вышли наружу и стали любоваться светлячками. Над головой у них ярко сверкали созвездия ночного небосклона Фамбера. К южной части неба звезд было неисчислимое множество, куда меньше их было в северной, где начиналось межгалактическое пространство. В расположенном поблизости леске запело какое-то ночное существо, теплый воздух был наполнен пряным запахом луговых трав. Герсен в конце концов набрался духу и взял руку девушки. Она даже не пошевельнулась, чтобы ее высвободить.

Несколько часов сидели они спиной к форту, молча глядя на мерцание светлячков в луговых травах. Только заунывный звон колокола из отдаленной деревни отмечал каждый час течения времени. Кончилось тем, что Герсен расстелил свой плащ, и они легли спать на мягкой траве.

На заре они снова двинулись на запад. Характер местности сильно изменился. Слегка холмистая равнина плавно перешла в предгорье с многочисленными долинами, поросшими лесом, еще дальше к западу начались настоящие горы на склонах которых высоко вверх тянулись деревья, очень напоминающие хвойные. Все реже стали попадаться деревни и хутора, а вскоре только замки в гордом одиночестве взирали с высоких утесов на долины и реки. Один раз бесшумно мчавшийся форт натолкнулся на группу вооруженных людей, устроивших пьяное шествие прямо посреди дороги. Одежда на них была сплошными лохмотьями, оружие составляли только луки и стрелы.

— Бандиты, — сказала Алюз Ифигения. — Отбросы Миска и Вадруса.

Границу охраняли двое окаменевших при виде форта стражей. Форт промчался мимо, преследуемый сигналами трубачей, взывавших к оружию.

Часом позже впереди форта на много миль к северу и западу раскинулась бескрайняя волнистая равнина.

— Вот это и есть Вадрус, — произнесла Алюз Ифигения. — Видите белое пятно сразу же за темным лесом? Это город Каррай. Жантильи еще западнее, но я неплохо знакома с Карраем. Сион Трамбле нередко оказывал в нем гостеприимство моей семье, так как в Жантильи я — принцесса.

— Так что теперь вы станете его невестой.

Алюз Ифигения смотрела на показавшийся впереди Каррай с печалью и раскаянием во взгляде, как будто с ним у нее были связаны какие-то сладостные, но теперь уже горькие воспоминания.

— Нет. Я уже больше не ребенок. Все теперь стало не таким простым, как прежде. Раньше были в моей жизни Сион Трамбле и Кокор Хеккус. Сион Трамбле — воин до мозга костей и в битвах столь же безжалостен, как и всякий другой. Но для народа Вадруса он старается быть воплощением справедливости. А вот Кокор Хеккус, разумеется, воплощение зла. Раньше я остановила бы свой выбор на Сионе Трамбле. Теперь я не желаю ни одного, ни другого. Слишком много волнующих переживаний довелось мне испытать... Действительно, — задумчиво произнесла девушка, — я, пожалуй, даже слишком уж много

узнала с тех пор, как покинула Фамбер, и потеряла свою юность.

Герсен резко повернулся, — краем глаза он уловил перемену в настроении их узника.

— Что вам могло показаться в этом такого забавного?

— Я вспоминаю точно такое же разочарование собственной юности, — произнес Франц Падербуш.

— У вас нет желания рассказать об этом поподробнее?

— Нет. Просто к слову пришлось.

— Вы давно служите Кокору Хеккусу?

— Всю свою жизнь. Он — правитель Миска, и, следовательно, мой сюзерен.

— Может быть, вы сможете рассказать нам что-нибудь о его намерениях?

— Боюсь, что не смогу. Если у него даже и есть определенные планы — по-моему, их у него не так уж много, — то он все равно держит их при себе. Он — человек замечательный, необыкновенный. Могу себе представить, какое негодование у него вызовет потеря форта.

Герсен рассмеялся.

— Гораздо меньшее, чем другие неприятности, которые я ему причинил. Как, например, в Скузе, где я сорвал его сделку с Дэниэлем Трембатом. Или в Обменном Пункте, когда я украл у него из-под носа принцессу, расплатившись с ним пустыми бумажками. — Рассказывая обо всем, Герсен внимательно следил за глазами Падербуша. Неужели ему это только почудилось. Или зрачки Падербуша в самом деле чуть расширились? Подобная неуверенность была нестерпимой, особенно когда это казалось таким бессмысленным и беспочвенным. Билли Уиндл, Зеуман Отуал, Франц Падербуш — ни один из них не был похож на другого. Общим у них был только тип телосложения и нечто такое, что вообще с трудом подавалось определению и что можно было подвести только под такое расплывчатое понятие, как стиль. Ни один из них, по словам Алюз Ифигении, не мог быть Кокором Хеккусом... Форт соскользнул с гор, пронесся мимо мест, изобиловавших фруктовыми садами и виноградниками, а затем — мимо роскошных лугов, где на каждом шагу попадались родники и повсюду виднелись деревни и хутора, и наконец вышел к распаханным по-

лям, простиравшимся до самого Каррая — города, резко отличающегося от Аглабата. Вместо мрачных коричневых стен здесь пролегали широкие проспекты и мраморные колоннады, вдоль которых располагались в тени высоких деревьев особняки и даже настоящие дворцы в глубине тщательно распланированных парков, великолепием ничуть не уступающие любым из дворцов на Земле. Если и были здесь трущобы или лачуги, то располагались как можно дальше от центральных улиц.

У самого входа в город огромную мраморную арку венчал шар из горного хрусталя. Здесь же размещался наряд стражников в мундирах, преобладающими цветами которых были пурпурный и зеленый. При приближении форта командир наряда истошно прокричал приказания. Стражники строем выдвинулись вперед, бледные, но непоколебимые в своей решительности, выставили копья и стали ждать гибели.

Герсен остановил форт в пятидесяти метрах от ворот, открыл люк и спрыгнул на землю. Стражники так и обмерли в изумлении. Затем из форта вышла Алюз Ифигения. Командир, похоже узнал ее, несмотря на далеко не лучший внешний вид.

— Неужели из нутра дназда вышла сама принцесса Ифигения Драззанская.

— Пусть вас не обманывает внешность зверя, — сказала Алюз Ифигения. — Это механическая игрушка Кокора Хеккуса, которую мы отобрали у него. Где Лорд Сион Трамбле? В своей резиденции?

— Нет, принцесса. Он отбыл на север, зато только что в Каррай прибыл его канцлер и находится поблизости отсюда. Сейчас я пошлю за ним.

Вскоре появился высокий седобородый аристократ в камзоле из черного бархата с пурпурным отливом. он торжественно вышел вперед и учтиво склонил голову. У Алюз Ифигении отлегло от сердца, когда она поздоровалась с ним — наконец-то рядом с ней был кто-то, на кого можно было всецело положиться. Она представила аристократа Герсену:

— Барон Эндель Тобальт.

Затем она справилась о местонахождении Сиона Трамбле, на что Барон не без иронии в голосе ответил, что Си-

он Трамбле выступил в поход против гроднедзов, пиратов Северного Моря. Его возвращение ожидается в не столь уж отдаленном будущем. А пока что принцесса может располагаться в городе, как у себя дома. Таково желание Сиона Трамбле.

Алюз Ифигения повернулась к Герсену с дотоле неведомым ему изяществом и сияющим от счастья лицом:

— Я не в состоянии должным образом вознаградить вас за все то, что вы для меня сделали, да и не попытаюсь этого сделать — ведь, насколько я полагаю, вы все это не расцениваете в качестве каких-либо заслуг передо мной. Тем не менее, я предлагаю вам все то гостеприимство, которым сейчас располагаю. Каким бы ни было ваше желание, вам нужно только упомянуть о нем.

Герсен ответил, что служить ей для него было одно удовольствие. Любые обязательства с ее стороны она уже более, чем выполнила, указав ему дорогу на Фамбер.

— И все же я позволю себе воспользоваться преимуществами вашего предложения. Я хочу, чтобы Падербуш был заточен в таком месте, откуда он гарантированно не смог бы сбежать до тех пор, пока я не решу, как с ним поступить.

— Мы разместимся в Парадном Дворце. В его потайных подвалах найдется вполне подходящая для этой цели темница.

Она сказала несколько слов начальнику стражи, и несчастного Падербуша тотчас же увели.

Вернувшись в форт, Герсен отсоединил часть кабелей и блоков управления, приведя тем самым механизм форта в состояние, непригодное для каких-либо манипуляций. Тем временем появился экипаж, богато украшенное высокое сооружение на золотых колесах. Герсен присоединился к Алюз Ифигении и барону Тобальту, уже разместившимся в переднем отделении. С ощущением вины за свою перепачканную одежду сел он на мягкий красный бархат и белый мех.

Экипаж выехал на проспект. Мужчины в роскошных одеждах и высоких остроконечных шляпах и женщины в белых длинных платьях со множеством оборок поворачивали в его сторону головы, чтобы лишний раз насладиться зрелищем выезда своего сюзерена.

Впереди показался Парадный Дворец Сиона Трамбле, квадратное здание в глубине огромного парка, архитектура которого, подобно архитектуре других дворцов Каррая, была одновременно вычурной и подкупающе бесхитростной: по периметру дворца возвышались шесть стройных башен, вокруг которых вились спиральные лестницы, центральный купол состоял из стеклянных пятиугольников в ячейках бронзовой паутины, балюстрады террас вокруг дворца представляли из себя ровные ряды нимф. Экипаж остановился у мраморной рампы. Здесь его поджидал необычайно высокий и столь же необычайно худой старик в черных и серых одеждах. В руках он держал жезл с эллипсоидальным изумрудом на конце — по-видимому, отличительным знаком той государственной службы, которую он возглавлял. Алюз Ифигению он поприветствовал со сдержанной почтительностью. Барон Тобальт представил его Герсену.

— Атер Кэймон, мажордом Парадного Дворца.

Мажордом поклонился, в то же самое время скользя критическим взглядом по замызганным одеждам Герсена, затем чуть взмахнул жезлом. Возникшие как из-под земли ливрейные лакеи повели Алюз Ифигению и Герсена во дворец. Они пересекли вытянутый приемный зал, вдоль всей длины которого с потолка свешивались хрустальные люстры, а пол был устлан ковром с бледно-лиловыми, красными и светло-салатными узорами. В круглом вестибюле они разлучились, пройдя каждый в свой боковой коридор. Герсена завели в апартаменты, состоящие из целого ряда комнат и выходящие в огороженный сад, в центре которого деревья в цвету окружали фонтан. После трудностей и невзгод путешествия такая неожиданная роскошь казалась нереальной.

Герсен вымылся в бассейне с теплой водой, после чего появился цирюльник, чтобы побрить его. Камердинер извлек из гардероба свежую одежду: свободные темно-зеленые штаны, зауженные у лодыжек, темно-синюю рубаху с белой вышивкой, зеленые кожаные чувяки с причудливо изогнутыми носками, головной убор, очень напоминающий островерхий шутовской колпак, который здесь, казалось, был весьма существенной частью наряда мужчин.

На столе в саду его уже дожидались фрукты, пирожные и вина. Герсен поел, отведал вина и тут же задумался —

с чего бы это Сиону Трамбле расставаться с таким окружением для участия в операциях против пиратов и вообще менять роскошь столицы на тяготы и опасности, с которыми сопряжены многочисленные военные авантюры, которым он, по словам Алюз Ифигении, счастлив предаваться?

Герсен покинул отведенные ему апартаменты и стал бродить по дворцу, повсюду обнаруживая обстановку, ковры, портьеры и обои изысканнейшей выделки. Предметы самых различных стилей доставляются сюда, очевидно, со всех концов Фамбера.

В гостиной он застал барона Тобальта, который поприветствовал его с холодной учтивостью. После некоторого размышления он справился у Герсена о характере мира за пределами Фамбера, "...откуда, насколько я полагаю, вы прибыли".

Герсен не стал этого отрицать. Рассказал об Ойкумене, о различных планетах, входящих в ее состав, и существующих на них порядках, о Глуши и творящихся в ней безобразиях, о планете Земля, откуда расселилось по всей Галактике человечество. Заговорил о Фамбере и о той легенде, которою он стал, на что барон ответил, что остальное человечество — не более, чем миф для жителей Фамбера.

— Наверное, можно не сомневаться в том, что вы намерены вернуться в привычную для вас среду? — не без грусти в голосе спросил он.

— Всему свое время, — осторожно ответил Герсен.

— И тогда вы всем объясните, что Фамбер вовсе никакой не миф?

— Я еще не задумывался над этим, — сказал Герсен. — А как вы сами настроены? Наверное, предпочитаете изоляцию.

Тобальт покачал головой.

— Я очень благодарен судьбе за то, что не мне принимать подобное решение. До самого сегодняшнего дня только один-единственный человек утверждал, что он побывал в звездных мирах — Кокор Хеккус, однако он повсюду разоблачен как хормагаунт — человек без души, которому никак нельзя доверять.

— Вы когда-нибудь встречались с Кокором Хеккусом?

— Только на поле битвы.

Герсен воздержался от того, чтобы спросить у барона, не замечал ли он сходства между ним и Падербушем. Думая о Падербуше, ныне заточенном в подземелье, он испытывал угрызения совести: если он не Кокор Хеккус, то единственным предосудительным поступком с его стороны было только участие в контратаке против тадоскоев.

Герсен дал знак одному из лакеев.

— Отведите меня в темницу, где содержится узник.

— Одну секундочку, сэр Рыцарь, я поставлю в известность об этом мажордома. Только у него хранятся ключи от темницы.

Вскоре появился мажордом, задумался над просьбой Герсена, а затем с очень недовольным видом — так, во всяком случае, показалось Герсену — провел Герсена к массивной резной деревянной двери, отпер ее, затем отпер и открывшуюся вслед за первой другую дверь, железную, которая вела к лестнице с каменными ступенями. Единственный ее пролет спускался далеко вглубь и заканчивался в подвале, вымощенном гранитными плитами, свет в который проникал только через узкие щели, каким-то образом сообщавшиеся с наружным миром. Вдоль одной из стен выстроился целый ряд дверей со стальными решетками, за которыми располагались камеры для заключенных. Все они были пусты, кроме одной.

— Вот здесь ваш узник, — произнес мажордом, показывая на единственную запертую дверь. — Если вам угодно убить его, то проделайте это, пожалуйста, в камере, расположенной вслед за первой — там имеется все необходимое для этого.

— Это не входит в мои намерения. Я хотел только удостовериться в том, что он не испытывает излишних страданий.

— Здесь вам не Аглабат. Здесь даже речи быть не может ни о чем подобном.

Герсен подошел к двери и заглянул через решетку. Падербуш, откинувшись к спинке стула, удостоил его презрительно насмешливым взглядом. Камера была сухой и хорошо проветриваемой. На столе виднелись остатки, по всей вероятности, вполне пристойной пищи.

— Вы удовлетворены? — спросил мажордом.

Герсен повернулся к нему и утвердительно кивнул.

— Неделя-другая, проведенная в размышлениях, нисколько ему не повредят. Проследите за тем, чтобы, кроме меня, он ни с кем не виделся.

— Как вам угодно.

Мажордом провел Герсена назад в гостиную, где к этому времени к барону присоединилась Алюз Ифигения. Присутствовали здесь также и другие придворные дамы и кавалеры. Алюз Ифигения глядела на Герсена с некоторым удивлением.

— Вы мне привычны только в облике некоего космического странника, — сказала она Герсену. — И меня удивило, когда я увидела вас как одного из джентльменов Вадруса.

Герсен ухмыльнулся.

— Я нисколько не изменился, несмотря на пышный наряд. А вот вы... — Он не смог найти слова, чтобы выразить то, что ему захотелось сказать.

— Мне сообщили, что возвращается Сион Трамбле, — поспешила объяснить Алюз Ифигения. — Он будет среди нас на сегодняшнем вечернем пиршестве.

Герсен сразу же почувствовал, как снова что-то уходит из его жизни. И всеми силами старался подавить в себе подобное ощущение. Несмотря на свой нынешний наряд никаким джентльменом он не был — ни Вадруса, ни какого-либо иного места во всей Ойкумене. Он был Киртом Герсеном, чудом спасшимся от гибели во время резни в Маунт-Плезанте и обреченным до конца дней своих заниматься только тем, что должно оставаться недоступным взорам всех остальных.

— Так вот что делает вас такой счастливой, — беспечно произнес он. — Близость вашего суженого.

Девушка покачала головой.

— Он вряд ли станет моим женихом — вам это известно лучше, чем кому-либо другому. Я счастлива потому что... Нет! Не могу назвать себя счастливой. Я запуталась, и теперь сама не знаю, как мне быть! — Она взволнованно всплеснула руками. — Смотрите! Все это — мое, стоит мне только захотеть! Я могу наслаждаться всеми наивысшими благами Фамбера! Однако — хочу ли я этого? И еще не сказал своего последнего слова Кокор Хеккус, который совершенно непредсказуем. Но я почему-то даже и

не думаю о нем... может быть, все дело в том, что мне пришлась по душе кочевая жизнь — которая раздразнила меня после того, как я повидала достаточно много миров помимо Фамбера?

Герсену нечем было ей ответить. Она тяжело вздохнула, затем поглядела на него из-под полуопущенных век.

— Но выбора у меня почти никакого. Сейчас я здесь, здесь и должна оставаться. На следующей неделе я вернусь в Драззан — а вас уже здесь не будет... Вы ведь покинете Фамбер, разве не так?

Герсен решил подойти к этому вопросу как можно более трезво.

— Куда и как я отправлюсь зависит от того, каким образом мне удастся поскорее добраться до космического корабля.

— А потом?

— Потом — я снова возьмусь за то, ради чего я сюда прибыл.

Она тяжело вздохнула.

— Не очень-то, как мне кажется блестящая перспектива. Снова горы Скар Сакау... Снова отвесные скалы и пропасти. Затем Аглабат. Каким образом вам удастся проникнуть сквозь его стены? А если вас поймают... — Она скривила лицо. — Когда я впервые услышала о темницах под Аглабатом, я не спала несколько месяцев. Все боялась уснуть из страха перед подземельями Аглабата.

В гостиную вошел дворецкий в светло-зеленой ливрее с подносом в руках. Алюз Ифигения взяла два бокала, один из них протянула Герсену.

— И если вас убьют или поймают — как я смогу тогда покинуть Фамбер, если решусь на это?

Герсен невесело рассмеялся.

— Если бы я серьезно задумывался над подобными вопросами, я бы стал опасаться всего этого. Страх сковал бы мои действия, а вследствие этого резко бы возросла угроза моей поимки или гибели. Если вы выйдете замуж за Сиона Трамбле, то, как мне кажется, столкнетесь с точно такими же трудностями.

Алюз Ифигения чуть вздернула обнаженные нежные плечи — она была в белом вечернем платье в оборках без

рукавов, которым в этом городе отдавали явное предпочтение.

— Он красив, благороден, справедлив, почтителен — и, пожалуй, даже слишком хорош для меня. Неожиданно для самой себя я обнаружила, что у меня появились такие мысли и желания, которые раньше были мне неведомы. — Она обвела взглядом комнату, на мгновенье прислушалась к гулу голосов, затем снова повернулась к Герсену. — Мне трудно выразить словами те чувства, что меня обуревают — но в эпоху, когда мужчины и женщины почти мгновенно пересекают космическое пространство, когда сотни планет объединились в Ойкумену, когда возможно все, что только доступно человеческому воображению, эта отдаленная крошечная планета с доведенными до крайности добродетелями и пороками кажется неправдоподобной.

Герсен, которому были куда ближе, чем Алюз Ифигении, знакомы планеты Глуши и планеты Ойкумены, не склонен был разделять ее чувств.

— Все зависит от того, — сказал он, — как вы относитесь к человечеству: к его прошлому, его настоящему и какие надежды питаете в отношении его будущего. Институт... — Он не удержался от смеха, произнося это слово, — ... наверняка предпочел бы Фамбер будням современной Ойкумены.

— Мне ничего не известно об Институте, — произнесла Алюз Ифигения. — Это группа людей с порочными наклонностями или даже преступников?

— Нет, — ответил Герсен. — Они всего лишь философы...

Алюз Ифигения тяжело вздохнула, взгляд ее снова стал почти отрешенным.

— Я еще очень многого не знаю, — произнесла она, взяв руку Герсена в свою.

В сопровождении пажей с фанфарами в руках в гостиную торжественно вошел герольд.

— Сион Трамбле, Великий Князь Вадруса.

В гостиной сразу же воцарилась тишина. Из приемного зала послышались пока что еще отдаленные, размеренные шаги и в такт с ними характерный звон металла. Пажи подняли фанфары, издали приветственную мелодию. И тут же размашистым шагом в гостиную вошел Сион Трамбле. Он был прямо с дороги, в перепачканных доспехах, в круг-

лом металлическом шлеме на голове, испещренном вмятинами и перемазанном запекшейся кровью. Когда он снял шлем, взору Герсена явилась пышная копна золотистых локонов, коротко подстриженная светлая борода, великолепный прямой нос и невообразимо голубые глаза. Он поднял руку в приветственном жесте, относящимся ко всем присутствующим, затем церемонно подошел к Алюз Ифигении, склонился перед ее рукой.

— Моя принцесса — вы сочли возможным вернуться.

Алюз Ифигения хихикнула. Сион Трамбле с удивлением поглядел на нее.

— По правде говоря, — сказала Алюз Ифигения, — вот этот джентльмен не предоставил мне иного выбора.

Сион Трамбле повернулся к Герсену. "Мы с ним никогда не станем друзьями", подумал Герсен. Каким бы благородным, учтивым, справедливым и добросердечным ни был Сион Трамбле, он все равно оставался лишенным чувства юмора напыщенным индюком, самодовольным и своенравным.

— Меня поставили в известность о вашем прибытии, — сказал Герсену Сион Трамбле. — Я обратил внимание на чудовищный механизм, в котором вы прибыли. Нам предстоит многое обсудить. А пока что, прошу извинить меня. Мне нужно снять с себя доспехи.

Он повернулся и покинул гостиную. Возобновились прерванные разговоры между придворными.

Алюз Ифигении не о чем было говорить, и она загрустила. Через час все собравшиеся перешли в пиршественный зал. За возвышением в дальнем конце стола восседал в белых и алых одеяниях Сион Трамбле, справа и слева от него располагались наиболее приближенные к нему вассалы. Чуть ниже их, в строгом порядке старшинства места занимали все прочие приглашенные на пиршество гости. Отведенное Герсену место оказалось почти у самых дверей в пиршественный зал. Кроме того, от его внимания не ускользнуло, что Алюз Ифигения, несмотря на свой статус официальной невесты Сиона Трамбле, все же вынуждена была занять место позади по крайней мере шести дам, ранг которых расценивался при дворе выше, чем ее.

Пиршество было великолепным и продолжительным, крепки подаваемые вина. Герсен ел и пил в меру, учтиво

отвечал на вопросы, все его попытки держаться как можно неприметнее не увенчались успехом, поскольку оказалось, что глаза всех присутствующих большую часть времени были устремлены именно на него.

Сион Трамбле ел совсем немного, а пил и того меньше. В разгар пиршества он поднялся и, жалуясь на усталость, извинился перед собравшимися за то, что должен покинуть их.

Чуть позже к Герсену подошел паж и прошептал на ухо:

— Милорд, соблаговолите пройти со мной. Князь желает переговорить с вами.

Герсен поднялся из-за стола, паж провел его в круглый вестибюль, затем в коридор и завел в небольшую гостиную, стены которой были отделаны панелями из необработанной древесины. Вот здесь-то и дожидался Герсена Сион Трамбле, успевший переодеться в свободный халат из светло-голубого шелка. Пригласив Герсена присесть в расположенное рядом кресло, он сделал жест в сторону небольшого низкого столика, на котором стояли бокалы и графины.

— Располагайтесь поудобнее, — произнес он. — Вы — человек из далекого для нас мира. Пожалуйста, не обращайте внимания на наши непостижимые для непосвященных правила этикета. Давайте поговорим как мужчина с мужчиной, честно и откровенно. Скажите мне — какова причина вашего пребывания здесь.

Герсен не усмотрел причин для того, чтобы не сказать всей правды.

— Я прибыл сюда для того, чтобы убить Кокора Хеккуса.

Сион Трамбле поднял брови.

— В одиночку? А каким же это образом? Вы возьмете приступом стены Аглабата? Одолеете Бурых Берсальеров?

— Не знаю.

Сион Трамбле задумчиво поглядел на пламя, игравшее за решеткой камина.

— В настоящее время Миск и Вадрус находятся в состоянии перемирия. Война может вспыхнуть только в том случае, если принцесса Ифигения окажет мне предпочтение, связав со мною свою судьбу, но сейчас, как мне кажется, она не будет принадлежать ни одному из нас. —

Он нахмурился, глядя на огонь, и сжал пальцами подлокотники кресла. — Лично я не намерен давать поводов для войны с соседом.

— В любом случае, вы в состоянии хоть как-то помочь мне? — спросил Герсен, хотя внутренне был готов к самому худшему.

— Возможно. В чем причина вашей вражды с Кокором Хеккусом?

Герсен рассказал о налете на Маунт-Плезант.

— Пятеро негодяев разрушили мой дом, истребили всю мою родню, увели в рабство друзей. Я надеюсь покарать этих пятерых. Малагате уже мертв. Очередь за Кокором Хеккусом.

Сион Трамбле нахмурился.

— Вы отважились осуществить, как мне кажется, трудновыполнимую задачу. В частности, что вам угодно от меня?

— Во-первых, ваше содействие в том, чтобы я мог вернуться к космическому кораблю, оставленному мною к северу от Скар Сакау.

— Сделаю все, что в пределах моих возможностей. Княжества к северу от Скар Сакау враждуют со мной, а тадоскои настолько воинственны, что мир с ними вообще невозможен.

— Есть еще одна сторона этого дела, — произнес Герсен, затем задумался, не решаясь продолжать, пораженный неожиданно пришедшей ему в голову еще одной возможностью, которую раньше почему-то не принимал в расчет. Затем неторопливо, будто рассуждая вслух, продолжал. — Когда я отобрал у Кокора Хеккуса форт, то прихватил еще и одного пленника, который, как мне казалось, вполне мог быть самим Кокором Хеккусом. Принцесса Ифигения так не считает. Тем не менее, меня продолжают одолевать сомнения. Все-таки казалось маловероятным даже тогда, да кажется и сейчас, что Кокор Хеккус смог бы устоять перед искушением принять участие в первом же испытании своей новой игрушки... И что-то в этом узнике уж больно напоминает мне другого, который мог быть Кокором Хеккусом.

— Я могу помочь вам развеять свои сомнения, — сказал Сион Трамбле. — В моем дворце живет барон Эрл Кастильяну, некогда бывший ближайшим союзником Кокора Хеккуса, а ныне его заклятый враг. Если так уж необхо-

дим кто-нибудь для опознания Кокора Хеккуса, то барон Кастильяну самый подходящий для этого. Проверку можете произвести хоть завтра.

— Я буду счастлив услышать его мнение.

— Больше я ничем вам не могу помочь, — к такому окончательному решению пришел Сион Трамбле. — Ибо не в моем характере обрекать свой народ на войну и лишения без серьезной на то причины. Пока Кокор Хеккус остается в Аглабате, я не стану ему досаждать.

Он сделал жест, означавший окончание аудиенции. Герсен поднялся и вышел из комнаты. В передней его дожидался мажордом, который и провел в отведенные ему апартаменты. Герсен вышел в сад, запрокинув голову, нашел звездное скопление, напоминающее ятаган, "Ладью Бога" обитателей Жантильи, и задумавшись над тем, что ему предстоит сделать, пришел едва ли не в ужас. И тем не менее — разве могло быть иначе? Разве не для этого забрался он на Фамбер?

Сон его, однако, был крепок. Разбуженный хлынувшими в его спальню струями солнечного света, он принял ванну, одел на себя самые темные одежды из всех, что удалось найти в его гардеробе, за завтраком удовольствовался фруктами, печеньем и чаем. С запада набежали тучи, в саду брызнул дождь. Глядя на всплески капель, разбивающихся о гладь бассейна, он снова и снова взвешивал все факторы, влияющие на сложившееся положение. И все время возвращался к одной и той же мысли: тем или иным способом должна быть установлена подлинность личности Падербуша.

Вошел паж и возвестил о прибытии барона Кастильяну, сухопарого мужчины средних лет со строгой манерой держаться и шрамами на обеих щеках.

— Князь Сион Трамбле повелел мне предоставить в ваше распоряжение некоторые особые знания, которыми я располагаю, — произнес он. — Что готов сделать с превеликим удовольствием.

— Вам известно, что от вас требуется?

— Смутно.

— Я хочу, чтобы вы присмотрелись повнимательнее к одному человеку и сказали мне, является ли он Кокором Хеккусом.

Барон сделал кислую мину.

— И что потом?

— Вы можете это сделать?

— Несомненно. Видите эти шрамы? Мое лицо было обезображено по приказу Кокора Хеккуса. Трое суток я висел на пруте, проткнутом сквозь обе мои щеки, оставаясь в живых только благодаря ненависти.

— В таком случае идемте и вместе поглядим на этого человека.

— Он здесь?

— Заточен в подземелье.

Паж привел мажордома, который отпер сначала деревянную дверь, затем стальную, после чего все трое спустились в темницу. Падербуш стоял в своей камере, широко расставив ноги и держась руками за прутья, и сверлил взглядом наружные стены подземелья.

— Вот этот человек, — произнес Герсен.

Барон подошел поближе, пригляделся.

— Ну? — спросил Герсен.

— Нет, — после некоторого размышления, ответил барон. — Это не Кокор Хеккус. По крайней мере... Нет, я в этом не уверен... Хотя глаза смотрят на меня с такой же низменной умудренностью... Нет, этот человек мне не знаком. Я никогда не встречался с ним ни в Аглабате, ни где-либо еще.

— Ну что ж, похоже на то, что я ошибся. — Герсен повернулся к мажордому. — Отоприте дверь.

— Вы намерены освободить этого человека?

— Не совсем. Но держать его в темнице больше уже нет необходимости.

Мажордом отпер двери.

— Выходите, — сказал Герсен. — Я, по-видимому, допустил несправедливость по отношению к вам.

Падербуш медленно вышел из камеры. Он не ожидал, что его выпустят, и двигался очень осторожно.

Герсен взял его за запястье, притом так, чтобы можно было в случае необходимости мгновенно выкрутить руку.

— Идите. По ступенькам поднимайтесь лицом назад.

— Куда вы ведете этого человека? — раздраженно спросил мажордом.

— Князь Сион Трамбле и я сообща примем окончательное решение, — ответил ему Герсен, затем произнес, обращаясь к барону Эрлу Кастильяну. — Благодарю за оказанное вами содействие, вашу помощь трудно переоценить.

Барон Кастильяну смутился.

— Этот человек может в любом случае оказаться негодяем, постарающимся разделаться с вами.

Герсен поднял лучемет, появившийся в его левой руке.

— Я готов к любым неожиданностям.

Барон поклонился и быстро удалился, явно довольный тем, что от него больше ничего не требуется. Герсен отвел Падербуша в свои апартаменты и закрыл дверь перед самым носом мажордома. Затем непринужденно расположился в одном из кресел, Падербуш же так и остался стоять посредине комнаты и в конце концов спросил:

— Как вы теперь намерены со мной поступить?

— Я все еще в замешательстве, — ответил Герсен. — Возможно, вы на самом деле тот, за кого себя выдаете. В этом случае я не знаю за вами никакой другой вины, кроме служения Кокору Хеккусу. Тем не менее, я не стал бы заточать вас в темницу только по подозрению в предполагаемых преступлениях. Вы очень испачканы — может быть, примете ванну?

— Нет.

— Вам больше по душе пот и грязь? А может быть, смените одежду?

— Нет.

Герсен пожал плечами.

— Ну, как хотите.

Падербуш скрестил руки на груди и злобно посмотрел на Герсена.

— Почему вы держите меня здесь?

Герсен задумался.

— Судя по всему, ваша жизнь в опасности. Я намерен защитить вас.

— Я вполне способен защитить себя сам.

— И все-таки, пожалуйста, сядьте вон в то кресло. — Герсен показал, куда сесть, кончиком дула лучемета. — Вы стоите, как дикий зверь, готовящийся к прыжку, это действует мне на нервы.

Падербуш в ответ только холодно ухмыльнулся, но сел.

— Я не причинил вам никакого вреда, — произнес он. — А вот вы унизили меня, швырнули в темницу и еще и сейчас изводите намеками и злобными выпадами. Скажу вам вот что: Кокор Хеккус не тот человек, чтобы оставить без внимания умышленные обиды, нанесенные его вассалам. Если вы хотите уберечь своего хозяина от крупных неприятностей, то я советую вам отпустить меня на свободу, чтобы я мог вернуться в Аглабат.

— Вы хорошо знаете Кокора Хеккуса? — как бы невзначай спросил Герсен.

— Еще бы! Не человек, а горный орел! Глаза его светятся умом. Его радость и его гнев подобны огню, сметающему все перед собой. Его воображение столь же безмерно, как само небо. Нет такого человека, который не пришел бы в изумление от мыслей, которые возникают у него в голове, и не задался бы вопросом, из какого источника он их черпает.

— Интересно, — произнес Герсен. — Мне не терпится встретиться с ним — что я и сделаю в самом скором времени.

Падербуш отнесся к этому с явным недоверием.

— Вы намерены встретиться с Кокором Хеккусом?

Герсен ответил утвердительным кивком.

— Я вернусь вместе с вами в Аглабат внутри форта — после недели или двух отдыха здесь, в Каррае.

— Я предпочитаю покинуть Каррай прямо сейчас.

— Это невозможно. Я не хочу, чтобы Кокор Хеккус был уведомлен о моем прибытии. Я хочу, чтобы это стало для него сюрпризом.

Падербуш презрительно усмехнулся.

— Вы — глупец. Вы даже хуже глупца. Неужели вы всерьез рассчитываете застать Кокора Хеккуса врасплох? Ему известно о каждом вашем шаге больше, чем вам самому!

ГЛАВА XII

"Туманной дымке, казалось, не было ни конца, ни края — леденящие слои ее напластовывались друг на друга и справа, и слева, и сверху, и снизу.

Ощущение было такое, будто то приближалось, то удалялось нечто наполненное каким-то будоражащим воображение внутренним смыслом, абсолютно непостижимым для Мармадьюка. В душу, однако, вкралось подозрение, что каким-то образом Доктрина Темпорального Стасиса обусловила полную транспозицию всех перцепций.[1] Почему же еще, задумался он, тыкаясь наощупь в розовато-лиловой тягучей жидкости, должно снова и снова приходить ему в голову слово "лакримоза"?[2]

Он обнаружил, что находится на самом краю выпуклого окна с прозрачными стеклами, за которым плясали анаморфированные[3] видения. Подняв взор, он засек бахрому изогнутых прутьев. Чуть пониже обнаружил розовую полку, в которую было заделано еще какое-то количество таких же прутьев. Рядом с полкой, будто невообразимо огромный нос, торчал какой-то комковатый пористый предмет. А потом он увидел, что этот предмет и есть нос, самый настоящий нос, хотя и совершенно необыкновенный. И тогда Мармадьюк самым коренным образом поменял ход своих рассуждений. Центральная проблема, как ему показалось, сейчас заключалась в том, чтобы понять, чьими глазами он смотрит. Ведь очень многое, если не все, будет зависеть от его точки зрения".

(Из главы "Ученик Воплощения", входящей в "Манускрипт из Девятого Измерения")

Наступил полдень. Падербуш временами, казалось, дремал в кресле, временами был настолько возбужден, что, казалось, вот-вот неожиданно набросится на Герсена. В один из таких периодов Герсен счел необходимым предупредить его.

— Я настоятельно требую терпения с вашей стороны. Во-первых, сами понимаете, у меня оружие... — Он поднял лучемет так, чтобы он был виден Падербушу, — ... а во-

1 Перестановка функций органов восприятия, искажающая непосредственное отражение объективной действительности органами чувств. (Прим. пер.)

2 Нечто, вызывающее слезы, грусть или печаль. (То же)

3 Искаженные в одном или нескольких измерениях. (То же)

вторых, даже если бы его у меня не было, вы все равно ничего не смогли бы мне сделать.

— Вы в этом уверены? — надменно скучающим тоном спросил Падербуш. — Мы с вами примерно одинакового роста и веса. Давайте попробуем разок-другой побороться, тогда и увидим, кто чего стоит.

— Спасибо за предложение — но только не сейчас. Ради чего выматывать друг друга? Вскоре мы с вами плотно перекусим, поэтому давайте-ка лучше расслабимся.

— Как хотите.

Раздалось легкое постукиванье в дверь.

— Кто там? — спросил Герсен, став у стены рядом с косяком.

— Атер Кэймон, мажордом, — донесся приглушенный массивной дверью голос. — Откройте, будьте любезны, дверь.

Герсен приоткрыл дверь. Мажордом прошел внутрь.

— Князь желает видеть вас у себя. Немедленно. Он прослышал о мнении барона Эрла Кастильяну и настоятельно просит отпустить узника на свободу. Он не желает давать повод Кокору Хеккусу для придирок.

— Я и сам решительным образом настроен со временем предоставить полную свободу этому человеку — ответил Герсен. — А пока что он согласился пользоваться гостеприимством Сиона Трамбле в течение, пожалуй, двух недель.

— Как это благородно с его стороны, — сухо заметил мажордом, — если учесть, что Великий Князь настолько пренебрег своими обязанностями радушного хозяина, что забыл предложить вот это самое гостеприимство. Вы согласны последовать за мною в апартаменты князя Сиона Трамбле?

— С удовольствием. Только что мне делать с моим гостем? Я не решаюсь оставить его здесь одного, как и не намерен ходить с ним всюду под руку.

— Верните его в темницу, — сердито бросил мажордом. — Для таких, как он, вполне достаточно и такого гостеприимства.

— Великий Князь будет категорически против этого, — заявил Герсен. — Ведь вы сами только что сказали мне,

что он высказал пожелание, чтобы я отпустил этого человека.

Мажордом несколько смешался.

— Совершенно верно.

— Принесите, пожалуйста, мои извинения князю, и спросите не соблаговолит ли он встретиться со мною здесь.

Мажордом пробурчал что-то, беспомощно всплеснул руками, бросил сердитый взгляд в сторону Падербуша и вышел.

Герсен сел напротив Падербуша.

— Скажите, — спросил он, — вам знаком некий Зеуман Отуал?

— Я слышал, как упоминалось это имя.

— Он — один из приспешников Кокора Хеккуса. У вас с ним много общего.

— Очень даже может быть — по всей вероятности, вследствие нашей близости к Кокору Хеккусу... А в чем заключается это общее?

— В манере держать голову, определенном наборе отработанных жестов, в том, что я мог бы назвать особым душевным настроем, свойственным в равной степени вам обоим. Все это очень странно. В самом деле.

Падербуш в ответ только церемонно кивнул, но больше ничего не сказал. Через несколько минут к двери подошла Алюз Ифигения, Герсен тотчас же пропустил ее внутрь. Переведя взгляд с Герсена на Падербуша, она удивленно спросила:

— Почему этот человек здесь?

— Он считает несправедливым одиночное заточение в темнице, поскольку все его преступления сводятся лишь к десятку-другому убийств.

Падербуш по-волчьи оскалился.

— Я — Падербуш, Младший Рыцарь замка Падер. Никто в моем роду не был настолько труслив, чтобы отобрать одну или пару жизней, не подвергая смертельной опасности собственную.

Алюз Ифигения отвернулась от него и снова обратилась к Герсену.

— Каррай не вызывает у меня прежней радостной приподнятости. Что-то изменилось. Чего-то не достает. Навер-

ное, во мне самой... Мне хочется вернуться в Драззан, к себе домой.

— А я-то считал, что в вашу честь планировалось устроить пышное празднество.

Алюз Ифигения пожала плечами.

— Наверное, об этом уже позабыто. Сион Трамбле сердится на меня — или, по крайней мере, не столь учтив, как раньше. — Она на мгновенье скосила взгляд в сторону. — Может быть, он ревнует.

— Ревнует? С чего бы это ему ревновать?

— Ведь как-никак, но я и вы провели много времени, оставаясь наедине друг с другом. Одного этого достаточно для того, чтобы возбудить подозрения — и ревность.

— Занятно, — произнес Герсен.

Алюз Ифигения взметнула брови.

— Неужели я потеряла всю свою красоту? И разве не является совершенно нелепым даже намек на возможность каких-то особых взаимоотношений между нами?

— Я с вами совершенно согласен. И мы просто обязаны избавить Сиона Трамбле от страданий, которые причиняет ему это недоразумение.

Он вызвал пажа и послал его испросить аудиенцию у Сиона Трамбле.

Паж вскоре вернулся и объявил, что князь не желает кого-либо видеть.

— Вернитесь к князю, — сказал Герсен, — и передайте Сиону Трамбле вот что: завтра я должен отбыть отсюда. В самом неблагоприятном случае я отправлюсь к северу от Скар Сакау в форте и каким-нибудь образом сам отыщу свой космический корабль. А также уведомите князя о том, что принцесса Ифигения намерена сопровождать меня. Сообщив князю обо всем этом, справьтесь у него, желает ли он повидаться со мною?

Алюз Ифигения повернулась к Герсену.

— Вы в самом деле имеете в виду взять меня с собой?

— Если у вас есть желание вернуться в Ойкумену.

— А как же тогда Кокор Хеккус? — Я считала...

— Мелочь, о которой и вспоминать-то не стоит.

— Значит, вы просто шутите, — уныло произнесла Алюз Ифигения.

— Нет, это серьезно. Вы пойдете со мной?

Она заколебалась в нерешительности, затем кивнула.

— Да. А почему бы и нет? Ваша жизнь — реальна. Моя же — как и всех на Фамбере — далека от реальности. Это всего лишь оживший миф. Фрагменты какой-то древней диорамы. Меня душит это двумерное пространство Фамбера.

— Очень хорошо. Мы покинем его в самом скором времени.

Алюз Ифигения взглянула на Падербуша.

— А как поступить с ним? — с дрожью в голосе спросила она. — Вы освободите его или оставите это на усмотрение Сиона Трамбле?

— Нет. Он отправится вместе с нами.

Алюз Ифигения обомлела в изумлении.

— С... нами?

— Да. Но он будет с нами совсем немного времени.

Падербуш поднялся, потянулся.

— Мне наскучил этот разговор. Я с вами никуда не пойду.

— В самом деле? Даже не дальше Аглабата, чтобы встретиться с Кокором Хеккусом?

— Я отправляюсь в Аглабат один — и прямо сейчас.

В три прыжка он пересек комнату, выбежал в сад, перемахнул через стенку и исчез.

Алюз Ифигения бросилась в сад, к самой стене, затем вернулась к Герсену.

— Зовите стражу! Он не может уйти далеко, эти сады являются лишь частью внутреннего двора. Поторопитесь!

Герсен же, казалось, вовсе не был склонен выказывать какую-либо спешку. Алюз Ифигения потянула его за руку.

— Неужели вы хотите, чтобы он сбежал?

— Нет, — неожиданно воодушевившись, произнес Герсен. — Ему никак не спастись. Мы уведомим о его побеге Сиона Трамбле, который лучше нас знает, как изловить его. Идемте.

Войдя в коридор, Герсен приказал пажу:

— Немедленно отведите нас в апартаменты Сиона Трамбле. Живо! Бегом!

Паж провел их по коридору в круглый вестибюль, затем повел дальше по другому, устланному красными коврами коридору и остановился перед широкой белой

дверью, которую охраняли двое стражей в одинаковых белых одеждах и черных стальных круглых шлемах.

— Откройте! — сказал Герсен. — Нам нужно немедленно встретиться с Сионом Трамбле.

— Нет, милорд. Мы получили от мажордома распоряжение не пропускать никого.

Герсен направил дуло лучемета на замок. Полыхнуло пламя, повалил густой дым. Стражники протестующе вскрикнули.

— Отойдите в сторону и охраняйте коридор. Под угрозой безопасность Вадруса!

Стражники, наполовину ошеломленные, в нерешительности переминались с ноги на ногу. Герсен распахнул дверь и вместе с Алюз Ифигенией прошел внутрь.

В передней они остановились. Мраморные статуи, стоявшие в нишах по обе стороны, бесстрастно глядели на них сверху вниз. Герсен заглянул в один из холлов, прошел под аркой, остановился перед закрытой дверью, прислушался. В помещении за дверью явно происходила какая-то возня. Герсен повернул дверную ручку — дверь была заперта. Снова воспользовавшись лучеметом, он взломал замок и ринулся внутрь.

Полураздетый Сион Трамбле заметался в замешательстве по комнате. Он открыл рот, что-то нечленораздельно прокричал.

— На нем одежда Падербуша! — задыхаясь, произнесла Алюз Ифигения.

И так оно и было на самом деле — на особой подставке висели зеленые и синие одежды Сиона Трамбле, а сам он скидывал с себя грязную одежду, которая до сих пор была на Падербуше. Вот он потянулся к шпаге, но Герсен рубящим ударом выбил ее у него из рук. Тогда он бросился к полке, где хранил различное другое оружие, однако Герсен уничтожил ее одним залпом из лучемета.

Сион Трамбле медленно развернулся и бросился на Герсена, как бешеный зверь. Герсен громко расхохотался, пригнулся, нанес удар плечом в живот Сиона Трамбле, ухватился за мгновенно взметнувшееся колено противника и швырнул его через себя. При этом он успел схватить его светлые волнистые волосы, и, когда Сион Трамбле, сделал отчаянную попытку приподняться и стать на ноги резко

потянул их на себя. Мгновенно с головы Сиона Трамбле слетели золотистые кудри, вслед за ними — и все лицо. Рука Герсена держала за волосы теплую резиновую маску, безукоризненно прямой нос скривился набок, безвольно обмяк рот. У валявшегося на полу человека не было лица. Только голый череп, обтянутый тонкой прозрачной пленкой, сквозь которую просвечивались бледно-розовые и ярко-красные лицевые мышцы. Из-под обнаженного лба, над черным провалом ноздрей злобно сверкали лишенные век глаза. Искривился безгубый рот, обнажив вдруг особенно бросившиеся в глаза белые зубы.

— Кто... что это? — едва слышно спросила Алюз Ифигения.

— Это, — ответил Герсен, — хормагаунт. Это и есть Кокор Хеккус. Или Билли Уиндл. Или Зеуман Отуал. Или Падербуш. Или еще десяток других. И вот теперь пришло его время. Кокор Хеккус — ты помнишь налет на Маунт-Плезант? Я явился для того, чтобы покарать тебя.

Кокор Хеккус медленно поднялся на ноги, вместо лица явив перед Герсеном череп гниющего трупа.

— Когда-то ты сказал мне, что боишься только смерти, — произнес Герсен. — Сейчас ты умрешь.

Кокор Хеккус издал только какой-то нечленораздельный хрип.

— Всю свою жизнь, — продолжал Герсен, — ты совершал одно гнусное злодеяние за другим. Мне бы следовало умертвить тебя, предварительно подвергнув самым ужасным мучениям — но достаточно будет и того, что ты просто умрешь.

Герсен поднял лучемет. Издав дикий клокочущий вопль, Кокор Хеккус рванулся вперед, взметнув руки перед собой — и тут же рухнул, натолкнувшись на огненный сноп.

* * *

На следующий день был повешен мажордом Атер Кэймон — пособник, ставленник, компаньон и наперсник Кокора Хеккуса. Стоя на высокой складной лестнице, он вопил над объятой ужасом толпой:

— Дурачье! Дурачье! До вас хотя бы дошло, как долго вас обманывали и доили, пускали из вас кровь? Куда

девалось ваше золото, ваши воины, ваши прекраснейшие женщины? В течение целых двух сотен лет! Именно столько лет я здесь хозяйничал — а Кокор Хеккус еще дольше! Против Бурых Берсальеров он посылал наилучших среди вас, и они погибали напрасной смертью. К его ложу доставляли ваших красавиц. Иные из них возвращались домой, другие исчезали бесследно. Вы зальетесь слезами, когда узнаете, какова была их судьба! Наконец он умер, наконец умираю и я, но — вы дурачье! Глупцы!

Палач вышиб лестницу из-под его ног. Толпа в оцепенении глядела на дергающееся тело мажордома, глаза которого мгновенно остекленели.

* * *

— Как же вы все-таки догадались? — спросила все еще бледная от ужаса Алюз Ифигения, прогуливаясь с Герсеном в саду дворца барона Энделя Тобальта.

— Сначала подозрения у меня вызвали руки Сиона Трамбле. У него хватило ума держаться совсем не так, как Падербуш, но руки остались теми же самыми: с длинными, тонкими пальцами, гладкой, лоснящейся кожей, длинными ногтями на несколько вытянутых больших пальцах. Такие руки я уже видел, но сначала не мог вспомнить у кого — пока еще раз не присмотрелся к Падербушу с более близкого расстояния. Кроме того, Сион Трамбле разоблачил себя сам. Ему было известно о том, что вы решили не выходить за него замуж — он сам сказал мне об этом. Но только три человека могли знать об этом: вы, я и Падербуш, потому что только в форте вы пришли к такому решению. Когда я услышал об этом от Сиона Трамбле, то сразу же глянул на его руки — и увидел подтверждение своей догадки.

— На какой планете мог родиться и вырасти такой подлец? Какие родители...

— Его буйное воображение было для него благословением и проклятием одновременно. Одной жизни для него оказалось недостаточно. Ему обязательно нужно было испить из каждого источника, познать все, на собст-

венном опыте, испытать любые превратности судьбы, прожигать свою жизнь, не зная меры ни в чем. На Фамбере он нашел мир, соответствующий его темпераменту. Принимая попеременно то или иное обличье, создал свой собственный эпос. Когда же он уставал от Фамбера, то возвращался на планеты Ойкумены — мир, менее послушный его воле, но все же не такой уже скучный. Теперь он мертв.

— А мне теперь еще более, чем когда-либо, необходимо покинуть Фамбер, — сказала Алюз Ифигения.

— Здесь нас уже ничто не держит. Завтра мы трогаемся в путь.

— Почему завтра? Давайте уйдем отсюда прямо сейчас. Мне кажется — я уверена, что смогу отыскать дорогу к космическому кораблю. Путь на север в обход гор Скар Сакау не так уж труден. Ориентиры мне знакомы.

— Что ж, можно и не задерживаться, — сказал Герсен. — В путь так в путь.

* * *

Провожала их небольшая группа вельмож Каррая.

— Так вы пришлете сюда корабли из Ойкумены? — неожиданно встревожившись, спросил барон Эндель Тобальт..

— Я пообещал это сделать, и обещание свое намерен сдержать, — ответил Герсен.

— Когда-нибудь — еще не знаю когда — я вернусь на Фамбер, — произнесла Алюз Ифигения, с некоторым волнением обводя взором пейзаж родной планеты.

— Но учтите, — сказал барону Герсен, — стоит появиться здесь кораблям Ойкумены, как придет конец вашему нынешнему образу жизни! Возникнет ропот, тоска по прошлому, неудовлетворенность. Может быть, вам больше нравится Фамбер такой, какой он сейчас?

— Я могу говорить только за себя, — произнес Эндель Тобальт. — Я считаю, мы должны воссоединиться с остальным человечеством, чего бы это нам ни стоило.

Его поддержали остальные.

— Воля ваша, — ответил Герсен.

Алюз Ифигения забралась внутрь форта, за нею последовал Герсен, захлопнул люк, прошел к пульту управления, опустил взор на фирменную табличку.

Машиностроительный завод Пэтча
Патрис, Крокиноль

— Ай да старина Пэтч, — произнес Герсен. — Надо отослать ему отчет, как работает его творенье — при условии, что ему удастся доставить нас к космическому кораблю.

Алюз Ифигения, стоя с ним рядом, прижалась чуть-чуть к плечу Герсена. Глядя вниз, на блестящие темно-золотистые волосы, Герсен вспомнил, как он впервые увидел ее в Обменном Пункте, какою неприметною она тогда ему показалась, и тихо рассмеялся. Алюз Ифигения подняла взор на него.

— Чему вы смеетесь?

— Когда-нибудь узнаете. Но не сейчас.

Улыбнувшись, будто и сама припомнила что-то сугубо личное, Алюз Ифигения больше ничего не сказала.

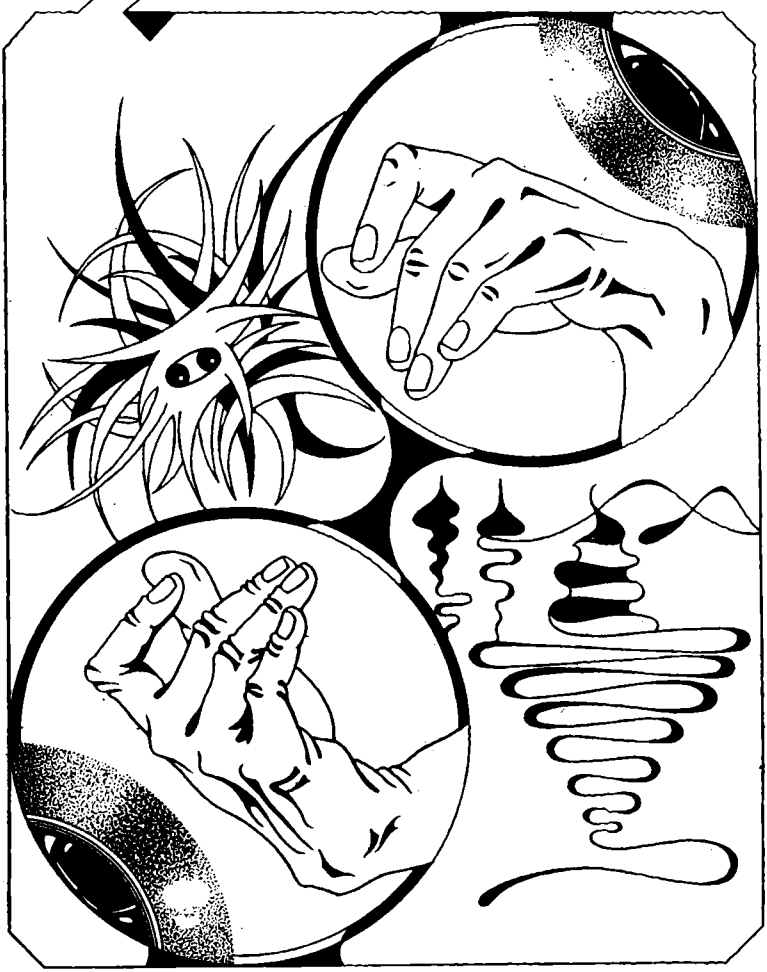
Герсен нажал на рукоятку "Пуск". Поднялись и опустились тридцать шесть ног. Восемнадцать сегментов передвинулись вперед. Форт взял курс на северо-запад, туда, где в наклонных лучах заходящего солнца ярко сверкали белые вершины Скар Сакау.

ГЛАЗА ВЕРХНЕГО МИРА

The Eyes of the Overworld

New York

1966

ГЛАВА I
ВЕРХНИЙ МИР

Над рекой Кзан на фундаменте венчающих холм древних развалин Смеющийся Волшебник Юкуну построил большой дом — эксцентричное месиво из крутых фронтонов, балконов, мостиков, куполов и спиральных стеклянных башен, сквозь которые пробивалось лучами солнце.

А дальше до самого горизонта тянулись похожие на дюны холмы, которые отбрасывали на солнце движущиеся тени в форме черных полумесяцев; такие же безжизненные, как и сами, под которыми протекал Кзан, берущий начало в Старом Лесу на востоке Олмери.

Через три лиги к западу он сливался с полноводным Скаумом. При слиянии двух рек был расположен Азеномай, город настолько древний, что никто не знал, когда он возник. Город славился своей ярмаркой, куда в базарные дни съезжалось население всего района. На Азеномайской ярмарке Кьюджел держал киоск по продаже талисманов.

Кьюджел обладал множеством способностей и характером, равно непостоянным и упрямым. Длинноногий, легкий на руку и на язык, с низким мохнатым лбом — между бровями и шевелюрой не наберется и на мизинец чистой кожи. Однако острый взгляд, длинный любопытный нос и улыбчивый рот придавали его худому длинному лицу выражение живости, откровенности и дружелюбия. Он

пережил на своем веку немало злоключений и потому приобрел хитрость и проворство, стал осторожен, но и смел.

Получив во владение древний свинцовый гроб и выбросив собакам то, что в нем находилось, он изготовил множество маленьких свинцовых ромбиков. Снабдив их соответствующими письменами и печатями, он продавал их в качестве амулетов на ярмарке.

К несчастью для Кьюджела, в двадцати шагах от его киоска некто по имени Файностер открыл большую лавку, выставив на продажу гораздо более эффективные талисманы.

Когда Кьюджел, остановивши прохожего, начинал расхваливать свой товар, тот обычно замечал больший выбор товаров у Файностера и уходил туда.

На третий день ярмарки Кьюджел продал всего четыре амулета, по цене, не превосходящей стоимость свинца, в то время как Файностер с трудом успевал обслуживать всех покупателей. Охрипший от натуги, расхваливая свой товар, Кьюджел закрыл киоск и направился к лавке Файностера, чтобы повнимательнее рассмотреть устройство дверного замка.

Файностер поманил его к себе.

— Заходи, друг мой, заходи. Как торговля?

— Откровенно говоря, не очень, — ответил Кьюджел.

— Я могу разрешить твое затруднение, — заметил Файностер. — Твой киоск расположен на фундаменте древней виселицы. Это место привлекает несчастья. Но я заметил: ты рассматривал, как устроен замок на моей лавке. Заходи, изнутри лучше видно, только я буду вынужден укоротить цепь эрба, который охраняет лавку по ночам.

— Не нужно, — сказал Кьюджел. — Мой интерес вполне безобиден!

— А что касается твоих неудач, — продолжал Файностер, — то они скоро кончатся. Взгляни на полки. Видишь: запасы в лавке почти истощились.

— Ну и при чем тут я? — удивился Кьюджел.

Файностер кивнул в сторону человека в черной одежде, что брел по противоположной стороне улицы. Человек этот, маленького роста, с желтоватой кожей, лысым черепом и глазами, бессмысленными, как сучки в доске. Рот

незнакомца был неимоверно широк и изогнут в застывшей усмешке.

— Это Юкуну, Смеющийся Волшебник, — сказал Файностер. — Вскоре он зайдет ко мне в лавку и попытается купить редкий красный фолиант — лабораторный журнал Дибаркаса, ученика Великого Фандаала. Моя цена выше, чем он готов заплатить, но Юкуну терпеливый человек. Мы будем торговаться с ним не менее трех часов. Значит на три часа его дом останется без присмотра. А в нем огромная коллекция магических предметов, редкостей, талисманов, амулетов и книг. Я бы хотел купить кое-что из этого роскошного собрания... Нужно ли мне продолжать?

— Все это прекрасно, — сказал Кьюджел, — но разве Юкуну оставляет свой дом без охраны?

Файностер широко развел руки.

— Зачем ему охрана? Кто решится обокрасть Юкуну, Смеющегося Волшебника?

— Именно эта мысль и удерживает меня, — ответил Кьюджел. — Я человек увлекающийся, но осторожный.

— Там огромное богатство, — соблазнял его Файностер. — Бесценные чудеса, амулеты власти, волшебные эликсиры. Но помни, я ничего тебе не говорил, никуда не направлял! Если тебя арестуют, то помни, ты слышал только одно — как я вполне бескорыстно восхвалял богатство Юкуну. А вот и он идет. Быстрее повернись спиной, чтоб он не заметил твоего лица! Три часа он здесь пробудет, это я гарантирую.

Юкуну вошел в лавку, и Кьюджел тут же отвернулся к прилавку, где стояла бутылка с заспиртованным гомункулусом.

— Приветствую тебя, Юкуну! — воскликнул Файностер. — Давно тебя поджидаю! Я отклонил множество заманчивых предложений относительно некоего фолианта — сохранил его для тебя. А пока взгляни на эту шкатулку! Она была найдена в развалинах старого Каркода. Она опечатана, и кто знает, какие чудеса в ней сокрыты. Цена скромная — двенадцать тысяч терций.

— Интересно, — пробормотал Юкуну. — Надпись... позволь-ка взглянуть... Гмм... Да, действительно, древняя. В шкатулке кальцинированные рыбьи кости, которые по

всему Великому Мотоламу использовали в те времена как слабительное. Этот раритет стоит от десяти до двенадцати терций. У меня есть шкатулки гораздо более древние, восходящие к Эпохе Сияния.

Кьюджел неторопливо направился к двери, вышел на улицу и начал прогуливаться, обдумывая предложение Файностера. Внешне предложение казалось разумным: вот Юкуну, а вон там его дом, который лопается от богатства. Простая разведка вреда не принесет, — решил он и двинулся на восток вдоль берега Кзана.

Витые стеклянные башни возвышались на фоне темно-синего неба, алый солнечный свет играл в их изгибах. Кьюджел остановился и осмотрел местность. Мимо беззвучно протекал Кзан.

Недалеко, за рощей черных тополей, светло-зеленых лиственниц и свесивших ветви ив, стояла деревня — десяток каменных домов — обиталище владельцев барж и крестьян, возделывающих береговые террасы. Все эти люди заняты сейчас своими делами.

Кьюджел изучил подходы к дому. Туда вела дорога, выложенная темно-коричневой терракотовой плиткой. Наконец он решил, что чем более открыто подойдет к дому, тем легче ему будет изворачиваться при объяснениях. И начал подниматься по склону. Дом Юкуну нависал над ним. Поднявшись, Кьюджел снова остановился и огляделся. Холмы за рекой терялись в дымке. Вокруг было безлюдно.

Кьюджел быстро подошел к двери, постучал и, не получив никакого ответа, задумался. Если у Юкуну есть сторожевой зверь, тот может подать голос, если его спровоцировать. И Кьюджел начал кричать разными голосами: он выл, мяукал, рычал, блеял.

Внутри все оставалось тихо.

Кьюджел осторожно подошел к окну и посмотрел внутрь. В прихожей, обитой светло-серой тканью, было пусто. Посередине ее стоял табурет, а на нем под стеклянным колпаком лежала дохлая крыса.

Кьюджел обошел дом, исследуя каждое окно, и наконец дошел до большого зала древнего замка. Там он легко поднялся по каменным ступеням, перепрыгнул через причудливый парапет и бесшумно нырнул в дом.

Он оказался в спальне. Шесть горгулий, поддерживающих полог широкой кровати, стоявшей на помосте, повернули головы в сторону пришельца. Двумя осторожными шагами Кьюджел добрался до арки, ведущей в соседнее помещение с зелеными стенами и черной мебелью. Оттуда Кьюджел прошел на антресоль, огибающую весь зал; через эркеры, пробитые высоко в стенах, лился свет. Под эркерами стояли ящики, сундуки, полки и стеллажи со множеством различных предметов — знаменитая коллекция Юкуну.

Кьюджел стоял, напряженный, как вспугнутая птица. Но тишина успокоила его. Он был очарован богатствами Юкуну. Но времени оставалось мало. Он достал мешок и пошел по залу, привередливо отбирая предметы малого объема, но большой ценности: маленький горшок с разветвистыми оленьими рогами, которые испускали ароматные курения, если потянуть за отростки; ритон слоновой кости, в котором звучали голоса прошлого; небольшой "вертеп", в котором костюмированные марионетки готовы были начать свой спектакль; предмет, похожий на гроздь хрустальных ягод, в каждой из которых открывался вид на один из миров демонов; волшебный жезл, производивший сладости; древнее кольцо, украшенное рунами; камень с черной сердцевиной, окруженной девятью зонами неразличимых цветов. Кьюджел прошел мимо сотен кувшинов с разнообразными порошками и жидкостями, воздержался он и от сосудов с заспиртованными головами страшилищ. Зато, подойдя к полкам, уставленным томами, фолиантами, свитками, он подбирал товар тщательно, отдавая предпочтение книгам, переплетенным в пурпурный бархат — характерный цвет Фандаала. Он отобрал также папки с рисунками и древними картами. Потревоженная кожа их переплетов испускала запах плесени и пыли веков.

Кьюджел вернулся назад мимо шкафа с десятками маленьких металлических шкатулок, опечатанных проржавевшими железными полосами. Он наудачу выбрал три шкатулки: все они оказались очень тяжелыми. Потом прошел мимо нескольких больших механизмов, назначение которых он бы с удовольствием попытался бы установить, только время поджимало, и пора было уходить обратно в Азеномай, в лавку Файностера...

Кьюджел нахмурился. Эта перспектива не казалась ему обнадеживающей. Файностер вряд ли заплатит настоящую цену за богатства Юкуну. Лучше уж закопать часть добычи в укромном месте... Но вот альков, который Кьюджел сперва не заметил. Мягкий свет преломлялся в прозрачной перегородке, отделявшей альков от зала. А в глубине его, играя красками, виднелся сложно устроенный странно притягательный предмет. Насколько мог Кьюджел рассмотреть, это была миниатюрная карусель. На ней кружились с десяток кажущихся живыми прекрасных кукол. Предмет, несомненно,был очень ценен, и Кьюджел был доволен, увидев в хрустальной перегородке входное отверстие.

Он вошел, но через несколько шагов путь ему преградила другая перегородка; правда, открылся и боковой проход, очевидно, ведущий к прекрасной карусели. Кьюджел уверенно двинулся по нему и остановился перед новой перегородкой; он увидел ее, только ударившись лбом. Кьюджел двинулся назад и обнаружил проход в нескольких шагах от себя. Но и этот проход после нескольких поворотов окончился еще одной перегородкой. Кьюджел решил отказаться от карусели и покинуть дом. Он повернул назад, но обнаружил, что не знает, в какую сторону двигаться. Пришел сюда он слева... или справа?

... Кьюджел все еще искал выход, когда в дом вернулся Юкуну.

Остановившись у алькова, Юкуну бросил на Кьюджела веселый взгляд.

— И кто же у нас тут? Гость? А я был так невнимателен, что заставил тебя ждать! Хотя, я вижу, ты тут развлекался, а значит мне нечего стыдиться. — Юкуну хихикнул. Потом сделал вид, что впервые заметил мешок Кьюджела. — Что это? ты принес мне что-то на продажу? Великолепно! Я всегда готов пополнить свою коллекцию! Ты был бы поражен, узнав, сколько мошенников пытались ограбить меня! Этот болтливый торговец в своей безвкусной маленькой лавчонке, например. Ты представить себе не можешь, какие он предпринимал попытки! Я терпел его, потому что до сих пор он не мог набраться храбрости ограбить мой дом. Но давай, выходи в зал, и мы рассмотрим содержимое твоего мешка.

Кьюджел ловко поклонился.

— С радостью. Как ты и догадался, я ждал твоего возвращения. Если правильно помню, выход вот здесь... — Он сделал шаг вперед, но остановившись, сделал печальный жест. — Похоже, я свернул не туда.

— Очевидно, — согласился Юкуну. — Посмотри на потолок. Видишь декоративный мотив? Двигайся вслед за узором из синих пятен и выйдешь в зал.

— Конечно! — И Кьюджел устремился вперед.

— Э-эй! — остановил его Юкуну. — Ты забыл свой мешок!

Кьюджел неохотно вернулся, взял мешок и вскоре появился в зале.

Юкуну сделал приглашающий жест.

— Добро пожаловать! Я с радостью рассмотрю предложенный тобой товар.

Кьюджел невольно взглянул в сторону выхода.

— Было бы наглостью отнимать у тебя драгоценное время. Я понял, что мои товары недостойны твоего внимания. Я лучше пойду.

— Ни в коем случае! — сердечно возразил Юкуну. — У меня мало посетителей, да и те большей частью воры да мошенники. Я с такими беспощадно расправляюсь. Прошу тебя отдохнуть и подкрепиться.

Кьюджел осторожно опустил мешок на пол.

— Недавно со мной поделилась своими секретами морская ведьма из Белого Олстера. Тебе, наверно, будет интересно с ними познакомиться. У тебя найдется несколько эллов крепкой веревки?

— Ты возбуждаешь мое любопытство! — Юкуну протянул руку; деревянная панель отошла в сторону и оттуда на ладонь волшебника прыгнул моток веревки. Тщетно пытаясь скрыть улыбку, Юкуну протянул веревку Кьюджелу, который с большой тщательностью мотал ее.

— Потребуется помощь, — сказал Кьюджел. — Вытяни вперед руку и ногу.

— Да, конечно. — Юкуну вытянул руку и указал пальцем.

Веревка мгновенно обернулась вокруг рук и ног Кьюджела, так что он не способен был сдвинуться с места. Улыбка Юкуну чуть не надвое расколола его большую мягкую голову.

— Какое удивительное происшествие. Я по ошибке произнес заклинание Захватчика воров. Для твоего собственного удобства не шевелись, ведь Захватчик воров соткан из осиных жал. А пока я осмотрю содержимое твоего мешка. — Он раскрыл мешок и испустил отчаянный вопль. — Ты ограбил мою коллекцию! Я вижу здесь наиболее ценные свои экспонаты!

Кьюджел скорчил гримасу.

— Я не вор! Меня послал Файностер забрать у тебя кое-какие предметы, которые ты ему продал. И я счел...

Юкуну поднял руку.

— Обвинение слишком серьезно для столь легкомысленных возражений. Я высказал свое отвращение к грабителям и ворам, а теперь должен вынести тебе суровый приговор... — разумеется, если ты не сумеешь предложить мне достойную компенсацию.

— Конечно, такая компенсация возможна, — заявил Кьюджел. — Но веревка жалит мою кожу. В таком состоянии я не способен продуктивно мыслить.

— Неважно. Я решил применить к тебе Чары Одиночного Заключения, ты будешь помещен в каменном пузыре в семидесяти пяти милях под поверхностью земли.

Кьюджел в отчаянии заморгал.

— Но ведь в этом случае ты никогда не получишь компенсации!

— И верно, — согласился Юкуну. — Вообще-то ты и впрямь можешь оказать мне небольшую услугу.

— Считай, что твой обидчик уже мертв! — воскликнул Кьюджел. — А теперь сними с меня эти отвратительные узы.

— Я имел в виду не совсем убийство, — сказал Юкуну. — Идем.

Веревка чуть ослабла, позволив Кьюджелу проковылять вслед за Юкуну в боковое помещение, увешанное искусно вышитыми шпалерами. Юкуну достал из ящика небольшую шкатулку и положив на плавающий в воздухе стеклянный диск, открыл ее.

Кьюджел увидел два углубления, выложенные алым мехом; одно пустое, а в другом лежало небольшое полушарие из тусклого фиолетового стекла.

— Ты человек опытный, знающий, много путешествовал, — хихикнул Юкуну, — узнаешь этот предмет. Нет? Ты, конечно, знаком с историей войны Кутца в Восемнадцатой эпохе? Нет? — Юкуну удивленно пожал плечами.

— Во время этой жестокой войны демон Унда-Храда — тот, что значится в Зеленом Альманахе Трампа под номером 16-04 — решил помочь своим патронам. С этой целью он направил к нам обитателей нижнего демонского мира Ла-Эр. А чтобы те смогли воспринимать наш мир, демон снабдил их линзами; одну из них ты видишь перед собой. Но дела пошли плохо, и демон вернулся в свой мир Ла-Эр. При этом линзы он потерял и они рассеялись по всему свету. Одной из них я завладел, как видишь. Ты должен раздобыть для меня и вторую. Тогда твое проникновение в мой дом будет забыто. Обещаю это тебе.

Кьюджел задумался. Выбор между посещением демонского мира Ла-Эр и Чарами Одиночного Заключения был сомнительный. Откровенно говоря, он не знал, что предпочесть.

Размышления его прервал смех Юкуну.

— Ну, посещать мир Ла-Эр совсем не обязательно! Ты можешь отыскать линзу в стране, некогда известной как Кутц.

— Нужно, значит нужно, — проворчал Кьюджел, очень расстроенный тем, как заканчивается день. — А кто охраняет фиолетовые полушария? Как они действуют? Как я отправлюсь туда и как вернусь? Каким оружием, талисманами и прочим багажом, необходимым путнику, ты меня снабдишь?

— Все в свое время, — ответил Юкуну. — Сперва нужно убедиться, что, оказавшись на свободе, ты проявишь верность своему слову, рвение и целеустремленность.

— Не сомневайся! — обиделся Кьюджел. — Мое слово крепко!

— Великолепно! — воскликнул Юкуну. — Я тебе вполне верю, а значит то действие, которое я сейчас совершу, несомненно, излишне. Но что поделаешь, никогда не мешает подстраховаться!

Он вышел из помещения и вскоре вернулся с закрытым стеклянным сосудом, в котором находилось небольшое бе-

лое существо — сплошь когти, зубы, колючки и шипы. Существо гневно кричало.

— Это мой друг Фиркс, — заявил Юкуну, — со звезды Ахернар. Он гораздо умнее, чем кажется. Фиркс рассержен, потому что его разлучили с подругой, с которой он делит чан в моей мастерской. Фиркс поможет тебе в быстрейшем выполнении твоих обязанностей. — Он подошел к Кьюджелу и ловко прижал существо к его животу. Тварь мгновенно проникла во внутренности Кьюджела и заняла свой пост, бдительно вцепившись в печень.

Юкуну отступил, сотрясаемый безумным смехом, из-за которого и получил свое прозвище. Глаза Кьюджела вылезли из орбит. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но острая боль заставила его стиснуть зубы и закатить глаза.

Веревка развязалась. Кьюджел стоял на подгибающихся ногах, каждая его мышца напряглась.

Веселье Юкуну сменилось задумчивой улыбкой.

— Ты говорил о волшебных приспособлениях. А как же талисманы, которые ты расхваливал в своей лавочке в Азеномае? Разве они не обезвреживают врагов, не растворяют железо, не возбуждают девственниц, не дарят своим владельцам бессмертие?

— Они не всегда достаточно надежны, — признал Кьюджел. — А мне не хотелось бы излишне рисковать. Мне нужны гарантии...

— Гарантии удачи в твоем мече, в твоем лукавом языке, в быстроте твоих ног, — ответил Юкуну. — Впрочем, ты заставил меня задуматься, и я все-таки тебе помогу. — Он повесил на шею Кьюджелу маленькую квадратную дощечку. — Теперь ты с голоду не умрешь. Прикосновение этого мощного талисмана сделает съедобным дерево, кору, траву, даже старую дерюгу. К тому же в присутствии яда дощечка начинает звенеть. А теперь больше нечего откладывать! Идем. Веревка! Где веревка?

Веревка послушно обернулась вокруг шеи Кьюджела, заставив его брести следом за Юкуну.

Они вышли на крышу старинного замка. Уже давно на землю спустилась тьма. Над рекой зажигались огни, и сам Кзан казался в темноте еще широкой темной полосой.

Юкуну указал на клетку.

— Вот твоя карета. Полезай внутрь!

Кьюджел колебался.

— Может, сперва как следует поесть, выспаться и отдохнуть, а выступить завтра со свежими силами?.

— Что? — спросил Юкуну голосом, резким, как звук рога.

— Ты смеешь стоять тут передо мной и высказывать какие-то требования? Человек, который тайком пробрался ко мне в дом, украл самые ценные предметы из моей коллекции, оставил все в беспорядке? Да понимаешь ли ты, как тебе повезло? Или, может, предпочтешь Одиночное Заключение?

— Ни в коем случае, — нервно возразил Кьюджел. — Меня беспокоит только успех предприятия.

— В таком случае — в клетку!

Кьюджел тоскливо посмотрел на небо, потом медленно подошел к клетке и залез в нее.

— Я полагаю, ты не страдаешь выпадением памяти, — сказал Юкуну. — Но даже если ты и забудешь о своей главной задаче — отыскать вторую линзу, — Фиркс тут же тебе напомнит об этом.

Кьюджел сказал:

— Поскольку я вынужден отправиться в далекий путь, из которого, возможно, не вернусь, может, тебе интересно знать, как я оцениваю тебя и твой характер? Во-первых...

Но Юкуну поднял руку.

— Не желаю тебя слушать: оскорбления меня расстраивают, а к лести я отношусь скептически. Поэтому — в путь! — Он отступил от клетки, посмотрел во тьму и выкрикнул заклинание Лаганетического Перемещения Тасдрубала. Откуда-то сверху послышались глухие удары крыльев и гортанные вопли.

ГЛАВА II
СИЛ

Заход солнца над северными пустошами — печальное зрелище, тягучее, как кровь убитого животного; сумерки застали Кьюджела на соленом болоте. Темно-красный свет

полудня обманул его; двинувшись в путь по низким пустошам, Кьюджел вначале обнаружил под ногами сырость, потом влажную мягкость, и теперь во все стороны простиралась грязь, жесткая трава, несколько лиственниц и ив, лужи и топи, в которых отражался свинцовый пурпур неба.

На востоке виднелись низкие холмы; Кьюджел направился к ним, прыгая с кочки на кочку, осторожно проходя по засохшей грязи. Временами он оступался, шлепался в грязь и гниющие тростники, и тогда угрозы и проклятия Юкуну Смеющегося Волшебника, становились особенно злобными.

В темноте, спотыкаясь от усталости, Кьюджел достиг склонов восточных холмов, и тут его положение не улучшилось, а ухудшилось. Его приближение заметили разбойники-полулюди и начали преследовать. Кьюджел уловил вначале зловоние, а уже потом звук шагов. Забыв об усталости, он вскочил и побежал вверх по склону.

На фоне неба виднелась полуразрушенная башня. Кьюджел вскарабкался по заплесневелым камням, извлек свой меч и затаился у провала, некогда служившего входной дверью. Внутри была тишина, запах пыли и мокрого камня; Кьюджел опустился на одно колено и увидел три гротескные фигуры, остановившиеся на краю руин.

Странно, подумал Кьюджел, это обнадеживает, хотя в то же время и пугает. Эти существа, очевидно, боятся башни.

Растаяли последние остатки света; по некоторым признакам Кьюджел понял, что башня населена духами.

Около полуночи появился призрак в светлой одежде с серебряной лентой, на которой висели двенадцать лунных камней. Он приблизился к Кьюджелу, глядя на него пустыми глазницами. Кьюджел прижался к стене так, что затрещали кости, неспособный пошевелить пальцем.

— Разрушь крепость. Пока камень соединен с камнем, я должен оставаться, хотя земля остывает и погружается во тьму, — заговорил дух.

— Охотно, — прохрипел Кьюджел, — если бы не те, снаружи, которые хотят меня убить.

— В задней стене башни есть выход. Используй ум и силу и исполни мое повеление.

— Считай, что крепости уже нет, — горячо заверил его Кьюджел. — Но какие обстоятельства так прочно удерживают тебя на посту?

— Они забылись, я остался. Исполни мое повеление, или я прокляну тебя вечной тоской, подобной моей.

Кьюджел проснулся в темноте; тело болело от холода и твердых камней. Призрак исчез. Сколько же он спал? Посмотрев в дверь, он увидел, что восточный край неба посветлел от приближающегося восхода.

Через некоторое время появилось солнце и послало пылающие лучи в дверь, осветив заднюю стенку. Тут Кьюджел обнаружил каменную лестницу, ведущую в пыльный проход, который через пять минут вывел его на поверхность. Из укрытия он осмотрел местность и увидел троих разбойников в различных местах. Каждый прятался за грудой камней.

Кьюджел обнажил меч и осторожно двинулся вперед. Добрался до первого разбойника и погрузил меч в его шею. Тот раскинул руки, содрогнулся и умер.

Кьюджел достал меч и вытер его об одежду трупа. Затем подкрался сзади ко второму разбойнику, который, умирая, застонал. Третий явился посмотреть, что происходит.

Выпрыгнув из укрытия, Кьюджел пронзил его. Разбойник закричал, выхватил свой кинжал и набросился на Кьюджела, но тот увернулся и швырнул в него тяжелый камень. Разбойник упал, лицо его исказила ненависть.

Кьюджел осторожно подошел к нему.

— Ты смотришь в лицо смерти; скажи, что тебе известно о скрытых сокровищах.

— Ничего я о них не знаю, — ответил разбойник. — А если бы и знал, то тебе сказал бы последнему, потому что ты убил меня.

— Это не моя вина, — сказал Кьюджел. — Вы преследовали меня, а не я вас. Зачем вы это делали?

— Чтобы есть, чтобы жить, хотя жизнь и смерть одинаково бессмысленны, и я их равно презираю.

— В таком случае ты не можешь сердиться на меня за то, что я отправляю тебя от жизни к смерти. И снова возникает вопрос о сокровищах. Может, скажешь последнее слово об этом?

— Да, скажу. Сейчас увидишь мое единственное сокровище. — Он порылся в сумке и вытащил круглый белый камешек. — Это камень из черепа гру, сейчас он трепещет от силы. Я воспользуюсь ею, чтобы наложить заклятие и призвать к тебе скорую мучительную смерть от рака.

Кьюджел торопливо убил разбойника, потом тяжело вздохнул. Ночь принесла одни неприятности. "Юкуну, если я выживу, тебя ждет расплата!"

Кьюджел повернулся, чтобы осмотреть крепость. Некоторые камни упадут от одного прикосновения, другие потребуют значительных усилий. Он вполне может не дожить до конца этой работы. Как там звучало проклятие бандита? Скорая мучительная смерть? Какая злоба! Проклятие короля-призрака, пожалуй, не лучше.

Как он сказал: вечная тоска?

Кьюджел потер подбородок и серьезно кивнул. Громко крикнул:

— Господин призрак, я не могу остаться, чтобы исполнить твою просьбу. Разбойников я убил и теперь ухожу. Прощай, и пусть быстрее проходят века.

Из глубины крепости донесся стон, и Кьюджел почувствовал присутствие неизвестного. "Я проклинаю тебя!" — прозвучало у него в голове.

Кьюджел быстро шел на юго-восток. "Великолепно. Все идет хорошо. "Вечная тоска" прямо противоречит "скорой мучительной смерти". Остается рак, но он в виде Фиркса уже у меня есть. Надо пользоваться головой в борьбе с проклятиями".

* * *

Он шел по пустошам, пока крепость не скрылась из вида, и вскоре оказался на берегу моря. Поднявшись на пригорок, он посмотрел вверх и вниз по берегу и увидел на востоке темный мыс, другой такой же — на западе. Потом спустился к морю и двинулся на восток. Море, ленивое и серое, вяло набегало на песок, гладкий, без единого следа.

Впереди Кьюджел увидел черное пятно, чуть позже принявшее очертания престарелого человека, который стоял на коленях и просеивал через решето песок.

Кьюджел остановился посмотреть. Старик с достоинством кивнул ему и продолжал свою работу.

Любопытство наконец заставило Кьюджела заговорить.

— Что это ты ищешь так усердно?

Старик отложил сито и отряхнул ладони.

— Где-то на этом берегу отец моего прадеда потерял амулет. Всю жизнь он просеивал песок, надеясь найти утраченное. Его сын, а после него мой дед, потом мой отец и наконец я, последний в нашем роду, поступали так же. Мы просеяли весь песок от Сила, и до Бенбадж Сталла остается всего шесть лиг.

— Эти названия мне незнакомы, — сказал Кьюджел. — Что такое Бенбадж Сталл?

Старик указал на мыс на западе.

— Древний порт, в котором теперь остались только разрушенный волнорез, старый причал и один-два дома. Но некогда барки из Бенбадж Сталла бороздили море до Фалгунто и Мелла.

— И эти места мне неизвестны. А что находится за Бенбадж Сталлом?

— Земля к северу сужается. Солнце низко висит над болотами; там никто не живет, кроме нескольких отверженных.

Кьюджел обратил свое внимание на восток.

— А что такое Сил?

— Вся эта область называется Сил; господство в ней мои предки уступили дому Домбера. Все величие ушло; остался только древний дворец и поселок. За ними темный и опасный лес. Так оскудело наше королевство. — Старик покачал головой и возобновил свое занятие.

Кьюджел некоторое время смотрел на него, потом, лениво вороша ногой песок, заметил блеск металла. Наклонившись, он поднял браслет из черного металла, блестящий пурпуром. По окружности браслета располагались тринадцать выступов, похожих на карбункулы; вокруг каждого выступа были выгравированы руны.

— Ха! — воскликнул Кьюджел, показывая браслет. — Какая красота! Настоящее сокровище!

Старик отложил решето и совок, медленно встал на колени, потом на ноги. Глаза его округлились, он качнулся вперед. Протянул руку.

— Ты нашел амулет моих предков, дома Слейя. Дай его мне!

Кьюджел отступил.

— Ну, ну, твоя просьба неразумна!

— Нет! Нет! Амулет мой; ты не можешь взять его! Ты хочешь уничтожить труд всей моей жизни и жизни четверых моих предков?

— А почему ты не радуешься, что амулет найден? — раздражительно спросил Кьюджел. — Тебе больше не нужно искать. Объясни мне, как действует амулет. От него прямо несет волшебством. Чем он полезен владельцу?

— Владелец — это я! — простонал старик. — Прошу тебя, будь великодушен.

— Ты ставишь меня в неудобное положение, — ответил Кьюджел. — Я слишком бедный человек, чтобы проявлять щедрость, но не считаю себя невеликодушным. Если бы ты нашел амулет, разве ты бы отдал его мне?

— Нет, так как он мой.

— Тут мы с тобой не согласимся. Представь себе, твое убеждение неверно. Ты же видишь, что амулет у меня в руках, в моей власти, короче, это моя собственность. Поэтому я высоко бы оценил информацию о свойствах этого амулета и способах его применения.

Старик взмахнул руками и пнул решето с такой силой, что порвал его. Оно покатилось по берегу к самой воде, волна подхватила его; старик сделал невольное движение, чтобы вернуть решето, потом снова взмахнул руками и побежал по берегу. Кьюджел неодобрительно покачал головой и тоже пошел на восток.

Началась неприятная перепалка с Фирксом, который считал, что самый быстрый способ вернуться в Олмери — идти в порт Бенбадж Сталл. Кьюджел в отчаянии схватился за живот. "Есть только один возможный маршрут! По землям, которые лежат к югу и востоку. Что с того, что по воде короче? Кораблей там нет; а просто так мне не переплыть океан".

Фиркс еще несколько раз по инерции ткнул печень когтями, но в конце концов позволил Кьюджелу идти по берегу на восток. Старик сидел на холме, сжимая в руке совок, и смотрел на море.

Довольный утренними событиями, Кьюджел шел по берегу. Он долго рассматривал амулет; от него исходила сильная аура волшебства; к тому же он был очень красив. Руны, нанесенные с большим искусством и точностью, к сожалению, были ему непонятны. Он осторожно надел браслет на руку и при этом случайно нажал один из карбункулов. Откуда-то послышался ужасный стон, в нем звучала страшная боль. Кьюджел остановился и осмотрел берег. Серое море, бледный песок, выше по берегу какие-то кусты. К западу Бенбадж Сталл, к востоку Сил, серое небо над головой. Он один. Откуда же донесся стон?

Кьюджел осторожно коснулся карбункула и снова вызвал тот же тоскливый стон.

Заинтересованный, Кьюджел нажал другой карбункул, на этот раз послышался отчаянный вопль. Голос другой. Кьюджел очень удивился. Кто на этом мрачном берегу так легкомысленно его разыгрывает? Он нажимал каждый карбункул по очереди и произвел целый концерт криков во всех диапазонах боли и гнева. Кьюджел критически осмотрел амулет. Помимо вызывания стонов и воплей, он не проявлял никакой силы, и вскоре Кьюджелу это занятие наскучило.

Солнце достигло зенита. Кьюджел утолил голод водорослями, которые стали съедобными, когда он потер их дощечкой Юкуну. Во время еды ему послышались чьи-то голоса и беззаботный смех, но такой неясный, что его можно было принять за шум волн. Поблизости в океан выдавалась скала; прислушавшись внимательнее, Кьюджел понял, что голоса доносятся оттуда. Голоса ясные, какие-то детские, искренне веселые.

Он осторожно заглянул за скалу. К дальнему ее концу, там, где накатывался океан и шумела темная вода, к ней прикрепились четыре большие раковины. Они были раскрыты; из них высовывались головы, обнаженные плечи и руки. Головы круглые и красивые, с мягкими щеками, серо-голубыми глазами, с пучками светлых волос. Существа опускали пальцы в воду и ткали из нее красивую мягкую ткань. Тень Кьюджела упала на воду; немедленно раковины захлопнулись.

— Как это? — весело воскликнул Кьюджел. — Вы всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Значит, вы так трусливы? Или просто грубы?

Раковины не раскрывались. По их рифленой поверхности стекала вода. Кьюджел подошел поближе, присел на корточки и наклонил голову.

— А может, вы слишком горды? И закрываетесь в пренебрежении? Или вам неведомы приличия?

По-прежнему никакого ответа. Кьюджел начал насвистывать мелодию, которую слышал на Азеномайской ярмарке.

Вскоре створки самой дальней раковины приоткрылись, и оттуда на него уставились глаза. Кьюджел просвистел еще один-два куплета и снова заговорил:

— Откройте свои раковины! Вас ожидает чужестранец, который хочет расспросить о дороге на Сил и о других важных для него вещах.

Еще в одной раковине появилась щель: еще пара глаз рассматривала его изнутри.

— Может, вы ничего не знаете, — насмехался Кьюджел. — Ничего, кроме цвета рыбы и мягкости воды.

Дальняя раковина открылась шире, стало видно негодующее лицо.

— Мы не невежи!

— Не ленивы, мы знаем приличия, и не презрительны, — подхватила вторая.

— И не трусы! — добавила третья.

Кьюджел глубокомысленно кивнул.

— Охотно верю. Но почему вы спрятались при моем появлении?

— Такова наша природа, — сказало существо из первой раковины. — Многие жители моря рады были бы застать нас врасплох, и с нашей стороны мудро сначала спрятаться, а потом выяснять обстановку.

Теперь раскрылись все четыре раковины, хотя ни одна не раскрылась так же широко, как до появления Кьюджела.

— Ну, хорошо, — сказал он, — что вы мне расскажете о Силе? Как там принимают чужестранцев? Сердечно или изгоняют? Есть ли там гостиницы, или пришельцу придется спать в канаве?

— Такие проблемы нас не интересуют, — сказало первое существо. Оно полностью раскрыло раковину и выставило бледные руки и плечи. — Жители Сила, если в море не врут, замкнуты и подозрительны, даже по отношению к своему правителю. Кстати, правит ими девушка из древнего дома Домбера.

— А вон идет старик Слейя, — сказало другое. — Что-то он сегодня рано возвращается.

Третье захихикало.

— Слейя стар; он уже никогда не отыщет свой амулет, и поэтому дом Домбера будет править Силом, пока не погаснет солнце.

— О чем вы это? — невинно спросил Кьюджел. — О каком амулете вы говорите?

— Сколько мы помним, — объяснило одно существо, — старик Слейя всегда просеивал песок, и отец его тоже, а еще раньше другие Слейя. Они ищут металлическую ленту, с ее помощью надеются вернуть свою власть.

— Замечательная легенда! — с энтузиазмом воскликнул Кьюджел. — А какова власть этого амулета, как его приводят в действие?

— Наверно, это знает Слейя, — с сомнением сказало одно существо.

— Нет, потому что он мрачен и сердит, — добавило другое. — Вспомни, как он раздражителен, когда бесцельно просеивает песок!

— Но разве никто другой не знает? — с беспокойством спросил Кьюджел. — Никаких слухов в море? Никакой древней таблички с надписью?

Существа в раковинах весело рассмеялись.

— Ты спрашиваешь с такой энергией, будто ты сам Слейя! Мы ничего такого не знаем.

Скрывая разочарование, Кьюджел задал еще несколько вопросов, но существа оказались простодушными и не способными долго задерживать на чем-то одном свое внимание. Кьюджел послушал, как они обсуждают океанские течения, оттенки жемчуга, хитрый характер некоего морского создания, которое они заметили накануне. Через несколько минут Кьюджел вновь упомянул Слейя и амулет, и опять морские существа говорили не-

определенно, их разговор был по-детски непоследователен. Казалось, они забыли о Кьюджеле; окуная пальцы в воду, они продолжали ткать бледные нити. Некоторые раковины и моллюски вызвали их осуждение своим бесстыдством; например большая раковина, лежащая на дне океана.

Наконец Кьюджелу их разговор надоел, он встал, и тут же морские существа обратили на него свое внимание.

— Ты уже уходишь? А мы как раз хотели узнать причину твоего появления. Прохожие так редки на нашем берегу, а ты, похоже, пришел издалека.

— Верно, — согласился Кьюджел, — и должен идти еще дальше. Посмотрите на солнце: оно склоняется к западу, а я хочу сегодня переночевать в Силе.

Одно из существ подняло руки и показало прекрасную рубашку, сотканную из водяных нитей.

— Мы дарим тебе эту рубашку. Ты человек чувствительный и нуждаешься в защите от ветра и холода. — Оно бросило одежду Кьюджелу. Тот осмотрел наряд, подивившись красоте ткани и ее блеску.

— Благодарю вас, — сказал Кьюджел. — Никак не ожидал такой щедрости. — Он надел рубашку, но она тут же превратилась в воду, и Кьюджел промок до нитки. Четверо существ залились громким озорным смехом, а когда Кьюджел в гневе шагнул к ним, захлопнули свои раковины.

Кьюджел пнул раковину существа, которое подсунуло ему рубашку, ушиб ногу, и от этого еще больше разозлился. Схватив большой камень, он обрушил его на раковину и разбил ее. Выхватив кричащее существо, Кьюджел бросил его на песок; оно лежало, глядя на него. Под панцирем оказались бледные внутренности.

— Почему ты так поступил со мной? — простонало оно. — Из-за шутки ты отобрал у меня жизнь, а ведь другой у меня нет.

— Значит, кончились твои шутки, — заявил Кьюджел. — Смотри, ты насквозь промочило меня.

— Это всего лишь озорство; совсем незначительная шалость. — Существо говорило слабеющим голосом. — Мы, живущие в скалах, плохо владеем волшебством, но у меня есть сила проклятия, и потому я провозглашаю: да не ис-

полнится твое заветное желание, каким бы оно ни было уже до прихода ночи.

— Еще одно проклятие? — Кьюджел недовольно покачал головой. — Два проклятия я сегодня уже уничтожил. И теперь еще и это?

— Это проклятие тебе не уничтожить, — прошептало существо. — Это последнее желание в моей жизни.

— Злоба — свойство, достойное сожаления, — раздраженно заметил Кьюджел. — Сомневаюсь в эффективности твоего проклятия. Но все же если ты откажешься от него, я буду лучше о тебе думать.

Но морское существо молчало. Вскоре оно превратилось в слизь, поглощенную песком.

Кьюджел сидел на песке, размышляя, как бы получше отвести последствия этого проклятия.

— В борьбе с проклятиями нужно пользоваться головой, — вторично за короткое время сказал Кьюджел. — Разве зря меня прозвали Умником? Но никакая уловка в голову не приходила, и он пошел дальше по берегу, всесторонне обдумывая проблему.

Восточный Мыс приближался. Кьюджел увидел, как сквозь темные высокие деревья просвечивают белые здания. Снова объявился Слейя, он бегал взад и вперед по берегу, как будто лишился разума. Потом подошел к Кьюджелу и упал на колени.

— Амулет, прошу тебя! Он принадлежит дому Слейя; он дает нам власть над Силом! Отдай его мне, и я выполню твое заветное желание!

Кьюджел застыл на месте. Какой парадокс! Если он отдаст амулет, Слейя, несомненно, обманет его или во всяком случае не сможет выполнить обещанное — учитывая силу проклятия. С другой стороны, если Кьюджел не отдаст амулет, его заветное желание все равно не сбудется — опять-таки учитывая силу проклятия, — но зато амулет останется у него.

Слейя истолковал его колебания как знак слабости.

— Я сделаю тебя грандом королевства! — пылко воскликнул он. — Я подарю тебе корабль из слоновой кости, и двести прекраснейших девушек будут исполнять все твои желания; твоих врагов я помещу во вращающийся котел — только отдай мне амулет!

— Амулет обладает такой властью? — удивился Кьюджел. — Неужели он может все это сделать?

— Да! Да! — вскричал Слейя. — Если умеешь читать его руны!

— Хорошо, — сказал Кьюджел, — И как же их прочесть?

Слейя скорбно посмотрел на него.

— Этого я не могу сказать: амулет нужен мне самому.

Кьюджел презрительно отмахнулся.

— Ты отказываешься удовлетворить мое любопытство. В свою очередь я отвергаю твои высокомерные домогательства!

Слейя повернулся в сторону мыса, где сквозь деревья виднелись белые дома.

— Я все понял. — сказал он. — Ты сам хочешь править Силом!

"Не самое плохое желание", — подумал Кьюджел, и Фиркс, разделяя его мнение, сделал несколько предупредительных уколов. Кьюджел с сожалением отказался от своих планов; тем не менее у него появилась возможность уничтожить проклятие морского существа. "Если я должен быть лишен заветного желания, — подумал Кьюджел, — было бы мудро направить свои усилия, хотя бы на день, на новую цель. Поэтому я буду хотеть править Силом. Отныне это мое заветное желание". И, чтобы не вызывать недовольства Фиркса, вслух добавил: — Я намерен использовать амулет для осуществления очень важных целей. Среди них вполне может быть и власть над Силом, которую мне дает мой амулет.

Слейя хрипло сардонически рассмеялся.

— Вначале убеди Дерву Корему в своем могуществе. Она из рода Домбер, с характером мрачным и неровным; скорее не девушка, а лесной гру. Берегись Дервы Коремы: она прикажет бросить тебя вместе с моим амулетом в морские глубины!

— Если ты опасаешься такого исхода, — грубо сказал Кьюджел, — расскажи, как действует амулет, и я предотвращу это несчастье.

Но Слейя упрямо покачал головой.

— Недостатки Дервы Коремы хорошо известны; к чему менять ее на какого-то неизвестного разбойника?

За свою откровенность Слейя получил удар, от которого упал. Кьюджел пошел дальше по берегу. Солнце низко висело над морем; он пошел быстрее: нужно до темноты найти убежище.

Наконец он добрался до конца пляжа. Перед ним возвышался мыс, а на нем темные высокие деревья. Сквозь листву виднелась балюстрада, окружающая сад; чуть южнее, прямо на океан, выходила ротонда с колоннами. "Действительно красиво!" — подумал Кьюджел и с новым интересом осмотрел амулет. Его временное заветное желание — власть над Силом — переставало быть условным. Кьюджел подумал, не избрать ли ему новое, например, досконально изучить скотоводство, или превзойти любого акробата... Неохотно он отверг этот план. К тому же сила проклятия морского существа еще неизвестна.

Тропа покинула пляж и запетляла среди душистых кустов и цветов: дафния, гелиотропы, черная айва, клумбы пахучих звездных капель. Пляж превратился в узкую ленту, растворяющуюся в темно-бордовом закате; мыс Бенбадж Сталл исчез из виду. Тропа выровнялась, прошла через густую рощу лавровых деревьев и привела к овальной площадке, заросшей травой. Некогда тут был плац для парадов или упражнений.

Слева площадку ограничивала высокая каменная стена с большими церемониальными воротами, над которыми виднелся древний герб. От ворот тянулась длинная, в милю, дорожка для прогулок, ведущая к дворцу, — променад. Дворец представлял собой богато украшенное многоэтажное здание с бронзовой крышей. Вдоль всего фасада шла терраса; променад соединялся с ней широкими каменными ступенями. Солнце к этому времени уже зашло; на землю опускались сумерки. Не видя больше никакого убежища, Кьюджел двинулся к дворцу.

Променад когда-то представлял собой монументальное сооружение, но теперь он находился в запустении, и сумерки придали ему меланхоличную красоту. Справа и слева был разбит роскошный сад, теперь неухоженный и заросший. По обеим сторонам променада стояли каменные урны, украшенные сердоликом и агатом; по центру — ряд пьедесталов выше человеческого роста. На каждом находился бюст, а под ним — руны, похожие на те, что на

амулете. Пьедесталы стояли на расстоянии пяти шагов друг от друга и тянулись на целую милю, до самого дворца. Первые бюсты долго подвергались воздействию ветра и воды, лица их были почти неразличимы; но чем ближе к дворцу, тем яснее они становились.

На последнем пьедестале была статуя молодой женщины. Кьюджел замер, признав в ней девушку из ходячей лодки, которую он встретил на северных землях: Дерва Корема, из рода Домбера, нынешняя правительница Сила.

Одолеваемый дурными предчувствиями, Кьюджел остановился, рассматривая массивный портал. Он расстался с Дервой Коремой вовсе не дружески; напротив, она могла затаить на него злобу. С другой стороны, во время их встречи она сама пригласила его к себе во дворец и говорила с большой теплотой; может, злоба рассеялась, а теплота осталась. И Кьюджел, вспомнив ее исключительную красоту, нашел перспективу второй встречи вдохновляющей.

Но что если она по-прежнему гневается на него? На нее должен произвести большое впечатление амулет, если она, конечно, не станет расспрашивать Кьюджела о его использовании. Если бы только он знал, как прочесть руны, все было бы просто. Но так как Слейя не пожелал поделиться с ним этим знанием, придется поискать в другом месте, в частности в этом дворце.

Кьюджел остановился перед широкой лестницей, ведущей к террасе. Мраморные ступени растрескались, балюстрада вдоль террасы заросла мхом и лишайником — в таком состоянии полумрак придавал всему печальное величие. Дворец казался менее разрушенным.

С террасы поднималась исключительно высокая аркада, со стройными витыми колоннами и сложным резным орнаментом, рисунок которого в темноте Кьюджел не смог разобрать. За аркадой виднелись высокие арочные окна, тускло освещенные, и большая дверь.

Терзаемый сомнениями, Кьюджел поднимался по ступеням. Что если Дерва Корема просто посмеется над его претензиями? Что тогда? Стонов и криков может не хватить. Пока Кьюджел поднимался на террасу, оптимизм его все убывал, и он остановился под аркадой: может, все же ра-

зумнее поискать убежище где-нибудь в другом месте. Но, оглянувшись через плечо и увидев высокую темную фигуру среди пьедесталов, Кьюджел отказался от мысли искать другое убежище и быстро подошел к высокой двери: если он представится достаточно скромно, может, вообще не увидится с Дервой Коремой. На ступенях зашелестели вкрадчивые шаги, и Кьюджел заколотил в дверь. Звук гулко отдавался внутри дворца.

Проходили минуты; Кьюджелу казалось, что шаги сзади приближаются. Он снова постучал, вызвав эхо.

Открылось окошечко, и кто-то стал внимательно его разглядывать. Глаз исчез, появился рот.

— Кто ты? — спросил рот. — Чего ты хочешь? — Рот тоже исчез и появилось ухо.

— Я путник, ищу убежища на ночь; и побыстрее, тут бродит какая-то нечисть.

Снова появился глаз, тщательно осмотрел террасу и вернулся к Кьюджелу.

— Есть ли у тебя какие-нибудь рекомендации?

— Нет. — Кьюджел оглянулся. — Я предпочел бы обсудить этот вопрос внутри, потому что существо уже поднимается по лестнице.

Окошко захлопнулось. Кьюджел уставился на немую дверь, потом снова заколотил, оглядываясь на темноту. Со скрипом дверь отворилась. Маленький коренастый человек в пурпурной ливрее поманил его.

Кьюджел торопливо проскользнул внутрь, а слуга тут же захлопнул дверь и закрыл ее на три железных засова. Как только он успел это сделать, дверь затрещала от тяжелого удара.

Слуга ударил по двери кулаком.

— Я опять его провел, — с удовлетворением сказал он. — Не будь я так ловок, оно бы тебя схватило, к моему неудовольствию, да и к твоему тоже. Теперь мое главное развлечение — лишать это существо его забав.

— Да. — Кьюджел перевел дыхание. — А кто это существо?

Слуга развел руками.

— Ничего определенного не известно. Оно появилось недавно и прячется в темноте между статуями. Ведет себя как вампир, отличается необыкновенной похотью; не-

сколько моих товарищей могли сами в этом убедиться; они все теперь мертвы из-за его гнусных действий. Ну а я, чтобы отвлечься, дразню это существо. — Слуга отступил, внимательно осмотрел Кьюджела. — Ну, а ты? Твои манеры, наклон головы, то, что ты все время смотришь из стороны в стороны, — все это обозначает безрассудство и непредсказуемость. Надеюсь, ты будешь сдерживать эти свои свойства, если они действительно у тебя есть.

— В данный момент, — ответил Кьюджел, — мои желания просты: комната, кровать, немного еды на ужин. Если мне это дадут, то я — сама благовоспитанность. Я даже готов помочь тебе в твоих удовольствиях; мы вдвоем придумаем немало уловок, чтобы поймать на удочку злого духа.

Слуга поклонился. — Твои потребности будут удовлетворены. Поскольку ты идешь издалека, наша правительница захочет поговорить с тобой, и, может, то, что ты получишь, намного превзойдет твои скромные запросы.

Кьюджел поспешил отречься от подобной чести.

— Я простой человек; одежда моя грязна, сам я давно не мылся; говорить могу только о пустых банальностях. Лучше не беспокоить правительницу Сила.

— Ну, эти недостатки мы исправим, — возразил слуга. — Следуй за мной.

Он провел его по коридорам, освещенным факелами.

— Здесь ты можешь умыться; я почищу твою верхнюю одежду и найду тебе свежее белье.

Кьюджел неохотно расстался со своей одеждой. Он вымылся, подстриг мягкие черные волосы, подровнял бороду и умастил тело ароматным маслом. Вернулся слуга, и Кьюджел, освеженный, переоделся. Одеваясь, он нажал один из карбункулов на амулете. Из-под пола донесся болезненный стон.

Слуга в ужасе отскочил и тут увидел амулет. Рот его раскрылся в изумлении, поведение стало подобострастным.

— Мой дорогой сэр, если бы я знал, кто вы, то отвел бы вас в подобающие вам апартаменты и принес лучшую одежду.

— Я не жалуюсь, — ответил Кьюджел, — хотя, конечно, одежда старовата. — Он жизнерадостно коснулся кар-

бункула, и в ответ на послышавшийся вопль коленки слуги задрожали.

— Молю о прощении, — запинаясь, произнес он.

— Больше ничего не говори, — сказал Кьюджел. — Вообще-то я хотел посетить дворец инкогнито, так сказать, чтобы без помех ознакомиться с состоянием дел.

— Это благоразумно, — согласился слуга. — Вы, несомненно, уволите с должности дворецкого Сармана и повара Бильбаба, когда вам станут известны их прегрешения. Что же касается меня, то если ваша светлость вернет Силу его древнее великолепие, может, найдется место и для Йодо, самого верного и добросовестного вашего слуги.

Кьюджел великодушно кивнул.

— Если это произойдет, — а таково мое заветное желание, — ты не будешь забыт. А пока я хотел бы незаметно оставаться в этих стенах. Принеси мне соответствующий ужин и достаточное количество вина.

— Как пожелает ваша светлость. — Йодо низко поклонился и ушел. Кьюджел прилег на диван и начал рассматривать амулет, вызвавший такую преданность Йодо. Руны, как и раньше, не поддавались расшифровке; карбункулы производили только стоны — это развлекало, но особой практической ценности не имело. Кьюджел использовал все призывы, заклинания, приказания, какие смог вспомнить при своем поверхностном знании волшебства, но все напрасно.

Появился Йодо, но без ужина.

— Ваша светлость, — начал он, — имею честь передать вам приглашение Дервы Коремы, прежней правительницы Сила, посетить ее вечерний банкет.

— Но как это стало возможно? — спросил Кьюджел. — Она не должна была знать о моем появлении; насколько я помню, я тебе особо это подчеркивал.

Йодо еще раз низко поклонился.

— Естественно, я повиновался, ваша светлость. Хитрости Дервы Коремы превосходят мое понимание. Она каким-то образом узнала о вашем присутствии и передала приглашение, которое вы слышали.

— Ну, ладно, — мрачно сказал Кьюджел. — Будь добр, проводи меня. Ты рассказал ей о моем амулете?

— Дерва Корема все знает, — был двусмысленный ответ. — Сюда, ваша светлость.

Он провел Кьюджела по старым коридорам и сквозь высокую узкую арку — в большой зал. По обе стороны стояли ряды тяжеловооруженных воинов в латах и шлемах; всего их было около сорока, но только в шести доспехах были живые люди, а остальные латы были пусты. Прокопченный потолок поддерживали атланты искаженных пропорций и преувеличенного роста; пол покрывал богатый ковер, разрисованный зелеными концентрическими кругами на черном фоне.

В конце зала за круглым столом сидела Дерва Корема; стол был так велик, что она казалась маленьким ребенком или девочкой — удивительной меланхоличной красоты. Кьюджел самоуверенно подошел, остановился и коротко поклонился. Дерва Корема с мрачной покорностью осмотрела его, взгляд ее задержался на амулете. Она глубоко вздохнула.

— К кому я имею честь обращаться?

— Мое имя не имеет значения, — ответил Кьюджел. — Можете называть меня Благородным.

Дерва Корема равнодушно пожала плечами.

— Как хотите. Мне знакомо ваше лицо. Вы напоминаете бродягу, которого я недавно приказала выпороть.

— Я и есть этот бродяга, — сказал Кьюджел. — Должен сказать, что ваше обращение вызвало у меня негодование, и теперь я намерен требовать объяснений. — И он коснулся карбункула, вызвав такой отчаянный и искренний стон, что вся посуда на столе задрожала.

Дерва Корема мигнула, челюсть ее отвисла.

— Действия мои были необдуманными. Я не смогла догадаться о вашем истинном достоинстве и сочла вас всего лишь дурно воспитанным повесой, как о том и свидетельствовала ваша наружность.

Кьюджел шагнул вперед, взял ее за изящный маленький подбородок и повернул к себе прекрасное лицо.

— Но вы пригласили меня навестить ваш дворец. Это вы помните?

Дерва Корема неохотно кивнула.

— Ну вот, — сказал Кьюджел, — я и пришел.

Дерва Корема улыбнулась и на короткий период снова стала привлекательной.

— И вот вы, мошенник, плут, бродяга и кто там еще, владеете амулетом, благодаря которому род Слейя двести поколений правил Силом. Вы принадлежите к этому роду?

— В должное время вы меня хорошо узнаете, — сказал Кьюджел. — Я великодушный человек, хотя и обладаю некоторыми странностями, и если бы не некий Фиркс... Но как бы то ни было, я голоден и приглашаю вас разделить со мной ужин, который приказал подать верному Йодо. Будьте добры, передвиньтесь на одно-два места, чтобы я мог сесть.

Дерва Корема колебалась, рука Кьюджела устремилась к амулету. Она живо поднялась, и Кьюджел сел во главе стола на оставленное ею место. Постучал по столу.

— Йодо! Где Йодо?

— Я здесь, Благородный!

— Начинаем ужин: пусть подают все самое лучшее, что есть во дворце!

Йодо поклонился и убежал. Вскоре появилась целая процессия слуг с подносами и кувшинами, и начался ужин, какого никак не мог ожидать Кьюджел.

Он достал дощечку, которую дал ему Юкуну Смеющийся Волшебник: она не только делала питательным всякое органическое вещество, но и начинала звенеть в присутствии яда. Первые несколько блюд оказались безвредными, и Кьюджел принялся есть с большим аппетитом. Старые вина Сила также не были отравлены, и Кьюджел пил вволю из кубка черного стекла, украшенного киноварью и слоновой костью, инкрустированного бирюзой и перламутром.

Дерва Корема почти не ела; лишь время от времени касалась вина, задумчиво поглядывая на Кьюджела. Были принесены новые деликатесы. Дерва Корема наклонилась вперед.

— Вы хотите править Силом?

— Таково мое заветное желание! — с жаром заявил Кьюджел.

Дерва Корема придвинулась поближе.

— Возьмете меня в супруги? Соглашайтесь: будете более чем довольны.

— Посмотрим, посмотрим, — ответил Кьюджел. — Сегодня это сегодня, а завтра будет завтра. Можно не сомневаться, что многое переменится.

Дерва Корема слегка улыбнулась и кивнула Йодо.

— Принеси самое выдержанное наше вино — мы выпьем за здоровье нового правителя Сила.

Йодо поклонился и принес бутылку, покрытую пылью и паутиной; осторожно разлил вино по хрустальным кубкам. Кьюджел поднял кубок: предупреждающе зазвенела дощечка. Кьюджел резко поставил кубок и смотрел, как Дерва Корема подносит к губам свой. Он взял у нее кубок, дощечка снова зазвенела. Яд в обоих? Странно. Может, она не собиралась пить. А может, заранее приняла противоядие.

Кьюджел сделал знак Йодо.

— Еще один кубок, пожалуйста... и бутылку. — Кьюджел наполнил кубок на треть, дощечка снова зазвенела. — Хоть и я недолго знаю этого верного слугу, назначаю его мажордомом дворца!

— Благородный, — запинаясь, начал Йодо, — какая великая честь!

— Выпей старого вина, чтобы отпраздновать это назначение!

Йодо низко поклонился.

— С величайшей благодарностью, Благородный. — Он поднял кубок и выпил. Дерва Корема смотрела равнодушно.

Йодо поставил кубок, нахмурился, конвульсивно содрогнулся, посмотрел на Кьюджела, упал на ковер, подергался и затих.

Кьюджел внимательно смотрел на Дерву Корему. Она казалась такой же удивленной, как и Йодо. Посмотрела на него.

— Зачем вы отравили Йодо?

— Это дело ваших рук, — возразил Кьюджел. — Разве не вы приказали отравить вино?

— Нет.

— Надо говорить "Нет, Благородный".

— Нет, Благородный.

— Если не вы, то кто?

— Я в затруднении. Вероятно, яд предназначался мне.

— Или нам обоим. — Кьюджел сделал знак одному из слуг. — Уберите труп Йодо.

Тот подозвал двух младших слуг в плащах с капюшонами, и они унесли несчастного мажордома.

Кьюджел взял кубок, посмотрел на янтарную жидкость, но не стал разглашать своих мыслей. Дерва Корема откинулась в своем кресле и долго рассматривала его.

— Я удивлена, — сказала она наконец. — Вы человек вне моего опыта и понимания. Не могу определить цвет вашей души.

Кьюджел был очарован причудливым построением этой фразы.

— Значит, вы видите цвет души?

— Да. Некая колдунья при рождении наделила меня этим даром. Она же подарила ходячую лодку. Она умерла, и я одинока, у меня нет друга, который думал бы обо мне с любовью. И правление Силом доставляло мне мало радости. И вот передо мной вы, и душа ваша светится многими цветами. Ни у одного человека такого нет.

Кьюджел воздержался от упоминания о Фирксе, чья духовная аура, смешиваясь с аурой самого Кьюджела, и вызвала пестроту, которую заметила Дерва Корема.

— У этого есть причина, — заметил Кьюджел, — она откроется в должное время, во всяком случае я надеюсь на это. А до того времени считайте мою душу сияющей самыми чистыми цветами.

— Я постараюсь не забыть об этом, Благородный.

Кьюджел нахмурился. В ответе Дервы Коремы, в наклоне ее головы он увидел еле скрываемое высокомерие. Но будет еще время заняться этим, когда он узнает, как пользоваться амулетом — вот это самое срочное дело. Кьюджел откинулся на подушки и заговорил, как праздно рассуждающий человек:

— Повсюду на умирающей земле встречаются необыкновенные происшествия. Недавно в доме Юкуну Смеющегося Волшебника я видел большую книгу, в ней содержится перечень всех заклинаний и все стили волшебных рун. Может, в вашей библиотеке есть такая книга?

— Весьма вероятно, — ответила Дерва Корема. Гарт Хакс Слейя Шестнадцатый был заядлым коллекционером, у него было многотомное собрание на эту тему.

Кьюджел хлопнул в ладоши.

— Я хочу видеть это собрание немедленно!

Дерва Корема удивленно посмотрела на него.

— Вы такой библиофил? Жаль, потому что Рубель Зафф Восьмой приказал эти книги потопить в заливе Хоризон.

Кьюджел скривился.

— Ничего не сохранилось?

— Наверно, сохранилось, — ответила Дерва Корема. — Библиотека занимает все северное крыло дворца. Но не лучше ли заняться поисками завтра? — И, потянувшись, стала принимать одну соблазнительную позу за другой.

Кьюджел отпил из своего черного кубка.

— Да, особой спешки нет. А теперь... — Его прервала женщина средних лет, в просторном коричневом платье, должно быть, одна из служанок, которая в этот момент ворвалась в зал. Она громко кричала, и несколько слуг поддерживали ее. Между истерическими всхлипами она рассказала о причине своего горя: призрак только что совершил ужасное злодеяние над ее дочерью.

Дерва Корема грациозно указала на Кьюджела.

— Вот новый правитель Сила. Он владеет волшебством и прикажет уничтожить злого духа. Не правда ли, Благородный?

Кьюджел задумчиво потер подбородок. Действительно дилемма. Служанка и все остальные слуги опустились на колени.

— Благородный, если вы обладаете волшебством, используйте его, чтобы уничтожить призрак!

Кьюджел мигнул, повернул голову и встретился с задумчивым взглядом Дервы Коремы. Он вскочил на ноги.

— Зачем нужно волшебство, если у меня есть меч? Я разрублю это создание на куски! — Он сделал знак шести воинам, стоявшим в доспехах. — Принесите факелы! Мы идем, чтобы уничтожить злого духа!

Воины повиновались без всякого энтузиазма. Кьюджел собрал их у выхода.

— Когда я распахну дверь, выбегайте вперед и ослепите это существо. Держите мечи наготове, чтобы нанести смертельный удар.

Воины, каждый с факелом и обнаженным мечом, встали у выхода. Кьюджел отодвинул запоры и распахнул дверь.

— Наружу! Осветите чудовище в последний день его существования!

Воины отчаянно бросились вперед, Кьюджел осторожно двинулся за ними, размахивая своим мечом. Воины столпились у лестницы и неуверенно вглядывались в темноту, откуда доносились ужасные звуки.

Кьюджел через плечо бросил взгляд на Дерву Корему, которая, стоя у входа, внимательно следила за ним.

— Вперед! — закричал он. — Окружите это жалкое создание, его ожидает смерть!

Воины неохотно начали спускаться, Кьюджел обеспечивал тыл.

— Рубите его! — кричал он. — Вас всех ждет слава! Того, кто побоится нанести удар, я сожгу своим волшебством!

Дрожащий свет факелов падал на пьедесталы, смешивался с темнотой.

— Вперед! — надрывался Кьюджел. — Где этот зверь? Почему он не приходит получить заслуженное? — Он напряженно всматривался в дрожащие тени, надеясь, что призрак испугался и убежал.

Сбоку послышался негромкий звук. Повернувшись, Кьюджел увидел неподвижную высокую бледную фигуру. Воины немедленно устремились вверх по широкой лестнице.

— Убей чудовище волшебством, Благородный! — закричал сержант. — Лучше всего самый быстрый способ!

Призрак двинулся вперед, Кьюджел — назад. Призрак быстрее, Кьюджел спрятался за пьедестал. Призрак вытянул руки, Кьюджел ударил мечом, отскочил за другой пьедестал и понесся к террасе. Дверь уже закрывалась, Кьюджел протиснулся в щель, захлопнул дверь и задвинул засовы. Чудовище ударилось о доски, болты заскрипели.

Кьюджел повернулся и встретился с оценивающим взглядом Дервы Коремы.

— Что случилось? — спросила она. — Почему вы не убили чудовище?

— Солдаты с факелами удрали, — ответил Кьюджел. — Мне не было видно, куда ударить.

— Странно, — сказала Дерва Корема. — Мне показалось, что для такого незначительного случая освещение вполне достаточное. А почему вы не воспользовались властью амулета, чтобы разорвать злого духа на части?

— Такая легкая смерть не годится, — с достоинством ответил Кьюджел. — Я должен подумать и решить, какое наказание выбрать чудовищу за его преступления.

— Да, — сказала Дерва Корема, — да.

Кьюджел вернулся в большой зал.

— Вернемся к ужину. Несите еще вина! Пусть все выпьют за вступление на трон нового правителя Сила!

Шелковым голосом Дерва Корема сказала:

— Пожалуйста, Благородный, удовлетворите мое любопытство, покажите силу амулета.

— Охотно! — И Кьюджел коснулся нескольких карбункулов, вызвав серию воплей и ужасных стонов.

— А еще что-нибудь можете сделать? — спросила Дерва Корема, улыбаясь словно маленькая шалунья.

— Несомненно, если захочу. Но довольно! Пусть все выпьют!

Дерва Корема подозвала сержанта.

— Возьми меч, отруби этому дураку руку и принеси амулет мне.

— С удовольствием, благородная леди. — Сержант приблизился с обнаженным лезвием.

— Остановись! — крикнул Кьюджел. — Еще один шаг, и волшебство вывернет все твои кости под прямым углом!

Сержант покосился на Дерву Корему. Та рассмеялась.

— Делай, что я говорю или пеняй на себя!

Сержант мигнул и снова двинулся вперед. Неожиданно к Кьюджелу бросился какой-то слуга, и под его капюшоном Кьюджел узнал морщинистое лицо старого Слейи.

— Я тебя спасу. Покажи мне амулет!

Кьюджел оторопело протянул старику амулет. Тот нажал один из карбункулов и что-то произнес резким возбужденным голосом. Полыхнула вспышка, и в конце зала появилась огромная черная фигура.

— Кто терзает меня? — простонала она. — Кто прекратит мои страдания?

— Я! — воскликнул Слейя. — Убей всех, кроме меня!

— Нет! — закричал Кьюджел. — Я хозяин амулета. Ты должен повиноваться мне! Убей всех, кроме меня!

Дерва Корема схватила Кьюджела за руку, пытаясь рассмотреть амулет.

— Он не будет повиноваться, если не назовешь его по имени! Мы все погибли!

— Как его имя? — кричал Кьюджел. — Скажи мне!

— Отступите! — провозгласил Слейя. — Итак...

Кьюджел ударил его и спрятался под стол. Демон приближался, останавливаясь лишь для того, чтобы хватать воинов и швырять их о стены. Дерва Корема подбежала к Кьюджелу.

— Дай мне амулет, ты в нем вообще ничего не смыслишь! Я отдам приказ!

— Сделай милость! — сказал Кьюджел. — Разве я зря прозываюсь Кьюджел Умник? Покажи мне, какой карбункул надавить и назови имя!

Дерва Корема склонила голову, читая руны, протянула руку, чтобы нажать на карбункул, но Кьюджел отбросил ее руку.

— Имя! Или мы все умрем!

— Ванил! Нажми и позови Ванила!

Кьюджел нажал карбункул.

— Ванил! Прекрати этот спор!

Черный демон не обратил на это внимания. Зато вновь прогремел гром, и появился другой демон.

— Это не Ванил! — в ужасе закричала Дерва Корема. — Покажи мне снова амулет!

Но времени на это уже не было; черный демон стоял совсем рядом.

— Ванил! — закричал Кьюджел. — Уничтожь черное чудовище!

Ванил оказался низким, широкоплечим, с зеленой кожей и глазами, пылающими алым огнем. Он бросился на первого демона, и от ужасных ударов заложило уши. Глаз не в силах был уследить за страшной схваткой. Стены содрогались от могучих ударов. Стол раскололся от пинка мощной ноги; Дерву Корему отбросило в угол; Кьюджел

пополз за ней. Принцесса почти без сознания прислонилась к стене. Кьюджел протянул ей амулет.

— Читай руны, — потребовал он. — Называй имена; я все буду пробовать по очереди! Быстрей, если хочешь спасти наши жизни!

Но Дерва Корема лишь беззвучно шевелила губами.

Черный демон, оседлав Ванила, методично вырывал когтями куски его плоти и отбрасывал в сторону. Ванил ревел, крутил головой и, щелкая зубами, отбивался большими зелеными лапами. Черный демон погрузил руки еще глубже, ухватился за что-то важное, и Ванил превратился в сверкающую зеленую слизь. Вся она почти мгновенно впиталась в каменный пол.

Над Кьюджелом, улыбаясь, навис Слейя.

— Хочешь спастись? Отдай амулет, и я тебя пощажу. Промедлишь на мгновение, и ты мертв.

Кьюджел снял амулет, но был не в состоянии расстаться с ним.

С неожиданной хитростью он сказал:

— Я ведь могу отдать амулет и демону.

— Тогда мы все умрем. Для меня это не имеет значения. Давай. Я ставлю условие. Если хочешь жить — отдай амулет.

Кьюджел взглянул на Дерву Корему.

— А она?

— Вы оба будете изгнаны. Амулет! Демон уже рядом!

Черный демон возвышался над ними; Кьюджел торопливо протянул амулет Слейе, который резко крикнул и коснулся карбункула. Демон застонал, уменьшился и исчез.

Слейя отступил, торжествующе улыбаясь.

— А теперь убирайся вместе с девушкой. Я держу свое слово, но не больше. Свои жалкие жизни вы сохранили. Прочь!

— Выполни хоть одно желание! — попросил Кьюджел. — Перенеси нас в Олмери, в долину Кзана, чтобы я мог избавиться от рака, по имени Фиркс!

— Нет! — ответил Слейя. — Я отказываю тебе в твоем заветном желании. Уходи немедленно.

Кьюджел помог Дерве Кореме подняться. Все еще ошеломленная, она смотрела на полуразрушенный зал. Кьюджел повернулся к Слейе.

— На променаде нас поджидает призрак.

— Очень даже может быть, — кивнул Слейя. — Завтра я накажу его. А сегодня я должен призвать из Нижнего Мира ремесленников, чтобы отремонтировать зал и восстановить былую славу Сила. Вон отсюда! Ты думаешь, мне интересно, что с вами сделает призрак? — Лицо его раскраснелось, пальцы погладили карбункулы амулета. — Вон немедленно!

Кьюджел взял Дерву Корему за руку, вывел ее из зала и провел к выходу. Слейя стоял, широко расставив ноги, опустив плечи, наклонив голову, и следил за каждым движением Кьюджела. Тот открыл засовы, раскрыл дверь и вышел на террасу.

Променад был тих. Кьюджел свел Дерву Корему по лестнице и свернул в сторону, в тень кустов старого сада. Тут он остановился и прислушался. Из дворца доносились звуки работы: что-то скрипело, падало, слышались крики, мелькали разноцветные огни. По центру променада скользила высокая белая фигура, передвигаясь от тени одного пьедестала к другому. Она остановилась, удивленно прислушиваясь. Не дожидаясь, пока дух опомнится, Кьюджел поспешно увел Дерву Корему сквозь заросли темных кустов в ночь.

ГЛАВА III
ГОРЫ МАГНАЦА

Вскоре после восхода солнца Кьюджел и Дерва Корема выбрались из старого коровника, в котором провели ночь. Утро было холодное, и солнце, прятавшееся за высокими облаками цвета вина, не давало тепла. Кьюджел размахивал руками, расхаживал взад и вперед, а Дерва Корема с осунувшимся лицом бродила возле коровника.

Вскоре Кьюджела стало раздражать ее поведение, в котором он чувствовал пренебрежение к себе.

— Принеси дров, — коротко сказал он ей. — Я разведу костер. Позавтракаем с удобствами.

Ни слова не говоря, бывшая принцесса Сила отправилась собирать хворост. Кьюджел повернулся, осматривая

пространства на востоке и машинально проклиная Юкуну Смеющегося Волшебника, чья злоба забросила его так далеко на север.

Дерва Корема вернулась с охапкой веток; Кьюджел одобрительно кивнул. Первое время после изгнания из Сила она вела себя с неподобающим высокомерием, которое Кьюджел выносил со спокойной улыбкой. Их первая ночь оказалась полной событий и испытаний; и с этого времени поведение Дервы Коремы несколько изменилось. Лицо ее, изящное, с тонкими чертами, отчасти утратило меланхолическое задумчивое выражение. Высокомерие приняло другой характер, молоко превратилось в сыр, и теперь она по-новому смотрела на мир.

Огонь весело затрещал. Они позавтракали корнями колокольчика-рапунцеля и мясистыми земляными орехами; за едой Кьюджел расспрашивал о землях, что лежали к востоку и югу.

Дерва Корема знала немного, а то, что знала, не очень-то радовало.

— Говорят, этот лес бесконечен. Я слышала разные его названия: Большой Эрм, Восточный лес, Лиг Тиг. На юге виднеются горы Магната, о которых рассказывают страшные вещи.

— Что именно? — спросил Кьюджел. — Это очень важно: нам придется пересечь эти горы на пути в Олмери.

Дерва Корема покачала головой.

— Я слышала лишь намеки, да и на них не обращала внимания, потому что не думала, что когда-нибудь там буду.

— Я тоже, — проворчал Кьюджел. — Если бы не Юкуну, я был бы сейчас совсем в другом месте.

Искра интереса осветила ее безжизненное лицо.

— А кто такой Юкуну?

— Мерзкий волшебник из Олмери. Вместо башки у него вареная тыква, и он постоянно щеголяет идиотской улыбкой. Он во всех отношениях отвратителен, да еще и злобен, как евнух.

Дерва Корема слегка улыбнулась холодной улыбкой.

— И как это ты вызвал гнев такого колдуна?

— Ба! Пустое дело! За небольшое неуважение к себе он забросил меня на север с бредовым поручением. Но ме-

ня не зря зовут Кьюджел Умник! Поручение выполнено, и теперь я возвращаюсь в Олмери.

— А Олмери — приятное место?

— Очень, особенно если сравнить с этими дикими лесами и туманом. Но, как и везде, есть свои недостатки. Там много волшебников, и справедливость часто нарушается, о чем я уже рассказывал.

— Расскажи мне больше об Олмери. Есть там города? Есть ли жители, кроме мошенников и колдунов?

Кьюджел нахмурился.

— Города есть — печальная тень былой славы. Азеномай, на месте слияния Кзана и Скаума, Кайн в Асколайсе и другие на противоположном берегу Каучика, где живет очень хитрый народ.

Дерва Корема задумчиво кивнула.

— Я пойду в Олмери. В твоем обществе, к которому попробую привыкнуть.

Кьюджел искоса посмотрел на нее. Замечание это ему не понравилось, но он не стал вдаваться в подробности.

— А что за земли лежат между нами и Олмери? — спросила она.

— Тут обширные и опасные пустоши, населенные гидами, эрбами и деодандами, а также лейкоморфами, гулами и гру. Больше я ничего не знаю. Если мы выживем, это будет настоящее чудо.

Дерва Корема задумчиво посмотрела в сторону Сила, потом пожала плечами и замолкла.

Скучный завтрак закончился. Кьюджел прислонился было к стене коровника, наслаждаясь теплом костра, но Фиркс посоветовал ему не отдыхать, и Кьюджел с болезненной гримасой вскочил на ноги.

— Идем. Пора в путь. Злоба Юкуну гонит меня вперед.

Они спустились по склону холма, идя по колее древней дороги. Характер местности изменился. Вереск уступил место болотистой низине; вскоре показался лес. Кьюджел недоверчиво рассматривал сумрачную тень.

— Надо идти тихо. Надеюсь, мы не потревожим чего-нибудь зловещего. Я буду смотреть вперед, а ты поглядывай назад, чтобы никто врасплох не прыгнул нам на спину.

— Мы заблудимся.

— Солнце на юге. Оно наш проводник.

Дерва Корема снова пожала плечами, и путники погрузились в лесную тень. Кроны высоких деревьев сомкнулись над ними, и солнечные лучи, изредка пробивавшиеся сквозь листву, лишь подчеркивали полумрак. Вскоре они заметили ручей и, идя по его течению, оказались на поросшем травой берегу реки.

У самой воды, вблизи причаленного плота, сидели четверо в рваной одежде. Кьюджел критически осмотрел Дерву Корему и оторвал с ее одежды пуговицы из драгоценных камней.

— Это, несомненно, разбойники, и не стоит пробуждать их алчность.

— Лучше нам вообще с ними не встречаться, — ответила Дерва Корема. — Это животные, а не люди.

— Нам нужен их плот, и они могут рассказать о дороге, — возразил Кьюджел. — Если мы будем слишком навязчивыми, они решат, что есть шанс поживиться. — И он пошел вперед, а Дерва Корема поневоле двинулась за ним.

При ближайшем рассмотрении внешность бродяг не стала лучше. Волосы у них были длинные и спутанные, лица в морщинах, глаза черные, как жуки, а зубы желтые и гнилые. Настроение у них было довольно мирным, и они смотрели на подходивших Кьюджела и Дерву Корему скорее с опаской, чем воинственно. Один из них оказался женщиной, хотя по одежде, лицу и поведению этого не было заметно. Кьюджел снисходительно их приветствовал, и они удивленно замигали.

— Кто вы такие? — спросил Кьюджел.

— Мы называем себя Бусиако, — ответил самый старший среди них. — Это и племя наше, и семья; у нас в этом нет разницы, потому что у нас многомужие.

— Вы живете в лесу? Знаете ли вы дороги в нем?

— Это верно, — согласился мужчина, — хотя наши знания скудны. Не забывайте, это Большой Эрм, он тянется лига за лигой без всяких перерывов.

— Неважно, — сказал Кьюджел, — нам нужно только переправиться через реку и узнать безопасную дорогу на юг.

Мужчина посовещался с остальными; все отрицательно покачали головой.

— Такой дороги нет; на пути горы Магнаца.

— Верно, — согласился Кьюджел.

— Если я перевезу вас через реку, — продолжал старший Бусиако, — вы погибнете, потому что тот берег населен эрбами и гру. Меч там бесполезен, а волшебства у вас нет: мы, Бусиако, чуем волшебство, как другие чувствуют запах мяса.

— Как же нам добраться до цели? — спросил Кьюджел.

Бусиако этот вопрос не заинтересовал. Но другой мужчина, помоложе, взглянув на Дерву Корему, посмотрел на реку и как будто о чем-то задумался. Очевидно, напряжение оказалось ему не под силу, и он в знак поражения потряс головой.

Кьюджел заметил это.

— Что тебя смутило?

— Не очень сложная проблема, — ответил Бусиако. — У нас мало практики в логических упражнениях, и любая трудность ставит нас в тупик. Я только подумал, чем вы могли бы заплатить, если бы я провел вас через лес?

Кьюджел от всего сердца рассмеялся.

— Хороший вопрос. Но у меня есть только то, что на мне, а именно: одежда, обувь, шапка и меч, и все это мне еще понадобится. Впрочем, я знаю заклинание, при помощи которого могу произвести одну-две драгоценные пуговицы.

— Не очень интересно. Поблизости в склепе драгоценностей навалено мне по голову.

Кьюджел задумчиво потер подбородок.

— Всем известна щедрость Бусиако. Кстати, а не проведешь ли ты нас мимо этого склепа?

Бусиако сделал равнодушный жест.

— Как хочешь, хотя по соседству там логово большой самки гида, и у нее как раз течка.

— Мы не будем отвлекаться и пойдем прямо на юг, — поспешно сказал Кьюджел. — Пошли сейчас же.

Бусиако не тронулся с места.

— Значит, тебе нечего предложить? — еще раз спросил он.

— Только мою благодарность, а это немало.

— А как насчет этой женщины? Она, конечно, тощая, но чем-то привлекательна. Раз уж тебе суждено погибнуть в горах Магнаца, так зачем напрасно терять женщину?

— Верно, — согласился Кьюджел. Он повернулся к Дерве Кореме. — Договоримся?

— Что? — гневно воскликнула она. — Ты осмеливаешься делать мне такое предложение? Я лучше утоплюсь в реке!

Кьюджел отвел ее в сторону.

— Меня не зря называют Кьюджелом Умником, — прошипел он ей на ухо. — Неужели я не перехитрю этого слабоумного?

Дерва Корема недоверчиво посмотрела на него, потом отвернулась. Слезы гнева покатились по ее щекам. Кьюджел обратился к Бусиако.

— Твое предложение звучит мудро. Идем.

— Женщина останется здесь, — сказал Бусиако, вставая. — Мы пойдем заколдованными тропами, и потребуется строгая дисциплина.

Дерва Корема сделала решительный шаг в сторону реки.

— Нет! — торопливо воскликнул Кьюджел. — Она очень чувствительна и хочет сама убедиться, что я благополучно вышел на тропу, ведущую в горы Магнаца, пусть даже это и означает мою несомненную смерть.

Бусиако пожал плечами.

— Все равно.

Он провел их к плоту, отвязал веревку и шестом начал передвигать плот через реку. Вода казалась мелкой, шест нигде не погружался больше чем на фут или два. Кьюджелу показалось, что перейти реку вброд было бы очень просто.

Бусиако, заметив это, сказал:

— Река кишит стеклянными рептилиями; они сразу набрасываются на неосторожного человека.

— Неужели! — воскликнул Кьюджел, с сомнением поглядывая на реку.

— Да. А теперь должен вас предупредить. Вас могут приманивать всяческими способами, но если вы цените

свою жизнь, не делайте ни шага с тропы, по которой я вас поведу.

Плот причалил к противоположному берегу; Бусиако сошел на берег и привязал плот к дереву. Сказав, "Идите за мной", он уверенно двинулся между деревьев. Дерва Корема пошла следом, последним шел Кьюджел. Тропа была настолько нехоженая, что Кьюджел не отличал ее от глухого леса, но Бусиако тем не менее ни разу не заколебался. Солнце, низко светившее из-за ветвей, виднелось только изредка, и Кьюджел не мог понять, в каком направлении они движутся. Так они шли в одиночестве. Лишь изредка слышались голоса птиц.

Солнце, пройдя зенит, начало садиться, но тропа не стала заметней. Кьюджел, не выдержав, окликнул проводника:

— Ты уверен, что тут есть тропа? Мне кажется, мы просто наобум сворачиваем направо и налево.

Бусиако остановился и начал объяснять:

— Мы, жители леса, изобретательный народ, и есть у нас еще одно свойство. — Он многозначительно похлопал себя по носу. — Мы чувствуем волшебство. Тропа проложена в незапамятные времена, и она видна только таким, как мы.

— Может, и так, — упрямо сказал Кьюджел. — Но тропа кажется слишком извилистой, и где все те ужасные существа, о которых ты говорил? Я заметил только полевку, а зловония эрба нет ни следа.

Бусиако в замешательстве покачал головой.

— По непонятной причине они все куда-то ушли. Но ты ведь не жалеешь об этом? Пошли скорее, пока они не вернулись. — И он снова двинулся вперед по тропе, не более различимой, чем прежде.

Солнце опустилось совсем низко. Лес поредел, в проходах струились алые лучи, освещая изогнутые корни и золотя опавшую листву. Бусиако вышел на поляну и с торжествующим видом повернулся.

— Я успешно привел вас к цели!

— Как это? — удивился Кьюджел. — Мы еще глубоко в лесу.

Бусиако указал на противоположную сторону поляны.

— Видишь там четыре тропы?

— Да, — нехотя согласился Кьюджел.

— Одна из них ведет на юг. Остальные уходят в лесные глубины, извиваясь в пути.

Дерва Корема, всмотревшись сквозь ветви, громко воскликнула:

— Вон там, в пятидесяти шагах отсюда, река и плот!

Кьюджел бросил на Бусиако зловещий взгляд.

— Что это значит?

Бусиако серьезно кивнул.

— Эти пятьдесят шагов не имеют защиты. Я бы недобросовестно отнесся к своим обязательствам, если бы повел вас сюда прямой дорогой. А теперь... — Он подошел к Дерве Кореме, взял ее за руку и повернулся к Кьюджелу. — Ты должен пересечь поляну, и тогда я сообщу тебе, какая тропа ведет на юг. — И он принялся обвязывать талию Дервы Коремы веревкой. Она яростно сопротивлялась и покорилась только после удара и проклятия. — Это чтобы помешать ей убежать, — с хитрой усмешкой объяснил Бусиако Кьюджелу. — Я не скор на ногу и когда хочу женщину, го не люблю ее очень долго уговаривать. Но почему ты не торопишься? Солнце заходит, а после наступления темноты появляются лейкоморфы.

— Ну, так какая же тропа ведет на юг? — спросил Кьюджел.

— Перейди поляну, и я тебе укажу. Конечно, если не веришь мне, можешь сам выбрать. Но помни, я очень старался ради этой тощей, плоской и анемичной женщины. Мы теперь в расчете.

Кьюджел с сомнением посмотрел на противоположную сторону поляны, потом на Дерву Корему, которая в отчаянии смотрела на него. Он оживленно сказал:

— Ну, все, кажется, к лучшему. Горы Магнаца, как известно, очень опасны. Ты в большей безопасности с этим неотесанным разбойником.

— Нет! — закричала она. — Отвяжи эту веревку! Он обманщик: тебя одурачили! Кьюджел Умник? Кьюджел Глупец!

— Какой вульгарный язык, — заявил Кьюджел. — Мы с Бусиако заключили сделку, которая, кстати, является священным договором, и надо его выполнять.

— Убей этого грубияна! — кричала Дерва Корема. — Доставай меч! Край леса рядом!

— Неправильная тропа может увести в самое сердце Большого Эрма, — возразил Кьюджел. Он в прощальном приветствии поднял руку. — Гораздо лучше стараться ради этого лохматого грубияна, чем погибнуть в горах Магнаца!

Бусиако улыбнулся в знак согласия и собственнически дернул за веревку. Кьюджел заторопился через поляну провожаемый проклятиями Дервы Коремы, пока она не замолкла. Какое средство применил Бусиако, Кьюджел не видел. Когда он достиг противоположной стороны, тот крикнул:

— Ты случайно оказался на правильной тропе. Иди по ней и вскоре придешь в населенную местность.

Кьюджел с прощальным приветствием повернулся. Дерва Корема истерически захохотала:

— Он называет себя Кьюджел Умник! Какая гадкая шутка!

Кьюджел быстро шел по тропе, несколько обеспокоенный.

— Женщина сошла с ума, — размышлял он. — Она не понимает. Как я мог поступить иначе? Я практичный человек: поступать по-другому было бы неразумно.

Не прошел он и ста шагов, как тропа вынырнула из леса. Кьюджел застыл на месте. Всего сто шагов? Он поджал губы. По какому-то любопытному совпадению остальные три тропы тоже выходили из леса поблизости и сливались в одну дорогу, на которой он стоял.

— Интересно, — сказал Кьюджел. — Меня подмывает вернуться, отыскать Бусиако и потребовать у него объяснений...

Он задумчиво коснулся меча и даже сделал один-два шага в сторону леса. Но солнце стояло низко, тени уже заполнили промежутки между кривыми стволами. Кьюджел колебался, а Фиркс нетерпеливо всадил свои крючья и когти в печень Кьюджела, и тот отказался от мысли вернуться в лес.

Дорога шла по открытой местности, на юге возвышались горы. Кьюджел шел быстро, оставляя за собой темную тень леса, и напряженно думал. Иногда при

какой-нибудь особенно беспокойной мысли он шлепал себя по бедру. Но ведь это глупо! Он вел себя наилучшим образом! Бусиако глуп, он и надеяться не мог обмануть Кьюджела! Сама эта мысль неприемлема. А что касается Дервы Коремы, то она скоро привыкнет к своей новой жизни...

Когда солнце уже село за горы Магнаца, он увидел небольшое селение и таверну на перекрестке дорог. Это было прочное сооружение из камня и бревен, с круглыми окнами, каждое из которых состояло из множества маленьких стеклышек.

Кьюджел остановился у входа и подвел итог своему бюджету. Денег у него оказалось немного. Потом он вспомнил про драгоценные пуговицы, которые взял у Дервы Коремы, и поздравил себя с такой предусмотрительностью.

Он вошел и оказался в длинной комнате, освещаемой старинными бронзовыми лампами. Хозяин стоял за стойкой и подавал грог и пунш трем мужчинам, очевидно, постоянным посетителям. Все трое повернулись, когда Кьюджел вошел в таверну.

Хозяин заговорил достаточно вежливо:

— Добро пожаловать, путник. Чего пожелаешь?

— Вначале чашу вина, затем ужин и ночлег и, наконец, сведений о дороге на юг.

Хозяин налил вина.

— Ужин и ночлег в должное время. А что касается дороги на юг, она ведет в царство Магнаца, и большего знать не нужно.

— Значит Магнац — страшное существо?

Хозяин мрачно кивнул.

— Люди, уходившие на юг, никогда не возвращались. И на нашей памяти никто не приходил оттуда. Я могу поручиться только за это.

Трое за стойкой молча закивали в знак согласия. Двое оказались местными крестьянами, на третьем же были высокие черные сапоги профессионального заклинателя духов. Первый крестьянин сделал знак хозяину:

— Налей этому несчастному вина за мой счет.

Кьюджел со смешанным чувством принял подношение.

— Благодарю, но отвергаю слово "несчастный", чтобы это не сказалось на моей судьбе.

— Как хочешь, — равнодушно отозвался крестьянин, — хотя кто в наше печальное время счастлив? — И крестьяне погрузились в разговор о починке каменной изгороди, разделявшей их земли.

— Работа тяжелая, но выгодная, — заявил один.

— Согласен, — заметил другой, — но я такой неудачник, что прежде чем мы закончим ее, солнце почернеет, и окажется, что весь наш труд напрасен.

Первый отмахнулся в насмешливом отрицании аргумента.

— Существует риск, от которого не уйти. Смотри: я нью вино, хотя могу не дожить до того, чтобы напиться. Но разве это меня удерживает? Нет! Я отрицаю будущее; я пью сейчас и опьянею, если обстоятельства позволят.

Хозяин рассмеялся и ударил кулаком по стойке.

— Ты хитер, как Бусиако. Я слышал, они тут неподалеку разбили лагерь. Может, путник повстречал их? — И он вопросительно взглянул на Кьюджела, который неохотно кивнул.

— Я встретил такую группу. По-моему, они скорее глупые, чем хитрые. А что касается дороги на юг, может кто-нибудь дать более точные указания?

— Я могу. Избегай ее, — резко ответил хозяин. — Вначале за твоей плотью будут охотиться деоданды. А дальше лежат владения Магната, в сравнении с ним деоданд просто ангел, если верна хотя бы десятая часть слухов.

— Неважные новости, — оценил Кьюджел. — А другой дороги на юг нет?

— Есть, — подал голос заклинатель духов, — и я советую тебе воспользоваться ею. Возвращайся по дороге в Большой Эрм и иди на восток вдоль края леса, который становится все гуще и страшнее. Нет нужды говорить, что тебе понадобятся крепкая рука и быстрые ноги, а еще лучше крылья, чтобы спастись от вампиров, гру, эрбов и лейкоморфов. Пройдя до самого конца леса, ты должен свернуть на юг, в долину Дарада, где, по слухам, армия василисков осаждает древний город Мар. Если сумеешь миновать это сражение, то дальше лежит Большая Центральная

степь, где нет ни пищи, ни воды, и которая населена пелгрейнами. Пройдя степь, поворачивай на запад и проберись через цепь отравленных болот. За ними местность, о которой я знаю только, что она называется Земля Злых Воспоминаний. Миновав эту местность, ты окажешься к югу от гор Магнаца.

Кьюджел на несколько мгновений задумался.

— Путь, предложенный тобой, возможно, и менее опасный, но уж очень он длинный. Лучше я рискну и отправлюсь в горы Магнаца.

Первый крестьянин посмотрел на него с благоговейным страхом.

— Ты, должно быть, великий волшебник, набитый заклинаниями.

Кьюджел, улыбаясь, покачал головой.

— Я Кьюджел Умник, не больше и не меньше. А теперь — вина!

Вскоре хозяин принес ужин: тушеных земляных крабов с чечевицей, приправленных диким рисом и черникой.

После ужина двое крестьян пропустили посошок на дорожку и ушли, а Кьюджел, хозяин и заклинатель засиделись, обсуждая различные аспекты бытия. Наконец и заклинатель удалился в свою комнату. Перед уходом он подошел к Кьюджелу и заговорил с ним откровенно:

— Я заметил твой плащ; вещь такого качества редко встретишь в нашем захолустье. Так как ты все равно погибнешь, почему бы не подарить этот плащ мне? Я давно ищу такой.

Кьюджел вежливо отклонил предложение и направился в свою комнату.

Ночью его разбудил какой-то шорох. Вскочив, он схватил человека небольшого роста и подтащил его к свету. Это оказался трактирный слуга. Он все еще сжимал в охапке сапоги Кьюджела, которые, очевидно, хотел украсть.

— Что это значит? — Кьюджел ударил мальчишку. — Отвечай! Как ты осмелился на это?

Слуга стал оправдываться.

— Какая разница? Обреченному человеку не нужна такая элегантная обувь!

— Это мне судить, — сказал Кьюджел. — Или ты думал, что я босиком пойду навстречу смерти в горы Магнаца? Убирайся! — И он швырнул воришку через весь коридор.

За завтраком он рассказал об этом происшествии хозяину, который не проявил большого интереса. Когда пришло время рассчитываться, Кьюджел бросил на стойку драгоценную пуговицу.

— Будь добр, оцени эту драгоценность, вычти мой долг и дай сдачу золотыми монетами.

Хозяин осмотрел украшение, поджал губы и склонил голову набок.

— Полная оплата твоего пребывания равна стоимости этой безделушки, так что никакой сдачи.

— Что? — вскипел Кьюджел. — Чистейший аквамарин, окруженный четырьмя изумрудами? За пару кружек кислого вина, похлебку и сон, нарушенный злодейством твоего слуги? Это таверна или бандитское логово?

Хозяин пожал плечами.

— Конечно, цена несколько завышена, но деньги, оставшиеся в карманах трупа, никому не принесут пользы.

В конце концов Кьюджел все же выторговал несколько золотых монет и вдобавок кусок хлеба, сыра и немного вина. Хозяин подошел к двери.

— Тут только одна дорога, ведущая на юг, — указал он. — Прямо перед тобой горы Магнаца. Прощай!

Не без дурных предчувствий двинулся Кьюджел на юг. Некоторое время дорога шла мимо полей местных крестьян, затем, у подножий холмов, возвышавшихся по обе стороны, она превратилась сначала в тропу, потом в еле заметную стежку, вьющуюся по дну сухого русла среди колючих кустарников, тысячелистника и асфодели. На вершинах холмов параллельно тропе росли согнутые дубы, и Кьюджел, решив подольше оставаться незамеченным, взобрался наверх и продолжил свой путь под покровом листвы.

Воздух был чист, небо яркого темно-синего цвета. Солнце поднялось к зениту, и Кьюджел вспомнил о пище. Он сел, но при этом глаз его уловил какую-то движущуюся тень. Кровь его застыла в жилах. Какое-то существо собиралось прыгнуть ему на спину.

Кьюджел сделал вид, что ничего не заметил, и вскоре тень снова двинулась вперед: деоданд, более высокий и тяжелый, чем Кьюджел, черный, как полночь, за исключением белых глаз, зубов и когтей, обмотанный полосками кожи, поддерживающими короткую бархатную рубашку.

Кьюджел задумался о лучшем способе действий. Лицом к лицу, в открытой схватке, деоданд растерзает его в клочки. Кьюджел может мечом удержать деоданда, пока у того жажда крови не победит страх боли. Тогда тот бросится вперед, ни на что не обращая внимания. Возможно, Кьюджел мог бы убежать от этого существа, но только после долгого и упорного преследования... Деоданд снова шагнул вперед и притаился за скальным выступом в двадцати шагах ниже по склону от того места, где сидел Кьюджел. Как только он исчез за скалой, Кьюджел вскочил, подбежал к скале и забрался на ее вершину. Тут он поднял тяжелый камень и, когда деоданд осторожно высунулся, бросил его на спину этому существу. Тот упал и лежал, дергая ногами. Кьюджел спрыгнул вниз, чтобы нанести смертельный удар.

Деоданд прижался к скале и зашипел в ужасе при виде обнаженного лезвия в руке Кьюджела.

— Не бей, — сказал он. — Ты ничего не добьешься этим.

— Только удовлетворения от смерти того, кто собирался меня пожрать.

— Пустое удовольствие!

— Удовольствия редко бывают иными, — сказал Кьюджел. — Но пока ты жив, расскажи мне о горах Магната.

— Ты их видишь: мертвые горы из древнего черного камня.

— А кто такой Магнат?

— Этого я не знаю.

— Что? Люди к северу содрогаются от одного звука этого имени!

Деоданд слегка выпрямился.

— Вполне возможно. Я слышал это имя, но считал его всего лишь древней легендой.

— Почему люди идут на юг, и никто не идет на север?

— Какой дурак пойдет на север? А шедшие на юг давали пищу мне и моему племени. — Деоданд еще более приподнялся. Кьюджел поднял большой камень и обрушил на деоданда. Тот упал и конвульсивно задергался. Кьюджел подобрал другой камень.

— Подожди! — слабо сказал деоданд. — Пощади меня, и я помогу тебе выжить.

— Каким образом? — спросил Кьюджел.

— Ты хочешь идти на юг. Дальше в пещерах обитают мои соплеменники. Как тебе спастись, если я не укажу путь, который они не используют?

— Ты можешь это сделать?

— Если ты пообещаешь сохранить мне жизнь.

— Прекрасно. Но я должен принять меры предосторожности: в своей жажде крови ты можешь забыть о нашем соглашении.

— Ты меня искалечил; какие еще меры тебе нужны? — воскликнул деоданд. Тем не менее Кьюджел связал ему руки и затянул на его толстой черной шее веревку.

Таким образом они и двинулись. Деоданд, хромая и подпрыгивая, повел Кьюджела кружным путем, минуя пещеры.

Горы поднялись выше, в каменных ущельях завыли ветры.

Кьюджел продолжал расспрашивать деоданда о Магнаце, но тот твердил лишь, что Магнац — это чушь и выдумка.

Наконец они оказались на песчаной площадке высоко над низиной. Деоданд объявил, что тут кончается территория его племени.

— А что дальше? — спросил Кьюджел.

— Не знаю: я там не бывал. А теперь освободи меня и иди своей дорогой, а я вернусь в свои пещеры.

Кьюджел покачал головой.

— Близится ночь. Что помешает тебе пойти за мной следом и снова напасть? Лучше я тебя убью.

Деоданд печально рассмеялся.

— За нами идут трое моих сородичей. Они держатся на расстоянии, только потому что я им сделал знак. Убей меня, и ты никогда не увидишь утреннего солнца.

— Тогда и дальше пойдем вместе, — сказал Кьюджел.

— Как хочешь.

Кьюджел пошел на юг, деоданд все еще хромал. Оглядываясь назад, Кьюджел видел три черные фигуры, двигавшиеся в тени. Деоданд многозначительно улыбнулся.

— Тебе лучше остановиться здесь: зачем ждать темноты? Смерть не так страшна при свете.

Кьюджел не ответил, но пошел еще быстрее. Тропа вышла из долины, поднялась на высокий луг. Здесь воздух был холоднее. По обе стороны росли лиственницы, кеобаб, бальзаминовый кедр, среди травы и кустов журчал ручей.

Деоданд забеспокоился, он дергал за веревку и хромал с преувеличенной слабостью. Кьюджел не видел причин для этого: никакой угрозы, кроме самих деодандов, не было. Все это стало ему надоедать.

— Что плетешься? Я надеялся до наступления темноты найти гостиницу в горах. А ты меня задерживаешь.

— Тебе следовало подумать об этом, до того как ты искалечил меня камнем, — ответил деоданд. — Я ведь иду с тобой не по своей воле.

Кьюджел оглянулся. Три деоданда, которые раньше прятались среди камней, теперь шли следом, не скрываясь.

— Ты не мог бы укротить ужасный аппетит твоих соплеменников? — спросил Кьюджел.

— Я и со своим-то еле справляюсь, — ехидно ответил деоданд. — Только рана мешает мне броситься на тебя и вцепиться в горло.

— Жить хочешь? — Кьюджел многозначительно положил руку на меч.

— Конечно, хотя и не так страстно, как люди.

— Если ты хоть немного ценишь свою жизнь, прикажи этим троим отказаться от преследования.

— Напрасный труд. И в конце концов для чего тебе жизнь? Посмотри, перед тобой горы Магнаца!

— Ха! — ответил Кьюджел. — Разве не ты утверждал, что это чудовище вымышлено?

— Конечно, но я не вдавался в подробности вымысла.

И тут послышался свист. Оглянувшись, Кьюджел увидел, что три деоданда упали, пронзенные стрелами. Из ближайшей рощи появились четверо молодых людей в коричневых охотничьих костюмах. Все были прекрасно сложены, у всех каштановые волосы, все, казалось, были в хорошем настроении.

— Эй, приятель, каким ветром тебя занесло с незаселенного севера? И почему ты странствуешь ночью с этой тварью?

— Ответить на твои вопросы несложно, — ответил Кьюджел. — Во-первых, север населен: там еще живет несколько сотен людей. А эту помесь демона с людоедом я нанял, чтобы он провел меня безопасно через горы, хотя, по правде, я недоволен его службой.

— Я сделал все необходимое, — возразил деоданд. — Освободи меня в соответствии с нашим договором.

— Как хочешь, — сказал Кьюджел. Он развязал веревку, и деоданд захромал прочь, оглядываясь через плечо. Кьюджел сделал знак предводителю охотников; тот что-то сказал своим товарищам; они вскинули луки и застрелили деоданда.

Кьюджел коротко одобрительно кивнул.

— А вы кто будете? Ведь Магнац, говорят, делает горы непригодными для жизни?

— Это всего лишь предание, — рассмеялись охотники. — Некогда действительно существовало чудовище по имени Магнац, и, отдавая дань традиции, мы, жители деревни Валл, по-прежнему назначаем одного человека Стражником. Но все это только эхо старой легенды.

— Странно, — сказал Кьюджел, — что легенда так широко распространена и внушает такой страх.

Охотники равнодушно пожали плечами.

— Близится ночь. Время возвращаться. Можешь пойти с нами; в Валле есть таверна, где ты переночуешь.

— С радостью воспользуюсь вашим приглашением.

Двинулись дальше. По дороге Кьюджел расспрашивал о пути на юг, но охотники мало чем смогли помочь ему.

— Деревня Валл расположена на берегу озера Валл, плавать по которому нельзя из-за многочисленных водово-

ротов. Мало кто из нас ходил по горам к югу. Говорят, они безжизненны и переходят в еще более безжизненную пустыню.

— Может, в горах за озером и бродит Магнац? — осторожно спросил Кьюджел.

— Традиция об этом ничего не говорит, — ответил охотник.

Примерно через час они добрались до Валла, деревни, богатство которой поразило Кьюджела. Прочные дома из камня и бревен, улицы тщательно вымощены и подметены; большая площадь, рынок, зернохранилище, ратуша, склад, несколько таверн и масса роскошных усадеб. Однако, когда охотники шли по главной улице, кто-то обратился к ним:

— Важная новость! Погиб Стражник!

— Неужели? — с острым интересом воскликнул предводитель охотников. — Кто же сейчас исполняет его обязанности?

— Лейфель, сын гетмана, кто же еще?

— Действительно, кто же еще? — ответил охотник, и они пошли дальше.

— Значит должность Стражника высоко уважаемая? — спросил Кьюджел.

Охотник пожал плечами.

— Ее лучше назвать церемониальной синекурой. Постоянный исполнитель, несомненно, будет избран завтра. Но посмотри в сторону ратуши. — И он указал на коренастого широкоплечего человека в отороченной мехом коричневой одежде и в черной шляпе с двойными полями. — Это Хайлам Вискод, сам гетман. Эй, Вискод! Мы встретили странника с севера!

Хайлам Вискод приблизился и вежливо приветствовал Кьюджела.

— Добро пожаловать! Странники редки в наше время, и все наше гостеприимство в твоем распоряжении.

— Благодарю тебя, — ответил Кьюджел. — Не ожидал встретить в горах Магнаца такую любезность. Весь мир их страшно боится.

Гетман засмеялся.

— Повсюду встречаются недоразумения. Ты обнаружишь, что многие наши обычаи архаичны и причудливы.

Например, Стража против Магнаца. Но идем! Вот наша лучшая таверна. Устроишься, и мы поужинаем.

Кьюджелу отвели хорошую комнату, со всеми удобствами, и вскоре, умытый и отдохнувший, он присоединился к Хайламу Вискоду в общем зале. Перед ним поставили аппетитный ужин и кувшин вина.

После еды гетман провел Кьюджела по поселку, с окраины которого открывался прекрасный вид на озеро.

Казалось, сегодня вечером отмечается какой-то праздник: повсюду горели факелы, жители Валла ходили по улицам, собираясь небольшими группами, разговаривали. Кьюджел спросил, в чем причина всеобщего волнения.

— Из-за смерти вашего Стражника?

— Вот именно, — ответил гетман. — Мы свято чтим свои традиции, и выборы нового Стражника вызывают споры в обществе. Но посмотри: это общественный склад, где хранятся наши богатства. Хочешь взглянуть?

— С удовольствием, — отозвался Кьюджел. — Если ты собираешься осмотреть общественное золото, я с радостью присоединюсь к тебе.

— Тут не только золото, — гетман распахнул двери. — Вот в этих ларях самоцветы; в этом ящике древние монеты; в грудах — шелка и вышитая камка; вон в тех ящиках драгоценные пряности, еще более ценные напитки, различные дорогие притирания. Но я не стану перед тобой хвастаться: ты бывалый человек и, конечно, видел настоящее богатство.

Кьюджел ответил, что богатства Валла не следует преуменьшать. Гетман признательно поклонился, и они прошлись по эспланаде над озером — большим темным водным пространством, освещенным слабым звездным светом.

Гетман указал на купол, поддерживаемый на высоте в пятьсот футов стройным столбом.

— Угадай, что это такое?

— Вероятно, пост вашего Стражника.

— Верно! Ты проницательный человек. Жаль, что ты торопишься и не можешь задержаться в Валле.

Кьюджел, вспомнив о своем пустом кошельке и богатствах общественного склада, сделал вежливый жест.

— Я рад был бы немного задержаться, но, откровенно говоря, я путешествую без денег, и мне пришлось бы тогда искать какую-то временную службу. Кстати, насчет поста Стражника. Как я понял, это значительная должность?

— Несомненно, — ответил гетман. — Сегодня стражу несет мой сын. Но нет никаких причин, мешающих тебе стать кандидатом на этот пост. Обязанности нисколько не обременительны; вообще говоря, этот пост — просто синекура.

— А каково жалованье? — спросил Кьюджел и тут же почувствовал беспокойство Фиркса.

— Весьма солидное. Стражник пользуется здесь, в Валле, огромным уважением, так как он, пусть чисто формально, защищает нас всех от опасности.

— И все-таки, что он получает?

Гетман помолчал, подумал и начал загибать пальцы.

— Во-первых, комфортабельную сторожевую башню, выложенную мягкими подушками, с оптическим устройством, которое делает отдаленные предметы близкими, жаровней для тепла и совершенной системой связи. Далее, его еда и питье самого высокого качества и доставляются бесплатно для его удовольствия и по его приказу. В-третьих, он получает дополнительно титул "Охранника общественного богатства" и становится казначеем сокровищницы Валла. В-четвертых, он может выбрать себе в супруги любую девушку, которая покажется ему наиболее привлекательной. В-пятых, он получает титул "барона" и должен всеми приветствоваться с глубочайшим уважением.

— Вот это да! — сказал Кьюджел. — Стоит подумать. А каковы его обязанности?

— Они вытекают из его должности. Стражник должен сторожить — это один из древних обычаев, которые мы соблюдаем. Обязанности вряд ли можно назвать обременительными, но пренебрегать ими нельзя, потому что это означало бы фарс, а мы народ серьезный, несмотря на наши причудливые обычаи.

Кьюджел рассудительно кивнул.

— Условия вполне справедливы. Стражник сторожит; трудно выразиться яснее. Но кто такой Магнац, с какого направления следует его ожидать и как его можно узнать?

— Эти вопросы особого значения не имеют, — ответил гетман, — так как такого существа — теоретически — не существует.

Кьюджел взглянул на башню, на озеро, потом на хранилище.

— Я предлагаю свои услуги для выполнения этих обязанностей — если все тобой сказанное соответствует истине.

Фиркс немедленно вцепился когтями в печень Кьюджела. Тот согнулся, прижал руки к животу и, извинившись перед удивленным гетманом, отошел в сторону.

— Терпение! — умолял он Фиркса. — Терпение! Ты что, не понимаешь, в каком мы положении? Кошелек мой пуст, а впереди долгие лиги! Чтобы двигаться дальше, я должен передохнуть и пополнить свой кошелек. Я собираюсь исполнять эту должность, пока не выполню эти условия, и потом мы быстро направимся в Олмери!

Фиркс неохотно прекратил свое шевеление, и Кьюджел вернулся к ожидавшему гетману.

— Ничего не изменилось, — сказал Кьюджел. — Я посовещался с самим собой и считаю, что смогу выполнять обязанности стражника.

Гетман кивнул.

— Я рад слышать это. Ты увидишь, что мои обещания полностью соответствуют действительности. Я тоже поразмышлял и могу утверждать, что ни один человек в поселке лучше тебя не справится с этой величественной должностью, и потому провозглашаю тебя Стражником поселка!

Гетман извлек золотой воротник и надел на шею Кьюджелу.

Они вернулись в таверну; по дороге жители Валла, видя золотой воротник, засыпали гетмана вопросами.

— Да, — отвечал тот. — Этот джентльмен продемонстрировал свои возможности, и я провозгласил его Стражником поселка!

При этой новости все пришли в крайнее возбуждение и поздравляли Кьюджела, как будто он всегда здесь жил.

Все направились в таверну; принесли вино и тушеное мясо с пряностями; появились музыканты, начались танцы и веселье.

Кьюджел приметил одну исключительно красивую девушку, танцевавшую с молодым охотником из группы, встретившей его в горах. Кьюджел подтолкнул гетмана и обратил его внимание на девушку.

— А, да, прекрасная Марлинка! Она танцует с парнем, с которым недавно обручилась.

— Вероятно, ей придется изменить свои планы? — со значением спросил Кьюджел.

Гетман хитро подмигнул.

— Она тебе понравилась?

— Да, и так как это привилегия моей должности, провозгласи эту девушку моей невестой. И пусть брачную церемонию совершат немедленно!

— Так быстро? А, понимаю, горячая кровь юности не терпит отлагательств. — Он подозвал девушку, и она весело подбежала к их столику. Кьюджел встал и низко поклонился.

Гетман заговорил:

— Марлинка, Стражник поселка находит тебя привлекательной и хочет, чтобы ты стала его супругой.

Марлинка вначале удивилась, потом что-то показалось ей забавным. Она проказливо взглянула на Кьюджела и церемонно присела.

— Стражник оказывает мне большую честь.

— Далее, — продолжал гетман, — он требует, чтобы брачная церемония была совершена немедленно.

Марлинка с сомнением взглянула на Кьюджела, потом через плечо на молодого человека, с которым танцевала.

— Хорошо, — сказала она. — Как пожелает Стражник.

Совершили церемонию, и Кьюджел оказался женат на Марлинке, которая при ближайшем рассмотрении оказалась еще прекрасней. Он обнял ее за талию.

— Идем, — прошептал он. — Ускользнем на некоторое время и отпразднуем это событие.

— Не так быстро, — прошептала в ответ Марлинка. — Я должна привести себя в порядок; я слишком взволнована! — Она высвободилась и ускользнула.

Пир и веселье продолжались, и, к своему разочарованию, Кьюджел заметил, что Марлинка опять танцу-

ет с юношей, с которым была обручена. На его глазах она обняла того со всеми признаками страсти. Кьюджел прошел вперед, остановил танец и отвел свою жену в сторону.

— Такое поведение неприлично: ты ведь час как замужем!

Марлинка в удивлении и замешательстве рассмеялась, потом нахмурилась, снова рассмеялась и пообещала вести себя с должным достоинством. Кьюджел попытался увести ее в комнату, однако она опять объявила, что момент неподходящий.

Кьюджел раздраженно вздохнул, но утешил себя воспоминаниями о других своих привилегиях: свободном доступе в сокровищницу, например. Он склонился к гетману.

— Поскольку я теперь официальный хранитель общественной сокровищницы, будет разумно в подробностях ознакомиться с ее содержимым. Если ты будешь так добр и отдашь мне ключи, я быстро все осмотрю.

— Я сделаю лучше, — ответил гетман, — я сам проведу тебя в сокровищницу и помогу, чем смогу.

Они направились к складу. Гетман открыл дверь и подержал фонарь. Кьюджел вошел и осмотрел ценности.

— Я вижу, все в порядке; вероятно, есть смысл подождать, пока в голове у меня прояснится, и тогда сделать подробный перечень. Но пока... — Кьюджел направился к ящику с драгоценностями, выбрал несколько дорогих камней и начал запихивать их себе в сумку.

— Минутку, — сказал гетман. — Боюсь, что ты доставляешь себе неудобство. Вскоре тебе принесут богатую одежду, достойную твоего нового титула. А сокровища удобнее держать тут; к чему отягощать себя с риском потерять их?

— В твоих словах есть смысл, — ответил Кьюджел, — но я хотел приказать начать строительство поместья с видом на озеро, и ценности мне понадобятся для оплаты.

— Все в свое время. Работу вряд ли начнут, пока ты не осмотришь местность и не выберешь самое подходящее место.

— Верно, — согласился Кьюджел. — Вижу, впереди у меня много работы. А теперь — назад в таверну! Моя суп-

руга слишком скромничает, но больше я не потерплю никаких отговорок!

Но когда они вернулись, Марлинки не было.

— Несомненно, отправилась переодеваться в соблазнительный наряд, — предположил гетман. — Потерпи немного!

Кьюджел недовольно поджал губы; его еще больше рассердило, что исчез и молодой охотник.

Веселье быстро кончилось, и после бесконечных тостов Кьюджел захмелел и был перенесен в свою комнату.

Рано утром в дверь постучал гетман.

— Теперь самое время осмотреть сторожевую башню, — сказал он. — Всю ночь Валл сторожил мой сын, так как традиция требует неослабной бдительности.

Кьюджел с трудом оделся и вслед за гетманом вышел на холодный утренний воздух. Они прошли к сторожевой башне, и Кьюджела поразила и ее высота, и элегантная простота конструкции: стройный столб поднимался на пятьсот футов, поддерживая купол.

Единственным путем наверх служила веревочная лестница. Гетман поднимался первым, Кьюджел за ним. Лестница раскачивалась так, что у Кьюджела закружилась голова.

Они благополучно добрались до купола, а уставший сын гетмана спустился. Обстановка купола была совсем не так роскошна, как ожидал Кьюджел, и вообще казалась аскетичной. Он обратил на это внимание гетмана, который объявил, что усовершенствование начнется немедленно.

— Только выскажи свои пожелания: они будут исполнены!

— Тогда вот что: на полу постелить толстый ковер, наиболее подходящие тона — зеленый и золотой. Мне нужен также более удобный диван, большего размера, чем этот жалкий матрац у стены, потому что моя супруга Марлинка будет проводить тут много времени. Сюда поставить шкаф для драгоценностей, сюда буфет для сладостей, сюда столик с парфюмерией. А вот тут поставьте погребок с приспособлениями для охлаждения вина.

Гетман с готовностью согласился на это.

— Все будет так, как ты сказал. А сейчас мы должны обсудить твои обязанности, которые так просты, что почти не нуждаются в объяснениях. Ты должен сторожить Магнаца.

— Это понятно, но мне пришла в голову одна мысль: чтобы работать с максимальной эффективностью, я должен знать, кого именно сторожить. Магнац может прокрасться по эспланаде, а я его не узнаю. На что он похож?

Гетман покачал головой.

— Не могу сказать; эти сведения затерялись в веках. Легенда говорит только, что некий волшебник сумел обмануть и заколдовать Магнаца. — Гетман подошел к наблюдательному пункту. — Посмотри: вот оптическое устройство. Основанное на остроумном принципе, оно увеличивает все предметы, на которые ты его направляешь. Время от времени ты должен осматривать местность. Вон там гора Темус; внизу озеро Валл, в котором нельзя плавать из-за водоворотов. В том направлении тропа Падагар, она ведет на восток в местность Мерс. Вот там еле видна памятная пирамида, которую воздвиг Гузпа Великий, который во главе восьми армий напал на Магнаца. Сам Магнац воздвиг другую пирамиду — видишь ту большую груду на севере? — чтобы покрыть искалеченные трупы нападавших. А вот эту вырубку Магнац сделал, чтобы холодный ветер проникал в долину. А те титанические руины у озера остались от дворца Магнаца.

Кьюджел осмотрел все это с помощью оптического устройства.

— Да, Магнац был могучим существом.

— Так гласит легенда. А теперь последнее. Если Магнац появится — смехотворное предположение, конечно, — ты должен потянуть за этот жезл, он ударит в большой гонг. Закон строжайше запрещает ударять в гонг, если не появился Магнац. Наказание за этот проступок чрезвычайно суровое; в сущности последний Стражник лишился своего поста из-за того, что позвонил в гонг. Нет необходимости говорить, что он был осужден, и после того как цепями его разорвали в клочья, останки были брошены в водовороты озера.

— Что за идиот! — заметил Кьюджел. — К чему отказываться от такого богатства, веселья и хорошей жизни из-за какой-то бессмысленной забавы?

— Мы того же мнения, — согласился гетман.

Кьюджел нахмурился.

— Меня этот факт удивляет. Может, он был молод и поддался глупому случайному порыву?

— Нет, этим не объяснишь его поступок. Это был мудрец восьмидесяти лет, и шестьдесят из них он прослужил Стражником на башне.

— Тогда его поведение вообще необъяснимо, — удивленно заметил Кьюджел.

— Весь Валл говорит то же самое. — Гетман нервно потер руки. — Я думаю, все необходимое мы обсудили; теперь я ухожу, оставляя тебя наслаждаться твоими обязанностями.

— Минутку, — сказал Кьюджел. — Я настаиваю на немедленных усовершенствованиях: ковер, шкаф, подушки, диван и прочее.

— Конечно, — ответил гетман. Он перегнулся через перила, выкрикивая вниз распоряжения. Немедленного ответа не последовало, и гетман возмутился. — Что за помеха! — воскликнул он. — Похоже, мне самому придется этим заняться. — И он начал спускаться по веревочной лестнице.

Кьюджел крикнул ему вслед:

— Будь добр, пришли сюда мою супругу Марлинку; я кое-чем хочу тут с ней заняться.

— Я ее немедленно отыщу, — через плечо ответил гетман.

Несколько минут спустя заскрипел большой ворот, и крепкая веревка, поддерживавшая конец веревочной лестницы, начала опускаться. Глядя вниз, Кьюджел увидел приготовленные к подъему подушки. Прочная веревка проскрипела по барабану, и вместо нее появилась тонкая, всего лишь бечевка, на которой были подняты подушки. Кьюджел неодобрительно осмотрел их: старые и пыльные, вовсе не того качества, что он ожидал. Придется приказать заменить их лучшими. Возможно, гетман прислал эти временно, пока не раздобудут нужные. Кьюджел кивнул: очевидно, так оно и есть.

Он осмотрел горизонт. Магната нигде не видно. Он несколько раз взмахнул руками, прошелся взад и вперед и снова посмотрел на площадь, где ожидал увидеть ремесленников, готовящих заказанные им усовершенствования. Но никакой деятельности не наблюдалось: жители поселка занимались своими обычными делами. Кьюджел пожал плечами и снова осмотрел горизонт, но как и раньше, Магната он не заметил.

Снова он осмотрел площадь. Нахмурился, приглядываясь: не его ли жена идет в обществе молодого человека? Он направил туда оптическое устройство: действительно, Марлинка, а молодой человек, нахально сжимающий ей локоть, тот самый охотник, с которым она была помолвлена. Кьюджел в гневе стиснул зубы. Такое не должно продолжаться! Когда Марлинка появится, он должен будет поговорить с ней об этом.

Солнце достигло зенита; дрогнула веревка. Глядя вниз, Кьюджел увидел, что ему поднимают обед в корзине, и в предвкушении захлопал в ладоши. Но когда он снял салфетку с корзины, то обнаружил в ней только полкаравая хлеба, кусок жесткого мяса и бутылку слабого вина. Он откашлялся и крикнул вниз. Никто его не слушал. Он позвал громче. Один или два человека с легким любопытством подняли головы и продолжали заниматься своими делами. Кьюджел гневно потянул тонкую веревку и завертел ворот, но лестница не появилась. Легкая веревка была связана в петлю и могла выдержать лишь вес корзины с пищей.

Кьюджел сел и принялся обдумывать положение. Потом, снова направив оптическое устройство на площадь, поискал гетмана, человека, который мог бы ему все объяснить.

Позже, в тот же день Кьюджел случайно взглянул на дверь таверны, и как раз в это время, пошатываясь, оттуда вывалился гетман, очевидно, изрядно налившийся вином. Кьюджел повелительно окликнул его; гетман остановился, повертелся в поисках источника голоса и в замешательстве покачав головой, двинулся через площадь.

Солнце спускалось к озеру Валл; водовороты превратились в багровые и черные спирали. Прибыл ужин Кьюджела: миска вареного лука и похлебка. Он равно-

душно посмотрел на это, потом подошел к перилам и крикнул вниз:

— Пришлите лестницу! Приближается темнота! В отсутствие света бесполезно караулить Магнаца или кого-нибудь другого!

Как и раньше, никто ему не ответил. Зато Фиркс, по-видимому, осознал ситуацию и неуверенно попрыгал у Кьюджела во внутренностях.

Кьюджел провел беспокойную ночь. Когда посетители покидали таверну, Кьюджел крикнул им, рассказывая о своем положении, но мог бы и поберечь дыхание.

Солнце взошло над горами. Завтрак был неплохим, но далеко не соответствовал тому, что обещал Хайлам Вискод, лживый гетман Валла. В гневе Кьюджел выкрикивал вниз приказы, но на них не обращали внимания. Он перевел дыхание: похоже, рассчитывать можно только на себя. Но что с того? Зря что ли его прозывают Кьюджелом Умником? И он начал обдумывать разнообразные способы спуска с башни.

Веревка, на которой поднимают пищу, слишком тонка. Если сложить ее вчетверо, она выдержит его вес, но позволит спуститься только на четверть расстояния до земли. Его одежда и пояс, если их разорвать и связать, дадут еще двадцать футов, и он повиснет в воздухе. Ствол башни никакой опоры не дает. С соответствующими инструментами и за достаточное время он смог бы вырубить лестницу вниз или даже вообще сровнять башню, превратить ее в обрубок, с которого можно спрыгнуть... Этот проект неосуществим. Кьюджел в отчаянии рухнул на подушки. Все стало ясно. Его одурачили. Он — пленник. Как долго предыдущий стражник находился на своем посту? Шестьдесят лет? Такая перспектива не вызывала радости.

Фиркс, придерживавшийся того же мнения, яростно заработал своими колючками и когтями, прибавив горя Кьюджелу.

Так проходили дни и ночи. Кьюджел мрачно и долго размышлял, с огромным отвращением рассматривая жителей Валла. Иногда он подумывал о том, чтобы позвонить в большой гонг, как сделал его предшественник, но вспоминал наказание и сдерживался.

Кьюджел в подробностях изучил все особенности городка, озера и окружающей местности. По утрам озеро затягивал густой туман; через два часа его разгонял ветер. Водовороты засасывали воздух и стонали, возникая тут и там, и рыбаки Валла удалялись от берега едва ли не на длину лодки. Вскоре Кьюджел уже узнавал всех жителей поселка и выяснил их привычки.

Марлинка, его вероломная жена, часто пересекала площадь, но редко взглядывала в его сторону. Кьюджел запомнил дом, в котором она живет, и постоянно рассматривал его в оптическое устройство. Если она и развлекалась с молодым охотником, то делала это украдкой, и мрачные подозрения Кьюджела так и не нашли подтверждения.

Пища становилась все хуже, часто ее вообще забывали поднять. Фиркс все чаще буянил, и Кьюджел в ярости расхаживал по куполу.

Однажды вечером, после особенно мучительного предупреждения со стороны Фиркса, Кьюджел вдруг остановился. Да ведь спуститься с башни совсем просто! Как же он раньше не догадался? Вот так Кьюджел Умник!

Он разорвал на полосы все, что мог найти в куполе, и сплел веревку в двадцать футов длиной. Теперь осталось подождать, пока в поселке все стихнет — еще час или два.

Фиркс снова набросился на него, и Кьюджел воскликнул:

— Мир, скорпион, сегодня мы покинем башню! Твои действия излишни!

Фиркс прекратил свои выходки, и Кьюджел принялся изучать площадь. Ночь холодная и туманная: для его целей подходит идеально. Жители Валла рано улеглись в постели.

Кьюджел осторожно поднял веревку, на которой доставляли ему пищу, сложил ее раз, другой, третий и таким образом приготовил канат, выдерживавший его вес. На одном его конце он сделал петлю, а другой прочно прикрепил к вороту. Последний раз взглянув на горизонт, он перебрался через перила и начал спуск. Спустился до конца каната и сел в петлю, раскачиваясь на

высоте четырехсот футов над землей. К одному концу двадцатифутовой веревки он для тяжести привязал свой сапог и после нескольких неудачных попыток забросил его вокруг столба и подтянулся к нему. С бесконечной осторожностью он выскользнул из петли и, держась за охватывавшую столб веревку, все время тормозя, начал медленный спуск на землю.

Спустившись, он быстро скользнул в тень и надел сапоги. В этот момент раскрылась дверь таверны и появился пьяный Хайлам Вискод. Кьюджел нехорошо улыбнулся и последовал за шатающимся гетманом.

Хватило одного удара по голове: гетман свалился в канаву. Кьюджел набросился на него и ловкими пальцами вытащил ключи. Пройдя к общественному хранилищу, он открыл дверь, проскользнул внутрь и набил свой мешок драгоценностями, монетами, флаконами с бесценными эссенциями, раритетами и тому подобным.

Вернувшись на улицу, Кьюджел отнес мешок к причалу на берегу озера и спрятал его под сетями. Затем двинулся к дому своей жены Марлинки. Скользя вдоль стены, он нашел открытое окно и, забравшись внутрь, оказался в ее спальне.

Она проснулась от того, что он схватил ее за горло, попыталась крикнуть, но Кьюджел предусмотрительно сжал пальцы.

— Это я, — прошипел он, — Кьюджел, твой муж! Вставай и иди за мной! Твой первый же звук будет последним!

В ужасе девушка повиновалась. По приказу Кьюджела она набросила на себя плащ и надела сандалии.

— Куда мы идем? — прошептала она дрожащим голосом.

— Неважно. Выбирайся через окно. Ни звука!

Стоя снаружи в темноте, Марлинка бросила испуганный взгляд в сторону башни.

— А кто на страже? Кто охраняет Валл от Магнаца?

— Никто. Башня пуста!

Колени ее задрожали; девушка опустилась на землю.

— Вставай! — приказал Кьюджел. — Нам нужно идти!

— Но никто не сторожит. Это снимает заклятие, а Магнац поклялся отомстить, если вахта прервется!

Кьюджел поднял девушку на ноги.

— Меня это не касается; я не признаю своей ответственности. Разве вы меня не одурачили, не принесли в жертву? Где мои подушки? Где прекрасная пища? А моя супруга — как насчет нее?

Девушка плакала, а Кьюджел вел ее к причалу. Он подтянул рыбацкую лодку, приказал девушке войти в нее, бросил мешок с добычей.

Отвязав лодку, он сел за весла и поплыл по озеру.

Марлинка пришла в ужас.

— Нас затянут водовороты! Ты сошел с ума?

— Вовсе нет. Я внимательно изучал водовороты и точно знаю расположение каждого.

Кьюджел двигался по озеру, считая каждый гребок и глядя на звезды. Двести шагов на восток... сто шагов на север... двести шагов снова на восток... пятьдесят шагов на юг...

Кьюджел греб, а справа и слева от них бушевала вода. Но вот спустился туман, закрыл звезды, и Кьюджел вынужден был бросить якорь.

— Пока достаточно, — сказал он. — Мы теперь в безопасности, и нам многое нужно решить.

Девушка отпрянула в конец лодки. Кьюджел пробрался к ней.

— Я твой муж. Разве ты не рада, что мы наконец одни? Конечно, комната в гостинице была гораздо удобнее, но эта лодка тоже подойдет.

— Нет, — плакал она. — Не трогай меня. Церемония вершилась не всерьез, это только уловка, чтобы заманить тебя в башню!

— На шестьдесят лет, пока я в отчаянии не зазвоню в гонг?

— Это не моя вина! Я виновата только в шутке! Что же будет с Валлом? Никто не сторожит, и заклинание разрушено!

— Тем хуже для бесчестных жителей Валла! Они потеряли свои сокровища, свою самую красивую девушку, а когда рассветет, на них набросится Магнац.

— Никогда не произноси этого проклятого имени! — в отчаянии крикнула Марлинка, но ее крик заглох в тумане.

— А почему бы и нет? Я буду громко выкрикивать его. Я сообщу Магнацу, что действие заклинания кончилось, что он может идти на Валл и отомстить!

— Нет, не надо!

— Тогда веди себя так, как мне нужно.

Плача, девушка повиновалась, и вскоре тусклый красный свет, пробившись сквозь туман, возвестил о наступлении дня. Кьюджел встал, но туман по-прежнему скрывал берега.

Прошел еще час; поднялось солнце. Скоро жители Валла обнаружат исчезновение Стражника и поднимут тревогу. Кьюджел рассмеялся; ветерок прогнал туман, открыв ориентиры, которые он запомнил. Он прошел на корму и стал поднимать якорь, но, к его раздражению, тот застрял.

Он начал дергать, и цепь слегка подалась. Кьюджел потянул изо всех сил. Снизу поднялся огромный пузырь.

— Водоворот! — в ужасе закричала Марлинка.

— Здесь нет никакого водоворота, — тяжело дыша, ответил Кьюджел и снова дернул. Цепь ослабла, и Кьюджел потянул за нее. Глядя вниз, он вдруг увидел, как поднимается со дна огромное бледное лицо. Якорь застрял в ноздре. И в этот момент глаза на лице открылись.

Кьюджел поспешно бросил цепь, схватился за весла и лихорадочно начал грести к южному берегу.

Из воды поднялась рука размером в дом. Марлинка закричала. Поднялись волны, лодку подбросило и понесло к берегу, как щепку, а в центре озера сел Магнац.

Из поселка послышались звуки гонга, отчаянный грохот.

Магнац приподнялся на колени, вода и грязь стекали с его огромного тела. Якорь, пронзивший его ноздрю, все еще торчал из нее, и из раны сочилась густая темная жидкость. Он поднял огромную руку и хлопнул по воде. Волна поглотила лодку, Кьюджел, девушка и мешок с сокровищами оказались в глубинах озера.

Кьюджел с трудом выбрался на поверхность. Магнац встал на ноги и смотрел в сторону Валла.

Кьюджел поплыл к берегу и выбрался на него. Марлинки не было видно, Магнац медленно побрел по озеру к поселку.

Кьюджел не стал ждать. Он повернулся и изо всех сил побежал в горы.

ГЛАВА IV
ВОЛШЕБНИК ФАРЕЗМ

Горы остались позади; темные ущелья, провалы, скалистые пики — все слилось в темную полосу на севере.

Некоторое время Кьюджел шел по району круглых холмов, по цвету и текстуре напоминавших старое дерево, с сине-черными рощами у подножия, потом вышел на еле заметную тропу, которая с изгибами и пологими спусками уходила на юг и вывела его наконец на обширную мрачную равнину. В полумиле справа вздымалась линия высоких утесов, которые сразу привлекли его внимание, вызвав болезненное чувство. Он смотрел в недоумении. Когда-то в прошлом он видел эти утесы: где? когда? Память не давала ответа.

Он сел на поросший лишайниками камень, чтобы передохнуть, но нетерпеливый Фиркс пару раз кольнул его для бодрости. Кьюджел вскочил, застонал от усталости и погрозил кулаком в южную сторону, где предположительно находилось Олмери.

— Юкуну, Юкуну! Если я отплачу хотя бы за десятую часть того, что ты заслужил, мир сочтет меня жестоким!

Он пошел по тропе вдоль утесов, вызвавших у него такое болезненное, но нереальное воспоминание. Внизу расстилалась равнина, заполняя три четверти горизонта цветами, похожими на лишайник с камня, который только что покинул Кьюджел: черные полосы лесистой местности; серое крошево ущелий, заполненных обломками; еле различимые пятна серо-зеленого, серо-коричневого и свинцовый блеск двух больших рек, исчезающий в дымке на расстоянии.

От короткого отдыха суставы Кьюджела только онемели; он хромал, сумка натирала бок. Еще более угнетаю-

щим становился голод, терзающий желудок. Еще одна зарубка против Юкуну! Правда, Смеющийся Волшебник снабдил его амулетом, превращающим обычно несъедобные вещества: стекло, дерево, рог, волосы, перегной и все другое — в съедобную пасту. К несчастью, или в этом тоже проявлялся саркастический юмор Юкуну, паста сохраняла вкус исходного вещества, и за время перехода через горы лучшее, что попробовал Кьюджел, были некоторые съедобные растения и орехи. Однажды, когда больше ничего не нашлось, ему даже пришлось довольствоваться отбросами, обнаруженными в пещере бородатого фавна. Кьюджел ел очень мало; его высокое стройное тело стало худым и тощим; скулы торчали, как жабры; черные брови, некогда изгибавшиеся так весело, теперь стали плоскими и унылыми. Да, за многое придется ответить Юкуну! И Кьюджел на ходу обычно обдумывал, какой должна быть его месть, если он найдет обратный путь в Олмери.

Тропа свернула на плоский каменный карниз, в котором ветер вырезал тысячи гротескных фигур. Обозревая их, Кьюджел подумал, что они какие-то чересчур правильные. Он остановился и задумчиво потер подбородок. Рисунок казался таким тонким, что Кьюджел даже подумал, не иллюзия ли это. Придвинувшись ближе, он рассмотрел более мелкие детали: шпили, волюты, диски, седла, неправильные сферы; спирали и изгибы, веретена, кардиоиды, копьевидные башенки — сложнейшая система изображений, которую вряд ли можно отнести к игре стихий. Кьюджел нахмурился в замешательстве, неспособный понять причину такого грандиозного предприятия.

Он пошел дальше и вскоре услышал голоса и звон инструментов. Замерев, он осторожно прислушался, потом снова пошел и увидел группу примерно в пятьдесят человек, которые сильно разнились ростом: от трех дюймов до более двенадцати футов. Кьюджел осторожно подошел, но рабочие, разок на него взглянув, больше не обращали внимания, продолжая рубить, тесать, резать, шлифовать, зондировать и полировать с величайшей тщательностью.

Кьюджел смотрел несколько минут, потом подошел к надсмотрщику, человеку ростом в три фута, который стоял

на помосте, сравнивая с расстеленным перед ним чертежом проделанную работу при помощи сложного приспособления. Казалось, он одновременно все видит, выкрикивает инструкции, бранится, ругает допустивших ошибки и инструктирует новичков в использовании инструментов. Чтобы подчеркнуть свои замечания, он пользовался удивительно гибким указательным пальцем, который вытягивался на тридцать футов, чтобы постучать по поверхности скалы, быстро начертить диаграмму и так же быстро втянуться.

Десятник отступил назад, на время удовлетворенный ходом работ, и Кьюджел обратился к нему:

— Что за замысловатую работу вы выполняете?

— Нашу работу ты видишь, — пронзительным голосом ответил тот. — Из скалы мы высекаем фигуры в соответствии с требованиями колдуна Фарезма... Эй! Эй! — крик был адресован человеку ростом выше Кьюджела на три фута, который бил по скале заостренной кувалдой. — Ты слишком самоуверен! — Палец метнулся вперед. — Осторожней с этой щелью; смотри: тут скала легко раскалывается. Сюда наносишь удар шестой интенсивности по вертикали с полусжатием; а в этот пункт удар четвертой интенсивности на уровне паха; потом воспользуйся лентой четвертного размера и устрани поворот.

Работа снова пошла правильно, и десятник принялся изучать свой чертеж, с неудовольствием качая головой.

— Слишком медленно! Ремесленники работают будто под действием наркотиков или проявляют упрямую глупость. Только вчера Дадио Фессадил, вон тот, ростом в три эльма и с зеленым платком, использовал девятнадцатиразмерный замораживатель, чтобы сделать маленькую ямку в обращенном квартофойле.

Кьюджел удивленно покачал головой: такой отъявленной чепухи он никогда не слышал.

— Но к чему эти необыкновенные работы в скалах? — спросил он.

— Не могу сказать, — ответил десятник. — Работа ведется уже триста восемнадцать лет, но за все это время Фарезм ни разу не объяснял ее причины. Но причины дол-

жны быть очень важные, потому что он производит ежедневный осмотр и тут же замечает все ошибки. — Тут он повернулся, чтобы подсказать что-то человеку ростом по колено Кьюджелу, который проявил неуверенность при высечении завитка в спирали. Десятник, сверившись с чертежом, решил вопрос, потом снова повернулся к Кьюджелу, на этот раз глядя на него откровенно оценивающе.

— Похоже, ты проницателен и искусен. Хочешь поработать? Нам не хватает нескольких работников в категории пол-элла, или, если ты предпочитаешь более тонкую работу, то мог бы занять место подмастерья каменщика семнадцати эллов. Ты годишься и для того, и для другого, и перед тобой большие возможности для продвижения. Я сам, как видишь, четырех эллов. За год я достиг положения отбойщика, через три года — формовщика, помощника главного каменщика за десять и служу главным каменщиком уже девятнадцать лет. Мой предшественник был двух эллов, а главный каменщик перед ним — десяти. — И он начал перечислять преимущества работы, которые включают пропитание, жилище, выбор наркотиков, услуги нимфариума, плату, начиная с десяти терций в день, различные другие привилегии, включая исполнение самим Фарезмом предсказаний и изгнания злых духов. — Вдобавок Фарезм содержит консерваторию, где каждый может обогатить свой интеллект. Я сам прохожу курс идентификации насекомых, изучаю геральдику королей Старого Гомаза, хоровое пение, практическую каталепсию и ортодоксальную доктрину. Нигде тебе не найти более щедрого хозяина, чем волшебник Фарезм!

Кьюджел сдержал улыбку при виде энтузиазма главного каменщика; но в его животе продолжалось голодное урчание, и он не стал сразу отвергать предложение.

— Я никогда не думал о такой карьере, — сказал он. — К тому же ты перечислил привилегии, о которых я и не слыхал.

— Верно, о них вообще мало известно.

— Я не могу сразу сказать да или нет. Это такое решение, которое нужно предварительно всесторонне обдумать.

Главный каменщик глубокомысленно и одобрительно кивнул.

— Мы одобряем взвешенность в решениях наших рабочих: ведь любой неосторожный удар может вызвать самые губительные последствия. Чтобы исправить неточность размером в ширину пальца, приходится убирать целый блок, на его место ставить новый и все начинать заново. И до того времени, пока не будет достигнуто прерванное состояние, все наказываются лишением услуг нимфариума. Поэтому мы не очень приветствуем появление новичков на работе.

Фиркс, внезапно осознавший задуманную Кьюджелом комбинацию, возразил самым болезненным образом. Схватившись за живот, Кьюджел отошел в сторону и, пока главный каменщик недоуменно смотрел на него, жарко заспорил с Фирксом:

— Я не могу дальше идти без пропитания.

В ответ Фиркс еще раз вцепился когтями.

— Невозможно! — воскликнул Кьюджел. — Амулет Юкуну может теоретически накормить, но я больше такое питание выносить не могу; помни, если я упаду мертвым, ты никогда не вернешься к своей подруге в чан Юкуну!

Фиркс увидел справедливость этих доводов и неохотно успокоился. Кьюджел вернулся к помосту; тем временем главный каменщик отвлекся — рабочие откопали большой турмалин, мешавший проведению сложной спирали. В конце концов Кьюджел сумел привлечь его внимание.

— Пока я буду взвешивать предложение работы и противоречащие друг другу преимущества увеличения или уменьшения, мне понадобится постель. И я хотел бы испытать в течение одного-двух дней вашу пищу.

— Твое благоразумие похвально, — объявил главный каменщик. — Нынешнее поколение торопится и совершает действия, о которых потом жалеет. Не так было в дни моей юности, когда преобладали воздержанность и осторожность. Я распоряжусь, чтобы тебя поселили, и ты сам сможешь убедиться в истинности всех моих слов. Фарезм строг, но справедлив, и только тот, кто неосторожно рубит скалу, может на него пожаловаться. Кстати: вот и сам волшебник Фарезм со своим ежедневным осмотром!

На тропе показался человек с величественной фигурой в необъятном белом балахоне. Лицо у него было ласковое, волосы напоминали белый пух, глаза обращены вверх, будто он поглощен невыразимо сложными размышлениями. Руки спокойно сложены, и двигался он, не переставляя ноги. Рабочие, снимая головные уборы и кланяясь, почтительно его приветствовали, а Фарезм отвечал наклоном головы. Увидев Кьюджела, он остановился, быстро осмотрел проделанную работу, потом заскользил к помосту.

— Сегодня все точно, — сказал он главному каменщику. — Мне кажется, полировка на нижней стороне эпипроекции 56-16 не очень ровная, и я заметил маленький скол во вторичном поясе девятнадцатого шпиля. Но ни одно из этих нарушений не кажется серьезным, и никаких дисциплинарных акций не последует.

— Неисправности будут устранены, неосторожные рабочие наказаны! — в гневе и страсти воскликнул главный каменщик. — А теперь я хочу представить возможного новобранца. Он утверждает, что не обладает опытом такой работы и хотел бы подумать, прежде чем присоединиться к нам. Если он даст согласие, я думаю, начнет с обычного периода сбора осколков, прежде чем ему поручат заточку инструмента и предварительные раскопки.

— Да, это соответствовало бы нашей обычной практике. Однако... — Фарезм без всяких усилий скользнул вперед, взял левую руку Кьюджела и произвел быстрое гадание по кончикам пальцев. Ласковое выражение лица сменилось серьезным. — Я вижу противоречия четырех типов. И мне ясно, что твое призвание не в работе с камнем. Советую тебе поискать другую, более соответствующую твоему характеру профессию.

— Прекрасно сказано! — воскликнул главный каменщик. — Волшебник Фарезм демонстрирует свой непогрешимый альтруизм! И я соответственно беру назад свое предложение работы! Поэтому тебе незачем обдумывать мое предложение, тебе не нужна наша постель и пища, и ты можешь не тратить своего драгоценного времени.

У Кьюджела вытянулось лицо.

— Такое беглое предсказание может оказаться неточным, — промямлил он.

Главный каменщик вытянул вверх на тридцать футов указательный палец, чтобы выразить свой гневный протест, но Фарезм спокойно кивнул.

— Совершенно верно. И я с радостью выполню более полное предсказание, хотя для этого потребуется от шести до восьми часов.

— Так долго? — удивленно спросил Кьюджел.

— Это минимум. Прежде всего тебе нужно будет с головы до ног обмазаться внутренностями только что убитой совы, потом принять ванну с добавлением некоторых органических веществ. Разумеется, я должен буду прижечь мизинец на твоей левой ноге и значительно расширить твой нос, чтобы впустить жука-исследователя, с его помощью мы сможем изучит входы и выходы в твои органы чувств. Пойдем в мою предсказательную и там совершим все необходимое.

Кьюджел потянул себя за подбородок, вправо, влево. Наконец он сказал:

— Я осторожный человек и должен подумать над необходимостью такого предсказания; поэтому мне потребуется несколько дней спокойного рассудительного отдыха. Ваш поселок и находящийся в нем нимфариум, как мне кажется, дают для этого все возможности; поэтому...

Фарезм снисходительно покачал головой.

— Осторожность, как и другие добродетели, может быть доведена до абсурда. Предсказание должно быть сделано немедленно.

Кьюджел попытался спорить, но Фарезм не уступал и вскоре уплыл по тропе.

Кьюджел мрачно отошел к скале, обдумывая возможные уловки. Солнце подходило к зениту, и рабочие начали обсуждать предстоящий обед. Наконец главный каменщик дал сигнал; все положили инструменты и собрались вокруг повозки, в которой привезли еду.

Кьюджел весело сказал, что с удовольствием присоединится к трапезе, но главный каменщик не желал об этом и слышать.

— Как и во всех прочих делах Фарезма, должна соблюдаться абсолютная точность. Немыслимое несоответствие, чтобы сорок четыре человека ели пищу, предназначенную для сорока трех.

Кьюджел не нашелся, что ответить, и молча сидел, пока рабочие поедали мясной пирог, сыр и соленую рыбу. Никто не обращал на него внимания, кроме одного, ростом в четверть элла, чье великодушие намного превосходило рост и который хотел отдать Кьюджелу часть своей пищи. Кьюджел ответил, что он совсем не голоден, и, встав, отправился бродить среди работ, надеясь найти где-нибудь забытый запас провизии.

Он бродил там и тут, но сборщики осколков убрали все постороннее. С неутоленным голодом Кьюджел добрался до центра работ и тут на резном каменном диске увидел очень необычное существо: желатиновый шар, в котором сверкали разноцветные частицы. От шара отходило множество прозрачных щупалец, которые к концу сужались и как бы исчезали. Кьюджел нагнулся, осматривая это существо, которое пульсировало в медленном внутреннем ритме, потрогал его пальцем, и от места прикосновения побежали яркие искорки. Интересно: существо с уникальными свойствами!

Достав булавку, он кольнул щупальце, вызвав вспышку раздраженного свечения. Золотые искорки в шаре забегали быстрее. Заинтересованный, Кьюджел придвинулся и занялся экспериментами, тыкая булавкой там и тут и с удовольствием следя за гневными вспышками.

Новая мысль пришла ему в голову. Существо было похоже одновременно на кишечнополостное, и на иглокожее. Может, какая-нибудь мутация? Моллюск без раковины? И самое главное: съедобно ли оно?

Кьюджел достал свой амулет и приложил к центральному шару и по очереди ко всем щупальцам. Звонка не было: существо не ядовито. Он раскрыл нож и попытался отрезать одно щупальце, но оно оказалось слишком упругим и ножу не поддавалось. Поблизости находилась жаровня: на ней калили и затачивали инструменты рабочих. Кьюджел подцепил существо за два щупальца, отнес к жаровне и подвесил над огнем. Он долго и тщательно его жарил и, когда решил, что оно готово, попытался съесть. После нескольких неудачных попыток он запихнул упирающееся существо в рот, обнаружив при этом, что оно безвкусно и вряд ли питательно.

Резчики возвращались к работе. После многозначительного взгляда главного каменщика Кьюджел двинулся по тропе.

Поблизости находилось жилище волшебника Фарезма — низкое длинное здание из расплавленного камня, покрытое восемью странной формы куполами из меди, слюды и яркого синего стекла. Сам Фарезм сидел перед своим домом, со спокойным великодушием глядя на долину. Он поднял руку в приветствии.

— Желаю тебе приятного пути и успеха во всех делах.

— Естественно, я ценю пожелание, — с горечью ответил Кьюджел. — Но ты мог бы оказать мне большую услугу, предложив хотя бы пообедать.

Фарезм сохранял спокойное благодушие.

— Это было бы неправильное альтруистическое действие. Преувеличенное великодушие развращает реципиента и сводит на нет его собственные усилия.

Кьюджел горько рассмеялся.

— Я человек железных принципов и не жалуюсь, хотя вынужден был из-за отсутствия продовольствия, пообедать жестким прозрачным насекомым, которое я отловил в центре работ.

Фарезм развернулся и с неожиданным напряжением посмотрел на него.

— Ты говоришь, большое прозрачное насекомое?

— Насекомое, эпифит, моллюск — кто знает? Никогда такого не видел, и вкус у него, даже после того, как я его поджарил на жаровне, был незнакомый.

Фарезм на семь футов взлетел в воздух и яростно взглянул на Кьюджела. Голос его стал низким и хриплым.

— Опиши существо в подробностях, — потребовал он.

Удивленный строгостью Фарезма, Кьюджел повиновался.

— Оно примерно вот этакое. — Он указал руками. — Прозрачное, похожее на желатин, но со множеством золотых искорок. Искорки движутся и пульсируют, когда существо встревожено. Щупальца к концу становятся матовыми и, кажется, не заканчиваются, а просто исчезают. Съесть его было непросто, а переварить еще труднее.

Фарезм схватился за голову, впился пальцами в желтоватый пушок волос. Закатил глаза и испустил трагический вопль.

— Ах! Пятьсот лет я трудился, чтобы приманить это существо, отчаивался, сомневался, размышлял ночи напролет, но никогда не отказывался от надежды, что мои вычисления правильны и расчеты убедительны. И вот, когда оно наконец появилось, ты используешь его, чтобы насытить свое прожорливое брюхо!

Кьюджел, испуганный гневом Фарезма, заявил об отсутствии у него злых намерений. Смягчить Фарезма не удалось. Он провозгласил, что Кьюджел вторгся в чужие владения и потому не может утверждать об отсутствии у него злых намерений.

— Само твое существование приносит вред, и я сразу это заметил. Но моя доброта способствовала попустительству, и я считаю теперь это серьезной ошибкой.

— В таком случае, — с достоинством заявил Кьюджел, — я немедленно удаляюсь. Желаю тебе удачи в оставшуюся часть дня, а засим — прощай.

— Не так быстро, — холодным голосом возразил Фарезм. — Нарушен закон равновесия; причиненное зло требует противопоставить ему соответствующее действие и восстановить Равновесие. Серьезность твоего проступка я могу объяснить так: если бы я раздробил тебя на мельчайшие возможные частицы, искуплена была бы только одна десятимиллионная часть вреда. Необходимо более строгое наказание.

Кьюджел с большой тревогой заговорил:

— Я понимаю, что совершил проступок с серьезными последствиями, но вспомни: мое участие в этом чисто случайное. Я категорически заявляю, во-первых, о своем полном незнании, во-вторых, об отсутствии преступных целей, и, в-третьих, приношу свои глубочайшие извинения. А сейчас, поскольку мне предстоит долгий путь, я...

Фарезм сделал категорический жест. Кьюджел замолчал. Фарезм глубоко вздохнул.

— Ты не можешь понять, какое бедствие принес мне. Я объясню, чтобы тебя не удивили ожидающие строгости. Как я уже упоминал, появление этого существа — кульминация моих огромных усилий. Я определил его

природу, изучив сорок две тысячи книг, написанных шифрованным языком, — на это потребовалось сто лет. Вторую сотню лет я готовил точный чертеж рисунка, который привлечет его, и описывал все необходимые приготовления. Потом я нанял каменщиков и в течение трехсот лет готовил свой рисунок. Поскольку подобное включает подобное, все вариативы и интерсекции создают супраполяцию всех пространств, включая все промежутки и интервалы в криптохорроидный виток, совместно существующий в поненциации субубитального спуска. Сегодня произошла концентрация; "существо", как ты его называешь, проявилось; и ты в своей идиотской злобе сожрал его.

Кьюджел с ноткой высокомерия заметил, что "идиотская злоба", упомянутая рассерженным колдуном, была обыкновенным голодом.

— Но что такого необыкновенного было в этом существе? В сетях любого рыбака можно найти множество таких и еще более уродливых.

Фарезм выпрямился во весь свой рост, посмотрел на Кьюджела сверху вниз.

— "Существо", — сказал он резким голосом, — есть ВСЕОБЩНОСТЬ. Центральный шар — это все пространство, видимое снаружи. Щупальца — это вихри, ведущие во все эпохи, и невозможно представить себе, какие ужасные действия ты совершил своим трогáнием и пробованием, жарением и пожиранием.

— А если я его переварю, — сказал Кьюджел. — Сохранят ли свою сущность все эти разнообразные элементы пространства, времени и действительности, пройдя через мой пищеварительный тракт?

— Ба! Это глупая мысль! Достаточно сказать, что ты причинил вред и создал серьезное напряжение в онтологической ткани. Неизбежно тебе придется восстанавливать равновесие.

Кьюджел поднял руки.

— Но, может, произошла ошибка? Может, это "существо" всего лишь псевдоВСЕОБЩНОСТЬ? И нельзя ли еще раз привлечь это "существо"?

— Первые две теории непригодны. Что касается последней, должен признать, что в моем мозгу формируется

мысль о некоем отчаянном средстве. — Фарезм сделал жест, и ноги Кьюджела приросли к земле. — Я отправляюсь в предсказательную, чтобы подумать о всех последствиях этого ужасного происшествия. В свое время я вернусь.

— К этому времени я совсем ослабею от голода, — раздраженно сказал Кьюджел. — В сущности, корка хлеба и кусок сыра предотвратили бы все эти события, за которые меня упрекают.

— Молчание! — прогремел Фарезм. — Не забудь, что еще должен быть решен вопрос о твоем наказании; высшая степень бесстыдной нерассудительности — укорять человека, который изо всех сил старается сохранить здравомысленное спокойствие!

— Позволь мне сказать! — ответил Кьюджел. — Если, вернувшись, ты найдешь меня здесь мертвым, стоит ли зря тратить время на обдумывание наказания?

— Оживление — это нетрудная задача, — сказал Фарезм. — Множество смертей в противоположных обстоятельствах, возможно, отчасти соответствуют степени твоей вины. — Он двинулся к предсказательской, потом повернулся и сделал нетерпеливый жест. — Идем: проще накормить тебя, чем возвращаться на дорогу.

Ноги Кьюджела снова стали свободны, и он через широкую арку вслед за Фарезмом прошел в предсказательскую. В широкой комнате со скошенными стенами, освещенной трехцветными многогранниками, Кьюджел проглотил пищу, появившуюся по приказу Фарезма. Тем временем сам Фарезм уединился в своем кабинете и занялся предсказаниями. Время шло, Кьюджел становился все беспокойнее, трижды он подходил к входу в кабинет. И каждый раз его останавливало появление привидения: вначале в форме кровожадного зверя, затем в виде молнии и, наконец, в виде двух десятков блестящих пурпурных ос.

Обескураженный, Кьюджел вернулся к скамье, поставил локти на длинные ноги, положил голову на руки и стал ждать.

Наконец появился Фарезм, в мятой одежде, желтый пушок на его голове превратился в мешанину маленьких шпилей.

Кьюджел медленно встал.

— Я установил местонахождение ВСЕОБЩНОСТИ, — сказал Фарезм, и голос его звучал, как удары большого гонга. — В негодовании, удалившись из твоего живота, она отскочила на миллион лет в прошлое.

Кьюджел печально покачал головой.

— Позволь выразить свое сочувствие и дать совет: никогда не отчаивайся! Возможно, "существо" еще появится здесь.

— Перестань болтать! ВСЕОБЩНОСТЬ нужно вернуть. Идем!

Кьюджел неохотно последовал за Фарезмом в маленькую комнатку, выложенную синей плиткой и накрытую куполом из голубого и оранжевого стекла. Фарезм указал на черный диск в центре комнаты.

— Становись сюда!

Кьюджел мрачно повиновался.

— В некотором смысле я чувствую, что...

— Молчание! — Фарезм вышел вперед. — Видишь этот предмет? — Он указал на белый шар размером в два кулака, на котором было вырезано огромное количество исключительно мелких узоров. — Это эскиз, повторенный в моей гигантской работе. Он выражает символическое значение НИЧТО, к которому по необходимости стремится ВСЕОБЩНОСТЬ, в соответствии со Вторым законом криптохорроидного родства Кратинжа, с которым ты, вероятно, знаком.

— Даже не слыхал, — ответил Кьюджел. — Но могу ли я узнать о твоих намерениях?

Губы Фарезма сложились в холодную улыбку.

— Я собираюсь произнести одно из самых мощных заклинаний. Оно настолько непостоянно, сильно и связано с такими непредсказуемыми последствиями, что Фандаал, верховный волшебник Великого Мотолама, запретил его использование. Если я с ним справлюсь, ты будешь перенесен на миллион лет в прошлое. И там будешь , пока не выполнишь свою миссию. Потом сможешь вернуться.

Кьюджел быстро сошел с черного диска.

— Я для такого дела не подхожу. Горячо советую использовать кого-нибудь другого!

Фарезм не обратил внимания на его слова.

— Миссия, разумеется, заключается в том, чтобы привести этот шар в контакт со ВСЕОБЩНОСТЬЮ. — Он достал комок спутанного серого вещества. — Чтобы облегчить поиск, даю тебе этот инструмент. Он соотносит все существующие в мире слова с известной тебе системой значений. — Фарезм сунул комок в ухо Кьюджелу, и там он сейчас же присоединился к слуховым нервным окончаниям. — Теперь, — сказал Фарезм, — в течение трех минут послушав незнакомый язык, ты сможешь свободно общаться. И еще один предмет, повышающий возможность успеха, — вот это кольцо. Видишь камень? Когда ты окажешься на расстоянии лиги от ВСЕОБЩНОСТИ, огонек в камне укажет путь. Ясно?

Кьюджел неохотно кивнул.

— Нужно подумать еще об одном. Предположим, твои вычисления неверны и ВСЕОБЩНОСТЬ вернулась в прошлое только на девятьсот тысяч лет. Что тогда? Я должен окончить жизнь в этом предположительно варварском времени?

Фарезм недовольно нахмурился.

— Это предполагает ошибку в десять процентов. Моя же система редко допускает ошибку больше одного процента.

Кьюджел начал подсчитывать, но Фарезм указал на черный диск.

— Назад! И не двигайся во избежание худшего!

Кьюджел, вспотевший, на дрожащих ногах, вернулся в указанное место.

Фарезм отошел в конец комнаты и вступил в кольцо, согнутое из золотой трубки, кольцо тут же поднялось и спиралью охватило все его тело. Со стола он взял четыре черных диска и начал жонглировать ими с такой фантастической ловкостью, что они расплывались в глазах Кьюджела. Наконец, Фарезм отбросил диски; вращаясь, они повисли в воздухе, постепенно приближаясь к Кьюджелу.

Затем Фарезм достал белую трубу, прижал ее к губам и произнес заклинание. Труба раздулась и превратилась в огромный шар. Фарезм закрыл ее конец и, произнося громогласное заклинание, бросил ее на вращающиеся диски. Все взорвалось. Кьюджела подхватило, сжало, понесло од-

новременно в разных направлениях. В то же время его продолжало сжимать со всех сторон — толчок в противоположном направлении, эквивалентный давлению в миллион лет. И среди ослепительных вспышек и искаженных изображений Кьюджел потерял сознание.

* * *

Кьюджел очнулся в оранжево-золотом блеске солнца — такого солнца он раньше никогда не знал. Он лежал на спине, глядя в теплое голубое небо, более светлое и мягкое, чем небо цвета индиго его собственного времени.

Он пошевелил руками и ногами и, не обнаружив никаких повреждений, сел, потом медленно встал на ноги, мигая с непривычки от такого яркого света.

Топография изменилась совсем немного. Горы на севере казались выше и круче, и Кьюджел не смог увидеть путь, по которому пришел (точнее, по которому придет). На месте проекта Фарезма рос лес деревьев с легкой пушистой светло-зеленой листвой. На ветвях висели гроздья красных ягод. Долина была такой же, но реки текли по другим руслам, и на различном удалении видны были три больших города. От долины поднимался незнакомый терпкий запах, смешанный с запахами плесени и затхлости, и Кьюджелу казалось, что в воздухе висит какая-то печаль. Потом он решил, что слышит музыку — медлительную грустную мелодию, такую печальную, что на глаза наворачивались слезы. Он поискал источник ее, но музыка уже прекратилась, растворилась в воздухе, и только когда он перестал прислушиваться, она вернулась.

Впервые Кьюджел взглянул на утесы, вздымавшиеся на западе, и на этот раз ощущение deja-vu стало еще сильнее.

Кьюджел удивленно потянул себя за подбородок. Вот оно что! Через миллион лет он вторично увидит эти утесы, значит, сейчас он их видит в первый раз. Но это также и второй раз, потому что он хорошо помнит предыдущую встречу с холмами. С другой стороны, нельзя нарушать логику времени, и в соответствии с этой логикой все-таки нынешний взгляд на утесы — первый. Па-

радокс, подумал Кьюджел, трудная задача! Но что вызывало это странное чувство знакомости, которое он ощутил в обоих случаях?

... Кьюджел отказался от этой темы, не сулящей никакой выгоды, и уже начал поворачиваться, когда его взгляд уловил какое-то движение. Он снова взглянул на утесы, и воздух вдруг наполнился уже слышанной им музыкой — музыкой боли и экзальтированного отчаяния. Кьюджел смотрел в удивлении. Большое крылатое существо в белом пролетело в воздухе над утесами. Крылья были огромные, с искорками из черного хитина, соединенными серой перепонкой. Кьюджел в благоговейном страхе следил, как оно скрылось высоко в пещере в одном из утесов.

Прозвенел гонг; откуда он звонит, Кьюджел не смог определить. Отголоски эха дрожали в воздухе; когда они стихли, неслышная музыка снова стала почти ощутимой. Из долины появилось крылатое существо, оно несло человека, возраст и пол которого на расстоянии Кьюджел не смог определить.

Существо повисло над утесами и выпустило свою ношу. Кьюджелу показалось, что он слышит слабый крик, музыка звучала печально, величественно, благородно. Тело, казалось, медленно падает с большой высоты; но вот оно ударилось о землю у основания холмов. Крылатое существо, выронив человека, скользнуло на утес, сложило крылья и стояло, как часовой, глядя на долину.

Кьюджел спрятался за скалой. Заметили ли его? Он не знал. Глубоко вздохнул. Этот печальный золотой мир прошлого ему не нравился; чем скорее он отсюда уберется, тем лучше.

Он осмотрел кольцо, которым снабдил его Фарезм, но камень был тусклым, как стекло, никакие искорки не указывали направление к ВСЕОБЩНОСТИ. Этого Кьюджел и боялся. Фарезм ошибся в своих расчетах, и Кьюджел никогда не сможет вернуться в свое время.

Хлопанье крыльев заставило его взглянуть в небо. Он снова сжался в своем укрытии за скалой. Печальная музыка удалилась, крылатое существо пролетело на фоне солнца и бросило свою жертву к подножию утесов. Затем с хлопаньем крыльев приземлилось на выступе и вошло в

пещеру. Кьюджел встал и, пригнувшись, побежал по тропе в янтарных сумерках.

Тропа вскоре привела к роще. Здесь Кьюджел остановился, чтобы перевести дыхание, после этого пошел осторожнее. Пересек полосу обработанной земли, на которой стояла пустая хижина. Кьюджел хотел использовать ее в качестве убежища на ночь, но ему показалось, что изнутри на него смотрит какая-то черная фигура, и он прошел мимо.

Тропа уводила от утесов, через холмистую равнину, и как раз перед наступлением темноты Кьюджел подошел к деревне на берегу пруда.

Приближался он осторожно, но аккуратность и признаки хорошего ведения хозяйства подбодрили его. В парке у пруда стоял павильон, вероятно, предназначенный для музыкантов, мимов и чтецов. Парк окружали аккуратные маленькие дома с высокими фронтонами, увенчанными декоративными гребнями. На другой стороне пруда располагалось большое здание с красивым фасадом, выложенным эмалированными красными, желтыми и синими пластинками. Три высоких гребня венчали крышу здания, на центральном, самом высоком, виднелось сложное резное изображение, а боковые поддерживали гирлянды сферических голубых фонарей. Перед зданием был широкий навес, под ним столики и скамьи на открытом воздухе, все освещено красными и желтыми фонарями в форме шаров. За столиками сидели жители поселка, курили, пили вино, а юноши и девушки исполняли эксцентрический танец, заключавшийся в высоком подбрасывании ног под музыку труб и концертино.

Подбодренный спокойствием этой сцены, Кьюджел приблизился. Жители деревни относились к типу людей, какие раньше Кьюджелу не встречались. Сравнительно невысокие, с большими головами и длинными подвижными руками. Кожа оранжевого цвета, глаза и зубы черные, волосы, тоже черные, оканчивались у мужчин нитью голубых бусинок, а у женщин заплетены в кольца и собраны в сложные прически. Мощные челюсти, широкие плоские щеки, длинные большие раскосые глаза, внешние края которых опущены. Носы и уши длинные, эти люди способны были шевелить ими, отчего лица их становились очень жи-

выми и подвижными. Мужчины в черных камзолах, коричневых плащах, головной убор представляет собой широкий черный диск, черный цилиндр, еще один диск, меньший, и все это увенчано позолоченным шаром. На женщинах черные брюки, коричневые блузки с эмалированным диском на животе, к каждой ягодице подвешен искусственный хвост из зеленых или красных перьев, возможно, показатель их брачного статуса.

Кьюджел вышел на свет фонарей; все разговоры сразу смолкли.

Носы застыли, взгляды устремились к нему, уши изогнулись в любопытстве. Кьюджел, улыбаясь направо и налево, в вежливом, включающем всех приветствии помахал руками и сел у пустого столика.

За различными столиками начались возбужденные разговоры, слишком тихие, чтобы Кьюджел их расслышал. Вскоре один из стариков подошел к столику Кьюджела и произнес фразу, которую Кьюджел не понял, так как устройство Фарезма еще не набрало достаточного материала для преобразования значений. Кьюджел вежливо улыбнулся, беспомощно развел руками. Старик сказал еще что-то, более резко, и снова Кьюджел показал, что не понимает. Старик неодобрительно резко кивнул и отвернулся. Кьюджел жестом подозвал хозяина, указал на хлеб и вино на соседнем столике и выразил желание, чтобы ему принесли то же самое.

Хозяин задал вопрос, который Кьюджел хоть и не понял, но истолковал правильно. Он показал золотую монету, и хозяин удалился.

Разговоры за столиками возобновились, и вскоре Кьюджел начал понимать их. Закусив и напившись, он встал и направился к столику старика, который заговорил с ним первым. Тут он почтительно поклонился.

— Разрешите присесть за ваш столик?

— Конечно, если хочешь. Садись. — Старик указал на стул. — По твоему поведению я решил, что ты не только нем и глух, но еще и ограничен в умственном развитии. Теперь ясно, что ты по крайней мере можешь говорить и слышать.

— Я обладаю и разумом, — сказал Кьюджел. — Как путешественник издалека, незнакомый с вашими обычая-

ми, я решил спокойно понаблюдать некоторое время, чтобы из-за своего незнания не нарушить приличий.

— Разумно, хотя и странно, — заметил старик. — Но твое поведение пока не противоречит ортодоксии. Можно ли узнать, что привело тебя в Ферван?

Кьюджел взглянул на кольцо: камень был безжизнен; ВСЕОБЩНОСТЬ находится где-то в другом месте.

— Я живу в отсталой местности; путешествую, чтобы узнать обычаи и стиль жизни более цивилизованных народов.

— Вот как! — Старик некоторое время обдумывал его слова, потом одобрительно кивнул. — Твоя одежда и тип лица мне не знакомы; где же твоя родина?

— Она так далеко, что до настоящего времени я никогда не слышал о Ферване.

Старик удивленно взмахнул ушами.

— Что, тебе неизвестен знаменитый Ферван? Ты не слышал о больших городах — Импергосе, Таруве, Равержанде? А как насчет великолепного Семберса? Неужели до тебя не дошла слава Семберса? Его жители изгнали звездных пиратов; они привели море в землю Патформ; дворец Падара ни с чем не сравним!

Кьюджел печально покачал головой.

— Никакой слух об этом великолепии не дошел до меня.

Старик мрачно дернул носом, решив, что Кьюджел придурок. Он коротко заявил:

— Дела обстоят именно так, как я сказал.

— Нисколько не сомневаюсь, — ответил Кьюджел. — Наоборот, я признаю свое невежество. Но расскажи мне еще, потому что, возможно, мне придется надолго задержаться в этом месте. Например, что за крылатые существа живут в скалах? Кто они такие?

Старик указал на небо.

— Если у тебя зрение ночного титвита, ты можешь увидеть темную Луну, вращающуюся вокруг Земли; иначе ее можно заметить, только когда она отбрасывает свою тень на солнце. Крылатые существа — жители этого темного мира, и их подлинная сущность неизвестна. Они следующим образом служат великому богу Элессию: когда мужчине или женщине приходит время умирать,

крылатые существа извещаются об этом отчаявшейся родней умирающего. Тогда они спускаются к несчастному и уносят его к пещерам, которые в сущности представляют собой волшебный проход в благословенную землю Биссом.

Кьюджел откинулся, вопросительно поднял брови.

— Вот как! — произнес он голосом, в котором старик почувствовал недостаток энтузиазма.

— Нет никакого сомнения в истинности изложенных мной фактов. Ортодоксия основана на аксиоматическом фундаменте, и две эти системы взаимно укрепляют друг друга; поэтому они вдвойне подтверждены.

Кьюджел нахмурился.

— Все, несомненно, обстоит именно так, как ты утверждаешь. Но соблюдают ли крылатые существа точность в выборе своих жертв?

Старик раздраженно постучал по столу.

— Доктрина неопровержима, потому что те, кого уносят крылатые существа, никогда не остаются в живых, даже если у них отличное здоровье. Конечно, падение с большой высоты на камни вызывает смерть, но милость Элессия в том, что он предпочитает быструю смерть возможной медленной ужасной гибели от рака. Система обладает высшим милосердием. Крылатые существа призывают только умирающих, которые затем через волшебное отверстие проходят в благословенную землю Биссом. Бывает, что еретики возражают против ортодоксальной точки зрения, но, я надеюсь, ты разделяешь ортодоксальный взгляд?

— От всего сердца, — подтвердил Кьюджел. — Догматы твоей веры поразительно доказательны. — И он отпил своего вина. Не успел он поставить свой кубок, как в воздухе зазвучала музыка: аккорд бесконечно сладкий, бесконечно печальный. Все сидящие под навесом смолкли, хотя Кьюджел не был уверен, что на самом деле слышал музыку.

Старик слегка съежился, отпил из своего кубка. Только потом он взглянул вверх.

— Как раз сейчас над нами пролетело крылатое существо, — сказал он.

Кьюджел задумчиво потянул себя за подбородок.

— А как защититься от крылатого существа?

Вопрос оказался неуместным; старик посмотрел на него сердито и при этом загнул вперед уши.

— Если человеку предназначено умереть, появляется крылатое существо. Если же нет, ему нечего бояться.

Кьюджел несколько раз кивнул.

— Ты разрешил мое затруднение. Завтра — поскольку у меня отличное здоровье — давай пойдем к холмам и прогуляемся взад-вперед.

— Нет, — ответил старик, — и вот по какой причине: воздух на такой высоте вреден; там можно надышаться ядовитыми испарениями, что может подорвать здоровье.

— Понимаю, — сказал Кьюджел. — Давай оставим эту печальную тему. Пока мы здоровы, и вино здесь отличное. Давай есть, пить и наблюдать за веселящимися. Молодые люди танцуют очень живо.

Старик осушил свой кубок и встал.

— Поступай как знаешь; а у меня время ритуального унижения; этот акт представляет собой неотъемлемую часть нашей веры.

— Время от времени я тоже совершаю нечто подобное, — сказал Кьюджел. — Желаю тебе насладиться вашим обычаем.

Старик покинул навес, и Кьюджел остался в одиночестве. Вскоре вокруг него собралась любопытная молодежь, и Кьюджел снова объяснил причину своего появления, хотя на этот раз не подчеркивал варварской сущности своей родины: среди подошедших было несколько девушек, которые привлекали Кьюджела экзотическим цветом кожи и живостью поведения. Принесли еще вина, и Кьюджела уговорили присоединиться к прыгающим, подскакивающим местным танцам, что он и сделал без всяких колебаний.

Танец сблизил его с особенно привлекательной девушкой, которая сказала, что ее зовут Зиамла Враз. В конце танца она обняла его за талию, отвела к столику и села ему на колени. Никто из окружающих не проявил неодобрения этиму поступку, и Кьюджел приободрился еще больше.

— Я не получил комнату для ночлега; может, заняться этим, пока еще не поздно.

Девушка подозвала хозяина.

— Нет ли у тебя комнаты для этого незнакомца с неподвижным лицом?

— Есть; сейчас покажу.

Он отвел Кьюджела в приятную комнату на первом этаже, в которой находились кровать, комод, ковер и лампа. На стене шпалера с пурпурно-черной вышивкой; на другой изображение исключительно некрасивого ребенка, заключенного в прозрачный шар. Комната Кьюджелу понравилась; он заявил об этом хозяину и вернулся под навес; веселящиеся начали расходиться.

Девушка Зиамла Враз, однако, не ушла и приветствовала Кьюджела с теплотой, которая рассеяла его последние сомнения. Выпив еще вина, он склонился к ее уху.

— Может, я слишком поспешен; может, слишком тщеславен; возможно, нарушаю правила приличия — но почему бы нам не пойти в мою комнату и не позабавиться?

— Действительно, почему бы и нет? — ответила девушка. — Я не замужем, а до того времени по нашим обычаям я могу вести себя, как хочу.

— Прекрасно! — воскликнул Кьюджел. — Хочешь, чтобы я пошел вперед, а ты тайком за мной?

— Мы пойдем вместе; нет причин скрываться.

Они вместе пошли в его комнату и предались эротическим упражнениям, после чего Кьюджел в полном истощении уснул. День у него выдался напряженный.

Ночью он проснулся и увидел, что девушки нет, но в сонном состоянии не придал этому значения и снова уснул.

Его разбудил звук гневно распахнутой двери; он сел на кровати и увидел, что солнце еще не встало, а на него с ужасом и отвращением смотрят люди, возглавляемые стариком, с которым он разговаривал накануне.

Старик дрожащим пальцем указал на него.

— Мне показалось, что я узнал еретика; теперь это несомненно. Он спит, не укрывая головы, и на его подбородке нет священной мази. И девушка Зиамла Враз сообщила мне, что во все время их свидания он ни разу не попросил благословения Элессия!

— Несомненно, ересь! — провозгласили остальные.

— А чего еще ждать от чужеземца? — презрительно спросил старик. — Смотрите: даже сейчас он не делает священного жеста.

— Я не знаю никакого священного жеста! — убеждал Кьюджел. — Не знаю ваших обрядов. Это не ересь, а простое невежество!

— Не верю, — сказал старик. — Только вчера вечером я посвятил тебя в основы ортодоксии.

— Положение серьезно, — послышался чей-то зловещий голос. — Ересь существует только из-за гниения Мочки Правильности.

— Это непоправимое и непростительное преступление, — подхватил другой, не менее зловещий голос.

— Верно! Увы, верно! — вздохнул один из стоящих у двери. — Несчастный!

— Пошли! — сказал старик. — Придется заняться этим делом немедленно.

— Не беспокойтесь, — ответил Кьюджел. — Позвольте мне одеться, я покину ваш поселок и никогда не вернусь в него.

— Позволить тебе распространить повсюду твою еретическую доктрину? Ни в коем случае!

Кьюджела схватили и, голого, потащили из комнаты. Его провели по парку к павильону. В центре павильона находилась ограда из деревянных стволов. Открыли отверстие в этой ограде и бросили туда Кьюджела.

— Что вы делаете? — закричал он. — Я не участвую в ваших обрядах!

На него больше не обращали внимания, и он стоял, глядя в промежутки между столбами, а жители деревни запустили большой шар из зеленой бумаги, наполненный горячим воздухом; под шаром висели три зеленых фонаря.

На востоке посветлело. Жители деревни, устроив все к собственному удовлетворению, отошли к краю парка. Кьюджел попытался перебраться через загородку, но столбы были так отполированы, что ухватиться за них оказалось невозможно.

Небо посветлело; высоко вверху горели зеленые фонари. Кьюджел, покрывшийся мурашками от утренней прохлады, ходил взад и вперед по своей клетке. Он остано-

вился, когда сверху послышалась музыка. Она становилась все громче, достигая самого порога слышимости. Высоко в небе появилось крылатое существо, его белая одежда колыхалась на ветру. Оно начало спускаться, и Кьюджел застыл.

Крылатое существо повисло над клеткой, опустилось, завернуло Кьюджела в свою белую одежду и попыталось подняться. Но Кьюджел ухватился за столб, и существо напрасно хлопало крыльями. Столб трещал, стонал, скрипел.

Кьюджел пытался выпутаться из душивших его белых складок и изо всех сил цеплялся за столб, пока он не треснул и не раскололся, Кьюджел схватил обломок и ударил крылатое существо. Острый осколок порвал белый плащ, и существо ударило Кьюджела крылом. Кьюджел ухватился за одно хитиновое ребро и могучим усилием прогнул его назад, так что оно лопнуло, и крыло порвалось. Крылатое существо в ужасе подпрыгнуло, тем самым вынеся Кьюджела за пределы клетки, и поскакало через деревню, волоча за собой сломанное крыло.

Кьюджел бежал сзади, колотя его подобранной дубиной. Он краем глаза видел, как на него в ужасе смотрят жители деревни; рты у них были широко раскрыты; должно быть, они кричали, но он ничего не слышал. Крылатое существо запрыгало быстрее по тропе, ведущей к утесам, а Кьюджел продолжал колотить изо всех сил. Золотое солнце поднялось над далекими горами; крылатое существо неожиданно повернулось лицом к Кьюджелу, и Кьюджел увидел большие глаза, хотя все остальное скрывал капюшон плаща. Смущенный, тяжело дыша, Кьюджел отступил, но тут ему пришло в голову, что он совершенно беззащитен от нападения сверху. Поэтому он выкрикнул проклятие и повернулся к деревне.

Все бежали. Деревня опустела. Кьюджел громко рассмеялся. Он пошел в гостиницу, оделся, прицепил меч. Потом отправился в закусочную и, заглянув в денежный ящик, нашел там груду монет; он пересыпал их в свою сумку, в которой лежал белый шар, представляющий НИЧТО. Потом вышел: лучше уйти, пока его никто не задерживает.

Его внимание привлек отблеск: на кольце на его пальце появилось множество искорок, и все они указывали на тропу, ведущую к утесам.

Кьюджел устало покачал головой, потом снова посмотрел на огоньки. Без всякого сомнения, они направляли его туда, откуда он только что пришел. Значит, расчеты Фарезма оказались в конце концов правильными. Надо действовать решительно, пока ВСЕОБЩНОСТЬ снова не удалилась куда-нибудь.

Он задержался, только чтобы отыскать топор, и торопливо пошел по тропе, следуя за указателем кольца.

Недалеко от того места, где он его оставил, искалеченное крылатое существо сидело на камне, натянув на голову капюшон. Кьюджел подобрал камень и ударил существо, которое рассыпалось пылью. О его существовании теперь свидетельствовала только пустая белая одежда.

Кьюджел пошел дальше, стараясь держаться в укрытии, но напрасно. Над ним парили крылатые существа. Кьюджел поиграл топором, пытаясь ударить их, и существа поднялись выше, кружа над ним.

Кьюджел сверился с кольцом и повернул, а крылатые существа продолжали виться над ним. Кольцо засверкало ярче: на скале сидела ВСЕОБЩНОСТЬ!

Кьюджел сдержал возбужденный крик. Он протянул вперед символ НИЧТО и прижал его к желатиновому шару. Как и утверждал Фарезм, результат последовал немедленно. Кьюджел почувствовал, что действие заклинания, привязывавшего его к этому времени, кончилось.

Удары больших крыльев! Кьюджела сбили на землю. Белая одежда накрыла его; одной рукой удерживая НИЧТО, он не мог действовать топором. Крылатое существо схватило НИЧТО, к которому прикрепилась ВСЕОБЩНОСТЬ, и понесло их обоих к пещере в утесах.

Огромные силы подхватили Кьюджела, швырнули его в пространство. В ушах послышался рев, блеснули фиолетовые огни, и Кьюджел полетел на миллион лет в будущее.

* * *

Он пришел в себя в облицованной синей плиткой комнате; на губах чувствовался вкус ароматной горячей жидкости. Фарезм, склонившись над ним, похлопал его по лицу и влил еще жидкости в рот.

— Просыпайся! Где ВСЕОБЩНОСТЬ? Как ты вернулся?

Кьюджел оттолкнул его и сел.

— ВСЕОБЩНОСТЬ! — взревел Фарезм. — Где она? Где мой талисман?

— Сейчас объясню, — хриплым голосом ответил Кьюджел. — Я уже схватил ее, но тут ее вырвало крылатое существо на службе у бога Элессия.

— Расскажи, расскажи!

Кьюджел пересказал события, которые вначале привели его к обладанию, а потом к потере ВСЕОБЩНОСТИ. Лицо Фарезма стало влажным от горя, плечи его обвисли. Наконец он вывел Кьюджела наружу, в тускло-красный свет второй половины дня. Вместе они осмотрели утесы, безжизненно и пусто возвышавшиеся перед ними.

— В какую пещеру улетело существо? — спросил Фарезм. — Покажи, если можешь!

Кьюджел показал.

— Кажется, в эту. Все было в смятении, крылья, белая одежда...

— Оставайся здесь. — Фарезм ушел в свой кабинет и скоро вернулся. — Вот тебе свет. — Он дал Кьюджелу холодный белый огонь на серебряной цепи. — Приготовься.

Он бросил к ногам Кьюджела шарик, который превратился в вихрь, и Кьюджела перенесло на раскрошившийся выступ, который он указал Фарезму. Поблизости находился темный вход в пещеру. Кьюджел посветил туда и увидел лишь пыльный проход, шириной в три шага и выше, чем он мог достать рукой.

Проход уводил в глубину утеса, слегка изгибаясь. Ничего живого не было видно.

Держа перед собой свет, Кьюджел медленно двинулся по проходу, сердце его билось от ужаса перед чем-то, чего он сам не мог определить. Он остановился: музыка? Воспоминание о музыке? Прислушался, ничего не услышал; но когда он попытался сделать шаг, ужас сковал ему ноги. Он высоко поднял пламя и стал всматриваться в проход. Куда он ведет? Что там дальше? Пыльная пещера? Мир демонов? Благословенная земля Биссом? Кьюджел медленно двинулся дальше, напрягая все чувства. На выступе

скалы он увидел сморщенный коричневый шар: талисман, который он унес в прошлое. ВСЕОБЩНОСТЬ давно бросила его и исчезла.

Кьюджел осторожно поднял шар, хрупкий от прошедшего миллиона лет, и вернулся наружу. Вихрь по приказу Фарезма перенес его назад.

Опасаясь гнева Фарезма, Кьюджел осторожно протянул высохший талисман.

Фарезм взял его.

— Это все?

— Больше ничего нет.

Фарезм выпустил шар. Он ударился о землю и рассыпался в пыль. Фарезм посмотрел на Кьюджела, глубоко вздохнул, сделал жест крайнего раздражения и пошел в свою предсказательскую.

Кьюджел с благодарностью двинулся по тропе, прошел мимо рабочих, в беспокойстве ожидавших приказаний. Они мрачно смотрели на Кьюджела, а человек ростом в два элла бросил в него камнем. Кьюджел пожал плечами и продолжал идти по тропе на юг. Вскоре он прошел мимо того места, где миллион лет назад располагалась деревня; теперь это была пустошь, заросшая большими кривыми деревьями. Пруд исчез, земля была сухой и жесткой. В долине виднелись развалины, но не в тех местах, где некогда находились древние города Импрегос, Тарув и Равержанд, о которых теперь никто не помнил.

Кьюджел шел на юг. За ним утесы растаяли в дымке и вскоре стали совсем не видны.

ГЛАВА V
ПИЛИГРИМЫ

Большую часть дня Кьюджел шел по пустыне, где ничего не росло, кроме соленой травы; лишь за несколько минут до захода солнца он оказался на берегу широкой реки, рядом с которой пролегала дорога. В полумиле виднелось высокое деревянное здание с наружной штукатуркой коричневого цвета, очевидно, гостиница. При виде ее

Кьюджел почувствовал большое удовлетворение, потому что весь день ничего не ел, а предыдущую ночь провел на дереве. Через десять минут он распахнул тяжелую, окованную железом дверь и вошел внутрь.

Он стоял в вестибюле. По обе стороны располагались створчатые окна, позеленевшие от времени, в которых заходящее солнце отражалось тысячами отблесков. Из общего зала доносился веселый гул голосов, звон посуды, запах старого дерева, навощенной плитки, кожи и булькающих котлов.

Кьюджел прошел туда и увидел у огня два десятка человек, они пили вино и разговаривали.

Хозяин стоял за стойкой — коренастый человек, едва ли по плечо Кьюджелу, с высокой лысой головой и длинной черной бородой, свисающей на целый фут. Больные, навыкате глаза его были прикрыты тяжелыми веками; выражение лица спокойное и мирное, как течение реки. Услышав просьбу Кьюджела о помещении, он с сомнением взялся за нос.

— У меня все занято: сейчас как раз пилигримы движутся в Эрзу Дамат. Те, что ты видишь здесь, составляют едва ли половину всех, кого я должен приютить на ночь. Если хочешь, я прикажу расстелить в зале матрац; больше ничего сделать не могу.

Кьюджел недовольно вздохнул.

— Я ожидал не этого. Мне нужна отдельная комната с хорошей постелью, с окном, выходящим на реку, с тяжелым ковром, чтобы приглушить звуки пения и выкрики в общем зале.

— Боюсь, ты будешь разочарован, — без особого чувства сказал хозяин. — Единственная комната, подходящая к твоему описанию, уже занята, вон там сидит человек с рыжей бородой, это некто Лодермюльх, он тоже направляется в Эрзу Дамат.

— Может, если сказать, что очень нужно, он согласится уступить комнату и проведет ночь на матраце? — предложил Кьюджел.

— Сомневаюсь, чтобы он отказался от комнаты, — ответил хозяин. — Но почему бы тебе не спросить самому? Я, откровенно говоря, не собираюсь обсуждать с ним этот вопрос.

Кьюджел, наблюдая резкие черты лица Лодермюльха, его мускулистые руки, слегка презрительное выражение, с каким он слушал разговоры других пилигримов, был склонен согласиться с той оценкой его характера, которую дал хозяин, и не стал обращаться с просьбой.

— Похоже, придется спать на матраце. Теперь относительно ужина: мне нужна дичь, хорошо поджаренная, приправленная, с гарниром, и еще два-три блюда с твоей кухни.

— Кухня перегружена, и придется тебе вместе с остальными пилигримами есть чечевицу. Вся имеющаяся дичь заказана тем же Лодермюльхом на ужин.

Кьюджел раздраженно пожал плечами.

— Неважно. Я хочу смыть с лица дорожную пыль и выпить вина.

— Во дворе проточная вода и желоб, можешь воспользоваться. Мази, ароматные масла и горячие полотенца за дополнительную плату.

— Достаточно воды. — Кьюджел прошел за гостиницу и обнаружил там небольшой бассейн. Умывшись, он осмотрелся и на небольшом расстоянии увидел прочный сарай из бревен. Он пошел в гостиницу, потом остановился, снова посмотрел на сарай. Подошел к нему, открыл дверь и заглянул внутрь. Затем, погруженный в мысли, вернулся в общий зал. Хозяин принес ему кружку подогретого вина, и он отошел к скамье в стороне.

Лодермюльх высказывал свое мнение о так называемых фунамбулских евангелистах, которые, отказываясь ставить ноги на землю, всюду ходят по туго натянутым канатам. Лодермюльх остановился на ошибках их основной доктрины.

— Они считают, что возраст земли двадцать девять эпох, а не двадцать три, как обычно думают. Они утверждают, что на каждом квадратном элле земли умерло и превратилось в прах два с четвертью миллиона человек, создав таким образом повсеместно слой праха покойников, ходить по которому — святотатство. Внешне этот аргумент правдоподобен, но подумайте: прах одного трупа, рассеянный по квадратному эллу, создает слой в тридцать три дюйма толщиной. Таким образом, получается, что всю

землю покрывает прах умерших толщиной более мили. А этого не может быть.

Член этой секты, который, за отсутствием натянутых веревок, передвигался в неуклюжих церемониальных башмаках, возбужденно запротестовал:

— Ты говоришь без логики и без понимания! Как можно так абсолютизировать!

Лодермюльх поднял свои густые брови в кислом неудовольствии.

— Неужели нужно распространяться дальше? Неужели на океанском берегу воду от земли отделяет утес толщиной в одну милю? Нет. Везде равновесие нарушается. Мысы вдаются в море; часто встречаются песчаные пляжи. Нигде нет массивных отложений серо-белого туфа, на котором основывается твоя доктрина.

— Нелогичная демагогия! — запинаясь, воскликнул фунамбулит.

— Как это? — спросил Лодермюльх, расправляя свою массивную грудь. — Я не привык к насмешкам!

— Не насмешка, а жесткое и холодное опровержение твоего догматизма. Мы утверждаем, что часть праха унесена в океан, часть взвешена в воздухе, часть сквозь щели проникла в подземные пустоты, еще какое-то количество поглощено деревьями, травами и насекомыми, так что землю покрывает только полмили отложений праха, ходить по которому — святотатство. Почему не видны повсюду утесы, о которых ты упомянул? Из-за влаги, которую выдыхали и выделяли бесчисленные поколения людей прошлого! Эта влага подняла уровень океана, так что нельзя заметить никаких утесов и пропастей. В этом твоя ошибка.

— Ба! — сказал Лодермюльх, отворачиваясь. — Где-то в твоей концепции все равно есть порок.

— Ни в коем случае! — ответил евангелист с жаром, который всегда отличает эту секту. — Поэтому из уважения к мертвым мы ходим не по поверхности, а на веревках, а когда приходится путешествовать, делаем это в специально освященной обуви.

Во время этого спора Кьюджел вышел. Лунолицый юноша в одежде носильщика подошел к разговаривающим.

— Кто здесь достойный Лодермюльх? — спросил он у самого Лодермюльха.

Тот выпрямился.

— Это я.

— Я принес сообщение от человека, доставившего некоторую сумму денег. Он ждет в сарае за гостиницей.

Лодермюльх недоверчиво нахмурился.

— Ты уверен, что этому человеку нужен именно Лодермюльх, профос поселка Барлиг?

— Да, сэр, именно так он и сказал.

— И что это за человек?

— Высокий, в просторном капюшоне; он сказал о себе, что является вашим близким.

— Возможно, — задумался Лодермюльх. — Может быть, Тайзог? Или Креднип?.. Но почему они не подошли ко мне прямо? Несомненно, для этого есть какая-то причина. — Он тяжело встал. — Придется пойти разузнать.

Он вышел из общего зала, обогнул гостиницу и в сумерках посмотрел в сторону сарая.

— Эй, там! — крикнул он. — Тайзог! Креднип! Выходите!

Ответа не было. Лодермюльх подошел к сараю. Как только он вошел в него, Кьюджел выбежал из-за сарая, захлопнул дверь и запер ее на наружные засовы.

Не обращая внимания на удары и гневные крики, он вернулся в гостиницу. Поискал хозяина.

— Изменение в расположении: Лодермюльха вызвали по важному делу. Ему не потребуется ни комната, ни ужин, и он был так добр, что передал это все мне!

Хозяин потянул себя за бороду, подошел к двери и осмотрел дорогу. Медленно вернулся.

— Весьма необычно! Он заплатил и за комнату, и за дичь и не отдавал никаких распоряжений о возврате.

— Мы с ним договорились к взаимному удовольствию. А чтобы компенсировать твои усилия, я дополнительно заплачу три терции.

Хозяин пожал плечами и взял монеты.

— Мне все равно. Пойдем, я отведу тебя в комнату.

Кьюджел осмотрел комнату и остался доволен. Вскоре принесли ужин. Жареная дичь была превосходна, так же как и добавочные блюда, заказанные Лодермюльхом, которые хозяин включил в ужин.

Прежде чем лечь, Кьюджел прогулялся вокруг гостиницы и убедился, что затворы на двери сарая в порядке и хриплые крики Лодермюльха вряд ли привлекут внимание. Он постучал в дверь.

— Тише, Лодермюльх! — строго сказал он. — Это я, хозяин. Не ори так громко: ты тревожишь сон моих гостей.

Не дожидаясь ответа, Кьюджел вернулся в общий зал и поговорил с предводителем группы пилигримов. Предводитель, по имени Гарстанг, человек тощий и жилистый, с бледной кожей, узким черепом, темными глазами и носом педанта, таким тонким, что он становился как бы прозрачным, когда Гарстанг подставлял его свету. Обратившись к нему как к человеку образованному и опытному, Кьюджел спросил у него о дороге в Олмери, но Гарстанг считал этот район вымышленным.

Кьюджел сказал:

— Олмери действительно существует: я в этом клянусь!

— Значит, твои познания глубже моих, — ответил Гарстанг. — Эта река называется Аск; земля по эту сторону Судун, по ту — Лейас. Южнее находится Эрза Дамат, куда тебе стоит отправиться, а уже оттуда через Серебряную пустыню и Сонганское море на юг. Там ты сможешь кого-нибудь расспросить.

— Я воспользуюсь твоим советом, — сказал Кьюджел.

— Мы все, благочестивые гилфигиты, направляемся в Эрзу Дамат для участия в Светлом обряде у Черного Обелиска, — сказал Гарстанг. — Дорога пролегает через пустыни, и, чтобы уберечься от эрбов и гидов, мы собираемся группами. Если хочешь присоединиться к нашей группе, разделить с нами трудности, преимущества и ограничения, добро пожаловать.

— Преимущества понятны, — сказал Кьюджел. — А что за ограничения?

— Подчиняться приказам предводителя; кстати, предводитель — это я, и участвовать в общих тратах.

— Согласен, без всяких оговорок, — сказал Кьюджел.

— Прекрасно! Мы выходим завтра на рассвете. — Гарстанг указал на других членов группы; всего в ней насчитывалось сорок семь человек. — Вот это Витц, он следит за порядком в нашей маленькой группе, а там сидит Гасмайр, теоретик. Человек с железными зубами — Арло, а тот, в синей шляпе с серебряной пряжкой, Войонд, известный волшебник. В данный момент отсутствует почтенный, хотя иногда непостижимый Лодермюльх, так же как известный своей набожностью Субукул. Может, они как раз сейчас испытывают убеждения друг друга. Двое играющие в кости — Парсо и Саланав. Это Хант, а вот это Грей. — Гарстанг назвал нескольких остальных и рассказал об их способностях. Наконец Кьюджел, сославшись на усталость, отправился в свою комнату, где лег и сразу уснул.

Ранним утром он проснулся от криков. Лодермюльх вырыл яму, потом подкопался под стену, после чего выбрался и сразу отправился в гостиницу. Сначала он попробовал попасть в комнату Кьюджела, которую тот не поленился запереть.

— Кто там? — спросил Кьюджел.

— Открывай! Это я, Лодермюльх! Я хочу спать в этой комнате!

— Еще чего! — объявил Кьюджел. — Я по-королевски заплатил за отдельную комнату и даже вынужден был ждать, пока хозяин не выпроводит предыдущего постояльца. Теперь уходи; я думаю, ты пьян; если хочешь еще выпить, разбуди слугу.

Лодермюльх ушел и Кьюджел снова лег.

Вскоре он услышал звуки ударов и крики хозяина, которого Лодермюльх схватил за бороду. Очевидно, Лодермюльха выбросили из гостиницы совместными усилиями хозяина, его жены, носильщика, слуги и остальных; а Кьюджел тем временем с благодарностью вернулся ко сну.

Пилигримы, и вместе с ними Кьюджел, встали и позавтракали до рассвета. Хозяин почему-то был в дурном настроении и обзавелся многочисленными ушибами, но не задал никаких вопросов Кьюджелу, который, в свою очередь, тоже помалкивал.

После завтрака пилигримы собрались на дороге, где к ним присоединился Лодермюльх, который всю ночь расхаживал по дороге.

Гарстанг пересчитал группу и засвистел в свой свисток. Пилигримы двинулись вперед, через мост и дальше по южному берегу Аска к Эрзе Дамат.

* * *

Три дня пилигримы шли вдоль Аска, проводя ночи за баррикадой, возводимой волшебником Войондом из складного кольца слоновой кости, — предосторожность необходимая, потому что за оградой, еле различимые в отблесках костра, бродили существа, желающие присоединиться к обществу: деоданды, негромко стонущие, эрбы, постоянно меняющие свой рост от двух до четырех футов, но никогда не чувствующие себя удовлетворенными. Однажды гид попытался перескочить через баррикаду; в другой раз три гуна объединенными усилиями взялись за нее: они разбегались и бились о столбы, а пилигримы изнутри в страхе смотрели на них.

Кьюджел подошел, ткнул горящей веткой в одну из налегающих фигур и вызвал крик боли; в щель просунулась огромная серая рука. Кьюджел отпрыгнул. Баррикада выдержала, звери скоро начали ссориться и ушли.

Вечером третьего дня пилигримы подошли к слиянию Аска с большой медленной рекой, которую Гарстанг назвал Скамандер. Поблизости росли большие бальдамы, сосны и дубы. С помощью местных дровосеков свалили деревья, обрубили ветви и стащили бревна к воде, где соорудили плот. Все пилигримы взошли на плот, и он тихо и спокойно поплыл вниз по реке.

Пять дней плот плыл по широкому Скамандеру. Иногда берегов почти не было видно, а иногда плот проходил мимо зарослей тростника вблизи берега. Делать было нечего, пилигримы затевали долгие споры, и расхождение мнений по любому вопросу было значительным. Часто разговор касался метафизических тайн или тонкостей принципов гилфигизма.

Субукул, наиболее ревностный пилигрим, в подробностях объяснял свое кредо. В основном он разделял орто-

доксальную гилфигитскую теософию, согласно которой Зо Зам, восьмиголовый бог, создав космос, отрубил себе мизинец на ноге, и из него возник Гилфиг, а из капель крови появились восемь человеческих рас.

Родемаунд, скептик, нападал на эту доктрину:

— А кто создал этого твоего предполагаемого "создателя"? Другой "создатель"? Гораздо проще предполагать конечный продукт: в данном случае гаснущее солнце и умирающую землю.

На это Субукул в сокрушительном опровержении цитировал гилфигитский текст.

Некто по имени Бланер стойко проповедовал собственную веру. Он считал, что солнце — это клетка в теле гигантского божества, которое создало космос в процессе, аналогичном росту лишайника на камне.

Субукул считал эту гипотезу слишком усложненной.

— Если солнце — клетка, то какова тогда природа Земли?

— Крошечное животное, извлекающее пропитание, — ответил Бланер. — Такие взаимоотношения известны повсюду и не должны вызывать удивления.

— Но что тогда нападает на солнце? — презрительно спросил Витц. — Другое маленькое животное?

Бланер начал подробное объяснение своей веры, но вскоре был прерван Праликсусом, высоким худым человеком с пронзительными зелеными глазами.

— Послушайте меня: я все знаю, — заявил он. — Моя доктрина — сама простота. Существует огромное количество условий и еще больше существует возможностей. Наш космос — это возможное состояние: он существует. Почему? Время бесконечно, и поэтому любое возможное состояние должно осуществиться. Поскольку мы живем в данной возможности и о других ничего не знаем, мы дерзко и высокомерно приписываем себе свойства исключительности. По правде говоря, любая возможная вселенная существует, и не единожды.

— Я склоняюсь к аналогичной доктрине, хотя и являюсь убежденным гилфигитом, — заявил теоретик Гасмайр. — Моя философия предполагает последовательность создателей, причем каждый абсолютен в пределах своих

прав. Перефразируя ученого собрата Праликсуса, если божество возможно, оно должно существовать! Только невозможные божества не существуют! Восьмиголовый Зо Зам, отрубивший Свой Божественный Мизинец, возможен, следовательно, он существует, что и подтверждается гилфигитским текстом!

Субукул замигал, открыл рот, собираясь возразить, но снова закрыл. Скептик Родемаунд отвернулся и стал смотреть на воды Скамандера.

Гарстанг, сидя в стороне, задумчиво улыбнулся.

— А ты, Кьюджел Умник, на этот раз ты молчалив. Какова твоя вера?

— Я новичок, — признался Кьюджел. — Я усвоил множество точек зрения, и каждая по-своему истинна: у жрецов в Храме Теологии, у волшебной птицы, достающей сообщение из ящика, у постящегося отшельника, что выпил бутылку розового эликсира, которую я ему дал в шутку. В результате получились противоречивые версии, но все исключительной глубины. Мой взгляд на мир, таким образом, синкретичен.

— Интересно, — сказал Гарстанг. — Лодермюльх, а ты?

— Ха! — проворчал Лодермюльх. — Видишь дыру на моих штанах? Я не могу объяснить даже то, как она появилась. Еще меньше я могу объяснить существование вселенной.

Заговорили другие. Колдун Войонд определил известный космос как тень мира, которым правят призраки, сами в своем существовании зависящие от психической энергии людей.

Набожный Субукул отверг эту схему, как противоречащую откровениям Гилфига.

Спор продолжался бесконечно. Кьюджел и еще несколько человек, включая Лодермюльха, заскучали и затеяли играть на деньги, используя кости, карты и шашки. Ставки, вначале умеренные, начали расти. Лодермюльх сначала немного выигрывал, потом проиграл гораздо большую сумму, а Кьюджел между тем выигрывал ставку за ставкой. Вскоре Лодермюльх отшвырнул кости, схватил Кьюджела за руку, рванул за нее, и из рукава вывалилось несколько дополнительных костей.

— Ну, — взревел Лодермюльх, — что у нас здесь? Я заметил мошенничество, и вот доказательство! Немедленно верни мои деньги!

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Кьюджел. — Почему ты ко мне придираешься? Я ношу кости — ну и что? Или мне нужно было бросить свою собственность в Скамандер, прежде чем приниматься за игру? Ты унижаешь мою репутацию.

— Что мне до этого? — возразил Лодермюльх. — Я хочу вернуть свои деньги!

— Невозможно, — ответил Кьюджел. — Несмотря на всю твою болтовню, ты ничего не доказал.

— Доказательства? — взревел Лодермюльх. — А разве нужны еще доказательства? Посмотрите на эти кости, на одних одинаковые обозначения на трех сторонах, другие вообще еле катятся, потому что отяжелены с одного конца.

— Всего лишь любопытные редкости, — объяснил Кьюджел. Он указал на колдуна Войонда, который внимательно слушал. — Вот человек с острым глазом и умом; спроси у него, видел ли он какие-нибудь незаконные действия.

— Ничего не видел, — объявил Войонд. — По моему мнению, Лодермюльх поторопился со своими обвинениями.

Гарстанг, слушавший спор, вышел вперед. Он заговорил голосом, одновременно рассудительным и умиротворяющим:

— В такой группе, как наша, очень важно взаимное доверие, мы ведь все гилфигиты. Не может быть и речи о злобе и обмане. Разумеется, друг Лодермюльх, ты неправильно оценил действия нашего друга Кьюджела.

Лодермюльх хрипло рассмеялся.

— Если такое поведение отличает особо набожных, я рад, что не отношусь к таким! — С этими словами он отошел в угол плота, сел и с отвращением и злобой посмотрел на Кьюджела.

Гарстанг расстроенно покачал головой.

— Боюсь, Лодермюльх чувствует себя оскорбленным. Вероятно, Кьюджел, чтобы восстановить дружеские отношения между вами, ты вернешь золото...

Кьюджел резко отказался.

— Это вопрос принципа. Лодермюльх покусился на самое ценное мое достояние — на мою честь.

— Такое отношение похвально, — сказал Гарстанг, — а Лодермюльх повел себя бестактно. Но ради дружбы... нет? Ну, что ж, не могу спорить. Гм... Всегда возникают неприятности. — Качая головой, он удалился.

Кьюджел собрал свой выигрыш, подобрал кости, которые Лодермюльх вытряс у него из рукава.

— Неприятный инцидент, — сказал он Войонду. — Деревенщина, этот Лодермюльх! Всех оскорбил; все прекратили игру.

— Вероятно, потому, что к тебе перешли все деньги, — предположил Войонд.

Кьюджел с удивленным видом рассматривал свой выигрыш.

— Никогда не думал, что выиграю так много! Может, примешь часть суммы, чтобы мне было легче нести?

Войонд согласился, и деньги перешли из рук в руки.

Вскоре после этого, когда плот спокойно плыл по реке, солнце тревожно вздрогнуло. Пурпурная пленка, похожая на тусклое пятно, возникла на его поверхности, потом исчезла. Некоторые пилигримы в тревоге и страхе с криками забегали по плоту:

— Солнце темнеет! Готовьтесь к холоду!

Гарстанг, однако, успокаивающе поднял руки.

— Успокойтесь все! Дрожь прошла, солнце прежнее!

— Подумайте! — с жаром сказал Субукул. — Неужели Гилфиг позволит совершиться катастрофе как раз в то время, когда мы плывем на поклонение Черному Обелиску?

Все успокоились, хотя каждый по-своему интерпретировал это событие. Смотритель Витц увидел в этом аналогию с временным отказом зрения; проходит, когда несколько раз мигнешь. Войонд объявил:

— Если мы благополучно доберемся до Эрзы Дамат, я обещаю следующие четыре года посвятить планам восстановления прежней силы солнца!

Лодермюльх мрачно заметил, что ему все равно: пусть солнце темнеет и пилигримы ощупью добираются на Светлый обряд.

Но солнце светило, как и прежде. Плот спокойно плыл по великому Скамандеру; берега стали такими низкими и лишенными растительности, что казались темными линиями на горизонте. День прошел, и светило, казалось, опускается прямо в реку, испуская темно-багровый свет, который постепенно тускнел и темнел по мере исчезновения солнца.

В сумерках разожгли костер, собрались вокруг него и поужинали. Говорили о потемнении солнца, много было рассуждений эсхатологического характера. Субукул считал, что вся ответственность за жизнь, смерть и будущее принадлежит Гилфигу. Хакст, однако, заявил, что чувствовал бы себя спокойнее, если бы Гилфиг прежде проявлял больше искусства в управлении делами мира. На какое-то время разговор стал оживленнее. Субукул обвинил Хакста в поверхностности, а Хакст использовал такие слова, как "слепая вера" и "унижение". Гарстанг вмешался, заявив, что никому не известны все факты и что Светлый обряд у Черного Обелиска может прояснить вопрос.

На следующее утро впереди заметили большую плотину — ряд прочных столбов перегораживал реку и не давал плыть дальше. В одном месте был проход, но его перекрывала тяжелая железная цепь. Пилигримы подвели плот к этому проходу и бросили камень, который служил им якорем. Из расположенной поблизости хижины появился пустынник, тощий, длинноволосый, в изорванной черной одежде; он размахивал железным посохом. С плотины он угрожающе посмотрел на пилигримов.

— Возвращайтесь! — закричал он. — Проход по реке в моей власти: я никому не позволяю пройти!

Вперед выступил Гарстанг.

— Прошу о снисходительности! Мы пилигримы, направляемся на Светлый обряд в Эрзу Дамат. Если необходимо, мы заплатим за право прохода, хотя надеемся на твое великодушие.

Пустынник хрипло рассмеялся и взмахнул своим посохом.

— Мою плату нельзя уменьшить! Я требую жизни самого злого из вас, и вы все должны продемонстри-

ровать свои достоинства! — Расставив ноги, в развевающемся на ветру плаще, он сверху вниз смотрел на плот.

Пилигримы забеспокоились, украдкой поглядывали друг на друга. Поднялся ропот, превратившийся в конце концов в смесь заявлений и требований. Громче всех слышался скрипучий голос Гасмайра:

— Я не могу быть самым злым! Жизнь моя полна милосердия и аскетизма, и во время игры я не участвовал в этом низком развлечении.

Другой голос:

— Я еще более добродетелен, я питаюсь только сухими бобами, чтобы не отнимать ни у кого жизнь.

Третий:

— Я еще более благочестив, я ем только кожуру от бобов и упавшую с деревьев кору, чтобы не уничтожать даже растительную жизнь.

Еще один:

— Мой желудок отказывается принимать овощи, но я провозглашаю те же благородные идеи и позволяю только мясу погибших животных касаться своих губ.

Еще:

— Я однажды переплыл огненное озеро, чтобы известить старуху о том, что злодеяние, которого она опасалось, не произошло.

Кьюджел заявил:

— Моя жизнь — беспрестанное унижение, и я неколебим в своем служении справедливости и равновесию, хотя это причиняет мне жестокую боль.

Войонд был менее решителен:

— Я колдун, правда, но своим искусством я способствую коренному улучшению общественных нравов.

Наступила очередь Гарстанга.

— Моя добродетель исключительна, она получена путем изучения мудрости прошедших столетий. Я не могу не быть добродетельным. Обычные мотивы, движущие человеком, для меня не существуют.

Наконец высказались все, кроме Лодермюльха, который стоял в стороне с угрюмым выражением лица. Войонд указал на него пальцем.

— Говори, Лодермюльх! Докажи свою добродетель, или будешь признан самым злым, что будет означать конец твоей жизни!

Лодермюльх рассмеялся и большим прыжком поднялся на плотину. Тут он выхватил меч и взмахнул им.

— Мы оба злые, ты и я, раз ты ставишь такое нелепое условие. Опусти цепь или встречай мой меч!

Пустынник развел руками.

— Мое условие выполнено; ты, Лодермюльх, продемонстрировал свою добродетель. Плот может проплыть. Вдобавок, поскольку ты обнажил меч в защиту чести, я даю тебе эту мазь; если потрешь ею лезвие, оно разрежет железо и камень легко, как масло. А теперь в путь, и пусть благоприятным для вас будет Светлый обряд!

Лодермюльх принял мазь и вернулся на плот. Цепь опустили, и плот без препятствий проплыл мимо плотины.

Гарстанг осторожно похвалил поведение Лодермюльха. Но добавил:

— На этот раз импульсивное, нарушающее все порядки действие привело к хорошему концу. Но если в будущем возникнут аналогичные обстоятельства, лучше бы сначала посоветоваться с остальными, доказавшими свою набожность и мудрость: со мной, с Войондом, с Субукулом.

— Как хочешь, — равнодушно ответил Лодермюльх, — если только это не приведет к задержкам и неприятностям для меня.

И Гарстанг вынужден был удовлетвориться этим.

Остальные пилигримы с неудовольствием поглядывали на Лодермюльха и не поддерживали с ним общения, так что Лодермюльх сидел в одиночестве на носу плота.

Наступил полдень, вечер, ночь; когда пришло утро, оказалось, что Лодермюльх исчез.

Все были удивлены. Гарстанг начал расспросы, но никто не смог пролить свет на эту загадку, и не было согласия относительно того, как трактовать его исчезновение.

Как ни странно, исчезновение непопулярного Лодермюльха не помогло восстановить первоначальную бодрую и товарищескую атмосферу в группе. Отныне каждый пи-

лигрим предпочитал сидеть в одиночестве, бросая мрачные взгляды направо и налево; игр больше не было, не было философских дискуссий, и объявление Гарстанга, что до Эрзы Дамат остался только день пути, не вызвало энтузиазма.

ГЛАВА VI
ЭРЗА ДАМАТ

В последнюю ночь перед прибытием на борту плота воцарилось подобие прежнего товарищества. Смотритель Витц исполнил несколько вокальных упражнений, а Кьюджел продемонстрировал танец с высоким подбрасыванием ног, который исполняют ловцы омаров в Каучике, где прошла его юность. Войонд, в свою очередь, произвел несколько простых метаморфоз, а потом показал небольшое серебряное кольцо. Он подозвал Хакста.

— Коснись кольца языком, потом прижми ко лбу и посмотри вокруг.

— Я вижу процессию! — воскликнул Хакст. — Мимо идут мужчины и женщины, их сотни, тысячи! Впереди мои отец и мать, затем дедушки и бабушки... но кто остальные?

— Твои предки, — объявил Войонд, — каждый в характерном для его времени костюме, вплоть до первобытного гомункула, от которого произошли мы все. — Он спрятал кольцо и достал из мешка тусклый сине-зеленый камень.

— Смотрите, сейчас я брошу этот камень в Скамандер! — И он бросил его за борт. Камень пролетел в воздухе и погрузился в темную воду. — Теперь я просто протяну руку, и камень вернется. — И действительно, все увидели, как в свете костра блеснула влажная искра, и на ладони Войонда снова лежит камень. — С этим камнем человек может не бояться бедности. Конечно, он не очень ценен, но его можно продавать много раз...

— Что еще вам показать? Может, этот маленький амулет... Это любовный талисман, он вызывает сильные эротические эмоции у того, на кого направлен. Но с ним нуж-

но обращаться осторожно. Есть у меня и еще более неоценимое вспомогательное средство — амулет в форме головы барана, сделанный по приказу императора Далмациуса Нежного, чтобы он мог не обижать чувствительность всех своих десяти тысяч наложниц...Что еще показать? Вот стек, который мгновенно прикрепляет один предмет к другому, я постоянно ношу его в чехле, чтобы случайно не прилепить брюки к ягодицам или сумку к пальцам. Этот стек можно использовать во многих случаях. Что еще? Посмотрим... А, вот оно! Рог удивительных свойств. Если вложить его в рот покойника, труп произнесет двадцать последних прижизненных слов. Если сунуть его покойнику в ухо, можно передать информацию в лишенный жизни мозг... А что у нас тут? Да, небольшое устройство, которое приносит много удовольствия. — И Войонд продемонстрировал куклу, тут же продекламировавшую героические стихи, спевшую непристойную песню и затеявшую остроумную словесную перепалку с Кьюджелом, который сидел впереди и внимательно на все смотрел.

Наконец Войонд устал от своего представления, и пилигримы один за другим улеглись спать.

Кьюджел не спал, он лежал, заложив руки за голову, смотрел на звезды и думал о неожиданно большой коллекции амулетов и волшебных предметов, принадлежавшей Войонду.

Убедившись, что все уснули, он встал и посмотрел на спящего волшебника. Мешок был завязан и лежал под рукой Войонда, как и ожидал Кьюджел. Пройдя в небольшую кладовую, где пилигримы держали продукты, Кьюджел раздобыл жира, смешал его с мукой и изготовил белую мазь. Из плотной бумаги он сделал небольшую коробку и наполнил ее мазью. Потом вернулся на свое место.

На следующее утро он как бы невзначай дал Войонду увидеть, как натирает мазью свой меч.

Войонд пришел в ужас.

— Не может быть! Я поражен! Увы, бедный Лодермюльх!

Кьюджел знаком попросил его замолчать.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Я просто предохраняю свой меч от ржавчины.

Войонд с печальной уверенностью покачал головой.

— Все ясно. Из-за наживы ты убил Лодермюльха. У меня нет другого выбора, как сообщить об этом ловцам воров в Эрзе Дамат!

— Не торопись! Ты ошибаешься: я не виноват!

Войонд, высокий мрачный человек, с темными мешками под глазами, с длинным подбородком и высоким сморщенным лбом, поднял руку.

— Я никогда не одобрял убийства. И в этом случае должен быть применен принцип равновесия, и необходимо применение жестокого наказания. Как минимум, причинивший зло не должен пользоваться его плодами.

— Ты имеешь в виду мазь? — спросил Кьюджел.

— Совершенно верно, — ответил Войонд. — Справедливость требует не меньшего.

— Ты строгий человек! — расстроенно сказал Кьюджел.

— У меня нет выбора, нужно подчиниться твоему решению.

Войонд протянул руку.

— Давай мазь, и поскольку ясно, что ты раскаиваешься, я больше не буду говорить об этом.

Кьюджел задумчиво поджал губы.

— Да будет так. Я уже смазал свой меч. Поэтому я отдам тебе остальную мазь в обмен на эротическое приспособление, ну и еще за несколько талисманов.

— Что я слышу? — возмутился Войонд. — Твоя наглость превосходит все границы! Эти предметы бесценны!

Кьюджел пожал плечами.

— Мазь тоже не обычный товар.

После спора Кьюджел отдал мазь в обмен на трубку, которая выбрасывала синий концентрат на расстояние в пятьдесят шагов, вместе со свитком, в котором перечислялись восемнадцать фаз Лаганетического цикла. Пришлось удовлетвориться этими предметами.

Вскоре на западном берегу появились окраинные руины Эрзы Дамат — древние виллы, теперь рухнувшие и забытые посреди разросшихся садов.

Пилигримы шестами подогнали плот к берегу. На расстоянии появилась вершина Черного Обелиска, и все ис-

пустили радостный крик. Плот двигался поперек течения Скамандера и вскоре пристал к одному из растрескавшихся старых причалов.

Пилигримы выбрались на берег, собрались вокруг Гарстанга, который обратился к группе:

— С огромным удовлетворением я слагаю с себя ответственность. Смотрите! Перед вами священный город, в котором Гилфиг объявил Гностическую догму! Где он покарал Казуя и разоблачил ведьму Энксис! Вполне возможно, что священные ноги попирали эту самую почву! — Гарстанг драматичным жестом указал на землю, и пилигримы, глядя вниз, неуверенно зашевелились. — Как бы то ни было, мы здесь и каждый из нас испытывает большое облегчение. Путь был труден и опасен. Нас пятьдесят девять выступило из долины Фолгус. Бамиш и Рандоль были схвачены гру на Сагмийском поле. У моста через Аск к нам присоединился Кьюджел. На Скамандере мы потеряли Лодермюльха. Теперь нас пятьдесят семь, мы все испытанные и верные товарищи, и печально, что кончается наше товарищество. Но мы будем всегда о нем помнить!

— Через два дня начнется Светлый обряд. Мы пришли вовремя. Те, кто не истратил все свои сбережения в игре, — тут Гарстанг обернулся и бросил взгляд на Кьюджела, — могут поселиться в удобных гостиницах. Обедневшие пусть живут, как смогут. Наше путешествие кончилось; мы расходимся и идем каждый своим путем, хотя по необходимости через два дня все встретимся у Черного Обелиска. А до того времени прощайте!

Пилигримы разошлись, некоторые по берегу Скамандера направились к ближайшей гостинице, остальные пошли в город.

Кьюджел подошел к Войонду.

— Я никогда не бывал здесь, как ты знаешь. Может, порекомендуешь гостиницу, где удобства достаточны, а цена невелика.

— В самом деле, — ответил Войонд, — я как раз направляюсь в такую гостиницу — отель "Империя Дастрик". В прошлый раз я там останавливался. Если ничего не изменилось, там удобно и хорошая пища, а стоит недорого.

Кьюджел одобрительно отнесся к этому предложению.

Вдвоем они пошли по улицам древнего Эрзы Дамат, миновали множество оштукатуренных домиков, потом прошли через район, где отдельно стоящие дома образовывали гигантскую шахматную доску; потом оказались в районе с большими имениями, которые еще использовались; роскошные дома стояли в глубине улицы среди богатых садов. Жители Эрзы Дамат — люди красивые, хотя и смуглее народа Олмери. Мужчины одевались только в черное — обтягивающие брюки и куртки с большими помпонами; женщины были великолепны в желтых, красных и синих платьях, причем платья покрывали оранжевые и черные блестки. Зеленый цвет считался несчастливым и встречался редко, а пурпурный символизировал смерть.

На головах женщины носили высокие прически, а мужчины элегантные черные диски, причем через отверстие в центре этих дисков высовывалась макушка. В моде был смолистый бальзам, и отовсюду до Кьюджела доносился запах мирры и алоэ. В целом жители Эрзы Дамат казались не менее цивилизованными, чем народ Каучика, и гораздо более оживленными, чем вялые и апатичные азеномайцы.

Гостиница "Империя Дастрик" располагалась недалеко от Черного Обелиска. К разочарованию Кьюджела и Войонда, все номера были заняты, и служитель не принял их.

— Светлый обряд привлекает множество набожных людей, — объяснил он. — Вы будете счастливы, если вообще сумеете найти жилье.

Он оказался прав: Кьюджел и Войонд переходили от гостиницы к гостинице и нигде не могли устроиться. Наконец на западной окраине города, на самом краю Серебряной пустыни, их приняли в большой таверне с не внушающей доверия внешностью — в гостинице Зеленой Лампы.

— Десять минут назад и я не смог бы поселить вас, — заявил хозяин, — но ловцы воров арестовали двух поселившихся здесь, назвав их разбойниками и прирожденными мошенниками.

— Надеюсь, остальные ваши поселенцы не таковы? — спросил Войонд.

— Кто знает? — ответил хозяин. — Мое дело — предоставить пищу, питье и ночлег, не больше. И разбойники, и мошенники должны есть, пить и спать не меньше, чем набожные и ученые люди. Все находят у меня приют. И в конце концов что я знаю о вас?

Приближалась ночь, и без дальнейших расспросов Кьюджел и Войонд поселились в гостинице Зеленой Лампы. Умывшись, они спустились в общий зал на ужин. Это оказалось большое помещение, с потемневшим от времени потолком, пол покрыт темной плиткой, на столбах висели фонари. Как отметил хозяин, посетители были самые разнообразные, в костюмах десятков стилей и самого различного телосложения. Люди пустыни, гибкие, как змеи, в кожаных комбинезонах, наброшенных на одно плечо; четверо бледнолицых людей с рыжими волосами, не произносивших ни слова; у стойки сидела группа наемных убийц в коричневых брюках, кожаных беретах, у каждого из уха на золотой цепочке свисал шарик. Кьюджел и Войонд получили ужин приличного качества, хотя обслуживание оставляло желать лучшего, и сидели, попивая вино и обдумывая, как провести вечер. Войонд решил порепетировать страстные крики и позы, которые необходимы для Светлого обряда. Кьюджел попросил у него талисман эротической стимуляции. — Женщины Эрзы Дамат кажутся мне привлекательными, и с помощью этого талисмана я лучше постигну их способности.

— Ни в коем случае, — ответил Войонд, прижимая к себе мешок. — И я не обязан объяснять причины.

Кьюджел молча скорчил гримасу. Помпезность Войонда показалась ему особенно неприятной из-за его мрачной нездоровой наружности.

Войонд осушил свою кружку с педантичной бережливостью, которую Кьюджел также находил раздражающей, и встал.

— Я пойду в свою комнату.

Он повернулся, но проходивший в это время бандит толкнул его. Войонд выпалил язвительное замечание, бандит не захотел его игнорировать.

— Как ты смеешь говорить со мной так? Защищайся, или я отрежу твой нос! — И бандит выхватил свой меч.

— Как хочешь, — ответил Войонд. — Подожди, я возьму меч. — Подмигнув Кьюджелу, он натер лезвие мазью и повернулся к бандиту. — Приготовься к смерти, мой дорогой друг! — И он величественно шагнул вперед. Бандит, заметивший приготовления Войонда и понявший, что перед ним волшебник, оцепенел от ужаса. Войонд театрально пронзил его и вытер лезвие о шляпу бандита.

Товарищи бандита, сидевшие у стойки, начали подниматься, но остановились, когда Войонд с апломбом повернулся к ним.

— Берегитесь, петухи с навозной кучи! Видели судьбу вашего товарища? Он умер от моего волшебного лезвия, которое рассекает металл и камень, как масло. Смотрите! — И Войонд ударил по столбу. Лезвие, ударившись о железную скобу, разлетелось на десяток кусков. Войонд стоял в замешательстве, но товарищи бандита устремились вперед.

— Где же твое волшебное лезвие? Наши лезвия из обычной стали, но жалят глубоко! — И через мгновение Войонд был разрублен на куски.

Бандиты повернулись к Кьюджелу.

— А ты? Хочешь разделить судьбу своего товарища?

— Ни в коем случае! — заявил Кьюджел. — Это всего лишь мой слуга, он нес мой мешок. Я волшебник; посмотрите на эту трубку! Первый же человек, который станет мне угрожать, попадет под ее действие!

Бандиты пожали плечами и отвернулись. Кьюджел подобрал мешок Войонда, потом подозвал хозяина.

— Будь добр, пусть уберут трупы, а мне принесут приправленного вина.

— А как же счет твоего товарища? — с беспокойством спросил хозяин.

— Не бойся, я за все заплачу.

Трупы унесли, Кьюджел выпил еще чашку вина, потом ушел в свою комнату, где разложил на столе содержимое мешка Войонда. Деньги он переложил к себе в кошелек, талисман, амулеты и инструменты спрятал в своей сумке, мазь выбросил. Довольный проведенным днем, он лег и скоро уснул.

На следующий день Кьюджел отправился бродить по городу, поднялся на самый высокий из его восьми холмов. Перед ним открылось величественное и унылое зрелище. Справа и слева протекал великий Скамандер. На улицах города виднелись древние руины, обширные пустоты, оштукатуренные домишки бедняков и виллы богачей. Эрза Дамат оказался самым большим городом, какой приходилось видеть Кьюджелу, больше любого города Олмери или Асколайса, хотя теперь значительная его часть лежит в развалинах.

Вернувшись в центральный район, Кьюджел отыскал будку профессионального географа и, уплатив требуемую сумму, стал расспрашивать о наиболее безопасном и коротком пути в Олмери.

Ученый не стал давать торопливого или необдуманного ответа, он достал четыре различных карты и указателя. Внимательно изучив их, он повернулся к Кьюджелу.

— Вот мой совет. Двигайся вверх по течению Скамандера до реки Аск, затем вдоль Аска до моста с шестью пролетами. Отсюда поверни на север, иди вдоль гор Магнаца, пока не дойдешь до леса, известного как Большой Эрм. Через этот лес иди на запад до берега Северного моря. Там тебе нужно построить лодку и довериться ветру и течениям. Если тебе повезет и ты доберешься до Земли Падающей Стены, оттуда уже сравнительно легко, двигаясь на юг, добраться до Олмери.

Кьюджел сделал нетерпеливый жест.

— В основном это путь, которым я добрался сюда. Другого пути нет?

— Есть. Безрассудный человек может предпочесть риск и двинуться через Серебряную пустыню. За ней находится Сонганское море, а за ним обширные пустоши, почти непреодолимые, а уж дальше Восточный Олмери.

— Что ж, это кажется осуществимым. А как пересечь Серебряную пустыню? Есть ли там караваны?

— Зачем? Никаких товаров там не добудешь; там только разбойники, нападающие на неосторожных. Чтоб отпугнуть их, нужен отряд не меньше сорока человек.

Кьюджел вышел из будки. В ближайшей таверне он заказал вина и стал обдумывать, как собрать отряд в сорок человек. Пилигримов, конечно, пятьдесят шесть — вернее,

после смерти Войонда пятьдесят пять. Неплохо бы их собрать...

Кьюджел выпил еще вина и стал думать дальше.

Наконец он заплатил по счету и направился к Черному Обелиску. "Обелиск" назван был неточно — это просто большой кусок сплошного черного камня, на сто футов поднимавшийся над городом. У его основания были вырезаны пять статуй, все смотрели в разных направлениях и все представляли основателей пяти различных религий. Гилфиг смотрел на юг, его четыре руки поддерживали символы религии, ноги покоились на головах преданных верующих, пальцы ног — длинные и изогнутые, что подчеркивало их изящество.

Кьюджел попросил информации у проходившего служителя:

— Кто главный жрец Черного Обелиска и где его можно найти?

— Это Предтеча Халм, — ответил служитель и указал на великолепное здание поблизости. — В этом дворце находится его святилище.

Кьюджел подошел к этому зданию и после множества горячих споров был допущен в присутствие Предтечи Халма, человека средних лет, приземистого и круглолицего. Кьюджел указал на младшего священника, который так неохотно привел его сюда.

— Мое сообщение предназначено лично Предтече. Уходи.

Предтеча сделал знак, священник удалился. Кьюджел подошел ближе.

— Я могу говорить, не боясь, что нас подслушают?

— Да.

— Прежде всего, — сказал Кьюджел, — знай, что я могущественный волшебник. Смотри: трубка, выбрасывающая синий концентрат. А здесь свисток, перечисляющий восемнадцать фаз Лаганетического цикла! А вот инструмент: рог, который позволяет говорить мертвым, а, использованный по-другому, доставляет информацию в мертвый мозг! У меня есть и другие чудеса!

— Интересно, — согласился Предтеча.

— Второе мое откровение таково: некогда я служил разносчиком ладана в храме Геологии в далекой земле. И

там я узнал, что некоторые священные изображения сооружены таким образом, что жрецы в случае необходимости могут выступать от лица самого божества.

— И это возможно, — благожелательно согласился Предтеча. — Божества контролируют все стороны действительности, следовательно, они руководят и такими действиями.

Кьюджел высказал предположение:

— Значит, можно полагать, что статуи, вырезанные у основания Черного Обелиска, тоже обладают такой способностью?

Предтеча улыбнулся.

— Какую именно из статуй ты имеешь в виду?

— Ту, которая изображает Гилфига.

Предтеча, казалось, задумался.

Кьюджел указал на различные талисманы и амулеты.

— В благодарность за услугу я пожертвую некоторые из этих устройств храму.

— Какая именно услуга?

Кьюджел подробно объяснил, и Предтеча задумчиво кивнул.

— Не покажешь ли еще раз твои волшебные предметы?

Кьюджел показал.

— Это все, что у тебя есть?

Кьюджел неохотно продемонстрировал эротический стимулятор и объяснил его действие. Предтеча кивнул, на этот раз решительно.

— Думаю, мы договоримся: все в руках всемогущего Гилфига.

— Договорились?

— Договорились!

На следующее утро группа из пятидесяти пяти пилигримов собралась у подножия Черного Обелиска. Они простерлись перед изображением Гилфига и приготовились к обряду. И вдруг глаза статуи блеснули огнем, рот раскрылся.

— Пилигримы! — прогремел пронзительный голос. — Выполните мое повеление! Вы должны пересечь Серебряную пустыню и дойти до берега Сонганского моря! Там вы найдете храм, перед которым должны преклониться! Иди-

те! Через Серебряную пустыню со всей возможной скоростью!

Голос стих. Гарстанг заговорил дрожащим голосом:

— Слышим, о Гилфиг! Мы повинуемся!

В этот момент вперед вышел Кьюджел.

— Я тоже слышал это чудо! Я тоже отправлюсь в путь! Идемте немедленно!

— Не так быстро, — сказал Гарстанг. — Мы не можем идти, как дервиши. Потребуются средства. Кто пожертвует?

— Я предлагаю двести терций.

— А я шестьдесят, это все, что у меня есть!

— Я проиграл Кьюджелу девяносто терций, у меня осталось только сорок, я их жертвую.

Так продолжалось, и даже Кьюджел внес в общий фонд шестьдесят пять терций.

— Хорошо, — сказал Гарстанг. — Завтра я начну подготовку, а на следующий день, если все пойдет хорошо, мы покинем Эрзу Дамат через Старые Западные ворота.

ГЛАВА VII
СЕРЕБРЯНАЯ ПУСТЫНЯ

На следующее утро Гарстанг в сопровождении Кьюджела и Гасмайра отправился приобретать необходимую экипировку. Их направили в специально оборудованный двор, расположенный на пустынной площади между бульварами старого города. Площадь окружала стена из кирпича, смешанного с обломками старых плит; из-за стены доносился громкий шум: крики, плач, глубокий рев, лай, ржание, — а также сильный неприятный запах, смесь аммиака, силоса, десятков сортов навоза, старого мяса и вообще всякой дряни.

Пройдя через ворота, путешественники миновали контору, выходящую на двор; на самом дворе в загонах, клетках и за частоколом находились такие разнообразные животные, что это поразило Кьюджела. Появился владелец двора, высокий желтокожий человек, у которого отсутствовали нос и одно ухо. На нем был серый тулуп, подпоя-

санный кушаком, и высокая коническая черная ушанка с болтающимися ушами.

Гарстанг объяснил цель посещения.

— Мы пилигримы и должны пересечь Серебряную пустыню. Мы хотим нанять вьючных животных. Нас больше пятидесяти; мы предполагаем, что путешествие в один конец займет двадцать дней, столько же обратно, да еще пять дней проведем у нашей цели: пусть эта информация поможет тебе обдумать наши потребности. Естественно, нам нужны самые крепкие, трудолюбивые и послушные животные, какие только у тебя есть.

— Все это хорошо, — сказал хозяин, — но плата за наем такая же, как за продажу, так что за свои деньги можете получить животных в собственность.

— А какова цена? — спросил Гасмайр.

— Зависит от вашего выбора: у каждого животного своя.

Гарстанг, осматривавший двор, печально покачал головой.

— Я удивлен: тут все животные разного вида, и ни одно не подходит под известные категории.

Хозяин согласился с этим.

— Если хотите послушать, я вам все объясню. Это интересная история, и она поможет вам в выборе.

— Значит, мы получим двойную выгоду, слушая тебя, — вежливо сказал Гарстанг, хотя Кьюджел делал нетерпеливые жесты.

Хозяин подошел к полке и достал переплетенный в кожу том.

— В прошлую эпоху король Катт Безумный приказал соорудить зверинец, каких не бывало доселе, для собственного развлечения и чтобы поразить остальной мир. Его волшебник Фолиненс вывел уникальных животных, сочетая множество различных плазм. Результат вы видите перед собой.

— Зверинец просуществовал так долго? — удивленно спросил Гарстанг.

— Нет. От короля Катта Безумного ничего не сохранилось, кроме легенды и книги его волшебника Фолиненса, — хозяин похлопал по книге, — в которой содержится системология его сумасшедших созданий. Например... —

он раскрыл книгу. — Ну... гммм... Вот место, в котором он менее подробно, чем в других случаях, описывает полулюдей, это всего лишь отрывочные заметки:

"Гид:	*гибрид человека, горгульи, ворла, прыгающего насекомого.*
Деоданд:	*росомаха, василиск, человек.*
Эрб:	*медведь, человек, ящерица, демон.*
Гру:	*человек, летучая мышь, необычный гун.*
Лейкоморф:	*неизвестно.*
Василиск:	*фелинодор, человек (оса?).*"

Гасмайр удивленно всплеснул руками.

— Неужели все эти животные созданы Фолиненсом — на несчастье всего человечества?

— Конечно, нет, — сказал Гарстанг. — Похоже, это отвлеченное рассуждение. Дважды он признается, что не знает.

— Таково и мое мнение относительно данного случая, — согласился хозяин, — хотя в других местах он говорит увереннее.

— А как эти существа связаны со зверинцем? — спросил Гасмайр.

Хозяин пожал плечами.

— Еще одна шутка Безумного короля. Он выпустил всех животных на свободу, вызвав всеобщую панику. Эти животные наделены исключительной плодовитостью и теперь во множестве населяют равнины Опарона и Бланвальтский лес.

— Что нам с того? — спросил Кьюджел. — Нам нужны вьючные животные, послушные и умеренные; нам не нужны выродки, сколь бы они ни были поучительны.

— Некоторые животные вполне соответствуют вашим требованиям, — с достоинством ответил хозяин. — Но они и стоят дорого. С другой стороны, за одну терцию вы можете приобрести вон то длинношее существо с огромным животом и удивительной прожорливостью.

— Цена подходящая, — с сожалением сказал Гарстанг. — Но, к несчастью, нам нужны животные, чтобы везти пищу и воду через Серебряную пустыню, а не пожирать их.

— В таком случае вы должны более точно выражать свои желания. — Хозяин принялся осматривать свои владения. — Высокий зверь на двух лапах не так свиреп, как кажется...

Наконец, отобрав пятнадцать животных, договорились о цене. Хозяин подвел их к выходу; Гарстанг, Гасмайр и Кьюджел повели процессию разномастных зверей по улицам Эрзы Дамат к Западным воротам. Здесь животных оставили с Кьюджелом, а Гарстанг и Гасмайр отправились закупать продукты и прочие необходимые вещи.

К ночи все приготовления были завершены, и на следующее утро, когда багровые лучи солнца осветили Черный Обелиск, пилигримы выступили в путь. Животные несли корзины с продуктами и мехи с водой; у всех пилигримов была новая обувь и широкополые шляпы. Гарстанг не смог нанять проводника, но купил у географа карту; впрочем, на карте был только маленький кружок с надписью "Эрза Дамат" и большое пространство, обозначенное "Серебряная пустыня".

Кьюджелу поручили вести передовое животное, двенадцатиногое существо длиной в двадцать футов, с маленькой глупо улыбающейся детской головкой и рыжевато-коричневой шерстью. Кьюджела это задание раздражало, потому что животное постоянно дышало на него зловонием и несколько раз пыталось наступить ему на ноги.

Из пятидесяти семи пилигримов, прибывших на плоту, к храму на берегу Сонганского озера выступило сорок девять. Впрочем, это число почти тут же сократилось до сорока восьми. Некто Токарин сошел с тропы, отвечая на призыв природы, и его ужалил чудовищный скорпион. Токарин, хрипло крича, большими прыжками понесся на север и скоро скрылся из виду.

Оставшаяся часть дня прошла без инцидентов. Пилигримы двигались по сухой безжизненной пустыне, усеянной кремневыми осколками, где лишь местами росла железная трава. На юге виднелись низкие холмы, и Кьюджелу показалось, что он видит две фигуры, неподвижно стоящие на вершине. На заходе караван остановился, и Кьюджел, вспомнив, что, по слухам, тут нападают разбойники, уговорил Гарстанга выставить двоих часовых: Липпельта и Мирч-Мазена.

Наутро они исчезли, не оставив и следа, и пилигримы были испуганы и обеспокоены. Они стояли, прижавшись друг к другу, нервно поглядывая по сторонам. Пустыня простиралась вокруг, гладкая и темная в сумерках раннего рассвета. На юге, где находились холмы, освещались их круглые вершины; в остальном до самого горизонта была плоская равнина.

Вскоре караван снова двинулся, теперь их осталось сорок шесть. Кьюджел, как и накануне, повел многоногое животное, которое теперь занялось тем, что все время толкало улыбающейся мордой Кьюджела в спину.

День прошел без происшествий; миля за милей оставались позади. Первым шел с посохом Гарстанг, за ним Витц и Гасмайр, дальше еще несколько. Потом вьючные животные каждое со своим особым силуэтом: первое низкое и мускулистое, второе высокое и разветвленное, почти как человек, если не считать головы, маленькой и угловатой, как раковина мечехвоста. Третье, с горбатой спиной, подпрыгивало на шести лапах; четвертое смахивало на лошадь с белыми перьями. За вьючными животными шли остальные пилигримы; замыкал шествие Бланер, с характерной униженностью, о которой он всегда объявлял. Вечером Кьюджел обнес лагерь прочной изгородью, некогда принадлежавшей Войонду.

На следующий день пилигримы перевалили через низкий горный хребет и тут подверглись нападению разбойников, которое казалось скорее пробной засадой. Единственным пострадавшим оказался Хакст, раненный в ногу. Но два часа спустя произошла более серьезная неприятность. Они проходили мимо холма, оттуда сорвался камень и прокатился через караван, убив одно животное, а также фунамбулусского евангелиста Эндла и скептика Родемаунда. Ночью умер Хакст; очевидно, в рану попал яд.

Утром пилигримы двинулись с мрачными лицами, и почти тут же на них напали разбойники. К счастью, пилигримы были начеку, разбойники, потерявшие свыше десяти убитых, были отброшены; сами же пилигримы потеряли только Грея и Магастена.

Теперь слышалось постоянное ворчание; все подолгу смотрели на восток, в сторону Эрзы Дамат. Гарстанг пытался поддержать иссякавший дух:

— Мы гилфигиты, Гилфиг сказал! На берегах Сонганского моря мы отыщем священный храм! Гилфиг всеведущ и всемилостив: те, кто погиб на службе ему, уже наслаждаются в раю Гамамере. Пилигримы! На запад!

Приободрившись, караван снова двинулся в путь, и день прошел без дальнейших неприятностей. Ночью, однако, три вьючных животных оборвали свою привязь и убежали, и Гарстанг вынужден был сократить порции для всех.

На седьмой день пути Тилфокс съел горсть ядовитых ягод и умер в муках, а его брат смотритель Витц сошел с ума; он бегал вдоль линии вьючных животных, проклиная Гилфига, и резал ножом мехи с водой: Кьюджел убил его.

Два дня спустя оборванные люди увидели ручей. Несмотря на предупреждение Гарстанга, Саланав и Арло бросились к нему и стали пить большими глотками. Почти сразу они схватились за животы, начали давиться, губы их приобрели цвет песка, и вскоре они умерли.

Неделю спустя пятнадцать человек и четыре животных поднялись на очередной холм и увидели перед собой спокойные воды Сонганского моря. Кьюджел выжил, выжили Гарстанг, Гасмайр и Субукул. Перед ними расстилались болота, в которые впадал ручей, Кьюджел при помощи амулета Юкуну проверил его и объявил, что можно пить. Все напились вдоволь, поели тростника, ставшего съедобным благодаря тому же амулету, а потом уснули.

Кьюджела разбудило чувство опасности, он вскочил и заметил зловещее шевеление в камышах. Он поднял товарищей, все приготовили оружие, но то, что вызвало движение, исчезло. Время приближалось к полудню. Пилигримы прошли на низкий берег, чтобы обсудить положение. Они смотрели во все стороны, но никакого храма не видели. Вспыхнули споры, началась ссора, которую Гарстанг смог прекратить только с помощью самых горячих убеждений.

Балч, который ушел дальше по берегу, вернулся в большом возбуждении:

— Деревня!

Все с надеждой и оживлением двинулись туда, но деревня оказалась всего лишь горстью тростниковых хижин, населенных людьми-ящерами, которые оскалили зубы и начали бить мощными хвостами при виде пришельцев. Пилигримы прошли дальше по берегу и сели на бугор, глядя на низкий прибой Сонганского моря.

Гарстанг, похудевший и согбенный от испытанных лишений, заговорил первым. Он пытался придать своему голосу бодрости.

— Мы пришли, мы победили ужасную Серебряную пустыню! Теперь нам нужно только отыскать храм и исполнить свой обряд, и тогда мы, благословенные, вернемся в Эрзу Дамат!

— Прекрасно, — проворчал Балч, — но где же найти этот храм? Справа и слева все тот же пустой берег!

— Нужно довериться руководству Гилфига! — объявил Субукул. Он вырезал из куска дерева стрелу и коснулся ею священной ленты. Воззвал: — Гилфиг! О Гилфиг! Отведи нас к храму! Бросаю этот указатель! — И бросил стрелку высоко в воздух. Она упала острием на юг.

— Мы должны идти на юг! — провозгласил Гарстанг. — Храм на юге!

Но Балч и другие отказались.

— Ты разве не видишь, что мы до смерти устали? По моему мнению, Гилфигу следовало бы самому направить нас в храм, а не оставлять в неуверенности!

— Гилфиг и так нас привел! — ответил Субукул. — Разве ты не видел направления стрелы?

Балч сардонически рассмеялся.

— Палка, которую бросаешь в воздух, указывает на юг с такой же легкостью, как на север.

Субукул в ужасе отступил.

— Ты богохульствуешь!

— Вовсе нет. Я не уверен, что Гилфиг услышал твое обращение; а может, у него не было времени, чтобы действовать. Брось стрелу сто раз; если во всех случаях она покажет на юг, я тут же отправлюсь туда.

— Хорошо, — сказал Субукул. Он снова воззвал к Гилфигу и бросил стрелу, которая на этот раз указала на север.

Балч ничего не сказал. Субукул замигал, потом покраснел.

— Гилфиг не играет в игры. Он указывает один раз, и нужно выполнять — заявил он.

— Я не убежден, — сказал Балч.

— И я.

— И я.

Гарстанг умоляюще поднял руки.

— Мы прошли так далеко, мы страдали вместе, радовались вместе, трудились и сражались вместе — давайте теперь не ссориться!

Балч и один из несогласных только пожали плечами.

— Мы не пойдем слепо на юг.

— Что же вы будете делать? Пойдете на север? Или вернетесь в Эрзу Дамат?

— Эрза Дамат? Без продовольствия и всего с четырьмя вьючными животными? Ба!

— Тогда идем на юг в поисках храма!

Балч еще раз упрямо пожал плечами, отчего Субукул рассердился.

— Да будет так! Те, кто идет на юг, в эту сторону, те, кто с Балчем, в ту!

Гарстанг, Кьюджел и Гасмайр присоединились к Субукулу, остальные, одиннадцать человек, остались с Балчем, они принялись перешептываться, а четыре верных пилигрима в опасении смотрели на них.

Одиннадцать вскочили на ноги.

— Прощайте!

— Куда вы идете? — спросил Гарстанг.

— Неважно. Ищите свой храм, мы займемся своими делами. — И с этим коротким прощанием они отправились к деревне ящеролюдей, убили там всех мужчин, подпилили клыки у женщин, одели их в тростниковую одежду и стали жить как повелители деревни.

Гарстанг, Субукул, Гасмайр и Кьюджел тем временем шли по берегу на юг. Вечером они разбили лагерь, поели моллюсков и крабов. Утром оказалось, что оставшиеся четыре вьючных животных сбежали, и теперь они одни.

— Такова воля Гилфига, — провозгласил Субукул. — Нам остается только найти храм и умереть.

— Смелее! — сказал Гарстанг. — Не нужно предаваться отчаянию!

— А что нам остается? Увидим ли мы вновь долину Фолгус?

— Кто знает? Сначала нужно исполнить унижение перед храмом.

С этими словами они двинулись дальше и шли весь остаток дня. К ночи они так устали, что смогли только лечь на песок.

Море расстилалось перед ними, плоское, как стол, и такое тихое, что заходящее солнце полностью отражалось в нем, без всякой дорожки. Ужин снова состоял из моллюсков и крабов, после чего они улеглись спать на песок.

В начале ночи Кьюджел проснулся от звуков музыки. Приподнявшись, он увидел, что над водой появился призрачный город. Стройные башни вздымались в небо, освещенные сверкающими белыми огоньками, которые танцевали в воздухе вверх и вниз, вперед и назад. На галереях толпились веселые люди, в бледных светящихся одеждах, играла музыка. Проплыла барка, выложенная шелковыми подушками, ее двигал огромный парус из василькового шелка. Фонари на носу и корме освещали веселящиеся толпы; одни танцевали, другие играли на лютнях, третьи пили из кубков.

Кьюджел стремился разделить их веселье. Он приподнялся на колени и позвал. Веселящиеся отложили свои инструменты и уставились на него, но вскоре барка проплыла, уносимая большим голубым парусом. Затем город побледнел и исчез, осталось только темное ночное небо.

Кьюджел смотрел на ночь, горло у него сжималось от неведомой печали. К собственному удивлению, он обнаружил, что стоит на самом краю воды. Рядом стояли Гарстанг, Гасмайр и Субукул. Все смотрели друг на друга и молчали. Потом вернулись на берег и снова легли спать на песок.

На следующий день они почти не разговаривали и даже избегали друг друга: каждый хотел остаться наедине со своими мыслями. Время от времени то один, то другой с

надеждой смотрел на юг, но никто не пытался уйти и даже не говорил об этом.

День проходил, и пилигримы оставались в полуоцепенении. Село солнце, наступила ночь, но никто не ложился спать.

Вскоре снова появился призрачный город, и сегодня там шел праздник. В небе расцвели удивительно сложные фейерверки: копья, сети, звездные взрывы красного, зеленого, синего, серебряного цветов. По променаду двигался парад, впереди призрачные девушки в радужной одежде, за ними призрачные музыканты в просторных красных и оранжевых одеяниях и призрачные акробаты. Часами звуки веселья плыли над водой; Кьюджел по колено погрузился в песок и смотрел, пока праздник не стих и город расплылся. Тогда он повернулся, и остальные поднялись за ним на берег.

На следующий день все ослабли от голода и жажды. Хриплым голосом Кьюджел сказал, что им нужно идти. Гарстанг кивнул и тоже хрипло добавил:

— К храму, к храму Гилфига!

Субукул кивнул. Щеки его некогда полного лица втянулись, глаза воспалились.

— Да, — просвистел он, — мы отдохнули. Нужно идти!

Гасмайр тупо кивнул:

— К храму!

Но никто не пошевелился. Кьюджел поднялся выше по берегу и сел в ожидании прихода ночи. Посмотрев вправо, он увидел человеческий скелет в той же позе, в какой сидел он сам. Вздрогнув, Кьюджел повернулся налево. Там был второй скелет, этот от времени и непогоды уже превратился в груду костей.

Кьюджел встал и направился к остальным.

— Быстрее! — позвал он. — Пока у нас еще остались силы! На юг! Идемте, пока мы не умерли, как те, чьи кости лежат там, вверху!

— Да, да, — пробормотал Гарстанг. — К храму. — Он с трудом встал. — Идемте! — обратился он к остальным. — Мы идем на юг!

Субукул поднялся, но Гасмайр после нескольких попыток остался сидеть на песке.

— Я останусь, — сказал он. — Когда доберетесь до храма, замолвите за меня слово перед Гилфигом, объясните, что волшебное очарование лишило мое тело сил.

Гарстанг хотел остаться с ним и попытаться уговорить, но Кьюджел указал на заходящее солнце.

— Если мы дождемся темноты, мы погибнем. Завтра у нас совсем не останется сил!

Гарстанг в последний раз обратился к Гасмайру.

— Друг мой и сподвижник, наберись сил. Мы пришли вместе — от самой долины Фолгус, на плоту по Скамандеру и через эту ужасную пустыню. Неужели мы должны расстаться на самом пороге храма?

— Идем, к храму! — хрипел Кьюджел.

Но Гасмайр отвернулся. Кьюджел и Субукул увели Гарстанга, по его сухим щекам бежали слезы; пошатываясь, они пошли на юг по берегу, отворачиваясь от спокойного моря.

Старое солнце село, отбрасывая веер цветов. На спокойном высоком небе желтовато-бронзового оттенка виднелись небольшие облачка. Снова появился город; никогда он не казался величественнее, чем сейчас, когда его шпили уловили огни заката. По променаду шли юноши и девушки с цветами в волосах, иногда они останавливались и смотрели на троих идущих по песку. Закат потемнел, белые огни загорелись в городе, музыка поплыла над водой. Долгое время следовала она за тремя пилигримами и наконец стихла вдали. Пустое море расстилалось на запад, отражая последние отблески заката.

Примерно в это время пилигримы набрели на ручей с пресной водой, поблизости росли ягоды и дикие сливы. Здесь они провели ночь. Утром Кьюджел поймал рыбу и нескольких крабов на берегу. Подкрепившись, трое снова двинулись на юг, все время надеясь увидеть храм. Даже Кьюджел почти поверил в него, настолько неистовой была вера Гарстанга и Субукула. Но проходили дни, и Субукул начал отчаиваться, сомневаться в приказании Гилфига, сомневаться в добродетельности самого Гилфига.

— Чего мы добились этим мучительным путешествием? Разве Гилфиг сомневался в нашей преданности? Мы доказали ее своим присутствием на Светлом обряде. Зачем он послал нас так далеко?

— Пути Гилфига неисповедимы, — отвечал Гарстанг. — Мы пришли так далеко, но нужно идти дальше!

Субукул остановился и посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

— Вот мое предложение. На этом месте воздвигнем каменный алтарь, который станет нашим храмом; исполним перед ним обряд. Удовлетворив требования Гилфига, мы сможем повернуться лицом на север, к деревне, где остались наши товарищи. Там мы отыщем вьючных животных, возобновим припасы и направимся в пустыню. И, может быть, сумеем вернуться в Эрзу Дамат.

Гарстанг колебался.

— Твое предложение разумно. И все же...

— Лодка! — воскликнул Кьюджел. Он указал на море, где в полумиле плыла рыбачья лодка под квадратным парусом на длинной гибкой рее. Она прошла мимо мыса в миле к югу от того места, где стояли пилигримы, и Кьюджел указал на деревню дальше по берегу.

— Прекрасно! — объявил Гарстанг. — Там должны жить гилфигиты, а деревня находится вблизи храма! Идемте!

Но Субукул не решался.

— Неужели знание священных текстов распространилось так далеко?

— Осторожность — наш девиз, — сказал Кьюджел. — Нужно очень осторожно провести разведку. — И он провел их через лес тамариска и лиственницы в такое место, откуда сверху они могли рассмотреть деревню. Хижины были грубо сложены из камня, и жил в них свирепо выглядевший народ. Черные волосы обрамляли круглые, цвета глины лица, на плечах росла жесткая щетина, как эполеты. Изо рта мужчин и женщин торчали клыки, и все говорили низкими хриплыми голосами. Кьюджел, Гарстанг и Субукул отступили с величайшей осторожностью и, спрятавшись среди деревьев, стали негромко совещаться.

Гарстанг наконец упал духом и потерял всякую надежду.

— Я истощен, духовно и физически; здесь я умру.

Субукул посмотрел на север.

— Я попробую перебраться через Серебряную пустыню. Если все пройдет хорошо, вернусь в Эрзу Дамат или даже в долину Фолгус.

Гарстанг повернулся к Кьюджелу.

— А ты? Мы ведь не нашли храма Гилфига.

Кьюджел указал на пристань, где было причалено несколько лодок.

— Я направляюсь в Олмери, через Сонганское море. Предлагаю конфисковать лодку и плыть на запад.

— Тогда прощай, — сказал Субукул. — Гарстанг, идешь со мной?

Гарстанг покачал головой.

— Слишком далеко. Я, несомненно, умру в пустыне. Я пересеку море вместе с Кьюджелом и понесу Слово Гилфига народу Олмери.

— Ну, тогда прощай и ты, — сказал Субукул. Он быстро повернулся, чтобы скрыть выражение лица, и двинулся на север.

Кьюджел и Гарстанг смотрели, как его крепкая фигура уменьшается на расстоянии и исчезает. Потом повернулись и принялись рассматривать причал. Гарстанг сомневался.

— Лодки кажутся пригодными для моря, но "конфисковать" значит "украсть" — это действие особенно осуждается Гилфигом.

— Никаких затруднений, — ответил Кьюджел. — Я положу на причал несколько золотых монет, это больше стоимости лодки.

Гарстанг наконец неуверенно согласился.

— А как же пища и вода?

— Взяв лодку, мы поплывем вдоль берега, пока не припасем достаточно, а потом двинемся на запад.

Гарстанг согласился с этим, и они снова принялись рассматривать лодки, сравнивая их друг с другом. Наконец выбрали прочное судно десяти или двенадцати шагов длиной, с небольшой каютой.

В сумерках они двинулись к пристани. Все было тихо, рыбаки вернулись в деревню. Гарстанг поднялся на борт и сообщил, что все в порядке. Кьюджел начал отвязывать чалку, но в это время с пристани послышался свирепый крик, и появился десяток крепких рыбаков.

— Мы пропали! — крикнул Кьюджел. — Спасайся, беги, а еще лучше плыви!

— Невозможно! — провозгласил Гарстанг. — Если это смерть, я встречу ее с достоинством. — И он встал на палубе.

Вскоре их окружили жители деревни всех возрастов, привлеченные шумом. Один из них, староста деревни, спросил строгим голосом:

— Что вы делаете на нашем причале и зачем собираетесь украсть лодку?

— Наша причина проста, — ответил Кьюджел, — мы хотим пересечь море.

— Что? — взревел староста. — Как это возможно? На лодке нет ни пищи, ни воды, она плохо оборудована. Почему вы просто не обратились к нам и не сказали, что вам нужно?

Кьюджел замигал и обменялся взглядом с Гарстангом.

— Буду откровенен. Ваша внешность внушила нам такой страх, что мы не решились.

Его слова вызвали большое веселье и удивление в толпе.

Староста сказал:

— Мы все удивлены. Объяснись.

— Хорошо, — ответил Кьюджел. — Могу ли я быть абсолютно откровенным?

— Конечно!

— Некоторые особенности вашей внешности кажутся нам грубыми и варварскими: ваши выступающие клыки, черная грива, окружающая лица, какофония вашей речи — и это еще не все.

Жители деревни недоверчиво рассмеялись.

— Что за ерунда! — восклицали они. — У нас длинные зубы, чтобы мы могли разрывать рыбу — нашу основную пищу. Волосы мы носим так, чтобы защититься от ядовитых насекомых. И так как мы глуховаты, то, очевидно, кричим. А вообще-то мы добрый и мягкий народ.

— Совершенно верно, — сказал староста. — И чтобы продемонстрировать это, завтра мы снабдим продовольствием нашу лучшую лодку и отправим вас с нашими добрыми пожеланиями. А сегодня в вашу честь будет пир!

— Вот истинно святая деревня! — провозгласил Гарстанг. — Вы случайно не приверженцы Гилфига?

— Нет, мы поклоняемся богу-рыбе Иобу, который кажется нам не менее действенным, чем другие. Но идемте в деревню. Надо подготовиться к пиру.

Они поднялись по лестнице, высеченной в скале утеса, и оказались на площадке, освещенной десятками горящих факелов. Староста указал на хижину, более просторную, чем остальные.

— Здесь вы проведете ночь; я буду спать в другом месте.

Гарстанг снова начал хвалить святость и милосердие жителей деревни, на что староста наклонил голову.

— Мы стараемся добиться духовного единства. Его символизирует главное блюдо наших церемониальных пиров. — Он повернулся и крикнул, сложив руки: — Готовьтесь!

На треножнике повесили большой котел, приготовили блок и подъемник, и каждый житель деревни подходил, отрубывал себе палец и бросал в котел.

— Этим простым обычаем, к которому вы, несомненно, присоединитесь, мы демонстрируем наше общее наследие и взаимную доверенность, — объяснил староста. — Давайте встанем в ряд. — Кьюджелу и Гарстангу ничего не оставалось, как тоже отрубить по пальцу и бросить в котел.

Пир продолжался почти всю ночь. Утром жители деревни выполнили свое слово. Наиболее пригодную для морских путешествий лодку загрузили большим запасом продовольствия и воды, включая то, что осталось от ночного пира.

Все собрались на пристани. Кьюджел и Гарстанг высказали свою благодарность, затем Кьюджел поднял парус, а Гарстанг отвязал канат. Ветер наполнил парус, и лодка двинулась по поверхности Сонганского моря. Постепенно берег растаял на расстоянии, и они остались одни. Со всех сторон виден был только черный металлический блеск воды.

Наступил полдень; лодка продолжала двигаться в пустоте: вода внизу, воздух вверху, тишина во всех направлениях. День был долгим и вялым, нереальным, как сно-

видение. За печальным величием сумерек последовала темнота цвета разведенного вина.

Ветер усилился, и всю ночь они двигались на запад. На рассвете ветер стих, парус обвис, и Кьюджел и Гарстанг уснули.

Восемь дней повторялся этот цикл. На утро девятого дня впереди появилась береговая линия. К середине дня через невысокий прибой они направили лодку к берегу.

— Это Олмери? — спросил Гарстанг.

— Я так считаю, — ответил Кьюджел, — но не знаю, какая именно часть. Азеномай может лежать на севере, востоке и юге. Если вон тот лес окружает Восточный Олмери, нам придется пройти через него, а живущие там медведи пользуются ужасной репутацией.

Гарстанг указал вниз по берегу.

— Смотри: еще одна деревня. Если тут такой же народ, что и на том берегу, нам помогут. Идем, расскажем им, что нам нужно.

Кьюджел задержался.

— Может, разумнее разведать сначала?

— Зачем? — спросил Гарстанг. — В прошлый раз это привело только к недоразумению. — Он пошел по берегу к деревне. Когда они приблизились, им стали видны люди на центральной площади: прекрасные золотоволосые люди, голоса которых были подобны музыке.

Гарстанг весело приблизился к ним, ожидая еще более радушного приема, чем на том берегу, но жители деревни подбежали к ним и набросили на них сети.

— Зачем вы это делаете? — спросил Гарстанг. — Мы путники и не причиним вам вреда!

— Вы чужаки, вот и все, — ответил самый высокий из золотоволосых. — Мы поклоняемся неумолимому богу Данготту. Чужаки — это всегда еретики, и их полагается скармливать священным обезьянам. — И с этими словами они потащили Кьюджела и Гарстанга по острым камням берега, а прекрасные дети радостно плясали вокруг.

Кьюджел умудрился достать трубку, взятую у Войонда, и направить на жителей деревни синий концентрат. В ужасе они попадали на землю, и Кьюджел смог выпутать-

ся из сети. Обнажив меч, он освободил Гарстанга, но жители пришли в себя. Кьюджел еще раз применил трубку, и они бежали в страхе.

— Иди, Кьюджел, — заговорил Гарстанг. — Я старик, во мне не осталось сил. Торопись, ищи спасения, желаю тебе добра.

— Обычно я так и поступаю, — признался Кьюджел. — Но эти люди вызвали у меня приступ альтруизма. Выбирайся из сети, пойдем вместе. — Он снова внес в ряды противников замешательство трубкой, а Гарстанг в это время высвободился, и они побежали по берегу.

Жители деревни преследовали их, бросая гарпуны. Первый же гарпун попал в спину Гарстангу. Он упал без звука. Кьюджел повернулся, нацелил трубку, но волшебство истощилось, и появилось только несколько капель прозрачной жидкости. Жители деревни приготовились к второму залпу; Кьюджел выкрикнул проклятие, увернулся, и гарпуны пролетели мимо и вонзились в береговой песок.

Кьюджел в последний раз погрозил кулаком и убежал в лес.

ГЛАВА VIII
ПЕЩЕРА

Кьюджел шел через Старый Лес. Он двигался осторожно, часто останавливался и прислушивался, ожидая услышать треск ветки, звуки шагов или даже шум дыхания. Его осторожность, хотя и замедляла продвижение, была вызвана не теоретическими соображениями и не была излишней: другие существа бродили по лесу, и их стремления противоречили стремлениям Кьюджела. Весь вечер он бежал и наконец убежал от пары деодандов; в другом случае он остановился на самом краю поляны, на которой стоял размышляющий лейкоморф; с тех пор Кьюджел стал еще осторожнее, перебегал от дерева к дереву, осматривался и вслушивался, легкой походкой перебегал открытые пространства, как будто прикосновение к земле жгло ему пятки.

В середине дня он оказался на небольшой влажной поляне, окруженной высокими и мрачными, как монахи в капюшонах, черными деревьями. Несколько косых красных лучей, пробившись на поляну, осветили изогнутое айвовое дерево, на котором висел кусок пергамента. Оставаясь в тени, Кьюджел осмотрел поляну, потом осторожно подошел к дереву. На листке витиеватыми буквами было написано:

"Мудрец Зараидес делает щедрое предложение! Тот, кто найдет и прочтет это послание, может бесплатно получить час консультаций. В ближайшем холме — вход в пещеру; мудрец находится внутри."

Кьюджел удивленно рассматривал пергамент. Большой вопрос повис в воздухе: зачем Зараидесу раздавать свои знания с такой необычной щедростью? Вряд ли можно рассчитывать на истинное бескорыстие: в той или иной форме проявится закон равновесия. Если Зараидес предлагает совет — мысль об абсолютном альтруизме нужно отбросить, — значит он ожидает чего-то в обмен: благодарность и словесную оценку своего благородства, или рассказ о каких-нибудь событиях в отдаленных местностях, или вежливое прослушивание каких-нибудь текстов или од, или какая-нибудь другая служба. Когда Кьюджел перечел послание, его скептицизм еще усилился. Он бы отбросил пергамент, если бы не срочная и настоятельная потребность в информации, особенно в знании наиболее безопасного и быстрого пути к дому Юкуну, а также способа сделать Смеющегося Волшебника беспомощным.

Кьюджел осмотрелся, отыскивая холм, упоминаемый Зараидесом. Напротив, по другую сторону поляны, местность поднималась; подняв голову, Кьюджел заметил искривленные ветви и спутанную листву нескольких даобадов.

С величайшей осторожностью Кьюджел двинулся по лесу и вскоре остановился у скалы, поросшей деревьями и вьющимися растениями. Несомненно, это тот холм, который упоминается в послании.

Кьюджел стоял, держась за подбородок, оскалив зубы в выражении сомнения. Он прислушался: тишина, абсо-

лютная и полная. Держась в тени, он двинулся вокруг холма и вскоре подошел к входу в пещеру — круглому отверстию в скале высотой с человека и шириной в расставленные руки. Над ним висела надпись тем же почерком: ВХОДИТЕ: ВСЕМ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Кьюджел посмотрел туда, сюда. Ни звука, ни движения в лесу. Он сделал вперед несколько осторожных шагов, всмотрелся в пещеру и увидел только темноту.

Кьюджел отступил. Несмотря на искренность надписи, он не чувствовал желания идти туда и, присев на корточки, принялся внимательно разглядывать пещеру.

Прошло пятнадцать минут. Кьюджел переменил положение; и тут справа он увидел человека, приближавшегося не менее осторожно, чем он сам. Вновь прибывший был среднего роста, в грубой крестьянской одежде: серых брюках, рубашке цвета ржавчины и шапке с козырьком. У него оказалось грубое круглое лицо, с коротким носом, маленькими широко расставленными глазами, тяжелым подбородком, заросшим темной щетиной. В его руке был зажат пергамент, подобный тому, что прочитал Кьюджел.

Кьюджел встал. Вновь прибывший остановился, потом подошел.

— Ты Зараидес? Если так, то я Фабельн, травник. Ищу заросли дикого лука. Там дальше моя дочь; она вянет, бродит как во сне и не носит больше корзин, поэтому...

Кьюджел поднял руку.

— Ты ошибаешься; Зараидес находится в пещере.

Фабельн хитро сузил глаза.

— А кто же ты?

— Я Кьюджел; подобно тебе, я ищу знаний.

Фабельн кивнул.

— Ты советовался с Зараидесом? Он достоин доверия? И действительно не берет платы, как говорится в надписи?

— Верно во всех подробностях, — ответил Кьюджел. — Зараидес, по-видимому, всеведущ и испытывает радость, передавая знания. Все мои затруднения разрешены.

Фабельн искоса посмотрел на него.

— А чего же ты тогда ждешь у пещеры?

— Я тоже травник и формулирую новые вопросы, особенно относительно находящихся поблизости богатых зарослей дикого лука.

— Вот как? — воскликнул Фабельн, возбужденно щелкая пальцами. — Формулируй тщательно, а пока ты составляешь фразы, я войду и спрошу о причине апатии моей дочери.

— Как хочешь, — ответил Кьюджел. — Но если подождешь немного, я скоро кончу формулировать свой вопрос.

Фабельн сделал жизнерадостный жест.

— Скоро я выйду из пещеры, потому что я человек быстрый и решительный, вплоть до бесцеремонности.

Кьюджел поклонился.

— В таком случае проходи.

— Я скоро. — И Фабельн скрылся в пещере. — Зараидес? — позвал он. — Где мудрец Зараидес? Я Фабельн; хочу задать несколько вопросов. Зараидес? Будь добр, выходи. — Голос Фабельна звучал глухо. Кьюджел, внимательно прислушиваясь, услышал, как открылась и закрылась дверь, потом наступила тишина. Он приготовился терпеливо ждать.

Проходили минуты... прошел час. Красное солнце передвинулось по небу и скрылось за холмом. Кьюджел начал беспокоиться. Где Фабельн? Он наклонил голову: снова открылась и закрылась дверь? Да, это Фабельн: все в порядке!

Фабельн выглянул из пещеры.

— Где травник Кьюджел? — Он говорил резким хриплым голосом. — Зараидес сидит за накрытым столом и не желает обсуждать местоположение дикого лука, пока ты не присоединишься к нему.

— Банкет? — с интересом спросил Кьюджел. — Неужели так далеко простирается щедрость Зараидеса?

— Да; ты разве не видел украшенный шпалерами зал, резные кубки, серебряную супницу? — Фабельн говорил мрачно, и это удивило Кьюджела. — Но идем: я тороплюсь и не хочу ждать. Если ты уже пообедал, я так и скажу Зараидесу.

— Ни в коем случае, — с достоинством ответил Кьюджел. — Я сгорел бы от стыда, если бы пренебрег приглашением Зараидеса. Иди вперед: я за тобой!

— Тогда пошли. — Фабельн повернулся; Кьюджел прошел за ним и ощутил отвратительный запах. Он остано-

вился. — Мне кажется, я чувствую вонь; она очень неприятно на меня действует.

— Я тоже заметил, — отозвался Фабельн. — Но за дверью никакого запаха нет.

— Поверю на слово, — раздраженно сказал Кьюджел. — Такой запах испортил бы мне аппетит. Где же...

И в этот момент на него обрушился поток маленьких быстрых тел, тощих и испускающих именно такое зловоние. Послышалось множество высоких голосов; дверь открылась; Кьюджела втолкнули в низкую нору. В колеблющемся желтом свете он рассмотрел своих похитителей: ростом ему по пояс, с бледной кожей, заостренной мордой, с ушами на макушке. При ходьбе они слегка наклонялись вперед, и колени у них как будто располагались в противоположном направлении, нежели у настоящих людей; ноги, обутые в сандалии, казались очень хрупкими и тонкими.

Кьюджел удивленно смотрел на них. Поблизости присел Фабельн, глядя на него со смесью злорадства и удовлетворения. Теперь Кьюджел рассмотрел, что на шее Фабельна надето металлическое кольцо, а от него отходит тонкая цепочка. У дальней стены норы сидел старик с длинными седыми волосами, тоже с кольцом и цепочкой. В это время крысиные люди надели такое же кольцо на шею Кьюджелу.

— Подождите! — в ужасе воскликнул Кьюджел. — Что это значит? Я отвергаю такое обращение!

Крысолюди подтолкнули его и убежали. Кьюджел увидел, что от их острых задов отходит длинный чешуйчатый хвост, высовывающийся из черных комбинезонов.

Дверь закрылась, три человека остались одни.

Кьюджел гневно повернулся к Фабельну.

— Ты меня обманул; ты заманил меня в ловушку! Это серьезное преступление!

Фабельн горько рассмеялся.

— Не более серьезное, чем то, что совершил ты, обманывая меня! Меня захватили из-за твоего мошеннического трюка; поэтому я позаботился, чтобы и ты не ушел.

— Это бесчеловечная злоба! — взревел Кьюджел — Я позабочусь, чтобы ты получил то, что заслуживаешь!

— Ба! — отозвался Фабельн. — Не раздражай меня своими жалобами; во всяком случае я заманил тебя в пещеру не из-за одной лишь злобы.

— Нет? У тебя были еще какие-то причины?

— Очень просто: крысолюди умны! Тот, кто завлечет в пещеру двух других, обретает свободу. Ты номер один на моем счету; мне нужно заманить еще одного, и я свободен. Разве я не прав, Зараидес?

— Только в широком смысле, — ответил старик. — Ты не можешь засчитывать этого человека на свой счет; если бы существовала абсолютная справедливость, вы оба были бы на моем счету. Разве не мой пергамент привлек вас к пещере?

— Но не в нее! — заявил Фабельн. — Вот тут-то и разница! Так считают крысолюди, и значит ты не свободен.

— В таком случае, — сказал Кьюджел, — я считаю тебя номером один на своем счету, потому что именно я послал тебя в пещеру для проверки того, что там находится.

Фабельн пожал плечами.

— Этот вопрос ты должен решить с крысолюдьми. — Он нахмурился и замигал маленькими глазками. — А почему я не должен засчитывать тебя на свой счет? Это нужно обсудить.

— Не так, не так! — послышался резкий голос из-за решетки. — Мы засчитываем только тех, кто привлечен после заключения. Фабельна нельзя относить ни на чей счет. У него самого на счету есть один — а именно Кьюджел. У Зараидеса на счету нуль.

Кьюджел потрогал кольцо на шее.

— А что если я не смогу раздобыть двоих?

— Тебе дается месяц, не больше. Если не справишься, тебя сожрут.

Фабельн заговорил трезвым расчетливым голосом.

— Считайте, что я уже свободен. Поблизости ждет моя дочь. У нее страсть к дикому луку, она больше не приносит пользы в моем хозяйстве. С ее помощью я освобожусь. — И Фабельн удовлетворенно кивнул.

— Интересно было бы рассмотреть твои методы, — заметил Кьюджел. — А именно: где точно она находится и как ее позвать.

Выражение лица Фабельна стало хитрым и злым.

— Я тебе ничего не скажу! Если хочешь привлекать людей, сам изобретай способ!

Зараидес указал на стол, где лежали обрывки пергамента.

— Я привязываю привлекательные послания к крылатым семенам, и потом их выпускают в лесу. Таким образом я могу привлечь прохожих к входу в пещеру, но не дальше. Боюсь, что мне осталось прожить только пять дней. Если бы у меня были мои книги, мои фолианты, мои руководства! Какие заклинания, какие заклинания! Я разрыл бы этот муравейник из конца в конец; я превратил бы каждую крысу в язык зеленого пламени. Я наказал бы Фабельна за то, что он меня обманул... Гм... Вращатель? Заклятие вечного чесания Люгвилера?

— Чары Одиночного Заключения имеют свои преимущества, — предложил Кьюджел.

Зараидес кивнул.

— Да, в этом что-то есть... Но это все пустые мечты: у меня отобрали заклинания и унесли в какое-то тайное место.

Фабельн фыркнул и отвернулся. Из-за решетки послышалось резкое предостережение:

— Сожаления и извинения не заменят вашего счета. Соревнуйтесь с Фабельном! У него уже есть один на счету, и он собирается завтра получить второго. А ведь мы захватили его случайно!

— Я его привлек! — возразил Кьюджел. — Разве это честно? Я послал его в пещеру, он должен быть занесен на мой счет!

— Все остается, как прежде! — последовал строгий ответ.

Зараидес развел руками и принялся лихорадочно писать на пергаменте. Фабельн скорчился в углу на стуле и сидел неподвижно. Проползая мимо, Кьюджел пнул ножку стула, и Фабельн упал на пол. Он поднялся и бросился на Кьюджела, который швырнул в него стулом.

— Порядок! — послышался резкий голос. — Порядок, или будете наказаны!

— Кьюджел выбил стул, я из-за него упал, — жаловался Фабельн. — Почему его не наказывают?

— Чистая случайность, — заявил Кьюджел. — По моему мнению, вспыльчивый Фабельн должен содержаться в одиночке в течение двух, а еще лучше трех недель.

Фабельн начал плеваться, но резкий голос из-за решетки потребовал тишины.

Вскоре принесли пищу — грубую похлебку с неприятным запахом. После еды всем приказали проползти в нору на нижнем уровне, там их приковали к стене. Кьюджел спал беспокойным сном и проснулся от голоса из-за двери, обращенного к Фабельну:

— Послание доставлено, оно прочитано с большим вниманием.

— Хорошая новость! — послышался голос Фабельна. — Завтра я выйду в лес свободным человеком!

— Замолчите! — прохрипел в темноте Зараидес. — Неужели целыми днями я должен писать пергаменты, а по ночам слушать ваше подлое злорадство?

— Ха, ха! — насмехался Фабельн. — Слушайте, что говорит бессильный волшебник!

— Увы мне! Где мои книги? — простонал Зараидес. — Ты пел бы тогда по-другому!

— А где можно найти эти книги? — осторожно спросил Кьюджел.

— Спроси этих грязных мюридов: они захватили меня врасплох.

Теперь Фабельн поднял голову и начал жаловаться:

— Вы собираетесь всю ночь обмениваться воспоминаниями? Я хочу спать.

Разъяренный Зараидес начал так яростно бранить Фабельна, что вбежали крысолюди и утащили его куда-то, оставив Фабельна и Кьюджела одних.

Утром Фабельн быстро съел свою похлебку.

— Эй, — крикнул он за решетку, — скорее одевайте мне воротник, чтобы я мог выйти и завершить свой счет. Первый на моем счету Кьюджел.

— Ба! — сказал Кьюджел. — Какой позор!

Крысолюди, не обращая внимания на протесты Фабельна, еще более плотно закрепили на нем ошейник, прикрепили цепь и вытащили его на четвереньках, и Кьюджел остался один.

Он попытался сесть прямо, но прижался шеей к влажной грязи и соскользнул на локтях. "Проклятые крысы! Все равно я обману их! В отличие от Фабельна, у меня нет семьи, чтобы кого-нибудь привлечь... Эффективность пергаментов Зараидеса под вопросом... Но, возможно, кто-нибудь случайно окажется поблизости, как я и Фабельн. — Он повернулся к решетке, за которой сидел остроглазый надсмотрщик.

— Чтобы привлечь двух необходимых людей на свой счет, я должен ждать снаружи пещеры.

— Это позволено, — провозгласил надзиратель. — Конечно, должен быть тщательный присмотр.

— Это понятно, — согласился Кьюджел. — Но я прошу, чтобы ошейник и цепь с меня сняли. При столь очевидном принуждении даже самые доверчивые уйдут.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — согласился надзиратель. — Но что в таком случае помешает тебе убежать?

Кьюджел принужденно рассмеялся.

— Разве я похож на обманщика? И к чему мне это делать, если я легко пополню свой счет?

— Мы примем меры предосторожности. — Через мгновение в норе появилось множество крысолюдей. Ошейник с Кьюджела сняли, но икру правой ноги проткнули серебряной спицей; Кьюджел закричал от боли, тем временем к спице прикрепили цепь.

— Теперь цепь незаметна, — заявил один из его похитителей. — Можешь стоять перед пещерой и привлекать проходящих.

Продолжая стонать от боли, Кьюджел выполз из норы в пещере; у входа в пещеру сидел Фабельн, с цепью на шее, ожидая появления дочери.

— Куда ты идешь? — подозрительно спросил он.

— Буду ходить перед пещерой и привлекать к ней прохожих.

Фабельн скорчил кислую гримасу и стал всматриваться в деревья.

Кьюджел остановился у входа в пещеру. Он посмотрел во все стороны, потом крикнул:

— Есть ли кто поблизости?

Ответа он не получил и стал расхаживать взад и вперед. Цепь позванивала при его шагах.

Движение среди деревьев, всплеск желтой и зеленой ткани, и появилась дочь Фабельна, неся корзину и топор. Увидев Кьюджела, она остановилась, потом неуверенно подошла.

— Я ищу Фабельна, который попросил принести кое-какие вещи.

— Я возьму их, — сказал Кьюджел и протянул руку к топору, но крысолюди были начеку и утащили его за цепь к пещере. — Она должна положить топор на ту скалу, — просвистели ему в ухо. — Иди скажи ей об этом.

Кьюджел снова захромал вперед. Девушка удивленно смотрела на него.

— Почему ты так поскакал назад?

— Я тебе расскажу, и это действительно странная история, — ответил Кьюджел, — но сначала ты должна положить топор и корзину вон на ту скалу; туда вскоре подойдет Фабельн.

Из пещеры послышался приглушенный гневный протест, быстро стихший.

— Что это за звук? — спросила девушка.

— Сделай, как я прошу, и все будешь знать.

Удивленная девушка отнесла топор и корзину в указанное место, потом вернулась.

— Ну, где же Фабельн?

— Фабельн умер, — сказал Кьюджел. — Его телом овладел злой дух; остерегайся его: это мое предупреждение.

При этих словах Фабельн испустил громкий вопль и крикнул из пещеры:

— Он лжет, он лжет! Иди сюда, в пещеру!

Кьюджел поднял руку.

— Ни в коем случае. Будь осторожна!

Девушка в удивлении и страхе посмотрела в сторону пещеры, там теперь появился Фабельн, он яростно жестикулировал. Девушка отступила назад.

— Иди, иди! — кричал Фабельн. — Войди в пещеру!

Девушка покачала головой, и Фабельн яростно дернул цепь. Крысолюди утащили его назад в тень, но он так отчаянно сопротивлялся, что они вынуждены были убить его и утащить тело в нору.

Кьюджел внимательно слушал, потом кивнул головой и сказал девушке:

— Теперь все в порядке. Фабельн оставил мне некоторые ценности; в пещере я их тебе передам.

Девушка удивленно покачала головой.

— У Фабельна не было никаких ценностей.

— Будь добра, осмотри сама. — Кьюджел вежливо подталкивал ее к пещере. Она пошла вперед, всмотрелась внутрь, и тут же крысолюди схватили ее и утащили в нору.

— Один на моем счете, — сказал Кьюджел. — Не забудьте записать!

— Счет зарегистрирован, — послышался изнутри голос. — Еще один, и ты свободен.

Остаток дня Кьюджел ходил взад и вперед перед пещерой, посматривал во все стороны, но никого не увидел. Вечером его втащили в пещеру и приковали в той же норе, в которой он провел предыдущую ночь. Теперь там находилась дочь Фабельна. Обнаженная, в синяках, с пустыми глазами, она в упор смотрела на него. Кьюджел попытался поговорить с ней, но она, казалось, утратила дар речи.

Принесли вечернюю похлебку. За едой Кьюджел тайком поглядывал на девушку. Грязная и избитая, она тем не менее оставалась хорошенькой. Кьюджел придвинулся ближе, но вонь от крысолюдей стояла такая сильная, что подавила его желание, и он отполз назад.

Ночью в норе слышались приглушенные звуки: кто-то царапался, скребся, урчал. Кьюджел, проснувшись, приподнялся на локте и увидел, как часть пола скользнула в сторону, блеснул тусклый желтый свет и упал на девушку. Кьюджел крикнул; в нору ворвались крысолюди с трезубцами, но было поздно: девушку украли.

Крысолюди страшно рассердились. Они подняли камень, кричали в дыру проклятия и оскорбления. Появились другие, с корзинами грязи; эту грязь с руганью стали лить в дыру. Один обиженно объяснил ситуацию Кьюджелу:

— Там живут другие существа; они все время нас обманывают. Но мы отомстим: наше терпение не безгранично! Сегодня ночью будешь спать в другом месте, чтобы больше не было вылазок. — Он ослабил цепь на Кьюдже-

ле, но тут его отозвали помогать цементировать отверстие в полу.

Кьюджел осторожно подошел к выходу и, когда внимание всех было отвлечено, незаметно выскользнул в коридор. Подхватив цепь, он пополз в том направлении, где, как ему казалось, находится выход, но встретил множество боковых туннелей и вскоре заблудился. Туннель повел вниз и сузился, так что плечами Кьюджел задевал за стены; потом уменьшилась и высота туннеля, и Кьюджел вынужден был протискиваться ползком, подтягиваясь на локтях.

Его отсутствие обнаружили, сзади послышались гневные крики, крысолюди забегали туда и сюда.

Проход резко повернул под таким углом, что Кьюджел не смог протиснуться. Дергаясь и извиваясь, он принял новую позу, но обнаружил, что вообще не может двигаться. Он выдохнул, закрыл глаза и начал извиваться, пока наконец не протиснулся в более широкий туннель. В нише он обнаружил фонарь и прихватил его с собой.

Крысолюди приближались, выкрикивая приказания. Кьюджел прополз в боковой туннель, который кончился кладовой. Первое, что он увидел, были его меч и сумка.

В кладовую ворвались крысолюди с трезубцами. Кьюджел рубил и колол мечом и вытеснил их в коридор. Там они собрались, бегали взад и вперед, выкрикивали угрозы. Иногда один из них показывался, оскалив зубы и размахивая трезубцем, но после того как Кьюджел убил двоих, они отошли и стали негромко совещаться.

Кьюджел воспользовался возможностью, чтобы нагромоздить у входа тяжелые ящики, потом немного передохнул.

Крысолюди приблизились, навалились. Кьюджел ткнул в щель мечом, послышался крик боли.

Заговорил один:

— Кьюджел, выходи! Мы добрый народ и не таим зла. У тебя на счету один человек, вскоре ты, несомненно, получишь второго и освободишься. К чему причинять неудобства нам всем? Нет причины, почему бы нам со временем не подружиться. Выходи, и мы дадим тебе мясо вместо утренней похлебки.

Кьюджел вежливо ответил:

— В данный момент я слишком смущен, чтобы думать основательно. Я правильно услышал, что вы хотите меня выпустить без всяких условий?

В коридоре послышался шепот, потом ответ:

— Действительно, мы так сказали. Ты объявляешься свободным и можешь уйти, когда захочешь. Открой вход, выбрось меч и выходи!

— А какие гарантии я получу? — спросил Кьюджел, внимательно прислушиваясь.

Снова послышался шепот, потом ответ:

— Никакие гарантии не нужны, мы сейчас уходим. Выходи и иди по коридору на свободу.

Кьюджел не ответил. Высоко подняв фонарь, он начал осматривать кладовую, в которой находилось множество одежды, оружия и инструментов. В корзине, которую он придвинул к входу, он увидел переплетенный в кожу том. На переплете было напечатано: "ВОЛШЕБНИК ЗАРАИДЕС. Его рабочая книга. Берегись!"

Снова послышались вежливые голоса крысолюдей:

— Кьюджел, дорогой Кьюджел, почему ты не выходишь?

— Отдыхаю, собираюсь с силами, — сказал Кьюджел. Он взял книгу, перелистал страницы, нашел содержание.

— Выходи, Кьюджел! — послышался более строгий приказ. — Мы сейчас пустим в кладовую, где ты так упрямо закрылся, ядовитый газ. Выходи, или тебе будет хуже!

— Терпение! — отозвался Кьюджел. — Позвольте мне собраться с мыслями!

— Пока ты собираешься с мыслями, мы готовим котел с кислотой. Туда мы поместим твою голову.

— Сейчас, сейчас! — воскликнул Кьюджел, погруженный в чтение. Послышался скрип, и в помещение просунули трубу.

Кьюджел ухватился за нее и согнул трубу так, что она снова высунулась в коридор.

— Говори, Кьюджел! — послышался зловещий приказ. — Выйдешь, или мы посылаем к тебе ядовитый газ?

— Вы не сможете это сделать, — ответил Кьюджел. — Я отказываюсь выходить.

— Посмотришь! Пускайте газ!

В трубе засвистело; из коридора послышались отчаянные крики. Свист прекратился.

Кьюджел, не найдя в рабочей книге нужного, взял другой том. На нем было написано: ВОЛШЕБНИК ЗАРАЙДЕС. Его Компендиум заклинаний. Берегись!

Кьюджел открыл и стал читать; нашел подходящее заклинание и поднес книгу к фонарю, чтобы лучше видеть знаки. Четыре строчки, всего тридцать один слог. Кьюджел впихивал их в мозг, где они ложились, как камни.

Звук сзади? Через другой вход в помещение входили крысолюди, оскалив зубы, опустив уши, они ползли вперед, размахивая трезубцами.

Кьюджел погрозил им мечом и начал произносить заклинание, известное как "Шиворот-Навыворот". Крысиный народ в ужасе смотрел на него. Послышался громкий резкий звук: коридоры выворачивались наизнанку, выбрасывая свое содержимое в лес. С писком носились крысолюди, и среди них какие-то другие белые существа, которых Кьюджел при свете звезд не смог узнать. Крысолюди и белые существа яростно схватились и начали драться, лес заполнился писком и воем, резкими криками и болезненными воплями.

Кьюджел незаметно отошел и затаился в зарослях черники.

Когда рассвело, он вернулся на холм, надеясь отыскать компендиум и рабочую книгу Зараидеса. Все было засыпано мусором, повсюду лежали маленькие тела, но того, что он искал, Кьюджел не нашел. С сожалением он отвернулся и вскоре среди папоротников увидел дочь Фабельна. Когда он появился, она закричала. Кьюджел поджал губы и неодобрительно покачал головой. Он провел ее к ближайшему ручью и попытался вымыть, но при первой же возможности она вырвалась и спряталась под скалой.

ГЛАВА IX
ЗАМОК ЮКУНУ

Заклинание, известное как Шиворот-Навыворот, уходит своими корнями в глубокое прошлое, о его происхождении ничего не известно. Некий Гонитель Облаков из двадцать первой эпохи истолковал древнейшую версию;

полулегендарный Базиль Черная Сеть усовершенствовал его структуру; этот процесс был продолжен Вероníфером Ласковым, который добавил усиливающий резонанс. Архимаг Глер перечислил четырнадцать его вариантов, а Фандаал поместил его в списке А — "Совершенные" — своего монументального каталога. В таком виде оно и оказалось в книге мудреца Зараидеса; Кьюджел, заключенный под землей, нашел его и произнес.

Теперь, рассматривая обломки, явившиеся следствием применения заклинания, Кьюджел обнаруживал множество самых разнообразных предметов: одежду новую и старую; камзолы, плащи и куртки; древние одеяния; брюки в стиле Каучика или снабженные кисточками по экстравагантной моде Андромахи. Встречались туфли, сапоги, шляпы самых различных форм и размеров: плюмажи, султаны, эмблемы, значки; старые инструменты и разбитое оружие; браслеты и цепочки; потемневшая филигрань, треснувшие камеи; украшения, которые Кьюджел не смог высвободить и которые, вероятно, задержали его и не дали найти то, что он искал, а именно: рабочие книги Зараидеса, которые оказались разбросаны вместе с остальным.

Кьюджел искал долго. Он нашел серебряные чаши, ложки слоновой кости, фарфоровые вазы, отшлифованные кости и сверкающие зубы множества разновидностей: они блестели, как жемчуга, среди листьев, но нигде не мог найти тома и фолианты, которые помогли бы ему одолеть Смеющегося Волшебника Юкуну. А Фиркс, созданное Юкуну средство принуждения, вонзил свои колючие конечности в печень Кьюджела. Кьюджел воскликнул:

— Я ищу самый короткий путь в Азеномай: скоро ты воссоединишься со своей подругой в чане Юкуну! Успокойся; неужели ты так торопишься? — И Фиркс угрюмо ослабил свое давление.

Кьюджел безутешно бродил взад и вперед, заглядывая между ветвей и под корни, вглядываясь в проходы между деревьями, пиная папоротник и мох. И вдруг у пня увидел то, что искал: груду книг, собранных в аккуратную стопку. На пне сидел Зараидес.

Кьюджел шагнул вперед, разочарованно поджав губы. Зараидес безмятежно разглядывал его.

— Похоже, ты что-то ищешь. Потеря не очень серьезна?

Кьюджел коротко кивнул.

— Потерялось несколько безделушек. Пусть гниют среди листвы.

— Ни в коем случае! — заявил Зараидес. — Опиши потерю, я пошлю разыскивающую вибрацию. Через несколько мгновений пропажа отыщется!

— Не стану утруждать тебя таким мелким делом. Обдумаем другие вопросы. — Он указал на стопку, на которую Зараидес теперь поставил ногу. — К счастью, твоя собственность в безопасности.

Зараидес довольно кивнул.

— Теперь все хорошо. Я обеспокоен только нарушением равновесия в наших отношениях. — Кьюджел отступил, но Зараидес поднял руку. — Тебе не о чем беспокоиться; наоборот. Твои действия предотвратили мою смерть; Закон Равновесия нарушен, и я должен проявить взаимность. — Он расчесал пальцами бороду. — Вознаграждение, к несчастью, будет чисто символическим. Я мог бы исполнить все твои желания и все равно не сдвинуть чашу весов против того, что ты, пусть несознательно, сделал для меня.

Кьюджел подбодрился, но Фиркс снова проявил нетерпение и произвел новую демонстрацию. Схватившись за живот, Кьюджел воскликнул:

— Прежде всего, будь добр, извлеки существо, которое проело мне все печенки, некоего Фиркса.

Зараидес поднял брови:

— Что это за существо?

— Отвратительное создание с далекой звезды. Напоминает спутанный клубок из булавок, колючек, крючьев и когтей.

— Ну, это дело нетрудное, — ответил Зараидес. — Эти существа поддаются примитивным методам искоренения. Пойдем: мое жилище близко.

Зараидес встал с пня, собрал свои книги и бросил их в воздух: они быстро поднялись над вершинами деревьев и исчезли. Кьюджел печально смотрел им вслед.

— Удивляешься? — спросил Зараидес. — Это пустяк: простейшая процедура и предосторожность против воров и

мошенников. Пойдем: надо изгнать существо, которое причиняет тебе беспокойство.

Он пошел между деревьями. Кьюджел шел за ним, но теперь Фиркс, с опозданием осознав угрозу, начал психовать. Кьюджел, согнувшись вдвое, вынужден был бежать за Зараидесом, который шел, не оглядываясь.

Дом Зараидеса размещался под ветвями огромного дабада. К простым воротам вела лестница через разросшийся куст. Кьюджел поднялся по ступенькам сквозь куст и оказался в большой квадратной комнате. Мебель была одновременно простой и роскошной. Окна во всех направлениях выходили в лес; толстый ковер желтого, черного и зеленого цвета устилал пол.

Зараидес поманил Кьюджела в свою мастерскую.

— Мы сейчас же устраним твое неудобство, — сказал он.

Кьюджел побрел за ним и по жесту волшебника сел на стеклянный пьедестал.

Зараидес извлек экран из цинковых полосок и прижал его к спине Кьюджела.

— Это сообщит Фирксу, что им занялся опытный волшебник: существа такого рода совершенно не выносят цинк. Теперь очень простой состав: сера, аквастель, раствор зайха; некоторые травы: бурнада, хилп, кассея; впрочем, последняя не обязательна. Пей... Фиркс, выходи! Вон, ты, внеземной паразит! Изыди! Или я осыплю все внутренности Кьюджела серой и проткну его цинковыми стержнями! Выходи! Что? Я должен прижечь тебя аквастелем? Выходи; возвращайся на Ахернар как можно быстрее!

Фиркс с гневом разжал свои когти и выбрался из живота Кьюджела — клубок белых нервов и щупалец, каждое с крючком или когтем. Зараидес поймал существо в цинковый сосуд, который накрыл цинковой сетью.

Кьюджел, потерявший сознание, пришел в себя и увидел, что Зараидес вежливо ждет, пока он очнется.

— Тебе повезло, — сказал ему Зараидес. — Средство было применено в самый последний момент. Преступные инкубы стараются просунуть свои щупальца по всему телу, пока не захватывают мозг; тогда ты и Фиркс превратились бы в одно целое. Как в тебя попало это существо?

Кьюджел скорчил гримасу отвращения.

— Это дело рук Юкуну, Смеющегося Волшебника. Ты его знаешь? — Брови Зараидеса взлетели высоко.

— Главным образом, по его репутации смешливого и причудливого волшебника, — ответил мудрец.

— Он шут гороховый! — воскликнул Кьюджел. — За воображаемую обиду он забросил меня на север , где солнце висит низко и светит не ярче лампы. Юкуну повеселился, но теперь я буду шутить! Ты объявил, что благодарен мне; теперь, прежде чем приступить к моим главным желаниям, мы выработаем подходящую месть Юкуну.

Зараидес задумчиво кивнул и пробежал пальцами по бороде.

— Я дам тебе совет. Юкуну тщеславный и чувствительный человек. Наиболее уязвимое его место — самомнение. Повернись к нему спиной, не старайся с ним встретиться! Такое презрение причинит ему гораздо большую боль, чем все, что ты сможешь придумать.

Кьюджел нахмурился.

— Такая месть кажется мне слишком абстрактной. Если ты призовешь демона, я дам ему указания относительно Юкуну. Дело тогда будет кончено, и мы сможем обсудить другие дела.

Зараидес покачал головой.

— Все не так просто. Юкуну очень изобретателен, его нелегко застать врасплох. Он сразу узнает, кто осуществил нападение, и наши довольно сердечные взаимоотношения тут же кончатся.

— Ба! — фыркнул Кьюджел. — Мудрец Зараидес боится показать себя справедливым мстителем? Неужели он робко мигнет и отойдет подальше от такого слабого и нерешительного колдуна, как Юкуну?

— В общем... да, — сказал Зараидес. — В любое мгновение солнце может погаснуть; мне бы не хотелось последние часы провести, обмениваясь шутками с Юкуну: его юмор гораздо изобретательнее моего. Так что внимание. Через минуту я должен буду заняться очень важными делами. Как последний знак благодарности, я перемещу тебя туда, куда ты захочешь. Куда тебе нужно?

— Если это все, что ты можешь, доставь меня в Азеномай, на слиянии Кзана и Скаума!

— Как хочешь. Будь добр встань на этот помост. Сложи руки вот так... Глубоко вдохни и во время перелета не выдыхай и не вдыхай... Ты готов?

Кьюджел подчинился. Зараидес отошел и произнес заклинание. Кьюджела подхватило и понесло вверх. Через мгновение его ноги коснулись земли, и он обнаружил, что стоит на главном перекрестке Азеномая.

Он перевел дыхание.

— После всех испытаний, после всех злоключений я снова в Азеномае! — И, качая в удивлении головой, осмотрелся. Древние здания, террасы, выходящие на реку, рынок: все как прежде. Неподалеку лавка Файностера. Повернувшись спиной, чтобы его не узнали, он пошел прочь.

"Что теперь? — думал он. — Во-первых, новая одежда, потом удобства гостиницы, где я могу обдумать всесторонне свое положение. Если хочешь посмеяться над Юкуну, за это дело нужно браться с большой осторожностью".

Два часа спустя, умывшись, постригшись, отдохнув, в новой черно-зелено-красной одежде, Кьюджел сидел в общем зале гостиницы "Речная" перед тарелкой пряных сосисок и бутылкой зеленого вина.

— Дело представляется крайне деликатным, — рассуждал он. — Действовать нужно с величайшей осторожностью.

Он налил вина и съел несколько сосисок. Потом раскрыл сумку и достал небольшой предмет, тщательно завернутый в мягкую ткань, — фиолетовую линзу, которую Юкуну хотел получить в пару к той, что была у него в коллекции. Он поднес было линзу к глазам, но остановился: все окружающее он увидит в такой великолепной иллюзии, что не захочет отнимать линзу от глаз. И тут, когда он глядел на полушарие, в его мозгу возник план, такой изобретательный, такой теоретически эффективный и, в то же время, связанный с такой малой опасностью, что он немедленно отказался от поисков лучшего.

В сущности план был очень прост. Он явится к Юкуну и даст ему волшебную линзу, точнее, линзу такой же внешности. Юкуну будет сравнивать ее с той, что у него уже есть, чтобы проверить ее эффективность, и неизбежно посмотрит одновременно через обе. Несоответствие между реальным и иллюзорным поразит его мозг и сделает бес-

помощным, и Кьюджел примет любые меры, какие сочтет безопасными.

Есть ли недостатки в его плане? Кьюджел их не видел. Если Юкуну обнаружит подмену, Кьюджелу придется извиниться, отдать подлинную линзу и тем усыпить подозрения Юкуну. В целом же вероятность успеха казалась очень большой.

Кьюджел неторопливо прикончил сосиски, заказал вторую бутылку вина и с удовольствием принялся смотреть на Кзан. Торопиться некуда: когда имеешь дело с Юкуну, импульсивность — серьезнейшая ошибка, как он уже сумел узнать.

На следующий день, так и не обнаружив недостатков в своем плане, он навестил стеклодува, чья мастерская располагалась на берегу Скаума в миле к востоку от Азеномая, в роще пушистых желтых билибобов.

Стеклодув осмотрел линзу.

— Точный дубликат, той же формы и цвета? Нелегкая задача, тут очень редкий и богатый оттенок фиолетового цвета. Такой цвет трудно придать стеклу; нет специальной краски; все придется делать путем проб и догадок. Но... я все же приготовлю расплав. Посмотрим, посмотрим.

После нескольких попыток он получил стекло нужного оттенка, из которого изготовил линзу, внешне неотличимую от подлинной.

— Великолепно! — заявил Кьюджел. — Теперь — какова цена?

— Такую линзу из фиолетового стекла я оцениваю в сто терций, — спокойно ответил стеклодув.

— Что? — в гневе воскликнул Кьюджел. — Я похож на легковерного? Цена чрезмерна.

Стеклодув убирал свои инструменты, трубки и сосуды, не обращая внимания на негодование Кьюджела.

— Во вселенной не существует подлинного постоянства. Все меняется, течет, пульсирует, увеличивается и уменьшается; все подвержено изменчивости. Моя цена имманентна космосу, она подчиняется тем же законом и определяется необходимостью клиента.

Кьюджел в неудовольствии отошел, а стекольщик протянул руку и взял обе линзы. Кьюджел воскликнул:

— Что ты собираешься делать?

— Стекло верну в тигель, что еще?

— А что с линзой, которая принадлежит мне?

— Я сохраню ее на память о нашей беседе.

— Подожди! — Кьюджел перевел дыхание. — Я заплачу тебе эту невероятную цену, если новая линза так же прозрачна и совершенна, как старая.

Стеклодув осмотрел сначала одну, потом другую.

— На мой взгляд, они одинаковы.

— А как же фокус? — спросил Кьюджел. — Поднеси обе к глазам, посмотри через обе и сравни!

Стеклодув поднес обе линзы к глазам. Одна позволила ему взглянуть на Верхний мир, вторая показала реальность. Пораженный контрастом, стеклодув покачнулся и упал бы, если бы Кьюджел, опасаясь за линзы, не поддержал его и не посадил на скамью.

Взяв линзы, Кьюджел бросил на рабочий стол три терции.

— Все изменяется, и вот твои сто терций превратились в три.

Стеклодув, слишком потрясенный, чтобы ответить, что-то пробормотал и попытался поднять руку, но Кьюджел уже вышел из мастерской.

Он вернулся в гостиницу. Переоделся в старую одежду, выпачканную и порванную в долгом пути, и пошел по берегу Кзана.

По дороге он репетировал предстоящий разговор, стараясь предусмотреть все возможности. Впереди солнце блестело сквозь стеклянные спиральные башни — замок Юкуну!

Кьюджел остановился, рассматривая это эксцентрическое сооружение. Сколько раз за время своего путешествия представлял он себе, как будет стоять здесь, и до Юкуну, Смеющегося Волшебника, рукой подать!

Он поднимался по извилистой дорожке, выложенной темно-коричневой плиткой, и каждый шаг усиливал нервное напряжение. Подошел к передней двери и увидел то, что не заметил в первый раз: вырезанное в древнем дереве изображение, аскетическое лицо с худыми щеками, в глазах выражение ужаса, рот широко раскрыт в крике отчаяния.

Уже подняв руку, чтобы постучать, Кьюджел почувствовал, как душу его охватывает холод. Он отступил от

резного лица и посмотрел в ту сторону, куда был устремлен его взгляд, — через Кзан, на туманные голые холмы, которые вздымались далеко, насколько хватал глаз. Он снова вспомнил план операции. Есть ли недостатки? Опасность для него самого? Нет. Если Юкуну обнаружит подмену, Кьюджел извинится, скажет, что ошибся, и отдаст подлинную линзу. Достичь можно очень многого, а риск так мал! Кьюджел снова повернулся к двери и постучал в тяжелую панель.

Прошли минуты. Дверь медленно раскрылась. Навстречу ударил поток холодного воздуха, несущий с собой острый запах, незнакомый Кьюджелу. Солнечный свет через его плечо ворвался в дверь и упал на каменный пол. Кьюджел неуверенно всмотрелся в вестибюль, не желая входить без ясно выраженного приглашения.

— Юкуну! — позвал он. — Покажись, чтобы я мог войти в твой дом! Я не хочу больше несправедливых обвинений!

Что-то шевельнулось, послышался звук медленных шагов. Из боковой комнаты вышел Юкуну, и Кьюджелу показалось, что он заметил перемены в его наружности. Большая мягкая желтая голова казалась расслабленной, щеки обвисли, нос свисал, как сталактит, подбородок казался всего лишь прыщом под большим дергающимся ртом.

На Юкуну была квадратная коричневая шляпа, каждый угол которой приподнят, блуза из темно-коричневой узорчатой ткани, свободные брюки из тяжелой, тоже коричневой ткани с черной вышивкой — прекрасный костюм, который на Юкуну сидел очень неловко; казалось, этот костюм чужой, и ему в нем неудобно. Юкуну приветствовал Кьюджела очень странно:

— Ну, приятель, что тебе нужно? Ты никогда не научишься ходить по потолку, стоя на руках. — И Юкуну прикрыл рот рукой, чтобы спрятать смех.

Кьюджел в удивлении и сомнении поднял брови.

— Моя цель не в этом. Я пришел с очень важным делом — сообщить, что поручение, по которому я был послан, успешно выполнено.

— Прекрасно! — воскликнул Юкуну. — Значит ты можешь передать мне ключи от хлебного ящика.

— От хлебного ящика? — Кьюджел смотрел удивленно. Юкуну сошел с ума? — Я Кьюджел, которого ты отправил с поручением на север. Я вернулся с волшебной линзой, позволяющей смотреть на Верхний мир.

— Конечно, конечно! — воскликнул Юкуну. — Брзмсззст. Боюсь, что от множества дел я слегка запутался: все меняется. Но теперь я тебя приветствую, Кьюджел, конечно! Все ясно. Ты ушел, ты вернулся! Как поживает друг Фиркс? Хорошо, я надеюсь? Мне не хватало его общества. Прекрасный парень, этот Фиркс!

Кьюджел согласился без особого жара.

— Да, Фиркс оказался хорошим спутником и непрестанным источником развлечений.

— Прекрасно! Входи! Сейчас принесу выпить. Ты что предпочитаешь: сз-мзсм или сзк-зсм?

Кьюджел искоса посмотрел на Юкуну.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, и потому вынужден с благодарностью отказаться. Но посмотри! Волшебная фиолетовая линза! — И Кьюджел продемонстрировал поделку, изготовленную несколько часов назад.

— Прекрасно! — заявил Юкуну. — Ты хорошо потрудился, и твой проступок — теперь я все вспомнил, он затерялся среди множества происшествий — отныне объявляется прощенным. Но дай мне линзу. Я должен испытать ее!

— Конечно, — сказал Кьюджел. — Я почтительно советую: чтобы полностью воспринять великолепие Верхнего мира, принеси твою линзу и посмотри через обе одновременно. Это единственный подходящий метод.

— Верно, совершенно верно! Моя линза; где же этот упрямый мошенник ее спрятал?

— Упрямый мошенник? — переспросил Кьюджел. — Кто-то рылся в твоих ценностях?

— В некотором смысле. — Юкуну дико рассмеялся, подпрыгнул, расставив ноги в стороны, и тяжело упал на пол, откуда обратился к изумленному Кьюджелу:

— Теперь это все равно, и не имеет никакого значения, так как должно перейти в схему мнз. Да. Я лучше проконсультируюсь с Фирксом.

— В прошлый раз, — терпеливо сказал Кьюджел, — линза находилась в шкафу, вон в той комнате.

— Молчать! — неожиданно раздраженно заявил Юкуну. Он встал. — Сзсз! Я прекрасно знаю, где хранится линза. Все под контролем. Следуй за мной! Мы немедленно познакомимся с сущностью Верхнего мира! — Он опять дико рассмеялся; Кьюджел изумленно смотрел на него.

Юкуну протопал в соседнее помещение и вернулся со шкатулкой, в которой находилась волшебная линза. Он сделал повелительный жест.

— Стой на месте. Не шевелись, если тебе дорог Фиркс!

Кьюджел покорно поклонился. Юкуну достал свою линзу.

— Теперь — новую!

Кьюджел протянул стеклянное полушарие.

— К глазам, обе одновременно, чтобы ты мог насладиться Верхним миром полностью!

— Да! Так оно и будет! — Юкуну поднял обе линзы и поднес к глазам. Кьюджел, ожидая, что он упадет, парализованный несоответствием, потянулся к веревке, которую принес, чтобы связать неосторожного волшебника; но Юкуну не проявлял ни следа беспомощности. Он всматривался так и этак, приговаривая при этом: "Великолепно! Превосходно! Необыкновенно прекрасный вид!" Он отнял линзы от глаз и осторожно поместил их в шкатулку. Кьюджел мрачно смотрел на него.

— Я очень доволен, — сказал Юкуну, сделав при этом волнообразный жест руками, что еще больше удивило Кьюджела. — Да, — продолжал Юкуну, — ты хорошо поработал, и потому твой злой поступок забыт. Осталось только вернуть несравненного Фиркса; для этого я должен тебя самого поместить в чан. Ты погрузишься в соответствующую жидкость примерно на двадцать шесть часов, этого хватит, чтобы привлечь Фиркса наружу.

Лицо Кьюджела вытянулось. Как спорить с волшебником, не только странным и смешным, но и ограбленным? — Такое погружение может вредно на мне отразиться, — осторожно заметил он. — Не лучше ли предоставить Фиркску возможность дальнейших прогулок?

Юкуну, казалось, это предложение понравилось; свое удовольствие он выразил при помощи чрезвычайно сложной джиги, которую исполнил весьма живо, несмотря на короткие руки и ноги и тучное тело. Демонстрацию он за-

ключил высоким прыжком, приземлившись на шею и плечи; руки и ноги у него при этом дергались, как у перевернутого жука. Кьюджел пораженно смотрел, гадая, не умер ли Юкуну.

Но Юкуну, помигав, снова встал.

— Надо больше упражняться, — сказал он. — Иначе можно удариться. Здесь все по-другому, чем в ссз-пятз.

Он снова захохотал, откинув назад голову, и, заглянув ему в рот, Кьюджел увидел не язык, а белый коготь. И тут же понял причину странного поведения Юкуну. Каким-то образом существо, подобное Фирксу, проникло в тело Юкуну и овладело его мозгом.

Кьюджел заинтересованно потер подбородок. Удивительная ситуация! Он напряженно думал, Важно знать, владеет ли это существо волшебством Юкуну. Кьюджел сказал:

— Твоя мудрость поражает меня! Я полон восхищения! Есть ли у тебя пополнение коллекции волшебных вещей?

— Нет. У меня уже есть все необходимое, — ответило существо через Юкуну. — Но теперь мне нужно отдохнуть. После того, что я только что проделал, необходимо спокойствие.

— Дело простое, — сказал Кьюджел. — Для этого наиболее эффективный способ — применение Закона Прямой Воли.

— Правда? — спросило существо. — Попробуем. Посмотрим. Закон Антитезиса здесь... Свертывание Сублиминальной Конфигурации... Сззм. Здесь меня многое удивляет. На Ахернаре все по-другому. — Существо бросило на Кьюджела пристальный взгляд: заметил ли он оговорку? Но у Кьюджела был вид скучающего и апатичного человека; существо продолжало рыться в уголках мозга Юкуну. Ага, вот Закон Прямой Воли. Ну, что ж, неожиданное сильное давление.

Лицо Юкуну напряглось, потом мышцы расслабились, и тучное тело рухнуло на пол. Кьюджел прыгнул вперед, мгновенно связал руки и ноги Юкуну веревкой и заклеил рот липкой лентой.

После этого Кьюджел, в свою очередь, несколько раз весело подпрыгнул. Все прекрасно! Юкуну, его дом, его огромная коллекция волшебных предметов — все в его рас-

поражении! Кьюджел посмотрел на неподвижное тело, собираясь вытащить его за ноги наружу и там отрубить большую желтую голову, но воспоминание о многочисленных унижениях, неудобствах и испытаниях, которые он испытал из-за Юкуну, заставило его остановиться. Неужели Юкуну так быстро получит забвение, ничего не испытав, не зная угрызений совести? Ни в коем случае!

Кьюджел втащил неподвижное тело в зал и присел поблизости на скамье, чтобы подумать.

Вскоре тело зашевелилось, раскрыло глаза, сделало попытку встать, обнаружило, что это невозможно, и стало рассматривать Кьюджела вначале удивленно, потом гневно. Изо рта доносились неразборчивые звуки, на которые Кьюджел ответил уклончивым жестом.

Вскоре он встал, осмотрел веревки на руках и ногах Юкуну, пластырь на рту, сделал все вдвое прочнее, и начал осторожно обследовать дом, все время ожидая ловушек, препятствий и потайных люков, которые изобретательный Юкуну мог установить, чтобы перехитрить и обмануть воров. Особенно он был бдителен при осмотре мастерской Юкуну, тыкая всюду длинным шестом, но если Юкуну и установил ловушки, Кьюджел их не обнаружил.

Рассматривая полки в мастерской, Кьюджел нашел серу, аквастель, раствор зайха и травы, из которых приготовил вязкий желтый эликсир. Втащил вялое тело в мастерскую, влил средство, начал выкрикивать приказания, и наконец — Юкуну еще более пожелтел от серы, из его ушей показались пары аквастеля. Кьюджел тяжело дышал и вспотел от усилий — наконец существо с Ахернара выползло из тела. Кьюджел поймал его в большую каменную ступу, истолок железным пестом, растворил в спирте и купоросе, добавил ароматических веществ и вылил получившуюся слизь в канализацию.

Юкуну, пришедший в себя, смотрел на Кьюджела беспокойно напряженным взглядом. Кьюджел применил пары раптогена, и Смеющийся Волшебник, закатив глаза, погрузился в состояние апатии.

Кьюджел сел передохнуть. Возникла проблема: как лучше сдержать Юкуну, пока он не завершит все приготовления. В конце концов, просмотрев несколько книг, он залепил рот Юкуну цементирующей мазью, обеспечил ее

надежность при помощи несложного заклинания, потом поместил его в высокую стеклянную трубу, которую подвесил на цепи в вестибюле.

Завершив это дело, Кьюджел отошел с довольной улыбкой. Юкуну пришел в себя.

— Ну, Юкуну, наконец все приходит в порядок. Помнишь ли ты, что ты меня заставил делать? Сколько мне пришлось пережить! Я поклялся, что ты об этом пожалеешь! Теперь я начинаю выполнять свою клятву. Я высказался ясно?

Выражение искаженного лица Юкуну подтвердило это.

Кьюджел сел с кубком лучшего желтого вина из запасов Юкуну.

— Дальше я поступлю таким образом: я определю сумму трудностей, которые пережил, включая холод, ветры, оскорбления, боль, тяжелые предчувствия, неуверенность, черное отчаяние, ужасы, отвращение и другие нежелательные испытания, не последним из которых была помощь со стороны незабываемого Фиркса. Из полученной суммы я вычту свой первоначальный обман и, может, одно-два достоинства путешествия. Полученный результат и будет необходимым возмездием. К счастью, Юкуну, ты Смеющийся Волшебник: в такой ситуации ты найдешь немало забавного, если отвлечься от личностей. — Кьюджел бросил на Юкуну вопросительный взгляд, но полученный ответ нельзя было назвать веселым.

— Последний вопрос, — сказал Кьюджел. — Подготовил ли ты ловушки, в которых я мог бы быть уничтожен или обезврежен? Мигни один раз — да, два раза — нет.

Юкуну продолжал презрительно смотреть из трубы.

Кьюджел вздохнул.

— Вижу, что должен вести себя осторожно.

Захватив с собой вино в большой зал, Кьюджел принялся знакомиться с коллекцией магических инструментов, предметов, талисманов и редкостей: теперь знакомство было практическим — это все его собственность. Взгляд Юкуну всюду следовал за ним: в нем было беспокойство, которое немало успокаивало Кьюджела.

День проходил за днем, а ловушки Юкуну, если таковые и существовали, никак себя не обнаруживали, и

Кьюджел наконец поверил, что их не существует. За это время он ознакомился с томами и фолиантами Юкуну, но с обескураживающим результатом. Некоторые книги были написаны на архаических языках, зашифрованным текстом или с тайной терминологией; в других описывались феномены, выходившие за пределы его понимания; от третьих исходило такое сильное ощущение опасности, что Кьюджел немедленно захлопнул переплет.

Одну-две книги он сумел понять. Он изучал их с большим усердием, вбивая один за другим слоги в свой мозг, где они сталкивались, сжимались и раздували его виски. Вскоре он смог произносить несколько простейших, самых примитивных заклинаний, которые испробовал на Юкуну, в частности, вечное чесание Люгвилера. Но по большей части он испытывал разочарование от своей врожденной неспособности понять колдовство. Опытные волшебники могут запомнить одновременно три или даже четыре заклинания; для Кьюджела запоминание даже простейшего заговора представляло собой труднейшую задачу. Однажды, добиваясь пространственного перемещения подушки, он добился обратного и был переброшен в вестибюль. Раздраженный усмешкой Юкуну, он вытащил трубу с ним наружу и подвесил на скобки, на которых висели фонари, освещавшие ночью вход.

Прошел месяц, и Кьюджел почувствовал себя в доме увереннее. Крестьяне из ближайшей деревни приносили ему продукты, в обмен Кьюджел оказывал им мелкие услуги, какие мог. Однажды отец Джинсы, девушки, которая услуживала ему в спальне, потерял в глубоком колодце ценную брошь и нанял Кьюджела, чтобы вернуть потерянное. Кьюджел с готовностью согласился и опустил трубу с Юкуну в колодец. Юкуну указал местонахождение броши, которую потом достали крюком.

Этот эпизод заставил Кьюджела задуматься о том, как еще использовать Юкуну. На Азеномайской ярмарке проводился конкурс гротескности, Кьюджел включил Юкуну в конкурс, и хоть ему не удалось получить первой премии, гримасы Юкуну оказались незабываемы и вызвали множество комментариев.

На ярмарке Кьюджел встретился с Файностером, продавцом талисманов и магических предметов, который и по-

слал Кьюджела в дом Юкуну. Файностер с комическим удивлением переводил взгляд с Кьюджела на трубу с Юкуну, которую Кьюджел перевозил назад в дом в тележке.

— Кьюджел! Кьюджел Умник! — воскликнул Файностер. — Слухи оказались верными! Ты теперь хозяин дома Юкуну и его большой коллекции инструментов и редкостей!

Кьюджел вначале сделал вид, что не узнает Файностера, потом холодным голосом сказал:

— Совершенно верно. Как видишь, Юкуну принял решение менее активно участвовать в делах мира. Тем не менее дом его полон ловушек; по ночам вокруг прогуливаются голодные звери, и к тому же я наложил особенно сильное заклятие, охраняющее вход.

Файностер, казалось, не заметил холодности Кьюджела. Потирая пухлые руки, он спросил:

— Поскольку ты теперь владеешь большой коллекцией редкостей, не хочешь ли продать некоторые?

— Никогда не имел такого намерения, — ответил Кьюджел. — В сундуках Юкуну столько золота, что хватит до тех пор, пока не погаснет солнце. — И, по привычке того времени, оба посмотрели вверх, чтобы оценить цвет угасающего светила.

Файностер сделал грациозный жест.

— В таком случае желаю тебе доброго дня, и тебе также. — Последнее было адресовано Юкуну, который ответил только угрюмым взглядом.

Вернувшись в дом, Кьюджел внес Юкуну в вестибюль; затем, поднявшись на крышу, облокотился на парапет и принялся смотреть на окружающие холмы, которые, как морские волны, катились до самого горизонта. В сотый раз думал он о странной неспособности Юкуну предвидеть будущее; сам он, Кьюджел, не должен впадать в подобную ошибку. И он осмотрелся в поисках защиты.

Над ним вздымались зеленые стеклянные спиральные башни, ниже опускались фронтоны и уступы, которые Юкуну считал эстетически совершенными. Только с фасада легко было подняться к дому. Вдоль наклонных внешних контрфорсов Кьюджел устроил прослойки мыльного камня, так что любой поднявшийся на парапет должен был ступить на них и покатиться вниз. Если бы Юкуну

додумался до такой предосторожности, вместо того чтобы устраивать свой хитрый хрустальный лабиринт, то теперь не смотрел бы из стеклянной трубы.

Но нужно еще усилить защиту, надо порыться на полках Юкуну.

Вернувшись в большой зал, он пообедал — обед подавали две хорошенькие служанки Джинса и Скивва — и вернулся к своим занятиям. Сегодня вечером он попытался овладеть Чарами Одиночного Заключения, это заклинание чаще использовали в прошлые эпохи, и Заговором Далекой Доставки — именно этим заклинанием воспользовался Юкуну, когда переправил его на север. И то и другое — заклинания большой силы, оба требовали полной сосредоточенности и точности, и Кьюджел вначале боялся, что не сумеет ими овладеть. Тем не менее он продолжал усилия и, наконец, запомнил и то, и другое.

Два дня спустя произошло то, чего ожидал Кьюджел: постучали в дверь, Кьюджел распахнул ее и увидел Файностера.

— Добрый день, — неприветливо сказал он. — Я не расположен к разговору и вынужден попросить тебя немедленно удалиться.

Файностер сделал вежливый жест.

— До меня дошли сообщения о твоей тяжелой болезни, и я так забеспокоился, что поторопился доставить лекарство. Позволь мне пройти... — он попытался протиснуться мимо Кьюджела... — и я подготовлю нужную дозу.

— Я страдаю духовным недомоганием, — многозначительно сказал Кьюджел, — которое проявляется во вспышках необузданного гнева. Предлагаю тебе удалиться, иначе в неконтролируемом припадке я разрублю тебя на части своим мечом или, что еще хуже, использую волшебство.

Файностер беспокойно замигал, но продолжал голосом, полным оптимизма:

— У меня есть лекарство и от этой болезни. — Он достал плоскую фляжку. — Сделай один глоток, и все твои беды пройдут.

Кьюджел схватился за рукоять меча.

— Похоже, придется говорить без двусмысленностей. Приказываю тебе: уходи и никогда не возвращайся! Я понимаю цель твоего прихода и предупреждаю, что я менее снисходителен, чем Юкуну! Поэтому убирайся! Иначе я применю Заклинание Макропальца, в результате которого твой мизинец станет размером с дом.

— Вот как! — в ярости воскликнул Файностер. — Маски сброшены! Кьюджел Умник показывает свою неблагодарность! Спроси себя: кто посоветовал тебе ограбить дом Юкуну? Я, и по всем законам честности мне принадлежит часть богатства Юкуну!

Кьюджел выхватил меч.

— Я слышал достаточно: начинаю действовать.

— Подожди! — крикнул Файностер, высоко поднимая фляжку. — Мне достаточно бросить это на пол, и ты весь покроешься гноем, а я останусь невредим. Держись от меня подальше!

Но разъяренный Кьюджел сделал выпад и проткнул протянутую руку. Файностер закричал от боли и бросил фляжку. Кьюджел ловко подпрыгнул, чтобы поймать ее в воздухе; но Файностер в это время метнулся вперед и ударил его, Кьюджел пошатнулся и столкнулся с трубой, содержавшей Юкуну. Она упала на камень и разбилась, Юкуну осторожно выполз из осколков.

— Ха, ха! — рассмеялся Файностер. — Дела пошли по-другому.

— Ни в коем случае! — отозвался Кьюджел, поднимая трубку с синим концентратом, которую отыскал среди вещей Юкуну.

Юкуну при помощи осколка стекла пытался срезать ленту со рта. Кьюджел выпустил струю концентрата, и Юкуну испустил разочарованный стон.

— Брось стекло! — приказал Кьюджел. — Повернись к стене. — Он угрожающе обратился к Файностеру. — И ты тоже!

Он тщательно связал руки своим врагам, потом прошел в большой зал и взял книгу, которую изучал сегодня.

— А теперь — оба наружу! — приказал он. — Живо! Сейчас события будут развиваться быстро!

Он заставил обоих пройти на ровную площадку за домом и поставил их на расстоянии друг от друга.

— Файностер, твоя судьба решена. За обман, алчность и гнусные манеры я предаю тебя Заклятию Одиночного Заключения!

Файностер жалобно завыл и упал на колени. Кьюджел не обратил на это внимания. Сверяясь с книгой, он восстановил в памяти заклинание, потом, указывая на Файностера и называя его имя, произнес ужасные слоги.

Но Файностер не провалился сквозь землю, он продолжал стоять, как раньше. Кьюджел быстро просмотрел текст и обнаружил ошибку: он произнес слоги не в том порядке, и тем самым заклинание подействовало наоборот. И действительно, в тот момент как он понял свою ошибку, отовсюду начали доноситься звуки, жертвы предыдущих эпох начали подниматься с глубины сорока пяти миль и выскакивать на поверхность. Так они лежали, изумленно мигая; некоторые не могли пошевелиться. Одежда на них превратилась в пыль, хотя на тех, кто попал в заключение недавно, еще сохранились одна-две тряпки. Вскоре все, кроме самых ошеломленных, начали шевелиться, принюхиваться, посматривать на небо, удивляясь солнцу.

Кьюджел хрипло рассмеялся.

— Похоже, я допустил ошибку. Неважно. Вторично этого не будет. Юкуну, твое наказание соразмерно злодеяниям, не больше и не меньше! Ты перебросил меня на север, в пустыню, где солнце стоит на небе низко. Я поступлю с тобой так же. Ты заразил меня Фирксом, я заражу тебя Файностером. Вместе вам придется брести по тундре, пересечь Большой Эрм, пробраться через горы Магнаца. Не умоляй, не пытайся объясниться; я ожесточен. Стой спокойно, или я снова напущу на тебя синее разрушение!

И Кьюджел занялся Заговором Далекой Доставки; он тщательно поместил необходимые слоги в мозг.

— Приготовьтесь, — сказал он, — и прощайте!

И произнес заклинание; но в одном месте он усомнился. Однако все прошло хорошо. Сверху послышался гортанный крик, демон остановился над ними в воздухе.

— Появись! — воскликнул Кьюджел. — Цель прежняя: берег северного моря, груз должен быть доставлен туда живым и невредимым. Появись! Хватай этих людей и неси их в соответствии с приказом!

Огромные крылья забили в воздухе, вниз глянула черная тень с отвратительной мордой. Тень опустила коготь; Кьюджела подхватили и понесли на север. Его вторично подвела ошибка в последовательности.

* * *

День и ночь летел демон, со стонами и ворчанием. Вскоре после рассвета он бросил Кьюджела на берег и с громом улетел.

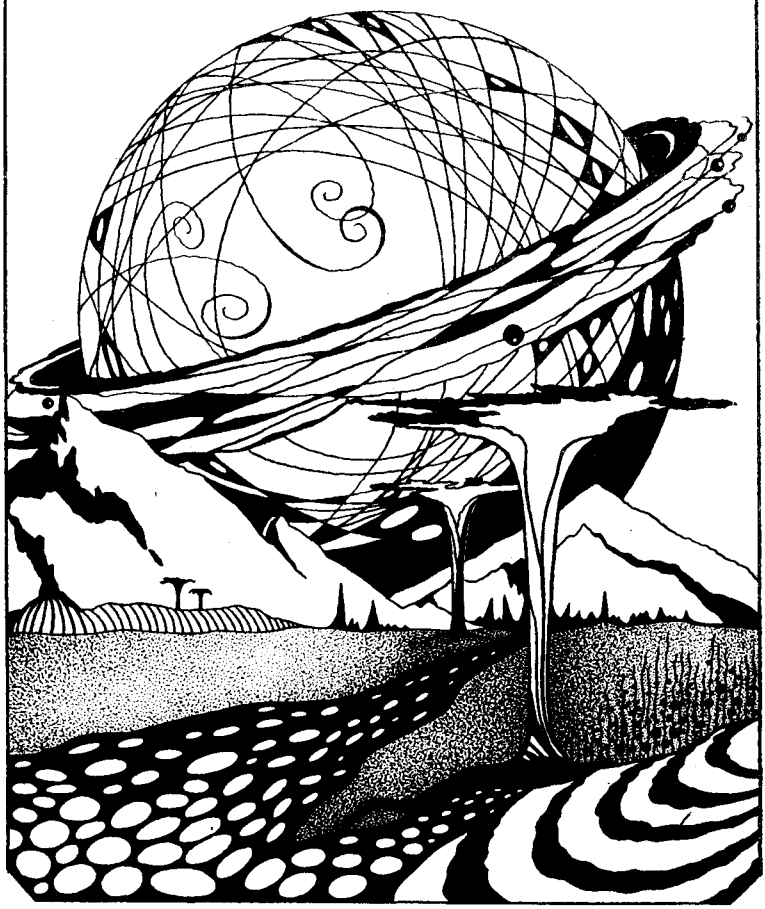
Наступила тишина. Справа и слева расстилался серый пляж. Сзади поднимался берег, поросший чахлым кустарником. В нескольких ярдах лежала разбитая клетка, в которой Кьюджела принесли на это самое место. Склонив голову, обхватив руками колени, Кьюджел сидел и смотрел на море.

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

The Big Planet

New York

1957

ГЛАВА I
САБОТАЖ

Его звали Артур Хиддерс. Он был одет по земной моде и, если бы не длинные волосы и лихо закрученные усы, ничем не отличался бы от землянина. Он был сравнительно небольшого роста: 5 футов и 6 дюймов и, казалось, состоял лишь из костей и мышц. Тонкие черты лица слишком мелкие для большой круглой головы.

Он отвернулся от иллюминатора и уставился на старика Пианцу с младенчески простодушным выражением:

— Это очень интересно, но не кажется ли вам, что вся затея... хм, фатальна?

— Фатальна? — с достоинством переспросил Пианца. — Я не совсем понимаю...

— Уже пятьсот лет раз в поколение Земля посылает комиссии на Большую Планету. Иногда комиссия возвращается. Чаще — нет. И в любом случае результаты равны нулю. Земля теряет людей, теряет деньги, раздражает местное население и ничего не добивается по сути.

— Вы правы. — серьезно кивнул Пианца. — Но на этот раз все пойдет по-другому.

Хиддерс поднял брови:

— А что, что-нибудь изменилось? Большая Планета? Или Земля?

— Изменились условия. — Пианца неуверенно оглядел купе — пустое, если не считать застывшей в медитации

Сестры Благодеяния. — Сильно изменились. Наших предшественников посылали... скажем так, для очистки совести. Мы знали про убийства, пытки, террор — и надо было хоть что-нибудь делать. — Он печально улыбнулся. — Теперь на Планете появилось кое-что новенькое: Бэджарнум Бьюджулэйса.

— Да, да, я часто проезжал через его земли.

— На Большой Планете, вероятно, сотни не менее жестоких правителей, но Бэджарнум — вы это знаете — расширяет свою империю. И не только в пределах Большой Планеты.

— Ага. То есть вы собираетесь расследовать Чарли Лисиддера?

— В общем, да. И мы можем это сделать.

На пороге появился невысокий темнокожий человек. Он вошел стремительной походкой, все его движения были резкими, быстрыми и очень точными. Клод Клайстра — председатель Комиссии. Он оглядел купе тяжелым, ищущим, почти подозрительным взглядом, подошел к иллюминатору, около которого стояли Хидерс и Пианца, нашел прямо по курсу желтую звезду:

— Федра. Мы будем на Большой Планете через несколько часов.

Прозвенел гонг.

— Ленч. — пробормотал Пианца, с трудом скрывая облегчение. Клайстра направился к выходу и остановился, чтобы пропустить Сестру Благодеяния.

— Чудная. — пробормотал Пианца.

Клайстра рассмеялся: — На Большой Планете все чудные. Именно поэтому они там и живут. Если она хочет обратить их или присоединиться к ним — это ее право. И — за исключением манеры одеваться — такой вид чудачества сделает честь любой планете.

Хиддерс кивнул. Сестры Благодеяния, подобно прежним Сестрам Милосердия, обладали высокой репутацией во всех цивилизованных мирах. И эта репутация была заслуженной.

— На Большой Планете совершенная демократия, да, мистер Клайстра. Пианца с интересом ждал ответа. Чего за Клайстрой не числилось, так это разговорчивости. И Клайстра не подвел его.

— Совершенная анархия, мистер Хиддерс.

В молчании они спустились по лестнице в ресторан и заняли свои места. Один за другим появились члены Комиссии. Большой и шумный Роджер Фэйн, Мосс Кетч, темный и молчаливый, Стив Бишоп — самый молодой член Комиссии, человек с овечьим лицом и мозгом, наполненным сведениями и склонностью к ипохондрии. Он всегда таскал с собой аптечку и карманную библиотеку. Последним явился Брюс Дэррот, прямой и воинственный, с растрепанными волосами цвета моркови.

Еда была вкусной, но растущий в иллюминаторах шар Большой Планеты отвлекал внимание путешественников.

От резкого толчка зазвенела посуда. Удар, ощутимая смена направления... Клайстру отбросило от иллюминатора. Лампы замигали, потом погасли, включилось аварийное освещение. Клайстра кинулся вверх по лестнице на мостик. На верхней площадке стоял приземистый человек — Эббидженс, радист.

— Что случилось? — резко спросил Клайстра.

— Не знаю, мистер. Я пытался войти. Дверь заперта.

— Корабль явно вышел из-под контроля. Мы можем разбиться?

— Не беспокойтесь, сэр. Если повреждение серьезно, автоматически включится механизм экстренной посадки. Нас может тряхнуть, но в салоне достаточно безопасно. — Он мягко взял Клайстру под руку. Председатель Комиссии оттолкнул его и подошел к двери. Дверь выглядела солидно. Он сбежал вниз, проклиная себя за то, что не принял мер на случай крушения. Приземлиться на Большой Планете вне Территории Земли — это беда... это катастрофа. Он стоял в дверях салона — белые лица повернулись к нему. Фейн, Дэррот, Пианца, Бишоп, Кетч, Хиддерс и Сестра — все были на месте. Клайстра кинулся в машинное отделение — дверь открылась. Эса Элтон, главный инженер вытолкнул его из помещения.

— Мы должны перейти в спасательные шлюпки, — жестко сказал Клайстра.

— Шлюпок нет.

— Что значит "нет"? Что происходит?

— Повреждены. Нам придется остаться в корабле.

— А капитан и помощник...

— Не отвечают.

— Что, собственно, произошло?

Ответ Элтона заглушила сирена, прибавив к мигающему свету страшный лязг. В салон вошел Эббидженс. Он триумфально оглядел пассажиров и кому-то кивнул. Кому? Клайстра развернулся. Поздно. Он видел только белые измученные лица. А потом — зрелище, которое он вряд ли забудет — дверь отворилась, помощник шагнул в проем, сжимая одной рукой горло. Другой, дрожащей, он показал на Эббидженса, потом колени его подогнулись и он упал. Клайстра шагнул к коротышке-радисту.

Но не успел. Потому что пол ударил его.

Клайстра всплывал в сознании как полузатонувшее бревно. Открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в углу деревянного дома. Лихорадочным движением он приподнялся на локте и вперился в дверной проем. Ему показалось, что он видит самое прекрасное зрелище в своей жизни.

Он смотрел на зеленый склон, пестревший желтыми и красными цветами. Склон поднимался к лесу. Сквозь листву виднелась изгородь, обыкновенная изгородь из потемневших от времени стволов. Все было залито бело-золотым сиянием и Клайстра наслаждался чистотой и яркостью красок.

В поле три девушки в крестьянской одежде танцевали веселую джигу. Он слышал музыку.

А потом услышал шум шагов. Из-под полуприкрытых век он увидел, как в дом вошли Эли Пианца и Роджер Фэйн. Вслед за ними вошла девушка с двумя тонкими косичками. Она несла поднос.

Клайстра опять приподнялся на локте, но Пианца остановил его.

— Расслабься, Клод. Ты у нас больной.

— Кто-нибудь погиб? — перебил его Клайстра.

— Стюард. Он был в своей каюте. И Сестра — она тоже вернулась к себе, как раз перед крушением. Теперь они в 20 футах под землей. И, конечно, капитан и помощник. У обоих перерезаны глотки.

— Сколько времени прошло?..

— Около четырех дней.

— Ну.

— Корабль погиб, — сказал Фэйн. — Развалился на куски. Чудо, что мы остались живы.

Девушка поставила поднос на кровать, наклонилась и приготовилась кормить Клайстру с ложечки. Он уныло поглядел на нее:

— И так было все это время?

— За тобой нужно было ухаживать, — сказал Пианца. Он положил руку на плечо девушки. — Это Натилиен-Тлисса, короче, Нэнси. Отличная сиделка.

— Ты у нас счастливчик, — улыбнулся Фэйн.

Клайстра отвел руку девушки:

— Я сам, — он перевел взгляд на Пианцу. — Где мы, Эли?

— Джубилит. Деревня на северо-восточной границе Бьюджулэйса.

Клайстра сжал губы.

— Хуже некуда. Я удивляюсь, что нас до сих пор не взяли.

— Место глухое, связи у них нет... Мы здорово перенервничали.

— Где Эббидженс?

— Исчез. — Пианца растерянно посмотрел на Фэйна.

— Почему вы не убили его?

Пианца покачал головой. Фэйн сказал:

— Он сбежал раньше.

— С ним был еще кто-то, — прошептал Клайстра.

Эли Пианца наклонился вперед, остро блеснули серые глаза:

— Кто?

— Не знаю. Эббидженс убил капитана и помощника. Второй повредил двигатель и спасательные шлюпки. — Клайстра заметался на кровати, Нэнси положила прохладную руку ему на лоб. — Я был без сознания четыре дня. Это странно.

— Мы накачали тебя успокоительными, — сказал Пианца. — Тебе был нужен отдых. Ты был не в себе.

ГЛАВА II
ДОРОГА В СОРОК ТЫСЯЧ МИЛЬ

Не обращая внимания на протесты Нэнси, Клайстра сел, сжал руками раскалывающуюся голову, попытался встать. Пианца кинулся к нему.

— Ради Бога, Клод, лежи!

Клайстра покачал головой.

— Нам нужно убираться отсюда. И быстро. Подумайте. Где Эббидженс? Он отправился с докладом к Чарли Лисиддеру. — Клайстра подошел к двери и застыл в столбе золотистого света, Пианца пододвинул ему кресло и Клайстра сел.

Дом, лес и деревня стояли на середине огромного, по земным меркам, склона. Горизонта просто не было — склон поднимался вверх и тянулся в голубую даль.

Фейн подставил солнцу мускулистые руки:

— Я вернусь сюда, когда состарюсь. Мы зря отдали Большую Планету всем уродам.

Спина Нэнси выразила явное неодобрение. Девушка вышла из домика.

— Она считает, что я назвал уродом ее, — хихикнул Фейн.

— Ты не доживешь до старости, Фейн, — сказал Клайстра. — Если мы не уйдем отсюда. Где корабль?

— В лесу. Не далеко отсюда.

— Далеко ли до Бьюджулэйса?

— У Бьюджулэйса нет четких границ, — сказал Фэйн. — Выше по склону есть долина, видимо, вулканического происхождения. Теплые источники, гейзеры, — родники — они называют ее Долиной Стеклодувов. В прошлом году Бэджанум ввел туда войска и теперь это часть Бьюджулэйса. Он пока не прислал в Джубилит сборщиков налогов, но их ждут со дня на день вместе с гарнизоном.

— С гарнизоном. Для поддержания порядка.

— Для защиты от кочевников-работорговцев. Их называют цыганами.

— Не похоже, чтобы они слишком страдали от кочевников... — сказал Клайстра оглядев деревню. — Сколько отсюда до Гросгарта?

— Он в двухстах милях южнее. Ближайший гарнизон стоит в Монтмарчи, насколько я понимаю, это в пятидесяти милях на юго-восток по склону.

— Пятьдесят миль, — повторил Клайстра. — Скорее всего, Эббидженс направился именно туда.

Со стороны леса послышался резкий металлический звук. Клайстра вопросительно взглянул на Пианцу.

— Они разбирают корабль. Это самый большой кусок металла, какой они видели в своей жизни. Мы сделали их миллионерами.

— Пока Бэджарнум не конфискует все, — сказал Фейн.

— Мы должны выбраться, — бормотал Клайстра, — мы должны как-то дойти до Территории Земли....

Пианца закусил губу.

— Это сорок пять тысяч миль. На другой стороне планеты.

Клайстра с трудом поднялся на ноги, прислонился к стене:

— Мы не можем оставаться здесь. Мы как утки на болоте, Эли. Если не взлетим, Лисиддер нафарширует нас яблоками. Где остальные?

— В деревне. Нам дали большой дом. Хиддерс ушел.

— Куда?

— В Гросгарт. Сказал, что возьмет лодку до залива Марвен. А потом присоединится к какому-нибудь каравану.

— Так. Стюарт мертв, капитан и помощник тоже, сестра тоже, Эббидженс и Хиддерс ушли, — Клайстра считал по пальцам. — Нас восемь. Комиссия и двое инженеров. Зовите всех. Устроим военный совет.

Несколько минут Клайстра следил как Фэйн и Пианца поднимаются к деревне, потом озабоченно перевел взгляд на тропинку, идущую вниз по склону. Если солдаты появятся днем, они не застанут землян врасплох. Клайстра возблагодарил Бога за неметаллическую структуру Большой Планеты. Нет металлов, значит, нет машин, нет электричества и, конечно, ни радио, ни телефона.

Появилась Нэнси. Она сменила свою голубую юбку на костюм Арлекина — зеленый комбинезон весь в желтых и оранжевых заплатах. На мгновение Клайстра потерял дар речи. Нэнси закружилась вокруг него, сделала пируэт...

— Неужели все девушки Джубилита так же очаровательны, как вы?

Она подставила лицо солнцу и улыбнулась!

— Я не из Джубилита. Я здесь чужая.

— Откуда вы?

— С севера. Лес Вейво. Мой отец обладал пророческим даром, люди приходили к нему за сотни миль, чтобы узнать будущее. Мой отец разбогател. Он послал меня учиться. Я жила в Гросгарпе, Каллиопе, Вэйле. С бродячими трубадурами я путешествовала по разным странам, видела прекрасные земли, города и замки... и зло. Очень много зла, — голос ее был тих и печален. — Когда я вернулась домой, я нашла там только пепел. Цыгане с севера совершили набег на деревню. Они сожгли дом моего отца. Вся моя семья погибла там. Вот я и пришла в Джубилит. Здесь меня научат танцевать и танец унесет мое горе.

Клайстра внимательно наблюдал за ней. Подвижное лицо, голос, то звонкий, то приглушенный, то почти поющий... И огромные, завораживающие глаза.

— Почему именно вы ухаживали за мной?

Нэнси пожала плечами.

— Я нездешняя. Я училась в Гросгарте по книгам Земли. Нэйсука.

Клайстра удивленно повторил слово.

— Что это?

— Так говорят в Гросгарте. Ну,.. то, что заставляет человека действовать без всякой причины.

— Что там дальше, вниз по склону?

Нэнси уселась на траву рядом с ним.

— Границей Джубилита служит Тсаломбарский лес, — она показала на темную линию деревьев — Там, над триксодом, живут Древесные люди.

"Еще одна местная идиома," — подумал Клайстра.

Со стороны деревни показались земляне. Клайстра смотрел, как они приближаются. Обвинить в предательстве кого-то из них было также немыслимо, как обвинить в предательстве, Нэнси. И все же, кто-то помог Эббиджсенсу, кто-то испортил двигатели. Правда, этим человеком мог быть Артур Хиддерс. А он ушел.

— Садитесь, — пригласил Клайстра. Все пришедшие уселись на землю. Подавив минутную неуверенность, Клайстра заговорил. — Мы в крайне тяжелом положении. Я не думаю, что это нужно объяснять.

Все молчали.

— На помощь Земли рассчитывать нечего. В техническом отношении мы не только превосходим людей деревни,

мы не уступаем им. Они умеют обращаться со своими примитивными инструментами, а мы — нет. Имей мы время, нам наверное удалось бы соорудить какое-то пособие передатчика и вызвать помощь. Времени у нас нет. В любую минуту здесь могут появиться солдаты, чтобы уволочь нас в Гросгарт. У нас есть только один шанс — уйти как можно дальше от Бьюджулэйса.

Он остановился, вглядываясь в лица своих товарищей. Уклончивый взгляд Пианцы, напряженное, прорезанное морщинами лицо Фэйна, Кетч, ковыряющий землю кусочком гравия, удивленно вскинувший брови Бишоп, Деррот, что-то бормочущий про себя, равнодушная улыбка Элтона...

Второй инженер Валюссер смотрел на Клайстру так, будто считал его виновником всех бед. Он раздраженно спросил:

— Что случится, если мы скроемся? Куда нам бежать? — он махнул рукой вниз по склону. — Там живут дикари. Они убьют нас. Или продадут в рабство, что немногим лучше.

Клайстра пожал плечами.

— Вы можете идти куда угодно и спасать свою шкуру любым способом. Лично я вижу только один путь. Тяжелый, долгий и опасный. Скорее всего, дойдут не все. Но если мы хотим выжить и вернуться домой, мы должны добраться до Территории Земли.

— Звучит хорошо, — сказал Фэйн. — И как мы это сделаем?

— Единственное средство передвижения, которым мы располагаем — наши ноги, — ухмыльнулся Клайстра.

— Что!? — взревел Фэйн.

— То есть нам предстоит укрепляющая пешая прогулка, — сказал Дэррот.

— Не будем обманывать себя. Это наш шанс вернуться на Землю, — ответил Клайстра.

— Но 40 000 миль, — жалобно запротестовал Фэйн. — Я слишком толст, чтобы ходить пешком.

— Мы добудем вьючных животных, — сказал Клайстра. — Купим, украдем... как-нибудь.

— Но сорок тысяч миль!

— Долгий путь. Но если мы встретим реку, мы поплывем. Или спустимся до Черного океана и найдем корабль, идущий вдоль побережья.

— Не получится, — заговорил Бишоп. — Австралийский полуостров здесь изгибается на восток. Нам пришлось бы добираться до Хендерлена и обогнуть Черные Кордельеры, чтобы выйти к Пармабро. А согласно Альманаху Большой Планеты, навигация на Пармабро невозможна — рифы, пираты, плотоядные водоросли и ураганы каждую неделю.

Роджер Фэйн снова застонал. Клайстра поглядел на Нэнси и увидел, что она с трудом сдерживает смех. Он поднялся на ноги. Пианца с сомнением поглядел на него.

— Как ты себя чувствуешь, Клод?

— Слабость. Но завтра я буду как новенький. Со мной нет ничего такого, чего бы не вылечила маленькая прогулка. Единственное, за что мы должны быть благодарны судьбе...

— Что же? — спросил Фэйн.

— Наши ботинки. Непромокаемые, несносимые. Они нам очень пригодятся. Фэйн оглядел себя.

— Я так хотел отрастить живот и выглядеть солидно. Теперь все сойдет.

— Есть еще идеи, — спросил Клайстра, обводя взглядом маленький кружок. — Валюссер?

— Я, как все.

— Хорошо. Наша программа: упаковать все необходимое. Весь металл, какой сможем унести. На Большой Планете это ценность. Каждый понесет 15 фунтов. Лучше всего ножи и инструменты, но, в принципе, надо брать все, что только можно. Карты. Компас. Каждому взять нож, одеяло и, самое главное — оружие. Кто-нибудь обыскал корабль?

Элтон сунул руку за пазуху и показал ствол ионного пистолета.

— Он принадлежал капитану.

— У меня два, — сказал Фэйн.

— В моей каюте должен быть один, — добавил Пианца. — Вчера я не смог до него добраться, может быть, сегодня повезет.

— И еще один в моей, — подытожил Клайстра.

Семь человек пропали за сине-зелеными стволами деревьев. Клайстра отошел от порога. Нэнси поднялась на ноги.

— Вам нужно поспать.

Медленно и осторожно, чтобы не вызвать нового приступа головной боли, Клайстра стал устраиваться на низкой кровати. Нэнси не сводила с него глаз.

— Клод Клайстра.

— Да.

— Возьмите меня с собой.

Он повернул голову и ошеломленно уставился на нее.

— Куда?

— Туда, куда идете вы.

Он решительно покачал головой.

— Вас убьют. У нас один шанс из тысячи.

— Мне все равно. Умирают только раз. А я хотела увидеть Землю. Я много путешествовала и много знаю. Я пригожусь...

Клайстра с трудом отогнал сон. Что-то было не так. Он напряженно вглядывался в ее лицо. Может быть, это просто влюбленность... Девушка покраснела.

— Вы легко краснеете, — отметил Клайстра.

— Я сильная, могу работать, я не слабее Бишопа или Кетча.

Хорошенькая девушка — это всегда неприятности.

— Женщины есть везде, — улыбнулась Нэнси.

Клайстра опустился обратно на кровать, все еще качая головой.

— Вам нельзя идти с нами, Нэнси.

Она поклонилась ему.

— Скажите им, что я проводник. Я ведь могу пойти с вами до леса.

— Ладно. Но только до леса.

ГЛАВА III
ВО ВРЕМЯ СВОБОДЫ

Клайстра спал, всем телом впитывая отдых. Когда он проснулся, комнату заливал шафрановый поток солнечных лучей. Наверху в деревне праздник был в полном разгаре.

Цепочки юношей и девушек в разноцветных костюмах плыли взад и вперед в сложенных движениях танца. Ветер доносил до Клайстры обрывки джиги — скрипка, концертино, гитара. Танцоры качались вперед и назад в местном варианте гусиного шага.

В дверях появились Пианца и Дэррот.

— Ты не спишь, Клод?

Клайстра спустил ноги с кровати и сел.

— Я свеж и бодр, — он встал, потянулся, промассировал руками затылок. Боль почти прошла. — Все готово?

— Хоть сейчас в путь, — кивнул Пианца. — Мы нашли твой ионник и тепловой пистолет помощника. Он странно посмотрел на Клайстру. — Нэнси включена в экспедицию?

— Нет. Я сказал, что она может проводить нас до леса. Это два-три часа пути.

Эли Пианца был полон сомнений.

— Она собрала вещи и сказала, что идет с нами.

— Мне это очень не нравиться, Клод, — заговорил Дэррот. — Наш отряд не место для женщин. Начнутся трения...

— Я с тобой полностью согласен, Брюс, — ответил Клайстра. — Я отказал ей.

— Но она собрала вещи, — сказал Пианца.

— Я не знаю, как мы можем помешать ей идти, скажем, в ста ярдах позади нас.

— Да, конечно, — промычал неудовлетворенный Пианца.

Но Дэррот был непреклонен.

— Она много путешествовала, она была в Горсгарде... А что, она — шпион Бэджарнума? Как я понял, они есть всюду — даже на Земле.

— Возможно. Возможно, что и ты, Брюс, тоже работаешь на Бэджарнума. Ведь кто-то из нас, определенно, его агент.

Дэррот фыркнул и отвернулся.

— Не беспокойся, — сказал Клайстра, похлопав его по плечу. — Как только мы дойдем до леса, я отошлю ее, — он подошел к двери и вышел наружу. Пианца сказал:

— Бишоп спас аптечку, пищевые таблетки и свои витамины. Они могут пригодиться — наша пища не всегда будет так хороша.

— Прекрасно.

— Фэйн нашел свое туристическое снаряжение. Мы берем его с собой вместе с печкой и водоочистителем.

— Есть запасные батареи и ионники?

— Нет.

— Плохо... Нашли тело Сестры?

Пианца покачал головой.

— Очень плохо, — сказал Клайстра, хотя особых угрызений совести он не чувствовал. Эта женщина не была для него живым существом. Он вспомнил тонкое белое лицо, черную рясу, ощущение силы, но воспоминание тут же погасло в его мозгу.

Со стороны деревни спускались земляне, окруженные пестрой толпой танцоров. Кетч, Элтон, Валюссер, Фэйн, Бишоп и Нэнси. Она шла отдельно и наблюдала за танцорами со странным безразличным выражением, как будто уже разорвала нити, привязывавшие ее к Джубилиту.

Клайстра поднял голову. Солнечный свет уже приобрел оттенок темного золота. Выше по склону группы танцоров кружили, высоко поднимая ноги, запрокидывая головы. Там звенела музыка, яркая и счастливая. Глядя вниз, на огромный склон, Клайстра вдруг ощутил страх перед долгим путешествием. Джубилит, казалось, сулил мир и безопасность. Он был почти рядом. А впереди была только дорога. "Сорок тысяч миль, — подумал он. — Путешествие вокруг Земли... и еще столько же. "

Глядя туда, где на Земле тянулась полоса горизонта, он мог обозревать ландшафт — карандашные линии различных тонов — равнина или лес, море или пустыня, горный хребет или... Он шагнул вперед и сказал через плечо:

— Пошли.

Веселая музыка еще долго следовала за ними. Лишь когда солнце ушло за лес и на землю опустились сумерки, музыка пропала вдали.

Дорога вела через заросли папоротника. Толстый ковер из серых стеблей приятно пружинил под ногами. Склон был ровным и пологим. Темнота не сбивала путешественников — нужно было только идти вниз по

склону. Фейн и Деррот шли рядом во главе группы, за ними — Клайстра с Нэнси и Пианцей, затем Кетч и Бишоп, арьергард состоял из бесшумного Элтона и хромающего Валюссера.

Небо прояснилось, появились звезды. И не было в мире ничего, кроме неба, планеты и людей, таких хрупких и ничтожных.

Нэнси шла спокойно и осторожно, но темнота заставила ее идти почти с Клайстрой.

— Какая из этих звезд — Старое Солнце?

Клайстра задрал голову. Созвездия были незнакомы. По дороге Цетус оставался за кормой. Это Спика, а рядом черный шар Горшка с Овсянкой...

— Я думаю, вот эта звезда — прямо над яркой, белой, около туманности.

Нэнси смотрела в небо.

— Расскажи мне о Земле.

— Это мой дом, — сказал Клайстра. Он уже не смотрел на желтую звезду. — Мне там нравится.

— Земля красивее Большой Планеты?

— Это сложный вопрос. По сути — нет. Большая Планета... она большая, Она поражает воображение. Гималаи на Земле — просто холмы по сравнению со Склаемонским хребтом или Черными Кордельерами.

— Где они?

— Кто? — на мгновенье Клайстра потерял течение разговора.

— Эти горы.

— Склаемон в тридцати тысячах миль на северо-восток, этот район планеты называется Матадор. Там живут Снежные Люди. Черные Кордельеры лежат на юго-востоке — пять тысяч миль отсюда, на Австралийском полуострове, в Хендерленде.

— Так много еще надо узнать, увидеть... — ее голос дрожал. — Земляне знают нашу родину лучше, чем мы сами. Это несправедливо.

Клайстра сухо рассмеялся.

— Большая Планета — компромисс между слишком многими идеями. И потому никому не нравится.

— Мы живем в варварстве, — страстно сказала она. — Мой отец...

— Варвар не сознает, что он варвар, — в голосе Клайстры звучала насмешка, — ... был убит. Повсюду убийства, убийства и убийства. И голод. — Клайстра пытался говорить спокойно.

— Это не ваша вина. Но и не вина Земли. Мы никогда не пытались утвердить свою власть за Виргинскими Рифами. Те, кто переходят границу, предоставлены сами себе. И их дети платят за это.

Нэнси покачала головой. Она явно не была убеждена.

Клайстра чувствовал себя неловко. Он не мог мириться с болью и нищетой миллионов людей. Он был убежден, что власть Земли должна где-то кончаться. Невозможно запретить людям пересечь границу в поисках свободы. Но в этом случае, многие страдали от ошибок немногих.

Нэнси испытала это на себе. Голод, убийства, несправедливость, усиливаясь в течение поколений, калечили племена, народы, континенты и, в конце концов, затопили целый мир. Это лежало на поверхности жизни и на поверхности сознания Нэнси. Его задачей было пробиться через заслон отрицательных эмоций.

— На Земле с самого начала ее истории человечество было разделено. Одни люди жили в полном согласии со своим временем, другие — не соответствовали ему, ибо не могли войти в его структуру.

Они становились пионерами, исследователями, философами, преступниками, пророками, гениальными художниками...

Они шли через темноту. Под ногами хрустел папоротник, справа и слева раздавались приглушенные голоса их спутников.

Нэнси, все еще глядя на солнце, сказала:

— Но это не имеет отношения к Большой Планете!

— Джубилит был основан балетной труппой, которая хотела в мирном одиночестве совершенствовать свое искусство. Вероятно, они хотели прожить здесь несколько лет, но остались навсегда. Первые поселенцы — те, что прилетели 600 лет назад — были примитивистами — людьми, которые не принимали машинной цивилизации. На Земле примитивизм не запрещен, но считается формой чудачества. Поэтому примитивисты купили корабль и отправились за пределы Системы. И нашли Большую Планету. Сначала

они решили, что она слишком большая, чтобы быть обитаемой...

— Почему?

— Гравитация. Чем больше планета, тем сильнее гравитация. Но Большая Планета состоит из легких элементов и сила тяжести здесь почти равна земной, хотя объем Большой Планеты в тридцать раз больше земного. Дело в том, что Земля состоит из тяжелых металлов. Примитивистам понравилась Большая Планета. Это был рай — солнечный, яркий, с мягким климатом и, что главное с органической жизнью аналогичной земной. Иными словами, местный протеин совместим с земной протоплазмой. Здешние животные и растения съедобны. Примитивисты поселились здесь и послали на Землю за своими друзьями.

Здесь хватило места и для других меньшинств — бесконечно много места. Постепенно они перебирались сюда — различные культы, мизантропические общества и просто люди. Иногда они строили города, иногда жили просто так — в тысяче миль от любого совела. На Большой Планете нет рудных залежей, то есть нет базы для технической цивилизации. А Земля наложила эмбарго на продажу современного оружия. Поэтому местная цивилизация состоит из крошечных государств и городов и огромных неосвоенных пространств.

Нэнси попыталась заговорить, но Клайстра прервал ее:

— Да, мы могли бы организовать жителей Большой Планеты, дать им закон и порядок. Но во-первых, Большая Планета лежит за пределами Системы. Во-вторых, все люди, прилетевшие сюда пожертвовали своим местом в цивилизованном мире ради независимости. В-третьих, мы лишим убежища остальных неудачников, посылая их в открытый космос на поиски новых миров — наверняка не столь пригодных для обитания. Правда, мы создали территорию Земли с университетом и технической школой, для тех, кто захочет вернуться на Землю. Туда приходят очень немногие.

— Конечно, — сморщилась Нэнси. — Это сумасшедший дом.

— Почему?

— Все это знают. Однажды Бэджарнум Бьюджулэйса отправился туда. Он посещал эту школу и вернулся домой

другим человеком. Он освободил всех рабов, отменил наказания. Когда он объявил, что земля принадлежит всем, Совет Герцогов восстал и убил его, потому что он явно сошел с ума.

Клайстра слабо улыбнулся:

— Он был самым разумным человеком на планете.

Нэнси фыркнула.

— Да, — сказал Клайстра. — Очень немногие обращаются к нам. Большая Планета — их дом. Огромный, открытый. Человек здесь может избрать себе любой образ жизни. Правда, его могут убить в любую минуту. На Земле и других планетах Системы мы живем в жестоком обществе со множеством законов. Впрочем, все идет гладко — большая часть нарушителей переселилась на Большую Планету.

— Скучно, — сказала Нэнси. — Глупо и скучно.

— Не совсем. Во всяком случае, на Земле живет пять миллиардов человек и каждый из них — личность.

Нэнси умолкла на мгновение, а затем спросила почти с насмешкой:

— А Бэджарнум Бьюджулэйса? Он собирается покорить планету. Он уже увеличил свои владения втрое.

Клайстра смотрел вперед, в бесконечную ночь Большой Планеты:

— Если Бэджарнум Бьюджулэйса, или Номарх Скена, или Девять Волшебников, или кто-нибудь покорит планету, ее жители потеряют свою свободу еще более верно, чем в случае вмешательства Системы. Ибо должны будут подчиняться не нескольким разумным законам, а фантастическим искажениям — причем отличным от тех, к каким они привыкли.

Она опять не понимала:

— Меня удивляет, что Система считает Бьюджулэйс основанием для беспокойства.

Тонкая улыбка мелькнула по лицу Клайстры.

— Сам факт нашего присутствия здесь кое-что говорит о Бэджарнуме. У него агенты повсюду — в том числе и на Земле. Он постоянно нарушает наше эмбарго на ввоз оружия и металлов на Большую Планету.

— Человека можно убить и деревянным мечом, и вспышкой света.

Клайстра покачал головой.

— У этого дела есть еще несколько аспектов. Откуда он берет оружие. Система запрещает нелицензированное производство оружия. И очень трудно построить в тайне современный завод. Большая часть оружия украдена с заводов Системы или добыта путем грабежа. Его пираты грабят корабли и станции, людей либо убивают, либо продают в рабство в Королевство-для-одного.

— Королевство-для-одного... Что это?

— Среди пяти миллиардов жителей Земли есть странные люди, — задумчиво сказал Клайстра. — Недостаточно странные, чтобы эмигрировать на Большую Планету. Очень богатые люди. Они колонизуют маленькие миры в стороне от космических трасс и становятся их королями. Пираты продают им рабов, а в их маленьких владениях их воля — закон. Через два-три месяца они возвращаются на Землю и становятся гражданами. Потом они устают от цивилизации — и снова царствуют в Королевстве-для-одного.

ГЛАВА IV
ВОСЕМЬ ПРОТИВ АРМИИ

Нэнси помолчала.

— Какое это имеет отношение к Чарли Лисиддеру?

Клайстра повернул голову и она увидела его лицо — белую маску в темноте. — Чем платит Бэджарнум за контрабандное оружие. Оно дорого стоит. Очень много крови и боли стоит каждый ионный пистолет.

— Я не знаю... Я не думала об этом...

— На Большой Планете нет металлов, но есть куда более ценный товар. Нэнси молчала.

— Люди.

— Ох...

— Чарли Лисиддер — это чума. Он заразил полвселенной.

— Но что вы можете сделать? Вас восемь человек. У вас нет оружия, документов, нет даже плана действий...

— Только разум. Нэнси снова погрузилась в молчание. Клайстра насмешливо посмотрел на нее.

— Это не производит на вас впечатления?

— Я... Я очень неопытна.

Клайстра попытался разглядеть в темноте ее лицо. Он не знал, насколько она серьезна.

— Мы — команда. Каждый из нас специалист. Пианца — организатор и администратор, Мосс Кетч — техник, Брюс Деррот — эколог...

— Что такое эколог?

Клайстра поглядел вперед — Фэйн и Деррот шли в ногу. Справа и слева уже встречались редкие деревья, а чуть ниже по склону шелестел Тсаломбарский лес — черное пятно на фоне ночного неба.

— Главная задача экологии — накормить людей. Голодные люди злы и опасны.

— Цыгане всегда голодны, они убили моего отца.

— Они убили его, не потому, что были голодны. Мертвецы работорговцам не нужны. Они пытались взять его живым.

— Ладно. Фэйн — геолог. Я — координатор и пропагандист, — предугадав ее желание, он спросил. — Почему Бэджарнуму удается покорять своих соседей?

— У него сильная армия... И он очень умен.

— А что, если армия перестанет подчиняться ему? Если люди не будут выполнять его приказы? Что он сможет сделать?

— Ничего. Он будет бессилен.

— Эффективная пропаганда может создать такую ситуацию. Я работаю с Бишопом. Бишоп занимается культурой — человеческим обществом. Он может поглядеть на наконечник стрелы и сказать, от кого унаследовал имя ее владелец — от отца или от матери. Он изучает группы людей, их особенности, болевые точки, кнопки — идеи, при помощи которых людьми можно управлять как стадом, — тут Клайстра вспомнил, что на Большой Планете нет овец — как стадом печавье.

— А вы тоже можете управлять людьми как печавье? — улыбнулась она.

Клайстра покачал головой.

— Не совсем. Или вернее, не всегда.

Они все еще спускались по склону. Деревья придвигались все ближе и, наконец, отряд вошел в Тсаломбарский

лес. Вокруг Клайстры плыло восемь темных теней. Он вздохнул и повернулся к Нэнси.

— Кто-то здесь — я не знаю, кто — мой враг. Мне нужно вычислить его.

Нэнси задохнулась.

— Вы уверены? — испуганно спросила она.

— Да.

— Что он будет делать?

— Если бы я знал...

— Магический Фонтан Миртлисса может помочь. Он знает все.

— Где это, Миртлисс?

— Далеко на восток. Я там никогда не была. Путешествие опасно, если не ехать по монорельсу. А это стоит много металла. Отец рассказывал мне об оракуле Фонтана. Он говорит безумные вещи и отвечает на любые вопросы. А потом умирает и Служители выбирают нового оракула.

Фэйн и Дэррот вдруг резко остановились.

— Тихо, — прошептал Дэррот. — Впереди лагерь. Огни.

Блестящие ветви закрывали небо. Было очень темно. Впереди, за стволами деревьев мерцал крошечный красный огонек.

— Возможно, Древесные люди? — сказал Клайстра.

— Нет, — с сомнением ответила Нэнси. — Они никогда не покидают деревьев. И панически боятся огня.

— Все сюда, — скомандовал Клайстра. Темные тени качнулись ближе.

Клайстра заговорил тихо и торопливо. — Я иду вперед на разведку. Я хочу, чтобы вы держались вместе. Это необходимо. Никто не оставит группу, не произнесет ни звука, пока я не вернусь. Нэнси — в центр. Остальные вокруг нее, касаясь друг друга локтями. Проверьте соседей и следите, чтобы они не двигались.

Он обошел группу.

— Каждый касается двух других? Хорошо. Назовите себя.

Тихо прозвучали имена.

— Я вернусь, как смогу. Если буду нуждаться в помощи, позову. Так что держите уши открытыми.

Папоротниковый ковер не хрустел под его ногами, когда он скользнул в чащу.

Прямо на середине поляны был разложен большой костер. Пятьдесят или шестьдесят человек с беспечным видом сидели вокруг костра. Они носили свободную голубую одежду — шаровары, подвязанные под коленями, и перетянутые черными кушаками халаты. На груди был нашит красный знак — треугольник острием вниз. У солдат были ножи, пращи и тяжелые колчаны, набитые дротиками.

Они не были красавцами — приземистые, плотные с плоскими коричневыми лицами, остроконечными бородками, узкими глазами и крючковатыми носами. Они пили что-то из черных кожаных мешков и громко переговаривались. Им явно не хватало дисциплины.

Невдалеке, повернувшись к костру спиной, стоял человек в черной форме — Эббидженс. Он давал указания офицеру, очевидно, командиру отряда. Офицер слушал и кивал.

На краю стояло несколько очень странных животных. Они вытягивали длинные шеи, со свистом вдыхали воздух, бормотали и выли. Узкие плечи, высокая холка, шесть сильных ног, копьевидная, не вызывающая доверия голова, — сочетание верблюда, лошади, козы, собаки и ящерицы. Погонщик не позаботился снять с них груз. С внезапным интересом Клайстра стал разглядывать вьюки.

В одном было три металлических цилиндра, в другом большая труба и связка металлических прутьев. Клайстра узнал механизм. Бластер. Полевое орудие способное снести Джубилит с лица земли. Земного производства. Клайстра неуверенно огляделся. Странно, что они не выставили часовых. Его внимание привлек шум на другой стороне поляны. Там столпилось около десятка солдат. Они стояли, задрав головы, глядя строго вверх и оживленно размахивая руками. Клайстра тоже запрокинул голову. На высоте в две сотни футов в воздухе висела деревня — сеть деревянных переходов, мостики из лиан, домики-гнезда. В деревне было темно. Из-за стволов виднелись белые, испуганные лица жителей. Древесные люди передвигались осторожно и медленно, лишь иногда

совершая резкие прыжки. Видимо, солдаты только что заметили деревню. Но не это было поводом для энтузиазма. Они заметили там девушку. С лицом цвета сыворотки, с тусклыми глазами, но все же девушку.

Клайстра смотрел на вьючных животных, оценивая свои шансы увести их в лес, пока солдаты отвлечены воздушной деревней. Не бог весть какие шансы.

А на краю поляны положение изменилось. Какой-то хвастун с мышиными усиками пытался добраться до домика девушки. Это было несложно — на высоте человеческого роста в стволе дерева начинались ступени. Солдат, подогреваемый одобрительными криками товарищей, взобрался по лестнице, влез на деревянную платформу и скрылся в ветвях. Какое-то движение, свист, удар, шум потревоженных ветвей. Искалеченное, извивающееся тело, вылетело из темноты и с тяжелым стуком упало на землю.

Ошеломленный Клайстра отступил назад и поднял глаза — никто из жителей деревни не двинулся с места. Очевидно, солдат попал в ловушку. Ступил не туда и его сбросило с платформы. Теперь он лежал и стонал. Его товарищи бесстрастно наблюдали за ним. В их взглядах, обращенных на Древесных людей, не было ни следа враждебности.

Эббидженс и офицер подошли к краю поляны и остановились около упавшего солдата. Тот подавил стон и лежал теперь спокойно, с побелевшим от боли лицом. Офицер заговорил. Клайстра слышал общий тон речи, но не мог разобрать слов. Лежащий солдат ответил, потом попытался встать. Ему это почти удалось, но его нога подломилась и он снова упал.

Офицер что-то сказал Эббидженсу. Потом заговорил Эббидженс, показывая рукой на деревню. Офицер кивнул одному из солдат, отвернулся. Солдат поглядел на своего раненого товарища, пробормотал что-то извиняющимся тоном, вынул свой меч и заколол лежащего.

Клайстра проглотил комок.

Офицер быстро шел через поляну, выкрикивая приказы. Теперь Клайстра хорошо слышал его.

— Встать! Всем на ноги! Построиться! Быстро — мы окружены! Погонщик, смотри за животными!

Эббидженс подошел к офицеру, что-то коротко сказал. Офицер кивнул и отдал приказ. Клайстра опять не слышал слов, но увидел, что солдаты отвели в сторону двух верблюдоящеров, тех что несли пушку.

Клайстра прищурился. Неужели они используют пушку против деревни? Солдаты собрали аппарат и установили его на металлической треноге. Отблески костра играли на гладком вороненом стволе. Канонир поводил дулом вправо-влево, покачал треногу, проверяя устойчивость орудия, затем снял предохранитель, прицелился и нажал на спуск. Из дула вырвался фиолетовый луч, вспыхнула трава, в воздухе запахло озоном.

Проверка. Теперь бластер в боевой готовности.

Канонир поставил орудие на предохранитель, подошел к верблюдоящерам, выбрал самого сильного. Тут возмутился погонщик и налетел на канонира, размахивая руками. Началась бурная дискуссия.

Клайстра шагнул вперед, заколебался, остановился. Собрал всю свою решимость — действовать нужно было сейчас. Он вышел на поляну. Руки у него тряслись. Скорее, от страха, чем от нетерпения. Он развернул бластер, поставил регулятор на минимум и снял предохранитель. Все было до смешного просто.

Один из солдат заметил его и закричал.

— Не двигаться! — громко и четко произнес Клайстра.

ГЛАВА V
ЗАХВАТ

Люди на поляне застыли, ошеломленно уставившись на него. Потом канонир с яростным воплем кинулся к пушке. Клайстра нажал на спуск. В воздухе развернулся фиолетовый веер. Канонир был мертв, как и пятеро других, оказавшихся в пределах достигаемости.

— Пианца! Фэйн! — крикнул Клайстра.

Солдаты не двигались. Лицо Эббидженса было белее мела.

Шум шагов.

— Кто это? — спросил Клайстра.

— Эли Пианца — и все остальные.

— Хорошо. Идите с той стороны, вы окажетесь в мертвом пространстве, — он повернул голову. — Эй, вы, бьюджулэйсцы! Все в центр поляны справа от костра. Быстро!

Солдаты угрюмо столпились в центре поляны. Эббидженс шагнул к ним, но резкий окрик Клайстры остановил его.

— Эббидженс, руки на голову и марш ко мне. Пианца, забери у него оружие, — Клайстра повернулся к офицеру. — Вы — вперед, руки за голову! Кто-нибудь, Элтон, обыщите его.

Элтон шагнул вперед, за ним, хромая, потянулся Валюссер.

— Остальным стоять на месте, — рявкнул Клайстра. — Эта штука щекочется.

У Эббидженса оказался ионник, у офицера ракетный пистолет.

— Положите оружие на землю и свяжите этих типов...

Через минуту Эббидженс и офицер лежали на земле.

— Нэнси!

— Да.

— Точно выполняй мой приказ. Подними оба пистолета. За стволы. Принеси мне. Не становись между бластером и солдатами.

Нэнси прошла через поляну к тому месту, где на земле блестели брошенные пистолеты.

— За стволы! — выдохнул Клайстра.

Она искоса поглядела на него, остановилась. Клайстра с каменным выражением лица наблюдал за ней. Не та была ситуация, чтобы доверять кому-либо. Она наклонилась, осторожно подняла оба пистолета и принесла ему. Клайстра запихал их в сумку и посмотрел устало на своих спутников. Кто-то из них сейчас яростно просчитывал положение. Кто?

Это был критический момент. Кем бы он ни был он постарается зайти Клайстре в спину.

— Я хочу, чтобы вы все встали на той стороне поляны, — он указал направление. — Теперь. Солдаты, по одному переходите через поляну. Через полчаса солдаты в кругу на корточках — угрюмая, внешне расслабленная группа. Эббидженс и офицер лежали там, где их оставили.

Эббидженс спокойно следил глазами за Клайстрой. Клайстра тоже не спускал с него глаз, пытаясь определить, на кого надеется радист.

Эли Пианца с сомнением разглядывал пленных:

— Они станут проблемой... Что ты собираешься делать с ними, Клод? Клайстра, все еще стоящий у бластера, расслабился, потянулся:

— Мы не можем освободить их. Если нам удастся скрыть этот маленький эпизод от Бэджарнума — мы выиграем время. Нам придется или убить их, или взять с собой.

Пианца покачал головой.

— Взять их с собой?

— В нескольких милях вниз по склону начинается степь. Земли кочевников. Если нам придется драться, лишние руки не помешают.

— Но у нас есть бластер. Нам не нужны мечи и дротики!

— А если нас застанут врасплох? Налетят со всех сторон? Бластер хорош, когда видишь мишень.

— С ними будет трудно.

— Я подумал об этом. Пока мы в лесу, мы свяжем их друг с другом. А в степи они будут идти перед бластером. Конечно, нам придется быть очень осторожными.

Клайстра поставил бластер на предохранитель, направил ствол в землю и подошел к Эббидженсу.

— По-моему, нам пора поговорить.

Эббидженс облизнул губы.

— Конечно, я буду говорить. Что вы хотите знать?

Клайстра нехорошо улыбнулся.

— Кто помогал тебе на борту "Витторио"?

Эббидженс посмотрел на белые лица землян.

— Пианца, — объявил он.

Эли Пианца протестующе поднял брови. Еще одно лицо изменило выражение — на долю секунды.

Клайстра отвернулся от пленника. Единственным человеком, которому он сейчас доверял бы, он сам. Он обратился к Дэрроту и Элтону.

— Вы дежурите у бластера. Не доверяйте друг другу. Враг среди нас. Мы не знаем, кто он, и не можем дать ему шанс уничтожить всех нас, — он отступил на шаг, поднял свой ионник. — Эли, у тебя есть пистолет?

— Да. Фэйн отдал мне один из своих.

— Повернись ко мнѐ спиной и положи его на землю.

Пианца подчинился без возражений. Клайстра подошел к нему, провел рукой по одежде, заглянул в сумку — другого оружия не было.

Точно так же он отобрал ионники у Фэйна и Кетча, у Валюссера и Бишопа были только ножи, у Нэнси не было ничего.

Сложив весь арсенал в свою сумку, Клайстра направился к бластеру и отобрал ионник у Элтона. Теперь у него было пять ионников, считая принадлежавший Эббиджженсу, ракетный пистолет офицера и тепловой — покойного помощника.

— Теперь, когда мы разоружились, можем поспать. Кетч и Валюссер, возьмите мечи и разойдитесь по сторонам поляны. Не становитесь между бластером и солдатами — в этом случае, если что-нибудь произойдет, вы погибните первыми. Дэррот, Элтон, вы слышали? Стреляйте, если заметите тень движения.

— Хорошо, — сказал Элтон. Дэррот кивнул.

Клайстра поглядел на Нэнси, Пианцу и Бишопа.

— Мы сменим их через 4 часа... Здесь у огня есть местечко вне радиуса действия бластера.

Папоротник был сухим и мягким. От костра веяло теплом. Клайстра улегся поудобнее, расслабился и чуть не потерял сознание от боли. Весь этот час его мышцы были напряжены до предела и теперь с трудом возвращались в нормальное состояние.

Он лежал, закинув руки за голову, и размышлял. Прямо над ним белели лица лесных жителей. Казалось, Древесные люди не сдвинулись с места с того момента, как он впервые их увидел.

Стив Бишоп устроился рядом с ним и вздохнул. Клайстра на мгновение почувствовал жалость к нему. Стив Бишоп был кабинетным ученым, любил комфорт и не имел тяги к приключениям... Из леса вернулась Нэнси. Клайстра глядел на нее с нарастающим подозрением, потом расслабился. Невозможно наблюдать за всеми сразу. Он напомнил себе: первое дело на утро — отослать Нэнси обратно в Джубилит.

На поляне было тихо, только в толпе солдат слышалось какое-то бормотание. Дэррот и Элтон застыли у бластера.

Кетч медленно обходил свою часть поляны, Валюссер — свою. Рядом с Клайстрой лежала тихая и теплая Нэнси. Бишоп спал как младенец. Пианца раздраженно всхрапывал во сне. Напряжение росло. Клайстра пытался определить его источник. Что это — настороженность Элтона, жесткое лицо Дэррота? Или то, что за его спиной лежит Нэнси? Или что-то неестественное в дыхании Бишопа и Пианцы? Он безуспешно пытался определить, за кем наблюдает Эббидженс.

Текли минуты, прошло полчаса, час. Воздух казался стеклянным.

Мосс Кетч сделал несколько шагов к бластеру, взмахнул рукой, что-то пробормотал и отступил назад. Солдаты задвигались, резкий крик Дэррота заставил их замереть. Теперь в лес углубился Валюссер. Солдаты снова зашевелились и снова команда Дэррота принудила голубые мундиры к спокойствию.

Черная тень метнулась к бластеру, свист меча, стон... Потом топот и снова блеск стали.

Клайстра вскочил, сжимая в руке ионник.

Около бластера стоял только один человек и он медленно наводил дуло на Клайстру. Клайстра видел это, видел, как рука человека потянулась к спуску, и выстрелил первым. Фиолетовая вспышка. Голова человека у бластера обуглилась, потом исчезла. Ствол бластера был погнут в трех местах. Клайстра развернулся к солдатам. Те уже вскочили, не зная, атаковать им или бежать.

— Сесть, — сказал Клайстра. Тихий голос его говорил о смерти. Солдаты медленно подчинились.

Клайстра открыл свою сумку и отдал два пистолета Пианце и Бишопу.

— Следите за ними. У нас нет больше бластера.

Он подошел к разбитому полевому орудию — и увидел тела. Элтон был жив. Мертвое лицо Брюса Деррота искажено яростью. Рядом с ним лежал Валюссер. Клайстра перевернул скрюченное маленькое тело.

— Так это был Валюссер. Интересно, чем его купили.

Мосс Кетч распаковал аптечку и они склонились над Элтоном. Рана на шее инженера сильно кровоточила. Клайстра промыл ее антисептиком, залил коллодием и заклеил эластичной пленкой. Когда пленка высохнет, она стянет края раны.

Потом Клайстра встал и подошел к Эббиджснсу.

— Ты больше не нужен. Я знаю то, что хотел знать.

Эббиджснс тряхнул головой, отбрасывая со лба прядь волос.

— Ты собираешься убить меня? — спокойно спросил он.

— Поживем увидим, — ответил Клайстра. Он посмотрел на часы. — Ровно двенадцать, — он протянул пистолет Элтона Кетчу и повернулся к Пианце и Бишопу. — Ложитесь спать. Мы с Моссом подежурим до трех.

ГЛАВА VI
ЦЫГАНЕ

Деррота и Валюссера похоронили в одной могиле с упавшим с дерева солдатом и теми шестью, которых убил Клайстра, когда захватил бластер. Когда яму засыпали землей, Эббиджснс облегченно вздохнул. Клайстра улыбнулся — очевидно, радист считал, что будет в могиле восьмым. Солнечные лучи, густые и яркие, пробивались сквозь листву. От догоревшего костра поднимался белый дым. Пора было в путь.

Клайстра оглядел поляну. Где Нэнси? Она стояла около вьючных животных с самым невинным видом, какой только может изобразить юная очаровательная девушка. За ее спиной ввысь вздымались три дерева, подобные колоннам античного храма. Солнечный свет играл на их гладких стволах.

Она почувствовала, что на нее смотрят и ответила Клайстре быстрым взглядом и улыбкой. Клайстра почувствовал, что его сердце бьется сильнее. Резко обернулся. Лицо Элтона было непроницаемо. Клайстра сжал губы и начал.

— Нэнси, вам лучше вернуться в Джубилит.

Улыбка медленно сползла с ее лица, уголки рта опустились, глаза заволок туман. Явно понимая бесполезность спора, она молча повернулась, пересекла поляну. На краю леса она остановилась, оглянулась... Клайстра молча смотрел на нее.

Она пошла вперед. Какое-то время он видел в просветах между стволами, как она поднимается вверх по склону, в Джубилит.

Через полчаса колонна тронулась в путь. Солдаты Бьюджулэйса шли тесной группой, руки их были связаны и каждый был пристегнут к идущему впереди. Они несли свои мечи и пращи. Дротики были связаны во вьюк и нагружены на одного из верблюдоящеров.

Первым шел офицер, последним — Эббиджснс. За ним двигались вьючные животные. В носилках, висящих между первой парой, лежал Элтон. Элтон был в сознании и в прекрасном настроении. Он охранял колонну солдат с тепловым пистолетом в руках.

Воздушная деревня пристально наблюдала за ними. Путь колонны через лес сопровождался топотом ног по деревянным переходам, скрипом веревочных мостиков. Иногда сверху раздавались голоса или детский плач. В воздухе висела сеть из переплетенных живых и засохших ветвей, лиан, ярких красных и желтых цветов. Второй этаж леса тянулся на огромное расстояние. На головы путников все время сыпались сухие листья и обрывки лиан.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Пианца.

— На первый взгляд, напоминает висячий сад, — ответил Клайстра. — У нас больше нет эколога. Брюс что-то да знал бы про это.

Сад кончился, и лучи солнца снова пробивались сквозь листву. Клайстра направился к голове колонны. Офицер бьюджулэйсцев шел, глядя строго перед собой.

— Ваше имя?

— Морватц. Командир руки, Зармандер Морватц. Сто двенадцатый в Военной Академии.

— Какой приказ вы получили?

Офицер явно не знал, стоит ли отвечать на вопрос. Он был чуть ниже среднего роста, круглолицый и темноглазый. Его акцент сильно отличался от речи его солдат. Морватц был исполнен самоуважения.

— Каков был приказ?

— Нас отдали в распоряжение землянина, — Морватц кивнул в сторону Эббиджснса. — У него был приказ, подписанный Лисиддером. Это очень большая власть.

— Приказ был адресован лично вам?

— Командиру гарнизона Монтмарчи.

— Хм, — где Эббиджанс мог достать приказ за подписью Бэджарнума Бьюджулэйса? Здесь было что-то, чего Клайстра не понимал, из-за чего не мог соединить фрагменты в единое целое. Измена Валюссера вовсе не объясняла событий последней недели.

Он задал еще несколько вопросов и узнал, что Морватц по рождению Гуэрдон, то есть принадлежит к мелкой знати, чем очень гордится. Он считал, что на Земле живут безмозглые роботы, исполняющие все действия по звонку.

— Мы, бьюджулэйсцы, скорее умрем, чем позволим так искалечить себя! — пламенно заявил он.

"Он мог бы служить подтверждением земного стереотипа. Типичный житель Большой Планеты — вспыльчивый и безрассудный", — подумал Клайстра.

Улыбнувшись, он спросил:

— Мы, что, выглядим так, как будто нам не хватает свободы воли?

— Вы — явно элита. Мы в Бьюджулэйсе не знаем такой тирании, которую вы установили на Земле. Нам о вас известно все — от тех, кто изучал вас, — он внимательно поглядел на Клайстру. — Почему вы смеетесь?

— Нэйсука, — рассмеялся Клайстра. — По причине отсутствия причины. — Вы использовали слово из лексикона высших каст, — подозрительно сказал Морватц. — Даже я чувствую себя неловко, произнося его.

— Ну и ну, — Клайстра поднял брови. — Вы не имеете права произносить некоторые слова — зато вы не живете при тирании.

— Именно. Как это и должно быть, — Морватц собрал всю свою отвагу, чтобы спросить:

— А что вы сделаете с нами?

— Если вы будете подчиняться приказам — получите равные с нами шансы. Я рассчитываю на вас и ваших людей, как на защитников. Как только мы прибудем на место — вы свободны.

— А куда вы направляетесь?

— На Территорию Земли.

— Я не знаю, где это, — покраснел Морватц. — Сколько лиг?

— Сорок тысяч миль. Тринадцать тысяч лиг.

Морватц споткнулся от неожиданности.

— Вы с ума сошли.

Клайстра рассмеялся.

— Поблагодарите за это Эббиджэнса.

Морватц собрался с мыслями.

— Впереди Земли Кочевников, цыгане. Если они захватят нас, они запрягут нас в повозки и погонят как эипанготов, — он кивнул в сторону верблюдоящеров. — Они другой расы и терпеть нас не могут.

— Я не думаю, чтобы они позарились на большой, хорошо вооруженный отряд. Морватц покачал головой.

— Шесть лун назад Этмэн Бич Божий напал на Бьюджулэйс. Там, где он прошел, осталась только земля.

Клайстра посмотрел вперед, где в просветах между деревьями уже виднелась открытая местность.

— Впереди Земли Кочевников. А что потом?

— За ними, — Морватц наморщил лоб. — Река Уст. За ней болота и Болотный Остров. После болот...

— Что же?

— Я плохо знаю восток. Дикие земли, дикие люди. На юго-востоке Фелиссима, Кристиендэйл, монорельс к Фонтану Миртлисса и оракулу. За Миртлиссом — земля Камней, но о ней я ничего не знаю. Миртлисс — очень далеко на восток.

— Сколько лиг?

— Несколько сотен. Трудно сказать точно. Отсюда до реки — 5 дней пути. Чтобы пересечь ее, вам придется воспользоваться Эдельвейсской воздушной дорогой — до Болотного Острова. Или пойти по берегу на северо-запад, к Бьюджулэйсу.

— Почему нельзя переправиться на лодках?

— Гримоботы, — с умным видом сказал Морватц.

— А это что?

— Хищные речные звери. Ужасные.

— Так. А за рекой? Что там? Где кончаются болота?

— Если идти на восток — 4 дня, — подсчитал Морватц. — ... от Кристиендэйла монорельс идет на запад в Гросгард, на юг в Фелиссиму, и на восток — к Фонтану.

— Как далеко от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Два — три дня по монорельсу. Иначе путешествовать опасно. В горах разбойники.

— А за Миртлиссом?

— Пустыня.

— А за ней?

— Спросите у оракула, — пожал плечами Морватц. — Если у вас есть металл, он ответит на любой вопрос.

Листва над головой поредела и теперь колонна шла под ослепляющим солнцем Большой Планеты. Склон переходил в открытую вересковую пустошь, волнуемую ветром. Не было и следа человека. Только с севера ветер доносил запах дыма.

Клайстра остановил колонну и перегруппировал солдат, построив их в каре вокруг зипанготов. Вьюки с дротиками охранял Элтон, удобно лежащий на носилках. У него была праща, дротик и тепловой пистолет в кобуре, уложенный так,что никто, кроме инженера не мог до него дотянуться. Эббидженс шел в первом ряду. Морватц — в арьергарде. Справа и слева от каре двигались Пианца и Фэйн с ионниками. Сзади — Бишоп и Кетч. Два часа они шли через вереск, чувствуя, как под ногами разравнивается склон.

— Кто это, цыгане?

Морватц, прищурившись, рассматривал пришельцев.

— Цыгане. Но не казаки. Воины высокой касты, возможно, политборо. Только они ездят на зипангонтах. Мы не можем отбиться от казаков. У них нет ни мужества, ни дисциплины, ни разума. Как только им удается захватить нескольких пленных или немного добычи, они уходят. Но политборо... — голос офицера дрогнул.

Клайстра посмотрел на Бишопа.

— Ты о них что-нибудь знаешь, Стив?

— Короткая глава в сборнике "Большой Планеты" Вандома. Но больше об их происхождении, чем о культуре. С начала были киргизские пастухи с Земли, по-моему, из Туркестана. Когда метеорологи усилили дожди в Закавказье, они откочевали на Большую Планету, где степи остаются степями. Ехали третьем классом вместе с племенем цыган и полинезийским семейством. По дороге Панвилсап — предводитель цыган — убил вождя киргизов и женился на Старшей Матери полинезийцев. К тому времени, как их выгрузили на Планету, он руководил всей группой. В результате — их культура это смесь киргизской, полинезийской и цыганской, очень сильно деформированная личностью Панвилсапа.

Цыгане были теперь на расстоянии мили и все еще не увеличили скорость. Клайстра повернулся к Морватцу:

— Как они живут?

— Они разводят зипанготов, кроликоловов, печанье, молочных крыс. Ловят черепах в горячих источниках, собирают личинки цикад.Весной и осенью совершают набеги на Бьюджулэйс, за рабами. Еще они грабят Керантен на севере и Рамспур на юге. Уст отделяет их от Фелиссимы и Реббиров из Гнезда. Ах, — мечтательно вздохнул он, — какая могла быть война между Реббирами и цыганами.

— Типично кочевое общество, — заметил Бишоп,— почти не отличаются от древних скифов.

— Я не понимаю, почему вас так интересует их образ жизни, — раздраженно сказал Морватц. — Этой ночью мы будем тащить их повозки.

ГЛАВА VII
ЭТМЭН БИЧ БОЖИЙ

Солнце было в зените и серо-зеленый вереск пах медом. По мере того, как всадники приближались, к ним присоединялось все больше пеших казаков. Они бежали за медленно трусящими зипанготами.

— Это их обычный способ нападения? — спросил Клайстра.

Морватц почесал в затылке.

— У них нет обычных способов.

— Прикажите вашим людям взять по пять дротиков из вьюка и быть наготове, — сказал Клайстра.

Морватц явно пришел в себя. Он побежал вдоль фронта, выкрикивая приказы. Бьюджулэйсцы подтянулись, подравняли строй. Они по очереди подходили к зипанготам, брали дротики и возвращались в каре.

— Ты не боишься, что... — проговорил Бишоп.

— Я не боюсь выглядеть испуганным, — сказал Клайстра. — Без оружия они кинуться к лесу как кролики. Это вопрос выдержки. Мы должны вести себя так, как будто цыгане — прах под нашими ногами.

— Теоретически вы правы.

Всадники остановились в сорока ярдах от каре, как раз вне предела досягаемости пращ. Их зипанготы были больше бьюджулэйских — холеные с длинными тяжелыми шеями, с блестящей кожей. На них была кожаная сбруя с грубыми украшениями и у каждого на морде было что-то вроде носорожьего рога.

На певом зипанготе сидел высокий дородный человек в голубых сатиновых штанах, коротком черном плаще и голубой шапке. В каждом его ухе висело по большому медному кольцу, на груди он носил медаль из полированного железа. Лицо было круглым, мускулистым, с тяжелыми веками. Клайстра услышал бормотание Морватца.

— Этмэн Бич Божий.

Клайстра оглядел вождя цыган, спокойно кивнул. Равнодушие всегда поражает больше самоуверенности. За Этмэном стояла дюжина всадников, а за ними кралось около сотни мужчин и женщин в темно-красных шароварах, синих или зеленых блузах и в остроконечных колпаках.

Клайстра повернулся, чтобы проверить строй — что-то просвистело мимо его лица. Он отскочил, наклонился и взглянул в невозмутимое лицо Эббидженса, медленно опускающего пращу.

— Морватц, заберите у него оружие, свяжите руки и ноги. На мгновение Морватц заколебался, затем отдал приказ. Клайстра уже не обращал внимания на свалку за спиной, ибо политборо спешились и направлялись к нему.

Этмэн остановился в нескольких шагах от Клайстры, улыбаясь и поигрывая хлыстом.

— О чем вы думали, вторгаясь в земли цыган? — речь его была легкой и стремительной.

— Мы идем в Кристиендэйл, дорога лежит через ваши земли.

— Выходя в степь, вы рискуете свободой.

— Работорговцы рискуют больше.

— Нам ли бояться солдат? — презрительно отмахнулся Этмэн.

И тут Клайстра услышал крик:

— Клод!

Он окаменел, потом понял, что Этмэн с удовольствием следит за ним.

— Кто назвал мое имя?

— Женщина со склона, которую мы поймали в лесу. За нее дадут хорошую цену.

— Отдай ее мне. Я заплачу.

— Так ты богат? Это удачный день для цыган, — лениво сказал Этмэн.

— Приведи ее сюда, или я пошлю за ней человека.

— Человека? Одного? Этмэн насмешливо сощурился. — Кто вы? Вы не из Бьюджулэйса, а для жителей Монвира у вас слишком темная кожа. Клайстра осторожно вытащил ионник.

— Мы — электрики, — он улыбнулся собственной шутке.

Этмэн потер свой тяжелый подбородок.

— Где живет ваш народ?

— Это не народ, а профессия.

— А. Таких среди нас нет. Мы воины, убийцы, работорговцы.

Клайстра уже нашел решение. Он повернул голову.

— Приведите Эббиджeнса. Электрики, видите ли, могут убивать взмахом руки.

Эббиджeнса вытолкнули вперед. Клайстра сказал:

— Если бы твоя смерть не была нужна для дела, я клянусь, доставил бы тебя на Территорию Земли для исправления, — он поднял ионник. Эббиджeнс вскинул голову и рассмеялся:

— Неплохую шутку сыграл я с вами, Клод Клайстра!

Через мгновение Эббиджeнс был мертв.

Этмэн не казался испуганным.

— Отдай мне женщину. Иначе я убью тебя, — властно сказал Клайстра. — Быстро!

Этмэн удивленно поднял брови, что-то пробормотал, потом махнул своим.

— Дайте ему ее.

Нэнси упала, дрожа и плача, к ногам Клайстры. Он даже не посмотрел на нее.

— Идите своей дорогой, а мы пойдем своей, — сказал он.

Но Этмэн быстро сравнял счет.

— Я уже видел такие штуки. Наши копья убивают также верно. Особенно, когда темно и копья летят со всех сторон.

Клайстра повернулся к Морватцу.

— Командуйте "марш".

Морватц вскинул руки вверх и опустил.

— Вперед.

Этмэн улыбнулся и кивнул.

— Возможно, мы еще встретимся.

Великий склон остался позади. Впереди была степь, широкая как океан, поросшая серо-зеленым вереском с темными пятнами папоротника в ложбинах. Позади остались цыгане: пешие казаки и политборо на своих зипанготах.

В середине дня на горизонте появилось темное пятно.

— Похоже на деревья. Вероятно, родник, — сказал Фэйн.

Клайстра напряженно всматривался в степь.

— По-моему, это единственное укрытие на десятки миль. Мы станем лагерем здесь, — он посмотрел назад, на темные точки в степи.— Боюсь, что у нас будут неприятности.

В глубине рощи бил маленький родник, обложенный камнями. Вода была подозрительного цвета, но бьюджулэйсцы пили ее с удовольствием. Около родника лежала большая куча веток со странного вида желтыми плодами и чан с чем-то, напоминающем пиво.

Солдаты с воплями ринулись к чану. Морватц выкрикнул приказ, остановил их. Крайне недовольные, солдаты ринулись обратно.

Клайстра достал из вьюка кружку и протянул Морватцу.

— Норма на каждого.

Он услышал восторженные крики солдат и сказал Пианце:

— Если бы мы могли каждый вечер поить их грогом, нам не пришлось бы их охранять.

Пианца покачал головой.

— Совсем как дети. Никакого контроля над эмоциями. Надеюсь они не напьются.

— Напьются или нет, главное, что мы не можем расслабиться. Ты с Фэйном — первая вахта. Через четыре часа вас сменю я с Бишопом. Не спускайте глаз с вьюка с дротиками. — Он пошел сменить Элтону повязку, но увидел, что с раненным уже сидит Нэнси.

Бьюджулэйсцы, распевая, разожгли костер и подкинули в огонь несколько веток из кучи, от которых дым при-

обрел острый, пряный запах. Пианца был явно уже обеспокоен.

— Они уже пьяны. И, боюсь, могут стать неуправляемыми. Клайстра смотрел на солдат с растущим раздражением. Те, толкаясь и крича, пытались пробиться туда, где дым был гуще. Их лица расплывались в идиотских улыбках. Те, кого вытолкнули, с проклятиями пытались прорваться обратно.

— Какой-то наркотик, — сказал Клайстра. — Местный аналог марихуаны. Морватц!

Красноглазый Морватц вышел из дыма и несколько раз тряхнул головой, будто сметая опьянение.

— Накормите ваших людей и устраивайтесь на ночлег. Хватит дышать дымом. Морватц кивнул и после недолгих, хотя и яростных пререканий привел лагерь в порядок.

Сварили котел каши. К каше полагалась добавка — горсть сушенного мяса и зелень.

Клайстра подошел к Морватцу. Тот ел отдельно от своих солдат.

— Что это за дым?

— Это зигаге, очень сильное зелье, очень ценное. Но только низшие касты вдыхают дым — очень вульгарно, да и ощущения не те.

— А как же его используют высшие касты?

Морватц тяжело вздохнул.

— Обычно я вообще им не пользуюсь. Зигаге высасывает жизнь — дым, жидкость, трубка — люди дорого платят за эту радость. Простите, а что глотает ваш спутник?

Стив Бишоп запивал водой очередную порцию витаминов.

— Это другое дело, — улыбнулся Клайстра. — Бишоп думает, что это укрепляет его здоровье. Если скормить ему мел, вместо витаминов, он не заметит.

— Еще один странный и бесполезный обычай землян, — сказал озадаченный Морватц.

Клайстра вернулся к своим товарищам. Нэнси уже закончила перевязку и теперь сидела рядом с зипанготами.

Со стороны костра донеслась ругань. Какой-то солдат снова подбросил зигаге в огонь и теперь, Морватц пытался оттащить его от костра. Солдат, с налитыми кровью глазами, отчаянно сопротивлялся. Клайстра встал.

— Дисциплина. Ладно. Надо дать им урок.

Морватц вытаскивал из костра дымящиеся ветви. Солдат, не помня себя, вскочил и ударил его. Морватц упал лицом в огонь.

Роджер Фэйн кинулся вперед, чтобы помочь стонущему Морватцу. Трое солдат навалились на него и сбили с ног. Пианца выхватил ионник, но не стрелял — боялся попасть в Фэйна. Солдаты окружили его. Прежде, чем его повалили, он убил троих.

Земляне лежали безоружные, руки скрученные за спиной.

Рядом лежал несчастный Морватц. Тот солдат, что ударил его, вынул свой меч и добил офицера. Потом подошел к своим пленникам. Провел острием меча по подбородку Клайстры.

— Ваши жизни не в моих руках, — солдат взмахнул мечем. — Мы вернемся в Горсгарт. И получим деньги и звания. Пусть Лисиддер разбирается с вами.

— А цыгане? — выдохнул Клайстра. — Они доберутся до нас.

— Тьфу. Грязные животные! — рассмеялся солдат. — Мы убьем их, если они придут. — Он дико взревел, потом взял кипу веток из кучи и швырнул в костер. Поднялся густой дым и солдаты ринулись в него, отталкивая друг друга.

Клайстра заворочался в веревках, но они крепко держали его. Он чуть не свернул себе шею. Где Нэнси?

Он уловил дальний звук, прислушался — со стороны степи доносилось пение, перелив четырех нот, изредка прерываемый звуком горна.

Поднялся ветер. Дым зигаге несло прямо на них. Не вдыхать его было невозможно. Едкий и приторный, он просачивался сквозь ноздри. Первым ощущением была удвоившаяся, утроившаяся сила. Цвета, запахи, звуки стали ярче и четче. Каждый лист на дереве был неповторим, каждое биение пульса открывало вселенную.

Казалось, мозг не выдерживает этого наплыва счастья. И одновременно, другая часть мозга яростно работала. Проблемы становились удивительно простыми. Трудности — вроде скрученных рук и перспективы встречи с Чарли Лисиддером — едва ли заслуживающими внимания.

А пение звучало все ближе. Клайстра отчетливо слышал его, наверное, бьюджулэйсцы слышали его тоже.

Пение гремело совсем рядом и солдаты опомнились. Они оторвались от костра — налитые кровью, выпученные глаза, испитые лица, перекошенные рты, жадно хватающие воздух.

Их командир — убийца Морватца — запрокинул голову как волк и завыл. Остальные подхватили. Смеясь и крича, они расхватывали дротики и кинулись в беспорядке навстречу цыганам.

Командир что-то выкрикнул, солдаты на бегу приняли какое-то подобие строя и исчезли в темноте.

Роща была пуста. Клайстра перекатился на колени, встал на ноги и огляделся, пытаясь найти хоть какое-нибудь средство снять свои путы.

Пианца прохрипел:

— Подожди. Я посмотрю, могу ли я развязать веревки. — Он тоже встал на колени, потом на ноги, прижался спиной к спине Клайстры, потом сказал со вздохом:

— Мои пальцы затекли. Я не могу ими двигать...

Солдаты уже выбежали в степь, на которую опустились сумерки. Пение цыган умолкло и только горн продолжал звучать. Было трудно что-либо разглядеть. Клайстра видел падающие тела и отчаянную атаку бьюджулэйсцев.

Сражение поглотила ночь.

ГЛАВА VIII
ПРОБЛЕМА ВИТАМИНОВ

Клайстра безуспешно пытался разорвать веревки на запястьях Пианцы. Его пальцы распухли и потеряли чувствительность. Он почувствовал внезапную слабость, мыслил с трудом, — видимо, последствия наркотика.

Шум боя то нарастал, то затихал. Из колодца вылезла дрожащая и мокрая Нэнси.

— Нэнси! Скорее сюда.

Она растерянно поглядела на Клайстру, неуверенно шагнула вперед, остановилась, глядя в степь, где все еще шла свалка.

До пленников донесся победный крик солдат.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. — Освободи нас — пока нас всех не перебили! Нэнси поглядела на него со странным презрительным выражением.

Глубокие сильные голоса наполнили воздух. Крики солдат оборвались. И четко стало слышно, кто ведет боевую песнь — Этмэн Бич Божий.

— Нэнси! Сюда! Развяжи нас. Они будут здесь через минуту!

Она кинулась вперед, вытаскивая нож. Земляне вставали, разминая затекшие запястья. Боль от восстанавливавшегося кровообращения усиливало наркотическое похмелье.

— В конце концов, нам больше не придется сторожить бьюджулэйсцев, — пробормотал Клайстра.

— У цыган сегодня праздник, — сказал Бишоп. Он был единственным, кто сохранил силы, как будто и не получал своей порции дыма зигаге. Клайстра с завистью наблюдал, как Стив носится по поляне, собирая вещи. Его собственные мускулы сейчас напоминали тряпки.

Мосс Кетч с усилием поднял что-то с земли.

— Чей-то ионник.

Клайстра обшарил поляну и нашел свой пистолет там, где его беспечно бросил.

— Вот мой. Их это не заинтересовало. — Ветер дохнул ему в лицо дымом. Клайстра снова почувствовал себя счастливым. — Черт! Сильное зелье. Стив Бишоп лег на землю и стал отжиматься. Заметив ошеломленные взгляды остальных, легко вскочил.

— Я чувствую себя великолепно, — улыбнулся он. — Этот дым — прекрасный допинг.

Степь молчала. Высоко в небе мерцали чужие звезды.

И тут снова зазвенела боевая песнь цыган. Громко и совсем рядом. Что-то свистнуло в вышине, прошелестело сквозь листву.

— Ложись, — прошептал Клайстра. — Стрелы. Все от огня!

А песня становилась все громче. Четыре ноты в странном, прыгающем ритме и непонятные слова.

Голос Этмэна звучал как гром.

— Выходите, чужестранцы, жалкие бродяги, выходите... Я Этмэн Бич Божий. Этмэн Работорговец. Ваша жизнь — бремя для вас, ваши мысли тяжелы. Выходите,

я привяжу вас к своей повозке, вы будете есть траву и вас не обеспокоят мысли. Выходите ко мне.

Они увидели его силуэт и кольцо зипанготов за ним. Клайстра прицелился, потом опустил пистолет. Это было все равно, что рубить вековое дерево.

— Лучше оставь нас в покое, Этмэн! — крикнул он.

— Ба! — сколько презрения было в этом звуке. — Вы не смеете встретиться со мной. Я пойду к вам, одолею ваши электрические штуки, согну ваши шеи.

Клайстра опустил пистолет еще ниже, затем собрался, смахнул с себя чары этого человека и нажал на спуск. Багровый луч вошел в грудь Этмэна — и ничего не произошло. "Он заземлен", — в панике подумал Клайстра.

Фигура Этмэна четко виднелась на фоне костра. Огромная, больше, чем жизнь...

Бишоп поднялся на ноги и медленно пошел к Этмэну. Цыган пригнулся. Внезапно Бишоп резко взмыл вверх и приземлился за спиной противника. А тот совершил замечательное сальто-мортале и упал. Бишоп вскочил ему на спину, взмахнул рукой, потом встал, отряхивая ладони. Клайстра, все еще ничего не понимая, кинулся к нему.

— Что ты сделал?

— Попробовал на нем прием дзюдо, — скромно ответил Бишоп. — Этот тип выигрывал сражения голосом и гипнозом. На деле, он совершенно безобиден.

Кажется, я убил его первым ударом.

— Я не знал, что ты владеешь дзюдо.

— Не владею. Несколько лет назад я прочел книжку о дзюдо. А сейчас вспомнил. Черт. Ты посмотри, сколько зипанготов.

— Они, наверное, принадлежали тем политборо, которых убили солдаты. Теперь они принадлежат нам.

— А где же остальные цыгане.

Клайстра прислушался. В степи было тихо.

— Ушли.

Они вернулись в рощу, ведя за собой зипанготов.

— Нам пора отправляться, — сказал Клайстра.

— Сейчас!? — возмутился Фэйн.

— Сейчас, — огрызнулся командир. — Мне это нравится не больше, чем вам. Но, — он показал на зипанготов, — теперь мы можем ехать верхом.

Утро, день и вечер земляне провели верхом, едва держась в седлах от слабости. Из-за резкой, прыгающей походки верблюдоящеров спать в седле было невозможно. Наконец небо потемнело.

Они развели в ложбине костер, сварили и съели кашу, выставили часовых и улеглись спать.

На следующее утро Клайстра открыл глаза и увидел, что Бишоп делает пробежки туда и обратно по склону ложбины. Командир протер глаза, зевнул и с усилием поднялся на ноги. Он чувствовал себя полностью разбитым.

Шатаясь, он подошел к Бишопу.

— Какая муха тебя укусила? Ты раньше никогда не делал зарядку. Длинное некрасивое лицо Бишопа пошло красными пятнами.

— Сам не понимаю. Я в прекрасной форме. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Наверное, подействовали витамины.

— Они почему-то не действовали, пока мы не надышались зигаге. Вот тогда это пошло как лавина и ты разделал Этмэна на котлеты.

— Как ты думаешь, это навсегда?

Клайстра потер подбородок.

— Если так, то это замечательно. Но почему тогда остальные чувствуют себя отвратительно? Ведь мы ели и пили одно и то же. За исключением — он удивленно посмотрел на Бишопа. — Ты ведь накачал себя витаминами, прежде, чем нас связали!

— Ну да. Это так. Интересно, может, тут есть какая-то связь... Очень интересно.

— Если мне еще когда-нибудь придется вдыхать зигаге, — пробормотал Клайстра. — Я узнаю наверняка.

Четыре дня от восхода до заката они ехали по степи, не видя людей, пока в середине четвертого дня не натолкнулись на двух девушек-цыганок. Им было лет по шестнадцать. Они пасли стадо грязно-желтых животных — печавье. Девчушки носили полосатые халаты, ноги их были обмотаны тряпьем. Завидев всадников, девушки бросили свое стадо и кинулись к ним.

— Вы чужеземцы — работорговцы? — радостно спросила первая. — Вы не возьмете нас?

— Простите, — сухо сказал Клайстра. — Мы просто путешественники. Ваш народ тоже торгует рабами. Зачем искать чужестранцев? И откуда столько энтузиазма?

Девушки захихикали, и Клайстра почувствовал, что сказал глупость.

— Рабов часто кормят и едят они с тарелок, им позволяют укрываться от дождя. Цыгане не продают людей своей крови и мы живем хуже, чем рабы.

В нерешительности, Клайстра разглядывал девушек. Если он будет исправлять каждую несправедливость по дороге, то никогда не доберется до Территории Земли. Он обернулся к своим. Элтон поймал его взгляд.

— Я могу взять хорошую служанку, — легко сказал он. — Ты, как тебя зовут?

— Мотта. А это — Вэйли.

— Есть еще желающие? — устало спросил Клайстра.

Пианца покачал головой. Фэйн засопел и отвернулся.

Стив Бишоп произнес с видом экспериментатора:

— Я, пожалуй, возьму.

Еще три дня в степи и каждый похож на предыдущий. На четвертый день рельеф начал меняться. Вереск стал выше и сквозь него труднее было ехать. Иногда встречались роскошные кусты высотой около шести футов с листьями, похожими на хвост павлина. Впереди блестела голубая полоса. Цыганки сказали, что это река Уст.

В середине дня они добрались до Эдельвейса — деревянного форта с трехэтажными башнями по углам.

— Иногда, южные казаки нападают на волшебников, — объяснила Мотта. — Их не пускают на Распродажу — вид голых ног сводит их с ума и они начинают убивать. Но они ценят серую соль, которую привозят с верховьев Уста, из Гаммерея. У волшебников ее много. Поэтому Эдельвейс хорошо охраняется. Город в свете полуденного солнца казался игрушечным, собственной миниатюрной копией — коричневые дома с черными окнами и двускатными красно-зелеными крышами. В центре города стояла высокая мачта с большим шаром наверху, напоминавшая смотровую надстройку на паруснике.

— Здесь начинается воздушная дорога до Болотного острова. А еще отсюда наблюдают небо. Самые мудрые из волшебников могут читать судьбу по облакам.

— По облакам?

— Так говорят. Но мы, женщины, знаем мало.

Они ехали по направлению к реке и во второй половине дня достигли ее. Широкий Уст тек с севера и потом поворачивал на запад. На поверхности бурлили водовороты, как будто какое-то подводное чудовище всасывало воду. Другой берег — пологий и низкий — порос густым лесом. Посредине реки лежал небольшой остров.

— Смотрите! — хрипло закричал Фэйн. И без его крика все глаза уже были прикованы к воде. Со стороны острова подплывало черное чудовище. Его тело было круглым и гладким, а голова, напоминавшая лягушачью, была перерезана огромным ртом. Голова качалась в разные стороны, что-то подхватывала с поверхности воды и, чавкая, жевала. Зверюга описала круг и скрылась в зарослях у противоположного берега.

Фэйн облегченно вздохнул.

— Это да. Неплохое соседство.

Пианца внимательно оглядел реку.

— Меня удивляет, что кто-то отваживается пересекать ее.

— Все пользуются воздушной дорогой, — ответил Элтон. Тонкий серый провод тянулся от башни в центре Эдельвейса до одного из деревьев на другом берегу. На середине реки он висел всего в пятидесяти футах над водой.

Клайстра раздраженно фыркнул:

— Они действительно сшили два берега. Нам придется просить перевоза.

— Вот так волшебники и получили свое богатство. — сказала Мотта.

— Они обдерут нас как липку, — проворчал Фэйн.

Клайстра провел рукой по волосам.

— У нас нет выбора. И они направились вдоль берега к Эдельвейсу. Перед ними возвышались стены города — балки двухфутовой толщины, связанные наверху лианами и скрепленные штифтами. Дерево казалось теплым и мягким. Клайстра подумал, что решительный человек легко мог бы прорубить себе дорогу топором.

Когда они подошли к воротам, то увидели, что ворота распахнуты и ведут в маленький, окруженный стенами, двор.

— Странно, — сказал Клайстра. — Ни стражи, ни привратника. Никого.

— Они напуганы, — хихикнула Вэйли и закричала: — Волшебники! Выходите и проведите нас к воздушной дороге!

Нет ответа. Что-то прошуршало за стенами.

— Выходите! — завизжала Мотта. — Или мы сожжем стены!

— Боже мой, — пробормотал Пианца. Бишоп зажал уши руками. Вэйли не хотелось отстать от подруги.

— Выходите и приветствуйте нас — иначе мы перебьем всех!

Стив Бишоп заткнул ей рот.

— Вы что, с ума сошли!?

— Мы перебьем всех волшебников и снесем город в реку!

В проеме что-то зашевелилось. Из него вышли трое лысых дрожащих старцев. Их голые, не прикрытые лохмотьями ноги, состояли из костей и вен.

— Кто вы? — спросил первый. — Идите своей дорогой, у нас ничего нет.

— Мы хотим пересечь реку, — сказал Клайстра. — Перевезите нас и мы больше не будем вас беспокоить.

Старцы о чем-то посовещались, бросая на Клайстру подозрительные взгляды.

— Вы опоздали. Вы должны подождать.

— Подождать? Чего? — потребовал Клайстра.

— Мы мирные волшебники, безобидные заклинатели и торговцы. А вы — люди из Разбойничьих земель и, конечно, собираетесь отнять у нас наше добро.

— Восьмером? Ерунда! Мы хотим переправиться.

— Это не возможно, — дрожащим голосом ответил старец.

— Почему?!

— Это запрещено, — все трое кинулись в проем. Ворота захлопнулись.

Клайстра закусил губу.

— Какого черта!

Эса Элтон показал на мачту.

— Там гелиограф. Они посылали сигналы на запад. У них приказ Бэджарнума.

— В этом случае, — сказал Клайстра.— Мы должны переправляться немедленно. Здесь мы в ловушке.

Фэйн оглядел берег.

— Лодок не видно.

— И плот не из чего сделать.

— Плот нам не поможет, — нахмурился Фэйн, — у нас нет ни парусов, ни весел.

Клайстра рассматривал стену Эдельвейса. Элтон улыбнулся.

— Пари, что мы думаем об одном и том же.

— Тот кусок стены, что стоит параллельно реке — это готовый плот.

— Ну и что, — сказал Фэйн. — Здесь такое течение, что нас снесет до Марванского залива.

— Есть очень простой способ. — сказал Клайстра. Он снял с вьюка веревку и сделал с нее лассо. — Я лезу на стену, а вы прикрываете меня с низу. Он закинул лассо на балку, подтянулся, осторожно взобрался на стену и поглядел вниз.

— Никого нет. Тут крыши. Кто-нибудь... Элтон, давай ко мне.

Когда Элтон залез на крышу, за темными стенами и закрытыми окнами не было слышно ни звука.

ГЛАВА IX
ГРИМОБОТ

Они услышали треск — Мосс Кетч тоже взобрался на стену.

— Хотел посмотреть Эдельвейс изнутри. Мерзкое местечко.

— Посмотрите на стену, — сказал Клайстра. — Если мы разрежем веревки и сломаем шрифты здесь и здесь, то сможем спустить стену прямо в реку.

— А как с великими речными змеями — гримоботами? — спросил Кетч.

— Неизвестное в нашем управлении. Придется рискнуть.

— Они могут поднырнуть под плот?

— Наверное, — сказал Клайстра. — Ты не хочешь остаться здесь?

— Ну, нет.

Элтон взмахнул руками.

— Давайте займемся делом.

Клайстра поглядел на небо.

— До заката еще час. Достаточно, чтобы управиться, если все пойдет хорошо. Кетч, давай вниз и гони всех, включая зипанготов на берег под обрыв. Будь осторожен,

когда мы обрушим стену. Если плот упадет в реку, тащите его на берег, чтобы он не уплыл.

Кетч спрыгнул на землю.

— Мы должны сделать дело, прежде чем они поймут, чем мы заняты. — Клайстра поглядел вниз. В 20 футах кончался обрыв и еще 50 футов до берега. — Стена поедет вниз под собственной тяжестью.

— 50 футов будет достаточно, — сказал Элтон. — Очень легкое дерево. — Мало. Но это все, что мы можем взять. Я не думаю, что волшебники будут стоять и смотреть, когда мы начнем работу.

На берегу появились зипанготы, Кетч, Пианца, Фэйн, Деррот и девушки.

Клайстра кивнул Элтону, вынул свой нож и полоснул по первой веревке. Сзади послышались внезапные крики ярости. Из ниоткуда, крича и воя, вынырнули 4 старухи. Рядом с ними появилось несколько волшебников — худых, белокожих, размалеванных зеленью.

Веревка разошлась.

— Пора, — сказал Клайстра. — Пока они не навалились на нас. — Он вытащил ионник. Раз, два, три. Стена зашаталась. Они уперлись в нее плечами и толкнули. Стена перекосилась и застыла.

— Вниз, — скомандовал Клайстра. — Там есть еще несколько веревок,— он нагнулся и заглянул под крышу.— Придется стрелять вслепую. Ты со своей стороны, я — со своей.

Две полосы багрового цвета протянулись вниз. Нижние концы бревен охватил огонь. Стена подалась и затрещала.

— Двигаем! — крикнул Клайстра. — А теперь быстро назад! — Стена развалилась, часть ее поползла вниз, упала ребром на берег, покачалась и с грохотом ухнула в реку.

Клайстра проследил, как Кетч закрепляет плот у берега и развернулся, чтобы встретить атаку волшебников. Они яростно кричали, но отступали назад, встречая взгляд Клайстры. Женщины размахивали руками, ругались и кричали, но тоже не двигались вперед. Клайстра поглядел на реку. Стена, ставшая плотом, мирно покачивалась на воде, удерживаемая веревкой Кетча. Фэйн и Пианца стояли рядом, задрав головы.

Клайстра закричал:

— Заводите животных на плот и стреножьте в середине!

Бишоп закричал что-то, чего Клайстра не понял. Волшебники подбирались все ближе.

— Назад, — жестко сказал Клайстра, — или я перерублю ваши длинные ноги.

— Его слова не оказали действия, волшебники продолжали наступать. В руках у них появились длинные острые пики.

— Похоже, нам придется уложить нескольких, — сказал Клайстра, — если они не остановятся. — Он прицелился в крышу и прожег дыру в футе от ближайшего волшебника. Тот даже не повернул головы и продолжал идти вперед.

— Чертовы истерики, — пробормотал Клайстра. — Бедняги. Мне это не нравиться, — он нажал на спуск. Объятые пламенем люди падали с крыш, скатывались по лестницам.

Клайстра перегнулся через стену и крикнул:

— Кончайте скорей и будьте готовы!

Элтон глядел на мачту.

— Нам нужно подрезать все — и мачту, и веревки. Смотри — три провода ведут наверх. Еще три к креплению в середине. Если мы перережем три верхних — мачта тихо сломается.

Клайстра проверил магазин своего ионника.

— Надо беречь энергию. У нас не так много осталось. — Он прицелился и выстрелил. Со звуком лопнувшей струны, три кабеля, извиваясь опустились на крыши Эдельвейса. Мачта треснула как морковка и рухнула у самых ног землян. Крики прекратились.

Элтон крикнул вниз:

— Внимание! Идет!

Кабель, соединявший берега, был натянут очень туго и теперь, когда напряжение исчезло, поволок обломок мачты по крышам, через пролом, за обрыв.

— Держите его, — крикнул Клайстра, — привязывайте к плоту! — Он начал спускаться по стене. Элтон за ним. Они скатились по обрыву и вылетели на берег.

— Скорей, — звал Пианца. — Наш якорь долго не выдержит! Он может порваться в любую минуту!

Клайстра и Элтон вбежали в воду, вскарабкались на плот.

— Поехали.

Плот тронулся, оставляя за собой обрыв — черную линию в сумерках и опустошенный, опечаленный Эдельвейс.

— Бедняги, — сказал Клайстра.

Течение сносило плот на запад, но кабель разрушенной воздушной дороги удерживал его на курсе.

— Ах, — воскликнул Фэйн, тяжело опускаясь на вьюки. — Мир, покой — какая прелесть!

— Подержи восторги до того берега, — сказал Кетч. — Или до встречи с гримоботом.

Фэйн вскочил.

— Я совсем забыл о них! Боже! Где они... Не одно, так другое!

— Посмотрите, — тихо сказал Бишоп. Все обернулись и увидели темное пятно почти рядом с краем плота, — что-то плоское, блестящее и, видимо, очень большое. Оно зашевелилось и вспрыгнуло на плот... Шесть дюймов в диаметре.

Эли Пианца рассмеялся. Бишоп наклонился к "чудовищу".

— Мне казалось, что это кончик щупальца.

— Местная разновидность пиявки.

— Однако, вид у нее, — Бишоп сбросил гостью обратно в реку.

Плот дернулся, остановился, вода вокруг заволновалась.

— Что-то прямо перед нами, — шепнул Клайстра. Мотта и Вэйли заплакали.

— Тихо, — скомандовал Клайстра. Девушки умолкли. Движение прекратилось и вода успокоилась.

Бишоп дотронулся до руки Клайстры.

— Посмотри на Эдельвейс.

Над одной из башен города появился фонарь. Он вспыхивал и гас, вспыхивал и гас.

— Код. Они с кем-то разговаривают. Наверно, с Болотным островом. Надеюсь, они не собираются перерезать свой конец кабеля.

— Фэйн может поплыть на тот берег с сообщением, — предложил Элтон. Фэйн недовольно вздохнул. Элтон хихикнул.

Из-за острова, задрав голову, выплыл гримобот. Мрак скрывал его очертания, но не мог скрыть огромных горящих глаз. Вода журчала, смыкаясь за ним. Гримобот что-то журчал про себя.

— Он видит нас, — сказал Клайстра, вытаскивая ионник. — Надеюсь, я смогу ранить или отогнать его. На то, чтобы убить его, у нас не хватит энергии.

— Целься в голову, — сказал Пианца. — Глаза. Пусть он не видит нас. Клайстра кивнул. Пламя охватило животного, но гримобот не изменил направления. Клайстра прицелился в туловище. Звук рвущейся ткани. В боку гримобота открылась рваная рана, из которой сыпалось что-то белое. Клайстра перевел прицел на уровень ватерлинии. Чудовище закричало человеческим голосом.

— Копья, — крикнул Клайстра. — Они бросают копья!

Удар. Что-то вонзилось в дерево за его спиной. Затем еще удар, еще, — потом странный звук и гортанный крик. Клайстра вскочил.

— Кетч!

Мосс Кетч попытался вытащить копье из своей груди, упал на колени, все еще сжимая древко руками.

— Они идут на абордаж! — воскликнул Фэйн.

— Разойдитесь, — сказал Пианца. Он приподнялся на локте. Оранжевое пламя вырвалось из теплого пистолета, упало на волшебников, сметая их с плота в реку.

Гримобот, глубоко сидя в воде, плыл по течению, прочь от плота. Клайстра осторожно перевернул Кетча. Руки Мосса окостенели на древке копья. Клайстра встал и поглядел на темные стены Эдельвейса.

— Фэйн, помоги.

Он поднял Кетча за ноги, Фэйн наклонился, взял мертвеца за плечи.

— Что ты собираешься делать?

— Бросить его в реку. Что мы еще можем?

Фэйн открыл рот, что-то пробормотал. Клайстра ждал. Наконец Фэйн заговорил подчеркнуто вежливым тоном.

— Мы могли бы похоронить его. Я имею в виду по-настоящему...

— Где? В болотах?

Фэйн поднял тело.

Клайстра стоял, глядя на удаляющийся Эдельвес.

— Гримобот — мошенничество. Коммерческое предприятие — отпугнуть людей от реки, чтобы они пользовались воздушной дорогой...

Ночь опустилась на Большую Планету. Берег казался черным. На плоту молчали. Они плыли вниз по реке, уносимые течением. А в сторону берега их тянул кабель бывшей воздушной дороги.

Над ними возвышались сосны Болотного острова. Уши забивало жужжание и гудение бесконечных насекомых. Было очень темно.

Плот медленно вошел в прибрежный ил и остановился.

— Мы подождем до рассвета, — сказал Клайстра. — Давайте поспим. Но никто не уснул. Все сидели, глядя на черную воду, поглотившую Кетча. Их охватило странное ощущение пустоты. Как бывает, когда болит давно ампутированная рука.

Рассвет пришел как ниоткуда, серебристый, мягкий. Потом восток окрасился желтым, оттесняя черный лес Болотного острова. Крик Мотты разорвал тишину.

Клайстра мгновенно обернулся, кровь стучала в его висках. Огромное черное тело плыло через реку, над ним вздымалась бочкообразная голова, перерезанная узким ртом. Голова покачивалась на шее, изредка погружалась в воду, когда она выныривала, рот был забит желтоватым мхом. Зверюга покружилась на месте, потом скрылась с глаз.

Люди на плоту обрели способность двигаться. Женщины были в истерике. Клайстра покачал головой:

— Значит, гримоботы все-таки существуют.

— Готов поклясться на Библии, — заявил Фэйн.

— Но они — вегетарианцы. Волшебники пустили слух о хищниках, чтобы заменить лодки воздушной дорогой. Ладно, пошли.

Плот свободно плыл по реке. Навьюченные и оседланные зипанготы в нетерпении били ногами и изгибали длинные шеи.

Клайстра прошел немного вглубь болота, пробуя землю. Из-за крутых кочек, покрытых серо-зеленым мхом трудно было двигаться. Только кое-где между кочками плескалась черная вода.

Клайстра вернулся к реке. Зипанготов построили в линию так, чтобы голова последующего чуть не упиралась в хвост предыдущего.

— Вперед, — сказал Клайстра.

Река осталась позади и скоро исчезла из виду. Караван полз как змея в высокой траве, изгибаясь влево и вправо, тщательно огибая "окна" черной воды.

Солнце уже встало и полосатые тени ложились на стволы деревьев.

ГЛАВА X
МОНОРЕЛЬС

Около полудня они увидели перед собой просвет — озеро. Серебристую поверхность морщили мелкие волны, в глубине отражались облака. У противоположного берега качалось несколько узких лодок под латинскими парусами. А дальше виднелся Город-на-Болотах. Он висел в воздухе у самых вершин деревьев, как мираж, и напоминал Клайстре старинные рыбачьи поселки на сваях.

Какое-то время путешественники разглядывали город. Пронзительный крик заставил их обернуться — что-то маленькое и пестрое пролетело над их головами, бешено работая крыльями.

— На мгновение, — сказал Фэйн, — мне показалось, что это опять волшебники.

Они вернулись в лес. Снова пошли зигзагами — им почти не удавалось идти по прямой. Огромное солнце плыло по небу вслед за ними. Через несколько часов Клайстра увидел в вышине стены Города-на-Болотах. Через пять минут караван вошел в его тень.

—. Минуточку, — сказал спокойный голос. Путешественники обернулись и увидели, что окружены отрядом солдат в зеленых мундирах.

— Какое дело привело вас сюда? — спросил офицер.

— Мы путешествуем.

— Путешественники? — офицер поглядел на зипанготов. — Откуда вы прибыли?

— Из Джубилита, что на севере Бьюджулэйса.

— Как вы переправили этих животных через Уст? Не по воздушной дороге — это точно, иначе наш агент сообщил бы нам.

— Мы переправились на плоту, прошлой ночью.

Офицер дернул себя за ус:

— А как же грибомоты...

— Волшебники морочили вам голову, — улыбнулся Клайстра. — Грибомоты — безобидные вегетарианцы. Единственный плотоядный среди них — муляж с солдатами внутри.

Офицер пробормотал что-то по адресу волшебников.

— Лорд Виттельхэтч будет рад услышать это. Волшебники и их тарифы приводят его в ярость. Учитывая то, что кабель протянул он...

— Кабель заинтересовал меня. Он металлический?

— Конечно, нет, — рассмеялся офицер — красивый молодой человек с выразительным лицом и роскошными усами. — Пойдемте, я покажу вам, где вы сможете отдохнуть. По дороге посмотрите наши мастерские. Мы делаем лучше веревки в мире.

Клайстра не двинулся с места.

— Мы хотели бы продолжить путь и пройти как можно дальше до наступления ночи. Вы не укажете нам дорогу?

— Когда богатый человек спешит, — он едет по монорельсу. — сказал офицер. — Это стоит много металла... вам лучше поговорить с Виттельхэтчем.

— Прекрасно. — Клайстра махнул своим спутникам и они двинулись за офицером через кварталы ремесленников. Сеть веревочных переходов охватывала площадь примерно в пятьсот квадратных футов, практически очищенную от деревьев. Их было оставленно ровно столько, чтобы выдержать тяжесть города.

— Наши веревки непревзойденного качества, — сказал офицер, гордо подкрутив ус. — Легкие, крепкие, непромокаемые. Мы производим веревки для монорельсов Фелиссимы, Боговера, Тельмы, для Гросгартской линии и для Миртлисса.

— Хм... А что такое монорельс?

Офицер рассмеялся:

— Вы меня разыгрываете. Вперед, я провожу вас к Виттельхэтчу. Он обязательно устроит пир в вашу честь. У него лучшая кухня на острове.

— Но наши вьюки, наш багаж... И зипанготов еще не кормили — на ваших болотах им негде пастись.

Офицер поднял руку и четверо солдат выступили вперед.

— Возьмите животных, накормите и вычистите их, смажьте потертости, обмойте и перевяжите ноги. Поставьте в стойла. — Он повернулся к Клайстре. — Ваш багаж в безопасности. На Болотном острове нет воров. Здесь живут только торговцы и ремесленники. Грабеж не в их привычках.

Лорд Виттэльхэтч оказался краснолицым толстяком, добродушным и раздражительным. Он был одет в белую рубашку, расшитую лягушками, красный жилет, голубые штаны в обтяжку и черные сапоги. Он носил золотые серьги, пальцы его были украшены золотыми металлическими перстнями. Он встретил гостей, сидя в парадном кресле, куда, очевидно только что влипнулся, ибо все еще фыркал и пыхтел, устраиваясь поудобнее. Офицер, почтительно поклонившись, представил Клайстру.

— Путешественник с запада, милорд.

— С запада? — Насколько мне известно, воздушное сообщение прервано и нам придется восстанавливать линию. Как вам удалось переправиться? Когда Клайстра объяснял суть дела, Виттельхэтч взорвался.

— Ах, негодяи! Постойте, но мы можем приобрести дурную славу из-за такого соседства!

— Мы хотим продолжить путешествие, — со сдержанным нетерпением сказал Клайстра. — Ваш офицер порекомендовал монорельс.

Виттельхэтч немедленно обрел деловой вид.

— Сколько вас?

— Восемь человек и багаж.

Виттельхэтч повернулся к офицеру.

— Как ты думаешь, Озрик, пять одиночных и грузовик?

— Багажа немного. Лучше два грузовика и два одиночных. И проводника — они не умеют обращаться с тележками.

— Куда вы направляетесь?

— Как можно дальше на восток.

— В Миртлисс. Очень долгое путешествие — плата сверх обычной. Если вы купите тележки — девяносто унций железа. Если наймете — шестьдесят, плюс проводнику, плюс компенсация за обратный рейс порожняком — еще десять унций.

Клайстра вежливо кивнул и сбил арендную плату до пятидесяти унций. Вдобавок Виттельхэтч получал зипангготов, но зато проводнику платил он.

— Ты поведешь эту партию, Озрик?

— С удовольствием.

— Хорошо, — сказал Клайстра. — Мы отбываем немедленно.

Ветер наполнял паруса и колеса тележки легко скользили по монорельсу — полудюймовому кабелю из белой болотной веревки. От Города-на-Болотах дорога вела с дерева на дерево, через топи к скалистой равнине, проходя всего в шести футах над базальтовыми зубьями. Через каждые пятьдесят футов в землю была вкопана мачта с захватами поддерживающими монорельс. Они были сделаны так хорошо, что тележки проносились мимо креплений, не останавливаясь ни на мгновение.

Озрик вел первую тележку, Клайстра — вторую. Затем шли два трехколесных грузовика с багажом — едой, одеждой, металлом, витаминами Бишопа, туристским снаряжением Фэйна и всяким хламом, оставшимся от солдат Бьюджулэйса. На первом ехали Элтон, Мотта и Вэйди, на втором Бишоп, Пианца и Нэнси. Фэйн в одиночной замыкал движение.

Исследуя свое средство передвижения, Клайстра понял нежелание Виттельхэтча расставаться с ним, даже временно. Деревянные части тележки были так точно подогнаны, что механизм работал не хуже своих металлических собратьев с Земли.

Большое колесо было собрано из семи частей, тщательно притертых друг к другу и отполированных до блеска. Ножка сидения была когда-то суком, росшим непосредственно из пола. Веревки, управляющие парусами, сходились к передку тележки. Здесь же, почти на уровне пола располагались педали, напоминающие велосипедные. Они позволяли преодолеть самый крутой подъем и служили двигателем в безветренную погоду.

Около полудня рельеф изменился. Холмы стали выше и путешественникам пришлось остановиться и перегрузить тележки на следующий уровень монорельса.

В конце дня они заночевали в свободном коттедже около станции и на следующее утро перевалили через горы — Озрик назвал их Виксильским хребтом. Монорельс шел через узкие долины от утеса к утесу, иногда облака закрывали от путников землю. Тележки проносились через впа-

дины со страшной скоростью, благодаря силе инерции и замедляли ход только у следующей вершины — и тут уж приходилось пускать в ход паруса и ноги, чтобы перевалить через нее.

Вечером третьего дня Озрик сказал:

— Завтра в это же время мы будем в Кристиендэйле.

— Народ там недружелюбный?

— Напротив.

— Кто правит ими?

Озрик напряженно задумался.

— Вы знаете, когда вы спросили меня, я вспомнил, что никогда не слышал о правителе или правителях Кристиендэйла. Они, наверное, сами управляют собой, если их жизнь можно назвать управляемой.

— Сколько займет дорога от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Никогда не ездил этим маршрутом. Он не очень приятен. Иногда Реббиры спускаются из Гнезда, чтобы грабить путешественников. Так что, несмотря на усилия Служителей Фонтана, дорога небезопасна.

— Что лежит за Фонтаном Миртлисса?

Озрик презрительно махнул рукой.

— Пустыня. Земли пожирающих огонь дервишей, отщепенцев, говорят, там появляются вампиры.

— А потом?

— Горы Пало Мало Се и озеро Бларенгорран. Из него берет начало река Мончевиор. Она течет на восток и вы можете проплыть часть пути на лодках. Я не знаю, как далеко — нижнее течение реки мало исследовано.

Клайстра подавил вздох. Когда они достигнут Мочевиора им останется всего тридцать девять тысяч миль пути.

Ночью начался дождь и не было спасения от ветра.

Продрогшие и мокрые они встретили серый рассвет. Дождь прекратился на некоторое время, хотя тучи висели так низко, что казалось их можно достать рукой. Забравшись в тележки они поставили паруса на самый малый и отправились в путь.

В течение двух часов они неслись вдоль горного кряжа. Ветер толкал их в спины, шипел и свистел. Внизу гнулись и трещали деревья, летели листья. Слева от них была темная, заполненная испарениями долина, панораму справа скрывал туман. Зато, когда они пресекли кряж, их глазам

открылась чудесная картина — зеленые холмы, леса, блестящие озера, большие каменные замки.

Озрик посмотрел на Клайстру и показал вниз:

— Долина Галатундин. Под нами Гибернская Марка. Герцоги, рыцари и бароны — и все воюют друг с другом. Здесь тоже опасно путешествовать.

Ветер все усиливался. Раскачиваясь из стороны в сторону, тележки неслись на восток со скоростью шестьдесят миль в час. Если бы не благоразумно урезанные паруса, скорость была бы еще больше.

Через час Озрик приподнялся и дал знак свернуть паруса совсем. Тележки причалили к платформе. От нее вниз в долину вел монорельс — тонкая нить, скрывающаяся в тумане.

Нэнси глянула вниз и передернула плечами.

Озрик улыбнулся.

— Спускаться здесь легко. А вот на подъем требуется около двух суток.

— Мы спустимся вниз? — раздраженно спросила Нэнси.

— Мы погибнем, если будем двигаться так быстро, — сказал Озрик. — Ветер просто снесет нас с монорельса. За мной, — он развернул сою тележку и через мгновение исчез внизу.

— Кажется, я следующий, — сказал Клайстра.

Это было... как ступить в пустоту, как нырнуть в море с утеса. Первые минуты — просто свободное падение. И еще ветер поддувающий в спину. Над головой высоким голосом пели колеса. Белая линия монорельса тянулась вниз, скрываясь из глаз.

Клайстра почувствовал, что скрип колес утих, спуск стал менее крутым и земля приближалась.

Он пролетел над желто-зеленым лесом, над селением — маленькими белыми домиками, вокруг которых бегали ребятишки в белых халатах. Потом, впереди, в ветвях огромного дерева, он увидел платформу, а на ней — Озрика.

Клайстра взобрался на платформу. Озрик с улыбкой следил за ним.

— Как вам понравился спуск?

— Я бы не прочь двигаться с такой скоростью хотя бы три недели — я добрался бы до Территории Земли.

Веревка задрожала. Подняв глаза, Клайстра увидел первый грузовик с Элтоном, Вэйли и Моттой.

— Мы должны спуститься дальше, иначе платформа не выдержит, — сказал Озрик.

И тележки тронулись. Судя по тому, как полоскал парус, они явно попали в глаз циклона. Монорельс вел от одной верхушки дерева к другой и иногда черно-зеленая листва царапала дно тележек. Внезапно Озрик свернул свой парус и затормозил.

— Что-то не в порядке?

"Тише", — просигналил проводник, Клайстра подобрался вплотную к тележке Озрика.

— Что случилось?

Через просветы в листве Озрик внимательно рассматривал землю.

— Это опасное место. Солдаты — они грабят лесных людей — бандиты — иногда перерезают линию и убивают путешественников.

Клайстра увидел сквозь листву какое-то движение, мелькание серого и белого. Озрик выбрался из тележки на дерево, осторожно спустился на несколько футов. Клайстра напряженно следил за ним. Услышав за спиной скрип грузовика, Клайстра обернулся и дал им знак остановиться. Озрик махнул ему рукой. Клайстра вылез из тележки и схватился за огромный сук, на котором уже стоял проводник. Отсюда было хорошо видно землю. Под низким оранжевым кустом притаилось трое пацанов. Они наблюдали за монорельсом как кот за мышиной норой. Луки и стрелы наготове.

— Это ученики. Если вырастут, будут совершать набеги на города Марки и всей долины, — Озрик спокойно подкрутил винт своего арбалета.

— Что вы собираетесь делать?

— Убить старшего. Я спасу этим много невинных жизней.

Клайстра толкнул его под руку. Стрела срезала ветку над головой будущего убийцы. Клайстра увидел посеревшие лица мальчишек. Потом, они как зайцы рванули в лес.

— Зачем вы это сделали? — яростно спросил Озрик. — Теперь они смогут убить меня, когда я поеду обратно.

Сначала Клайстра не находил слов, потом пробормотал:

— Простите... Полагаю, вы правы. Если бы это произошло на Земле...

Лес кончился. Теперь их дорога вела через речную долину. Речку Озрик назвал Тельма. Они перебрались

на другой берег и снова поплыли над фермами, каменными домиками. Крыши домов почему-то были утыканы колючками.

— Почему на крышах колючки и терновники? — спросил Клайстра.

— Это ловушки для призраков, — ответил Озрик. — Здесь полным-полно призраков и почти каждый дом имеет своего. Они любят вспрыгивать на крышу и бегать туда-сюда. А колючки им мешают.

Монорельс шел старой грунтовой дорогой. Несколько раз караван обгонял большие красные повозки фермеров, нагруженные дынями, бутылями вина, корзинами с зеленью. Босые мальчишки, погонявшие зипанготов, носили высокие колпаки и длинные вуали, закрывающие лицо.

— Чтобы обмануть призраков? — спросил Клайстра.

— Да.

По мере того, как день клонился к закату, местность становилась все привлекательнее. Каждый клочок земли был тщательно ухожен. Фермы остались позади. Казалось, что караван плывет над огромным парком. Озрик показал вперед:

— Видите белую водокачку? — Это граница Кристиендэйла, самого прекрасного города в долине.

ГЛАВА XI
КАЖДЫЙ — МИЛЛИОНЕР!

Первое время они ничего не видели, кроме белых пятен между деревьями да коричневых мостиков. Тележки пролетели над пастбищем с красно-зеленой травой, затем деревья расступились и они увидели город, поднимающийся из травянистой равнины. Далеко на восток за ним сверкали вершины гор. Город был самым большим поселением людей, какое видели земляне на Большой Планете. Это не был Земной город. Он напоминал Клайстре иллюстрацию к волшебной сказке.

Монорельс повернул и путники увидели сцену в карнавальных тонах. Игра была в самом разгаре. На поле стояло пятьдесят мужчин и женщин в очень сложных и кра-

сивых коетюмах — шелковых, бархатных, атласных, украшенных бесконечными кружевами и позументами.

Поле было разбито на квадраты рядами разноцветной травы. Каждый игрок занимал свой квадрат. В воздухе над полем висели большие воздушные шары, с которых свисали шелковые занавеси.

Игроки перебрасывались легкими разноцветными мячами и ловили каждый по-разному, очевидно, в зависимости от цвета мяча и квадрата, на котором стоял игрок. Мячи мелькали в воздухе, сверкая как драгоценные камни. Иногда кто-то из играющих умудрялся поймать сразу несколько и мгновенно разбросать по сторонам. Когда чей-нибудь мяч касался шелковой занавеси, счет увеличивался к большой радости части игроков.

Несколько сотен зрителей наблюдали за игрой из-за края поля. Эти люди были одеты не менее элегантно, чем игроки и носили поразительные по сложности головные уборы.

Монорельс обогнул поле. Ни участники игры, ни зрители не обращали на него ни малейшего внимания. Клайстра увидел служителя, толкающего столик с прохладительными напитками.

— Пианца, посмотри, во что он одет!

Эли Пианца расплылся в улыбке.

— Эли тукседо. Обеденный жилет. Черный галстук, темные брюки и кожаные башмаки. Замечательно.

— Интересно, — крикнул Фэйн. — Как они относятся к футболу? Клайстра перегнулся назад через край тележки:

— Стив, что ты знаешь о Кристиендэйле?

Бишоп сел на край своего грузовика, прямо под ведущим колесом.

— Тут есть какая-то тайна. Парадокс Кристиендэйла — кажется, так. Я только что вспомнил. Этот город основал синдикат миллионеров, чтобы не платить налоги Системе. Они переехали сюда вместе со слугами — тридцать семейств. То, что мы видим — это результат.

Веревки заскрипели и тележки, похожие на огромных бабочек, пронеслись под аркой и затормозили у платформы.

Трое носильщиков в темных ливреях выступили вперед и без единого слова сняли вьюки с тележек и поставили на тачку с высокими колесами. Клайстра попытался остановить их, потом повернулся к Озрику.

— Что такое?

— Они считают, что вы богаты.

— Хм, — сказал Клайстра. — Я должен подтолкнуть их?

— Что?

— Дать им денег?

Озрик явно ничего не понимал.

— Ну, металл.

— А, метал. — Озрик подкрутил ус. — это вы как хотите.

Подошел главный носильщик, — высокий чисто выбритый худощавый человек, явно с чувством собственного достоинства.

Клайстра вручил ему три маленьких кусочка железа.

— Вам и вашим людям.

— Спасибо, сэр. Куда прикажете доставить багаж?

— Что вы можете предложить?

— Отели: "Савой", "Метрополь" и "Ритц-Картон". Все отлично и все дорого.

— Сколько?

— Около унции в неделю. "Караван-сарай" и "Фэйрмонт" тоже дорогие гостиницы, но в них почище.

— Есть ли приличная гостиница с более умеренными ценами.

— Я бы порекомендовал "Охотничий клуб".

Он отвел их к изящному ландо, покоившемуся на золоченых эллиптических колесах. Экипаж смотрелся замечательно, но у него отсутствовала всякая движущая сила — ни зипанготов, ничего.

Главный носильщик с поклоном отворил дверь. Шедший впереди Фэйн внезапно остановился.

— Это что розыгрыш? После того, как мы сядем, вы уйдете и оставите нас одних?

— Ни в коем случае, сэр.

Фэйн с трудом протиснулся в дверь и уселся. Остальные последовали за ним.

Главный носильщик осторожно захлопнул дверь. Четверо в облегающей темной униформе подхватили кожаные ремни, свисавшие с передка и впряглись... Экипаж двинулся в центр города.

В Кристиендэйле было поразительно чисто. Стекла блестели, стены домов и тротуары были вымыты и вычищены, всюду росли цветы. Основным типом постройки были

огромные башни, обвитые винтовыми лестницами и завершающиеся круглыми куполами.

Въехав в центр, они направились к большому цилиндрическому зданию. Покрывавший стену виноград и ряды высоких окон придавали достаточно тяжеловесному строению легкость и элегантность.

Они миновали роскошную вывеску с надписью "Отель "Метрополь".

— Хм, — сказал Фэйн. — Это место выглядит прилично. После всех... неудобств нашего путешествия, я могу выдержать недельку-другую роскоши. Но экипаж продолжал ехать вдоль здания. Появилась следующая вывеска "Отель "Савой". Следующим был классический портик с надписью "Ритц-Карлтон". И снова Фэйн жалобно оглянулся, когда они проехали мимо.

— Могли бы остановиться.

Ландо оставило за собой вход в восточном стиле "Караван-сарай" и еще через сто ярдов остановилось перед бело-зеленой вывеской: "Охотничий клуб".

Швейцар помог им сойти на тротуар и широко распахнул дверь. Путешественники проследовали коротким коридором, увешанным картинами,представляющими стены охоты и вошли в холл. Невдалеке был еще один вход, в глубине коридора мерцали зеркала.

Клайстра оглядел холл. Там были и другие двери, явно ведущие на улицу.

Улыбаясь, он повернулся к Пианце:

— "Метрополь", "Савой", "Ритц-Карлтон", "Караван-сарай" — одна и та же гостиница.

Озрик свирепо закрыл ему рот рукой.

— Тише. Кристеры очень серьезно к этому относятся. Вы оскорбляете их.

— Но...

— Я должен был сказать вам, — торопливо добавил Озрик, — что вход, которым вы пользуетесь обозначает ваше положение в обществе. Номера одинаковые, но благопристойнее входить через "Метрополь".

— Я понял, — сказал Клайстра. — Мы будем осторожны.

Швейцар провел их через холл к круглому столу из полированного дерева. Стол был разделен на секции, за которыми сидели клерки. Вокруг стола летали яркие бабочки.

Швейцар указал им на секцию, украшенную цветами "Охотничьего клуба". Клайстра обернулся и пересчитал своих как курица цыплят. Все еще красный Фэйн разговаривает с усталым Пианцей, Элтон и Бишоп стоят около Вэйли и Мотты — у девушек прекрасное настроение, рядом с ними — Нэнси, бледная и утомленная. За плечом Клайстры дышал Озрик. Все на месте.

— Простите, сэр, — сказал клерк. — Вы мистер Клод Клайстра с Земли?

— Почему вы спрашиваете? — удивился Клайстра.

— Сэр Уолден Марчион передает вам привет и нижайше просит вас и ваших друзей оказать ему честь и остановиться у него на то время, что вы будете в Кристиендэйле. На случай, если вы примете приглашение, он прислал экипаж.

Клайстра повернулся к Озрику и холодно спросил:

— Как этот сэр Уолден узнал о нашем прибытии?

— Главный носильщик спросил меня, кто вы... Я не видел причины молчать, — с достоинством ответил Озрик.

— Быстро здесь распространяются новости... Что вы думаете об этом приглашении?

Озрик повернулся к клерку.

— Кто такой сэр Уолдэн Марчион?

— Один из самых богатых и влиятельных жителей нашего города. Очень достойный джентльмен.

Озрик улыбнулся Клайстре.

— Я не вижу причин для отказа.

— Мы принимаем приглашение, — сказал Клайстра.

Клерк кивнул.

— Я не уверен, что вы сочтете ваше прибывание в замке сэра Уолдена приятным. К его столу неоднократно подавали мясо. Мэнвилль, если вы не против... — он сделал жест в сторону клерка "Савоя". Тот, в свою очередь, кивнул молодому человеку в яркой желтой ливрее. Юноша вскочил, стремительно нырнул в коридор "Савоя" и вскоре появился через коридор "Охотничьего клуба". Он подошел к Клайстре и поклонился.

— Экипаж сэра Уолдэна, сэр.

— Благодарю вас.

Осторожно, чтобы не совершить бестактность, выйдя через "Караван-сарай", путешественники выбрались на

улицу и сели в ожидавшую их берлину. Швейцар захлопнул за ними дверцу.

Кучер сказал:

— Ваш багаж будет доставлен к сэру Уолдену.

— Такое благородство, — пробормотал Клайстра. — Просто не верится... Фэйн с блаженным выражением лица откинулся на сидении:

— Боюсь, что я начинаю привыкать к феодализму.

— Интересно, — сказал Клайстра, глядя в окно, — что имел ввиду клерк, когда говорил о мясе?

Озрик надул щеки.

— Легко объяснить. Из-за стечения обстоятельств в долине могут жить только зипанготы. А мясо у них поразительно жесткое просто несъедобное. Кристеры — вегетарианцы. Они едят овощи, фрукты, рыбу, личинки насекомых. Мясо привозят из Кэлленвилли и здесь оно — деликатес.

Влекомая шестью лакеями в ливреях сэра Уолдена, берлина грохотала по мостовой. Проехали мимо ряда магазинов. Внутри первого были выставлены сложные изделия из шелка и газа, во втором — флаконы с разноцветными жидкостями и голубоватое мыло, следующий предлагал роскошные головные уборы, два ювелирных, чьи витрины были заполнены сверкающими украшениями из золота, серебра, стекла и железа.

— Меня интересует их экономика, — сказал Фэйн. — Это все должно производиться. Где? Кем? Рабы? Нужна мощная индустрия, чтобы поддерживать такой образ жизни.

Клайстра потер затылок.

— Не знаю, как они управляются. Все это невозможно вывести с Земли.

— Их секрет, — сказал Пианца. — Парадокс Кристиендэйла.

— Кажется, это всем подходит, — подытожил Фэйн. — Все вокруг выглядят счастливыми.

— Все, кого мы видим, — сказал Элтон.

Вэйли и Мотта шептались между собой. Их глаза горели от возбуждения. Клайстра представил себе, что должно твориться в их головах. Они пополнели, их щеки больше не напоминали ям, волосы были вымыты и причесаны, — девушки были очаровательны. Элтон и Бишоп имели полное право гордиться ими. Элтон погладил Мотту по голове.

— Тебе здесь что-нибудь нравиться?

— Конечно! Драгоценности и металлы, и одежда, рюши и кружева, и еще сандалии...

Элтон подмигнул Бишопу.

— Тряпки, тряпки и тряпки, — ответил Бишоп.

Экипаж повернул и очутился среди леса башен — изящных строений с шарами домов на вершинах.

Берлина остановилась у высокой зеленой колонны. Лакей распахнул дверь.

— Замок сэра Уолдена Марчиона...

ГЛАВА XII
ИДИЛИЯ КРИСТИЕНДЭЙЛА

Путешественники вывалились из экипажа.

— Прошу сюда.

И они начали подъем к куполу замка.

Элтон потрогал ступени.

— Дерево... Похоже лестница растет прямо из стены. — Он наклонил голову, рассматривая крепления. — Они действительно растут! Это просто большие деревья.

Лакей обернулся и посмотрел на Элтона с неодобрением.

— Это замок сэра Уолдена, сэр.

— Вероятно, я ошибся и это вовсе не гигантский желудь.

— Конечно нет, сэр.

Лестница сделала последний поворот и гости оказались на широкой платформе, обвеваемой прохладным бризом.

Слуга распахнул дверь и застыл около нее. Гости сэра Уолдена вошли в его воздушный замок.

Они стояли в большом, светлом и прохладном зале, обставленном с ненавязчивой роскошью. Пол не был ровным, а наклонялся к центру комнаты, где находился бассейн с голубоватой водой. Вокруг него летали стрекозы и бабочки.

— Располагайтесь, — сказал лакей. — Сэр Уолден немедленно выйдет к вам. Прошу вас — прохладительные напитки. Надеюсь, вам понравиться, — он поклонился и вышел. Гости остались одни.

— Выглядит все это неплохо...

Через пять минут появился сэр Уолден — высокий, худощавый, очень красивый джентльмен. Он начал с извинений за то, что заставил дорогих гостей ждать — неотложные дела задержали его в другом месте.

Клайстра при первой же возможности шепнул Пианце:

— Где мы могли его видеть?

— Понятия не имею. — Покачал головой Пианца.

В зал вошли двое юношей — четырнадцати и шестнадцати лет — одетых в роскошные красно-желто-зеленые одежды. Они поклонились.

— К услугам путешественников с Матери-Земли...

— Мои сыновья, — сказал сэр Марчион. — Тэйн и Хэлмон.

— Мы рады встретить такое гостеприимство, сэр Уолден... — начал Клайстра. — Но мы теряемся в догадках, чем это вызвано. Мы чужеземцы, в Кристиендэйле у нас нет друзей...

— Пожалуйста, — с элегантным жестом ответил сэр Уолден. — Мы поговорим об этом позже. А сейчас вы, наверное, устали и нуждаетесь в отдыхе. — Он хлопнул в ладоши. — Слуги!

Из ниоткуда бесшумно появилось несколько мужчин и женщин.

— Ванну нашим гостям. Аромат, — сэр Уолден задумчиво потер рукой подбородок, как бы решая важную проблему. — Найгале №20, это самое подходящее. И подберите новые костюмы.

— Ванна, — сказал Фэйн. — Горячая вода...

— Спасибо, — сказал Клайстра. Причины радушия все еще были темны. Его проводили в уютный будуар. Бесстрастный молодой человек в ливрее забрал его вещи.

— Ванная за дверью, лорд Клайстра.

Клайстра шагнул в небольшую комнату со стенами из перламутра. Теплая вода лизнула подошвы, поднялась до щиколоток, до колен, до груди, охватила его целиком. Клайстра вздохнул, расслабился — напряжение последних дней ушло, оставляя только приятную усталость.

Уровень воды постепенно понижался, Клайстру обдал теплый ветер. Он толкнул дверь. Лакей исчез. В будуаре стояла улыбающаяся девушка с подносом.

— Я ваша горничная. Если вам неприятно, я могу уйти.

Клайстра схватил полотенце и обернулся в него.

— Где моя одежда?

С тем же выражением лица она подала ему кристиендэйльский костюм и помогла разобраться в его бесконечных крючках, ремешках и застежках. Наконец, она объявила, что он одет. На нем был зелено-голубой наряд, в котором он чувствовал себя смешным и неловким. Девушка настаивала, что мужчина не может появляться в обществе без головного убора и, в конце концов, Клайстра позволил ей надеть черный бархатный берет на свою жесткую шевелюру. Прежде, чем он успел что-либо сказать, девушка прицепила к его уху красный бус.

Горничная отступила назад, с удовольствием разглядывая Клайстру.

— Теперь мой господин выглядит как король...

— Как король ослов, — буркнул про себя Клайстра.

Он спустился в главный зал. Лучи заходящего солнца били в хрустальные окна. В центре зала был накрыт стол на четырнадцать персон. Посуда была мраморной, тонкой и хрупкой — явно ручная работа. Столовые приборы выточены из железного дерева.

Один за другим появлялись в зале спутники Клайстры. Мужчины выглядели странно в своих новых костюмах, девушки, наоборот, блистали красотой. Когда в зал вплыла Нэнси в свободном бледно-зеленом одеянии, Клайстра на мгновение потерял дар речи. Она отвела взгляд. Клайстра сжал зубы и отошел к бассейну.

Вошел сэр Уолден с сыновьями, дочерью и высокой женщиной в пышном наряде, которую он представил как свою жену.

Обед был грандиозным — несколько перемен блюд — каждое из кушаний было новым и поразительно вкусным. Разнообразие еды привело Клайстру в шок, особенно, когда он сообразил, что все блюда вегетарианские. После обеда они пили темные тягучие ликеры и разговаривали.

Клайстра повернулся к гостеприимному хозяину:

— Прошу прощения, сэр, но вы так и не объяснили причины столь горячего интереса к случайным проезжим.

Сэр Уолден слегка поморщился.

— Это обычное дело. Поскольку мне нравиться ваше общество, а вам все равно надо где-то остановиться, то какая разница?

— Это беспокоит меня, — сказал Клайстра. — Каждый поступок человека является результатом какого-то импульса. Природа импульса, заставившего вас послать за нами своего лакея, занимает мой ум... Надеюсь, вы простите мою настойчивость.

— Некоторые, — улыбнулся сэр Уолден,— из жителей Кристиендэйла верят в Доктрину Внелогического действия, которая несколько противоречит вашей теории причинности. Есть еще Догмат о Текущем Времени — очень интересный, хотя я не вполне согласен с позицией его сторонников. Возможно, основные постулаты этой теории неизвестны на Земле. Утверждают, что так как река времени течет сквозь нас, наш мозг — его деятельность — искажается этим потоком. Отсюда вывод, что когда поток времени станет управляемым, возможно будет также управлять творческими способностями людей. Что вы на это скажете?

— Что я все еще теряюсь в догадках о причине вашего радушия.

Сэр Уолден беспомощно рассмеялся.

— Вы должны понять, наш мир, наш город, наша жизнь мало обременены причинностью. — Он наклонился к уху Клайстры, будто сообщая важную тайну. — Мы, кристеры, — любим все новое, свежее, неизведанное. Вы — земляне. Уже пятьдесят лет земляне не появлялись в Кристиендэйле. Ваше пребывание в моем замке не только доставляет мне удовольствие и новые впечатления, но и существенно поднимает престиж в обществе. Видите, я откровенен в ущерб себе.

— Я вижу, — сказал Клайстра. Объяснение было приемлемым.

— Я вовремя успел со своим приглашением. Без сомнения, вы получили бы дюжину других в течение часа. Но у меня есть связи в транспортном отделе.

Клайстра попытался вспомнить главного носильщика на вокзале. Наверняка, именно он сразу же передал информацию сэру Уолдену.

Вечер кончился: Лакей провел слегка осовевшего Клайстру в его покои. Утром ему прислуживал тонколицый молодой человек. Он приготовил гостю утреннюю ванну и, в полном молчании, помог Клайстре одеться. Клайстра торопливо спустился в зал, надеясь найти Нэнси, но ее там не было. За столом сидели Пианца и Элтон и ели дыню.

Клайстра пробормотал приветствие и тоже уселся. Через минуту появилась Нэнси, свежая и отдохнувшая, еще более красивая, чем вчера. За завтраком он попытался прозондировать ее. Она отвечала вежливо, холодно и спокойно.

Через полчаса в зале собрались все. Кроме...

— Где Роджер? — спросил Пианца. — Он еще спит? — он повернулся к лакею.

— Вы не могли бы разбудить мистера Фэйна?

Лакей вернулся и сказал, что Фэйна в его комнате нет. Его не было весь день.

— Возможно, — сказал сэр Уолден. — Фэйн отправился пешком осматривать город.

Поскольку другие гипотезы нельзя было высказать вслух, Клайстра вежливо согласился. Если Фэйн действительно бродит по городу, он вернется, когда устанет. Если его похитили, Клайстра бессилен что-либо предпринять. "Следует покинуть Кристиендэйл как можно скорее", — подумал он и объявил об этом за обедом.

Вэйли и Мотта переглянулись.

— Мы лучше останемся здесь, — сказала Вэйли. — Здесь все веселые, женщин не бьют и всем хватает еды.

— Конечно, здесь нет мяса, — уточнила Мотта. — Но кого это волнует? Зато здесь хорошая одежда и духи, и... — она переглянулась с Вэйли и хихикнула.

Стив Бишоп вспыхнул и отпил из своего бокала. Элтон сардонически поднял брови.

— У меня для вас приятный сюрприз, — сказал сэр Уолден. — Сегодня к ужину будет мясо. В честь наших гостей.

Он оглядел путешественников, ожидая вспышку энтузиазма.

— Но, вероятно, для вас мясо не такая роскошь, как для нас... И еще, милорд сэр Кларенс Эттлви просил передать, что он приглашает вас в свой замок на вечер. Он устраивает прием в вашу честь. Я надеюсь, вы примете приглашение.

— Спасибо, — сказал Клайстра. — Лично я с удовольствием приду, — он поглядел на своих спутников. — Думаю, мы все пойдем. Даже Фэйн, если он вернется к вечеру.

В середине дня сэр Уолден повел своих гостей на "разлив" — церемонию получения цветочного вина. Присутствовало около сотни аристократов в зеленых и серых голо-

вных уборах. Сэр Уолден сказал, что это традиция. Пажи подавали присутствующим хрустальные бокалы с несколькими каплями вина. Сэр Уолден сказал:

— Проведите языком по жидкости, но не пробуйте по-настоящему. Клайстра последовал совету. Волна жидкого огня прокатилась через горло и ноздри. Перед глазами поплыли яркие пятна, голова закружилась, он на мгновение застыл в экстазе.

— Божественно, — выдохнул он, когда смог говорить.

Сэр Уолден кивнул.

— Это сбор "Байле-Жоли". Следующий — "Красное дерево", потом "Морской сад", "Розовый туман" и, наконец, мой любимый "Урожай луга".

ГЛАВА XIII
СЕКРЕТ

Когда Клайстра и его спутники возвратились в замок сэра Уолдена, им сказали, что Роджер Фэйн не появлялся.

Этим вечером сэр Уолден был еще более великолепен и радушен, чем когда либо. Он постоянно поднимал тосты за здоровье своих гостей и Матери-Земли. Зеленое вино сменилось оранжевым, оранжевое — красным и у Клайстры звенело в голове еще до окончания первой перемены блюд. Печеные, тушеные, маринованные фрукты и овощи, салаты, супы, соте и в заключение — огромный, пропитанный ромом арбуз.

Сэр Уолден сам подавал мясо — тоненькие кусочки, тушенные в коричневом соусе.

Клайстра обнаружил, что совершенно сыт и только вежливость заставила его доесть свой кусок.

— Что за животное мы едим?

Сэр Уолден пожал плечами.

— Это очень большой зверь, редко встречающийся в наших краях. Забрел сюда из северных лесов. Мы его поймали. У него удивительно нежное мясо.

— О, да, — сказал Клайстра. Обернувшись, он заметил, что Элтон и Бишоп сохранили аппетит и с удовольствием расправляются с мясом, девушки-цыганки — тоже.

За десертом Клайстра сказал:

— Я думаю, сэр Уолден, завтра мы покинем Кристиендэйл.

— Что? Так скоро?

— Перед нами далекий путь, линия монорельса идет лишь до Миртлисса.

— Но ваш друг... Фэйн...

— Если он найдется, — Клайстра помолчал. — Если он найдется, он вероятно, сможет догнать нас. Я считаю, что нам следует уехать, прежде чем еще кто-нибудь "заблудится". — Мы отвыкаем от суровой походной жизни, — сказал Пианца. — Еще две недели и мы не сможем заставить себя уйти.

Сэр Уолден был искренне расстроен:

— Я пригласил вас как достопримечательность, но вы стали моими друзьями...

Прибыл экипаж, чтобы отвезти землян в замок сэра Кларенса. Сэр Уолден, однако, не поехал с ними.

— Этим вечером я занят, — сказал он.

Клайстра опустился на мягкое сидение, автоматически провел рукой по бедру и вспомнил, что оставил пистолет в комнате. Он шепнул Элтону:

— Не пей много сегодня вечером. Нам потребуются свежие головы. Для чего?.. Пока не знаю.

— Ясно.

Экипаж остановился перед бело-голубой колонной. Сэр Кларенс — человек с тяжелым подбородком и острыми глазами встречал гостей на вершине винтовой лестницы. Клайстра внимательно смотрел на него. Почему-то лицо сэра Кларенса казалось ему знакомым.

— Мы не встречались с вами раньше, сэр Кларенс? На разливе?

— Не думаю, — ответил сэр Кларенс. — Я был занят другими делами. — Он проводил гостей в дом. — Позвольте вам представить мою жену и мою дочь Валерию.

Клайстра открыл рот. Это была та самая девушка, что одевала его после ванной. Он пробормотал:

— Счастлив познакомиться, — и она отошла к другим гостям.

Наблюдая за надменной юной леди в шуршащих шелковых одеждах, Клайстра все более уверялся, что это та самая девушка. Бишоп склонился к его уху.

— Происходит что-то очень странное.
— Что же?
— Наш хозяин, сэр Кларенс... Я видел его раньше.
— И я.
— Это он, — Бишоп хрустнул пальцами.
— Кто?
— Сэр Кларенс был — или есть — швейцар "Охотничьего клуба". Клайстра недоуменно уставился на Бишопа, потом на сэра Кларенса, мирно беседовавшего с Нэнси. Бишоп был прав.

За его спиной раздался громкий хохот, переходящий в рев.
— Господи! Вы только посмотрите!

Смеялся Элтон, а с ним это редко случалось.

Клайстра обернулся, чтобы столкнуться с Роджером Фэйном. Фэйн был одет в черную ливрею с маленьким золотым эполетом и катил перед собой столик, уставленный всякой снедью.

Клайстра, Пианца и Бишоп разразились дружным хохотом. Фэйн вспыхнул, кровь прилила к его щекам и шее. Он испуганно поглядел на сэра Кларенса, невозмутимо наблюдающего за происшествием.

— Фэйн, — сказал Клайстра, — может быть, ты введешь нас в курс дела. Ты что решил подработать на каникулах?
— Не хотите ли пироженного? — спокойно осведомился Фэйн.
— Нет. Я не хочу есть, я хочу, чтобы ты объяснил...
— Спасибо, сэр, — сказал Фэйн и двинулся дальше.

Клайстра догнал Фэйна, который, казалось, был занят только своими обязанностями лакея.
— Роджер! Стой или я разобью твою чертову посуду!
— Тише, — шепнул Фэйн. — Неучтиво поднимать такой шум.
— Слава Богу, я не аристократ!
— Но я — аристократ! И ты вредишь моему престижу.
— Ты аристократ? Ты лакей, разносящий сандвичи!
— Все живут так же, — ответил Фэйн. — Каждый кому-нибудь служит. Иначе им не удавалось бы поддерживать такой уровень.

Клайстра сел.
— Но...

— Я решил, что мне здесь нравиться. Я остаюсь. Мне надоело тащиться по джунглям и рисковать жизнью. Я спросил сэра Уолдена, могу ли я остаться. Он сказал "да", но объяснил, что мне придется работать. В мире нет более трудолюбивых людей, чем кристеры. Они знают, чего хотят и создают это. Каждый час всемогущества и аристократизма оплачивается двумя часами труда — в магазинах, на фабриках, в домах. Вместо одной жизни они живут двумя, тремя... Им это нравиться. Они гордятся этим. Мне это тоже нравиться. Назовите меня снобом, — Фэйн почти кричал, — вы будете правы. Но когда вы уйдете, я буду жить здесь как король!

— Все в порядке, Роджер, — сказал Клайстра. — Или вернее, сэр Роджер. Почему вы не сообщили мне о своих планах?

Фэйн отвернулся.

— Я думал, что вы будете со мной спорить.

— Вовсе нет. Вы свободный человек. Желаю удачи, — и Клайстра вернулся в главный зал.

Утром следующего дня к дому сэра Уолдена подкатил экипаж. Среди людей в упряжке Клайстра узнал сына сэра Кларенса.

Вэйли и Мотта отсутствовали. Клайстра спросил Бишопа:

— Где твоя служанка?

Бишоп покачал головой.

— Она знала, что мы уезжаем?

— Ну... да.

Клайстра развернулся к Элтону.

— Где Мотта?

Элтон с улыбкой посмотрел на Бишопа.

— Надо глядеть правде в глаза, мы не можем сравниться с Кристиендэйлом.

— Вы собираетесь искать их?

— Здесь им будет лучше, — покачал головой Элтон.

— Поехали, — сказал Бишоп.

На вокзале главный носильщик распахнул дверцу экипажа, потом отвез на тачке багаж и перегрузил его в тележки. Клайстра подмигнул своим спутникам. Носильщиком был сэр Уолден Марчион.

С непроницаемым лицом Клайстра вручил ему еще три куска железа.

— Большое спасибо, сэр, — сэр Уолден низко поклонился.

Кристиендэйл исчез на западе. Как и прежде, впереди ехал Озрик, за ним следовал Клайстра, потом первый грузовик с Элтоном и Нэнси и второй с Бишопом и Пианцей. Тележка Фэйна осталась в Кристиендэйле.

"Наши ряды редеют", — Клайстра вспомнил последние недели. — "Кетч, Дэррот, Валюссер — убиты, Фэйн ушел; Эббидженс, Морватц и их солдаты — либо мертвы, либо в рабстве; Этмэн, его люди, волшебники в гримоботе — тоже мертвы. Кто последует за ними?" — Эти мысли как туча висели в его мозгу, пока они плыли над берегом тихой речки — восточного притока Тельмы. Здесь росли земные дубы, кипарисы и ясени, посаженные первыми поселенцами и прижившиеся на чужой почве. Были и растения Большой Планеты — колокольчики, платочное дерево, кусты бронзовника — и сотни безымянных цветов и трав. В речных долинах стояли фермы и мельницы. Речка сворачивала на север, а линия монорельса тянулась дальше на юго-восток. Местность изменилась. Зеленые луга и леса превратились в темные пятна слева и сзади. Впереди была саванна, а за ней в небо поднимались голубые вершины гор.

— Гнездо, — сказал Озрик.

В полдень третьего дня Озрик обернулся к землянам.

— Подъезжаем к озеру Пеллитант.

Над болотистой низменностью монорельс повернул на юг. Какое-то время они ехали над дюнами, поросшими сухой желтой травой, и белыми песками, чей блеск слепил глаза. Высокая трава тянулась к тележкам, как пена на гребне волны и снова сгибалась под ветром.

Тележка Озрика вдруг пропала из виду. Желтая трава внезапно зашевелилась... голые люди, худые, размалеванные желтыми и черными полосами и поразительно высокие выскочили из травы и кинулись к монорельсу. Они двигались большими прыжками. Раздался резкий крик и нападающие подняли копья. Вспыхнул фиолетовый луч... Великаны падали как подкошенные. Они не были мертвы и стонали и извивались от боли. Озрик поднялся с земли, прохлюпал через болото и добил раненых их же собственными копьями.

Вокруг было тихо. Клайстра осмотрел магазин ионника и покачал головой.

— Выдохся. — Он хотел выбросить его, но, вспомнив, что металл представляет ценность, сунул пистолет под сидение. Озрик вернулся к своей тележке, ругаясь и шипя.

— Эти чертовы разбойники, чума их побери, перерезали линию! — большего преступления в глазах Озрика, очевидно, не существовало.

— Что это за народ? — спросил Бишоп, спустившись вниз по веревке.

Озрик пожал плечами и равнодушно сказал:

— Называют себя Станези. Они часто беспокоят путешественников. Бишоп перевернул тело одного из нападавших, заглянул ему в рот:

— Зубы подпилены. Тип черепа хамитский. Племя шиллуков эмигрировало сюда из Судана около трех столетий назад, — они предпочли изгнание подчинению Мировому правительству. Возможно, это их потомки.

Озрик достал из своей тележки блок и моток веревки. Под его руководством путешественники соединили обрезки монорельса. Озрик залез на одну из опор и закрепил место обрыва еще одной веревкой. Потом блок убрали и монорельс был готов.

Тележку Озрика подняли наверх, он распустил паруса и караван снова двинулся на восток.

Когда они обогнули лагуну, Клайстра посмотрел вниз и увидел, как станези крадучись приближаются к желто-черным телам. "Что за трагедия", — подумал он, — "весь цвет племени погиб за доли секунды."

Монорельс приближался к полосе деревьев, окружавших озеро Пеллитант. Ветер был слабым и скорость тележек не превышала скорости бегущего человека. Озеро было похоже на зеркало. Противоположный берег скрывался в тумане. Посередине озера виднелось несколько лодок. По словам Озрика, здесь жило племя рыбаков, суеверных людей, чьи ноги никогда не касались земли.

Поздно вечером они все еще шли над приозерным лесом, когда с востока появились тележки торговцев.

Озрик остановил свою тележку, глава второй группы сделал то же самое и они обменялись приветствиями.

Торговцы были из Мирамара, что в Келанвилли, южнее Кристиендэйла, и возвращались от Миртлисского Фонтана. Это были ясноглазые высокие люди в белых льняных

одеждах. Красные повязки на головах придавали им пиратский вид. Озрик, однако не проявлял и тени недоверия, и Клайстра немного расслабился.

Торговый караван состоял из четырнадцати тележек, груженных рафинадом. По обычаю, земляне, у которых было всего четыре тележки, должны были спуститься наземь и уступить торговцам дорогу.

Ночь уже опускалась на озеро и Клайстра решил, что пора становиться лагерем. Глава торговцев решил расположиться рядом.

— В эти печальные времена, — сказал он, — приятно иметь честного соседа, пусть только одну ночь.

ГЛАВА XIV
ОБМАН

Спать было еще рано. Торговцы сидели у костра, склонившись над длинным ящиком, в котором по дорожкам скакали кузнечики. Рядом сидела Нэнси. Ее темные глаза неотрывно смотрели в огонь. Эли Пианца полировал ногти, Стив Бишоп возился с записной книжкой. Элтон расслабленно прислонился к дереву, из-под опущенных век наблюдал за лагерем. Озрик, напевая сквозь зубы, чинил свою тележку.

Клайстра спустился к берегу и стал следить, как на озеро наползает темнота. Запад был оранжевым, зеленым и серым, а на востоке уже было черно. Ветер утих. Поверхность озера была молочно-белой.

Из-за деревьев вышла Нэнси, волосы ее были как золотой туман. Она села рядом с ним.

— Зачем вы пришли сюда?

— Так, бродил... думал.

— Вы жалеете, что покинули Кристиендэйл?

— Конечно нет, — удивленно ответил он.

— Вы избегаете меня, — просто сказала Нэнси.

— Вовсе нет.

— Наверное, женщины Кристиендэйла нравятся вам больше, — в ее голосе четко слышалась обида.

Клайстра рассмеялся:

— Я почти не разговаривал с ними... Как вам тамошние мужчины?

— Как я могла думать о ком-нибудь другом? Я сходила с ума от ревности. — Клайстре вдруг стало легко, как будто с него сняли огромную тяжесть. Он лег и притянул ее к себе.

— За Миртлиссом нет монорельса.

— Нет.

— Я собирался вернуться в Кристиендэйл...

Он почувствовал, как она напряглась.

— И построить там планер, достаточно большой, чтобы поднять нас всех. Потом я понял, что мы не сможем лететь все время, во-первых, и что без горючего мы вообще не взлетим, во-вторых...

— Ты слишком волнуешься, Клод, — она погладила его по руке.

— Одна идея может сработать, — воздушный шар, наполненный горячим воздухом. Но здесь сильный юго-восточный ветер и нас снесет в море, — он подавил вздох.

— Давай прогуляемся по берегу, туда, где нас не увидят. Когда они возвратились, торговцы откупорили большую бутыль вина и все снова уселись вокруг огня, весело беседуя. Клайстра и Нэнси пили совсем немного.

Яркий солнечный свет заливал лагерь. Клайстра заставил себя проснуться. Почему так сухо во рту? Почему его не разбудили, чтобы сменить часовых? Он оглядел лагерь.

Торговцы ушли!

Клайстра вскочил. Под монорельсом вниз лицом лежал Эли Пианца... Тележек не было. Четыре тележки, сотни футов металла, одежды, инструментов...

И Эли был мертв.

Они похоронили его в полном молчании. Клайстра поглядел на монорельс, потом на свой маленький отряд.

— Не будем обманывать себя. Это настоящий удар.

— Вино, — зло сказал Озрик. — Нам не надо было пить. Они смазали стакан сонным зельем. Никогда нельзя доверять торговцам.

Клайстра все еще качал головой, глядя на могилу Пианца. Прекрасный товарищ, добрый, умный... Он повернулся к группе.

— Озрик, вам нет смысла оставаться с нами. Тележки похищены и наш металл тоже. Вам лучше вернуться в

Кристиендэйл и забрать тележку Фейна, — в ней вы сможете добраться до Болотного острова.

Они оставались вчетвером. Элтон, Бишоп, Нэнси и он сам.

— Вы тоже можете вернуться. Впереди опасности и смерть. Каждый, кто хочет вернуться в Кристиендэйл, имеет на это право.

— Почему ты не повернешь, Клод? — спросила Нэнси. — У нас вся жизнь впереди, рано или поздно мы сможем послать сообщение...

— Нет. Я иду вперед.

— Естественно, — сказал Бишоп.

— Мне не нравиться Кристиендэйл, — улыбнулся Элтон. — Они слишком тяжело работают.

Нэнси опустила плечи.

— Ты можешь вернуться с Озриком, — предложил Клайстра. Она печально поглядела на него.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я с самого начала был против твоего участия в походе.

— Я не поверну назад, — упрямо сказала она.

Озрик встал, подкрутил соломенный ус и вежливо поклонился:

— Я желаю вам удачи. Разумнее было бы вернуться со мной в Город-на-Болотах. Виттельхэтч не самый плохой хозяин, — он оглядел их. — Нет?

— Желаю счастливо добраться домой, — сказал Клайстра.

Он следил, как Озрик шел к деревьям, размахивая на ходу руками. Арбалет остался в тележке, а тележка...

— Стойте!

Озрик обернулся. Клайстра протянул ему тепловой пистолет:

— Снимаете предохранитель и нажимаете на эту кнопку. Здесь очень мало энергии, так что не тратьте по пустякам.

— Спасибо, — сказал Озрик.

— До свидания.

Он исчез за деревьями.

Клайстра вздохнул.

— Два или три заряда в этой пушке дали бы нам несколько миль пути или нескольких мертвых реббиров. Ему

они спасут жизнь... Так, с этим кончено, что у нас осталось?

— Пакеты с концентратами, мои витамины, водоочиститель и четыре ионника.

— Зато нетяжело, — сказал Элтон.

Озеро было около сорока километров в диаметре — два дня они спокойно шли лесом. Вечером второго дня они наткнулись на реку, текущую на юг, и разбили лагерь на ее берегу.

На следующее утро они построили плот. Яростной греблей четверка переправила хрупкое сооружение на другой берег в трех милях ниже монорельса.

Они выбрались на берег и огляделись. На северо-востоке в небо врезался хребет Гнезда, окруженный справа и слева более низкими рядами утесов.

— Похоже, — сказал Элтон, — нам придется посвятить этим скалам как минимум три дня.

— Хорошо, что мы идем пешком, — сказал Бишоп. — Я представляю себе всю эту возню с перегрузкой.

Клайстра внимательно разглядывал ближний берег озера.

— Что вы там видите?

— Десяток всадников на зипанготах, — ответил Элтон.

— Торговцы говорили об отряде реббиров... Похоже, — он кивнул.

— Как хорошо было бы ехать верхом, — вздохнула Нэнси.

— Именно об этом я и думаю, — улыбнулся Клайстра.

Бишоп печально вздохнул:

— Месяц назад я был цивилизованным человеком. Я и не думал, что стану конокрадом.

— Ты еще больше удивишься, если вспомнишь, что шестьсот лет назад реббиры тоже были цивилизованными людьми, — ухмыльнулся Клайстра.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Элтон. — Спустимся и убьем их?

— Если они подождут нас, — ответил Клайстра. — Я надеюсь, что мы уложимся в один мегаватт, потому что, — он проверил магазин ионника Пианцы, — тут только два.

— У меня столько же, — сказал Бишоп.

— Мне хватит на два хороших залпа, — заключил Элтон.

— Если они тихо проедут мимо, мы будем знать, что это мирные люди и не тронем их, — сказал Клайстра, — но если...

— Они заметили нас, — закричала Нэнси. — Они едут к нам! Через равнину летели всадники на бешеных зипонготах, черные плащи развивались по ветру. Зипанготы отличались от тех, что Клайстра продал Виттельхэтчу — они были больше, тяжелее, их белые и костлявые головы напоминали черепа.

— Демоны, — пробормотала Нэнси.

— Все наверх, — скомандовал Клайстра. — Нужно задержать передних, пока все не окажутся в радиусе действия...

Боевой клич реббиров летел над равниной, земляне уже могли различить лица передних всадников.

— Всего тринадцать, — шепнул Клайстра. — Бишоп — твои те, что справа, Элтон — слева, я возьму пятерых в центре.

Всадники выстроились полукругом, огибая холм, на котором стояли четверо. Три вспышки. Тринадцать реббиров на земле.

Через несколько минут отряд отправился через равнину к черной линии утесов. Они взяли самых лучших зипанготов — остальных отпустили. Сабли, ножи и металл реббиров брякали в седельных сумках. На землянах были черные плащи и белые шлемы.

Нэнси все это не нравилось.

— От реббиров разит козлом, — морщилась она, — их плащи ужасны, а шлемы грязные внутри.

— Вытри, — посоветовал Клайстра, — и надень, если хочешь живой добраться до Миртлисса.

Вскоре они добрались до скалистого склона. В высоте над ними проплыл караван из шести грузовых тележек под полными парусами. Задрав головы, путники следили за ним, пока тележки не исчезли в тени леса.

На третий день они достигли хребта. Линия монорельса резко поднималась вверх — к острию утеса.

— Так они спускаются из Миртлисса, — Клайстра посмотрел на кабель, сливающийся с меловой стеной утеса. —

Вверх подниматься тяжело. Сплошные перегрузки. А вниз... Помните, как мы въезжали в Долину?

— Здесь было бы еще хуже, — голос Нэнси дрожал.

Путники подъехали к нижней платформе монорельса. От нее вверх вела тропинка, сворачивавшая влево, потом назад, огибавшая мелкие скалы и превращавшаяся в узкий проход, врезанный в утес. Двести ярдов вперед, затем назад, наскоком — вправо, влево, вправо, влево. Плечи животных упирались в стены, нужно было скорчиться в седле, чтобы не ушибиться. Зипанготы, впрочем, двигались без особого напряжения.

Вверх, вперед, назад, вверх. Земля отдалялась и росла, там где глаза Клайстры привыкли видеть горизонт, была только земля. Вдали серебряным зеркалом блестело озеро.

Вверх. Тучи закрыли солнце и земляне почти не видели дороги, ветер ревел над их головами.

Отряд остановился на краю утеса. Ветер прижимал их к скале. Плато было голым и безжизненным. Серая плоскость тянулась на двадцать миль и терялась в не менее серой тени. Высоко над ней дрожал белый кабель монорельса — единственное, что придавало картине объемность.

— Ну что ж, — сказал Клайстра. — Ничего внизу...

— Смотри, — рука Элтона показывала на север.

Клайстра чуть не вылетел из седла.

— Доброе утро! Реббиры.

Словно колонна муравьев они ползли по хребту в нескольких милях от землян. Их было около двух сотен. Клайстра хрипло сказал:

— Нам лучше ехать... Если мы пойдем под монорельсом — не очень быстро — может быть, они не тронут нас.

Тогда поехали, — сказал Элтон.

Беспечной рысью караван двинулся на восток прямо по тени, отбрасываемой монорельсом. Клайстра не спускал глаз с реббиров:

— Мне не кажется, что они следуют за нами...

— Уже следуют, — сказал Элтон.

Дюжина всадников вырвались из рядов реббиров с явным намерением догнать маленький отряд.

— Нам придется прибавить скорость, — прошипел Клайстра.

Он сжал коленями бока зипангота, тот взвыл и рванулся вперед, закидывая костлявую голову.

Двадцать четыре ноги тяжело били в базальт. А сзади неслись реббиры в черных развевающихся плащах.

ГЛАВА XV
РЕББИРЫ

"Кошмарная скачка", — подумал Клайстра, — "быть может, я сплю?" Кошмарные скакуны, черные всадники и равнина, как из Дантова "Ада"! Клайстра отогнал это ощущение. Обернувшись, он посмотрел на реббиров. Теперь их преследовала вся армия. Первый десяток был еще далеко.

Клайстра пришпорил своего зипангота.

— Скачи, милый.

Миля за милей — серая равнина и топот сотен ног. Глядя вперед, Клайстра увидел, что базальт кончается. Впереди были дюны белые как соль и блестящие как битое стекло.

Реббиры приближались. Оглянувшись, Клайстра увидел зрелище, которое при других обстоятельствах показалось бы ему прекрасным. Преследователи стояли на спинах несущихся животных. Каждый из них, откинув капюшон, натягивал тетиву большого черного лука.

— Берегись! — выкрикнул Клайстра. — В нас стреляют! — И прижался к спине зипангота.

Стрела пропела над его головой. Впереди росли дюны. Клайстра услышал, что топот зипанготов стал глуше — теперь они скакали по песку... Зипангот устал, дыхание с хрипом вылетало изо рта. Через несколько миль животные сдадут и тогда им всем конец.

Через дюны, через небольшую долину к молочно-белым утесам. Цепочка черных всадников, летящих через дюны была похожа на огромный черный шарф.

Беглецы достигли утесов. Сзади — топот ног и резкий боевой клич... Вперед по высохшему руслу реки... Зипанготы спотыкались о камни, все ниже наклоняли головы.

С двух сторон в утесах открывался проход. Клайстра кивнул влево:

— Сюда! — он погладил своего задыхающегося зипангота. — Быстро! Если мы оторвемся, имеем шанс...

Он нырнул в проход, за ним — Нэнси, бледная с синим кольцом вокруг губ, Бишоп, Элтон.

— Тихо, — сказал Клайстра. — Все в тень. Рокочущий звук прокатился по старому руслу. Боевой клич прозвучал совсем рядом, потом затих.

Потом топот стал звонче — преследователи явно переменили направление. Их крики больше не содержали угрозы — реббиры разговаривали между собой. Клайстра посмотрел через плечо. Овраг, в котором они стояли под немыслимым углом упирался в склон горы. Он повернулся к Нэнси:

— Вверх по склону. Бишоп и Элтон — за ней.

Нэнси пришпорила своего скакуна, он двинулся, затем остановился и попытался повернуть назад. Нэнси дернула поводья. Кашляя и шипя, зипангот начал взбираться на гору.

— Быстрее, — сказал Клайстра. — Они могут появиться в любой момент. Бишоп и Элтон последовали за Нэнси... Крики становились все ближе. Клайстра поднял своего скакуна на склон. Позади пригнувшись в седлах и размахивая саблями скакали реббиры.

Проход был забит разгоряченными людьми и животными. Они сплелись в тесный клубок и не могли вырваться из прохода.

Нэнси первой перевалила за хребет, потом Бишоп, потом Элтон и Клайстра. Элтон знал, что делать. Он смеялся, показывая белые зубы. Его ионник был наготове. Он прицелился в первого зипангота. Белая голова превратилась в красное пятно. Животное упало и покатилось вниз по склону, сшибая с ног остальных.

Клайстра повел свой отряд вдоль хребта. Они ехали так быстро, как только могли. Они скакали по наплывам лавы, огибая утесы и провалы. Минут через пять, Клайстра свернул в один из проходов и остановился лишь доехав до запиравшей его скалы.

— Они будут долго нас искать, если вообще будут... До темноты мы, во всяком случае, в безопасности.

Он поглядел на тяжело вздымающиеся плечи своего зипангота:

— На вид ты не очень-то хорош, приятель, но тебе цены нет.

Ночью они вернулись на плато и тихо поехали на восток. Кряж расширялся и становился более пологим, иногда острые зубья скал тонули в океане песка.

Когда они выехали на равнину, издалека донесся клич — клекот орла. Клайстра остановил своего зипангота и прислушался. Тишина. Зипангот всхрапывал, перебирал ногами. Клич повторился. Клайстра пришпорил его.

— Нам лучше убраться подальше от реббиров, пока темно. Или найти укрытие.

Они ехали по светящемуся песку. Клайстра наблюдал за равниной позади. Метеориты чертили яркие линии в темном небе. А позади снова раздался клич.

Начинало светать. На востоке появились неясные тени деревьев. Федра поднялась в небо и путешественники ясно видели теперь зеленый остров в море песка. Из центра оазиса поднималось полукруглое здание, будто сделанное из белого металла.

— Должно быть Миртлисс, — сказал Клайстра. — Фонтан Миртлисса. Не было перехода. Пустыня становилась живой внезапно. На границе оазиса рос высокий голубоватый мох, в нескольких дюймах за этой границей земля была сухой и пыльной.

Они вошли под сень деревьев как в райский сад. Клайстра соскользнул со своего зипангота, привязал поводья к дереву и помог Нэнси сойти на землю. Лицо ее было бледным и усталым. Бишоп сразу же растянулся на траве. Глаза Элтона горели лихорадочным огнем, рот был сжат в тонкую белую линию.

Зипанготы, обнюхав мох, опрокинулись на спины и начали кататься по нему. Клайстра кинулся снимать груз, прежде, чем его сотрут в порошок.

Нэнси растянулась под деревом рядом с Бишопом.

— Голодна? — спросил Клайстра.

— Нет, — она покачала головой. — Просто устала. Здесь мир и покой... Слышишь... это птицы?

Клайстра прислушался.

— Это только похожие на птиц.

Эса Элтон открыл пакет, смешал пищевой порошок с витаминами, долил воды, замешал тесто, выложил его в

микроволновую печь Фэйна, опустил шторку и через пять минут достал готовый пирог.

Клайстра лег на мох.

— Открываю военный совет.

— В чем дело? — спросил Элтон.

Клайстра смотрел на густую листву, на белые прожилки листьев...

— Выживание... Когда мы вышли из Джубилита, нас было восемь, не считая Нэнси. Ты, я, Бишоп, Пианца, Фэйн, Дэррот, Кетч и Валюссер. С Нэнси — девять. Мы прошли тысячу миль и нас осталось четверо. Впереди — пустыня, нам придется пересечь значительную часть Палари. Потом горы, озеро, река Мончевиор, потом полная неизвестность.

— Он нас пугает, — сказал Бишоп.

— Когда мы оставили Джубилит, — продолжал Клайстра, так как будто не слышал, — я думал, что у нас есть приличные шансы, на то, что мы дойдем. Сотрем ноги, вымотаемся, но дойдем. Я был неправ. Итак, пока это возможно, каждый, кто хочет вернуться по монорельсу в Кристиендэйл, получает мое благословение. В саблях реббиров достаточно металла, чтобы сделать нас всех богачами. Если кто-то предпочитает быть живым кристером, а не мертвым землянином, сейчас самое время сделать выбор.

Он ждал. Все молчали.

Он продолжал смотреть в небо:

— Мы отдохнем здесь, в Миртлиссе, день или два, а потом те, кто все еще хочет идти на восток...

Клайстра осторожно шагал по поляне, разглядывая своих спутников. Бишоп сопел, Элтон спал как невинный младенец, Нэнси снился кошмар — она стонала во сне. Клайстра думал: "Торговцы убили Пианцу, потому, что он остался дежурить той ночью. Почему они остановились? Они очень легко могли перерезать всех нас, сонных. У этих торговцев явно не было ни совести, ни иных спасительных предрассудков. У землян была ценная одежда с металлическими застежками. Ионники сами по себе были огромной ценностью. Почему же торговцы все-таки не убили нас? Или их переубедил кто-то обладавший большим авторитетом... вероятно в виде ионного пистолета".

Клайстра повернул обратно. Боль комком стояла в горле. Он вернулся на поляну. Мох был мягким, пружинистым и пушистым, как звериная шкура. В воздухе был разлит покой. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и придавали роще вид волшебного леса из сказки об эльфах. Откуда-то доносился музыкальный свист, щелкание, снова свист. Пела не птица — какое-то насекомое или ящерица — на Большой Планете не было птиц. А со стороны круглого здания раздавался четкий звук гонга.

Он услышал шорох за спиной. Резко обернулся. Нэнси. Клайстра облегченно вздохнул.

— Ты меня напугала.

— Клод, — шепнула она, — давай вернемся — все вместе. — Она жадно хватала ртом воздух. — Я не имею права так говорить, я незванная гостья... Но ты погибнешь, а я не хочу, чтобы ты умирал... Почему мы не можем просто жить — ты и я? Если мы вернемся в Кристиендэйл, мы проживем жизнь в любви и покое.

Он покачал головой.

— Не уговаривай меня, Нэнси. Я не могу повернуть назад. Но думаю, что ты — должна.

Она отступила назад, глядя на него расширенными глазами.

— Я тебе больше не нужна?

— Конечно нужна, — он рассмеялся устало. — Я жить без тебя не могу. Но то, что мы забрались так далеко — это чудо. А чудо должно когда-нибудь кончиться.

— Конечно! — крикнула она. — Поэтому я и хочу, чтобы ты повернул назад!

— Она положила руки ему на грудь. — Клод, я прошу тебя...

— Нет!

Слезы текли по ее щекам. Он растерянно смотрел на нее, пытаясь подобрать успокаивающие слова. Они застревали в его горле. Не найдя ничего лучшего, он сказал:

— Тебе следует отдохнуть.

— Я больше никогда не буду отдыхать.

Он удивленно посмотрел на нее. Нэнси отошла к краю оазиса, прислонилась к дереву и стала смотреть в пустыню.

И Клайстра снова пошел кругами. Мягкий мох заглушал звук его шагов. Прошел час.

Он подошел взглянуть на Нэнси. Она спала, заложив руки за голову. Что-то в ее позе, в напряженности спины, сказало Клайстре, что их отношения уже не будут прежними.

Он подошел к спящему Элтону и коснулся его плеча. Инженер открыл глаза.

— Твоя очередь. Разбудишь Стива через час.

Элтон зевнул и встал.

— Хорошо.

Звук. Хриплый глухой звук. Клайстра очень устал, но не мог снова погрузиться в сон. Дальний, беспокоящий звук не позволял ему. Опасность. Он должен проснуться!

Он вскочил на ноги, хватаясь за рукоятку ионника. Рядом лежал спящий Элтон.

Бишопа не было видно. Нэнси тоже. Голоса. Удар, еще удар. Звуки затихли вдали.

Клайстра побежал, раздвигая ветви деревьев, перепрыгивая через стелющиеся по земле лианы. Он обо что-то споткнулся и остановился. Он споткнулся о труп.

Об окровавленный безголовый труп Бишопа. Голову убийцы унесли с собой. "Где теперь эта круглая голова, этот мозг, заполненный знаниями? Где Бишоп? Куда он ушел?"

Кто-то схватил его за руку.

— Клод! — Он взглянул в лицо Элтона.

— Они убили Стива.

— Вижу. Где Нэнси?

— Где Нэнси... "Где Нэнси?"

Он обернулся, потом остановился и стал внимательно смотреть под ноги.

— Те, кто убил Стива, забрали ее с собой, — сказал Элтон. — На земле остались следы...

Клайстра глубоко вдохнул, еще раз, еще раз. Посмотрел на следы. Его охватило неудержимое желание действовать. Он кинулся к круглому зданию, пробежал кипарисовую рощу и вылетел на мощенную дорожку, ведущую прямо к храму. Отсюда он был виден целиком — от колоннады справа до колоннады слева. Ни Нэнси, ни ее похитители не появлялись.

На мгновение Клайстра остановился, потом снова побежал. Он бежал через сад, мимо длинной мраморной

скамьи, мимо каскада фонтанов с желтой водой, вниз по дорожке, вымощенной черным и белым мрамором. Старик в сером шерстяном халате подрезал розы. Увидев Клайстру, он распрямился.

— Куда они пошли? — прохрипел Клайстра. — Люди с девушкой?

Старик тупо смотрел на него.

Сзади подбежал Элтон.

— Он глухой.

Клайстра побежал дальше. В конце дорожки была дверь. Наверное, именно через нее Нэнси втащили внутрь. Он ударил в нее плечом. Дверь не поддавалась.

Он заколотил в стену руками, крича:

— Откройте! Откройте, я приказываю вам!

— Колотясь в эту дверь, ты ничего не добьешься. Разве что получишь стрелу в горло, — сказал Элтон.

Клайстра остановился. Внимательно осмотрел стену. Солнечный свет играл на ней с тенями деревьев. Очень спокойно Клайстра сказал:

— В моем ионнике хватит зарядов, чтобы поглядеть на цвет их крови.

— Ты успокоишься, наконец! — нетерпеливо сказал Элтон. — Во-первых, мы должны позаботиться о зипанготах, покуда их не украли.

Клайстра с усилием оторвал глаза от стены и повернулся к Элтону.

— Ладно, ты прав... Бедняга Бишоп.

— Вряд ли мы переживем его хотя бы на сутки, — ровно сказал Элтон.

В отсутствие хозяев, зипанготы объели половину кустов на поляне и теперь мирно стояли, вытягивая шеи и тихо подвывая. Не говоря ни слова, Клайстра и Элтон разгрузили вьюки. Имущество Бишопа и Нэнси казалось им намного тяжелее их собственного.

— Знаешь, что бы сделал я, если бы руководил нашим походом? — спросил Элтон, на мгновение прекратив работу.

— Что?

— Поехал бы строго на восток и не оглянулся бы.

Клайстра покачал головой.

— Я не могу, Эса.

— Тут что-то не так.

— Знаю. И хочу понять, что именно. Я теперь воюю за мертвое дело. Ты еще можешь вернуться в Кристиендэйл.

— Вот еще, — фыркнул Элтон.

Они сели в седла и поехали по направлению к храму.

ГЛАВА XVI
ПОИСК

Воздух был полон звуков — "птичий" свист, жужжание и зудение мелких насекомых, шорох теплого ветра. Они шагом проехали через рощу. Там стояла девочка, игравшая с игрушечным чертенком. У нее было треугольное лицо и большие темные глаза. На ней были только зеленые сатиновые бриджи и красные шлепанцы. Она наблюдала за чужеземцами, приоткрыв рот, совсем позабыв о своей игрушке. Она была такой же, как дети Земли, что станет с ней, когда она вырастет?

Они ехали мимо длинной стены из тесаного камня, поросшей тем же голубоватым мхом. Стена уперлась во флигель храма. Обогнув его, они поехали по чистой узенькой улочке, вдоль которой протекал канал с желтоватой водой. Справа появились маленькие лавки, потом открылась базарная площадь — путешествуя между звезд, Клайстра видел сотни таких. С рам свисала одежда, пояса, матерчатые украшения, тут же лежали кучи фруктов и дынь. Рядом выстроились горшки, миски, тарелки, тут же стояли корзины с зеленью и просто корзины и, конечно, вино. Никто не обращал внимания на проезжающих мимо землян.

Над самой большой и чистой лавкой в качестве вывески висел меч. Клайстра остановил зипангота.

— У меня есть идея, — он слез, вытащил из седельной сумки две сабли, отбитые у реббиров, и шагнул в темноту лавки.

Невысокий, очень толстый человек поднял голову от стола. Его лицо было бледным, в волосах пробивалась седина, а нос и подбородок выдавали реббира, чуть смягченного цивилизацией.

Клайстра швырнул сабли на стол.

— Сколько вы дадите за них?

Толстяк изменился в лице. Он не пытался скрыть интерес.

— Где вы это взяли? — он взял саблю, провел пальцем по лезвию. — Это прекрасная сталь... Такую изготовляют только кузнецы Южных реббиров.

— Я их недорого отдам.

Глаза оружейника загорелись.

— Чего вы хотите? Может быть, роскошный шлем, отделанный перламутром, с магическим горным опалом на шишаке? Еще я могу предложить вам...

— Нет, — сказал Клайстра. — Еще дешевле. Час назад мою женщину силой увели в тот большой дом, или храм, но, как он называется... Я хочу получить ее назад.

— Две таких сабли за женщину? Вы шутите? За эти сабли я приведу вам пятнадцать девушек, прекрасных, как утренняя заря!

— Нет. Мне нужна только моя женщина.

Торговец с отсутствующим видом потер лоб и снова провел рукой по лезвию клинка.

— По правде говоря, я очень хочу получить эти сабли... Но и голова у меня только одна, — он положил саблю на место. — Знаете, эти Служители совершенно непредсказуемы. Иногда они ведут себя, как выжившие из ума олухи, а потом все это оборачивается таким умом и коварством, что честному торговцу остается только руками разводить. Клайстра нервничал. Время шло. Минуты капали, как вода на обнаженный мозг. Нэнси — что с ней?

— Ну и что? — спросил он оружейника.

— Чего вы хотите от меня?

— Я хочу эту женщину. Она молода и красива, вероятно, кто-то из Служителей взял ее себе.

Оружейник покачал головой, как бы удивляясь невежеству клиента.

— Мудрецы хранят целомудрие. Скорее всего, ее взяли в ямы для рабов.

— Я не знаю ничего о храме. Мне нужен кто-то, кто знает.

— Понятно, — кивнул торговец. — Так вы пойдете сами?

— Да, — зло сказал Клайстра. — Но не думай, что не будешь рисковать своей шеей.

— Не буду, — холодно ответил торговец. — Я — не буду. Кое-кто другой. — Он стукнул ногой в пол. Через минуту в комнату вошел бледный молодой человек, чье лицо было еще более жестким и костлявым, чем у его отца. Его взгляд упал на сабли и юноша подавил восхищенный вздох.

— Мой сын Нимэстер. — Оружейник повернулся к юноше. — Один из клинков твой. Ты должен провести его в храм через проход Зелло. Оденьте рясы, возьмите одну с собой. Этот человек укажет тебе женщину — без сомнения она в камере. Ты подкупишь Коромутина. Пообещаешь ему кинжал из порфирита. Приведи женщину сюда.

— Это все? И сабля моя?

— Тогда — да.

— Пошли, — сказал юноша Клайстре.

— Минуточку, — Клайстра распахнул дверь. — Элтон!

Элтон скользнул в комнату, бесстрастно оглядывая ее.

— Если я вернусь вместе с Нэнси, отдай ему эти две сабли. Если мы не вернемся — убей его.

Торговец попытался протестовать. Клайстра улыбнулся:

— Неужели ты думаешь, что я тебе доверяю?

— Доверяю, — удивился тот. — А что такое доверие?

Клайстра одарил Элтона волчьей улыбкой.

— На случай, если не вернусь — желаю удачи. Делай карьеру, становись императором.

Нимэстер и Клайстра вышли из лавки, обогнули стену и двинулись по аллее между двумя живыми изгородями. Нимэстер остановился у маленького сарайчика, нажал на что-то и открыл дверь. Достал оттуда сверток и протянул его Клайстре.

— Одевайтесь.

Это была белая ряса с капюшоном, Клайстра натянул его пониже. Затем серебряный халат без завязок и черная мантия, тоже с капюшоном. Нимэстер натянул такой же наряд.

— Это одеяние Мудреца — средний ранг у Служителей. В храме на нас никто не обратит внимания, — он связал третий комплект в плотный узел, быстрым взглядом изучил аллею. — Сюда — скорее...

Они пробежали сотню футов до отверстия в ограде и проникли в сад. Тут Нимэстер остановился, осторожно двинулся вперед, снова замер и дал Клайстре знак остановиться тоже. Глядя вперед, через переплетение виноградных лоз, Клайстра увидел высокого тощего человека с серым лицом и крючковатым носом, мирно греющегося на солнышке. В руках у него был хлыст и он лениво похлопывал им себя по сапогу. Невдалеке шестеро ребятишек разного возраста работали в винограднике, подпирая лозы длинными палками.

Нимэстер наклонился к Клайстре и шепнул:

— Чтобы добраться до стены, надо миновать Зелло. Он не должен видеть нас, он поднимет крик, — Нимэстер наклонился, подобрал камешек и швырнул его в одного из мальчишек. Тот закричал, но быстро замолк и вернулся к работе. Зелло зашевелился, как ленивый питон, и пошел через виноградник, поднимая хлыст.

— Пора, — шепнул Нимэстер. Они ринулись через открытое пространство и остановились в тени стены.

Нимэстер остановился и стал внимательно разглядывать купол Миртлисского храма.

— Иногда там стоит жрец и наблюдает за пустыней. Это когда они ждут важного гостя и хотят вовремя приготовить оракула, — юноша кивнул. — Так и есть. Вот он.

Клайстра увидел на краю крыши темную тень, подобную Нотрдамской химере.

— Не беспокойтесь, — сказал Нимэстер. — Он не заметит нас. Мы ведь не в пустыне, — он начал карабкаться по стене, используя выступы и выщербины как ступени. На полдороге он пропал из виду. Добравшись до середины стены, Клайстра обнаружил узкий лаз, невидимый снизу.

Из лаза раздался гулкий голос Нимэстера.

— Эту стену строили для престижа — она пустая внутри и тут можно пройти. Послышалось клацанье, затем вспыхнул огонь. Нимэстер зажег фонарь и пошел вперед. Шаги его были легки и очень осторожны.

Они прошли две сотни ярдов внутри стены, затем проход загородил большой черный камень. Рядом с ним была яма, в которую скользнул Нимэстер.

— Осторожно, — пробормотал он. — Ступеньки очень узкие. Держитесь крепче.

Клайстра протиснулся в щель в фундаменте здания и вылез в темный коридор.

— Теперь мы под полом Главного Собрания. Над нами — Вердикаториум — место где сидит оракул.

Над ними звучали шаги. Торопливые, легкие, но какие-то странные.

— Это надсмотрщик, старый Капер. Когда он был молодым, его наложница смазала зубы ядом и укусила его за бедро. Бедняга так и не оправился. Его левая нога не толще моей руки.

Еще одна скала преградила им путь.

— Это пьедестал сидения оракула. Теперь нужно вести себя очень осторожно. Прячьте лицо от света и молчите. Если нас остановят и узнают...

— Что тогда?

— Зависит от того, кто это сделает. Самые опасные — послушники в черных рясах. Они сверхподозрительны. И Иерархи с золотыми кистями на капюшонах. Остальные не так внимательны.

— Каковы твои планы?

— Этот коридор ведет к камерам, где содержат пленников, рабов и преступников, прежде чем использовать их.

— Использовать? В качестве оракула?

— Ни в коем разе, — покачал головой Нимэстер. — Чтобы давать ответы, оракул нуждается в мудрости четырех человек. Поэтому вместе с ним используют еще троих. Сам он тоже служит следующему оракулу.

— Нам пора, — в приступе нетерпения сказал Клайстра.

— Очень тихо, — предупредил Нимэстер. Он вытащил откуда-то грубую деревянную лестницу и приставил ее к скале. Взобравшись на нее, он привязал фонарь к веревке и оставил висеть, а сам пополз по новому лазу. Клайстра последовал за ним. Каменный пол давил ему на спину.

— Быстро за мной, — шепнул, обернувшись Нимэстер.

Он исчез. Клайстра провалился в узкую дыру и приземлился на каменном полу рядом с Нимэстером. Под его ногами текла вонючая вода. Нимэстер двинулся к источнику света — фонарю, висевшему над лестничным пролетом. Он поднялся по ступеням и без колебаний вошел в освещенное помещение.

Клайстра — за ним.

Воздух был горячим и несвежим, Клайстра почувствовал тошноту. Из-за широкой арки доносилась какая-то возня. Героическим усилием Клайстра проглотил комок и двинулся за дрожавшим от нетерпения Нимэстером.

Люди в рясах проходили мимо по двое, по трое, не обращая на них никакого внимания, Нимэстер остановился.

— За стеной — камера. Посмотри в щель и найди свою женщину. Клайстра прижался к холодной стене и стал всматриваться через небольшую дыру как раз на уровне глаз. Около двух десятков человек стояло в середине камеры или сидело на каменных скамьях. Головы рабов были обриты и окрашены в желтый, зеленый и голубой цвета.

— Ну... где она? — спросил Нимэстер. — Та, в дальнем углу?

— Нет, — сказал Клайстра. — Ее здесь нет.

— Ха, — пробормотал юноша. — Это проблема... Очень сложно, и, как мне кажется, за пределами нашего соглашения...

— Ерунда! Ты подрядился найти женщину и спасти ее, где бы она ни была... Приведи меня к ней, или я убью тебя здесь и сейчас!

— Я не знаю, где искать ее, — спокойно объявил Нимэстер.

— Так узнай!

— Я спрошу Коромутина. Подожди здесь.

— Нет. Я пойду с тобой.

Нимэстер тихо выругался и пошел вниз по коридору к небольшой двери, открыл ее и просунул голову внутрь. Человеку внутри было лет пятьдесят. Он носил белоснежную тунику и безукоризненный кружевной воротник. Он совершенно не удивился, увидев Нимэстера, и лишь всем своим видом немедленно создавал ощущение, что он важная персона и каждая минута его на счету.

Нимэстер заговорил с ним шепотом. Слова едва доносились до Клайстры. Коромутин поднял глаза и попытался заглянуть под капюшон землянина.

— Он говорит, что она не в камере, он не уйдет без нее.

Коромутин задумчиво нахмурил брови.

— Очевидно, женщина наверху. Если так — сколько заплатит твой отец? Я бы не отказался от кинжала из хорошего Филемонского порфита.

— Он будет твоим, — кивнул Нимэстер.

Коромутин потер руки, встал и поглядел на Клайстру с интересом.

— Эта женщина, конечно, — королева. Мой дорогой сэр, — он поклонился, — я восхищен вашей верностью. Позвольте мне помочь в ваших поисках, — он отвернулся, не дожидаясь ответа.

Они поднимались по мраморной лестнице. Сверху послышались шаги. Коромутин низко и раболепно поклонился.

— Кланяйтесь, — шепнул Нимэстер. — Мудрейший.

Клайстра склонил голову. Он увидел богатые одежды Мудрейшего. Белая ряса была шелковой, красная — шерстяной и мягкой, как бархат, черная — из более плотной шерсти. Брюзгливый голос произнес:

— Где ты был, Коромутин? Оракул скоро будет готов, а где же мудрость? Ты нерадив.

Коромутин рассыпался в извинениях и Мудрейший повернул обратно. Коромутин тоже вернулся в свой закуток, где натянул длинное одеяние с высоким воротником, накидку, расшитую красными пауками и высокий колпак с вуалью, почти полностью скрывавшей его лицо.

— Что за задержка? — спросил Клайстра.

— Коромутин занимает пост Вводящего, а это — его церемониальное одеяние. Придется подождать.

— У нас нет времени. Объясни ему.

— Невозможно, — покачал головой Нимэстер, — Коромутин привязан к оракулу. Да и я сам хочу посмотреть на ритуал. Я никогда не видел откровения.

Клайстра использовал все мыслимые угрозы, но Нимэстер был непоколебим.

— Ждите. Коромутин приведет нас к женщине. Ее нет в камере — вы сами видели.

Клайстре пришлось согласиться.

ГЛАВА XVII
ОРАКУЛ

Коромутин продолжал свои приготовления. Он достал из сейфа сосуд с мутной оранжевой жидкостью и набрал немного жидкости в примитивный шприц.

— Что это?

— Мудрость. — Ответил Коромутин с самодовольством посвященного. — На каждую порцию идут мозговые железы четырех человек — это концентрированные знания.

"Гормоны плюс мозговая жидкость", подумал Клайстра. Коромутин поставил жидкость обратно в сейф и спрятал шприц в рукав.

— Теперь — в Вердикаториум.

Он провел Клайстру и Нимэстера по коридору, по широкой лестнице в главный зал храма — огромный отделанный перламутром двенадцатигранник, залитый бледно-серым светом. В центре зала на постаменте из черного дерева стояло простое кресло.

Рядом с ним полукругом стояло около дюжины мудрых, выводивших жутковатый мотив.

— Дежурные, — пробормотал Коромутин. — Лорду Воеводе это не понравится. Он ставит мудрость оракула в зависимости от количества жрецов в зале... Я должен подождать здесь, в нише, — голос Коромутина был глухим и усталым. — По обычаю я сопровождаю оракула, — он оглядел зал. — Вам лучше стать в тень, пока какой-нибудь послушник не заглянул под ваши капюшоны и не поднял крик.

Нимэстер и Клайстра спокойно стали около стены. Через минуту в зал внесли яйцевидный паланкин с шелковыми занавесками. Четверо негров в красных бриджах служили носильщиками, сзади шли две девушки с креслом и кипой разноцветных подушек.

Носильщики поставили паланкин. Из него выпрыгнул маленький краснолицый человек и уселся в мгновенно подставленное кресло. Он оглядел присутствующих яростным взором.

— Скорей, скорей! — зашипел он. — Жизнь уходит. Свет меркнет в моих глазах, пока я сижу здесь!

Мудрейший, поклонившись, приблизился к нему.

— Вероятно, Лорд Воевода отдохнет во время предварительных церемоний?

— К черту церемонии! В любом случае, — яростно сказал Воевода. — А я вижу что только горсть жрецов решила почтить меня своим присутствием, — я обойдусь без

ваших ритуалов. Давайте прямо к прорицанию. Только пусть это будет мужчина в расцвете сил — реббир, бод или джилард.

— Мы приложим все усилия, милорд, — склонил голову Мудрейший. — Оракул идет.

Двое жрецов вошли в зал, поддерживая темноволосого человека в белом халате. Он затравленно оглядывался по сторонам.

— И этот урод будет давать мне советы! — проревел Воевода. — Да он способен только дрожать от страха!

— Вы ошибаетесь, Лорд Воевода, — уверенно сказал Мудрейший. — Он обладает мудростью четырех человек.

Несчастного оракула посадили в кресло, где он скорчился, дрожа. Лорд Воевода бросил на него взгляд полный злобы и презрения.

— Наверняка, я могу сказать ему больше, чем он мне, даже если его мудрость учетверена — он не знает ничего, кроме страха. И я даром трачу драгоценные мгновения своей жизни. Наверняка есть и лучше оракулы. Мудрейший пожал плечами.

— Мир широк. Возможно, где-нибудь найдется оракул, сильнее нашего. Лорд Воевода свободен отправиться на поиски.

Воевода нахмурился, но промолчал.

Появился Коромутин, прямой и церемонный. Он поднялся на возвышение, извлек шприц и, со всеми необходимыми ритуальными жестами, вонзил иглу в шею оракула. Оракул дернулся, изогнул спину, запрокинул голову. Какое-то мгновение он сидел прямо, потом бессильно осел в кресле, прижав руку ко лбу.

В зале стояла мертвая тишина. Оракул продолжал сжимать лоб. Потом он дернул ногой, тряхнул головой. Изо рта полились бессвязные звуки. Он с удивлением оглядел зал. Его руки тряслись. По подбородку текла белая пена. Он закричал страшным, хриплым голосом. Его тело качалось из стороны в сторону все быстрее и быстрее...

Клайстра не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Это и есть мудрость? — спросил он.

— Именно. Тише.

Оракул был в агонии. Его глаза горели лихорадочным огнем. Лорд Воевода наклонился вперед, кивнул и, улыбаясь сказал что-то почтительно склонившемуся Мудрейшему. Слов из-за рева оракула не было слышно. Мудрейший спокойно кивнул, выпрямился и стал покачиваться на носках, заложив руки за спину.

Оракул замер. Теперь он сидел спокойно и прямо, как будто агония смыла все его эмоции, оставив только разум.

В наступившей тишине Клайстра легко расслышал слова Мудрейшего, обращенные к Воеводе.

— Он готов. У вас есть пять минут мудрости, потом он умрет. Воевода кивнул.

— Оракул отвечай хорошенько. Сколько мне осталось жить? Оракул устало улыбнулся.

— Тривиальный вопрос — легко ответить. Почему нет? Итак: из положения твоего тела, из ритма дыхания и пульса я делаю вывод, что ты болен раком. Твое дыхание гнилостно. Ты не проживешь и года. Воевода с искаженным лицом повернулся к Мудрейшему:

— Убрать его — он лжец! Я дал вам рабов, а он лжет мне!

Мудрейший поднял руку.

— Не приходи к Фонтану за ложью и лестью — ты услышишь только правду.

— Как могу я продлить свою жизнь?

— Я не врач. Умеренность в еде, разумный режим дня, отказ от вина и наркотиков. Благотворительность — для облегчения совести. Воевода снова яростно уставился на Мудрейшего.

— Вы снова обманываете меня. Этот урод несет чушь. Почему он не откроет формулу?

— Какую формулу? — непонимающе спросил жрец.

— Эликсир вечной жизни! — проревел Воевода. — Что еще?

— Спросите его самого, — пожал плечами Мудрейший.

Воевода повторил вопрос. Оракул покачал головой.

— Я не знаю такой формулы и мне не хватает знаний, чтобы вывести ее.

— Спрашивайте только о том, что реально. Оракул не обманщик, как Витторы или волшебники из Эдельвейса.

Воевода густо покраснел.

— Как могу я закрепить свою власть за своим сыном?

— В государстве, изолированном от внешнего влияния, можно править благодаря традиции, благодаря силе или по желанию подданных. Последнее гарантирует режиму стабильность.

— Дальше, — крикнул Воевода. — Ты можешь сейчас умереть.

— Странно, — сказал оракул. — А я только начал жить.

— Говори, — резко приказал Мудрейший.

— Твоя династия началась с тебя, когда ты отравил прежнего Воеводу. Ты не можешь опираться на традицию. Поэтому твой сын должен править силой. Механизм прост: он должен убивать всякого, кто осмелится оспорить его власть. Это создаст ему новых врагов, их он тоже должен уничтожить, если он сможет убивать быстрее, чем его противники, он останется у власти.

— Невозможно! Мой сын — неженка. Я окружен предателями, мерзавцами, которые ждут только моей смерти, чтобы начать грабить и убивать. — В этом случае, твой сын должен показать себя таким способным правителем, чтобы ни у кого не возникло желание заменить его. Глаза Воеводы затуманились. Его мысли были далеко, наверное, с его сыном.

— Чтобы подготовить почву, ты должен изменить внутреннюю политику. Следует рассмотреть каждое действие твоих чиновников с точки зрения непривилегированных слоев населения. И внести соответствующие изменения в политику. Тогда, после твоей смерти, твой сын сможет опираться на доверие и лояльность простого народа.

Воевода откинулся на спинку кресла и насмешливо поглядел на Мудрейшего.

— И за это я заплатил двадцать рабов и пять унций меди?

— Он наметил вам план действий. Он ответил вам.

— Но, — запротестовал Воевода, — он не сказал мне ничего приятного. Мудрейший спокойно смотрел на перламутровую стену.

— Лесть и фантастические бредни оставьте придворным магам. У Фонтана вы услышите только правду.

Воевода вздохнул, фыркнул.

— Хорошо. Еще вопрос. Люди дельты совершают набеги на Криджинскую долину и угоняют скот. А мои солдаты не могут преследовать их, тонут в грязи и теряют следы в протоках. Как мне покончить с этой напастью?

— Посади дикий виноград на Имсдиптонских холмах.

Воевода крякнул. Мудрейший торопливо сказал:

— Объясни.

— Люди дельты выращивают кламов. Твои стада печавье пасутся на Имсдиптонских холмах и каждый год объедают там всю растительность. Осенние дожди смывают почву в реку. Паннасик. Вещества, содержащиеся в ней смертельны для кламов. Они гибнут от соприкосновения с ней и оголодавшие люди дельты крадут твой скот. Ты можешь покончить с бедой, устранив ее причину.

— Они коварны, они разбойники и обманщики, я жажду мести!

— Ты ее не получишь, — сказал оракул.

Воевода вскочил на ноги. Он схватил каменный сосуд из своего паланкина и швырнул в оракула. Сосуд попал бедняге в грудь. Мудрейший яростно вскинул руку, Воевода ответил ему бешеным взглядом, оттолкнул девушек и нырнул в паланкин. Носильщики подняли его на плечи и вышли из зала. Оракул закрыл глаза. Он тяжело дышал, жадно хватал воздух. Его пальцы смыкались и размыкались... Завороженный Клайстра шагнул вперед, но Нимэстер схватил его за рукав.

— Вы сошли с ума!

Коромутин прошел мимо них, прошептав:

— Ждите меня в коридоре.

— Пошли, — сказал Клайстра.

Коромутин еще раз кивнул и скрылся в проходе. Через десять бесконечных минут он вернулся в своем обычном белом одеянии. Не говоря ни слова, он стал подниматься по широким белым ступеням, ведущим на галерею, опоясывающую здание. Сквозь высокие арки был виден не только оазис, но и пустыня и черные голые вершины Гнезда.

Они поднялись на еще один пролет и вышли в узкий коридор, тоже идущий вокруг главного зала — туда можно было заглянуть через окна справа. Коромутин махнул Клайстре и Нимэстеру и вошел в комнату. Подошел к столу и начал переговоры.

Потом обернулся к Нимэстеру.

— Это Жентиль, Хранитель порядка. Он поможет вам, если твой отец согласится расстаться с еще одним порфиритовым кинжалом.

— Хорошо, — вздохнул Нимэстер.

Коромутин кивнул и коротышка, как будто ожидавший этого сигнала, встал и вышел в коридор.

— Он видел, как ее допрашивали, — тихо сказал Коромутин, — и может провести вас к ней. Я оставляю вас на его попечение. Будьте осторожны — здесь очень опасно.

Они пошли за Жентилем по бесконечным коридорам, снова вверх по лестнице. Клайстра различил звук, который заставил его остановиться — ровный ритмичный гул.

Жентиль нетерпеливо махнул рукой.

— Идемте, я покажу вам женщину и развяжусь с этим делом.

— Откуда идет этот звук? — спросил Клайстра.

— Загляни сквозь решетку, ты увидишь его источник. Это организм из стекла и металла. Он разговаривает разными голосами. Это могучая вещь и не нашего ума дело. Пошли.

Клайстра впился глазами в комнату за решеткой. Он увидел современное электронное оборудование. Люди, которые устанавливали его, знали с чем имели дело. На грубом столе стоял микрофон с наушниками, а дальше на рамах располагались печатные схемы, заменявшие конденсаторы, сопротивления, проводники... Клайстра как следует оценил открывшуюся возможность.

— Идем, скорее, — хрипел Жентиль. — Я хочу сохранить свою голову на плечах.

— Сколько нам еще идти? — спросил Нимэстер.

— Несколько шагов. Потом вы увидите вашу женщину. Но, ради Бога, осторожней. Иначе они поймают нас и высосут наши мозги.

— Что? — чуть не взревел Клайстра. Нимэстер схватил его за руку.

— Не спорьте со старым дураком, — шепнул он. — Иначе, мы вообще не найдем ее.

ГЛАВА XVIII
ЧАРЛИ ЛИСИДДЕР

Они шли по коридору, выстланному толстым зеленым ковром, совершенно скрадывавшим звук шагов. Сделали несколько поворотов. Наконец, Жентиль остановился перед тяжелой деревянной дверью. Он затравленно оглянулся, потом привычным, выдававшим большой опыт движением, подобрал рясу, нагнулся и заглянул в замочную скважину.

Затем повернулся к Клайстре.

— Посмотрите. Убедитесь, что это она — и мы пойдем. В любую минуту здесь может появиться Настоятель.

Клайстра сдержал улыбку и тоже заглянул в скважину.

Нэнси. Она сидела на подушках, закинув голову и полузакрыв глаза. На ней была свободная зеленая пижама, волосы были вымыты и расчесаны. Она выглядела так, как будто только что вышла из ванны. Лицо ее было лишено выражения, вернее, это выражение было незнакомо Клайстре.

Левой рукой Клайстра нашел язычок замка, правой вытаскивал ионник.

Толстый Хранитель порядка закричал:

— Отойдите! Отойдите немедленно! Нам надо бежать! — он схватил Клайстру за один из капюшонов.

Клайстра оттолкнул его.

— Нимэстер, держи этого болвана.

Дверь не была заперта. Он распахнул дверь. Глаза Нэнси вспыхнули:

— Клод!

Она медленно поднялась на ноги. Она не кинулась к нему, плача от радости. Она была — Нэнси.

— Что с тобой сделали? — спокойно спросил он.

— Ничего. Я в порядке. — Ее голосу не хватало жизни.

— Пошли у нас мало времени.

Нимэстер держал Жентиля за шиворот в дюйме от пола. Клайстра заглянул в испуганные злобные глаза Служителя.

— Отведи нас к радио. — Ноги Жентиля коснулись пола. Он облегченно закрутил головой и повел их вниз по коридору.

Вниз по лестнице, назад по извилистым проходам. В правой руке Клайстра держал ионник, левой — сжимал руку Нэнси.

Тот же ровный гул.

Клайстра ворвался в комнату. От аппарата поднялся человек в голубом халате.

— Не двигайтесь и вас не тронут, — сказал Клайстра.

Оператор не сводил расширенных глаз с ионника.

— Вы знаете, что это, — сказал Клайстра. — Вы землянин.

— Да. И что из этого?

— Вы установили рацию?

Оператор бросил короткий взгляд на оборудование.

— Ну и что?... Разве что-нибудь неправильно. Чего вы хотите?

— Свяжите меня с Территорией Земли.

— Нет, сэр. Я этого не сделаю. Я дорожу жизнью, мистер. Вызывайте сами. Я не могу удержать вас, у вас пистолет.

Клайстра шагнул вперед. Лицо оператора даже не дрогнуло.

— Станьте к стене, рядом с этим... Нэнси!

— Клод?

— Зайди, стань у стены, не загораживай проход. Не двигайся.

Она медленно вошла и стала там, куда он показал. Внимательно осмотрела комнату. Облизала пересохшие губы, хотела что-то сказать, потом передумала.

Клайстра сел за стол и оглядел рацию. Энергия идет от небольшого источника — обычной батарейки, такие есть во всех магазинах Системы. Он нажал на кнопку с надписью "вкл".

— Какая у них частота?

— Не имею понятия, — ответил оператор.

Клайстра открыл справочник на букву Т. Территория Земли. Официальный код.

— 181 933. На контрольной панели было шесть рукояток. Под первой значилось "0", под второй "10", под третьей "100" и так до шестого порядка. "Очевидно, — подумал Клайстра, — каждая из них обозначает порядок частоты". Он поставил шестую рукоятку на "1", вторую на "8", поднял голову и прислушался.

В коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги, на лице Нэнси было написано отчаяние.

— Тихо, — шепнул Клайстра. Он переключил следующую. "1", "9"...

Дверь распахнулась. В проеме появилось тяжелое смуглое лицо. Жентиль упал на колени.

— Простите! Это не я, меня заставили!

Меркодион кинул через плечо в коридор.

— Внутри. Схватить их.

Клайстра щелкнул рукояткой. "3". Еще одна... Служители вломились в комнату. Нэнси оторвалась от стены, лицо ее было белым бескровным. Она встала на линию огня.

— Нэнси, — крикнул Клайстра. Он поднял свой ионник. Нэнси стояла между ним и настоятелем. — Извини, — прошептал он. — Это больше чем твоя жизнь.

Он нажал на спуск. Фиолетовый свет ударил в белые лица. И погас. Энергия кончилась.

Трое в черных рясах навалились на Клайстру. Он сражался отчаянно и яростно,как реббир. Стол затрещал и опрокинулся, несмотря на усилия оператора, рация рухнула на пол. В тот момент, Нимэстер оглушил своего противника и выскользнул из комнаты. Никто не обратил на это внимания. Клайстра пробивался к двери. Он орудовал кулаками, локтями, коленями. Послушники сбили его с ног, несколько раз ударили по голове и заломили руки за спину.

— Свяжите его хорошенько, — сказал Меркодион. — А потом — в камеру! Они поволокли его по коридорам, вниз по лестнице, вдоль по галерее с видом на оазис.

Черная точка плыла высоко в небе. Из горла Клайстры вырвался радостный крик:

— Аэрокар! Это землянин! — он пытался задержаться у окна. — Земной аэрокар. Да, — улыбнулся Меркодион. — Но не с Земли. Из Гросгарта.

— Грогарт, — прошептал Клайстра. — Только у одного человека в Грогарте может быть аэрокар...

— Именно.

— Знает ли Бэджарнум?...

— Он знает, что вы здесь. Неужели вы думаете, что в его аэрокаре нет радио? — настоятель повернулся к послушникам. — Отведите его в камеру. Я должен встречать Чарли Лисиддера... Следите за этим человеком. Он очень опасен.

Клайстра стоял на середине камеры, усталый и несчастный. Его голова была обрита. Его новая одежда пахла чем-то, напоминавшим виноградный уксус. Подземные камеры Фонтана. Воздух можно было резать ножом. Клайстра старался дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха. Он вздохнул. Странно. Один из компонентов аромата — едкий, приторный, — ему был знаком. Он пытался вспомнить. Ничего не получалось. Каменный пол холодил его босые ноги. Несколько женщин, скорчившихся около стены, беспрерывно стонали. Из соседней комнаты, где шла "подготовка" к откровению, тянуло сквозняком. Сквозь щели в стене проходил не только ветер, но и свет, и звуки работы: шум кипящей воды, треск, бульканье и громкие голоса.

Кто-то глядел на него из коридора через дыру в двери. Глаз моргнул и исчез... Нереальность... Почему он здесь? Эли Пианце повезло — он лежал в мягкой земле под рыжими соснами озера Пеллитанат. Роджеру Фэйну повезло еще больше. Он носит красную нитку бус в ухе и играет в слугу и хозяина.

Это была его слабость. Он очень слаб. Будто часть его человеческого достоинства, часть его мужества сбрили с его волосами... Едкий слабый запах стал еще сильнее. Он был очень знаком...Вербена? Мирра? Розовое масло? Нет. Что-то щелкнуло в голове Клайстры. Зигаге! Он подошел к стене и заглянул в щель.

Прямо перед его глазами кипел котел. Рядом лежали ветки с желтыми плодами. Действительно зигаге. Он с любопытством следил за происходящим. Потный и усталый человек в черных бриджах и с красным шейным платком отобрал пригоршню плодов зигаге и бросил их в котел.

Зигаге! Клайстра отвернулся от щели. Мозг его напряженно работал. Если откровения базируются на зигаге, то

зачем мозговая жидкость? Возможно, просто так, возможно, — это символ мощи оракула. Конечно, тут нет уверенности — но не похоже, чтобы гормоны и мозговая жидкость могли вызвать такие поразительные изменения, которые он наблюдал в Вердикаториуме. Скорее, активным ингридиентом являются зигаге — аналог земных марихуаны, пейотля, опиума, кураре и прочих наркотических зелий. Он подумал о своем личном опыте: резкий подъем сил, затем истощение. Реакция оракула была такая — же, только на ином уровне. Клайстра восстановил в памяти всю сцену. Несчастный перепуганный человек испытал страшные мучения и приобрел блистательный разум и хладнокровие. Это поразительное превращение вытащило на поверхность латентные способности человека. Как действует это зелье? Мысли Клайстры крутились вокруг этого — задача для ученых. "Жаль,— подумал Клайстра, — что человек может достичь такой высокой ступени только на мгновения. Да, это действует как истощение после того, как вдыхаешь дым."... Вдруг он почувствовал пустоту внутри, так как будто часы в его голове перестали тикать. Стив Бишоп не испытал истощения. Бишоп, — он вспомнил состояние Бишопа после того, как тот подышал зигаге — очевидно, привычка глотать витамины предотвратила истощение.

Витамины... Наверное, оракул умер от недостатка витаминов. Тут было о чем подумать. Клайстра медленно ходил кругами по камере. Желтоволосая женщина бессмысленно наблюдала за ним. Остальные плакали.

— Тсс.

Клайстра поглядел на дверь. Сквозь отверстие смотрели злые глаза. Клайстра подошел к двери.

Нимэстер. Его круглое лицо было искажено яростью.

— Ты в тюрьме, — сказал он тихо. — Ты скоро умрешь. Что будет с моим отцом? Твой друг унесет сабли и убьет моего отца, потому что ты так приказал.

"Он прав", — подумал Клайстра. Нимэстер верно служил ему.

— Добудь мне бумагу, — сказал он. — Я напишу Элтону.

Нимэстер просунул в отверстие грязный кусок бумаги и осколок графита.

— Ты что-нибудь слышал о...

— Коромутин сказал,что ты будешь оракулом. Для самого Чарли Лисиддера. Так сказал ему Мудрейший, пока бил его.

— Ты не можешь выкупить меня? — спросил Клайстра. — У меня есть металл — такие же сабли.

Нимэсетр покачал головой.

— Тонна железа ничего не изменит. Этим вечером Меркодион сказал, что сам выжжет твой мозг для Лисиддера.

И тут Клайстра понял, что значат эти слова. Он сжал руки, чтобы они не дрожали.

— Ты не можешь провести Элтона сюда? Получишь еще одну саблю.

— Конечно, — ответил Нимэсетр. — Я смогу... Это смертельный риск, но я проведу его.

— Тогда отнеси ему записку и возвращайтесь скорее.

Теперь звуки и запахи камеры не имели для него значения. Он спокойно ходил взад-вперед, что-то насвистывая про себя. Туда и обратно, туда и обратно, каждый раз всматриваясь в отверстие — когда же появится Элтон?

Внезапный холод пронзил его. Он начал понимать механику заговора против комиссии. После того, как провалился Морватц, после того, как они обогнали второй отряд переправившись через Уст и обрезав воздушную дорогу, им позволили идти в Миртлисс. И все это время, начиная с Болотного острова они шли в заранее поставленную ловушку. Стратегия была ясна. А исполнителем был он сам. А что, если Элтон тоже был частью плана? В этот момент предположение не показалось Клайстре немыслимым.

— Клайстра.

Он поднял глаза, подошел к отверстию. Это был Эса Элтон в одеждах жреца, как всегда спокойный и насмешливый.

— Как идут дела?

Клайстра прижал лицо к двери.

— Ты принес? — прошептал он.

Элтон передал ему пакет.

— Что теперь?

Клайстра невесело улыбнулся.

— Не знаю. На твоем месте я бы отправился в Кристиендэйл. Тебе нечего здесь делать.

— Ты мне еще не объяснил, что собираешься делать с витаминами.

— Съесть.

— Ты не болен? — удивился Элтон.

— Нет. Но у меня есть блестящая идея.

Элтон чем-то зашуршал.

— Я мог бы пробить дыру в стене...

— При первом звуке сюда сбежится полхрама. Иди обратно к оружейнику. Ждите до утра.Если я не вернусь на заре, я не вернусь вообще.

— В моем магазине есть еще два заряда, — тихо сказал Элтон. У меня есть слабая надежда, — Клайстра видел как блеснули глаза инженера, — повстречать здесь кое-кого.

— Я не могу поверить в это, — сказал Клайстра, хрипя внезапно пересохшим горлом.

Элтон молчал.

— Она не убивала Бишопа. Я не уверен, это был несчастный случай... Или он хотел остановить ее.

— Твоя точка зрения не имеет значения, ее роль от этого не меняется. Погибло четверо хороших людей — Бишоп, Пианца, Деррот,Кетч. Валюссер не в счет, он получил по заслугам. Я долго наблюдал за ней — фактически, с того момента, как она присоединилась к нашему маленькому клубу самоубийц.

Клайстра коротко хохотнул.

— Я не думал, что она, — он не смог закончить.

— Я не знаю, — кивнул Элтон. — Единственное, что я могу сказать в ее пользу: она тоже славила свою жизнь, и ей повезло. Теперь она там, — он поднял палец, — а ты здесь. Боже правый, что за дыра? Что они там варят?

— Видишь ли, — мирно сказал Клайстра, они выцеживают из людей мозговую жидкость, смешивают с зигаге и вводят оракулу. Это действует на оракула примерно так же, как дым на солдат Бьюджелэйса только в тысячу раз сильнее.

— И оракулы гибнут.

— Как мухи.

— Сегодня на очереди ты.

Клайстра подбросил в воздух пакет, принесенный Элтоном.

— У меня есть эта штука. Я не знаю, что произойдет. С этого момента я играю на слух, и, — добавил он, —

возможно,я ошибаюсь, но события этим вечером могут принять очень интересный и совершенно непредвиденный оборот. В общем, я не беспокоюсь.

Рядом с Элтоном появился Нимэстер.

— Идем, по лестнице спускается префект. Скорее!

Клайстра плотнее прижался к отверстию.

— Счастливо, Эса.

Элтон небрежно помахал ему рукой.

ГЛАВА XIX
МУДРОСТЬ ЛИСИДДЕРА

Солнце садилось за деревья Фонтана Миртлисса. Высоко в небе проплывали золотистые облака. С востока, где ночь уже опустилась на поля, города и замки, наплывали сумерки.

У восточного края храма стоял мраморный павильон, соединенный колоннадой с основным зданием. Он стоял на середине пруда. Вода светилась в сумерках и в ней перекрещивались черные ветки деревьев. Из дверей храма вышло четверо молодых людей с факелами. Все они были высокими и тонкими, длинные белокурые волосы заплетены во множество мелких косичек. Они были одеты в роскошные ливреи, украшенные драгоценными камнями. Юноши поставили факелы на подставки из черного дерева и вернулись в храм. Через несколько минут шестеро мужчин в черных килтах принесли квадратный стол, который поставили в центре павильона. Юноши в ливреях принесли стулья. Люди в черных юбках ушли.

Юноши накрыли стол богато расшитой скатертью. В центр стола поставили миниатюрную копию Миртлисского Фонтана со всеми деталями — вплоть до павиона, стола в павильоне и пятерых людей, сидящих за столом. Бутылки с вином поставили на лед. Стол украсили хрустальные вазы с фруктами, сушеными насекомыми, блюда с пирогами, пирожками и пирожными. Затем лакеи замерли вместе с факелами.

Шли минуты. Сумерки сменились ночью. Мерцали звезды. Через колоннаду пронесся мягкий, теплый бриз,

играя с пламенем факелов. Со стороны храма зазвучали голоса. В колоннаду вошли Меркодион, Высокий Настоятель, Декан Фонтана Миртлисса и Чарли Лисиддер, Бэджарнум Бьюджулэйса. Меркодион был в своих парадных одеждах, украшенных жемчугами и металлами. Бэджарнум был в сером комбинезоне, темной куртке и высоких сапогах.

За ними шли Мудрейший и два дворянина из свиты Лисиддера. Лисиддер с одобрением посмотрел на накрытый стол и застывших, как статуи, юношей и уселся.

Разлили вино, подали еду. Чарли Лисиддер был в отличном настроении и все присутствующие смеялись его шуткам. Когда за столом возникало молчание, стоявшая в углу девушка начинала наигрывать на флейте, немедленно замолкая, если кто-то возобновлял разговор.

— Ну, а теперь, — сказал Бэджарнум, — перейдем к нашему оракулу. Клоду Клайстре. Честно говоря, я планировал допросить его под пыткой, но ваш вариант облегчает всех заинтересованных сторон. Он человек больших знаний и опыта, ему будет чем поделиться.

— Жаль, что мы так недолго сможем черпать из этого источника знаний. — Вы должны всерьез заняться проблемой продления жизни ваших оракулов, Меркодион. Теперешнее положение меня не удовлетворяет.

Настоятель склонил голову.

— Все будет согласно вашим желаниям... А теперь я прикажу приготовить оракула и мы перейдем в зал.

Зал был заполнен толпой перешептывающихся жрецов. По обычаю жрецы снимали капюшоны на ночь. Их заменяли белые повязки, верхняя, охватывающая лоб и часть щек и нижняя, спускающаяся по груди. Открытыми оставались только глаза.

Жрецы немного пели церемониальные гимны. Двенадцать хоров — каждый у своей стены — сливали голоса в сложной полифонии.

Бэджарнум, Меркодион и их свита вошли в зал и уселись на длинной скамье перед креслом оракула. Из боковой двери вышла девушка со строгим лицом и облаком золотых волос. На ней были серые брюки и серо-зеленая свободная блуза. На мгновение она остановилась, потом медленно пересекла зал. Единственная женщина среди сотен

мужчин, жаворонок среди воронов. Все глаза следили за ней.

Она остановилась рядом с Бэджарнумом, посмотрела на него со странным, ищущим выражением. Меркодион вежливо поклонился. Лисиддер холодно улыбнулся.

— Садись.

Лицо девушки снова стало пустым и холодным. Она села рядом с Бэджарнумом. Зрители отреагировали на это шепотом, гулом, шорохом ряс. По слухам, женщина была новой служанкой Настоятеля. На нее бросали испытывающие взгляды и тут же отводили глаза — смертельным холодом, чем-то спокойным и беспощадным веяло от нее.

Последний печальный звук прозвенел и угас в огромном зале. Бэджарнум, казалось, только что заметивший присутствие жрецов, недовольно пробормотал что-то Настоятелю. Тот кивнул и встал:

— Всем выйти. Немедленно.

Недовольно бормоча, белые, черные и серебристые рясы вылились из зала. Теперь он был пуст и незаметное раньше эхо сопровождало каждый звук. Звон гонга огласил приближение оракула. Справа и слева от него стояли два префекта, позади шел Вводящий в торжественном одеянии.

Оракул был облачен в красные и серые шелка, лицо его закрывала вуаль. Он шел медленно, но без колебаний. У постамента он остановился и префекты подняли его в кресло.

Тишина в зале была тишиной ледяной пещеры. Ни шепота, ни звука, ни дыхания. Даже ветер стих.

Префекты взяли оракула за руки, Вводящий шагнул вперед, вынул шприц, поднял его.

Настоятель вскочил и хрипло сказал:

— Стойте!

— Да, Настоятель?

— Снимите вуаль, Бэджарнум хочет видеть его лицо. Префект заколебался, затем поднял руку и осторожно потянул белую ткань. Оракул поглядел в глаза Бэджарнума.

— По-моему, это мой старый приятель Артур Хиддерс, торговец кожами. Бэджарнум покачал головой.

— Меня обычно зовут Чарли Лисиддер. А вы нервничаете, Клайстра. Клод Клайстра резко рассмеялся. Огром-

ная доза витаминов амино- и нуклеиновых кислот сильно разрегулировала его двигательную систему.

— Вы оказываете мне честь, какой я едва ли достоин...

— Поглядим, — очень легко сказал Бэджарнум.

Клайстра посмотрел на Нэнси. На мгновение она встретилась с ним взглядом, потом отвернулась. Рядом с человеком, которого он знал, как Артура Хиддерса, Нэнси приобретала новые черты. Очень знакомые черты.

— Сестра Благодеяния! — воскликнул Клайстра.

— Хороший ход, не правда ли? — кивнул Лисиддер.

— Хороший... — но зачем?

— Торговец кожами может спокойно собрать достаточно денег, чтобы оплатить паломничество на Мать-Землю, но вряд ли он станет брать с собой свою молодую талантливую секретаршу.

— Талантливую — это правда.

Лисиддер повернулся и с одобрением посмотрел на Нэнси.

— Мне, право, жаль, что она стала орудием в политической игре, она достойна лучшего... Но этот болван Эббиджженс разбил корабль слишком далеко от Гросгарда и у меня никого не было под рукой. Да, жаль, теперь ей придется искать другого покровителя. — Он бросил веселый взгляд на Меркодиона. — Ей не придется искать долго, не так ли, Настоятель?

Меркодион вспыхнул и сердито посмотрел на Лисиддера.

— Мои вкусы в некоторых областях не менее изысканы, чем ваши, Бэджарнум.

Лисиддер откинулся на спинку кресла.

— Не имеет значения. Для нее найдется работа в Гросгарте. Давайте займемся предсказанием.

Меркодион махнул рукой.

— Продолжайте.

Вводящий поднял шприц.

Игла глубоко вошла в шею Клайстры. Он почувствовал давление, резкую боль.

Префекты крепко прижали его к ручкам кресла. Он заметил, что Нэнси смотрит в пол. Бэджарнум Бьюджулэйса наблюдал за процедурой с неподдельным интересом.

Огромная темная ладонь опустилась на мозг Клайстры. Его тело стремительно росло: руки достигли двадцатифу-

товой длины, ноги стали подножием утеса, глаза — огромными окнами, ведущими в мир. Голос Бэджарнума звучал как шепот в подземной пещере.

— Ага. Он корчится. Началось.

Префекты продолжали сжимать руки Клайстры.

— Посмотрите, — весело сказал Бэджарнум. — Смотрите, как он извивается. Он причинил мне массу беспокойства. Теперь он платит за все. Но Клайстра не ощущал боли. Он потерял чувствительность. Он снова переживал свою жизнь — от первого крика до нынешнего момента — каждую деталь, каждое мгновение. Он следил за собственной жизнью, как опытный садовник за ростом дерева. И каждый раз, обнаруживая ошибку, непонимание, прокол, он восстанавливал реальный ход событий, стирая туман, доселе заполнявший его мозг.

Детство, юность на Земле, учеба на планетах Системы. Большая Планета, растущая в иллюминаторе, крушение на Великом склоне под Джубилитом, решение идти на восток. Он отследил свой маршрут через Тсаломбаррский лес, Земли кочевников, Эдельвейс, Уст, Болотный остров, по монорельсу до Гибернской Марки Кристиендэйла, через пустыню к Фонтану Миртлисса. Он ворвался в настоящее как поезд из тунеля. Он был более в сознании, чем когда-либо. Опыт своей жизни, тщательно разобранный, рассортированный и разложенный по полочкам был к его услугам.

— Его мозг чист. Теперь вы должны торопиться — через пять минут его силы истощатся и он умрет.

Клайстра открыл глаза. Его тело было одновременно горячим и холодным. Его чувства обострились в несколько раз. Он ощущал в себе страшную, переполнявшую организм силу.

Клайстра оглядел зал, встревоженных людей перед собой. Они были жертвами, рабами собственных недостатков. На белом лице Нэнси жили только глаза. Клайстра видел ее, как она есть, проникал в ее молитвы.

— Он выглядит вполне счастливым, — разочарованно сказал Бэджарнум.

— Это обычное состояние, — ответил Меркодион. — На первых порах, все они чувствуют себя прекрасно. Потом умирают. Торопитесь, Бэджарнум, торопитесь, если хотите что-то узнать.

— Кого мне надо подкупить, чтобы брать оружие непосредственно у Комитета Контроля над Вооружением? — громко спросил Чарли Лисиддер. Клайстра смотрел вниз на Бэджарнума, на Меркодиона, на Нэнси. Все это было поразительно смешно и он с трудом сдерживал себя.

Бэджарнум настойчиво повторял вопрос.

— Попробуйте с Аланом Марклоу, — сказал Клайстра, будто открывая страшную тайну.

Бэджарнум против своей воли наклонился вперед:

— Марклоу! Председатель Комитета? — Бэджарнум снова откинулся на подушки полуудивленный, полурассерженный. — Итак, Алана Марклоу можно купить. Черт бы побрал этого святейшего негодяя!

— С таким же успехом, как и остальных членов Комитета, — сказал Клайстра. — Единственное, что заставляет меня остановиться на кандидатуре, то соображение, что всегда легче купить босса, чем возиться с его командой.

Бэджарнум удивленно поднял брови. Настоятель заворочался на скамье.

— Как я понимаю, — сказал Клайстра, — вам нужно оружие, чтобы расширить вашу империю, не так ли?

— Именно, — едко ответил Бэджарнум.

— А зачем?

Меркодион вскочил на ноги, собираясь что-то сказать, потом передумал и сел, сжав губы в тонкую линию.

— Я хочу покрыть себя славой, сделать Гросгарт столицей планеты и покарать своих врагов, — сформулировал Лисиддер.

— Смешно и безнадежно.

Лисиддер был невозмутим. Он повернулся к дрожащему от ярости Настоятелю.

— И так всегда?

— Первый случай, — прохрипел Настоятель. Он больше не мог сдержать себя, вскочил и взмахнул рукой.

— Отвечай прямо! Что ты за оракул, если ты споришь, крутишь, и противишься зелью мудрости. Приказываю тебе говорить по существу, ибо ты скоро умрешь, а Бэджарнуму нужны знания.

— Вероятно мой вопрос был... неточен, — спокойно сказал Бэджарнум. Он повернулся к Клайстре. — Каков наиболее простой способ добыть оружие по низкой цене?

— Присоединитесь к Патрулю. Вам бесплатно выдадут вибронож и ионник.

Меркодион подавил ругательство. Бэджарнум покачал головой. Допрос шел как-то не так. Он попробовал в третий раз.

— Собирается ли Земля объединить Большую Планету?

— Сильно сомневаюсь, — совершенно честно ответил Клайстра. Земля не собиралась. Он подумал, что уже пора осесть в кресле.

— Совершенно не удовлетворительно, — рявкнул Меркодион.

Лисиддер закусил губу и внимательно разглядывал Клайстру. Глаза Нэнси были пустыми, несмотря на свои новые способности, Клайстра не мог прочесть ее мысли.

— Еще вопрос, — сказал Бэджарнум, — как могу я продлить свою жизнь. Только страшным усилием смог Клайстра удержаться от улыбки. Он сказал усталым слабым голосом:

— Позволь служителям накачать тебя по уши, зигаге, как меня.

— Черт! — плюнул Меркодион. — Он невыносим! Если бы он не был на три четверти мертв, я бы убил его собственными руками... О да!

В этот момент Клайстра остановил дыхание.

Отнесите падаль в хранилище, — проревел Меркодион. — Это была ошибка Бэджарнум. — Интересно, что он имел в виду?

— Это был бред.

Префекты вынесли тело из зала.

— Странно, — сказал Лисиддер. — Он выглядел вполне здоровым, как человек очень далекий от смерти... Что же он хотел сказать?

Человек крался через ночь, человек от которого пахло смертью. Он пробрался через виноградник Зелло, нырнул в темную аллею, вышел на улицу.

Никого. Прижимаясь к стене, тень среди теней, он торопился к дому оружейника.

Сквозь шторы пробивался желтоватый свет. Он постучал. Нимэстер открыл дверь и застыл с открытым ртом. Из комнаты вышел другой человек — Элтон, подозрительно глянув на пришельца...

— Клод... — Выдавил он, — ты...

— У нас мало времени, — сказал Клайстра. — И я хочу принять ванну. Элтон кивнул.

— Это тебе явно необходимо, — он повернулся к Нимэстеру. — Ванну. И что-нибудь из одежды.

Нимэстер послушно кивнул.

— Они отнесли меня на ледник. Когда пришел смотритель, я вылез и он упал в обморок. Я переоделся в его костюм и выбрался через стену.

— Они сделали тебе инъекцию этой гадости?

— Это интересный опыт, — кивнул Клайстра. Уже из ванны он дал Элтону и Нимэстеру полный отчет о событиях в храме.

— И что теперь? — спросил Элтон.

— Теперь мы доберемся до Лисиддера.

Через полчаса они разглядывали мраморный дворик, где стоял аэрокар Бэджарнума. Прислонившись к машине, стоял человек в красной тунике и высоких сапогах. На боку у него висел ионник.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Клайстра.

— Я не могу управлять им, — ответил Элтон, если попаду внутрь... — Хорошо. Я зайду часовому в спину, а ты отвлечешь его внимание.

Клайстра исчез.

Элтон подождал две минуты, а потом вышел из кустов, поднимая свой ионник.

— Не двигаться! — приказал он.

Часовой раздраженно заговорил:

— Какого черта... — но тут позади него появился Клайстра. Глухой звук и часовой упал наземь. Клайстра протянул его оружие Элтону.

— Летим, — сказал он.

Под ними проплывал Фонтан Миртлисса. Клайстра весело рассмеялся.

— Мы свободны, Эса, мы сделали это!

Элтон поглядел на землю внизу.

— Не поверю, пока не увижу Территорию Земли.

— Территорию Земли? — удивился Клайстра.

— Ты предлагаешь лететь в Гросгарт? — осведомился Элтон.

— Нет. Но подумай. Чарли Лисиддер сидит в Миртлиссе без аэрокара, без связи...

— А монорельс? — спросил Элтон. — Он поедет по монорельсу. И там мы его возьмем.

— Легче сказать, чем сделать. Он будет вооружен до зубов.

— Не сомневаюсь. Он может послать человека в Гросгарт, если у него есть второй аэрокар. Мы проверим. Есть место где монорельс проходит под обрывом, мы там и засядем.

— Я бы не играл с судьбой, — сказал Элтон.

— Мы не нуждаемся в удаче. Мы больше не жалкие беглецы, какими были. Мы знаем, что делаем. Раньше Бэджарнум охотился на нас, а теперь мы на него. Вот здесь... — показал Клайстра. — Этот обрыв. Устроимся наверху и подождем. Рано утром увидим, если увидим вообще, Чарли Лисиддера несущегося домой на всех парусах.

ГЛАВА XX
ВАКАНСИЯ В БЬЮДЖУЛЭЙСЕ

Через два часа после рассвета с востока появились белые паруса.

— Это Бэджарнум, — с удовлетворением сказал Клайстра.

Тележка приближалась, слегка покачиваясь на ветру. Это был длинный грузовик с двумя латинскими парусами. Он плыл по воздуху как белый лебедь.

Со скрипом колес и шорохом парусов воздушный корабль скользнул мимо землян. На платформе стояли четверо: Чарли Лисиддер, двое аристократов из его свиты — и Нэнси.

Клайстра следил взглядом за удаляющимся грузовиком.

— Какие нахмуренные лица...

— У них у всех ионники, — ответил Элтон. — До них будет трудно добраться.

— Я не собираюсь добираться до них. — Клайстра встал и направился к аэрокару.

— Поскольку я следую за тобой, я хотел бы знать, что у тебя на уме, — с легким раздражением сказал Элтон. — А что до моего мнения, то мне кажется, что ты со своим суперменством слишком далеко заходишь.

— Я что действительно произвожу такое впечатление? — остановился Клайстра. Он задумчиво поглядел на серую пустыню, на зеленый остров Миртлисса. — Наверное, это нормальная реакция психики на такой тяжелый шок.

— Что ты называешь нормальной реакцией?

— Интраверсию. Эгоцентризм, — он вздохнул. — Понимаешь, я все время пытаюсь собрать себя из кусочков.

— Наверное, мне тоже неплохо бы глотнуть этой отравы.

— Я тоже об этом подумал. Но сейчас — давай поймаем Лисиддера. Клайстра скользнул на сидение аэрокара.

Они летели на запад, над черными обсидиановыми скалами, над холмами белого песка, над скалистой равниной, перевалили через огромный утес. Монорельс, тянущийся к вершине утеса казался тоненькой паутинкой в небе. Клайстра повернул на восток, поднялся на милю над нижней платформой и причалил к одной из промежуточных станций.

— А теперь мы нарушим первую заповедь Озрика — перережем линию. Нам нужно расстояние в сотню футов — веревки между двумя станциями будет достаточно.

Они перерезали линию и закрепили веревку так, что роль нижней платформы монорельса теперь выполнял аэрокар.

— Они будут здесь через час, — сказал Клайстра. — Или скорее, если ветер усилится.

Время шло. Федра, огромная и рыжая, висела в темно-голубом небе Большой Планеты. Насекомые, напоминающие сказочных драконов, мелькали в серых ветвях деревьев. В скалах грелись на солнышке розовые круглые жабы с глазами на антеннах. На вершине утеса появилось белое пятно.

— Они, — сказал Элтон.

— Смертельный номер, — кивнул Клайстра.

Белое пятно перевалило утес и начало спускаться.

— Хотел бы я видеть лицо Бэджарнума, — улыбнулся Клайстра.

Он нажал на рычаг, аэрокар вынырнул из-под платформы и поднялся вверх — на уровень вершины утеса. Тележка скатилась на нижнюю точку линии и беспомощно

повисла там. Четыре темных точки — пассажиры монорельса, испуганные, неуверенные, непонимающие.

Клайстра подлетел к вершине и приземлился на верхней платформе. Он аккуратно закрепил прочную болотную веревку на носу аэрокара и так же тщательно привязал ее к линии монорельса. А затем обрезал линию выше узла. Теперь тележка вместе с четырьмя ее пассажирами висела в воздухе под аэрокаром.

Клайстра поглядел вниз.

— Вот мы и поймали Бэджарнума Бьюджулэйса, находясь в сотне ярдов от него и его оружия.

— Но оружие все еще у него, — заметил Элтон. — И он сможет использовать его как только мы сядем — даже если мы довезем его до Территории Земли.

— Я подумал об этом. Небольшое купание в озере охладит ярость Лисиддера и разрядит магазины его пистолетов.

Лицо стоящего на песчаном берегу Бэджарнума было бледным и напряженным. Его глаза блестели как ртуть, но он не смотрел ни вправо, ни влево. Его придворные каким-то образом ухитрялись сохранять свое достоинство, несмотря на воду, хлюпавшую в ботинках. Волосы Нэнси прилипли к щекам. Лицо ее напоминало мраморную маску. Она сидела на песке, дрожа и стуча зубами от холода.

Клайстра протянул ей свой плащ. Она завернулась в него, отошла в сторону и стала снимать свою промокшую одежду.

Клайстра все еще сжимал ионник.

— По одному заходите в машину. Элтон обыщет вас на предмет ножей, кастетов и прочих средств аргументации. — Он кивнул Бэджарнуму. — Вы первый.

Один за другим пленники проходили мимо Элтона. Получилось три кривых сабли, четыре севших ионника и маленький пульверизатор черт знает с чем, отобранный на всякий случай.

— В хвост аэрокара, — приказал Клайстра. — Загони их как можно дальше, Элтон.

Голос Бэджарнума был мягок и спокоен:

— Вы ответите за это, Клайстра, даже если мне придется гоняться за вами всю жизнь.

— Чушь. Вас ослепляет ярость, — рассмеялся Клайстра. — Позже вы поймете, что отвечать придется за сотни тысяч мужчин, женщин и детей, проданных в космос.

— Откуда вы взяли эту цифру? — удивленно спросил Лисиддер.

— Ладно, все равно. Тысяча или сотня тысяч, суть преступления не меняется.

Клайстра сел в кресло рядом с пилотским и развернул его, чтобы наблюдать за пленниками. Эмоции Лисиддера были ясны — холодная ярость, тщательно скрываемая под маской насмешливого спокойствия.

Оба аристократа были одинаково угрюмы и встревожены. Нэнси? Ее лицо казалось спокойным, мысли блуждали где-то далеко. Клайстра не чувствовал в ней ни злости, ни сомнений, ни страха. Ее лоб был чист, и такой же четкой и чистой была линия рта. Полуприщуренные глаза смотрели твердо почти весело.

"Только что, — подумал Клайстра, — кончилось раздвоение личности. До сих пор она боролась с собой. Теперь ее подхватил поток, превышающий ее силы — она расслабилась и поплыла по течению. Она чувствует вину, знает что ее ожидает наказание. Она подчинилась."

Он повернулся к Элтону.

— Поехали. Ты сможешь найти Территорию?

— Надеюсь, — он нажал на педаль. — Пойдем по радиомаяку, как только выберемся в их полушарие.

— Хорошо.

Аэрокар поднялся в воздух и полетел на запад. Озеро осталось далеко позади.

Лисиддер сосредоточенно выжимал воду из плаща. Он успокоился и в глазах его больше не было злобы.

— Я думаю, вы здорово ошиблись, Клод Клайстра. Я действительно продал нескольких умиравших от голода бродяг, чтобы положить конец голоду. Средство, конечно, не из лучших, но разве люди не погибали на Земле до ее объединения?

— То есть вы хотите объединить Большую Планету?

— Да.

— И с какой целью?

— О дьявол! Ну кто-то должен навести во всем этом минимум порядка!

— Никакого порядка у вас не получилось бы — сами знаете. Большую Планету нельзя объединить путем завоеваний. По крайней мере, не бьюджулэйсским солдатам, посаженным на зипанготов и не в течение вашей жизни. Я сомневаюсь, чтобы вас интересовал мир и порядок. Вы использовали свою армию, чтобы оккупировать Вэйли и Глэйтри, маленькие тихие фермерские общины. А реббиры и цыгане грабят и убивают как хотят.

Нэнси с удивлением поглядела на Бэджарнума. Чарли Лисиддер потер подбородок.

— Нет, — сказал Клайстра, — причиной завоеваний на самом деле являются ваше честолюбие и эгоизм. Вы просто Этмэн Бич Божий, только руки моете.

— Слова, слова, слова... — улыбнулся Лисиддер. — Комиссии приходят и уходят. Большая Планета остается как была. И все дела землян исчезают как круги на воде.

— Не эта комиссия. Я принял руководство только тогда, когда мне гарантировали всю полноту власти. Я не советую, а приказываю.

Бэджарнум все еще держался.

— Немного осталось от вашей полномочной комиссии. Да, кстати, что вы собираетесь делать?

— Не знаю. У меня есть идеи, но нет программы. Во всяком случае с убийствами и работорговлей надо кончать.

— Ну да, — кивнул Бэджарнум. — Вы вызовете военные корабли, перебьете цыган, реббиров, вообще, всех кочевников на Планете и построите империю земного типа, там где я строил бы империю Бьюджулейса.

— Нет, — сказал Клайстра. — Вы совершенно не улавливаете сути проблемы. Людям Большой Планеты нельзя навязать объединение. С таким же успехом вы можете создать Федерацию, объединив муравьев, слонов, мартышек и белых медведей. Пройдут тысячи лет, прежде, чем здесь образуется единое государство. В случае вмешательства Земли, управление Большой Планетой будет почти таким же тираническим и бессмысленным, как и в вашей Бьюджулэйсской Империи.

— Так что же вы планируете?

— Региональная организация, местные силы самообороны...

— И прочий земной идеализм, — фыркнул Лисиддер. — Через пять лет ваши мировые судьи будут куплены с по-

трохами, а ваша полиция превратится в бандитов или, что еще вероятнее, в завоевателей.

— Да, это возможно, — признался Клайстра. — Здесь мы должны быть очень осторожны.

Он поглядел в окно на залитую солнцем землю Большой Планеты. Леса, зеленые горы, уже обжитые долины, широкие реки, бесконечные равнины, поросшие вереском и высокой травой.

Он услышал подавленный крик и резко обернулся. Двое аристократов в красных туниках стояли, готовые наброситься на него. Он поднял ионник и они вернулись на место. Лисиддер прошипел что-то, чего Клайстра не расслышал. Нэнси прижалась к борту машины.

Десять минут напряженного молчания. Потом Бэджарнум спросил: — И что, в свете сказанного, вы собираетесь делать с нами? Клайстра снова посмотрел в окно.

— Разрешите, я отвечу вам через несколько часов. Они пересекли море, с пригоршней мелких островов, серую пустыню, горный хребет, ощетинившийся белыми пиками. Над холмистой равниной, покрытой виноградниками Клайстра сказал:

— Мы пролетели достаточно. Садись, Эса.

Аэрокар коснулся земли.

Клайстра увидел, как напряглись мышцы Лисиддера. Бэджарнум готовился драться, но голос его был ровен:

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего. Отпустить вас. Если хотите, попытайтесь вернуться в Гросгарт. Сомневаюсь, что вы дойдете. Если вы останетесь здесь, вам придется зарабатывать себе на хлеб — худшего наказания для вас я не могу придумать.

Лисиддер и оба аристократа осторожно вышли в яркий полдень. Нэнси отшатнулась назад. Лисиддер сердито взглянул на нее.

— Нам будет о чем поговорить.

Нэнси отчаянно поглядела на Клайстру.

— Вы не могли бы высадить меня в другом месте?...

Клайстра закрыл дверь.

— Взлет, Эса. Я тебя вообще не собираюсь высаживать.

Чарли Лисиддер и двое его спутников превратились в маленькие, кукольные фигурки. Застывшие, неподвижные, они наблюдали за набирающим высоту аэрокаром. Лисид-

дер, уже не сдерживая ярости, поднял кулак и прокричал что-то нелестное. Но слов уже не было слышно. Клайстра улыбнулся.

— Похоже в Бьюджулэйсе образовалась вакансия. Элтон, тебе нужна работа?

— Из меня получился бы приличный король. Надо будет подумать. Ты знаешь, — сказал Элтон, — я всегда хотел стать феодалом в стране, где делают хорошее вино... Ладно, вноси меня в список.

— Должность твоя, и если мне нужно сказать еще что-то, а мне нужно...

— Спасибо. Моим первым ордонансом будет отмена всей этой мерзости — Фонтана Миртлисса. Или моя империя туда не доходит?

— Если тебе так нужен Фонтан, тебе придется взять и пустыню Палари и реббиров в придачу.

— И навести переправу через Уст, — добавил Элтон. — Но это я уже один раз делал.

Большая Планета проплывала под ними, леса, реки, поля. В какой-то момент Клайстра понял, что больше не может игнорировать молчащую фигурку в хвосте машины. Он отошел от приборной доски и сел рядом с ней.

— Ну, насколько я понимаю... — неуверенно сказал он, — мне хотелось бы верить, что ты была невольной помощницей, и я вижу, что... Она прервала его. Теперь ее голос был низким и страстным.

— Я никогда не смогла бы заставить тебя поверить, что мы стремимся к той же цели.

Клайстра печально улыбнулся, вспомнив их путешествие на восток. Дэррот, Кетч, Пианца, Бишоп — мертвы, если не от ее руки, то при ее участии.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она, — дай мне договорить, потом можешь высадить меня где угодно, хоть посреди океана.

Цыгане сожгли мой дом и мою семью, — продолжала она. — Я уже рассказывала тебе. Все это правда. Я пришла в Гросгарт. Чарли Лисиддер увидел меня на Празднике Лета. Он звал к крестовому походу против внешнего мира, я думала, что мы можем сделать жизнь безопасной, уничтожить таких как цыгане. Он пригласил меня на службу, я дала согласие. Может ли девушка отказать им-

ператору? Он взял меня на Землю, по дороге обратно мы узнали о ваших планах. Вы собирались уничтожить Чарли Лисиддера. Я ненавидела землян. Они жили в мире и безопасности, когда нас — а в нас тоже земная кровь — пытали, грабили, убивали. Почему они не помогли нам?

Клайстра попытался заговорить, но она не дала ему.

— Я знаю, что ты скажешь: Земля может править только ограниченной частью пространства, тот кто пересекает границу отказывается от безопасности ради независимости. Может быть, это было так для первых поселенцев, но жестоко наказывать детей за беспечность отцов и позволять им страдать вечно... И мало того, что вы не хотели помочь, вы собирались уничтожить единственного человека, который пытался хоть что-то делать — я говорю о Лисиддере. Это причиняло мне боль, потому что, — она бросила на него быстрый взгляд, — я полюбила тебя и должна была уничтожить вас.

— Почему ты не сделала этого? — спросил Клайстра.

— Не могла... Мне было очень плохо... Не понимаю, почему вы не заподозрили меня.

— Когда я вспоминаю, — сказать Клайстра. — Мне кажется, что я все время знал, но не мог заставить себя поверить. Сотни случаев. Например, когда солдаты Морватца связали нас, ты не решались освободить нас, пока не стало ясно, что солдаты мертвы и приближаются цыгане. Ты сказала, что насекомые Миртлисса поют как птицы. На Большой Планете нет птиц. А когда погиб Бишоп...

— Я не знала об этом. Я пыталась незаметно войти в храм. Он пошел за мной, стражники убили его и забрали голову.

— А Пианца?

Она покачала головой.

— Он был уже мертв. Я не дала им убить всех остальных. Но я позволила забрать тележки, я думала, что мы вернемся в Кристиендэйл и заживем мирно и счастливо... — губы ее дрогнули, — ты не веришь ни единому моему слову.

— Наоборот. Каждому. Хотел бы я обладать таким же мужеством.

От приборной доски донесся голос Элтона.

— Вы отвлекаете меня, мешаете вести машину. Обнимитесь и кончайте эту ерунду.

Клайстра и Нэнси сидели молча. Потом Клайстра сказал.

— У нас масса незаконченных дел... Кстати, на обратном пути надо будет завернуть в Кристиендэйл и проследить, чтобы наш экипаж тащил именно сэр Роджер Фэйн.

— Я поеду с вами, — сказал Элтон. — И возьму большой кнут.

СОДЕРЖАНИЕ

Умирающая Земля. *Роман.* 5
Переводчик А. Черноморский

Машина смерти. *Роман.* 153
Переводчик Ю. Пузан

Глаза Верхнего мира. *Роман.* 341
Переводчик А. Черноморский

Большая планета. *Роман.* 511
Переводчик Е. Михайлик

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 17

ВЕНС Джек

ПОМИРАЮЧА ЗЕМЛЯ
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Редактори *О.Бурсук, Т.Продан*
Художник *Н.Ширяєва*
Художній редактор *О.Шамрай*
Коректор *Г.Коровниченко*
Комп'ютерна верстка *О.Яцук*
Комп'ютерний дизайн *Н.Паничевої*

Здано до набору 12.08.95. Підписано до друку 15.12.94.
Формат 84x108/32. Папір книжково-журнальний.
Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 33,60.
Умов.фарб.-відб. 33,78. Обл.-вид.арк. 33,83.
Замовлення №4-656.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42.

ОП "Київська книжкова фабрика",
252054, Київ-54, вул. Воровського, 24.

МСП "АЛЬТЕРПРЕСС"
предлагает новые книги
из серии

"Зал славы зарубежной фантастики"

Кордвейнер Смит "ПОКУПАТЕЛЬ ПЛАНЕТ"

Мир произведений К.Смита — это мир далекого будущего, мир, в котором живут люди-кошки, люди-черепахи, люди-медведи, где киты и медузы летают, а кораллы растут на воздухе, мир, в котором создан эликсир вечной жизни, мир, овладевший тайной мгновенных межзвездных перемещений, мир, удивительный и понятный, забавный и трагичный.

В книгу войдет роман *"Покупатель планет"*, повести *"Подвиг и преступление капитана Суздаля"*, *"Бульвар Альфа Ральфа"*, *"Планета Шеол"* и другие повести и рассказы.

Джон Джейкс "ВРАТА ВРЕМЕНИ"

Творчество Джона Джейкса будет представлено романами *"Гибрид"*, *"Планета Шестизарядного пистолета"*, *"Тайны далекой звезды"*, *"Врата времени"*.

Читателей ожидают встреча с космическим будущим, вечная борьба света и тьмы, любовь и ненависть.

По вопросам оптовых закупок и бартера обращаться по телефонам:
441 67 32
441 67 29
факс: (044) 446 98 97